ISSN 1810-1909

ВестниК
ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2017

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор
А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора
Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии
Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)
Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)
С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)
Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)
Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)
А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)
Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)
Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)
Й. Луутонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)
Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)
С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)
О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)
А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)
О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь
Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm

© Вестник Чувашского университета, 2017

ISSN 1810-1909

VestniK
CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 4 2017

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief
A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board
L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)
T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)
S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)
E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)
A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)
I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)
T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)
N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)
J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)
E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)
S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)
S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)
O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)
L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)
O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor
N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm

© Vestnik Chuvashskogo Universiteta, 2017

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)

М.Н. АВТУШЕНКО

К ВОПРОСУ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ГРЕЧЕСКОМ ТОПОНИМЕ УСТЬ-БЕЛЬБЕКСКОГО ГОРОДИЩА

Ключевые слова: *Усть-Бельбекское городище, Авлита, Бельбек, княжество Феодоро, Сары-кермен, Крым, Севастополь.*

Рассматривается вопрос о локализации и греческом топониме Усть-Бельбекского городища. На основании анализа портоланов и географических карт XVIII–XIX вв., а также исторических источников делается вывод о локализации Усть-Бельбекского городища в районе 30-й береговой батареи (Любимовка, Севастополь). Возникновение городища, предположительно, относится к таврскому времени. Затем на месте таврского укрепления возникли римская крепость и торговый порт. В средние века Усть-Бельбекское городище было известно как порт Фети/Леффети (европейский топоним) и как порт Авлита (греческий/византийский топоним). В конце XIII в. Авлита переходит под власть княжества Феодоро и становится одним из центров черноморско-средиземноморской торговли (крымский участок Великого шелкового пути). Упадок порта Авлита начался в 1475 г. как следствие захвата Крыма османами и общего упадка черноморско-средиземноморской торговли. Однако порт Авлита продолжал существовать вплоть до основания Севастополя в 1783 г.

Одной из главных задач в изучении античного и средневекового Крыма является понимание той роли, которую играл полуостров в системе Черноморско-Средиземноморских морских коммуникаций. В отечественной и зарубежной науке уже накоплен достаточный материал по международным связям таких крупных центров античного и средневекового Крыма, как Херсонес, Сугдея, Кафа. Между тем изучение роли Западного Крыма в этом вопросе все еще находится на недостаточном уровне.

Еще в 1967 г. крымский археолог П.Н. Шульц обратил внимание на перспективы исследования устьев рек Кача и Бельбек: «Очень важно в дальнейшем обследовать городище в устьях рек Качи и Бельбека. Вполне возможно, что одно из них, скорее всего, Бельбекское, и есть Евпаторий, основанный Диофантом где-то невдалеке от Херсонеса, на том месте, где полководец одержал одну из побед над скифами» [25. С. 118–119].

Позднее на этот же вопрос обратил свое внимание С.Б. Сорочан: «Но наиболее интенсивные связи город (Херсонес. – *М.А.*) поддерживал с населением нижнего течения р. Бельбек, где обнаружено несколько могильников I в. н.э. – начала IV в. н.э. Особенно обильным херсонесский экспорт становится здесь во второй половине I в. н.э. – первой половине II в. н.э., т.е. совпадает по времени с общим подъемом торговли города.

С конца I в. н.э. Херсонес вел также торговлю в Качинской долине. Об этом свидетельствуют находки амфор, черепицы и краснолаковой керамики в поселении деревни Суворовка и Краснозоринском городище, в нижнем течении р. Качи. Вместе с тем количество находок здесь заметно меньше, чем в долине р. Бельбек…

Везде, где было возможно, в том числе и в Крыму, преобладало более выгодное и быстрое морское сообщение. Морем поддерживалась связь Херсонеса с Северной стороной Севастопольской бухты Инкерманом, устьем Бельбека, Балаклавой и Южным берегом Крыма» [19. С. 27–28].

О важной роли западного берега Крыма в политике Римской империи писал В.М. Зубарь: «Наличие следов пребывания римских военных отрядов не только в окрестностях Херсонеса, но на городище Алма-Кермен позволяет предполагать, что римские гарнизоны могли быть размещены и в других пунктах Таврики. А это ставит на повестку дня поиск тех мест, где еще могли дислоцироваться римские гарнизоны. Перспективным в этом отношении представляются раскопки на Усть-Альминском, Бельбекском (Усть-Бельбекском) и на Качинском (Усть-Качинском) городищах…» [8. С. 324].

Тем не менее, несмотря на призывы научной общественности и отдельные исследования, вопрос изучения акватории западного берега Крыма практически не сдвинулся с места. На сегодня нет точных данных о локализации Усть-Бельбекского и Усть-Качинского городищ, отсутствует целостная картина развития региона Западного Крыма в античный и средневековый период.

Причиной этого, на наш взгляд, являются как субъективные, так и объективные причины и, в частности, то, что узкоспециализированный подход к изучению данного вопроса практически исчерпал себя. Для преодоления кризиса необходимы широкомасштабные междисциплинарные исследования, которые, помимо традиционных археологических исследований, будут включать широкое привлечение исторических источников в непосредственной связке с гидрографическим исследованием прибрежной полосы Западного Крыма.

В данной статье предполагается с помощью нового прочтения и анализа письменных источников, а также на основании картографического и навигационного материала локализовать Усть-Бельбекское городище и попытаться определить его греческий топоним.

Обратимся к запискам русского посла в Стамбуле графа Петра Андреевича Толстого. Эти записки были составлены 24 февраля 1704 г. и представляют собой описание побережья Черного моря (морскую лоцию). Вот что пишет граф Толстой о акватории Западного Крыма (орфография автора сохранена. – *М.А.*): «Оттуду паки тем же предреченным ветром /л. 39/ 17 миль италианских будет Киозлаве, или Козлов, город не малой, и порт тамо суть доброй: могут стоять бастименты многие и великие на якорях, понеже воды глубоки суть и чисты, от всех препятей и от ветров безопасно, кроме леванта, и сирока, и остра, могут бастименты тамо стоять, от берега блиско в 5-ти саженях, а и далеко, что в 20 саженях.

Оттуду на полдень в разстоянии 40 миль обретается 18 портов: хороши и безопасны и велики, однакож ныне место суть пусто. Прежде сего бывали тамо городы и запустели, и есть тамо у всякаго мысу порт, и могут бастименты ставитися от перваго въезду, выкрашенаго с балясами, однакож есть немногие камни /л. 39об./ в воде выше к первому мысу мили на полторы италианских, и подобает ставитися ближе к мысу в порте, которой имянуется Томе.

Потом будет Сиарсаны, от Сиарсан до Фанарскаго мысу 9 миль италианских. Тамо во странах Козлова суть порты един другова в близости, их же имена описуются сице. Первой порт Риматус, второй Хахамсон, третей Азлем Лиман, четверты – Сорсонакади лиман, пятой – Рурфара, шестой – Авлитам, седмой – Ангиара. От мысу Фанарскаго до мысу, имянуемаго Фалагокия, 9 миль италианских.

От Фалагокия на ветр, имянуемы грего 18 миль италианских есть город /л. 40/ Пелеклава доброй. При том городе есть порт и называется безсмертный Лима» [20. С. 96–97].

Мы знаем, что Киозлава, или Козлов, это османский город Гезлев или современная Евпатория. Сиарсаны – развалины Херсонеса, Фанарский мыс –

современный мыс Херсонес, мыс Фалагогия – мыс Феолент, Пелеклава – Балаклава. Ангиара – это, скорее всего, искаженное слово Инкерман. Разобравшись с известными нам географическими названиями, проанализируем все сообщение графа Толстого. Во-первых, Петр Толстой пишет о том, что на юг (на полдень) от Евпатории (Гезлева) находится 18 портов, при этом он отмечает, что все эти порты «хороши и безопасны и велики, однакож ныне место суть пусто».

Это позволяет нам исключить Инкерман и Балаклаву, которые были населены в XVIII в. и играли важную роль в османской навигации, и более четко определить термин «страны Козлова» как побережье Западного Крыма от современной Евпатории до Инкермана.

Во-вторых, Петр Толстой пишет о том, что вблизи портов находились города, которые также были покинуты жителями. В-третьих, он локализует порты у мысов.

В-четвертых, Петр Толстой дает названия семи из восемнадцати портов: Риматус, Хахамсон, Азлем Лиман, Сорсонакади лиман, Рурфара, Авлитам, Ангиара. Судя по выражению «тамо во странах Козлова суть порты един другова в близости, их же имена описуются сице», список портов идет от Евпатории до Ангиара, который, если наше предположение правильное, есть искаженное произношение слово Инкерман. Название остальных портов граф Толстой не приводит, так как, судя по всему, он не знал их, как и, возможно, не знало уже и местное население.

В-пятых, Петр Толстой отдельно выделяет порт под названием Томе и приводит точные указания не только о том, где должны вставать на стоянку бастименты (корабли), но и упоминает первый въезд с «выкрашенными балясами», т.е. говорит о развитой портовой инфраструктуре. Эти данные позволяют предположить, что Томе был действующим портом и использовался во времена Толстого как стоянка для кораблей.

Где мог находиться порт Томе? Из текста графа Толстого ясно, что порт располагался недалеко от Херсонеса, так как далее он пишет о том, что «потом будет Сиарсаны». Само название порта Томе есть искаженное тюркское слово «tamaq» (читается как «тамак») и в переводе означает «горло, глотка» или же «устье реки».

Согласно карте Крыма, составленной русским военным картографом Федором Черным в 1790 г., на побережье от современной Евпатории до Севастополя отмечены два населенных пункта, в название которых входит слово «tamaq». Это Олматомага (Альма-тамак, с 1944 г. – село Песчаное) на морском побережье в устье реки Альма и Бельбегъ-томага (Любимовка с 1937 г. входит в состав городской черты Севастополя) на морском побережье в устье реки Бельбек [24].

Если судить по сообщению графа Толстого, можно предположить, что он имел в виду именно Бельбегъ-томагъ. Это подтверждает и тот факт, что на картах конца XVIII – середины XIX вв. чаще всего именно Бельбегъ-томагъ обозначается как Тама или Бильбек-тама. Например, как урочище Тама на карте из сборника П.П. Кеппена (1836 г.) и на карте Самюэля Августа Митчелла (1859 г.).

Приведя искаженное тюркское название порта, граф Толстой не упоминает о его греческом названии или же потому, что оно было забыто, или же потому, что он упоминал его ранее по аналогии с Балаклавой и портом Лиме (liman – греческое слово, перешедшее в тюркские языки и означающее гавань, бухта). Если граф Толстой перечисляет порты в порядке от Евпатории

до Инкермана, то порт Тома также имел греческое название Авлитам (Авлита) и находился перед Инкерманом (Ангиара). Если наши построения верны, то Тама/Авлитам и является Усть-Бельбекским городищем.

Однако не будем спешить с выводами и подведем первые предварительные итоги. Исходя из сообщения графа Толстого, мы знаем о существовании на побережье Западного Крыма не менее 18 портов. И хотя речь, скорее всего, идет о разновременных памятниках, тем не менее такое количество портов не может не вызвать удивление. Этот факт доказывает, что западное побережье Крыма играло важную роль в морских коммуникациях как в античности, так и в средние века.

Еще один важным источником в нашем исследовании стали портоланы – морские лоции, получившие распространение в средневековой Европе начиная с конца XIII в. Сами тексты морских лоций до нас не дошли, однако сохранились морские карты к лоциям. В современной науке именно эти морские карты и принято называть портоланами. В этом же значении используется термин «портолан» и в нашей статье. На сегодня наиболее полной работой по средневековым портоланам Черного моря является монография А.Ю. Гордеева «Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII вв.» [5].

В интересующем нас районе, от Севастополя до Евпатории, А.Ю. Гордеев локализует семь топонимов:

а) мыс Fanar, локализуемый как мыс Херсонес;

б) Gerezonda (наиболее часто встречающаяся форма), который обозначает развалины Херсонеса;

в) Calamita, по словам А.Ю. Гордеева, «на картах-портоланах этот топоним указывает на бухту, в вершине которой находится устье реки» [5. С. 373], и локализуется как средневековый порт и крепость Каламита (район современного Инкермана);

г) Feti, о котором А.Ю. Гордеев пишет следующее: «Всего 32 варианта написания. Из них: feti 48, lefti 33, lofeti 20, rosetti 12, rofeti 11, lefeti 7, fetis 3, roseti 3, fotis 2, lofar 2, lofeto 2, nipi 2, rati 2, c. brancho 1, fati 1, fetim 1, lefeto 1, lefetti 1, litar 1, llofer 1, lofety 1, lofti 1, loseto 1, ro[…] 1, rofe 1, rosett 1, rosite 1, rosoti 1, rosseti 1, rossetti 1, seti 1, zapi 1, ? 7.

Впервые был обозначен как «nipi» на карте Весконте Петра 1311 г., Италия, Генуя. Наиболее устойчивая форма «feti» впервые встречается на карте Пизигани Доменика и Франческо 12.12.1367 г., Италия, Венеция (Венеция), в последний раз в этой форме на исследуемых картах встречается на карте Омема Диего 1574 г., Португалия (Венеция). В форме «lefti» впервые встречается на карте Бенинказы Грациозо 1469 г., Италия, Анкона (Венеция). В последний раз топоним в форме «rosetti» указан на карте Каваллини Джиованни Батисты 1652 г., Италия, Генуя, Ливорно. Всего указан на 173 картах из 299 (57,9%). Коэффициент вариантности 18,5%. Коэффициент применения 27,7%.

Описание.

На картах-портоланах этот топоним обозначает устье реки. В этом районе находится 4 устья рек, а именно: Бельбек, Кача, Альма и Булганак. Какую из них имели в виду авторы портоланов, сказать трудно, но чаще всего на ранних картах этот топоним располагался между топонимом «Каламита» и побережьем. Отсюда, методом исключения, можно сделать вывод, что это либо река Бельбек, либо Кача, одни из самых полноводных рек Крыма. На картах Грациозо Бенинказы этот топоним обозначает устье реки посередине между Севастопольской бухтой и озером Сасык – в этом районе находится устье реки Альма. Известий о поселениях в этом районе практически нет.

Но наиболее приемлемо, по рисунку на картах, это устье реки Кача. Поэтому условно принимаем, что это устье реки Кача» [5. С. 374];

д) Follitico (наиболее часто встречающаяся форма), который локализуется в районе современного озера Кызыл-яр и о котором А.Ю. Гордеев пишет следующее: «Впервые был обозначен как «rossocaua» на карте Весконте Петра 1318 г., Италия, Генуя (хранится в Италии). На картах-портоланах этот топоним обозначает большой залив. На современных картах этот залив соответствует озеру Кызыл-Яр.

Кызыл-Яр в переводе с крымско-татарского языка означает «красный обрыв» (крымско-тат. qızıl – красный, yar – обрыв). В озеро впадает река Тобе-Чокрак. Кызыл-Яр, как и другие расположенные по соседству солёные озёра, образовался из морского залива, который глубоко врезался в сушу. Постепенно намывался песок, отделявший часть залива от моря и образовывалось озеро.

На картах Весконте Петра 1318 г. этот топоним также можно перевести с латыни и итальянского как «красный обрыв» [5. С. 374];

е) Saline, который локализуется в районе современного села Новофедоровка;

и) Trinici, локализуемый в районе современной Евпатории.

Для нас наиболее важной информацией является топоним Feti и его вариации, который А.Ю. Гордеев считает обозначением устья реки Качи или Бельбека и локализует в районе пгт. Кача, отмечая при этом то, что «известий о поселениях в этом районе практически нет» [5. С. 374].

Однако это не соответствует данным графа П.А. Толстого, приведенным нами ранее. Также в нашем распоряжении есть и более ранние исторические свидетельства, которые подтверждают существование города-порта в устье реки Бельбек. В генуэзском документе от 26 марта 1393 г., а именно в договоре о поставке зерна из Причерноморья в Геную, говорится следующее: «Прокураторы обязуются от имени поручителя погрузить на указанную наву от 4000 до 5000 мин зерна (329 736 – 412 170 кг. – *М.А.*) в течение ноября 1393 г. Порты погрузки: Матрега, Воспоро, Кавалари, Кубатуба, Каффа, Чембало, Леффети. Закупки должны производиться до 1/XII по цене не выше 100 аспров за модий. При невозможности закупки зерна в указанных портах патрон обязан плыть в Перу и закупить зерно там или на близлежащих хлебных рынках по цене 8 перперов за модий. Все зерно должно быть привезено в Геную» [17. С. 10].

Порт Leffeti/Feti упоминается также в сообщении от 13 марта 1387 г. о доставке шести человек из порта Таны в порт Leffeti в рамках соглашения между генуэзцами и послом сельджукского бея Синопа Койха Тогханом (Coiha Toghan) [29. S. 126].

Из этих документов видно, что Feti (вариант написания по А.Ю. Гордееву – Lefeti. – *М.А.*), – это не название устья реки, а название порта, находившегося в устье реки. Если судить по документу, порт Feti играл важную роль в черноморско-средиземноморской торговле и был хорошо известен морякам и торговцам, чем и объясняется его частое упоминание в портоланах.

С учетом роли порта Feti в морской торговле кажется странным, что он не упоминается в других средневековых источниках. Мы предполагаем, что название порта было скрыто под другим названием, а именно Сары-керман/Сар-керман/Сару-керман.

Этот город упоминается в книге «Упорядочение стран» курдского географа и историка из рода Айюбидов эмира Хамы Абу-ль-Фида (1273–1331): «Потом море простирается также на юго-запад до [города] Судак, расположенного на 56° долготы и 51° широты, поворачивает от Судака на юг и откло-

няется на восток, пока не достигнет выступающего в море участка суши, где расположен город Сару-Карман, лежащий напротив Синуба (Синоп), упомянутого выше. Далее от Сару-Кармана море поворачивает на запад с отклонением к югу. Оно простирается также до города, называемого Акджа-Карман. Затем море поворачивает на юг к городу, именуемому Сакджа (Исакча). Там находится устье Туны (Дунай) – реки великой и знаменитой» [1. С. 208].

Сару-Керман упоминается также и в таблице городов, приводимой Абу-ль-Фида в описании города Акджа-Карман: «Акджа Карман – это небольшой населенный пункт на побережье моря Ниташ. Он находится к западу от Сару-Кармана, и между ними пятнадцать дней [пути]. Акджа Карман расположен на равнине» [1. С. 208].

Кроме того, в описании города Керкри, Абу-ль-Фида упоминает, что «Керкри находится на расстоянии почти дня пути к северу от Сару-Кермана» [11. С. 309].

Город Сары-керман упоминается и у Шихаб ад-дина аль-Калшаканди (1355–1418) в его описании Золотой Орды, известном под названием «Светоч для подслеповатого в искусстве писца»: «Среди них – Сары-керман. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с фатхой «сада» без точки, с «алифом», кесрой «ра» без точки и «йа» с двумя точками внизу. О [написании] слова «керман» говорилось выше, ибо оно входит в название Акча-керман. А этот город представляет собой городок меньше, чем Акча-керман. Его местоположение – в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его долгота 55 градусов, а широта – 50 градусов по координатам. Напротив него с другой [стороны] моря – город Синоп (Сануб), на побережье страны Рум. Он на восток от упомянутого выше Акча-кермана. Между ними около 15 дневных переходов, а между ним и Солхатом около 5 дневных переходов» [4].

Первым попытался локализовать Сары-кермен П.И. Кеппен в своем знаменитом «Крымском сборнике»: «Сарыкерман или Саркерман; под этим именем татары разумеют места, находящиеся возле Севастополя». Он приводит слова крымских татар: «Спросите, например, татарина деревни Корбеклы (ныне с. Изобильное около Алушты. – *М.А.*), где зимуют их овцы, и он ответит вам: в сентябре, после стрижки, их выгоняют на Перекопские степи, а оттуда, спустя три месяца, в Сары-керман (или Саркерман) опять же на три месяца, после чего они возвращаются домой» [11. С. 309].

Из этих слов Кеппен делает вывод, что Сары-керман – это тюркское название Херсонеса, при этом игнорируя сведения приведенных им же источников XVIII в. (Боплан, Витсен, митрополит Мелетий) о том, что Херсонес назывался Топетарканом [11. С. 309].

Некритическое прочтение Кеппена и его предшественников, прежде всего Мартина Броневского, привело к тому, что последующие исследователи все сведения, относящиеся к Сары-керману, стали автоматически относить к Херсонесу. При этом игнорировались русские источники конца XVIII в., согласно которым татары отгоняли на зиму скот не только в район Херсонеса, но и на Северную сторону Севастополя, что подтверждает и сам П.П. Кеппен, когда пишет, что «под этим именем татары разумеют места, находящиеся возле Севастополя».

В 2000 г. турецкий исследователь Юджель Озтюрк опубликовал в своей книге «Кефе под османским управлением 1475–1600 гг.» данные о налоговых ведомостях (дефтерах) Османской империи, относящиеся к Крыму [28]. В отечественную науку эти данные были введены Э.А. Черновым в статье «Османские налоговые ведомости 1520 и 1542 гг.» [23].

Определяя границы между османскими владениями в Крыму и землями Крымского ханства, Э.А. Чернов локализует Сары-Керман (Сары-Кермен) как

населенный пункт Акъяр, находившийся на Северной стороне Севастополя, и, следовательно, не имевший никакого отношения к Херсонесу [23].

Действительно, деревня Сарыкирман (Sarıkirman), согласно османским дефтерам, является северо-западной точкой османских владений в Крыму [26. S. 13–14], что полностью исключает локализацию Сары-Кермена в районе Херсонеса. Согласно османским дефтерам XVII–XVIII вв., деревня Sarıkirman входила в состав Мангупского кадылыка [26. S. 24].

Сведения, приводимые Шихаб ад-дина аль-Калшаканди в «Светоче для подслеповатого в искусстве писца» о городе Сары-керман, также противоречат попыткам идентификации его с Херсонесом. Приводя сведения о Сары-кермане, Шихаб ад-дина аль-Калшаканди пишет о том, что «этот город представляет собой городок меньше, чем Акча-керман».

Акча-керман (Акджа-керман) – это бывшая крепость Аккерман (с 1940 г. – Белгород-Днестровский, Одесская область, Украина). Общая площадь Аккерманской крепости в XIII–XV вв. составляла не более 9 га, и поэтому даже разрушенный и обезлюдевший Херсонес никак не мог быть Сары-керманом, который, по свидетельству Шихаб ад-дина аль-Калшаканди, был меньше, чем Акча-керман.

Теперь обратимся к другому османскому источнику – «Книге путешествий» Эвлия Челеби, в котором, в частности, содержится подробное описание Крыма третьей четверти XVII в. Хотя в своем труде Эвлия Челеби приводит баснословные исторические сведения, в то же время он дает точное и подробное описание городов и сел Крыма, что делает «Книгу путешествия» ценным источником по исторической географии полуострова и позволяет поставить точку в дискуссии о локализации Сары-кермена.

Вот что рассказывает Эвлия Челеби о двух древних городах, находившихся на территории современного Севастополя:

«*Описание благоустроенной древней крепости Сар-керман*

В древние времена ее построили польские короли. Когда обладателями Крыма стали генуэзские франки, генуэзцы захватили эту крепость. Через 70 лет польский король и хозяин Ак-кермана Салсал-оглу соединили сердца и помыслы и вырвали эту крепость из рук генуэзцев. Тут один из сыновей польского бея не смог ужиться с братом, и сын польского бея по имени Михаил убежал к московскому королю и привел по воде реки Озю 3 тысячи лодок, а также пешее войско к этому Сар-керману. Они долго воевали с братом. В конце концов ночью брат сел в корабли и убежал из крепости, и ее захватил брат, пришедший из Москвы. Он жил в крепости с московским войском 1 год, и чтобы она не досталась его брату, в конце года разрушил ее. И сейчас в некоторых местах крепость разрушена. А в те времена в этой крепости было 70 тысяч отстроенных зданий.

Земля, на которой находится эта крепость, находится около устья залива, и в сторону кыблы от нее – большой залив, в который может поместиться 10 тысяч судов. [Крепость эта] подобна крепости Кандии на острове Крит, около которой находится залив Суда. Между этой крепостью Сар-керман и двумя большими заливами, на противоположной стороне залива этой крепости, на расстоянии мили находится Великий город – крепость Салуния. И здесь было 180 тысяч зданий, 40 тысяч лавок, и в каждом квартале – по церкви, и много сот тысяч зданий с валяющимися на земле разбитыми мраморными колоннами. Фундаменты зданий заметны и различимы.

Этот город Салуния находится напротив города Сар-кермана, а между ними находится вышеупомянутый залив. Из города в город перевозили в лод-

ках по 40 тысяч человек. И [этот город] разрушили московские войска сына польского бея, здесь поселились совы и вороны, змеи и ящерицы, [разные твари] свили себе гнезда. В зимние времена в эти развалины крепости загоняют много сот тысяч овец крымских благородных людей, а причитающиеся за зимовку отдают эмину Балаклавы.

Потому что земля, на которой стоит крепость, принадлежит роду Османов и входит в область Балаклавы. Однако [земля эта] находится в глухом месте, вдали от дорог, где на голых скалах между двумя портами на заливе Черного моря некогда находились сильные крепости. Если бы они были отстроены, их доходы равнялись бы трем урожаям Египта» [22. С. 67–69].

Город Салуния, упомянутый Эвлия Челеби, это развалины Херсонеса. Это мнение никем из комментаторов Челеби не оспаривается. Но где же тогда находился город Сар-керман, располагавшийся на противоположной стороне от Херсонеса?

Большой залив, который упоминает Эвлия Челеби, это, безусловно, Севастопольская бухта, ранее называвшаяся Северной. Челеби пишет, что Салуния находится на противоположной стороне от Сар-кермана, на расстоянии мили (видимо, имеется в виду турецкая миля, приблизительно равная 2 км). Значит, крепость Сар-керман находилась на северной стороне Севастополя. Как мы уже знаем, эта локализация подтверждается и информацией османских дефтеров.

Челеби пишет о регулярном морском сообщении между Сар-керманом и Салунией (Херсонесом), что подразумевает наличие морского порта или пристани в Сар-кермане. И в то же время Челеби сравнивает Сар-керман с крепостью Кандией (современный греческий город Ираклион на Крите).

Крепость Сар-керман, по словам Челеби, находилась около устья залива, напротив Салунии (Херсонеса), между двумя заливами. Если взять за точку отсчета устье реки Бельбек, то получается, что именно данный район и является наиболее подходящим местом для локализации Сар-кермана. Именно здесь находится безымянный залив, который ограничен мысом Толстый и устьем Бельбека. Второй залив, который упоминает Эвлия Челеби, это, скорее всего, Карантинная бухта. А на юг (на киблу) от устья реки Бельбек находится большой залив Эвлия Челеби (Севастопольская бухта).

Теперь посмотрим, что сообщают нам источники о наличии развалин древних городов и портов на северной стороне Севастополя. Первые известия о развалинах крепости в районе устья реки Бельбек мы находим у П.И. Кеппена. В своем труде «Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических» П.И. Кеппен пишет о том, что французский путешественник Дюбуа де Монпере сообщил ему в письме от 9 апреля 1835 г., что он нашел несколько древних крепостей, строительство которых де Монпере отнес ко времени скифского царя Скилура. Одну из этих крепостей, по словам Дюбуа де Монпере, он обнаружил недалеко от устья реки Бельбек.

«Я нашел (крепость. – *М.А.*) в долине Бельбека, в двух верстах от его устья, на холме, который находится на левой стороне реки. Квадратный фундамент четырехугольного замка, занимающий всю ширину узкого холма, был еще хорошо виден, как и канал, проводивший в то время воду из Бельбека к подножию крепости; вообще видны в окрестностях сего возвышения развалины из кирпичей, обломки сосудов и следы прежних жилищ» [11. С. 248].

Следующие известия о поселениях в районе устья реки Бельбек приводит артиллерийский офицер Н.М. Печенкин, который в 1903–1904 гг. провел археологические раскопки в этой местности: «В имении г. Шталя у устья Бельбека неоднократно при разработке плантажа были находимы монеты,

амфоры и другие сосуды, но из них не сохранилось ничего – все безжалостно разбивалось и уничтожалось.

После моей просьбы уже в следующем году мне были представлены амфоры без клейм и сосуд, найденные в глиняных выработках у устья реки Бельбека, где в разных местах, особенно ближе к морю, заметны остатки глиняных выборок и остатки обжигательных печей. Имея в виду, что Бельбекское глинище – ближайшее к Херсонесу место добычи глины с крайне удобным водяным сообщением, трудно отказаться от мысли, что устье Бельбека играло значительную роль в поставке Херсонесу глиняной посуды, так называемого местного производства, или, по крайней мере, материала для ее изготовления» [15. С. 31].

Впоследствии предположения Н.М. Печенкина о роли района устья Бельбек как одного из основных поставщиков глины для гончарного производства античного Херсонеса получили свое полное подтверждение. Вот что пишет об этом С.Ю. Монахов: «Месторождение (глины) находится в прямой видимости Херсонеского городища. Благоприятны и условия транспортировки морем… Работами последних лет в этом районе также отмечаются следы гончарного производства в периоды поздней античности и средневековья. Следует, правда, заметить, что пока не ясно, кому принадлежали эти производственные комплексы – Херсонесу или какому-то другому центру в Юго-Западном Крыму. Эллинистические материалы в окрестностях глинищ пока не обнаружены… В настоящий момент эти пласты большей частью выклиниваются, уходят в глубину. Однако в период фанагорийской регрессии, приходящейся на античное время, уровень моря был значительно ниже современного. Естественно, данные пласты глины были более доступны и мощнее» [12. С. 110].

Вернемся к исследованиям Н.М. Печенкина. Он пишет об обнаружении остатков поселения и могильника в районе современного села Поворотное. Это поселение датируется VIII–IX вв. и было исследовано в 1973–1974 гг. научным сотрудником Херсонесского историко-археологического заповедника О.А. Савелей, а в 1975–1976 гг. на нем были проведены охранные раскопки отрядом Крымской археологической экспедиции Уральского государственного университета под руководством А.И. Романчука [18. С. 94]. Могильник, получивший название Бельбек III, датируется более ранним периодом, приблизительно II – началом IV вв. [21].

Далее Н.М. Печенкин упоминает еще одно место обнаружения руин древнего поселения в районе будущей 30-й береговой батареи и еще одного могильника: «Еще южнее на склоне заметна терраса с остатками сооружений, а еще южнее на поверхности заметны выдающиеся из земли камни, а местами и небольшие каменные ящики, из которых некоторые кем-то раскопаны и, как это заметно, даже в недавнее время» [15. С. 32].

Этот могильник, датируемый I–III вв. н.э., впоследствии получил название Бельбек IV и был повторно открыт в 1960-х гг. научным сотрудником Херсонесского историко-археологического заповедника О.А. Савелей, а с 1969 г. раскопки на могильнике проводились Крымской археологической экспедицией ГИМ под руководством И.И. Гущиной, а затем Д.В. Журавлева [6. С. 4].

Об остатках укрепленного поселения в районе устья реки Бельбек пишет и севастопольский краевед Е.В. Веникеев в книге «Севастопольские маршруты», приводя малоизвестный факт из истории Крымской войны 1853–1856 гг., сыгравший решающую роль в срыве молниеносного захвата Севастополя англо-французской армией в сентябре 1854 г. Вот что пишет Е.В. Веникеев: «Определенную роль сыграла эта возвышенность (Мекензиевы горы. – *М.А.*)

и в годы Крымской войны. Командование англо-французской армии, в сентябре 1854 г. приблизившейся к реке Бельбек, еще не имело определенного решения, с какой стороны атаковать Севастополь – с севера или с юга. Союзники увидели на возвышенности форт, который показался им очень мощным (это было слабое Северное укрепление), и другой, нависший над рекой Бельбек, на отроге Мекензиевых гор, и двинулись в обход Северной стороны. Любопытная вещь: если Северное укрепление, как бы слабо оно ни было, все-таки реально существовало, то второй форт – вообще плод воображения! Однако о нем пишут почти все французские и английские мемуаристы. Скорее всего, за действующую крепость неприятельские наблюдатели приняли валы средневекового укрепления. Это несохранившееся сооружение находилось на месте 30-й береговой батареи» [3. С. 117].

Тогда укрепленный замок, который упоминает Дюбуа де Монпере, и фантомный русский форт, который видели в сентябре 1854 г. союзники, идентичны развалинам поселения, обнаруженного Н.М. Печенкиным.

По нашему мнению, это и есть город Сар-керман, упоминаемый Эвлией-Челеби, следовательно, в этом же районе находился и порт Фети, изображенный на средневековых портоланах. Для того, чтобы убедиться в этом достаточно просто подняться на возвышенность, которая, как минимум, с конца XIX в. называлась Алькадар и на месте которой была построена 30-я береговая батарея.

Высота Алькадар представляет собой узкий холм, протянувшийся на несколько километров с востока на запад, возвышающийся в своей высшей точке над уровнем моря более чем на 80 м. Плато холма господствует над окружающей местностью от 30 до 60 м. Высота фактически запирает выход Бельбекской долины к морю, и поэтому является наиболее выгодным местом для строительства крепости. Расположение укрепления на высоте позволяет решить сразу же несколько оборонительных задач: перекрыть выход к морю со стороны горного Крыма, перекрыть наиболее удобный путь к берегам Севастопольской бухты со стороны степного Крыма, контролировать не только морские походы к Херсонесу с запада, но и все морское побережье Западного Крыма, а также защищать морской порт в устье Бельбека, обеспечивающий морскую торговлю и, в частности, вывоз зерна из Бельбекской долины.

Следует также отметить, что высота Алькадар хорошо просматривается с Мангупа, на плато которого находилась столица средневекового княжества Феодоро. Это позволяло владетелям Феодоро не только быть в курсе всего происходящего на западном побережье, но и использовать морской порт в устье Бельбека в случае блокады своего основного порта – Каламиты.

Неудивительно, что именно эта высота была впоследствии выбрана для строительства 30-й береговой батареи, и именно этот район стал местом наиболее тяжелых боев во время обороны Севастополя в 1941–1942 гг. Выгодное стратегическое положение высоты Алькадар не могли не понимать и в древности, следовательно, Фети/Сар-керман и был тем центром Юго-Западного Крыма, которому, по словам Монахова, принадлежали гончарные производственные комплексы в устье реки Бельбек.

Теперь вернемся к нашему предположению о том, что Усть-Бельбекское городище носило имя Авлита. В форме Авлута это название упоминается у Эвлия Челеби: «Если отправиться на юг по берегу Чёрного моря, [встретишь] заливы Авлута, Хамамлы, Сулуджа, Улу, Бахчели, Чоргуне, короче говоря, там всего восемнадцать заливов. Мы осмотрели их разрушенные крепости с башнями, и я видел множество замечательных и удивительных строений» [22. С. 67].

Из сообщения Челеби не совсем ясно, где именно находился залив Авлута. Судя по тексту, залив Авлута находился недалеко от Инкермана и Севастопольской бухты. Однако у нас есть еще один источник, в котором содержится упоминание Авлуты. Это название содержится и в не дошедшей до нас Хронике Тохта-бея, пересказ которой содержится в уже упомянутом труде Эвлия Челеби.

Первое упоминание Авлуты/Сар-кермана у Тохты-бея относится к обстоятельствам похода монгольского хана Джучи (ок. 1184–1227) в Крым в 1223 г.: «Тогда Джучи-хан пришел на Крымский остров с огромным войском, подобным морю. Не давая пощады и передышки, он в ... году день ото дня захватывал крымское государство из рук генуэзских франков, и захватил все, кроме крепостей, что на берегу моря: Ин-кермана, Сар-кермана, Балыклагы-кермана, Мангуп-кермана, Кефе-кермана, Ченишке-кермана и других мощных и укрепленных крепостей. Прибрежные крепости остались в руках неверных, и Джучи-хан заключил мир с неверным королем генуэзцев» [22. С. 231].

Второе упоминание относится к концу XIII в.: «В его время ляшские казаки вошли в залив Авлута на западе Крыма и отобрали крепость Сар-керман из рук генуэзских неверных. Тадан-хану не суждено было отобрать вышеуказанную крепость у казаков. Крымский народ чрезмерно обвинил в этом Тадан-хана, и он был свергнут собственным народом» [22. С. 235].

Третье упоминание относится ко времени завоевательного похода османов в Крым в 1475 г.: «В ... году султан Мехмед-киши захватил из рук ляхов Ин-керман и Авлута-керман, и один из углов Крымского острова был завоеван. Потом, в ... году везирь султана Баязида Вели Гедик Ахмед-паша с помощью Менгли Герай-хана захватил из рук генуэзских франков крепость Кефе, и крепости Судак, Керчь, Балаклаву, Ин-керман и Сар-керман, какие – битвой, какие – милостью. Неверные бежали в крепость Азак» [22. С. 237].

Из этих упоминаний можно сделать три вывода. Во-первых, в Хронике Тохта-бея четко сказано, что залив Авлута находился на западе Крыма, и именно около этого залива и должна находиться крепость Авлута-керман. Во-вторых, упоминание в одной связке Ин-кермана и Авлута-кермана, Ин-кермана и Сар-кермана позволяет отожествить Авлута-керман и Сар-керман. Таким образом, название Авлута/Авлита относится к греческому, а Сар-керман – к тюркскому топониму одной и той же крепости.

В-третьих, интересно упоминание о ляшских (запорожских) казаках и захвате ими Авлута-керман. Выше мы уже говорили, что исторические сведения, приводимые Эвлия Челеби, носят, как правило, легендарный, если не баснословный характер. Однако в случае с данным эпизодом мы можем установить реальное историческое событие, которое легло в основу сообщения Хроники Тохта-бея.

Речь идет о совместном набеге запорожских и донских казаков на Крым. В конце июля 1631 г. казаки, общим числом в 1500 человек, разграбили окрестности Керчи, а 8 августа высадились около Гезлева (Евпатория). Город, за исключением цитадели, был взят и разграблен, а казаки, погрузив добычу на чайки, «пошли на море и стали, и пристали к берегу под Сарый Кермену меж Козлева и Балыкны и почали воевать крымские улусы, отходя от моря верст по 10 и по 15» [9. С. 228].

В течение нескольких недель казаки грабили села Бельбекской долины и даже угрожали Бахчисараю и Мангупу. «И стояли те Запорожские Черкасы в Сарый Кермени Августа с 8 числа по 20 и Крымские улусы воевали, да тут же взяли городок Инкермень» [9. С. 229].

Как следует из источника, Инкерман был взят после набега казаков на Мангуп и сражения (16 августа) с войсками крымско-татарского хана Джанибек-Гирея, которое закончилось полным разгромом татар [9. С. 228]. Видимо, известие об исходе этого сражения привело к деморализации османского гарнизона Инкермана и его бегству в горы.

Попытки локализовать Сары-кермен на месте Херсонеса или же на северном побережье Севастопольской бухты прямо противоречат сведениям источника о походе 1631 г. Главным козырем казаков была внезапность, а она достигалась только в случае высадки в районе устья Бельбека, которая давала им возможность для быстрого продвижения по речной долине к Бахчисараю и Мангупу. Именно села Бельбекской долины, «жидовские да и греческие Бельбеки», по свидетельству источника, наиболее пострадали от набега казаков.

Если бы Сары-кермен находился на месте Херсонеса или на северном побережье Севастопольской бухты, казакам пришлось бы пробиваться в горный Крым через османские крепости и укрепления и, в частности, Инкерман, что привело бы к потере внезапности. И напротив, создание морской базы в районе устья Бельбека позволяло казака совершить ряд быстрых и внезапных рейсов, а затем, когда татары подтянули резервы, позволило им беспрепятственно уйти в море.

Память об этом набеге и разорении Крымского ханства была еще жива среди очевидцев, что и позволило автору «Хроники» Тохта-бею или же самому Эвлия Челеби отожествить участников событий конца XIII в. с набегом «ляшских казаков» 1631 г. Но, если это так, то залив Авлута и Авлута-Керман, это и есть Сары-Керман.

Еще одним источником, позволяющим локализовать Авлуту/Авлиту в районе устья Бельбек, являются карты Крыма XVIII–XIX вв.

Порт Влута (искаженное Авлута) изображен на голландской карте 1737 г. и находится северней Севастопольской бухты в районе устья рек Бельбек и Кача [27].

На османской карте 1760 г. Авлута находится северней Севастопольской бухты в районе устья рек Бельбек и Кача [13].

На английской карте 1769 г., созданной на основе османских карт и сведений античных географов, которые произвольно наносились на карту, хорошо видно, что порт Авлита находится западней Акъяра [2].

На армянской карте 1820 г., также составленной на основе османских источников, порт Авлита расположен на западном побережье Крыма между озером Сасык и Севастопольской бухтой [14].

Наконец, Авлута/Авлита упоминается в письменных источниках времен присоединения Крыма к России. Это сообщение караимского священника рабби Азарьяиз Кырк-Ера (Чуфут-кале), оставившего нам подробное описание событий 1777–1778 гг., происходивших в Крымском ханстве в период правления последнего крымского хана Шагина Гирая. Первым и единственным переводчиком рукописи Азарьи был караим Авраам Фиркович, который и опубликовал ее в 1856 г. в журнале «Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских».

Вот что сообщает рабби Азарья о событиях 1777–1778 гг. в Крыму (орфография автора сохранена. – *М.А.*): «Между тем Сеит, Лиша и вся шайка бунтовщиков присоединились к Селим-Гирей-Хану в Балаклаве и Авлуте и разграбили пшеницу, сено и другую провизию, находящуюся в деревнях, и кормили своих лошадей пшеницею, а остальное или истребляли, или брали с собою.

... Но вследствие действий Русских и Ханского войска почти весь Крым был очищен от мятежников, потому что они, видя свою слабость, собрались к

берегам моря в Авлуту и Цорцону (Херсонес. – *М.А.*), в намерении спастись бегством на кораблях.

... Два месяца спустя, после вступления Шагин-Гирей-Хана на престол, отплыли все большие карабли, стоящие около Авлуты и Цорцоны, и возвратились восвояси без войны. Но вышло из этих караблей около 400 человек, которые пришли к Хану и просили принять их в подданство; Хан назначил им содержание, отправил их на жительство по ту сторону Перекопа, учредив над ними особенный надзор» [16].

При чтении этого сообщения мы еще раз убеждаемся в том, что Авлута/Авлита находилась на побережье и в XVIII в. была одним из основных портов в районе современного Севастополя. Но, к сожалению, из сообщения рабби Азарья неясно, где именно находилась Авлута/Авлита.

Посмотрим, что нам даст анализ русских источников. В сообщении генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского от 10 июля 1771 г. говорится следующее (*орфография автора сохранена*): «10-го получил от главнокомандующаго повеление по представлению моему, что города Балаклава и Бельбек, яко имеющия пристани, заняты должны быть. Чтоб я, взяв 4 пехотныя батальоны два полка гусар, Борисоглебской драгунской полк, Донецкой пикинерной и три Донских казачьих полка следовал в Бахчисарай, а Балаклаву, Бельбек и весь тот край занял» [7].

Из этого сообщения А.А. Прозоровского нам становится ясным, что, по данным русского командования, в окрестностях современного Севастополя было лишь два удобных порта – Бельбек и Балаклава.

Следующее сообщение А.А. Прозоровского показывает, что в XVIII в. в Крыму был только один порт Бельбек, и он находился в устье реки Бельбек:

«В сем представлении поместил я те известия, которыя я, стараясь сыскать о местоположении познание, от знающих людей получил. Они состояли в том, что хотя Бельбек на карте и назначен между Балаклавы и Судака, однако сие несправедливо, он действительно лежит между Козлова и Балаклавы, в близком от сего последняго города расстоянии» [7].

Занятию Бельбека придавалось важное значение с целью подавления мятежа крымских татар против хана Шагин-гирея, что следует из рапорта генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского графу П.А. Румянцову-Задунайскому от 9 сентября 1776 г.:

«А потому и полагаю я, ваше сиятельство, что, перейдя Перекоп и Шунгары и утвердя оба сии места, иметь из малороссийских казаков к новой линии комуникацию, а от Перекопской линии определя деташамент преимущественною частию в пехоте, отделить оный прямою дорогою на Бахчисарай к Балаклаве, или чрез Козлов берегом моря, как в горах уже только два сии пути и есть, и занять постами Козлов, Белбек, а знатный пост поставить близ Балаклавской гавани, при реке Инкермане, или, смотря по обстоятельствам, и в самой Балаклаве, а в то же время и от Шунгар деташамент пойдет к Салгиру, где был прежде наш редут, а от Перекопа на реку Салгир же к сторонне Акмечети, от которой и горы занимаются. Деташамент же от Шунгар, по прибытии на Салгир, оставя тут достаточный пост, сам перейдет к Булзыку, что близ Кефы, где и расположится, а тем самым иметь уже будет связь с Керчь-Ениколем» [7].

Наконец, в нашем распоряжении есть еще одно свидетельство генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского от 30 апреля 1777 г. о вступлении на престол крымского хана Шагин-гирея: «В 30-й день прибыли из Карасубазара от всех духовных и светских здешнего общества особ четыре из знаменитого рода депутата, именуемые: ширинский Мурат-мурза, Капыхалки Темир-ага и Абдувели-ага, и мансурский Кутлу-Шах-мурза с подношением копии с сделан-

ного именем всех отказа бывшему хану Девлет-Гирею, который посему (как г. подполковник Любимов меня того-же течения известил) 29-го к вечеру, оставя в Бахчисарае двор свой пуст, отъехал в Балаклаву, с намерением отплыть морем далее. Ему не повиновался уже ни один человек. Дабы скорее к сему его понудить и тем-бы уже единовременно отнят у всех слабых и колеблющихся душ на него подпору, повелел я Любимову с деташаментом подвинуться к Балаклаве и занять берег моря от оной до Бельбека, связывая свою стражу с учрежденным постом между Алмы и Бельбека; также заградить на Бельбек идущую прямо чрез ту реку на Балаклаву из Бахчисарая дорогу. Сами сказанные чиновники уполномочены были представлением светлейшему Шагин-Гирею, избираемому всеми родами татар в самодержавные над ними ханы, от имени знатнейших, письменного прошения принять на себя сие достоинство и повелеть о месте и времени, где и когда они должны, подвергнув себя стопам его, торжественною присягою верность свою подтвердить. Я, приняв, одарил по знаменитости сих депутатов; в поздравление-же таковым благополучием нового хана, приказал произвесть в лагере из пушек сто один выстрел и по слабости здоровья сам не в силах бывши выходить, поручил сделать ему приветствие всему генералитету и штаб-офицерам, а на поднесенное мне поминаемыми чиновниками от Ширин-бея и Абдувели-аги письмо, с сим вожделенным извещением, отозвался в следующем под № 15 содержании» [7].

Если мы сравним сообщение рабби Азарья о вступлении на престол Крымского ханства Шагин-гирея от 1777 г. и сообщение генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского от 30 апреля 1777 г. о тех же событиях, то мы придем к единственному выводу о том, что порт Бельбек и порт Авлута/Авлита – это два названия одного и того же порта, находившегося в устье реки Бельбек.

Согласно Камеральному описанию Крыма от 1784 г., в Крыму находились три деревни, имевшие название Бельбек: Белбек Бахтияр Кесек (современное село Фруктовое, до 1948 г. – село Бельбек), Белбек Орта Кесек (судя по картам XIX в., находилось у подножия высоты Алькадар) и Бельбек Тамак (судя по картам XIX в., находилось на правом берегу устья реки Бельбек, порт Тома графа Толстого) [10].

Таким образом, на основании изучения и анализа источников мы можем сделать только один правильный вывод: средневековый порт Фети, Сарыкерман Эвлия Челеби, Авлута/Авлита на османских картах и в крымских источниках XVIII в., порт Тома графа П.А. Толстого и порт Бельбек – это название одного и того же места, расположенного в устье реки Бельбек и ныне называемого Любимовка.

Этот вывод позволяет нам локализовать Усть-Бельбекское городище и приблизительно проследить его историю. По всей видимости, городище возникло как таврское укрепление для населения, живущего в устье реки Бельбек. Визуальный осмотр местности в районе 30-й береговой батареи позволил обнаружить кизил-кобинскую керамику и зольники, а также керамику, датируемую II в. до н.э. – XVIII в. н.э. Эти данные нуждаются в уточнениях путем проведения полноценных археологических раскопок.

С началом греческой колонизации Крыма и основанием Херсонеса городище становится эмпориумом и играет важную роль в торговле Херсонеса с варварскими племенами. Видимо, именно в это время долина устья реки Бельбек получает название Авлита, а затем этот топоним переходит и на само укрепление. Одновременно укрепление используется варварами как пиратская база для нападения на торговые корабли, следующие из Херсонеса в Калос Лимен (современный пгт. Черноморское).

В I в. н.э. в рамках борьбы Рима с пиратством на Черном море Авлита переходит под власть римского командования. Возможно, именно в этот период

на высоте Алькадар возводится крепость, которая могла выполнять две задачи: защищать торговый порт и служить форпостом для дальнейшего наступления римлян вглубь Бельбекской долины. Видимо, уже в этот период создается торгово-оборонительная система, продержавшаяся до конца XVIII в.: морской порт и защищавшая его крепость.

Период с IV в. по XIII в. – наиболее темный в истории Авлиты. В XIII в. крепость Авлита выдерживает осаду монголов во время их набега на Крым. С конца XIII в., как свидетельствует неясное упоминание в Хронике Тохта-бея, крепость переходит под власть государей Феодоро и становится вторым после Каламиты портом княжества. Это позволяет понять и значение титула владетелей Феодоро: «ауфент (господарь, государь) города Феодоро и Поморья», в котором под Поморьем могло официально подразумеваться морское побережье Западного Крыма от Инкермана (Каламиты) до устья реки Бельбек. Другой вопрос, что значение термина Поморья могло неофициально расширяться и на морское побережье ЮБК, подвластное Генуе (Капитанство Готия).

С начала XIV в. порт Авлита наносится на морские карты и под названием Фети упоминается как один важных пунктов в черноморско-средиземноморской торговле.

В 1475 г. крепость Авлита была взята и разрушена османской эскадрой Геди Ахмед-паши. В связи с общим упадком морской торговли в Черном море после османского завоевания крепость и город постепенно приходят в запустение. Согласно османским дефтерам XVI в., Авлита/Сары-керман относится к безлюдным поселениям. Набеги запорожских и донских казаков в XVII в. также не способствовали процветанию морского порта. Тем не менее порт Авлита продолжал существовать, о чем свидетельствуют не только сведения графа П.А. Толстого и упоминания его у рабби Азаръя, но и данные османских и европейских морских карт XVIII в.

Основание в 1783 г. города Севастополь привело к окончательному упадку порта Авлита, а переселение православного населения Крыма – и к исчезновению самого топонима. В 30-х гг. XIX в. остатки цитадели еще видел Дюбуа де Монпере, а спустя 20 лет во времена Крымской войны их наблюдали союзные войска. Но к началу XX в. от крепости Авлита остались лишь жалкие остатки, которые с трудом обнаружил Н.М. Печенкин.

Строительство 30-й береговой батареи и активное хозяйственное освоение Северной стороны Севастополя окончательно уничтожили остатки крепости, и сегодня уже ничто не напоминает о некогда «благоустроенной древней крепости Сар-керман». В рамках Константиновской морской экспедиции Севастопольского государственного университета предполагается провести исследования морского побережья в районе устья реки Бельбек и археологические разведки в районе 30-й батареи. Возможно, именно эти исследования позволят поставить окончательную точку в вопросе локализации Усть-Бельбекского городища.

Литература

1. *Абу-л-Фида.* Упорядочение стран / пер. И.Г. Коноваловой // Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 272 с.

2. Английская карта Северного Причерноморья, выгравированная Джоном Лоджем. Лондон, 1769 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.swaen.com/zoomV2.php?id=14974&zif_first=true.

3. *Веникеев Е.В.* Севастопольские маршруты. Симферополь: Таврида, 1988. 144 с.

4. *Шихаб Ад-Дин Аль-Калшаканди*. Светоч для подслеповатого в искусстве писца. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1995. Вып. XVIII. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/ rus17/Al_Kalkasandi/text4.phtml?id=12686.

5. *Гордеев А.Ю.* Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII вв. Киев: ДНВП «Картографія», 2014. 479 с.

6. *Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–II вв. н.э.: по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 325 с.

7. Журнал генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского 1769–1776 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVIII/1760-1780/Prozorovskij_A_A/frametext11.htm.

8. *Зубарь В.М.* Итоги и перспективы изучения римских военных древностей Таврики // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.): сб. докл. научн. конф. / под ред. Е.В. Ярового и др. Тирасполь, 2002. С. 324–325.

9. Историческое описание земли Войска Донского: в 2 т. Новочеркасск, 1869. Т. 1. 293 с.

10. Камеральное описание Крыма, 1784 года / ИТУАК. Симферополь, 1888. Т. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Kamer_opis_1784/text4.phtml?id=5744.

11. *Кеппен П.И.* Крымский сборник. СПб., 1837. 411 с.

12. *Монахов С.Ю.* Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // Вестник древней истории. 1984. № 1(167). С. 109–128.

13. Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского. Сектор картографических изданий, инв. номер 6709к. В каталоге значится без указания источника поступления и без даты, на обороте от руки написан 1760 год. [Электронный ресурс]. URL: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/hedz_1760/turkish_map_1760_b.jpg.

14. Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского. Сектор картографических изданий, инв. номер 16687, размер 56 × 40,5 см. [Электронный ресурс]. URL: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/hedz_1760/turkish_map_1760_b.jpg.

15. *Печенкин Н.М.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК № 38. Симферополь, 1905. С. 29–37.

16. *Рабби Азарья*. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана // Временник императорского общества истории и древностей российских. СПб., 1856. Кн. 24. [Электронный ресурс]. URL:http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1760-1780/Rabbi_azarja/text.phtml?id=5707.

17. Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья / под ред. С.П. Карпова // Причерноморье в средние века. М.; СПб.: Алетейя, 1998. Вып. 3. 81 с.

18. *Романчук А.И., Омелькова Л.А.* Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Античная древность и средние века. Свердловск, 1979. Вып. 16. С. 94–104.

19. *Сорочан С.Б.* Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н.э. – V в. н.э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 26–37.

20. *Толстой П.А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М.: Наталис, 2006. 304 с.

21. *Филиппенко А.А., Тюрин М.И., Ушаков С.В.* О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные // Stratumplus. Chișinău. 2016. № 4. С. 139–151.

22. *Челеби Эвлия.* Книга путешествий. Крым и сопредельные области / пер. Е.В. Бахревского. Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 270 с.

23. *Чернов Э.А.* Османские налоговые ведомости 1520 и 1542 гг. [Электронный ресурс]. URL:http://www.academia.edu/10116879/Чернов_Э._А._Османские_налоговые_ведомости_1520_и_1542_гг.

24. *Черный Ф.* Генеральная карта Крыма, сочиненная Федором Черным (1790 г.). URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=169.

25. *Шульц П.Н.* Скифский город на реке Булганак // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Киев, 1967. Вып. 1. С. 114–119.

26. *Biyik Ö.* Osmanlı Yönetiminde Kırım (1600–1774). İzmir, 2007. 297 s.

27. Nouvelle Carte de la Crimee, & toute de la Mer Nooire depuis Bender jusqu a Azoff & pais Circonvoisins Fait & Dressee ou dessine par un Ingenieur Renomme au Mois de Juillet 1737. et Jamais mis ainsi au Jour. Амстердам, Pierre Schenk, 1737 (454×560 mm). [Электронный ресурс]. URL: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/war_map_1737_b.jpg.

28. *ÖztürkYücel*. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Kültürve Turizm Bakanlığı Yayınları, Ankara, 2000. 568 s.

29. *Stello A.* Grenzerfahrung Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeerraum. Universität Trier, 2011, 251 s. [Электронный ресурс]. URL: http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2012/753/pdf/Stello_Diss.pdf.

АВТУШЕНКО МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – старший научный сотрудник Центра морских исследований и технологий, Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь (michel1972@mail.ru).

M. AVTUSHENKO

THE QUESTION OF LOCALIZATION AND GREEK TOPONYM OF UST-BELBECK HILLFORT

***Key words**: Ust-Belbeck hillfort, Avlita, Belbeck, Principality of Theodoro, Sari-kermen, Crimea, Sevastopol.*

The article examines the question of localization and the Greek toponym of Ust-Belbek hillfort. Based on the analysis of medieval portolanos and geographical maps of the XVIII–XIX centuries as well as that of historical sources the author draws a conclusion that localization of Ust-Belbek hillfort was the site in the region of 30th coastal battery (Lubimovka, Sevastopol). The origin of the hillfort is presumably referred to Tauris time. Later, in Tauris hillfort place a Roman fortress and a trade port were built. In Middle ages, the Ust-Belbek hillfort was known as port of Feti/Leffeti (European toponym) and as Avlita port (Greek/Byzantine toponym). At the close of the XIII century, Avlita fell under the power of Theodoro Principality and became one of the centers of the Black and Mediterranean Seas trade (the Crimean part of the Great Silk Route). Decline of Avlita port began in 1475, as a result of the Osmans' invasion into the Crimea and a general decline of the Black Sea – Mediterranean seatrade. However, the port of Avlita continued to exist up to Sevastopol foundation in 1783.

References

1. Abu-l-Fida. *Uporyadochenie stran* [The ordering of countries]. In: Konovalova I.G., Perkhavko V.B. *Drevnyaya Rus' i Nizhnee Podunav'e* [Old Rus and the Lower Danube]. Moskow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2000, 272 p.

2. *Angliiskaya karta Severnogo Prichernomor'ya, vygravirovannaya Dzhonom Lodzhem, Lon don, 1769 g.* [English map of the Northern Black Sea, engraved by John Lodge, London, 1769]. Available at: http://www.swaen.com/zoomV2.php?id=14974&zif_first=true. (Accessed 24 Aug. 2017).

3. Venikeev E.V. *Sevastopol'skie marshruty* [Sevastopol routes]. Simferopol, Tavrida Publ., 1988, 144 p.

4. Shikhab Ad-Din Al'-Kalshakandi. *Svetoch dlya podslepovatogo v iskusstve pistsa. Geografi cheskoe opisanie Zolotoi Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi* [The light for scribers weak-sighted in the arts. Geographical description of the Golden Horde in the Encyclopedia of Al-Kalkashandi]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Al_Kalkasandi/text4.phtml?id=12686. (Accessed 24 Aug. 2017).

5. Gordeev A.Yu. *Toponimiya poberezh'ya Chernogo i Azovskogo morei na kartakh-portolanakh XIV–XVII vv.* [The toponymy of the coast of the Black and the Azov seas in maps-portolano in the XIV–XVII centuries]. Kiev, DNVP Kartografiya Publ., 2014, 479 p.

6. Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–II vv.n.e.: po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny* [Red glazed ceramics from the excavations of the Southwestern Crimea of the I–II centuries BC: the late Scythian necropolises of the valley river Belbek]. Moscow, Moskow State Univercity Publ., 2006, 325 p.

7. *Zhurnal general-fel'dmarshala knyazya A.A. Prozorovskogo 1769–1776* [War-journal of Fieldmarshal Prince A.A. Prozorovsky]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVIII/1760-1780/Prozorovskij_A_A/frametext11.htm (Accessed 24 Aug. 2017).

8. Zubar' V.M. *Itogi i perspektivy izucheniya rimskikh voennykh drevnostei Tavriki* [Results and prerspective of the Studying of the Roman military antiquities as well]. *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n.e. – V v. n.e.): sb. dokl. nauchn. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «The ancient community of farmers and cattlemen of Northern Black Sea (V century BC – V century AD»]. Tiraspol, 2002, pp. 324–325.

9. *Istoricheskoe opisanie zemli Voiska Donskogo: v 2 t.* [Historical description of the Don Cossacks. 2 vols.]. Novocherkassk, 1869, vol. 1, 293 p.

10. *Kameral'noe opisanie Kryma, 1784 goda* [Cameral description of the Crimea in 1784]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1780-1800/Kamer_opis_1784/text4.pht ml?id=5744 (Accessed 24 Aug. 2017).

11. Keppen P.I. *Krymskii sbornik* [The Crimeans digest]. St. Petersburg, 1837, 411 p.

12. Monakhov S.Yu. *Proizvodstvo amfor v ellinisticheskom Khersonese* [The production of the amphorae in the Hellenistic Chersonesos]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1984, no. 1(167), pp. 109–128.

13. *Natsional'naya biblioteka Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo. Sektor kartograficheskikh izdanii, inv. nomer 6709k. V kataloge znachitsya bez ukazaniya istochnika postupleniya i bez daty, na oborote ot ruki napisan 1760 god* [Vernadskys National library of Ukraine. Sector maps]. Available at: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/hedz_1760/turkish_map_1760_b.jpg (Accessed 24 Aug. 2017).

14. *Natsional'naya biblioteka Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo. Sektor kartograficheskikh izdanii, inv. nomer 16687, razmer 56 x 40,5 sm* [Vernadskys National library of Ukraine. Sector maps]. Available at: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/hedz_1760/turkish_map_1760_b.jpg (Accessed 24 Aug. 2017).

15. Pechenkin N.M. *Raskopki v okrestnostyakh g. Sevastopolya* [Excavations in the near of Sevastopol]. *ITUAK № 38*. Simferopol, 1905, pp. 29–37.

16. Rabbi Azar'ya. *Sobytiya,sluchivshiesya v Krymu v tsarstvovanie Shagin-Girei-khana* [The events that occurred in the Crimea in the reign of Shagin Giray Khan]. *Vremennik imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh.* [Annals of the Imperial Society of Russian history and antiquities]. St. Petersburg, 1856. Book 24. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1760-1780/Rabbi_azarja/text.phtml?id=5707. (Accessed 24 Aug. 2017).

17. Karpov S.P., ed. *Regesty dokumentov fonda Diversorum Filze sekretnogo arkhiva Genui, otnosyashchiesya k istorii Prichernomor'ya* [Regesty Foundation Diversorum Filze secret archives of the Genoa relating to the history of the Black sea]. *Prichernomor'e v srednie veka* [The Black Sea in the Middle Ages, Collected papers]. Moscow, St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998, iss. 3, 81 p.

18. Romanchuk A.I., Omel'kova L.A. *Srednevekovoe poselenie na levom beregu reki Bel'bek* [Medieval settlement on the left side of the river Belbek]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages, Collected papers]. Sverdlovsk, 1979, iss. 16, pp. 94–104.

19. Sorochan S.B. *Ekonomicheskie svyazi Khersonesa so skifo-sarmatskim naseleniem Kryma v I v. do n.e. – V v. n.e.* [Economic relations between the Chersonesus and the Scythian-Sarmatian population of the Crimea in the I century BC – V century AD]. *Antichnye gosudarstva i varvarskii mir* [The ancient states and the Barbaric world. Collected papers]. Ordzhonikidze, 1981, pp. 26–37.

20. Tolstoi P.A. *Opisanie Chernogo morya, Egeiskogo arkhipelaga i osmanskogo flota* [Description of the Black sea, the Aegean archipelago and the Ottoman fleet]. Moscow, Natalis Publ., 2006, 304 p.

21. Filippenko A.A., Tyurin M.I., Ushakov S.V. *O mogil'nike VIR (Bel'bek III) v Yugo-Zapadnom Krymu: novye dannye* [The cemetery VIR (Belbek III) in the South-Western Crimea: new data]. *Stratumplus. Kishinev*, 2016, no. 4, pp. 139–151.

22. Chelebi Evliya. *Kniga puteshestvii. Krym i sopredel'nye oblasti* [The Book travels. Crimea and others regions]. Simferopol, DOLYa Publ., 2008, 270 p.

23. Chernov E.A. *Osmanskie nalogovye vedomosti 1520 i 1542 gg.* [Ottomans defters1520 and 1542]. Available at: http://www.aca-demia.edu/10116879/Chernov_E._A._Osmanskie_nalogovye_vedomosti_1520_i_1542_gg.

24. Chernyi F. *General'naya karta Kryma, sochinennaya Fedorom Chernym (1790 g.)* [General map of the Crimea, written by Fyodor Chernyi in 1790]. Available at: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=169 (Accessed 24 Aug. 2017).

25. Shul'ts P.N. *Skifskii gorod na reke Bulganak* [The Scythian town on the river Bulganak]. *Arkheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1965–1966 gg.* [Archaeological research in Ukraine in 1965-1966.]. Kiev, 1967, iss. 1, pp. 114–119.

26. Biyik Ö. *Osmanlı Yönetiminde Kırım (1600–1774).* İzmir, 2007, 297 s.

27. Nouvelle *Carte de la Crimee, & toute de la Mer Nooire depuis Bender jusqu a Azoff & pais Circonvoisins Fait & Dressee ou dessine par un Ingenieur Renomme au Mois de Juillet 1737. et Jamais mis ainsi au Jour. Амстердам, Pierre Schenk, 1737 (454×560 mm).* Available at: URL: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/war_map_1737_b.jpg (Accessed 24 Aug. 2017).

28. ÖztürkYücel. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Kültürve Turizm Bakanlığı Yayınları*, Ankara, 2000, 568 s.

29. Stello A. *Grenzerfahrung Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeerraum. Universität Trier,* 2011, 251 s. Available at: http://ubt.opus.hbznrw.de/volltexte/2012/753/pdf/Stello_Diss.pdf (Accessed 24 Aug. 2017).

AVTUSHENKO MICHAEL – Senior Researcher in The Centre of the Marine Scientific Research and Technologies, Sevastopol State Univercity, Russia, Sevastopol (michel1972@mail.ru).

Ссылка на статью: *Автушенко М.Н.* К вопросу локализации и греческом топониме Усть-Бельбекского городища // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 5–22.

УДК 378.4(470.344) 096:93+069.015(470.344):94(470)«1941|1945»
ББК Т.р311(2Рос.Чув.)+Т3(2)622л6

О.В. АНДРЕЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ И УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ О НЕЙ НА ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, увековечение памяти, Чувашский госуниверситет, историко-географический факультет, центр изучения войны, научная конференция, круглый стол, борьба с фальсификацией и ревизией истории войны, музей, поисковое движение, акция «Бессмертный полк».*

В статье на основе изучения полувековой истории подготовки профессиональных историков, целенаправленной, многогранной и плодотворной совместной научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов обосновывается вывод о превращении историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в ведущий региональный научный центр по изучению истории Великой Отечественной войны и увековечению памяти о ней.

«Любовь к Родине», «призвание», «гражданский и профессиональный долг» – основные категории, характеризующие историка-хранителя памяти о прошлом, в котором немало событий исключительной важности в судьбе страны и народа. В истории России XX в. помимо революций таким событием стала Великая Отечественная война, к которой не ослабевает внимание общественности, деятелей искусства и науки. Наиболее активны историки, которые в постоянном поиске и находят что-то новое, дискутируют, создают свои исследовательские центры и объединения. С первых месяцев войны начиная с момента создания Комиссии по истории обороны Москвы и на протяжении всей второй половины XX – начала XXI вв. сформировалась большая группа государственных научно-исследовательских центров и объединений историков Второй мировой и Великой Отечественной войн. Среди них ведущее место занимают Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, Центр военной истории Института российской истории РАН, Центр истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, Академия военных наук Российской Федерации (АВН), Институт российской истории Российской академии наук, Российское военно-историческое общество (РВИО) [1, С. 13]. Соответственно, сложилась преемственность между старшим и молодым поколениями специалистов, основоположников и продолжателей традиций отечественных военно-исторических научных школ.

Сложились они и в регионах страны, где важное место заняли университетские коллективы. Одним из таких центров стал историко-географический факультет Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова. Значительную часть преподавателей и учёных первого состава двух кафедр (истории СССР и всеобщей истории) исторического отделения историко-филологического факультета (1967–1990) представляли фронтовики, создавшие особую, по-настоящему товарищескую морально-психологическую и подлинно научную атмосферу для развёртывания изучения истории Великой Отечественной войны, сохранения исторической памяти о ней. Такими останутся в памяти доктор исторических наук В.Ф. Каховский (1915–1993) – первый заведующий кафедрой всеобщей истории (1967–1989) и одновременно декан историко-филологического факультета

(1969–1972); доктор филологических наук, профессор М.М. Михайлов (1923–1995) – декан факультета в 1972–1983; доктор исторических наук В.Д. Димитриев (1924–2013), который, будучи директором ЧНИИ ЯЛИЭ при Совмине ЧАССР (1968–1988), по совместительству являлся профессором ЧГУ (1967–1988), а с 1988 г. – последовательно заведующим кафедрами отечественной истории (1988–1994), средневековой и новой истории (1994–2000), источниковедения и архивоведения (2000–2009), профессором кафедры архивоведения и документоведения (2009–2011); В.Л. Кузьмин (1919–2002) – доцент кафедры истории СССР (1972–1990); Д.М. Макаров (1918–2001) – доцент кафедры истории СССР, отечественной истории, средневековой и новой истории Отечества (1967–1999); Е.Г. Беляев (род. в 1924 г.) – доцент кафедры всеобщей истории со дня открытия университета.

Много сил в создание условий для научного изучения и преподавания истории Великой Отечественной войны было вложено Ю.П. Смирновым, представителем первого выпуска ИФФ (1968 г.), успешно защитившим кандидатскую (1973 г.) и докторскую (1998 г.) диссертации. Хотя основное направление его научных интересов представляла история рабочего класса, именно он, возглавив в 1994 г. новую кафедру Отечественной истории XX века, ввёл спецкурс «Историография Великой Отечественной войны», который сам в начале преподавал. Он же был инициатором открытия кабинета истории Великой Отечественной войны, в оборудовании которого под его непосредственным руководством принял участие тогда молодой ассистент кафедры, автор данной статьи. Хорошим подспорьем в деле изучения истории Великой Отечественной войны стали методические рекомендации, изданные Ю.П. Смирновым в 1990 г. [8]. Постепенно часть молодых преподавателей была вовлечена в развитие этого научного направления. И автор данной работы не стал исключением, ему в 1996 г. было доверено дальнейшее преподавание нового спецкурса, по которому были подготовлены и изданы методические указания «Великая Отечественная война: теоретические и методологические проблемы» (2001 г.), а в 2015 г. – учебно-методическое пособие «Великая Отечественная война: опыт изучения, актуальные вопросы исследования и преподавания». Вскоре и студенческая молодёжь, прежде всего те, кто специализировался на кафедре, охотно начала разрабатывать темы для выступления на ежегодных студенческих научных конференциях.

В 1960-е – начале 1990-х гг. основная часть публикаций по проблемам истории Великой Отечественной войны приходилась на исследователей НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и научных сотрудников центральных архивов республики, которыми была систематизирована и выпущена в свет серия сборников документальных материалов, посвящённых фронтовикам – уроженцам Чувашии, вкладу тружеников республики в победу. Ими также изданы в нескольких выпусках сборники фронтовых писем, дневников, воспоминаний, боевых документов под общим названием «Память солдатского сердца». Появилось также большое количество монографий и сборников статей по широкому спектру военной истории. В 1990-е гг. обозначилась новая тенденция в центре и на местах: исторические факультеты вузов превратились в своеобразные научно-исследовательские центры по изучению, распространению знаний, сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Таким центром в Чувашской Республике стал исторический факультет (с 1990 г.) Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова. Это вполне объяснимо: сформировалась плеяда авторитетных преподавателей-исследователей и их учеников,

благодаря которым целенаправленно, довольно плодотворно проводилась и в настоящее время осуществляется эта важная и благородная миссия; сложилось тесное взаимодействие между вузами и республиканским научно-исследовательским институтом (в настоящее время – Чувашский государственный институт гуманитарных наук), которые совместно или на базе Чувашского госуниверситета проводили научно-практические конференции; немало исследователей научно-исследовательского института перешли или по совместительству начали трудиться и делиться своим практическим опытом с молодыми преподавателями-историками. Ярким примером служит плодотворная деятельность одного из учеников Ю.П. Смирнова – доктора исторических наук, профессора И.И. Бойко, автора ряда работ по истории Великой Отечественной войны, в том числе и историографического характера [4].

Весомым аргументом в пользу изложенной точки зрения служит и то, что на Объединенном совете по защите кандидатских и докторских диссертаций на базе ЧГУ и МарГУ прошли успешную защиту диссертации по проблемам истории Великой Отечественной войны, выполненные на кафедре Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой. Среди них: кандидатская диссертация Е.В. Суховой, дочери одного из первых преподавателей исторического факультета и специалистов в изучении военной истории В.Л. Кузьмина, на тему «Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: на материалах Чувашской АССР» (2002 г.), докторская диссертация В.В. Тимофеева на тему «Республики Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945)» (2006 г., научный консультант – доктор исторических наук, профессор Ю.П. Смирнов), получившая одобрительный отзыв маршала Д.Т. Язова; кандидатская диссертация С.И. Моисеева (Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва) на тему «Организация тылового обеспечения войск Красной Армии в Сталинградской битве: 1942–1943 гг.» (2016 г.), выполненная под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой Е.К. Минеевой. Диссертации проходят предварительное обсуждение на вышеназванной кафедре с участием учёных других кафедр и вузов. Примером успешного и перспективного научного сотрудничества между учёными Чувашского государственного университета и Военного университета может служить совместная работа Е.К. Минеевой и С.И. Моисеева по изучению и публикации результатов исследований вопросов материального снабжения Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны [5]. Е.К. Минеева имеет научную школу, является научным руководителем аспирантов и соискателей, в том числе и по проблемам Великой Отечественной войны. Так, в 2013 г. под ее научным руководством на тему «Сельская интеллигенция Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность» защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук М.А. Широкова, также публикуют свои научно-исследовательские труды ее ученики [5, 6].

Существенный вклад в изучение истории Великой Отечественной войны внесла также доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой В.И. Соколова. В её научных трудах, в частности, в статьях, изданных в «Военно-историческом журнале» Министерства обороны Российской Федерации, отражена многогранная деятельность службы тыла в период Великой Отечественной войны и после войны [9–11]. Докторская диссертация В.И. Соколовой «Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики» (2010 г., научный консультант – доктор исторических наук, профессор И.И. Бойко) также была

выполнена на кафедре Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой. В главе «Молодежь Чувашской АССР в 1941–1953 годы» освещены такие вопросы, как молодежная политика государства в условиях войны, участие молодежи в подготовке мобилизационных резервов для армии и флота, в боевых действиях на фронте, перестройке и развитии народного хозяйства страны, мероприятиях по организации финансовой и материальной помощи фронту, работе социальной сферы, восстановлении и дальнейшем развитии республики и страны в послевоенный период.

В конце 1960-х – начале 1990-х гг. преподаватели кафедр факультета также через общество «Знание» вели активную лекторскую работу, расширив формы и методы сохранения исторической памяти о войне, распространения знаний о вкладе народов СССР в победу.

Результаты научных изысканий исследователей факультета в области истории Великой Отечественной войны впечатляют. По нашим подсчётам, показатели по кафедрам выглядят так: Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой: всего публикаций – 59; из них книг – 6; истории и культуры зарубежных стран: всего публикаций в виде статей – 16; археологии, этнографии и региональной истории: всего научных трудов – 8 (в том числе: 7 статей и 1 сценарий, подготовленный профессором В.А. Васильевым для научно-популярного документального телефильма «Шагнувшие в бессмертие», успешная демонстрация которого состоялась 21 июня 2017 г. в кинотеатре «Сеспель» г. Чебоксары); документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин: всего научных трудов – 37 (в том числе 5 книг). Итого по факультету количество публикаций по проблемам Великой Отечественной войны за указанный период достигло 120 (в том числе книг – 11). О том, что история Великой Отечественной войны стала важнейшей сферой научных интересов многих преподавателей факультета, свидетельствуют персональные показатели научных публикаций по данному направлению: В.Д. Димитриев – 21 (в том числе 3 книги); О.В. Андреев – 19 (в том числе 1 книга); В.И. Соколова – 14 (в том числе 1 книга); А.Д. Григорьев – 14 (в том числе 1 книга); М.А. Широкова – 7; Е.В. Плотникова – 5.

За истекший период труды исследователей были апробированы на республиканских, межрегиональных и всероссийских конференциях, приуроченных к знаменательным событиям в истории страны, прежде всего Победе в Великой Отечественной войне. Так, 15 февраля 2008 г. в честь 65-летия Победы под Сталинградом в Чебоксарском кооперативном институте Российского университета кооперации состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Сталинградская битва: Великий подвиг народа», в которой наряду с 36 учёными из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Саранска, Владимира, Ульяновска, Чебоксар приняли активное участие 4 исследователя историко-географического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова. Вниманию участников конференции автором данного исследования была представлена работа на тему «Война и ее экологические последствия: на примере Сталинградской битвы», вошедшая в сборник материалов конференции [3. С. 152–158]. Высокий уровень организации и проведения межрегиональной научно-практической конференции – результат слаженной работы оргкомитета под руководством трёх выпускников историко-филологического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова докторов исторических наук: ректора Чебоксарского кооперативного института В.В. Андреева и проректора по научной работе института (одновременно – профессора кафедры археологии, этнографии и региональной истории ИГФ ЧГУ, члена

Объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ЧГУ и МарГУ) Л.А. Таймасова, заведующей кафедрой института Е.М. Михайловой. Следует отметить, что В.В. Андреев – автор учебного пособия «Итоги и цена Победы СССР в Великой Отечественной войне» (Чебоксары, 2010).

На протяжении всего исследуемого периода совершенствовалось и внутриуниверситетское сотрудничество в деле организации и проведения научных мероприятий, посвящённых Великой Отечественной войне: благодаря совместным усилиям преподавателей-историков и военной кафедры ЧГУ вошли в практику читательские и научные конференции. К примеру, в 1984/85 учебном году были организованы конференции «Освободительная миссия советских войск в Западной Европе», «Висло-Одерская операция», «Восточно-Прусская операция», «Берлинская операция».

В настоящее время научная деятельность историков университета приобрела международный характер, чему непосредственно способствовало укрепление связей между Российской Федерацией и КНР, которые совместно отстаивают итоги Второй мировой и Великой Отечественной войн, решения Потсдамской (Берлинской) конференции 1945 г., активно борются с попытками ревизии и фальсификации вклада советского и китайского народов в победу над нацистской Германией и её сателлитами, милитаристской Японией. В это исторически и научно значимое дело заметный вклад внесли преподаватели историко-географического факультета, которые 18 декабря 2015 г. с коллегами из Аньхойского университета в режиме он-лайн провели научное мероприятие, ставшее основой Международной научно-практической конференции, посвящённой борьбе с фашизмом и милитаризмом. Материалы конференции вошли в сборник трудов учёных из Китая, Германии и России. Из 26 научных статей, вошедших в сборник, авторами 16 работ стали исследователи историко-географического факультета Чувашского госуниверситета [7]. В названный сборник вошла и статья автора данного исследования, посвящённая ведущим российским и китайским военно-историческим научным центрам и обществам, их сотрудничеству в изучении Победы над фашизмом и японским милитаризмом, укреплении исторической памяти [2].

Важнейшим направлением научно-исследовательской и воспитательной деятельности на историко-географическом факультете стала борьба с фальсификациями исторического прошлого России, особенно периода Великой Отечественной войны. Первыми научно обоснованный отпор псевдонаучным «трудам» зарубежных и новоявленных российских «специалистов» по военной истории дали историки-фронтовики. Так, доктором исторических наук В.Д. Димитриевым, автором мемуаров «В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии: (воспоминания)», в работе «Мы воевали не под прицелом охранников» был дан аргументированный ответ измышлениям о заградотрядах [13].

Для обсуждения этой актуальной и общественно значимой проблемы специалистами-историками факультета также привлекались средства массовой информации: например, в 2014 г. на базе культурно-выставочного центра «Радуга» (г. Чебоксары) был проведён семинар с участием учителей истории.

С первых лет деятельности исторического отделения стали традиционными мероприятия, посвящённые Дню Победы в Великой Отечественной войне: встречи с ветеранами войны и тыла, возложение венков к могилам воинов, погибших в Великой Отечественной войне, Монументу Воинской Славы в Мемориальном парке «Победа» (г. Чебоксары), также просмотры фильмов на военно-патриотическую тематику.

При участии представителей факультета проводились и другие мероприятия. Так, начиная с февраля 2014 г. были организованы тематические экскурсии «70-летие снятия блокады Ленинграда», «Наши земляки – Герои Советского Союза и Герои России», «Чтобы помнили», «Храм памяти»; литературно-музыкальные композиции «Но выстоял великий Сталинград», «Героические подвиги наших земляков», «Колокола нашей памяти»; выступления студентов на тему «История моей семьи в Великой Отечественной войне» и др.

2015-й год, год 70-летия Победы в Великой Отечественной и во Второй мировой войнах историко-географический факультет отметил особенно активно и торжественно: задолго до знаменательной даты организовывались многочисленные выставки, культурно-патриотические и научные мероприятия: научно-практические конференции, круглые столы с участием ветеранов войны и тыла. Так, 29 апреля 2015 г. кафедрой Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой был организован круглый стол на тему «Великая Отечественная война: драма и подвиг народа», участникам которого была продемонстрирована выставка-экспозиция книг по истории Великой Отечественной войны. Особенно волнительными стали приветственная речь профессора В.А. Щедрина, чествование и выступление ветерана Великой Отечественной войны доцента кафедры истории и культуры зарубежных стран Е.Г. Беляева, труженика тыла А.С. Маркова. В ходе круглого стола были обсуждены доклады: доцента кафедры О.В. Андреева на тему «История Великой Отечественной войны: узловые проблемы и их трактовки, задачи отечественной исторической науки в условиях новых вызовов и угроз»; старшего преподавателя К.Л. Андреева «Современные зарубежные интерпретации Великой Отечественной войны и государственная политика Российской Федерации в области исторического образования»; представителей школ города А.Н. Демидовой (СОШ-54), И.П. Ивановой (лицей № 3), которые представили также презентации о деятельности школ по сохранению исторической памяти о войне и о тех, кто завоевал Победу.

Неоценимо с этой точки зрения вовлечение студенческой молодёжи в различные формы увековечения памяти о войне, особенно ежегодные студенческие научные конференции, ставшие наиболее распространёнными и популярными. Проблемы Великой Отечественной войны стали традиционными с открытием в 1980 г. в рамках студенческой научной конференции «День науки» специальной секции военной кафедры «История Вооружённых Сил СССР». В настоящее время студенты ИГФ и факультетов, на которых преподаватели-историки ведут исторические дисциплины, имеют возможность продемонстрировать свои знания, состязаться научными проектами по истории Великой Отечественной войны на многочисленных научных мероприятиях, в организации которых историко-географический факультет принимает непосредственное участие. Такими мероприятиями являются: весенняя студенческая научная конференция (51-я по счёту в 2017 г.); ежегодная (с 2007 г.; ноябрь-декабрь) региональная студенческая конференция «Человек. Гражданин, Учёный»; с 2011 г. – открытый конкурс-фестиваль научно-исследовательских и творческих работ школьников и студентов «Великие сыны России» на базе ИГФ ЧГУ (с 2014 г. – статус республиканского), Межрегиональная (19-я по счёту в 2017 г.) конференция-фестиваль научного творчества учащейся молодежи «Юность Большой Волги». Следует отметить, что значительная часть фестивалей-конкурсов посвящена важнейшим событиям и героям Великой Отечественной войны: 2013 г. – «Великие сыны России – Катуков, Маресьев, Судаев…», посвящённый 70-летию Курской битвы; 2015 г. – «Великие сыны Рос-

сии – Великая и народная» в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне; 2016 г. – «Великие сыны России – Битва за Москву» в честь 75-летия Московской битвы. Стали популярными секции «Военная история России», «СССР в Великой Отечественной войне», «Россия в военных конфликтах XX–XXI вв.».

В течение многих лет победителями студенческих научных состязаний становились студенты-историки под руководством преподавателей кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, кафедры истории и культуры зарубежных стран. Так, на первой Всероссийской конференции «География мужества» на базе Марийского государственного университета (18 апреля 2017 г.) Чувашский государственный университет достойно представили студенты-историки В. Андреева, И. Стёпкина, И. Васильева и Н. Фёдорова (научный руководитель – Т.Н. Иванова), А. Герасимов, А. Николаев и К. Яковлева (научный руководитель – О.В. Андреев), К. Васильева и О. Новикова (научный руководитель – Н.Н. Агеева), научные доклады которых были удостоены призовых мест. Вышеизложенное служит ещё одним подтверждением высокого статуса историко-географического факультета как одного из ведущих научных центров по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, подготовки высококвалифицированных историков.

О высоком уровне профессионализма студентов-историков свидетельствует активное их участие в сборе, систематизации и обработке воспоминаний о событиях 1940–1960-х гг. под научным руководством профессора С.Ю. Михайловой и доцента А.В. Григорьева. Итогом совместной научной работы стало издание в 2010 г. сборника «Судьбы людские в судьбе России: воспоминания о Великой Отечественной войне и послевоенных годах (народные мемуары)» [12].

Высокое качество выполнения и защиты выпускных квалификационных (дипломных) работ – ещё одно подтверждение. По нашим подсчётам, количество работ, посвящённых различным аспектам истории Великой Отечественной войны, только за период с 2001 г. по 2017 г. составило 37. Из них по кафедре Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой выполнено 35, что вполне объяснимо как спецификой профиля, перечнем спецкурсов, так и заметным интересом студентов к истории Великой Отечественной войны.

С первых лет деятельности факультета шёл непрерывный процесс совершенствования форм и методов военно-патриотического воспитания студентов, вовлечения их в дело сохранения исторической памяти. Если первоначально преобладали такие формы, как походы по местам революционной, боевой и трудовой славы, посещения музеев, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, то со временем они стали более разнообразными, масштабными и интересными. Да и сами студенты стали более активно участвовать в мероприятиях, например, в вахте памяти (февраль–май ежегодно), месячнике оборонно-массовой работы.

Усилия по сохранению традиционных, возрождению испытанных и созданию новых форм увековечения великой Победы дали свои результаты. Так, в 2013 г. по инициативе руководства факультета было возрождено поисковое движение, возникшее в Чувашском госуниверситете ещё в конце 1980-х гг. и прекратившее свою деятельность с распадом Советского Союза. Организационной формой стал поисковый клуб «Георгиевская лента» под руководством доцента С.Н. Кодыбайкина. Довольно быстрому взрослению студентов и приобретению ими практического опыта в значительной степени способствовало их непосредственное участие в раскопках в местах боевых дей-

ствий на территории Смоленской (2013), Калужской (2014), Тверской (2015, 2016) и Мурманской областей (июль–август 2017 г.), в Крыму (апрель–май 2017). Важное значение также имело исследование поисковым отрядом и студентами факультета, членами Русского географического общества, Казанского оборонительного рубежа в мае 2017 г. (первая экспедиция состоялась в 2015 г.). За отличие в поисковом движении С.Н. Кодыбайкин и члены поискового клуба «Георгиевская лента» Р. Гарифуллин и Т. Суворова (Волкова) были удостоены наград Министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу.

Первый опыт поисковой деятельности, полученный ещё в ходе участия в международной «Вахте памяти» в 2013 г. на территории Смоленской области, способствовал созданию на факультете музея истории Великой Отечественной войны, который ежегодно пополняется новыми экспонатами за счёт находок отряда. Музей истории Великой Отечественной войны, как и музей боевой и трудовой славы ЧГУ, в настоящее время представляет собой образовательное, научно-исследовательское, культурно-просветительное учреждение и центр военно-патриотического воспитания студенческой молодёжи: в нём проводятся учебные занятия, научные конференции, уроки мужества и патриотизма, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и Вооружённых Сил РФ, участниками локальных военных конфликтов; мероприятия, посвящённые Дню защитника Отечества, Дню Победы в Великой Отечественной войне, разгрому милитаристской Японии.

Стало традицией участие преподавателей, сотрудников и студентов в масштабной акции «Бессмертный полк» в День Победы 9 мая, в которой в 2017 г. по всей России приняло участие 7,8 млн человек (в 2016 г. – 6,2 млн человек).

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время историко-географический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова представляет собой один из ведущих региональных научных центров по изучению истории Великой Отечественной войны и увековечению памяти о ней.

Литература

1. *Андреев О.В.* Великая Отечественная война: опыт изучения, актуальные вопросы исследования и преподавания. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. 174 с.

2. *Андреев О.В.* Ведущие российские и китайские военно-исторические научные центры и общества: сотрудничество в изучении Великой Победы над фашизмом и японским милитаризмом, укреплении исторической памяти // Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне (Чебоксары, 18 декабря 2015 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 5–26.

3. *Андреев О.В.* Война и ее экологические последствия: на примере Сталинградской битвы // Сталинградская битва: Великий подвиг народа: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию победы в Сталинградской битве. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2008. Ч. I. С. 152–158.

4. *Бойко И.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в исследованиях историков Чувашии // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. А.Г. Николаев; ЧГИГН. Чебоксары, 2011. Вып. 1. С. 52–79.

5. *Минеева Е.К., Моисеев С.И.* Сталинградская битва и её материальное снабжение // Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне (Чебоксары, 18 декабря 2015 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 118–126.

6. *Минеева Е.К., Кузнецова Н.Ю.* Помощь эвакуированным в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 34–39.

7. Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне (Чебоксары, 18 декабря 2015 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 176 с.

8. *Смирнов Ю.П.* Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): методические рекомендации / Чуваш. ин-т усовершенствования учителей; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова; [сост. Смирнов Ю.П.]. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1990. 88 с.

9. *Соколова В.И.* Трудный путь домой. Репатриация советских граждан из Германии в 1945 г. // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 32–35.

10. *Соколова В.И.* Вопросы продовольственного обеспечения Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 5. С. 31–33.

11. *Соколова В.И.* Последние месяцы войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 37–38.

12. Судьбы людские в судьбе России: воспоминания о Великой Отечественной войне и послевоенных годах (народные мемуары) / отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2010. Вып. 1. 108 с.

13. Чувашия накануне и в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 192 с.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. ANDREEV

THE STUDY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 AND IMMORTALIZATION OF ITS MEMORY AT THE HISTORICAL-GEOGRAPHIC FACULTY OF I. N. ULIANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY

Key words: *the Great Patriotic war, immortalization of memory, Chuvash State University, Historical-Geographic Faculty, center of the war study, a scientific conference, a round table, fight against falsification and revision of war history, museum, search movement, the action «Immortal regiment».*

The study of a half-century history of training professional historians as well as the study of purposeful, comprehensive and fruitful joint research activity of lecturers and students a conclusion is grounded about transformation of the Chuvash State University historical-geographic faculty into a leading regional scientific center on studying the history of the Great Patriotic war and immortalization its memory.

References

1. Andreev O.V. *Velikaya Otechestvennaya voina: opyt izucheniya, aktual'nye voprosy issledovaniya i prepodavaniya* [The Great Patriotic war: experience of study, pressing questions of research and teaching]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2015, 174 p.

2. Andreev O.V. *Vedushchie rossiiskie i kitaiskie voenno-istoricheskie nauchnye tsentry i obshchestva: sotrudnichestvo v izuchenii Velikoi Pobedy nad fashizmom i yaponskim militarizmom, ukreplenii istoricheskoi pamyati* [Leading Russian and Chinese military historical scientific centers and societies: collaboration in the study of Great Victory over fascism and Japanese militarism, strengthening of historical memory]. *Rossiya i Kitai v bor'be s mirovym fashizmom: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy vo Vtoroi mirovoi voine* [Proc. of Int. Sci. «Russia and China in a fight against world fascism»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, pp. 5–26.

3. Andreev O.V. *Voina i ee ekologicheskie posledstviya: na primere Stalingradskoi bitvy* [War and her ecological consequences: on the example of the Stalingrad battle]. *Stalingradskaya bitva: Velikii podvig naroda: materialy Mezhregion. nauch.-prakt. konf.i, posvyashch. 65-letiyu pobedy v Stalingradskoi bitve* [Proc. of Sci. Conf. «Stalingrad battle: the Great exploit of people»]. Cheboksary, 2008, iss. I, pp. 152–158.

4. Boiko I.I. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 gg. v issledovaniyakh istorikov Chuvashii* [Great Patriotic war 1941–1945 in researches of historians of Chuvashia]. In: Nikolaev A.G., ed. *Aktual'nye voprosy istorii i kul'tury chuvashskogo naroda: sb. st.* [Actual questions of history and culture of the Chuvash people: collection of articles]. Cheboksary, 2011, no. 1, pp. 52–79.

5. Mineeva E.K., Moiseev S.I. *Stalingradskaya bitva i ee material'noe snabgenie* [The battle of Stalingrad and its material supply]. *Rossiya i Kitai v bor'be s mirovym fashizmom: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy vo Vtoroi mirovoi voine* [Russia and China in a fight against world fascism: materials of the International research and practice conference devoted to the 70 year of Victory in Second World war] (Cheboksary, 18 dekabrya 2015 g.). Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016. Pp. 118–126.

6. Mineeva E.K. *Pomoch evacuirovannym v Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [The help to evacuees in Chuvash Autonomo US Soviet Socialst Republic during the Great Patriotic war (1945–1945)]. *Vestnik Chuvshskogo universiteta*, 2014, no 1, pp. 34–39.

7. *Rossiya i Kitai v bor'be s mirovym fashizmom: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy vo Vtoroi mirovoi voine (Cheboksary, 18 dekabrya 2015 g.)* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Russia and China in a fight against world fascism»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, 176 p.

8. Smirnov Yu.P. *Chuvashskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.): metodicheskie rekomendatsii* [Chuvash ASSR in the years of Great Patriotic war (1941–1945): methodical recommendations]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1990, 88 p.

9. Sokolova V.I. *Trudnyi put' domoi. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan iz Germanii v1945 g*. [The hard way home. Repatriation of Soviet citizens from Germany in 1945]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-historical magazine], 2008, no. 5, pp. 32–35.

10. Sokolova V.I. *Voprosy prodovol'stvennogo obecpecheniya Kracnoi armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The food supply of the Red army during the Great Patriotic war]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-historical magazine], 2009, no. 5, pp. 31–33.

11. Sokolova V.I. *Poclednie mesyatsy voiny* [The last months of the war]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-historical magazine], 2009, no. 8, pp. 37–38.

12. *Sud'by lyudskie v sud'be Rossii: vospominaniya o Velikoi Otechestvennoi voine i poslevoennykh godakh (narodnye memuary)* [Human destinies in the fate of Russia: memories of the Great Patriotic War and the post-war years (folk memoirs)]. Cheboksary, 2010, iss. 1, 108 p.

13. *Chuvashiya nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sb. st. Resp. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 65-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Proc. of Sci. Conf. «Chuvashia the day before and in the years of Great Patriotic war»]. Cheboksary, 2011, 192 p.

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Ссылка на статью: *Андреев О.В.* Изучение Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и увековечение памяти о ней на историко-географическом факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 23–32.

УДК 351.746–043.865:172.15(091)(470.41)»1908/1914»
ББК Т3(2)53–36(2-8КАЗ)+Т3(2)53-725(2–8КАЗ)

С.И. БОЙКО, В.И. СОКОЛОВА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ИДЕЯМ ПАНИСЛАМИЗМА И ПАНТЮРКИЗМА В 1908–1914 ГОДАХ*

Ключевые слова: *Казанская губерния, жандармское управление, панисламизм, пантюркизм, секретные агенты.*

В статье рассмотрена деятельность Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) по противодействию идеологии панисламизма и пантюркизма в период после первой российской революции и до начала Первой мировой войны. Показана важность этого вопроса для государства, а также внимание к нему высших органов управления. Отмечено, что реальных действий по распространению этих идей среди татарского населения губернии жандармами практически не обнаружено. Секретные агенты КГЖУ, работавшие среди татарской интеллигенции, также не выявили реальных действий по созданию организованных групп, пропагандирующих панисламистские и пантюркские идеи. В то же время бездействие политической полиции могло бы создать условия для действительного распространения подобных взглядов в губернии, поскольку в среде татарской интеллигенции они обсуждались, а известный политический деятель Ю. Акчурин был одним из идеологов пантюркизма.

Революция 1905–1907 гг. потрясла Россию, вызвала изменения в экономической, политической и социальной жизни. В сферу деятельности охранительных институтов, действующих в Поволжье и Приуралье, все чаще начали попадать сюжеты, связанные с этническими и конфессиональными проблемами, прежде всего панисламизмом и пантюркизмом.

В начале 1870-х гг. известный в Турции просветитель Намык Кемаль выдвинул идею объединения мусульманских народов в рамках единого государства, которая вошла в историю как идея панисламизма. Однако современные исследователи считают, что среди татар эти идеи в начале XX в. не получили широкого распространения [5. С. 63–64]. К примеру, 3 марта 1912 г. на заседании Государственной Думы выступил депутат С. Максуди. Свою речь он посвятил сюжетам, связанным с этническими и конфессиональными проблемами. Он говорил о том, что между российским государством и национальной жизнью мусульман России «нет ничего, что могло бы противоречить друг другу» [Цит. по: 6. С. 89]. Резко отрицательно относились к обвинениям в панисламизме и другие представители татарской и мусульманской элиты. Например, в мае 1911 г. в Уфе отмечали важное событие – 25-летие со дня начала службы М.М. Султанова в должности Оренбургского муфтия. На праздник съехались около 1,5 тысячи служителей ислама из 36 губерний и областей России. 20 мая 1911 г. в зале Уфимского общественного собрания в честь муфтия был устроен обед, на котором выступил член Казанского тюремного комитета А. Сайдашев со словами о том, что «мусульмане всегда, как бараны, исполняют все циркуляры правительства, а их ныне уличают в панисламизме, что является клеветой» [8. Л. 55].

Иначе отнеслись к этой проблеме властные органы российского государства, в первую очередь политическая полиция и ее руководство. Государственные структуры восприняли эту потенциальную опасность весьма серьезно. Сохранившиеся в архивах Казанского губернского жандармского управления (КГЖУ) документы показывают, что вопросы панисламизма находились под пристальным вниманием власти, в том числе проекты реформы мусульманской школы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 р_а

(подробнее о проблемах, связанных с реформированием этих школ см.: [1. С. 61–66]). В 1910 г. было образовано Особое совещание по разработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае. 15 января 1911 г. в Совет министров России за подписью П.А. Столыпина была направлена записка «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения». Важнейшими направлениями в этой сфере намечались образование, усиление православной миссионерской деятельности, учреждение при школах библиотек и читален, поддержка православных священников, ограничение мусульманских школ строго конфессиональными рамками и др. [12. С. 371–390].

В конфессиональной политике полиция руководствовалась принципом приоритета православия. Если в XIX в. его охранение было на первом месте в правоохранительной деятельности, то с введением свободы совести полиция XX в. меньше обращала внимание на данный вопрос [13. С. 123].

Опасения у властных структур вызывали действия некоторых татарских общественно-политических деятелей, в частности Ю. Акчуры (в жандармских документах Ю. Акчурина) – представителя знатного рода, ведущего истоки от темниковских князей [4. Л. 3-12].

Деятельность Ю. Акчуры имела большое значение для попыток интеграции пантюркистских идей в мусульманское общество в связи с тем, что именно тогда в Османской империи продолжалось укрепление национального единства, разрабатывались идеологии османизма и панисламизма. Здесь были созданы благоприятные условия для распространения пантюркизма. Эти идеи поддерживала турецкая интеллигенция. В 1904 г. в каирской газете «Turk» Ю. Акчура опубликовал статью «Три системы правления», в которой сравнивал концепции османизма, панисламизма и тюркизма. Он считал пантюркизм наиболее перспективным и реальным путем единения тюрок и выступал за создание политического союза всех тюркских народов с центром в Турции. Данная статья считается первым теоретическим обоснованием идей пантюркизма. Таким образом, произошел переход от культурно-просветительского пантюркизма (по И. Гаспринскому) к политическому. Такая ситуация тревожила руководство российского государства.

Власть была обеспокоена возможностями турецкого влияния на российских мусульман. 5 июня 1909 г. казанский губернатор докладывал начальнику Казанского губернского жандармского управления, что Ю. Акчурин ведет переписку с влиятельными казанскими мусульманами Апанаевыми. Власти считали Апанаевых сторонниками панисламизма и предполагали, что посредством общения с Ю. Акчурой возможно проникновение идей младотюрков в мусульманское общество. Департамент полиции также был заинтересован в выяснении взаимоотношений между ними. Из письма руководства Департамента полиции на имя начальника КГЖУ следует, что Апанаевы именовались сторонниками панисламизма [7. Л. 22, 26].

Для некоторых российских мусульман действительно были характерны протурецкие настроения. К примеру, оценивая военное противостояние Турции и Италии, полковник К.И. Калинин в 1911 г. писал в Департамент полиции, что «все симпатии татарского населения на стороне Турции..., слышатся разговоры, пока очень нерешительные, о том, что следовало бы поддержать турецкую войну материально...». Татарская пресса высказывалась в отношении Турции сочувственно, но сдержанно [8. Л. 151–152]. Такие настроения сохранялись и позднее. В ходе Балканской войны жандармская агентура сообщала, что в России, в том числе и Казани, собираются средства в помощь Турции. Но такие сведения не всегда подтверждались. Например, в июле

1911 г. приставу 4-го стана Лаишевского уезда поступили агентурные сведения о том, что крестьяне д. Табердинские Челны Шумбутской волости Лаишевского уезда Г. Валиахметов, Ю. Вильданов, Ф. Нугуманов и Н. Сайфуль-Мулюков занимаются противоправительственной пропагандой и сбором денег для турецкого флота [9. Л. 65]. Ряд жителей той же деревни давали показания, якобы подтверждающие подобные действия. В результате расследования обвинения не подтвердились, и начальник КГЖУ в своем постановлении отметил, что они являются голословными. На самом деле здесь, видимо, свою роль сыграли враждебные отношения некоторых крестьян между собой, и поэтому дальнейшее производство было прекращено [9. Л. 65об.–68].

В начале 1913 г. цивильский уездный исправник, выполняя поручение начальника КГЖУ, сообщал последнему, что активизации движения среди татар по поводу войны Турции с Балканскими государствами не наблюдается. Он отмечал, что «войной сильно интересуется местная татарская интеллигенция – муллы, учителя и торговые люди, но держат они себя вполне спокойно». Прокламации на турецком языке среди татарского населения не распространялись [9. Л. 352]. Но проблема политических симпатий мусульманского населения в пользу Турции продолжала беспокоить руководство полиции и жандармерии, о чем свидетельствуют циркуляры Департамента полиции, казанского губернатора [10. Л. 108–110об.].

Казанский губернатор в донесении в Департамент полиции летом 1913 г. писал, что мусульманская часть населения Казани «опечалена исходом войны Турции со славянскими государствами и, несомненно, сочувствует туркам», но открыто эти симпатии не выражались. Далее начальник губернии отмечал, что панисламистская пропаганда среди мусульман не прекратилась, но продолжается с большой осторожностью, на словах, на домашних празднествах и пр. Наблюдение, организованное в июне 1913 г., результатов не принесло [11. Л. 201–202]. В январе 1914 г. начальник КГЖУ сообщил в Департамент полиции, что в д. Акасгизово Цивильского уезда в бакалейных лавках местных татар обнаружена торговля татарскими книгами без соответствующего разрешения, всего у трех продавцов конфисковано более одной тысячи экземпляров книг 96 названий [3. Л. 1–1об.]. Никаких сведений, подтверждающих наличие в них сведений о пропаганде пантюркизма и панисламизма, не приводится. В следующем его донесении от 26 апреля 1914 г. отмечено, что наружного наблюдения по поводу распространения панисламизма в губернии в текущем году организовано не было. В следующем отчете за июнь заявлено, что группа исламистов и пантюркистов занималась пропагандой своих идей в мусульманском обществе посредством распространения татарских газет. Примеров конкретных действий не приводится [2. Л. 1, 11].

По такому направлению, как панисламизм и пантюркизм, в КГЖУ работали 2 секретных агента, по социальному положению представители интеллигенции. Они имели клички «Теоретик» и «Житель». Судя по содержанию донесений, это были достаточно компетентные лица, некоторым образом близкие к лидерам мусульманского движения в России, особенно это относится к агенту «Теоретик». В период с начала 1914 г. и до начала Первой мировой войны они написали 17 донесений, в которых не содержится никаких сведений о реальных действиях по созданию среди населения каких-либо союзов, групп, партий, пропагандирующих панисламистские и пантюркистские идеи. Ими приводятся мнения видных деятелей татарского национального движения, которые можно трактовать как симпатизирующие пантюркизму или панисламизму. Например, агент «Теоретик» в донесении от 31 марта 1914 г. пишет, что секретарь редакции газе-

ты «Кояшъ» Ф. Амиржанов относительно пантюркизма говорил, что он имеет под собой почву и является для татар наиболее жизненным направлением. Он считал, что пока это только культурное течение, но в последующее время оно обязательно примет политический характер. По его мнению, интересы татар и турок во многом схожи. Он же в апреле 1914 г. сообщал, что Ю. Акчурин в своем письме рассуждал о том, каких взглядов следует придерживаться исламской молодежи и при этом писал, что сам он на стороне пантюркизма. В то же время, по мнению Ю. Акчурина, турки и татары «вполне никогда не сольются», но возможно создание одной мусульманско-азиатской культуры (наподобие христианской на Западе). Он констатировал наличие сближения между турками и татарами, но отмечал, что вопрос этот обсуждать в России, особенно в печати, пока еще рано [11. Л. 1, 3, 10, 14об.–15].

Материалы приведенных здесь документов показывают, что конкретных действий в Казанской губернии, свидетельствующих о явных проявлениях идей панисламизма и пантюркизма, не было, но теоретические рассуждения об этих течениях, реальные контакты с турецкими деятелями имели место, и они не могли не тревожить государственные органы политической полиции. Тем не менее расследования, проведенные офицерами КГЖУ и сотрудниками общей полиции, показывают, что нередко за сведениями о проявлениях панисламизма, получаемыми агентурным путем, стояли не политические убеждения, а материальные интересы отдельных лиц. При этом следует иметь в виду и другую составляющую этого вопроса. Предупреждающие действия политической полиции, на наш взгляд, не давали возможностей для действительного распространения панисламистских и пантюркистских убеждений среди мусульман Казанской губернии.

Литература

1. *Бойко С.И.* Казанское губернское жандармское управление и движение джадидизма в начале XX в. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2012. № 1(7). С. 61–66.

2. ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 (1914). Д. 74, ч. 28, литера Б.

3. ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 (1914). Д. 74, ч. 28, литера В.

4. ГА РФ. Ф. 102 (ДП–ОО). Оп. 244 (1914). Д. 74, ч. 28, литера Г.

5. *Исхаков С.М.* Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. 2005. № 5. С. 63–68.

6. *Мухаметшин Р.М.* Ислам и татарский национализм в начале XX века // Ислам в истории и культуре татарского народа. Казань: РИЦ «Школа», 2000. С. 80–93.

7. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 676.

8. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 771.

9. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 857.

10. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 906.

11. НА РТ. Ф. 199. Оп. 4. Д. 5427.

12. Петр Аркадьевич Столыпин. Избранное. Речи. Записки. Письма. М.: РОССПЭН, 2010. 528 с.

13. *Ялтаев Д.А.* Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 156 с.

БОЙКО СОФЬЯ ИВАНОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Чебоксарский кооперативный институт Российского университета кооперации, Россия, Чебоксары (boyko2003@yandex.ru).

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sokolova-cheb@mail.ru).

S. BOYKO, V. SOKOLOVA

CONFRONTATION OF THE KAZAN PROVINCE POLITICAL POLICE TO THE IDEAS OF PAN-ISLAMISM AND PAN-TURKISM IN 1908–1914

***Key words**: The Kazan province, gendarme department, Pan-Islamism, Pan-Turkism, secret agents*

The article describes the activities of the Kazan provincial gendarme department in combating the ideology of Pan-Islamism and Pan-Turkism in the period following the First Russian revolution up to the outbreak of the First World War. The article shows the importance of this issue for the state as well as attention paid to it by supreme governing bodies. It is noted that real actions on spreading these ideas among the Tatar population of the province were almost not detected by gendarmes. Secret agents of the Kazan provincial gendarme department, who worked among the Tatar intelligentsia, didn't reveal any real actions in creating organized groups to promote Pan-Islamic and Pan-Turkic ideas either. At the same time, inaction of the political police could create conditions for further effective dissemination of such views in the province, because they were discussed among the Tatar intelligentsia, and a prominent political figure Y. Akchurin was one of the ideologists of Pan-Turkism.

References

1. Boyko S. I. *Kazanskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie I dvizhenie dzhadidizma v nachale XX v.* [Kazan provincial gendarme management and the movement of jadidism in the beginning of XX century]. *Cheboksarskogo kooperativnogo instituta* [Bulletin of the Cheboksary cooperative Institute], 2012, no. 1, pp. 61–66.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 102 (DP-OO). Opis' 244 (1914). Dokument 74. Chast' 28. Litera B* [State Archives of the Russian Federation. Archive 102 (AP–OO). Anagraph 244 (1914). Dokument 74. Part 28. Letter B].

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 102 (DP-OO). Opis' 244 (1914). Dokument 74. Chast' 28. Litera V* [State Archives of the Russian Federation. Archive 102 (AP–OO). Anagraph 244 (1914). Dokument 74. Part 28. Letter V].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 102 (DP-OO). Opis' 244 (1914). Dokument 74. Chast' 28. Litera G* [State Archives of the Russian Federation. Archive 102 (AP–OO). Anagraph 244 (1914). Dokument 74. Part 28. Letter G].

5. Iskhakov S. M. *Pervaya rossiiskaya revolyutsiya i musul'manskoe dvizhenie* [The First Russian revolution and the Muslim movement]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history], 2005, no. 5, pp. 63–68.

6. Mukhametshin R. M. *Islam i tatarskii natsionalizm v nachale XX veka* [Islam and Tatar nationalism in the early twentieth century]. In: *Islam v istoriii i cul'ture tatarskogo naroda* [Islam in the history and culture of the Tatar people]. Kazan, Shkola Publ., 2000, pp. 80–93.

7. *Natsionalnyi arkhiv Respublika Tatarstan. Fond 199. Opis' 1. Dokument 676* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 199. Anagraph 1. Dokument 676].

8. *Natsionalnyi arkhiv Respublika Tatarstan. Fond 199. Opis' 1. Dokument 771* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 199. Anagraph 1. Dokument 771].

9. *Natsionalnyi arkhiv Respublika Tatarstan. Fond 199. Opis' 1. Dokument 857* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 199. Anagraph 1. Dokument 857].

10. *Natsionalnyi arkhiv Respublika Tatarstan. Fond 199. Opis' 1. Dokument 906* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 199. Anagraph 1. Dokument 906].

11. *Natsionalnyi arkhiv Respublika Tatarstan. Fond 199. Opis' 1. Dokument 5427* [National Archives of the Tatarstan Republic. Archive 199. Anagraph 1. Dokument 5427].

12. *Pyotr Arkad'evich Stolypin. Izbrannoe. Rechi. Zapiski. Pis'ma* [Pyotr Arkadyevich Stolypin. Favorites. Speech. Note. Letters]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 528 p.

13. Yaltaev D.A. *Prabookhranitel'naya deyatelnost' politsii v chuvashskikh uezdakh Kazanskoi gubernii. Monographiya* [The law Enforcement activities of the police in the Chuvash districts of Kazan province in the years 1862–1917]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2012, 156 p.

BOYKO SOPHIA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Cheboksary Cooperative Institute of Russian University cooperation, Russia, Cheboksary (boyko2003@yandex.ru).

SOKOLOVA VALENTINA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (sokolova-cheb@mail.ru).

Ссылка на статью: *Бойко С.И., Соколова В.И.* Противостояние политической полиции Казанской губернии идеям панисламизма и пантюркизма в 1908–1914 годах // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 33–37.

УДК [82–311.6:[140.8:172.15]–057.875
ББК Ю628.13:Ш43(0)–152

О.В. ВАСИЛЕНКО, Д.С. ИВАНОВ,
О.В. КАРПОВА, М.Ю. ХАРИТОНОВ

ПАТРИОТИЗМ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (по материалам опроса студентов Чувашского государственного университета)*

Ключевые слова: *историческое сознание, патриотизм, художественная историческая литература, круг чтения, студенческая молодежь.*

Статья посвящена проблеме формирования идей патриотизма и исторического сознания у современной студенческой молодежи. Рассматриваются место и роль художественной литературы исторической направленности в жизни молодежи. Эмпирическую основу статьи составили материалы опроса студентов-первокурсников в Чувашском государственном университете имени И.Н.Ульянова в 2017 г. Результаты опроса показали, что у студенческой молодежи присутствует интерес к чтению художественной исторической литературы. Делается вывод о влиянии художественной исторической литературы на процессы социализации и формирование мировоззрения современной молодежи.

Внимание современного общества сегодня, как никогда, сконцентрировано на тех изменениях, которые происходят в среде молодежи. В связи с чем вопросы формирования мировоззрения молодого поколения, особенно его исторической составляющей, требуют повышенного внимания, актуальны и исследуемы в данный момент времени. Важное значение при этом отводится патриотическому воспитанию, что достаточно ясно выражено в положениях утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации в конце 2015 г. Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [6], где, в том числе, говорится о создании «…условий для знакомства широких слоев граждан с содержанием произведений … писателей … в области патриотического воспитания…» [6. С. 10]. Заинтересованность государственных институтов в исследовании и формировании патриотизма обосновывается теми противоречиями, которые существуют в современном социуме: идеологической несформированностью, аномией различных социальных групп, в том числе и молодежи. От настроя молодежи, наличия (или отсутствия) исторического сознания, гражданской активности во многом зависит вектор развития страны.

Человек, личность формируется под воздействием множества факторов. Особое, во многом определяющее, значение для молодых людей во все времена было формирование исторического сознания: осознание их связи с предыдущими поколениями, своего места в мире и истории, изучения предшествующего накопленного опыта и освоение передаваемых традиционных ценностей. Изначально патриотизм зарождается на обыденном уровне и только затем оформляется рационально. В силу своих возрастных особенностей молодые люди большую часть своего времени проводят в стенах средних и высших учебных заведений. Современная система образования позволяет использовать различные формы и методы воспитания исторического сознания подрастающего поколения. При этом надо учитывать тот факт, что боль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-13-21008.

шую роль в воспитательном процессе по формированию исторического сознания могут оказывать и произведения художественной литературы, особенно посвященные исторической тематике. Художественная историческая литература является одним из факторов процесса социализации, способствует формированию патриотических чувств и патриотического сознания, влияет на активную гражданскую позицию молодого человека. Специфика художественной литературы состоит в том, что благодаря живому описанию событий, переживаний героев она влияет не только на сознание, но и на непосредственные эмоции и поступки читателя. Не случайно, обращение к художественной исторической литературе является эффективным приемом в различных диспутах, «круглых столах» и других мероприятиях.

В рамках данного исследования ставилась цель выяснить, какое место занимает художественная историческая литература в структуре чтения современного российского студенчества, как формируются их исторические взгляды и оценки, происходит зарождение исторического сознания подрастающего поколения.

По теме формирования мировоззрения молодежи имеется достаточно большая литература (см. например: С.Н. Иконникова [10]; С.И. Дмитриева [8]; С.И. Григорьев, В.Г. Немировский [7]; С.П. Иваненков [9]; Е.Л. Омельченко [15]; С.К. Савин [18]; М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги [5]), в которой, однако, роль исторических представлений молодых людей освещалась достаточно слабо. Методологическое основание изучения вопросов формирования исторического сознания освещено в трудах А.И. Ракитова [16], Г.А. Антипова [1] и И.Д. Ковальченко [12]. Больше значение для изучаемой темы имеют статьи Л.Д. Столяренко, В.Е. Столяренко и В.А. Фролова [24, 25, 26].

Ряд авторов поднимают схожие проблемы в своих исследованиях. Социально-философский анализ влияния исторической художественной литературы на формирование массового исторического сознания дан в работе М.И. Лысковой [13]. О важности, специфике и заслуге исторического романа в патриотическом воспитании граждан говорится в статье М.М. Каримова [11]. В исследовании З.Б. Рубаевой мы видим, что художественная литература влияет на формирование патриотизма и культуры межнациональных отношений [17].

Изучение проблем молодежи в Чувашском государственном университете имеет богатую традицию. Еще в 70–80-х гг. XX столетия под руководством В.Е. Полетаева и И.Л. Корнаковского преподаватели, сотрудники и студенты участвовали в историко-социологических обследованиях молодежи [22, 23] (см. об этом подробнее: М.Ю. Харитонов [27, 28, 29]; Д.М. Сергиенко, М.Ю. Харитонов [19]). Позднее эта работа была продолжена учениками В.Е. Полетаева и И.Л. Корнаковского уже на материале Чувашской Республики (И.И. Бойко [2]; С.Ю. Михайловой [14]; А.Л. Смирновой [21]).

В апреле 2017 г. в рамках реализации гранта, поддержанного РГНФ, в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова было проведено социологическое исследование на тему «Историческая художественная литература патриотической направленности в структуре досуга студенческой молодежи». Понятийный аппарат заявленной проблемы был рассмотрен в ранее опубликованной статье О.В. Василенко и О.В. Карповой [4]. В рамках указанной статьи авторами было выработано следующее определение основной смысловой единицы настоящего социологического исследования: «художественная историческая литература – это письменные произведения о событиях прошлого в истории человечества, имеющие высокую художественную и эстетическую ценность» [4. С. 135]. Исследование процесса чтения

студенческой молодежи рассмотрено в статье О.В. Василенко [3]. В настоящем исследовании будут обнародованы и обобщены результаты анкетного опроса по первому и второму блокам вопросов. Результаты по третьему блоку будут опубликованы в следующих статьях.

Исследование проводилось по анкете, которая представляла собой опросный лист из закрытых и открытых вопросов. Респондентам предлагалось выбрать ответы из числа предложенных, наиболее полно отвечающих их мнению, или, в ряде случаев, предложить свой вариант ответа. Структурно анкета состояла из трех логически взаимосвязанных между собой блоков. Первый блок, состоящий из 9 вопросов, носил идентификационный характер, нацеленный на индивидуализацию респондента по специальности и курсу обучения, полу, возрасту, семейному положению, месту проживания, доходу семьи, отношению к военной службе, наличию источников дохода. Второй блок, состоящий из 5 вопросов, был посвящен изучению понимания патриотизма со стороны опрошенных студентов. Третий блок, состоящий из 22 вопросов, был связан с изучением роли художественной литературы в жизни современного студента.

В социологическом исследовании приняли участие студенты очной формы обучения первых курсов девяти факультетов ФГБОУ ВО «ЧГУ имени И.Н. Ульянова». В их числе: факультет иностранных языков, историко-географический факультет, факультет прикладной математики, физики и информационных технологий, факультет радиоэлектроники и автоматики, факультет русской и чувашской филологии и журналистики, строительный факультет, факультет управления и социальных технологий, химико-фармацевтический факультет, экономический факультет. В общей сложности было опрошено 429 респондентов.

Среди опрошенных распределение респондентов по полу выразилось следующим образом: 37,1% – юноши и 62,9% – девушки. Возрастное распределение: 17 лет – 1,9%; 18 лет – 57,3%; 19 лет – 31,7%; 20 лет – 3,5%; 21 год – 16%; 22 лет и старше – 8% респондентов. Таким образом, половозрастная картина опрошенных свидетельствует о том, что в большинстве своем студенты первого курса очного отделения – это молодые девушки и юноши в возрасте 18-19 лет. Представленные данные в среднем соответствуют половозрастному составу молодых людей, поступивших на первый курс вуза сразу после окончания общеобразовательной школы.

Распределение респондентов по полу по факультетам среди первокурсников выглядит следующим образом. На технических и естественнонаучных факультетах преобладают юноши (факультет радиоэлектроники и автоматики – 84,3%, факультет прикладной математики, физики и информационных технологий – 70,8%), на гуманитарных направлениях преобладают девушки (факультет русской и чувашской филологии и журналистики – 86,5%, факультет иностранных языков – 82,2%). Это выглядит вполне традиционно, когда юноши предпочитают технические направления, а девушки – гуманитарные. Однако были и исключения из этих правил. Из числа опрошенных на строительном факультете, только 45,2% – юноши, на химико-фармацевтическом факультете – 12,2%, на экономическом – 6%. Эти данные свидетельствуют о популяризации в последние годы среди девушек считавшихся до недавнего времени «традиционно мужских» направлений подготовки специалистов с высшим образованием.

По результатам исследования установлено, что на момент проведения опроса 44,9% респондентов проживали с родителями или родственниками. Остальные респонденты или снимали жилье (25,4%), или проживали в общежитии (23,5%). Лишь 5,3% опрошенных заявило, что имеет свое собственное жилое помещение. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о

том, что около половины респондентов – это студенты, приехавшие на обучение из отдаленных в территориальном отношении от г. Чебоксары районов республики и из других регионов.

На вопрос «Устраивает ли Вас доход Вашей семьи?» больше половины респондентов ответили положительно (да – 36,8%, скорее да, чем нет – 32,9%), а треть студентов ответили на этот же вопрос отрицательно (нет 9,3%, скорее нет, чем да – 21%). При этом при ответе на вопрос «Работаете (подрабатываете) ли вы?» лишь каждый пятый студент ответил утвердительно (19,8%), остальные 80,2% заявили, что не работают. Из общего числа, выбравших ответ, что они работают (подрабатывают) распределение по полу выглядело следующим образом: 29,6% юношей и 14,1% девушек. В той или иной мере уже трудоустроено больше всего студентов факультета иностранных языков (28,9%), факультета управления и социальных технологий (26,7%), факультета прикладной математики, физики и информационных технологий (25%).

Явной зависимости между ответами на вопросы, связанные с удовлетворенностью доходами семьи и трудоустройством самих опрашиваемых, не выявлено. Половина работающих студентов – это те, кого доход семьи в целом устраивает (да – 21,5%, скорее да, чем нет – 16,3%), а половина – это те, кого он не устраивает (нет – 30%, скорее нет, чем да – 17,8%).

Таким образом, распределение идентификационных показателей респондентов по заявленным выше критериям находится на уровне среднестатистических данных. Выборка групп студентов для опроса среди первокурсников упомянутых факультетов носила случайный характер. Внутри каждой группы на момент обследования была произведена сплошная выборка.

Одной из задач исследования было выявление смысла того, что студенты-первокурсники вкладывают в понятие «патриотизм». Для этого молодым людям был предложен ряд вопросов, ориентированных на выявление их отношения к теме патриотизма.

В табл. 1 представлены результаты ответов респондентов на вопрос «Что Вы подразумеваете под понятием «патриотизм»?

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Что Вы подразумеваете под понятием «патриотизм»?

Варианты ответов	%
Любовь к Родине	80,9
Убеждение, что твоя страна лучше других	6,5
Готовность защищать свою Родину	58,7
Другое	5,6

Респондентам предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос. Большинство выбрало 1-2 уже готовых варианта ответа. Помимо уже имевшихся ответов студентам давалась возможность предложить свой вариант ответа. Этим правом воспользовалось 5,6% из числа опрошенных. Среди сформулированных студентами ответов в большинстве своем формулировались идеи, связанные с их стремлением улучшить жизнь в стране, сделать ее более счастливой и благополучной (например: «бороться за счастливое и благополучное будущее Родины», «делать для ее развития хоть что-то», «деятельность на благо государству», «любить и уважать историю государства, уважать народ, и делать все, чтобы народ жил счастливо»).

На главный вопрос нашего исследования «Считаете ли Вы себя патриотом?» респонденты ответили следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом?»

Варианты ответов	%
Да	44,1
Скорее да	38,9
Скорее нет	7,0
Нет	3,7
Затрудняюсь ответить	6,3

Подавляющее большинство, т.е. свыше 80% опрошенных, считают себя патриотами, что вполне объяснимо, как и в любой другой стране. Таким образом, складывается впечатление, что быть патриотом – это модно, нежели наоборот.

С учетом специфики заявленного социологического исследования объектом изучения был выбран такой фактор формирования патриотического сознания, как чтение художественной литературы патриотической направленности. Так как опрос проходил среди студентов первого курса, предполагалось, что на формирование их сознания могло оказать влияние чтение произведений художественной литературы в рамках школьной программы обучения. Сюжеты, характеры персонажей художественного литературного творчества представляют собой готовый материал для патриотического воспитания. Через многие произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова, А.Т. Твардовского, В.А. Каверина проходит лейтмотивом идея патриотизма, любви к Родине и человеку.

Поскольку патриотизм – это сложное явление, он может выражаться и формироваться в различных видах деятельности, начиная от интереса к чтению литературы патриотической направленности и заканчивая участием в митингах. Для проверки этой гипотезы в анкете был сформулирован следующий контрольный вопрос «Испытываете ли Вы патриотические настроения во время: …». Распределение ответов на него представлено в табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы патриотические настроения во время: …»

Варианты ответов	%
Чтения художественной литературы	42,1
Просмотра художественных фильмов	69,0
Прослушивания песен военных лет	60,0
Участия в политических парадах и демонстрациях	40,7
Другое	3,8

Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа, а также была предоставлена возможность сформулировать свой вариант ответа. Из числа опрошенных многие выбирали по 2-3 варианта ответа. Из них 42,1% опрошенных заявило о том, что испытало патриотические чувства во время чтения художественной литературы. Из 3,8% написавших свой вариант ответа были такие довольно оригинальные единичные варианты ответов, как «прослушивание гимна», «научные открытия отечественных ученых», «чтение стихотворений на эту тему» и др.

В целях облегчения «припоминания» респондентами произведений литературного творчества, изучаемых в рамках школьной программы, был сформулирован закрытый вопрос анкеты «Кого из литературных персонажей Вы назвали бы патриотом?». Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответов из десяти предложенных. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Кого из литературных персонажей Вы назвали бы патриотом?»

Варианты ответов	%
Василий Тёркин («Василий Тёркин» А.Т. Твардовский)	58,0
Илья Муромец («Илья Муромец и Соловей-разбойник»)	53,4
Андрей Соколов («Судьба человека» М.А. Шолохов)	50,2
Тарас Бульба («Тарас Бульба» Н.В. Гоголь)	35,5
Князь Игорь («Слово о полку Игореве»)	29,7
Платон Каратаев («Война и мир» Л.Н.Толстой)	13,8
д'Артаньян («Три мушкетёра» А. Дюма)	8,0
Александр (Саня) Григорьев («Два капитана» В. Каверин)	3,6
Константин Левин («Анна Каренина» Л.Н. Толстой)	3,1
Артур Бёртон («Овод» Э. Л. Войнич)	1,2

Отражение идеалов о любви к Родине, ее защите простым народом представлено в поэме «Василий Теркин» А.В. Твардовского, былинах об Илье Муромце, рассказе «Судьба человека» М.А. Шолохова; борьба за независимость своего Отечества – в поэме «Слово о полку Игореве», повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя и т.д. – эти художественные произведения благодаря своим идеям нравственности, патриотизма, мужества создают условия по формированию гражданской позиции у читателей.

Первые 6 ответов – это герои литературных произведений, изучаемых в рамках школьной программы, а остальные персонажи относятся к произведениям внеклассного чтения. Это еще раз подтверждает, что современная молодежь читает мало, поэтому большинство респондентов и выбрали в такой последовательности варианты ответов. Можно предположить, что системная работа по продвижению художественной литературы, в том числе исторической направленности, явится тем фактором, который будет формировать историческое сознание студенческой молодежи.

Студенты, которые участвовали в опросе, знакомы не только с произведениями школьной программы, но и с другими произведениями вне рамок школьной программы. Упоминались авторы и произведения, которые можно отнести к художественной исторической литературе: А. Дюма «Три мушкетера», А. Толстой «Петр I», М. Шолохов «Тихий Дон» и др.

Чтение художественной литературы по истории родного края – одно их важных направлений в формировании исторического сознания, патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения, но нами выявлен небольшой процент читающих региональных авторов (8,2%), а ведь такая литература благоприятно сказывается на самосознании молодых людей, позволяет «реально» взглянуть на окружающий мир и дать начало сохранению исторической памяти в душе каждого читателя.

Подводя предварительные итоги, необходимо констатировать, что у студенческой молодежи присутствует интерес к чтению художественной исторической литературы, но, в основном, чтение обусловлено школьной программой, которая, говоря словами М.И. Лысковой, не может не «учитывать содержательный, ценностный, интеллектуальный, эмоциональный ресурсы исторической художественной литературы» [13. С. 10].

Результаты данного исследования не являются исчерпывающими. Необходимо продолжить изучение поднятой темы о роли художественной исторической литературы в процессе формирования патриотизма и исторического сознания молодежи. Одним из направлений дальнейшей работы может стать опрос студентов старших курсов для выяснения путей формирования исторического сознания в период обучения в высшей школе. Благодаря подобного рода исследованиям может быть разработан комплекс мероприятий по мотивации интереса к чтению художественной исторической литературы патриотической направленности, что позволит остановить дальнейшее размывание исторического сознания современной молодежи.

Литература

1. *Антипов Г.А.* Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск: Наука, 1987. 242 с.

2. *Бойко И.И.* Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960–1985 гг.) / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. 256 с.

3. *Василенко О.В.* Чтение в структуре студенческого досуга (по данным социологических опросов) // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XX Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана (Екатеринбург, 16-18 марта 2017 г.). Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2017. С. 296–302.

4. *Василенко О.В., Карпова О.В.* К вопросу раскрытия содержания понятийного аппарата по проблеме исследования роли художественной исторической литературы в формировании патриотического сознания современной российской студенческой молодежи // Современный менеджмент в образовании: сб. науч. ст. / отв. ред.: И.В. Кожанов, Е.А. Ильина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та имени И.Я. Яковлев, 2017. С. 131–137.

5. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493). [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf.

7. *Григорьев С.И., Немировский В.Г.* В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI века. Барнаул; Красноярск: Алтайск. кн. изд-во, 1995. 148 с.

8. *Дмитриева С.И.* Социальная ответственность подрастающего поколения как фактор общественного прогресса. Киев; Одесса: Высш. шк., 1988. 221 с.

9. *Иваненков С.П.* Проблемы социализации современной молодежи. СПб.: ИПК Синтез-Полиграф, 2003. 420 с.

10. *Иконникова С.Н.* Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 166 с.

11. *Каримов М.М. С*оветская художественная литература 30-х гг. и ее вклад в воспитание патриотизма накануне войны // Нефтегазовое дело. 2015. № 2. С. 27–30.

12. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

13. *Лыскова М.И.* Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания // Концепт. 2013. Т. 3. С. 2961–2965. URL: http://e-koncept.ru/2013/53598.htm (дата обращения: 25.10.2017).

14. *Михайлова С.Ю.* Историография рабочей молодежи республик Волго-Вятского региона во второй половине XX – начале XXI века. М.: ИНИОН РАН, 2006. 124 с.

15. *Омельченко Е.Л.* Молодежь = Youth: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 184 с.

16. *Ракитов А.И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.

17. *Рубаева З.Б.* Художественная литература, как средство формирования у подрастающего поколения патриотизма и культуры межнациональных отношений // Вестник Костромского государственного университета. 2009. Т. 15, № 3. С. 382–384.

18. *Савин С.К.* Формирование мировоззрения молодежи Российской Федерации в современных условиях: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006.

19. *Сергиенко Д.М., Харитонов М.Ю.* Компьютерные технологии в историческом образовании в Чувашском государственном университете // Инновационные методы преподавания в высшей школе: материалы регион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. С. 184–186.

20. *Смирнов Ю.П.* Индустриальное развитие автономных республик Поволжья и Приуралья в 50–80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 264 с.

21. *Смирнова А.Л.* Культурное развитие рабочей молодежи России в 1971-1985 гг. (на материалах Чувашской АССР). дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010.

22. Социальный облик колхозной молодежи: По материалам социол. обследований 1938 и 1969 гг. / отв. ред. В.Е. Полетаев и др. М.: Мысль, 1976. 293 с.

23. Социальный облик рабочей молодежи: По материалам социол. обследований 1936 и 1972 гг. / отв. ред. В. Е. Полетаев и др. М.: Мысль, 1980. 299 с.

24. *Столяренко Л.Д., Столяренко В.Е., Фролов В.А.* Историческое сознание российской молодежи: особенности и противоречия // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 45.

25. *Столяренко Л.Д. Фролов В.А.* Историческое сознание российской молодежи: поиск жизненных ориентиров и институциональная композиция // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 80–84.

26. *Столяренко Л.Д., Фролов В.А.* Методологические основания исследования исторического сознания // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. С. 29–32.

27. *Харитонов М.Ю.* Квантитативная история: отечественный опыт: дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2002.

28. *Харитонов М.Ю.* Математические методы и компьютерные технологии в историческом образовании университетов республик Волго-Вятского региона // Анализ основных тенденций развития полиэтнических регионов России: проблемы открытого образования: материалы регион. науч.-практ. конф. и семинара. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. С. 55–58.

29. *Харитонов М.Ю.* Применение математико-статистических методов в исследованиях о советском рабочем классе в 60–70-е годы: историографический обзор // Проблемы истории национальных республик Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. С. 98–106.

ВАСИЛЕНКО ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilenkoksana@rambler.ru).

ИВАНОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант II курса, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (praktika8352@mail.ru).

КАРПОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (karp_olya@mail.ru).

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@mail.ru).

O. VASILENKO, D. IVANOV, O. KARPOVA, M. KHARITONOV

PATRIOTISM IN THE STRUCTURE OF THE MODERN RUSSIAN YOUTH HISTORICAL CONSCIOUSNESS (ON MATERIALS OF THE CHUVASH STATE UNIVERSITY STUDENT SURVEY)

Key words: *historical consciousness, patriotism, historical fiction, circle of readers, student youth.*

The article is devoted to the problem of patriotism ideas and historical consciousness formation in modern student youth. The place and role of historical fiction in the life of youth is examined. The empirical basis of the article was made by the materials of survey of I. N. Ulianov Chuvash State University first-year students that was carried out in 2017. The survey results showed that students had an interest in reading historical literature. The conclusion is made about the influence of historical fiction on the processes of socialization and worldview formation in the modern youth.

References

1. Antipov G.A. *Istoricheskoe proshloe i puti ego poznaniya* [Historical past and ways of his knowledge]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 242 p.

2. Boiko I.I. *Rabochie Volgo-Vyatskogo regiona: opyt i uroki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (1960–1985 gg.)* [The workers of the Volga-Vyatka region: experience and lessons of social and economic development (1960–1985)]. Cheboksary, 1997, 256 p.

3. Vasilenko O.V. *Chtenie v strukture studencheskogo dosuga (po dannym sotsiologicheskikh oprosov)* [Reading in the student leisure structure (According to the opinion polls)]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XX Mezhdunar. konf. pamyati prof. L.N. Kogana* [Proc. of XX Int. Conf. «Culture, the personality, society in the modern world: methodology, experience of an empirical research»]. Ekaterinburg, 2017, pp. 296–302.

4. Vasilenko O.V., Karpova O.V. *K voprosu raskrytiya soderzhaniya ponyatiinogo apparata po probleme issledovaniya roli khudozhestvennoi istoricheskoi literatury v formirovanii patrioticheskogo soznaniya sovremennoi rossiiskoi studencheskoi molodezhi* [To the question of the disclosure of the content of the conceptual apparatus on the problem studies of the role of art historical literature in the formation of patriotic consciousness of modern Russian youth]. *Sovremennyi menedzhment v obrazovanii: sb. nauch. st.* [Modern management in education: Collection of scientific articles]. Cheboksary, 2017, pp. 131–137.

5. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [The youth of Russia: sociological portrait]. Moscow, 2010, 592 p.

6. *Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2016–2020 gody» (utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 dekabrya 2015 g. № 1493*) [State program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020 years» (approved by Government Decree of December 30, 2015 No. 1493]. Available at: http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf.

7. Grigor'ev S.I., Nemirovskii V.G. *V poiskakh smysla zhizni i spravedlivosti: studenchestvo Rossii na poroge XXI veka* [In search of the meaning of life and justice: the students of Russia on the threshold of the XXI century]. Barnaul, Krasnoyarsk, 1995, 148 p.

8. Dmitrieva S.I. *Sotsial'naya otvetstvennost' podrastayushchego pokoleniya kak faktor obshchestvennogo progressa* [The social responsibility of the younger generetion as a factor of social progress]. Kiev, Odessa, Vysshaya shkola Publ., 1988, 221 p.

9. Ivanenkov S.P. *Problemy sotsializatsii sovremennoi molodezhi* [Problems of modern youth socialization]. St. Petersburg, 2003, 390 p.

10. Ikonnikova S.N. *Molodezh'. Sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii analiz.* [The youth. Sociological and socio-psychological analysis]. Leningrad, 1974, 166 p.

11. Karimov M.M. *Sovetskaya khudozhestvennaya literatura 30-kh gg. i ee vklad v vospitanie patriotizma nakanune voiny* [Soviet artistic literature of the 30-s and its contribution on the education of patriotism on the eve of war]. *Neftegazovoe delo* [Oil and Gas Business], 2015, no. 2, pp. 27–30.

12. Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 440 p.

13. Lyskova M.I. *Vliyanie khudozhestvennoi literatury na formirovanie massovogo istoricheskogo soznaniya* [The influence of fiction on the formation of mass historical consciousness]. *Kontsept*, 2013, vol. 3, pp. 2961–2965. Available at: http://e-koncept.ru/2013/53598.htm.

14. Mikhailova S.Yu. I*storiografiya rabochei molodezhi respublik Volgo-Vyatskogo regiona vo vtoroi polovine XX – nachale XXI veka* [Historiography of young workers republics of the Volga-Vyatka region in the second half of XX – beginning of XXI century]. Moscow, INION RAN Publ., 2006, 124 p.

15. Omel'chenko E.L. *Molodezh': otkrytyi vopros* [Youth: open question]. Ul'yanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 2004, 184 p.

16. Rakitov A.I. *Istoricheskoe poznanie: Sistemno-gnoseologicheskii podkhod* [Historical knowledge: System-gnoseological approach]. Moscow,Politizdat Publ., 1982, 303 p.

17. Rubaeva Z.B. *Khudozhestvennaya literatura, kak sredstvo formirovaniya u podrastayushchego pokoleniya patriotizma i kul'tury mezhnatsional'nykh otnoshenii* [Fiction as a means of forming patriotism and culture of international relations in the younger generation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, vol. 15, no. 3, pp. 382–384.

18. Savin S.K. *Formirovanie mirovozzreniya molodezhi Rossiiskoi Federatsii v sovremennykh usloviyakh: dis. ... kand. filos. nauk* [Forming the world outlook of the youth of the Russian Federation in modern conditions. Doct. Diss.]. Moscow, 2006.

19. Sergienko D.M., Kharitonov M.Yu. *Komp'yuternye tekhnologii v istoricheskom obrazovanii v chuvashskom gosudarstvennom universitete* [Computer technologies in historical education in the Chuvash State University]. *Innovatsionnye metody prepodavaniya v vysshei shkole: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of. Sci. Pract. Conf. « Innovative methods of teaching in higher education. Materials of the regional scientific-practical conference »]. Cheboksary, 1999. pp. 184–186.

20. Smirnov Yu.P. *Industrial'noe razvitie avtonomnykh respublik Povolzh'ya i Priural'ya v 50-80-e gody: opyt i problem* [Industrial development of the autonomous republics of the Volga and the Urals in the 50-80s: experience and problems]. Cheboksary, 1996, 264 p.

21. Smirnova A.L. *Kul'turnoe razvitie rabochei molodezhi Rossii v 1971–1985 gg. (na materialakh Chuvashskoi ASSR): dis. … kand. ist. nauk* [Cultural development of Young Workers in Russia in 1971–1985 (on materials of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic). Doct. Diss.]. Cheboksary, 2010. 260 p.

22. *Sotsial'nyi oblik kolkhoznoi molodezhi: Po materialam sotsiol. obsledovanii 1938 i 1969 gg.* [Social shape of collective-farm youth: Based on the materials of sociological surveys of 1938 and 1969]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, 293 p.

23. *Sotsial'nyi oblik rabochei molodezhi: Po materialam sotsiol. obsledovanii 1936 i 1972 gg.* [Social shape of young workers: On materials социол. inspections of 1936 and 1972]. Moscow, Mysl' Publ., 1980, 299 p.

24. Stolyarenko L.D., Stolyarenko V.E., Frolov V.A. *Istoricheskoe soznanie rossiiskoi molodezhi: osobennosti i protivorechiya* [Historical consciousness of the Russian youth: features and contradictions]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2013, no. 3, p. 45.

25. Stolyarenko L.D. Frolov V.A. *Istoricheskoe soznanie rossiiskoi molodezhi: poisk zhiznennykh orientirov i institutsional'naya kompozitsiya* [Historical consciousness of the Russian youth: search of vital reference points and institutional composition]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2013, no. 11, pp. 80–84.

26. Stolyarenko L.D., Frolov V.A. *Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya istoricheskogo soznaniya* [Methodological bases of a research of historical consciousness]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2013, no. 2, pp. 29–32.

27. Kharitonov M.Yu. *Kvantitativnaya istoriya: otechestvennyi opyt: dis. ... kand. Ist. nauk* [Quantitative history: Domestic experience. Doct. Dis.]. Cheboksary, 2002.

28. Kharitonov M.Yu. *Matematicheskie metody i komp'yuternye tekhnologii v istoricheskom obrazovanii universitetov respublik volgo-vyatskogo regiona* [Mathematical methods and computer technologies in historical formation of the universities of the republics of the Volga-Vyatka region]. *Analiz osnovnykh tendentsii razvitiya polietnicheskikh regionov Rossii: problemy otkrytogo obrazovaniya: materialy region. nauch.-prakt. konf. i seminara* [Proc. of Sci. and Pract. Conf. and Seminar «Analysis of the main tendencies of development of multiethnic regions of Russia: problems of open education»]. Cheboksary, 2001, pp. 55–58.

29. Kharitonov M.Yu. *Primenenie matematiko-statisticheskikh metodov v issledovaniyakh o sovetskom rabochem klasse v 60–70-e gody: istoriograficheskii obzor* [Application of mathematico-statistical methods in researches about the Soviet working class in the 60–70th years: historiographic review]. In: *Problemy istorii natsional'nykh respublik Povolzh'ya i Priural'ya* [Problems of history of the national republics of the Volga region and Cisural area]. Cheboksary, 1997, pp. 98–106.

VASILENKO OKSANA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vasilenkoksana@rambler.ru).

IVANOV DMITRY – Master's Program Student of the second course, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (praktika8352@mail.ru).

KARPOVA OLGA – Senior Lecturer, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (karp_olya@mail.ru).

KHARITONOV MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (muha21@mail.ru).

Ссылка на статью: *Василенко О.В., Иванов Д.С., Карпова О.В., Харитонов М.Ю.* Патриотизм в структуре исторического сознания современной российской молодежи (по материалам опроса студентов Чувашского государственного университета) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 38–47.

УДК 94:323.11]:061.2(470.344)"2016"
ББК Т3(2Рос.Чув)64-38л5

В.А. ВАСИЛЬЕВ

АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ ЧУВАШИИ КАК МЕХАНИЗМ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *ассамблея, дружба народов, общественный институт, государство, этнос, религия, межэтнические отношения, пленэр.*

В данной статье впервые делается попытка исследовать основные факторы создания в многонациональной Чувашской Республике Ассамблеи народов Чувашии и раскрыть ее роль в гармонизации межэтнических отношений, способствующих укреплению российской государственности. В исторический проект активно включились все национально-культурные объединения. Создание нового социального института будет содействовать распространению в стране накопленного в Чувашии положительного опыта по формированию региональной модели государственной национальной политики, направленной на сохранение гражданского мира, межнационального взаимопонимания и согласия.

Чувашия – республика унитарная, но история объединила на этой земле, находящейся на стыке двух цивилизаций – Востока и Запада, ислама и православия, представителей 128 народов [5. С. 3]. Все они живут в дружбе и согласии большой единой семьей.

Однако современные вызовы времени потребовали конструирования в регионе нового общественного института, призванного гармонизировать межэтнические отношения. Эту задачу решил 10 сентября 2016 г. I Съезд народов Чувашии. Представительный форум, собравший 616 делегатов 43 национальностей, единогласно постановил о создании Ассамблеи народов Чувашии, а также утвердил Устав и избрал руководящие органы организации. Председателем Совета Ассамблеи народов Чувашии был избран видный ученый и общественный деятель, действительный член Российской академии образования Л.П. Кураков [5. С. 3].

Вновь учрежденная организация собрала под своим крылом 34 зарегистрированных в республике национально-культурных объединения (НКО). Наиболее активными и многочисленными из них являются Чувашский национальный конгресс, Центр русской культуры Чувашской Республики, Национально-культурная автономия татар Чувашской Республики, Мордовский культурный центр, Марийский культурный центр, Казачий культурный центр Чувашской Республики, региональное отделение Всероссийского азербайджанского конгресса, Узбекский культурный центр Чувашской Республики, региональное отделение Союза армян России в Чувашской Республике, Еврейская национально-культурная автономия, Ассамблея народов Чувашии.

Образование Ассамблеи народов Чувашии свидетельствует о том, что национальная политика в Чувашии возвышена в ранг институционализации. И это имеет большое значение, так как выражает суть и смысл чувашского опыта решения межэтнических отношений в многонациональной республике.

В настоящее время особенно актуально решение проблем, связанных с межэтническими конфликтами, гибридными войнами. Целью создания Ассамблеи народов Чувашии является сохранение гражданского мира, межнационального взаимопонимания и согласия.

Своей главной задачей Ассамблея народов Чувашии считает упрочение единства народов, являющегося основой укрепления Российской государственности. Эта основополагающая работа ведется по нескольким направлениям: научному, информационному, культурно-просветительскому.

Постоянной практикой в деятельности Ассамблеи стало проведение круглых столов и научно-практических конференций с участием активистов национально-культурных объединений, деятелей науки и культуры, представителей государственной и муниципальной власти, общественных организаций, журналистов, студенческой молодёжи. Так, на базе Чувашского государственного института культуры и искусства в мае 2017 г. состоялись собравшие авторитетных ученых, специалистов по национальным отношениям, а также известных деятелей культуры круглые столы по темам: «Место и роль общественных организаций в реализации культурно-патриотической и культурно-экологической стратегии России» и «Место и роль изобразительного искусства в духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодёжи». Там же ранее был проведён Всероссийский научно-образовательный форум «Единство народов – основа укрепления российской государственности» с участием президента Евразийской ассоциации профсоюзных организаций университетов профессора И.Б. Котлобовского и проректора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова В.Л. Марченко. По итогам форумов под редакцией академика Л.П. Куракова изданы два сборника научных трудов [3, 4].

Исследование многокрасочной, неповторимой палитры этнических культур национального региона, проблем сохранения и развития этнокультурных традиций, несущих позитивное историческое наследие, в условиях межкультурного взаимодействия становится одной из актуальных задач современной гуманитарной науки. Поэтому эти темы на состоявшихся в Чебоксарах IV Всероссийской научно-практической конференции «Этническая культура в современном мире» (июнь 2017 г.) и круглом столе по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (август 2017 г.) были ключевыми. В круглом столе приняли участие члены Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям В.Ю. Зорин и М.А. Лянге.

Отметим, что в вопросах изучения взаимодействия национальных культур представляет интерес вышедшая в свет монография «Роль художника в процессе взаимодействия культур. Творческая деятельность А.А. Кокеля» [2].

Деятельность Ассамблеи не замыкается на столице Чувашии. Выездные заседания организации состоялись в Комсомольском, Батыревском, Ядринском и других районах республики, в ходе которых прошло плодотворное обсуждение вопросов воспитания в сфере национальных и религиозных отношений. Все основные национальные праздники народов, населяющих Чувашскую Республику – Акатуй (чувашский), Масленица (русский), Сабантуй (татарско-башкирский), Арта (мордовский), Навруз (мусульманских народов Центральной Азии), Пеледыш (марийский) и другие – проходят при участии и поддержке Совета Ассамблеи народов Чувашии.

Большой общественный резонанс вызвал «Парад дружбы народов России», который впервые состоялся в Чебоксарах в День России. В этой акции приняли участие представители почти всех НКО, прошедшие в национальных костюмах с флагами своих стран и регионов единой колонной по централь-

ным улицам города. Своеобразным продолжением этого праздника стал концерт национальных культур «Радуга дружбы», состоявшийся в канун Дня Чувашской Республики 23 июня 2017 г. Зрители смогли увидеть творческие коллективы НКО, коллективы учреждений культуры и отдельных исполнителей, представивших настоящий фейерверк марийских, татарских, мордовских, удмуртских, узбекских, туркменских, армянских, осетинских и других народных танцев и песен, прекрасно передающих самобытность этносов, населяющих многонациональную республику.

Убедительным свидетельством тому является деятельность армянской диаспоры в Чувашии, насчитывающая около двух тысяч человек. В своей многогранной деятельности она уделяет большое внимание раскрытию древней культуры армянского народа.

Так, благодаря подвижнической работе по популяризации армянской культуры Г.Е. Алтуняна в Чебоксарах издан на чувашском языке армянский эпос «Давид Сасунский». Это явилось большим событием не только для чувашской, но и для армянской культуры. Книга, ставшая библиографической редкостью, в октябре 2016 г. автором данной статьи передана научной библиотеке имени Саркиса и Мари Измирлянов Ереванского государственного университета.

Благородному делу – укреплению дружбы между чувашским и армянским народами – много времени уделяет известный далеко за пределами Чувашии живописец М.Г. Григорян. В 1969 г. выпускник Ереванского художественного училища прибыл по комсомольской путевке на строительство индустриального гиганта – Чебоксарского завода промышленных тракторов. М.Г. Григорян прошел путь от заводского художника до народного художника Чувашской Республики, заслуженного художника России, профессора. В декабре 2016 г. мастер отметил свой семидесятилетний юбилей, и неудивительно, что персональную выставку своих произведений он посвятил дружбе двух народов – чувашского и армянского, корни которой уходят вглубь времен – во II–V вв.

Добрая миссия мастера упрочения дружбы между чувашским и армянским народами со всей убедительностью проявилась и в его подарке ведущему вузу Армении – Ереванскому государственному университету – картине «На Волге». Глубоко, на наш взгляд, символично, что живописное произведение было вручено именно на международной научной конференции, посвященной исследованию проблем армянской диаспоры Российской Федерации.

Важным событием для более глубокого понимания армянской культуры стала «Неделя армянской культуры в г. Новочебоксарск», прошедшая с 25 по 30 ноября 2016 г. Здесь, во втором по величине городе Чувашии, состоялась целая серия мероприятий, посвященных истории и культуре древнего армянского народа, в числе которых были: открытие выставки М. Григоряна, представление книги К. Арутюнянца «Пончик идет по следу», литературный час «Даритель добра и света», посвященный национальному поэту Армении О. Туманяну, художественное чтение армянских сказок, концерт «Звуки Армении», беседы об изобразительном искусстве Армении.

Уникальное многообразие и богатство культурного наследия армянского народа раскрылись в широкомасштабных мероприятиях Дней культуры Армении в России, посвященных 25-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Арменией. Прошли они с 15 по 24 ноября 2017 г. во многих регионах и городах страны. В Чебоксарах, например, состоя-

лись нашедшие глубокий отклик в душе зрителей спектакли Ереванского государственного ордена Дружбы народов русского драматического театра имени К.С. Станиславского. Они стали весомым вкладом в межэтническое согласие и взаимопонимание.

Важнейшим фактором укрепления дружбы между народами и взаимного обогащения национальных культур в Чувашии стал традиционный Кокелевский международный пленэр в честь выдающегося художника, талантливого педагога, основоположника чувашского профессионального изобразительного искусства А.А. Кокеля, проходивший на его малой родине – в селе Тарханы Батыревского района. В 2017 г. он состоялся уже в 11-й раз. За это время здесь создавали свои творения 130 мастеров живописи из России, Беларуси, Украины. Их бесценные дары позволили открыть в 2009 г. в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова уникальный художественный музей имени А.А. Кокеля, с выставкой которого в январе 2010 г. ознакомился В.В. Путин во время встречи с представителями студенческой молодежи Чувашии.

На малой родине художника планируется открыть первую в странах Содружества Независимых Государств картинную галерею современных художников России, Беларуси и Украины. Бессменным куратором пленэра является заместитель Председателя Совета Ассамблеи народов Чувашии – доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета В.А. Васильев.

Другим крупным международным культурным проектом Ассамблеи народов Чувашии стало создание в содружестве с белорусскими коллегами документального телевизионного фильма «Шагнувшие в бессмертие». Он посвящен героической судьбе уроженцев Чувашии, супругов Волковых, возглавивших в начальный период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. подпольную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в белорусском городе Гродно. В процессе работы над документальной картиной был подтвержден факт, что подпольная антифашистская группа, получившая название по имени ее руководителя Николая Алексеевича Волкова «группа дяди Коли», была первой на оккупированной фашистской Германией территории Советского Союза. В феврале 1942 г. после жестоких пыток в застенках гестапо Н.А. Волков и его боевые товарищи были расстреляны. В канун Дня памяти и скорби премьера картины с большим успехом прошла в чебоксарском кинотеатре «Сеспель», впоследствии она демонстрировалась на телеканалах Чувашии и Беларуси. Ее автор удостоился благодарственного письма Администрации Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, а сама картина на III Всечувашском кинофестивале «Асам» в 2017 г. признана лучшей в номинации документальных фильмов.

Одной из важнейших задач в деятельности Ассамблеи народов Чувашской Республики по консолидации общества является работа с молодежью. С этой целью в апреле 2017 г. было учреждено молодежное крыло Ассамблеи, основу которого составили студенты Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева и Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. Его представители в

мае приняли участие в работе Молодёжной Ассамблеи народов России «МЫ – россияне!» в Москве.

Перед Молодежным крылом Ассамблеи народов Чувашии поставлена задача упрочения среди молодого поколения многовекового опыты мирного сосуществования разных народов и конфессий нашей республики, развития национально-культурного взаимодействия на основе уважения традиций всех народов. Помимо этого оно должно стать хорошей школой для юношей и девушек с активной жизненной позицией [1]. Здесь будут рождаться проекты и идеи, направленные на сотрудничество и взаимообогащение культур и традиций народов Чувашии, России и мира, обеспечение диалога между молодежью разных национальностей.

Особое внимание Ассамблея народов Чувашии уделяет информационному обеспечению своей работы. С апреля 2017 г. работает официальный интернет-сайт организации с регулярно обновляющейся новостной лентой; деятельность Ассамблеи и НКО республики освещается на сайте Ассамблеи народов России, а также в эфире ГТРК «Чувашия», Национальной телерадиокомпании Чувашии и на страницах основных печатных СМИ Чувашии – газет «Советская Чувашия», «Хыпар», «Чебоксарские новости», «Грани», «Ульяновец», «Çамрăксен хаçачĕ».

4 ноября 2017 г., в День народного единства в Чебоксарах в торжественной обстановке произошло историческое событие – открытие Дома Дружбы народов. Под его крышей разместились Совет Ассамблеи народов Чувашии, ее Молодежное крыло, а также все НКО республики. Здесь активно развернулись научно-методическая, информационная, просветительская, концертная, выставочная и экскурсионная работы, которые позволят вывести деятельность Ассамблеи народов Чувашии по сближению представителей народов, населяющих Чувашскую Республику, на более высокий уровень.

История Ассамблеи народов Чувашии насчитывает всего один год, но за этот период ею был накоплен немалый опыт практик и проектов в сфере национальных отношений, направленных на укрепление единства российской нации. Все это является убедительным свидетельством того, что Ассамблея народов Чувашии стала реальным социальным механизмом гармонизации межэтнических отношений, сохранения гражданского мира, межнационального взаимопонимания и согласия.

Литература

1. *Александров А.Ю., Широков О.Н.* Проблема оценки результативности воспитательной работы в высшей школе // Опыт реализации федерального государственного образовательного стандарта в образовательных учреждениях: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / Башкирский государственный университет. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 2014. С. 118–122.

2. *Васильев В.А.* Роль художника в процессе взаимодействия культур: творческая деятельность А.А. Кокеля. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 322 с.

3. Единство народов – основа укрепления российской государственности: сб. науч. тр. / под ред. Л.П. Куракова. Чебоксары: Плакат, 2017. 264 с.

4. Народное единство как основа реализации национальной идеи России – патриотизма: сб. науч. ст. Чебоксары: Новое время, 2016. 312 с.

5. *Шитлаева З.П.* В Чувашии создана Ассамблея народов Чувашии // Советская Чувашия. 2016, 13 сент.

ВАСИЛЬЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilyev_va@mail.ru).

V. VASILYEV

ASSEMBLY OF CHUVASHIA PEOPLES AS MECHANISM OF INTER-ETHNIC RELATIONS HARMONIZATION

Key words: *assembly, friendship of peoples, public institution, state, ethnos, religion, inter-ethnic relations, plein air.*

This article represents the first attempt to explore the main factors in creating the Assembly of Chuvashia peoples in the multinational Chuvash Republic and to shed a clearer light on its role in interethnic relations harmonization promoting consolidation of the Russian statehood. The historical project actively involved all national-cultural associations. Creating a new social institute will contribute to spreading positive experience accumulated in the Chuvash Republic in developing the regional model of state national policy, aimed at preserving civil peace, interethnic understanding and harmony.

References

1. Aleksandrov A.Yu., Shirokov O.N. *Problema otsenki rezul'tativnosti vospitatel'noi raboty v vysshei shkole* [The problem of assessing the effectiveness of educational work in higher school]. *Opyt realizatsii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. Of. II Int. Sci. Conf. «Experience of implementing Federal state educational standards in educational institutions»]. Ufa, Bashkir State University Publ, 2014, pp. 118–122.

2. Vasilyev V.A. *Rol' khudozhnika v protsesse vzaimodeistviya kul'tur: tvorcheskaya deyatel'nost' A.A. Kokelya* [The role of the artist in the process of interaction of cultures: creative activity A.A. Kokelles]. Cheboksary, Chuvash State University Publ, 2016, 322 p.

3. Kurakov L.P., ed. *Edinstvo narodov – osnova ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti: sb. nauch. tr.* [The unity of the people – a basis of strengthening of the Russian statehood: collection of scientific articles]. Cheboksary, Plakat Publ, 2017, 264 p.

4. *Narodnoe edinstvo kak osnova realizatsii natsional'noi idei Rossii – patriotizma: sb. nauch. statei* [National unity as the basis for the implementation of the national idea of Russian patriotism: collection of scientific articles]. Cheboksary, Novoe vremya Publ, 2016, 312 p.

5. Shitlaeva Z.P. *V Chuvashii sozdana Assambleya narodov Chuvashii* [In Chuvashia the Assembly of the people of Chuvashia]. *Sovetskaya chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 2016, Sept. 13.

VASILYEV VLADIMIR – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vasilyev_va@mail.ru).

Ссылка на статью: *Васильев В.А.* Ассамблея народов Чувашии как механизм гармонизации межэтнических отношений // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 48–53.

УДК 94(5)“1918”
ББК 63.3(5)-4

М.И. ВТОРУШИН

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ ВОСТОЧНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В 1918 ГОДУ

Ключевые слова: *демократическая контрреволюция, Временное Сибирское правительство, Комуч, антисоветское демократическое движение, Белое движение, военная диктатура.*

В статье изложен вопрос политического кризиса «демократической контрреволюции» востока России лета и осени 1918 г., который в Сибири завершился установлением военной диктатуры адмирала А.В. Колчака.
Цель работы – выявить причины политического кризиса вооруженного антисоветского демократического движения, изучить его сущность, определить внешние и внутренние формы проявления, а также выявить последствия его развития и способа разрешения для дальнейшего хода Гражданской войны в России.
Подтверждено, что обострение всего комплекса противоречий русской революции 1917 г. обусловило переход политической борьбы из стадии мирных форм противостояния к началу вооруженной Гражданской войны в стране. В ходе антисоветского восстания на востоке России образовалось два центра притяжения всех контрреволюционных сил – Комитет членов Учредительного собрания в Самаре и Временное Сибирское правительство в Омске. По характеру они являлись демократическими, поскольку представляли интересы мелкобуржуазных трудовых слоев населения Поволжья, Сибири и Урала. Однако партия эсеров, как гегемон антисоветского движения на востоке России, чтобы иметь широкую социальную базу, должна была опираться на местные правые политические группировки. Для эсеров это был опасный компромисс, так как помимо свержения власти Советов правые силы лагеря контрреволюции востока России одновременно стремились покончить с партией эсеров в целом.
Установлено, что между демократическими правительствами Омска и Самары возникли противоречия, обусловленные их партийным составом, состоянием областного хозяйства и отношением к Конституанте первого созыва. Это вызвало политическое противостояние, которое обострялось вмешательством в их борьбу антисоветских правых сил и стран Антанты. Выявлено, что внутренние противоречия сибирской «демократической контрреволюции» заключались в разном понимании эсерами и левыми областниками, с одной стороны, и офицерами, кадетами и правыми областниками – с другой, сущности организации власти в Сибирском регионе, формы государственного устройства страны, отношения к Комучу и Советам, методов наказания сторонников власти Советов.
Анализ причин и развития внутреннего кризиса антисоветского лагеря на востоке России в 1918 г. подтверждает вывод о закономерности установления в Сибири военной диктатуры белых унитаристов как метода преодоления внутренних противоречий антисоветского движения России.

Вопрос о кризисе демократического антисоветского движения, или, как ранее его квалифицировали, «демократической контрреволюции», на востоке России в годы Гражданской войны, предопределившего вступление всего антисоветского движения на качественно новую стадию своего развития, т.е. переход политической власти в Сибири и на Урале к белым унитаристам, по ряду причин требует дополнительного исследования, так как аспект идейно-политических противоречий данного антисоветского движения в литературе разработан неполно. Научный интерес представляет сущность противоречий ведущих центров восточного демократического антисоветского движения, т.е. правительств Самары и Омска, которые ослабляли блок антиоктябрьских сил в борьбе с советской демократией на фронтах Гражданской войны. Интерес представляет также специфика внутренних противоречий антисоветской демократии Сибири, обусловивших установление военной диктатуры Белого движения во главе с адмиралом А.В. Колчаком в регионе.

Решая эти научные задачи, автор стремится опираться на принципы диалектического понимания истории, выявляя взаимообусловленности и взаимосвязи исторических событий данного периода истории России.

Свержение летом 1918 г. советской власти в Поволжье, в Сибири и на Урале стало началом вооруженной борьбы за воссоздание в России режима власти Февральской демократической революции. В ходе данного процесса оформились два основных политических центра антисоветского движения – Омск и Самара. С самого начала оба антисоветских режима власти оказались в состоянии внутреннего кризиса, ибо под их знаменами консолидировались самые разнообразные политические силы, в том числе реставраторские, которые существенным образом влияли на политику Самарского Комуча и Временного Сибирского правительства. Тем более, что политические программы антисоветских течений, кроме пункта о свержении советской власти, существенно расходились. Так, Временное Сибирское правительство на первом этапе существования придерживалось ряда положений программы сибирских областников, отстаивая принцип конфедерации в государственном устройстве будущей демократической России, демонстрируя в качестве символа самостоятельности Сибири бело-зеленый флаг. В противовес Омску правительство Самары, исходя из основ политической программы партии эсеров, отстаивало принцип федерации территорий единой России, сохраняя в качестве символа демократической Февральской революции красный флаг.

Идейно-политический конфликт в антисоветском лагере востока России непрерывно обострялся также в связи с тем, что эсеры Сибири пытались поддержать политическую программу Комуча [10. С. 154]. Приветственные отклики по поводу рождения в Самаре «эмбриона» общероссийской власти в печати социалистов Сибири [6], в стане военных, кадетов и областников не вызвали позитивных эмоций, так как они считали эсеров виновниками октябрьского политического переворота 1917 г. и большевизации России. Когда областные эсеры попытались привлечь к работе общественные силы региона по реализации идей, проводимых Комитетом членов Учредительного собрания, то встретили дружный отпор ведущих групп антисоветского движения края, в первую очередь, в лице Сибирского правительства и ряда депутатов Сибирской областной думы, которых поддержали местные военные и торгово-промышленные круги [3. С. 108]. Это проявилось уже на первом заседании Временной Сибирской областной думы, на котором глава Сибирского правительства П.В. Вологодский в декларации Совета министров сразу отверг все претензии сибирских эсеров на сотрудничество с Комучем и на присоединение к его политической программе [8. Л. 14–17].

Кроме идейно-политических разногласий Сибирского правительства и Самарского Комуча были и экономические противоречия: неоднородность хозяйственного состояния территорий на востоке России. Это отметил лидер уральских кадетов Л.А. Кроль: «Они сильно упирали на то, что Сибири нет расчета сполна смешивать свои дела с делами Европейской России: последняя разорена, в то время, как Сибирь почти не затронута экономически: платить Сибири за всю Россию нет расчета» [12. С. 64]. Это вылилось в таможенную войну Омского и Самарского правительств, «на железных дорогах Сибири скопилось много грузов, направлявшихся в адрес Европейской России. Самара считала себя вправе завладеть всеми этими грузами; Сибирское правительство не видело оснований к тому, чтобы пропускать дальше Челябинские грузы, адресованные в большевистскую Россию, и учредило особые реквизиционные комиссии для распределения этих грузов между казенными

и частными предприятиями Сибири. Самара ответила на это задержанием грузов, следовавших в Сибирь: мануфактуры, нефти и др.» [4. С. 97–98]. Специфику отношений центров антисоветского движения востока России отметил лидер эсеров В.М. Чернов: «"Сибиряки" понемногу начинают "проявлять" себя. Границы Сибири закрываются для беженцев из прифронтовой полосы: пусть они переполняют города, где правят "учредители"». Грузы с продовольствием, заказанным последними у сибирских кооператоров, задерживаются: Сибирь не должна вывозить, все это нужно "ей самой"». С территорией Учредительного собрания начинается настоящая таможенная война» [20. С. 387].

Маслом в огонь было стремление политических сил «правого сектора» антисоветского лагеря Сибири, численно уступавших краевым социалистам, придать антисоветскому движению в регионе надпартийный характер [10. С. 141]. Позже адмирал А.В. Колчак в программном заявлении определил: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по пути партийности» [6. Л. 1об.]. По этой причине правые силы Сибири стремились держать армию вне политики. Еще в начале антисоветского восстания в регионе было объявлено: «Организация вооруженных сил ведется не на началах партийных или классовых» [7. Л. 1]. Причиной данной позиции правых антисоветских сил Сибири было их стремление силами своей армии не помогать Комучу в его борьбе с Красной Армией на Волге. Видимо, они ожидали поражения и падения Самарского правительства эсеров. Это было важно, например, для сибирских сепаратистов, чтобы объявить Сибирь суверенным государством, а для кругов местных кадетов и военных – чтобы полностью политически дискредитировать эсеров как в регионе, так и в России, чтобы взять власть в свои руки [13. С. 171–174].

Кризис в стане сибирского антисоветского движения вызывали и планы социалистов сохранить Советы из-за их популярности в трудовых слоях Сибири, что раздражало «правый сектор». Эсеры и меньшевики хотели придать Советам характер профессиональных союзов, лишив их для этого каких-либо властных функций [5. Л. 16]. Как резюмирует С.П. Мельгунов, «большинство партии находилось под гипнозом страха оторваться от масс, настроение которых по трафарету определялось представительством в органах так называемой организованной революционной демократии, т.е. Советах» [14. С. 256]. Оценив запрет Советов, краевой эсер Б. Лойко писал: «Оно рискует (имея в виду Сибирское правительство. – *М.В.*) лишиться поддержки со стороны рабочих масс, поддержки, которая для него не должна быть безразличной» [11. С. 98]. Правые силы, в отличие от социалистов, питавших в отношении Советов известные иллюзии, понимали, как отметил Г.К. Гинс, «что обеспечивающий завоевания революции «совдеп» может быть только политическим, а не профессиональным органом, и что свергать Советскую власть, оставляя Советы, было бессмысленно» [4. С. 69].

Неприятие «правым сектором» антисоветского движения востока России политической программы эсеров было вызвано также их стремлением воссоздать конструкцию Учредительного собрания первого созыва [2. С. 6]. Блок офицерских кругов, кадетов, областников Конституанту первого созыва рассматривали по аналогии с «Долгим парламентом» эпохи английской революции – «охвостьем» [14. С. 225]. Недовольство правых сил вызывал и план эсеров сохранить Земельные комитеты и крестьянские Советы, а также их отказ восстановить институт частного землевладения. Важно отметить, что за крестьянскими Советами стояли союзы кооператоров, в первую очередь потребительские. Эсеры это учитывали, а вожди правых сил эту специфику упустили из вида. Позже этот просчет сыграл в судьбе диктатуры адмирала

А.В. Колчака трагическую роль, так как осенью 1919 г. во время «кризиса белой государственности» востока России часть кооператоров края присоединилась к антиколчаковскому вооруженному движению крестьян.

Недовольство «правого сектора» порождалось и тем, что социалисты края отрицали массовый террор против прямых и косвенных сторонников власти Советов, так как выступали за гражданский мир в Сибири. В июле 1918 г. П.В. Вологодский заявил: «Правительство не считает для себя возможным создавать для преследования большевиков исключительные суды и исключительные положения, и за те деяния, которые согласно действующим законам, не могут быть квалифицированы, как преступления, активные деятели советской власти подлежат политическому суду Учредительного собрания» (8. Л. 15). Поэтому разрешалось деятелей сибирской советской власти и сочувствующих им лиц брать на поруки после оправдательного вердикта следственных комиссий [1. С. 89–91]. Было торжественно сообщено об отмене смертной казни. Тем самым, эсеры Сибири желали «играть» по тем правилам, которые сложились в России в 1917 г., когда подвергалась гонениям лишь «верхушка» партии большевиков. Эсеры считались и с тем, что левые социалисты в период их нахождения во власти в Сибири, действовали по нормам политической борьбы лета 1917 г., т.е. арестовывали, но затем отпускали на свободу своих явных врагов и противников. Позже историк гражданской войны в Сибири П.С. Парфенов писал, что карательные меры Советов против деятелей контрреволюции «служили демонстрацией безвластия Советской власти» [16. С. 21].

В итоге стремление сибирских эсеров не нарушать правила «игры», которые оформились в революцию 1917 г., в политической борьбе в годы Гражданской войны на востоке страны, избегать практики кровавого террора в отношении сторонников Советов, имело для них позитивные последствия. Так, после начала волны репрессий колчаковцев в конце 1918 г. против российских и областных эсеров, которые сопровождались массовыми убийствами, пытками и заключением в тюрьмы с каторжным режимом содержания, оставшиеся на свободе бежали на советскую территорию. Здесь над ними был установлен контроль органов ВЧК, и они были ограничены в свободе политической деятельности, но эти эсеры не подвергались карательным санкциям Советского правительства. После Гражданской войны в Сибири на процессе над колчаковскими министрами в мае 1920 г. краевые эсеры и левые областники, так или иначе причастные к антисоветскому мятежу лета 1918 г. (например, глава Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербер и министр юстиции Временного Сибирского правительства Г.Б. Патушинский), выступали не в качестве обвиняемых, а как свидетели и жертвы колчаковского режима.

У адептов «корниловского» варианта решения политических проблем на востоке страны желание эсеров избегать кровавых эксцессов вызывало непонимание. Они считали, что политических врагов, т.е. носителей идей большевизма, надо уничтожать физически. В противовес областникам и эсерам, стоявшим «за законность и правопорядок» [8. Л. 15], офицерские и казачьи отряды с началом антисоветского переворота проводили белый террор, уничтожая сторонников советской власти по всему краю. Пример подал командир чехословацких эшелонов полковник Р. Гайда, который ввел режим военного и осадного положения в ряде мест региона, а также военно-полевые суды в составе одного офицера армии Сибири и трех чехословацких офицеров. Все это было сделано без какой-либо санкции Сибирского правительства. Красноярская газета «Голос народа» задала риторический вопрос:

«Военно-полевые суды вводятся в тех местностях, где военные операции уже прекратились и где большевистские и мадьярские банды уже ликвидированы. И, следовательно, возникает тревожный вопрос: вызвалось ли необходимостью момента установление военно-полевых судов? А этот вопрос могли и должны были решать не отдельные военачальники, а высшая в области власть – Совет министров и Управляющий военным министерством» [9].

Правые отрицали и эсеровские методы управления, строившиеся на основе коллегиальности во всех комиссариатах как на уровне губерний, так и в уездах Сибири [4. С. 69]. Как писал Г.К. Гинс, оценивая настроения части офицеров Сибирской армии: «Одно имя Дербера приводило в ярость буржуазные круги, офицерство почему-то не могло слышать имени Моравского, относились с большим подозрением к полковнику Краковецкому, и все вообще члены Сибирского правительства, находившиеся на Востоке, казались пугалами революции, мало отличавшимися от большевиков» [4. С. 75]. Позже В.М. Чернов признал идейный и организационный крах партии эсеров в период «демократической контрреволюции», имея в виду успехи правых антисоветских сил в борьбе за власть в Сибири: «Никого не представляющее персональное объединение спевшихся деятелей разных партий победило самую большую, самую массовую партию современной России» [20. С. 377].

Однако, несмотря на все острые противоречия и столкновения, вплоть до ноября 1918 г. в Сибири налицо был союз эсеров и правых сил. Так, группы правых эсеров, энесов и меньшевиков после государственного переворота 18 ноября 1918 г. вошли в «Блок общественных и политических объединений», поддержав колчаковский режим [6. Л. 1], а их представители А.А. Грацианов, И.А. Михайлов, Н.И. Петров, С.С. Старынкевич и Л.И. Шумиловский были одно время министрами Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Это дало основание видному деятелю антисоветского движения периода Гражданской войны Б.В. Савинкову характеризовать правительство адмирала А.В. Колчака как «неопределенно-демократическое» [17. С. 379].

Под влиянием «правого сектора» восточной контрреволюции Временное Сибирское правительство, сменившее в июле 1918 г. эсеровский Западно-Сибирский комиссариат, должно было быть радикальным – оно распустило на территории Сибири все Советы и запретило иные организации, «имевшие бы политические цели» [8. Л. 15]. Кроме того, под давлением генерала Р. Гайды и военных кругов узаконены были военно-полевые суды и смертная казнь для сторонников Советов и лиц, саботирующих указы новых властей. В связи с этими актами Сибирское правительство в кругах, поддерживавших Самарский Комуч, получило репутацию «правительства реакции» [18. С. 15].

В августе 1918 г. на Челябинском, а затем на Уфимском совещании антисоветских правительств востока России в сентябре 1918 г. противоречия по вопросу об отношении к «народоправству» и Советам между эсерами и правыми силами выявились в полной мере. Несмотря на усилия куратора антисоветских группировок французского атташе майора А. Гинэ, не удалось преодолеть конфликт между Комучем и Сибирским правительством, тем более, что произошел раскол в других делегациях участников совещания по вопросу о признании легитимности того и другого правительства [18. С. 14].

Делегат от Комуча эсер В.К. Вольский доказывал, что правительства, возникшие на востоке России, не могут считаться легитимными, если они не признают власть Учредительного собрания: «Для нас Учредительное собрание совершенно бесспорный, совершенно несомненный орган народовластия, и в России не существует никакого другого органа, который обладал бы признака-

ми Учредительного собрания, созданного на основе всеобщего, равного, тайного и пропорционального избирательного права, и, тем самым, этот орган является естественно правомочным органом Верховной власти в России, Верховного Государственного строительства. Учредительное собрание явилось не только как один из величайших актов Российской революции, но явилось формально преемственным. Вы знаете, что формальным актом, который предшествовал ему, явился акт отрекшегося от престола великого князя Михаила Александровича, акт о созыве Всероссийского Учредительного собрания, созыв которого был поручен им Временному правительству» [15. С. 133].

Ход и результаты Уфимского Государственного совещания зеркально повторили ситуацию, имевшую место на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г., когда правые социалисты не договорились с представителями цензовых кругов России о создании дееспособного Всероссийского Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским. Шаткий компромисс, достигнутый на Государственном совещании в Уфе по вопросу о создании Всероссийского правительства, оформил в «правом секторе» и среди «центристов» идею военной диктатуры на востоке России – повторилась политическая ситуация, имевшая место после Государственного совещания в Москве, т.е. накануне выступления генерала Л.Г. Корнилова.

На решение торгово-промышленных и военных кругов установить в Сибири военную диктатуру оказали влияние эмиссары Англии, срочно подготовившие требуемую кандидатуру в лице адмирала А.В. Колчака [19. С. 119]. Этот шаг английской дипломатии выявил желание правящих кругов Великобритании поставить под свой контроль важный регион мира накануне окончания мировой войны, оттеснив своих союзников по совместной борьбе против Германии. Геостратегические противоречия между Англией и Францией, возникшие по вопросу о судьбах восточной контрреволюции, стали еще одной стороной кризиса антисоветского демократического движения.

Резюмируя, стоит признать, что на востоке России в годы Гражданской войны политический кризис антисоветского демократического движения был обусловлен социальной разнородностью ее движущих сил, которые часто имели противоположные идейные установки. Параллельно он отражал общее хозяйственное состояние территорий антисоветских режимов, а также различие форм и методов управления. Кроме этого, он был и негативным итогом борьбы ведущих стран Антанты за гегемонию в Сибири.

Литература и источники

1. *Абрамовский А.А.* Следственные комиссии Временного Сибирского правительства // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово: КРИРПО, 2007. С. 89–91.

2. *Вольский В.* Наши разногласия // Народ. 1919. № 1. Стб. 6–8.

3. *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. 294 с.

4. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.

5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4058. Оп. 1. Д. 10.

6. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 14.

7. ГИАОО. Р-1015. Оп. 3. Д. 10.

8. ГИАОО. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 2.

9. Дело рабочего (Красноярск). 1918. 11 авг., № 31.

10. *Добровольский А.В.* Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. Новосибирск: Наука, 2002. 398 с.

11. *Дробченко В.А.* Межпартийные отношения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции». Май – ноябрь 1918 г. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3. С. 98–100.

12. *Кроль Л.А.* За три года: воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток: Свободная Россия, 1921. 216 с.
13. *Майский И.* Демократическая контрреволюция // Красная новь. 1922. № 6. С. 160–177.
14. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. М.: Айрис-Пресс, 2004. Кн. 1. 576 с.
15. *Назыров П.Ф., Никонова О.Ю.* Уфимское государственное совещание: документы и материалы // Вестник Челябинского университета. 1999. № 1. С. 127–140.
16. *Парфенов П.С.* Гражданская война в Сибири. М.: Госиздат, 1925. 168 с.
17. *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М.: ПРОЗАиК, 2013. 527 с.
18. *Святицкий Н.* Реакция и народовластие // Народ. 1919. № 1. С. 14–16.
19. *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. М.: Центрполиграф, 2006. 252 с.
20. *Чернов В.М.* Перед бурей: воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 416 с.

ВТОРУШИН МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела, Омский государственный технический университет, Россия, Омск (vtorushin-m2013@yandex.ru).

M. VTORUSHIN

ON THE QUESTION OF POLITICAL CRISIS OF THE EASTERN COUNTER-REVOLUTION IN 1918

Key words: *democratic counter-revolution, the Provisional Siberian government, Committee of Constituent assembly members, anti-soviet democratic movement, the White movement, military dictatorship.*

The paper presents the issue of political crisis among Eastern Russia «democratic counter-revolution» in summer – autumn 1918, which ended up in Admiral Kolchak military dictatorship establishment in Siberia.
The purpose of the paper is to find out the reasons for political crisis in the armed anti-soviet democratic movement, to examine its nature, to define its external and internal manifestations, as well as to identify the consequences of its development and resolution for the further course of the Civil War in Russia.
It is confirmed that intensification of the whole set of contradictions of the 1917 Russian revolution resulted in the political struggle transition from the stage of confrontation peaceful forms to the outbreak of armed Civil War in the country. During the anti-Soviet rebellion in the Eastern Russia two centers of gravity for all revolutionary forces were formed – the Committee of the Constituent Assembly Members in Samara and the Provisional Siberian government in Omsk. Both of them were democratic by nature, representing the interests of small bourgeoisie working class of the Volga region, Siberia and the Urals. However, the Social-Revolutionary party, being the hegemon of anti-Soviet movement in Eastern Russia, was forced to rely on the local right-wing political groups in order to have an extensive support base. For SRs it was a dangerous compromise because apart from the Soviet power overthrow, the right-wing forces of the Eastern Russia counter-revolution camp simultaneously sought to bring an end to the party of socialist-revolutionaries in general. Inconsistencies between the democratic governments of Omsk and Samara were found to have arisen due to the parties' composition, regional economy situation and their attitude to the Constituent Assembly of the first convening. This caused political confrontation, which was worsened by interference of anti-Soviet right-wing forces and the Triple Entente countries.
It was revealed that internal contradictions of the Siberian "democratic counter-revolution" resulted from different views of the SRs and left-wing regionalists, on the one hand, and officers, cadets and right-wing regionalists on the other, on the issues of power organization in Siberia, country government form, attitude to Committee of Constituent assembly members and the Soviets, and punishment methods of the Soviet power supporters.
The analysis of causes and internal crisis in progression of the anti-Soviet movement in the Eastern Russia in 1918 confirms conclusion on a predicted pattern of white Unitarians military dictatorship establishment in Siberia as a method of negotiating internal contradictions of anti-Soviet movement in Russia.

References

1. Abramovskiy A.A. *Sledstvennye komissii Vremennogo Sibirskogo pravitelstva* [The investigative Commission of the Provisional Siberian government]. *Sibir' v period grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil war]. Kemerovo, KRIRPO Publ., 2007, pp. 89–91.
2. Volskiy V. *Nashi raznoglasya* [Our differences]. *Narod*, 1919, no. 1, pp. 6–8.

3. Garmiza V.V. *Krushenie eserovskih pravitelstv* [The collapse of the socialist-revolutionary governments]. Moscow, Mysl' Publ., 1970, 294 p.

4. Gins G.K. *Sibir, soyiuzniki i Kolchak:povorotnjy moment russkoy istorii* [Siberia, the allies and Kolchak: the turning point of Russian history]. Moscow, Airis-press Publ., 2008, 672 p.

5. *Gosudarstvennyi arhiv sozialno-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti. Fond 4058. Opis 1. Dokument 10* [State archive of socio-political history of the Tyumen region. Archives 4058. Anagraph 1. Document 10].

6. *Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Omskoy oblasti. Fond R-1015. Opis 1. Document 14* [State historical archive of the Omsk region. Archives R-1015. Anagraph 1. Document 14].

7. *Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Omskoy oblasti. Fond R-1015. Opis 3. Document 10* [State historical archive of the Omsk region. Archives R-1015. Anagraph 3. Document 10].

8. *Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Omskoy oblasti. Fond 1507. Opis 1. Document 2* [State historical archive of the Omsk region. Archives 1507. Anagraph 1. Document 2].

9. Delo rabochego [The working]. Krasnoyarsk, 1918, 11 Aug.

10. Dobrovolskiy A.V. *Esery Sibiri vo vlasti i vo oppozii* [SRS Siberia in government and in opposition]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 389 p.

11. Drobchenko V.A. *Mezhpartiynye otnoshenya v Tomskoy gubernii v period «demokraticheskoy kontrevolyuzii»* [Inter-party relations in the Tomsk province in the period of "democratic counterrevolution". May – November 1918]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University], 2008, no. 3, pp. 98–100.

12. Krol' L.A. *Za tri goda: vospominaniya, vpechatleniya i vstrechi* [For three years: memories, impressions and meetings]. Vladivostok, Svobodnaya Rossiya Publ., 1921, 216 p.

13. Maysky I. *Demokraticheskaya kontrrevolyuziya* [The democratic counter-revolution]. *Krasnaya nov'*, 1922, no. 6, pp. 160–177.

14. Melgunov S.P. *Tragediya admirala Kolchaka* [The tragedy of Admiral Kolchak]. Moscow, Airis-press Publ., 2004, book 2, 576 p.

15. Nazyrov P.F., Nikonova O. Yu. *Ufimskoe gosudarstvennoe soveshchanie* [The Ufa state conference: documents and materials]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk University], 1999, no. 1, pp. 127–140.

16. Parfenov P.S. *Grazhdanskaya voyna v Sibiri* [Civil war in Siberia]. Moscow, Gosizdat Publ., 1925, 168 p.

17. Savinkov B.V. *Vospominaniya terrorista* [Memories of terrorist]. Moscow, PROZAiK Publ., 2013, 527 p.

18. Svyatizkiy N. *Reakziya i narodovlastie* [Reaction and democracy]. *Narod*, 1919, no. 1, pp. 14–16.

19. Fleming P. *Sud'ba admirala Kolchaka* [The fate of Admiral Kolchak]. Moscow, Zentrpoligraf Publ., 2006, 252 p.

20. Chernov V.M. *Pered burey: vospominaniya. Memuary* [Before the storm: memories. Memoirs]. Minsk, Harvest Publ., 2004, 416 p.

VTORUSHIN MIKHAIL – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the State, Municipal Administration and Customs Management Department, Omsk State Technical University, Russia, Omsk (vtorushin-m2013@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Вторушин М.И.* К вопросу о политическом кризисе восточной контрреволюции в 1918 году // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 54–61.

УДК 377.35:342.951(091)(470)
ББК Ч46(2)6к0

Н.А. ВЫЙКИН

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1940–1990-х ГОДАХ

Ключевые слова: *государственное регулирование, плановая экономика, профессионально-техническое образование, финансирование, правовое обеспечение, мобилизационный и принудительный характер комплектования, инерционность.*

В статье, основанной на статистических сведениях и исследованиях видных отечественных ученых-историков и педагогов, рассматриваются проблемы государственного регулирования развития системы начального профессионального образования за последние 50 лет существования советской власти. Социалистическая концепция начального профессионального образования базировалась на таких принципах, как его связь с политикой коммунистической партии, соединение производительного труда молодежи с обучением, бесплатность, мобилизационный и принудительный подход комплектования учебных заведений, единство профессионального образования и коммунистического воспитания молодежи. Эти теоретические и методологические положения проходили «красной чертой» через все директивные документы партийных и советских органов. Изучение бюджетных расходов на социально-культурные цели показало приоритетность финансирования подготовки рабочих кадров в системе профессионально-технического образования, что соответствовало доктринальным положениям советской власти о ведущей роли рабочего класса в социалистическом обществе.

Цель статьи – понять механизм реализации государственных решений в сфере начального профессионального образования за последние 50 лет существования советской власти. Такой анализ даёт возможность увидеть как достижения, так и промахи в государственном регулировании системы профессионально-технического образования молодежи.

Вопросы подготовки рабочей смены были одними из главных в трудах по истории советского рабочего класса, характерной чертой которых являлось стремление рассматривать ее в основном через призму руководящей деятельности КПСС. Кризис советской системы профессионального образования многие авторы видели в огосударствлении, превращении ее в пассивный объект социальной хирургии, небрежении власти. Типичными ее болезнями считались формализм, приписки, идеологизация образовательного процесса [2, 6].

Зарубежные исследователи, изучая советский хозяйственный механизм, указывали на отсутствие у него внутренних импульсов и критериев эффективности. Систему трудовых резервов и подготовки рабочей смены они представляли как механизм принудительного привлечения молодежи к труду, как интеллектуальную селекцию «глупых парней» для работы на производстве, как форму дискриминации сельской молодежи в отношении профессионального образования [3. С. 79].

В современных исследованиях отмечаются трудности в реализации государственной образовательной политики в условиях глубокого социально-экономического кризиса, которая деформировалась нехваткой финансовых и материальных ресурсов. При этом указывается на необратимый характер разрушительных последствий рыночных реформ, на утрату страной образовательного и профессионального потенциала, отвечающего современным потребностям [31. С. 39]. Эти процессы напрямую затронули систему начального профессионального образования, которая в 2013 г. перестала существовать как самостоятельная структура.

На 1940–1990 гг. приходится время динамичного роста промышленного потенциала советского общества, а также нарастания кризисных явлений, его краха и ликвидации. Именно в этот период система начального профессионального образования получила наибольшее развитие, обусловленное ростом индустриальной мощи Советского государства.

Начальный этап ее становления приходится на 1940–1945 гг. После издания 2 октября 1940 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» началось создание централизованной системы подготовки и распределения рабочих, появились три новых типа учебных заведений – ремесленные (РУ) и железнодорожные училища (ЖУ), которые создавались для формирования квалифицированных рабочих с двухгодичным сроком обучения, а также школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) для подготовки рабочих массовых профессий с шестимесячным сроком обучения.

В отличие от школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), действовавших в 1930-е гг., учебные заведения трудовых резервов полностью финансировались за счет государства, которое брало на себя все расходы по обучению и материальному обеспечению учащихся. Государством Главному управлению трудовых резервов было передано 269 школьных зданий; на базе школ ФЗУ, принятых от разных наркоматов и ведомств, было организовано еще 868 училищ и школ трудовых резервов, а 682 учебных заведения были открыты вновь. Всего на их оборудование и содержание было выделено свыше 1 млрд руб. [25. С. 119].

Постановление СНК СССР «О призыве городской и сельской молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения» от 2 декабря 1940 г. предусматривало обеспечить ежегодный набор от 800 тыс. до 1 млн юношей и девушек. Учебные заведения комплектовались путем их принудительного призыва (мобилизации) и за счет добровольного набора. Для всех выпускников устанавливалась отсрочка от призыва на военную службу в течение четырех лет с момента окончания обучения [26. С. 774–775].

Первый набор оказался удачным: в стране на 600 тыс. мест было подано более 1,1 млн заявлений, что свидетельствовало о стремлении советской молодежи получить рабочие профессии. В мае 1941 г. насчитывалось 1306 школ ФЗО с контингентом 364 тыс. учащихся и 744 ремесленных и железнодорожных училища с 345 тыс. учащихся. Тогда же состоялся первый выпуск: свыше 250 тыс. рабочих получили направление на стройки третьей пятилетки, что имело огромное народнохозяйственное значение в условиях нарастания военной агрессии со стороны фашистской Германии [22. С. 217–218].

В годы Великой Отечественной войны выросла роль училищ и школ трудовых резервов в подготовке рабочих кадров для крупных промышленных предприятий, выполнявших оборонные заказы. Всего за 1941–1945 гг. общая сумма государственных бюджетных ассигнований на их развитие превысила 11,3 млрд руб. (табл. 1). Увеличение бюджетных ассигнований позволило стабилизировать учебно-производственную базу учебных заведений, а затем даже добиться роста их количества и численности обучающихся (табл. 2) [25. С. 386].

В этот период Советским государством были внесены серьезные коррективы в их деятельность: отменен добровольный и внедрен принудительный метод комплектования, сокращены сроки обучения, введена судебная ответственность за самовольный уход учащихся, сделана ставка на подготовку рабочих массовых профессий, сокращено до минимума время на теоретическое обучение, производственное обучение проводилось в ходе выполнения конкретных военных и производственных заданий. Обучение проводилось и в ночные смены, установленные на предприятиях.

Таблица 1

Финансирование и развитие системы трудовых резервов СССР в годы Великой Отечественной войны

Годы	Ассигнования, млн руб.	Число учебных заведений, ед.	Численность учащихся, тыс. человек
1941	2421,2	1550	602,0
1942	1592,4	1129	445,1
1943	1850,0	1737	608,2
1944	2601,6	2132	652,6
1945	2903,5	2587	683,0

Таблица 2

Подготовка квалифицированных рабочих в системе трудовых резервов СССР в 1941–1945 гг., тыс. человек

Тип учебного заведения	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
РУ и ЖУ	73,5	193,2	116,6	121,5	180,2	685,0
Школы ФЗО	306,0	375,8	481,2	294,8	272,2	1790,0
Всего	439,5	569,0	597,8	416,3	452,5	2475,0

Всего за 1941–1945 гг. в системе трудовых резервов было подготовлено более 2,4 млн квалифицированных рабочих, в РСФСР – 1912,8 тыс., в том числе в училищах – 595 тыс. (31%) и в школах ФЗО – 1318 тыс. человек (69%), в Чувашии – свыше 10,4 тыс. рабочих [20; 22. С. 220; 25. С. 391; 28. С. 227]. Самое большое пополнение получили заводы военной промышленности. В процессе производственного обучения учащимися было изготовлено оборонной и народнохозяйственной продукции на 4,5 млрд руб. [10. С. 234; 22. С. 228–229]. Выросла социальная функция системы трудовых резервов – защита подростков от тягот и лишений военного времени.

Второй этап ее развития приходится на 1946–1960 гг., когда повсеместно наблюдался острый дефицит кадров. Общая потребность народного хозяйства в них только на первую послевоенную пятилетку исчислялась в 12,5 млн человек. Реализация этой задачи усложнялась тем, что численность рабочих сократилась с 19,7 млн человек в 1940 г. до 17,5 млн человек в 1945 г. [11. С. 190]. Более острой стала проблема набора молодежи в учебные заведения трудовых резервов. Принцип принуждения при их комплектовании, вполне оправданный в годы Великой Отечественной войны, в мирных условиях встречал негласное сопротивление у молодежи и руководителей местных органов власти.

К началу мирного периода система трудовых резервов насчитывала 2488 училищ и школ ФЗО с общим контингентом учащихся 603 тыс. человек [29. С. 303]. Законом о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. ставилась задача увеличить годовой выпуск рабочих из этих учебных заведений до 1,2 млн человек, а всего за пятилетие подготовить 4,5 млн молодых рабочих. Это означало почти двукратный рост масштабов формирования рабочих кадров в системе трудовых резервов, что фактически было нереальным.

Конкретные пути ее развития в мирных условиях определялись в постановлении СНК СССР от 29 августа 1945 г. «О мерах по улучшению учебно-воспитательной работы в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», где отмечались резкое снижение качества подготовки квалифицированных рабочих и ухудшение учебно-воспитательной работы в военные годы. На преодоление этих и других трудностей нацеливало постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО» от 30 сентября 1946 г. Правительство устанавливало четкий перечень профессий, по которым должны

были готовиться квалифицированные рабочие, определило сроки обучения и возрастной состав учащихся [24. С. 4–5].

В директивах XIX и XX съездов коммунистической партии по пятому и шестому пятилетним планам были определены задания по строительству новых учебных заведений и подготовке квалифицированных рабочих и ассигнования на подготовку кадров. Доля затрат на социально-культурные мероприятия в госбюджете РСФСР сократилась с 68,8% в 1950 г. до 41,1% в 1960 г., или в 1,6 раза, но в абсолютных цифрах расходы на социально-культурные мероприятия выросли в 2,8 раза (табл. 3).

Таблица 3

Расходы на социально-культурные мероприятия по государственному бюджету РСФСР, млн руб.

Социально-культурные мероприятия	1950	1958	1960	1960 г. к 1950 г., раз
Всего	3717,9	7729,5	10536,9	2,83
Просвещение, всего	2102,0	3216,5	4681,5	2,22
Из них: общеобразовательные школы всех видов	1126,8	1519,3	1950,4	1,73
Подготовка кадров:	320,2	562,5	1409,7	4,40
Из них: вузы	130,0	207,7	698,9	5,37
техникумы, училища и школы по подготовке кадров средней квалификации	135,3	290,5	294,4	2,17
училища и школы трудовых резервов*	54,9	64,3	416,4	7,58

Примечание. * – В статистическом сборнике отсутствуют расходы на подготовку кадров в учебных заведениях государственных трудовых резервов; приведены справочные и предварительные сведения, подсчитанные автором.

Расходы на подготовку кадров опережали темпы роста общих ассигнований на социально-культурные мероприятия, включая расходы на просвещение и содержание общеобразовательных школ. Затраты на подготовку рабочих кадров выросли в 7,5 раза, т.е. самыми быстрыми темпами [13. С. 555–557].

В четвертой пятилетке наблюдается рост подготовки рабочих кадров, спад – в пятой и стабилизация в шестой пятилетке. В 1946–1950 гг. из училищ и школ трудовых резервов было выпущено около 3,4 млн рабочих, в 1951–1955 гг. – лишь 2,3 млн человек, или меньше на одну треть [26. С. 73, 262–273]. Причины сокращения разные. Среди них малочисленность контингента молодежи рождения 1941–1944 гг., который мог быть привлечен на обучение, расширение набора рабочих кадров самими предприятиями и их подготовка непосредственно на рабочих местах.

Реформирование этой системы на следующем этапе, охватившем 1960–1970 гг., началось с реализации мероприятий, установленных в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении руководства профессионально-техническим образованием в СССР» от 11 июля 1959 г. Начался процесс создания единых типов учебных заведений – дневных и вечерних городских профессионально-технических училищ со сроком обучения от одного до трех лет и сельских профессионально-технических училищ со сроком обучения один-два года. Новым являлся их перевод на базу восьмилетней школы. С 1962 г. обучение в сельских профтехучилищах началось за счет государственного бюджета страны.

Реализация столь масштабных задач требовала увеличения расходов на профессиональное образование молодежи. За 1960–1970 гг. ассигнования на социально-культурные мероприятия в РСФСР выросли почти в 2 раза, в том числе на подготовку кадров – в 1,48 раза.

Таблица 4

Расходы на социально-культурные мероприятия и науку по государственному бюджету РСФСР в 1960–1970 гг., млн руб.

Социально-культурные мероприятия и наука	1960	1965	1970	1970 к 1960, раз
Всего	**10 536,9**	**15 863**	**21 017**	**1,99**
Просвещение и наука, всего	4681,5	7 153	8 417	1,79
Из них: общеобразовательные школы всех видов	1950,4	2 983	3 491	1,78
Подготовка кадров	1409,7*	1 771	2 099	1,48
Из них: высшие учебные заведения	698,9	777	887	1,26
средние специальные учебные заведения	294,4	445	418	1,41
профессионально-техническое образование*	416,4	472	736	**1,76**

Примечание. * – В статистическом сборнике отсутствуют сведения о расходах на подготовку кадров в учебных заведениях государственных трудовых резервов, приведены справочные и предварительные сведения, подсчитанные автором.

Бюджетные затраты на профессионально-техническое образование росли самыми высокими темпами, почти равными темпам бюджетных расходов на содержание общеобразовательных школ [15. С. 496; 16. С. 639]. Причем эти расходы оказались выше, чем в техникумах, и ненамного отставали от затрат на подготовку кадров в высших учебных заведениях.

В результате за 1960–1970 гг. количество учебных заведений выросло в 1,3 раза, а численность обучающихся – в 1,9 раза (см. табл. 5). Прием учащихся за этот период вырос в 2,2 раза и достиг 1104,2 тыс. человек [14. С. 350].

Таблица 5

Число училищ и школ профессионально-технического образования РСФСР и численность учащихся в них (на 1 января)

Показатели	Число училищ и школ	Численность учащихся, тыс. человек
1951	1696	349
1961	2317	677
1966	2699	989
1970	3168	1333
1971, всего	3257	1406
В том числе: дневные профессионально-технические училища	2950	1235
Из них: городские и технические училища	2241	984
сельские училища	709	251
вечерние (сменные) профтехучилища и отделения при дневных училищах	307	171

Однако действующая сеть учебных заведений не удовлетворяла возросшие потребности народного хозяйства, где наблюдался острый дефицит рабочей силы. Масштабы производства требовали подготовки более 5,5 млн квалифицированных рабочих в год [23].

Новый этап в развитии профессионально-технического образования охватывает 1970–1985 гг., который начался с реализации основных положений постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих кадров в учебных заведениях системы профессионально-технического образования» от 1969 г. Этот документ положил начало становлению средних профессионально-технических училищ, сочетающих общее и профессиональное образование молодежи.

Реализация столь амбициозных задач требовала огромных финансовых вложений. В 1985 г. по сравнению с 1970 г. расходы на социально-культурные

мероприятия в государственном бюджете выросли в 2 раза (см. табл. 6). Почти одинаковыми темпами росли ассигнования на подготовку кадров во всех видах и типах учебных заведений. Однако на их обучение в системе высшего и начального профессионального образования выделялось примерно одинаковое количество средств и значительно больше, чем в сфере среднего профессионального образования [15. С. 496; 16. С. 639]. В Чувашии за 1971–1985 гг. на функционирование системы профессионально-технического образования было направлено более 170 млн руб. При этом доля государственных бюджетных расходов составляла 82,1%, собственные доходы профтехучилищ – 11,7% и средства базовых предприятий – 6,2% [21. С. 54–55].

Таблица 6

Расходы на социально-культурные мероприятия и науку по государственному бюджету РСФСР в 1970–1985 гг., млн руб.

Социально-культурные мероприятия и наука	1970	1975	1980	1985	1985 к 1970, раз
Всего	**21 017**	**27 873**	**34 541**	**42 709**	**2,0**
Просвещение и наука, всего	8 417	10 984	12689	14945	1,8
В том числе: общеобразовательные школы всех видов	3 491	4 157	4 302	5 316	
Подготовка кадров	2 099	3 039	3 614	3 865	1,8
Из них: высшие учебные заведения	887	1 219	1 492	1 596	1,8
средние специальные учебные заведения	418	613	693	754	1,8
профессионально-техническое образование	736*	1 154	1 373	1 424	1,9

Результатом роста бюджетных инвестиций стало увеличение сети профессионально-технических учебных заведений (табл. 7).

Таблица 7

Профессионально-технические учебные заведения РСФСР

Показатели	Число учебных заведений (на конец года)	В них учащихся, тыс. чел.	Принято учащихся, тыс. чел.	Подготовлено рабочих, тыс. чел.
1970	3257	1406	1104	995
1980	4045	1947	1489	1399
1985	4196	1987	1527	1378
1986, всего	4383	2136	1584	1376
В том числе: дневные средние ПТУ	3834	1816	1031	834
В них: отделения на базе неполной средней школы	3404	1371	548	338
отделения на базе средней школы	3134	301	310	307
группы молодежи, не получающие среднего образования	1675	144	173	189
вечерние (сменные) ПТУ	549	320	553	542

За 1970–1985 гг. число училищ увеличилось на 939 учебных заведений, или почти в 1,3 раза. Примерно в таких же темпах выросли прием и выпуск учащихся [16. С. 271]. Основное внимание уделялось развитию среднего профессионального образования: к началу 1986 г. доля средних профтехучилищ составляла 87,4% всех профессионально-технических учебных заведений. Программу средних училищ осваивали свыше 85% обучающихся. Молодежь, получающая наряду с профессией среднее образование, почти в 3 раза быстрее своих сверстников поднималась по «лестнице» разрядов [3. С. 88–89].

Развитие профессионально-технической школы на завершающем этапе развития советской власти приходится на 1986–1990 гг. Постановление ЦК

КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии системы профессионально-технического образования и повышении её роли в подготовке квалифицированных рабочих кадров» от 12 апреля 1984 г. уделяло основное внимание подготовке квалифицированных рабочих для создания и эксплуатации новой техники, автоматизированных производств с применением компьютеров, роботов, микропроцессорных средств и гибких технологий. Средние профессионально-технические училища должны были стать основной базой подготовки квалифицированных рабочих.

На их функционирование выделялись значительные средства. Только за 1986–1988 гг. на подготовку рабочих кадров было направлено 5364,0 млн руб., что в 2 раза больше, чем в средних специальных учебных заведениях, и на 259 млн руб. больше, чем в высших учебных заведениях [16. С. 639].

Принятые меры привели к росту количества учебных заведений (табл. 8).

Таблица 8

Профессионально-технические учебные заведения Министерства образования Российской Федерации

Показатели	Число учебных заведений на конец года	В них учащихся, тыс. человек	Принято учащихся, тыс. человек	Подготовлено (выпущено) рабочих, тыс. человек
1985	4196	1987	1527	1378
1986	4383	2136	1584	1376
1987	4419	2223	1607	1374
1988	4386	2120	1494	1435
1989	4346	2016	1387	1345
1990, всего	4328	1667	1252	1272
В том числе: дневные средние профессионально-технические училища	3857	1662	862	836
в них: отделения на базе неполной средней школы	3055	1164	424	442
отделения на базе средней школы	2527	235	243	231
группы, в которых молодежь не получает среднего образования	2382	263	195	163
вечерние (сменные) училища и отделения при дневных училищах	471	205	390	436

В 1990 г. в общей численности рабочих кадров, подготовленных для народного хозяйства, удельный вес обученных в профессионально-технических учебных заведениях составил 46%, непосредственно на производстве – 54%, в 1980 г., соответственно – 23% и 77% [17. С. 115].

На этом этапе показатели развития системы начального профессионального образования достигают пиковых значений, а затем начинается спад в ее деятельности, что видно из сокращения приема, численности обучающихся и выпуска молодых рабочих. Новый хозяйственный механизм их функционирования не успел даже проявить себя по причине форсированного внедрения рыночных отношений в централизованную плановую экономику, что привело к разрушительным политическим и социально-экономическим последствиям.

Таким образом, 1940–1990-е годы можно считать самостоятельным и завершенным этапом в развитии советской системы профессионально-технического образования. Она была приоритетной сферой государственной образовательной политики, функционировала на основе директивных установок ЦК КПСС и Совета Министров СССР. За 1920–1990 гг. центральными партийными и государственными органами страны было принято свыше 100 нормативных актов по вопросам профессионально-технического образования молодежи [4. С. 120–121].

В течение всего периода действовала единая система централизованного планирования, финансирования, подготовки и распределения молодых рабочих через учебные заведения начального профессионального образования.

Всего за 1941–1990 гг. в стране было подготовлено свыше 70 млн молодых квалифицированных рабочих, в Чувашии – более 273 тыс. человек [19. С. 60; 30. С. 97]. Основная часть выпускников трудилась на предприятиях машиностроения, металлообработки, химии и электротехнической промышленности, т.е. в отраслях, определявших научно-технический прогресс. На производство приходила профессионально подготовленная молодежь с достаточно высоким общеобразовательным уровнем.

Руководство системой до марта 1955 г. осуществлялось методами, близкими по характеру к военному времени: более половины набора проводилось за счет трудовых мобилизаций. Вплоть до 1984 г. включительно комплектование профтехучилищ проводилось на основе добровольно-принудительного принципа, что отражало специфику партийно-государственного руководства системой профессионального образования. Остаточный принцип финансирования, доминирование ведомственного подхода при строительстве и размещении профессионально-технических учебных заведений при игнорировании интересов местных органов власти, бюрократический стиль управления негативно сказались на качестве подготовки рабочих, которое отставало от требований времени. Именно в этот период наиболее ярко обозначились трудности и нерешенные проблемы в профессионально-технической подготовке молодежи, в их обучении и нравственном воспитании. Система начального профессионального образования встала перед объективной необходимостью перемен.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В*. Механизаторы сельского хозяйства в 1929–1957 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

2. Батышев С.Я. Реформа профессиональной школы: опыт, поиск, задачи, пути реализации. М.: Высш. шк., 1987.

3. *Булгаков А.А.* Профессионально-техническое образование в СССР на современном этапе. М.: Высш. шк., 1977.

4. *Буслов Е.В.* Развитие законодательства в области профессионально-технического образования // Профтехобразование России: Итоги XX века и прогнозы: в 2 т. / сост. А.Е. Пядочкин; науч. ред. И.П. Смирнов. М.: Изд-во ИРПО, 1999. Т. 1.

5. Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 11.

6. Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 2. Ст. 161.

7. *Днепров Э.Д.* Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. М.: Мариос, 2011.

8. Документы и материалы по перестройке школы. М.: Учпедгиз, 1950.

9. История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. М.: Наука, 1987.

10. *Котляр Э.С*. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высш. шк., 1975.

11. Народное хозяйство СССР в 1956 г.: стат. сб. М.: Госстатизд, 1956.

12. Народное хозяйство СССР в 1958 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1959.

13. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1966.

14. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1971.

15. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1976.

16. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1989.

17. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1991. Табл. 8.

18. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: стат. ежегодник. М.: Госстатизд, 1987.

19. Народное хозяйство Чувашской ССР в 1986–1990 гг.: стат. сб. Чебоксары: Чуваш. Кн. Изд-во, 1991.

20. *Орлов В.В.* Начальное профессиональное образование Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны / Чебоксарский политехн. ин-т. Чебоксары, 2015.

21. *Орлов В.В.* Социально-экономические проблемы подготовки рабочих кадров в профессионально-технических учебных заведениях Чувашской АССР в 1971–1985 гг. М.: РГАЗУ, 2008.

22. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М.: Педагогика, 1981.

23. Правда. 1967. 6 марта.
24. Производственное обучение. 1945. № 5–6.
25. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. // История советского рабочего класса: в 6 т. / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Наука, 1984. Т. 3.
26. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 2.
27. Российская Федерация в 1992 году: стат. ежегодник. М.: Республиканский информ.-изд. центр, 1993. – Таблица 8.
28. Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М.: Наука, 1970.
29. Труд в СССР: стат. сб. / Госкомстат СССР. М., 1968.
30. Труд в СССР: стат. сб. / Госкомстат СССР. М., 1988.
31. *Штурба В. А.* Разработка государственной политики в области народного образования и её реализация в Российской Федерации в 60–90-е гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2001.

ВЫЙКИН НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (obrazov31@mail.ru).

N. VYYKIN

HISTORICAL EXPERIENCE OF REGULATING THE SYSTEM OF INITIAL VOCATIONAL EDUCATION BY THE SOVIET STATE IN 1940–1990

Key words: *state regulation, planned economy, vocational education, financing, legal support, mobilization and compulsory nature of recruitment, inertia.*

The article is based on statistical information and research of prominent Russian historians and teachers, it examines the problems of state regulation of developing primary vocational education system in the last 50 years of the Soviet power. The socialist conception of primary vocational education was based on such principles as its connection with the policy of the Communist Party, combination of the youth's productive work with training, free-of-charge basis, mobilization and compulsory approach to enrollment to educational institutions, the unity of professional education and communist education of the youth. These theoretical and methodological provisions were the «red line» in all the policy documents of the party and Soviet organs. The study of the state budget expenditures on socio-cultural goals showed the priority of financing workers' training in the system of vocational education, which corresponded to the doctrinal provisions of the Soviet government on the leading role of the working class in a socialist society.

References

1. Arutyunyan Yu.V. *Mekhanizatory sel'skogo khozyaistva v 1929–1957 gg*. [The mechanization of agriculture in 1929–1957]. Moscow, 1960.
2. Batyshev S.Ya. *Reforma professional'noi shkoly: opyt, poisk, zadachi, puti realizatsii* [Reform of the vocational school: experience, search, tasks, ways of implementation]. Moscow, 1987.
3. Bulgakov A.A. *Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v SSSR na sovremennom etape* [Vocational and technical education in the USSR at the present stage]. Moscow, 1977.
4. Buslov E.V. *Razvitie zakonodatel'stva v oblasti professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya* [Development of legislation in the field of vocational education]. In: *Proftekhobrazovanie Rossii: Itogi KhKh veka i prognozy: v 2 t. / sost. A.E. Pyadochkin; nauch. red. I.P. Smirnov* [Smirnov I., ed. Vocational Education in Russia: Results of the twentieth century and forecasts. 2 vols]. Moscow, IRPO Publ., 1999, vol. 1.
5. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR], 1946, no. 11.
6. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR], 1959, no. 2.
7. Dneprov E.D. *Noveishaya politicheskaya istoriya rossiiskogo obrazovaniya: opyt i uroki* [The latest political history of Russian education: experience and lessons]. Moscow, 2011.
8. *Dokumenty i materialy po perestroike shkoly* [Documents and materials for the restructuring of the school]. Moscow, 1950.
9. *Istoriya sovetskogo rabochego klassa: v 6 t. T. 4. Rabochii klass SSSR v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva. 1945–1960 gg.* [The history of the Soviet working class. 6 vols. Vol. 4. The working class of the USSR in the years of consolidation and development of socialist society. 1945–1960]. Moscow, 1987.
10. Kotlyar E.S. *Gosudarstvennye trudovye rezervy SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [State labor reserves of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, 1975.

11. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1956 g.: stat. sb*. [National Economy of the USSR in 1956. Stat. compilation]. Moscow, 1956.

12. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1958 g.: stat. ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1958. Stat. yearbook]. Moscow, 1959.

13. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1965 g.: stat. ezhegodnik* [National economy of the RSFSR in 1965. Stat. yearbook]. Moscow, 1966.

14. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1970 g.: stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR in 1970. Stat. yearbook]. Moscow, 1971.

15. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1975 g.: stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR in 1975. Stat. yearbook]. Moscow, 1976.

16. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1988 g.: stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR in 1988. Stat. yearbook]. Moscow, 1989.

17. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1990 g.: stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR in 1990. Stat. yearbook]. Moscow, 1991.

18. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR za 70 let: stat. ezhegodnik* [The national economy of the RSFSR for 70 years: Stat. yearbook]. Moscow, 1987.

19. *Narodnoe khozyaistvo Chuvashskoi SSR v 1986–1990 gg.: stat. sb*. [The national economy of the Chuvash Soviet Socialist Republic in 1986–1990. Statistical collection]. Cheboksary, 1991.

20. Orlov V.V. *Nachal'noe professional'noe obrazovanie Chuvashii nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Initial vocational education of Chuvashia on the eve and during the Great Patriotic War]. Cheboksary, 2015.

21. Orlov V.V. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy podgotovki rabochikh kadrov v professional'no-tekhnicheskikh uchebnykh zavedeniyakh Chuvashskoi ASSR v 1971–1985 gg*. [Socio-economic problems in the training of workers in vocational schools in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1971–1985]. Moscow, 2008.

22. *Ocherki istorii professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR* [Essays on the history of vocational education in the USSR]. Moscow, 1981.

23. *Pravda*, 1967, Mar. 6.

24. *Proizvodstvennoe obuchenie* [Industrial training], 1945, no. 5–6.

25. *Rabochii klass SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1938–1945 gg*. [The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. 1938–1945]. Moscow, 1984.

26. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam* [Decisions of the party and government on economic issues. M., 1967. T. 2]. M., 1967. T. 2..

27. *Rossiiskaya Federatsiya v 1992 godu. Statisticheskii ezhegodnik* [The Russian Federation in 1992. Statistical Yearbook]. Moscow, 1993.

28. *Sovetskaya ekonomika v period Velikoi otechestvennoi voiny, 1941–1945 gg*. [Soviet economy during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow, 1970.

29. *Trud v SSSR: stat. sb.* [Work in the USSR. Statistical collection]. Moscow, 1968.

30. *Trud v SSSR: stat. sb.* [Work in the USSR. Statistical collection]. Moscow, 1988.

31. Shturba V. A. *Razrabotka gosudarstvennoi politiki v oblasti narodnogo obrazovaniya i ee realizatsiya v Rossiiskoi Federatsii v 60–90-e gg.: avtoref. dis. … d-ra istor. nauk* [The development of public policy in the field of public education and its implementation in the Russian Federation in the 60–90s. Abstract of Thesis. Dis.]. Moscow, 2001.

VYYKIN NIKOLAI – Aspirant Candidate of Philological Sciences, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (obrazov31@mail.ru).

Ссылка на статью: *Выйкин Н.А.* Исторический опыт регулирования Советским государством развития системы начального профессионального образования в 1940–1990-х годах // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 62–71.

УДК 316.711
ББК 63.3.28

О.А. ДАНИЛОВА, Е.В. АГАЕВА

ДОСУГ КАК ВРЕМЯ ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЧУВАШИИ (20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА)*

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, труд, свободное время, досуг, творческий досуг, творчество, интеллигенция, творческая деятельность.*

Статья посвящена осмыслению содержания и качества досугового времени интеллигенции Чувашии в первой половине XX в., анализу творческого досуга, при этом выявляется обусловленность досуга трудом. Показано, что характерной чертой досуга является его неразрывная связь с содержанием труда, что при переходе к постиндустриальной цивилизации происходит рост взаимозависимости сфер труда и досуга, их развитие становится взаимодополняющим. Превращение труда в творческую деятельность – основание взаимопроникновения труда и досуга. Именно у интеллигенции грань, разделяющая труд и досуг, становится все более относительной. Творческая деятельность художественной интеллигенции – показатель связи, сближения труда и досуга. К творческой (или художественной интеллигенции) можно отнести людей, профессионально занятых созданием художественных ценностей: писателей, художников, артистов, композиторов. Творчество – созидательная деятельность человека, направленная на преобразование природного и социального мира. Творческий досуг является высшим типом досуга, где человек получает возможность реализации потребностей и аспектов своего внутреннего развития. В творческой досуговой деятельности происходит процесс преобразования человека из потребителя духовных ценностей в их создателя. Человек как субъект творчества творит в конкретных социально-исторических условиях в рамках уже созданной культуры. Выявлено, что на творческую деятельность интеллигенции Чувашии оказывали влияние политические, социально-экономические условия и национально-культурные традиции. Ибо каждый регион, национальная республика в советский период имели свою специфику, условия и особенности формирования интеллигенции, выражающей национальное самосознание народа. С первых дней возникновения Советского государства, в 20–30-е гг. XX в., стояли задачи приобщения трудового народа к достижениям культуры, профессионального искусства, создания пролетарской культуры. Художественная интеллигенция Чувашии в своем творчестве должна была демонстрировать классовый подход к культуре, оценивать ее явления с позиций диктатуры пролетариата, признавать необходимость и естественность идеологической борьбы в области культуры.

Современное общество заинтересовано в высоком качестве досуга различных социальных и профессиональных групп. Глобализация современного мира как трансформация пространства и времени привела к росту взаимозависимости всех сфер жизни общества, прежде всего таких двух основных сфер, как труд и досуг. Развернувшаяся микроэлектронная революция изменила характер труда, жизненные стандарты. Это обусловило возрастание социальной значимости таких областей вне сферы труда, как досуг, семья, вызвало изменение сферы современного досуга, появление досуга нового типа. Под досугом понимается время, свободное от оплачиваемой работы и других обязанностей. Характерной чертой досуга, свободного времени является его неразрывная связь с содержанием труда.

При переходе к постиндустриальной цивилизации происходит рост взаимозависимости сфер труда и досуга, а их развитие становится взаимодополняющим. Основанием взаимопроникновения труда и досуга является превращение труда в творческую деятельность. Досуговую деятельность можно оп-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-13-21009.

ределить как свободную и добровольную, представляющую возможность творчества. Именно у интеллигенции – общественного слоя людей, занятых творческим трудом, грань, разделяющая труд и досуг, становится все более относительной, условной. К творческой (или художественной) интеллигенции можно отнести людей, профессионально занятых созданием художественных ценностей: писателей, художников, композиторов, артистов и т.д. Их профессиональная (творческая) деятельность – показатель сближения, взаимопроникновения труда и досуга; профессиональная деятельность и досуг у творческой интеллигенции неразделимы [5]. Творческая деятельность – одно из фундаментальных проявлений личности. Творчество – созидательная деятельность человека, направленная на преобразование природного и социального мира. Творчество неповторимо и уникально, так как находит свое специфическое выражение у каждого индивидуально. Творческий досуг (культурно-творческий тип досуга) создает для человека возможность реализации потребностей и аспектов его внутреннего развития, является высшим типом досуга. В творческой досуговой деятельности происходит преобразование человека из потребителя духовных ценностей в их создателя. Признак творческого досуга – создание или воспроизводство материальных или духовных ценностей, художественное, научно-техническое творчество. Творческий досуг интеллигенции, направленный на создание качественно нового, оригинального и неповторимого, может быть отнесен к общим социальным ресурсам, стимулирующим экономический рост и принадлежащим к общей системе «производства человека».

Человек как субъект творчества творит в конкретных социально-исторических условиях в рамках уже созданной культуры. На творческую деятельность интеллигенции Чувашии оказывали влияние политические, социально-экономические условия и национально-культурные традиции. Ибо каждый регион, национальная республика в советский период имели свою специфику, условия и особенности формирования интеллигенции, выражающей национальное самосознание народа.

Выявляя региональные особенности творческого досуга интеллигенции Чувашии в первой половине XX в., следует отметить, что с первых дней возникновения Советского государства, в 20–30-е гг. XX в., стояли задачи приобщения трудового народа к достижениям культуры, профессионального искусства, создания пролетарской культуры. Художественная интеллигенция Чувашии в своем творчестве должна была демонстрировать классовый подход к культуре, оценивать ее явления с позиций диктатуры пролетариата, признавать необходимость и естественность идеологической борьбы в области культуры (этим особенно отличались работы по истории культуры). Так, И.Д. Кузнецов в брошюре «Национальный вопрос и чувашская художественная литература», Н.Я. Золотов и Н. Васильев своих статьях и брошюрах о народной поэзии чувашей увязывали становление и развитие советской литературы с национально-государственным строительством [7]. В первых публикациях о новой культуре в 20-е гг. XX в. считалось важным противопоставить новое старому.

В феврале 1926 г. в Чебоксарах был создан филиал АХРР (Ассоциация художников революционной России) с целью принять участие в выставке на тему «Жизнь и быт народов СССР», служить единству народов. К особенностям деятельности филиала в данное время можно отнести обязанность по распространению изобразительной грамотности, формирования художественного вкуса среди населения. Чувашские художники Ф.Л. Лаврентьев, В.Д. Нефедьев, К.М. Васильев, Г.Я. Поляков, Л.И. Поляков, Л.И. Полякова, Г.Д. Данилов, М.С. Спиридонов, Г.С. Спиридонов участвовали в выставке произведений художников Чувашского филиала АХРР, посвященной 10-летию Октября

[9. С. 346]. Художники стали собираться в родной республике. На всесоюзной выставке в Москве в ноябре 1927 г. «Искусство народов России» было представлено 18 лучших работ чувашских художников [10. С. 11]. Некоторые художники обращались к национальным традициям (мозаичное панно Ю.А. Зайцева «Женщина в хушпу», «Пузырист» и «В курной избе» М.С. Спиридонова, «Умыкание невесты», «Хоровод» Н.К. Сверчкова). Критикой, впрочем, оно было расценено как «бытовизм», «национализм». Социалистический реализм стал доминирующим направлением в чувашском искусстве 1920-х гг. Пропагандировались идеи революции. В 1928 г. АХРР был переименован в АХР (Ассоциация художников революции). Чувашские художники понимали, что нужно сохранять и продолжать в новых условиях вековые традиции чувашского народа в прикладных видах и формах искусства. Об этом свидетельствовало и постановление областного комитета партии от 7 мая 1929 г. «О мероприятиях по развитию чувашской художественной культуры». В нем особенное внимание обращалось на изучение народного творчества, использование его традиций в промышленности и быту. В постановлении указывалось на необходимость более активного использования творческих сил художников различными учреждениями республики, привлечения художников к работе в книжном издательстве, редакциях газет и журналов для популяризации их творчества, улучшения художественного оформления национальной периодики и печатной продукции Чувашского государственного издательства [10. С. 13]. В 1930 г. к 10-летию республики состоялась вторая выставка работ Чувашского филиала АХР, где было представлено 112 работ, что свидетельствовало о серьезных масштабах творческой деятельности чувашских художников [2. С. 130]. В творчестве художников АХРР-АХР преобладала тематика революционного переустройства жизни страны. В 1928–1931 гг. Чувашский филиал АХР стал местом столкновения различных творческих направлений, некоторые мастера были объявлены «классовыми врагами народа».

В целях развития чувашской литературы 30 июня 1923 г. Д.С. Эльменем и Н.Я. Золотовым был организован Союз чувашских писателей и журналистов «Канаш» (Совет). В нем состояли С.Ф. Фомин, С.В. Эльгер, Н.Т. Васянка, Ф.П. Павлов, Н.В. Васильев (Шубоссини), И.Е. Ундрицов (Ахах), И.Е. Ефимов (Тхти), Г.В. Зайцев (Тал-Мрза) и другие (всего 40 человек). Союз ставил своей задачей вкладывать в содержание чувашской литературы подлинное художественное совершенство, новую социальную основу, выражая интересы рабочих и крестьян в новых исторических условиях, используя при этом живой разговорный язык. В это объединение чувашских писателей мог войти лишь тот, кто считал, что чувашская литература должна быть связана с задачами социалистического строительства, борьбой с антиреволюционными элементами в чувашской литературе [4]. Задача приобщения к художественному творчеству выходцев из рабочих и крестьян решалась через участие их в рукописных журналах, стенных газетах, уездных и областных газетах, литературных кружках, объединявших к 1925 г. около 200 человек. В творчестве чувашских писателей Д.В. Исаева (Авраль), Г.И. Кузнецова (Кели), Н.Ф. Мраньки, М.Ф. Данилова (Чалдуна) нашли отражение события гражданской войны, борьба трудящихся за переустройство народного хозяйства, за укрепление советского государства [3].

К 1929 г. редакции газет и журналов объединяли 1500 рабочих и крестьянских корреспондентов, из них около 80 человек являлись и авторами литературных произведений. Около 300 молодых чувашских писателей, журналистов, рабселькоров занималось в 22 литературных кружках и 8 секциях [8. С. 4]. Из среды рабселькоров вышли писатели Н.Т. Васянка, Д.В. Исаев, К.И. Пайраш, А.Т. Петоки, Л.Я. Агаков, Н.Ф. Чалдун, А.Ф. Талвир, Г.Т. Алендей и др. С уча-

стием в газетно-журнальной работе, при сравнительной свободе взглядов, было связано творчество поэтов С.В. Эльгера и Н.И. Шелеби, прозаиков и поэтов С.Ф. Фомина и И.Е. Тхти, а также драматургов Ф.П. Палова, П.Н. Осипова, И.С. Максимова-Кошкинского.

Во второй половине 1920-х гг. развитие литературно-художественной критики было связано с возрастанием идеологического диктата, она стала основным инструментом приведения творческой практики в соответствие с партийными установками. В области культуры наступает время усиления материального и духовного давления, ограничения свободы творчества, принимаются более жесткие меры в процессе «перевоспитания» деятелей искусства и литературы. Поощрялось соперничество пролетарских деятелей культуры с непролетарскими, даже доносительство, на основе которого в 1930-е гг. начались массовые репрессии в отношении неугодных. Логическим следствием такой политики явилась утрата плюрализма в художественной жизни к концу 1920-х гг. Но, несмотря на это, 1920-е годы – это время подъема чувашской художественной литературы.

Русская литература имела большое значение при освоении чувашскими писателями реализма как нового литературного метода. На художественное творчество чувашских писателей влияли встречи и переписка с А.М. Горьким, В.В. Маяковским. Со второй половины 1920-х гг. особенностью творчества чувашских литераторов является философское осмысление исторических событий, недавнего прошлого. Наблюдаются попытки разработать жанр историко-художественного романа («Дочь бури» В.О. Алагера, «Детство С.Ф. Фомина, «Говорит земля» В.Е. Рзая), конфликты эпохи и революции исследуются через судьбы отдельных личностей, возрастает интерес к духовному миру человека, изображению сложных отношений между людьми («Пожар» В.Е. Рзая, «Кужар» П.Н. Осипова, «Деревня в пламени» Д.В. Исаева). П.П. Хузангай отразил в поэме «Двадцать шесть» революционную эпоху, прославляя павших за народное счастье.

В поэзии утверждались новые формы и приемы ритмической организации стиха, введенных М.К. Сеспелем. Их применяли поэты П.П. Хузангай, Н.Т. Васянка. Зарождалась детская литература (М.Д. Трубина, Н.И. Шелеби).

На рубеже 1920–1930-х гг. видоизменяются формы и методы партийного руководства литературой и искусством, накладывает свой отпечаток на искусство культ личности. Абсолютизация классового подхода в первую очередь дает о себе знать в литературе. Тезис об обострении классовой борьбы на теоретическом фронте был сформулирован в постановлениях ЦК партии «О журнале "Под знаменем марксизма"» и «О работе Комакадемии» (1931 г.). Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.) были устранены все литературные группировки. ЦК ВКП(б) постановил ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП), объединить всех писателей, участвующих в социалистическом строительстве, в единый Союз советских писателей [6. С. 166–167]. В июне 1934 г. состоялся первый съезд Союза советских писателей Чувашии, объединивший 28 литераторов. В 1930-е гг. получили известность молодые писатели Л.Я. Агаков, А.Е. Алга, Я.Г. Ухсай, А.А. Эсхель. Рассказы и сказки для детей были написаны М.Д. Трубиной и К.А. Чулгасем.

В литературном творчестве тех лет нашли отражение темы созидательного труда, образы передовиков производства (поэма «Магнит-гора» П.П. Хузангая, очерк «Автогигант» М.Д. Шумилова, повесть «Ты будешь инженером» А.Ф. Талвира, роман «В гору» В.И. Краснова-Асли). Известность приобрели повесть «На заре» и роман-хроника «Дни войны» С.В. Эльгера, рассказы и повести А.А. Эсхеля, повесть «Мучар» М.Д. Трубиной, новеллы С.Ф. Фомина и

П.Е. Митты, рассказы К.И. Пайраша, М.Ф. Данилова-Чалдуна, сатирические новеллы И.И. Мучи. Чувашская драматургия пополнилась новыми произведениями: трагедией Я.Г. Ухсая «Тудимер», драмами «Садур и Илем» И.М. Максимова-Кошкинского, «Симфония будней» П.Н. Осипова, комедиями Н.С. Айзмана из жизни колхозной деревни, пьесами В.О. Алагера [1. С. 71].

В 20–30-е гг. XX в. чувашская литература в рамках идеологического диктата развивалась противоречиво. В 1930-е гг. на развитии чувашской художественной литературы сказались растущая нетерпимость к свободе творчества, абсолютизация классового подхода. Репрессивными мерами был уничтожен целый пласт творческой интеллигенции Чувашии. Но чувашская литература сохранила своеобразие и самобытность благодаря притоку молодых писателей, опиравшихся в своем творчестве на традиции классиков чувашской литературы.

Литература

1. *Агаева Е.В., Сергеев Т.С.* Формирование творческой интеллигенции Чувашии: проблемы и поиски. 2-е изд., доп. и перераб. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. 154 с.

2. *Викторов Ю.В.* М.С. Спиридонов и консолидация сил профессиональных художников Чувашии // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. С. 124–135.

3. ГАСИ ЧР. Ф. 2718/434. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.

4. ГАСИ ЧР. Ф 2718/434. Оп. 2. Д. 81. Л. 46.

5. *Данилова О.А., Агеева Е.В.* Творческий досуг и его связь с трудом // Рациональное природопользование и социально-экономическое развитие сельских территорий как основа эффективного функционирования АПК региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию со дня рождения заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации, Почетного гражданина Чувашской Республики Аркадия Павловича Айдака (02 июня 2017 г.). Чебоксары: ЧГСХА, 2017. С. 531–534.

6. *Дементьев А.* Русская советская литература. М.: Просвещение, 1971. С. 166–167.

7. *Кузнецов И.Д.* Национальный вопрос и чувашская художественная литература. Чебоксары: Чувашгиз, 1931 (на чув. языке).

8. Сунтал (Наковальня). 1930. № 7-8. С. 4 (на чув. яз.).

9. Ургалкина Н.А. Художники Чувашии: библиогр. справ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 447 с.

10. *Ургалкина Н.А.* Чувашское советское искусство 1917–1970. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 119 с.

ДАНИЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (olgadanilova20@rambler.ru).

АГАЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (agaeva.ek@yandex.ru).

O. DANILOVA, E. AGAEVA

LEISURE AS THE TIME FOR CREATIVITY AMONG ARTISTIC INTELLIGENCE IN THE CHUVASH REPUBLIC (20–30s OF THE XX CENTURY)

Key words: *post-industrial society, labour, free time, leisure, creative leisure, creative activity, intelligentsia, creativity.*

The article is devoted to re-evaluation of the content and quality of leisure time among the intelligentsia of the Chuvash Republic in the first half of the twentieth century, to analysis of creative leisure, in this regard dependence of leisure from labour. It is shown that the characteristic feature of leisure is its inextricable link with the content of the work, that transition to a postindustrial civilization brings about growing interdependence of labour and leisure spheres, their development becomes complementary. The transformation of labour into creative activity is the basis of work and leisure interpenetration. It is among the intelligentsia that the line separating work and leisure becomes more relative. Creative activities of the artistic intellectuals is the index of communication, convergence of labour and leisure. People who are professionally engaged in creating artistic treasures – writers, artists, ac-

tors, composers – can be referred to the creative (or artistic) intelligentsia. Creativity is productive human activity aimed at transformation of natural and social world. Creative leisure is the highest type of leisure where a person gets the opportunity to implement the needs and aspects of his internal development. The process of human transformation from being a consumer of spiritual values into their creator takes place in creative leisure activities. A human being as a subject of creativity is engaged in creativity in specific socio-historical conditions within an already established culture. It was revealed that the creative activity of the Chuvash Republic intellectuals was influenced by political, socio-economic conditions and national-cultural traditions. For each region, national Republic in the Soviet period had its own unique features, conditions and peculiarities of intelligentsia formation, expressing the national identity of the people. In the 20-30s of the twentieth century, from its first days the Soviet state faced the problem of drawing the working people to culture, professional art, creating proletarian culture Artistic intelligence of the Chuvash Republic in its work was to demonstrate class approach to culture, to evaluate phenomena from the standpoint of proletariat dictatorship, to recognize the need and naturalness of ideological struggle in the field of culture.

References

1. Agaeva E.V., Sergeev T.S. *Formirovanie tvorcheskoi intelligentsii Chuvashii: problemy i poiski. 2-e izd., dop. i pererab.* [Formation of creative intelligentsia of the Chuvash Republic: problems and searchesю 2nd ed.]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2008, 154 p.

2. Viktorov Yu.V. M.S. *Spiridonov i konsolidatsiya sil professional'nykh khudozhnikov Chuvashii* [Spiridonov and consolidation of the forces of professional artists of the Chuvash Republic]. *Khudozhestvennaja kul'tura Chuvashii: 20-e gody XX veka* [Artistic culture of the Chuvash Republic: 20 years of the twentieth century]. Cheboksary, 2005, pp. 124–135.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F. 2718/434. Op. 2. D. 8. L. 14* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 2718/434. Anagraph 2. Document 8. P. 14].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. F 2718/434. Op. 2. D. 81. L. 46* [State Archives of Contemporary history of the Chuvash Republic. Archive 2718/434. Anagraph 2. Document 81. P. 46].

5. Danilova O.A., Agaeva E.V. *Tvorcheskii dosug i ego svyaz' s trudom* [Creative leisure and its relationship to work]. *Ratsional'noe prirodopol'zovanie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sel'skikh territorii kak osnova effektivnogo funktsionirovaniya APK regiona: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo rabotnika sel'skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii, Pochetnogo grazhdanina Chuvashskoi Respubliki Arkadiya Pavlovicha Aidaka (02 iyunya 2017 g.)* [Proc. of Rus. Sci. and Pract. Conf. «Environmental management and socio-economic development of rural areas as the basis for efficient functioning of agroindustrial complex of the region» (June 02, 2017)]. Cheboksary, 2017, pp. 531–534.

6. Dement'ev A. R*usskaya sovetskaya literature* [Russian Soviet literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971, pp. 166–167.

7. Kuznetsov I.D. *Natsional'nyi vopros i chuvashskaya khudozhestvennaya literature* [The national question and the Chuvash literature]. Cheboksary, Chuvashgiz Publ., 1931, 96 p.

8. *Suntal* (*Nakoval'nya*) [Anvil], 1930, no. 7-8, 4 p.

9. Urgalkina N.A. *Khudozhniki Chuvashii: bibliogr. sprav.* [The artists of the Chuvash Republic: bibliography]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1989, 447 p.

10. Urgalkina N.A. *Chuvashskoe sovetskoe iskusstvo 1917–1970* [Chuvash Soviet art 1917–1970]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1973, 119 p.

DANILOVA OLGA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, General Studies Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (olgadanilova20@rambler.ru).

AGAEVA EKATERINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, General Studies Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (agaeva.ek@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Данилова О.А., Агаева Е.В.* Досуг как время творчества художественной интеллигенции Чувашии (20–30-е годы XX века) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 72–77.

УДК 371.031.4(470.344)
ББК Ч420.053(2Рос.Чув)

И.И. ДЕМИДОВА, В.Б. ЛАСТОЧКИН, Т.В. ЮСТУС

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛАХ ЧУВАШИИ В 1958–1964 ГОДАХ

Ключевые слова: *народное образование, школа, реформа, политехнизация, трудовое обучение, учебный план.*

В статье рассматривается исторический опыт политехнизации в рамках проводимой в советской стране школьной реформы 1958–1964 гг. Данная проблема анализируется авторами на примере Чувашской АССР с учетом национальных и региональных особенностей по организации, формам проведения, результативности школьной реформы. Показана значимость принятых законодательных актов в масштабе всей страны. На основе нового архивного материала исследован опыт реформирования структуры школьного образования. Введение уроков трудового воспитания и обучения в системе школьного образования представляет интерес и с точки зрения их положительной результативности для научно-технического развития общества, а также выявления причин нерешенности вопросов, обозначенных в реформе. Методы политехнизации, введение трудового начала в школьное образование, повышение квалификации учительских кадров, опыт школьных учителей-новаторов по реализации нового направления способствовали модернизации системы образования и связи школы с народным хозяйством страны.

Изучение исторического опыта в организации конкретных форм учебной деятельности и совершенствовании профессиональной подготовки как в общеобразовательной школе, так и в профессионально-техническом образовании представляет практический интерес для современного развития системы образования.

Президент России В.В. Путин в марте 2015 г. отметил, что повышение престижа рабочих профессий, безусловно, одна из приоритетных задач. Как отмечают историки, аналогичные современным перестроечные процессы происходили в системе образования в 1950–1960-х гг. [1].

Школьная реформа в 1958–1965 гг. в СССР способствовала переходу советской школы на качественно новый уровень. Отправной точкой для реализации реформы послужил принятый 24 декабря 1958 г. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [6], который нацеливал на профориентацию школьников. В соответствии с принятыми решениями в системе школьного образования произошли структурные и качественные изменения: реорганизация семилетних и десятилетних школ в восьмилетние и средние трудовые с производственным обучением, переход к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению, придание характера политехнической восьмилетней и средней школе. В учебный процесс восьмилетних и средних школ вводилось трудовое начало с ориентацией в перспективе на получение специального образования в учебных заведениях, а также на применение полученных знаний и практических навыков на производстве.

Анализ проблемы целесообразен как в научном, так и в практическом плане, поскольку предоставляет возможность оценить результаты реформы с учетом особенностей региона, а также понять значимость принятых законодательных актов в масштабе всей страны.

Принятый закон и процесс реализации школьной реформы стали предметом пристального внимания ученых, педагогов и разных слоев общественности. Научный интерес к деятельности общеобразовательной школы в советской историографии наблюдался уже в 1950-е гг. Еще в более ранних тру-

дах Н.П. Киреева [9], М.П. Кима [8] рассматривались проблемы подготовки выпускников средних школ к производственной деятельности.

Большую роль школы в решении задачи по подготовке кадров рабочих признавал исследователь проблемы профессионально-технического образования в стране А.П. Осипов. «Школа при перестройке системы народного образования является базой для профессионального образования», – подчеркивал он [13. С. 446].

В центре внимания историков находились вопросы подготовки учительских кадров, развития материальной базы, сети школ, а также различные аспекты воспитания детей. М.А. Прокофьев обосновывал новые подходы к осуществлению обучения: политехнизация, введение трудовой подготовки, улучшение материально-технической базы, совершенствование профессионального уровня учительских кадров и т.д. [15].

В условиях перестройки школьного образования в середине 1980-х гг. одной из важнейших исследовательских тем стало введение всеобщего среднего образования. Вышли работы обобщающего характера, в которых были подведены итоги реализации реформы 1958–1964 гг.: переход к всеобщему обязательному воспитательному образованию, качественное повышение уровня учебно-воспитательного процесса, кадровое обеспечение, партийное руководство и др.

Региональная историография проблемы представлена в обобщающих трудах по теме школьного образования, а также в статьях, в которых рассматривались отдельные аспекты национального образования, подготовки кадров и т.д. Среди авторов следует назвать Н.Е. Егорова [4], Л.А. Ефимова [5], В.В. Кидряшкина [7], А.С. Паймакова [14], Т.С. Сергеева [16], Е.К. Минееву [12], В.Б. Ласточкина [10], Т.В. Юстус [17] и др.

Анализируемая в предлагаемой публикации проблема проводимой в стране реформы осуществлена на примере Чувашской АССР с учетом территориальных, экономических, культурных, этнических и других измерений.

Методологическую основу процесса политехнизации школьного образования определяют принципы исторического познания, научной объективности, историзма, сопоставления, системность и комплексность.

Необходимость в проведении школьной реформы в 1958–1965 гг. в стране диктовалась тем, что в обществе к этому моменту проявилось очевидное несоответствие между состоянием производства и его обеспечением кадрами. Нарастающая интенсификация промышленности, сельского хозяйства требовала, с одной стороны, повышения технического, общеобразовательного уровня рабочих и колхозников, особенно молодых, которые рассматривались в качестве основного кадрового резерва страны. С другой стороны, в обществе, среди молодежи, явно обозначилось стремление получить высшее образование. В законе подчеркивалось, что вузы должны готовить высококвалифицированных специалистов, которые должны быть знакомы с новейшими достижениями науки и техники, хорошо подготовлены в практическом плане, должны умело использовать современную технику, стремиться создавать технику будущего.

Осуществление в этих условиях политехнизации обучения в школе признавалось стратегической целью, направленной на подготовку выпускников восьмилетней и средней школы к высокоэффективному производительному труду в промышленности и сельском хозяйстве, к поступлению в высшие учебные заведения, готовившие будущих специалистов для различных производств.

В школах Чувашии планомерная политехнизация среднего образования началась сразу после принятия вышеозначенного закона. Стали вводиться новые учебные планы, программы с наличием в них заметного числа предметов естественно-математического характера. Этот подход был активно осуществлен в

IX–XI классах средней школы с производственным обучением. На общие и политехнические предметы отводилось – 2408 учебных часов, на практические виды работ – 304, основы производства и производительный труд – 1356, факультативные занятия – 452. Всего за весь курс обучения в одиннадцатилетней школе учебным планом предусматривалось 4068 часов [2. Д. 216. Л. 12]. По естественно-математическим предметам был расширен курс обучения, и главное, его содержание было построено так, чтобы учащиеся не только получали знания основных законов, теорий, фактов, но и понимали их значимость для производственной деятельности, осуществляемой специалистами, и умели применять их на практике. Такой подход рассматривался как важное условие осуществления принципа связи знаний с жизнью, производством. Из курса химии учащиеся получали знания по неорганической и органической химии, увязанные с научными основами химической промышленности, с учетом применения достижений в этой области в разных сферах производства, на транспорте, в быту и других областях. Учащиеся знакомились с основными процессами производства по изготовлению пластмассовых, синтетических волокон, каучука, удобрений и т.д. Учебный план средней школы с производственным обучением предусматривал увеличение часов на изучение биологии с целью более подробного ознакомления учащимися с физиологией растений и животных, включенной в программу по этому предмету.

Важное место в учебно-воспитательной работе занимал курс производственного обучения. В теоретическом плане он включал в себя круг вопросов, которые относились к освоению особенностей конкретных профессий, структуры, организации, технологических процессов, оборудования, организации труда, технического нормирования, расчета зарплаты того или иного производства. В практическом выражении производственное обучение систематически и последовательно осуществлялось в направлении усвоения конкретных производственных знаний и навыков [2. Д. 216. Л. 15].

В осуществлении процесса политехнизации в школах большую роль сыграл Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева, возглавляемый в годы осуществления школьной реформы А.С. Марковым, коллектив которого продолжал работать в тесном контакте со школами и в своей научно-исследовательской работе большое внимание уделял проблемам, связанным с политехнизацией восьмилетней и средней школы [11. С. 67].

В масштабе республики осуществлялось трудовое обучение школьников в разных формах. Например, путем организации общественно полезного труда на предприятиях, в колхозах и совхозах. Некоторые производственные коллективы проявили в этом деле собственную инициативу. В 1962 г. коллектив завода «Резинотехнических изделий имени В.И. Чапаева» провел работу по оборудованию производственных мастерских в средней школе № 7 г. Чебоксары с целью осуществления в дальнейшем на этой базе подготовки слесарей и токарей из числа учащихся старших классов. Инициаторы этого мероприятия призвали руководителей, партийные организации предприятий республики установить эффективные связи со школами и поддержать их начинание. Этот призыв был услышан, и многие предприятия приняли в этом направлении конкретные решения. В числе таковых оказался Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат, который неоднократно оказывал помощь подшефной средней школе № 11 г. Чебоксары в осуществлении производственной подготовки учащихся. Шефские функции по отношению к средней школе № 9 города ответственно выполнял Чебоксарский завод электрических исполнительных механизмов. За каждым учеником школы на предприятии было закреплено определенное рабочее место. Практические занятия на токарных, фрезерных станках, на сборочном участке, в ремонтно-

механическом цехе сочетались с теоретическими формами работы, проводимыми как на заводе, так и в школьных помещениях. Между школой и заводом была установлена тесная связь. Администрация завода, инженерно-технические кадры, простые рабочие подходили к выполнению своих функций со всей ответственностью, понимая, что проявленная с их стороны конкретная помощь принесет пользу не только молодым людям, но и общему делу. Ценная помощь школе со стороны завода была оказана при оборудовании школьного кабинета электротехники: его оборудование пополнилось электрическим исполнительным механизмом ПМ-2-120, в изготовлении которого принимали участие ученики, проходившие практику в школе. Надеясь на пополнение рабочих сил на своем предприятии за счет выпускников подшефной школы, руководство создавало условия для прохождения на предприятии производственной практики, активно вводило их в различные сферы деятельности. На предприятии проводились собрания учеников, родителей, учителей совместно с представителями администрации, партийной, комсомольской и профсоюзной организаций, на которых вносилось много предложений по вопросам улучшения производственного обучения учащихся и трудоустройства будущих выпускников в соответствии с полученными профессиями. Комиссия по политехнизации школы во главе с главным инженером завода В.И. Иваницким раз в четверть обсуждала вопросы школьного обучения в условиях производства.

В сельских районах республики учащиеся IX–XI классов средних политехнических школ с производственным обучением получали общеагрономическую и общетехническую подготовку. Основными формами реализации этого направления подготовки являлись теоретические и лабораторно-практические занятия по растениеводству, животноводству, механизации и электрификации сельского хозяйства.

Сельские школы осуществляли производственное обучение по месту жительства с учетом направленности производства колхозов и совхозов. Одной из форм участия школ в сельскохозяйственном производстве стала опытническая работа.

Опытническая работа учащихся была предусмотрена государственной программой и нацелена на поиск рациональных, результативных решений по выращиванию важных для сельскохозяйственного производства культур и наиболее продуктивных пород животных и домашней птицы [2. Д. 216. Л. 52–53]. Например, 4 апреля 1961 г. Министерство просвещения ЧАССР одобрило деятельность Магасьской восьмилетней школы Марпосадского района по организации опытнической работы. Эта школа оказала действенную помощь шефствующему над школой колхозу «Коммунизм», который взял на себя повышенные обязательства по возделыванию кукурузы на полях этого колхоза в связи с предстоящим XXII съездом КПСС. По примеру этой школы в работу включились и другие школьные учебные заведения [2. Д. 203. Л. 79–81]. Известно, что учащиеся приступили к выращиванию кукурузы уже в 1955 г., в 1960 г. колхозом для продолжения работы в этом направлении была отведена площадь в 15 га. В результате активной работы всего коллектива удалось добиться выращивания кукурузы на зерно, получить гибридные семена, которые целесообразнее было применять при посеве в местных климатических условиях. Школа вела большую работу по заданию Всесоюзного НИИ кукурузы. Учащиеся наблюдали за 13 сортами кукурузы с целью выявления наиболее урожайных именно в условиях данной местности с учетом сроков созревания, сохранности семян и других показателей [2. Д. 203. Л. 82–83].

К 1961 г. общая площадь школьных учебных опытных участков составляла 42,3 га. Кроме того, учащиеся вели опытническую работу на полях и фермах

колхозов и совхозов. Особых успехов в этом деле добились Октябрьская, Сятракасинская, Шоршельская средние школы, Мариинско-Посадская, Дубовская, Алмандеевская, Арзаматовская, Перво-Синьяльская, Сюндюковская восьмилетние школы, ряд других школ Марпосадского района [2. Д. 259. Л. 20].

Реформа системы школьного образования вызвала необходимость переподготовки учителей и работников органов народного образования, повышения их педагогического мастерства. В условиях политехнизации школы важную роль сыграли годичные курсы по изучению промышленного и сельскохозяйственного производства, действующие с 1 февраля 1959 г. при всех школах республики по 100- и 200-часовой программе. Занятия проводились на шефствующих заводах, фабриках, колхозах и совхозах. Эти курсы прошли более 6 тыс. учителей различных специальностей. 9,5 тыс. учителей участвовали в организованных для них учебно-познавательных экскурсиях по ознакомлению с производством на предприятиях, в колхозах и совхозах [3. Д. 245. Л. 78]. В повышении квалификации и педагогического мастерства учительских кадров большую роль сыграли научно-практические конференции по актуальным проблемам обучения и воспитания школьников, приобщения их к труду. Они проводились на базе передовых школ республики. За 1959–1965 гг. было проведено 13 республиканских научно-практических конференций с участием 4,5 тыс. учителей [3. Д. 208. Л. 27].

Предпринимаемые разными структурами образовательной системы меры способствовали реализации основных направлений осуществляемой в стране школьной реформы.

Оценивая результаты политехнизации образования, следует подчеркнуть, что внедрение этого принципа в школьную практику дало хорошие плоды в виде пополнения разных сфер народного хозяйства квалифицированными работниками. По данным Центрального статистического управления ЧАССР, только за 1959/60 учебный год общеобразовательные школы республики окончили 11 тыс. человек, их которых на дневное отделение вузов поступило 668 человек, на дневное отделение техникумов – 2632 человека. Свыше 6 тыс. выпускников поступили работать на производство: в сферу промышленности, строительства, связи, в колхозы, совхозы, РТС. Многие из них одновременно учились в вечерних и заочных вузах и техникумах [3. Д. 186. Л. 74–75].

Следует отметить, что в реализации политехнического обучения встречалось немало трудностей. Далеко не всегда присутствовал критический подход к выбору характера производственного обучения в школе, не всегда учитывались потребности предприятий, организаций, интерес самих учащихся к выбору будущей профессии. Не всегда принимались во внимание расположение базовых производственных объектов, слабая обеспеченность многих школ необходимым техническим оборудованием в кабинетах, имела место нехватка специалистов в школе для результативного осуществления профессионально ориентированной практической подготовки учащихся.

При всех сложностях и проблемах в осуществлении политехнического обучения значимость этого направления для решения задачи подготовки профессионально ориентированного работника производства, получения специального среднего и высшего образования в тех условиях недооценивать нельзя. Полученные в этом направлении результаты проводимой реформы в Чувашии могут служить основанием для такого вывода.

Литература

1. Встреча с президентом организации WoridSkills International Саймоном Бартли (24 марта 2015 г. Москва, Кремль) [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: http://special. kremlin.ru/events/president/transcripts (дата обращения: 21.05.2017).

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 221. Оп. 31.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1350. Оп. 2.

4. *Егоров Н.Е.* Сельская общеобразовательная школа Чувашской АССР (1966–1985). Исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 231 с.

5. *Ефимов Л.А.* Школы Чувашского края в XIX–XX вв. М.: МГОПУ имени М.А. Шолохова, 2003. 535 с.

6. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы образования в стране». Постановление Верховного Совета СССР от 24 декабря 1958 г. // Директивы и материалы по перестройке школы. М.: Учпедгиз, 1960. С. 86–102.

7. *Кидряшкин В.В.* Мордовия на пути к всеобщему среднему образованию. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. 160 с.

8. *Ким М.П.* Советская культура. М.: Госполитиздат, 1957. 388 с.

9. *Киреев Н.П.* Народное образование СССР. М.: Знание, 1957. 134 с.

10. *Ласточкин В.Б.* К вопросу о материально-техническом обеспечении школ Чувашской АССР в период перехода к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию (1958–1964 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 26–32.

11. *Марков А.С.* Полвека служению высшей школе. Воспоминания. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 76 с.

12. *Минеева Е.К., Тохтиева Л.Н., Григорьев В.С.* Первые высшие награды учителей Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 65–70.

13. *Осипов А.П.* К перестройке профессионального образования в связи с ускоренным техническим прогрессом // Новая система народного образования в СССР: сб. док. и ст. М.: Изд-во акад. пед. наук РСФСР, 1960. С. 438–452.

14. *Паймаков А.С.* Развитие школы в Марийской АССР (1917–1969). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. 244 с.

15. *Прокофьев М.А.* Актуальные задачи советской школы. М.: Наука, 1969. 231 с.

16. *Сергеев Т.С.* Школа поисков и инноваций: к 70-летию Чебоксарской гимназии № 4 / Чуваш. гос. пед. ун-т имени И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2006. 386 с.

17. *Юстус Т.В., Андреева А.А.* Из истории трудового воспитания студенческой молодежи в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения: ст. III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары 25 марта 2016 г.) Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 95–102.

ДЕМИДОВА ИДА ИВАНОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (demidova.ida@mail.ru).

ЛАСТОЧКИН ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vyacheslav_lastochkin@mail.ru).

ЮСТУС ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tosj9@rambler.ru).

I. DEMIDOVA, V. LASTOCHKIN, T. IUSTUS

POLYTECHNIC TRAINING IN CHUVASHIA SCHOOLS IN 1958–1964

Key words: *public education, school, reform, introduction of polytechnic education, labor training, curriculum.*

The article examines the historical experience of polytechnics introduction within the framework of school reform carried out in the Soviet Union in 1958-1964. The given problem is analyzed by the authors on the example of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, taking into account national and regional specifics in organization, forms of implementation, and effectiveness of the school reform. The importance of adopted legislative acts on a national scale is shown. Based on new archival material, the experience of reforming the structure of school education was studied. Introduction of labor education and training lessons in the school system is of interest from the point of view of their positive results for scientific and technical development of the society as well as identification of causes for unresolved issues in the reform. The methods of polytechnical education introduction, introduction of the labor principle into school education, teachers' advanced training, the experience of school teachers-innovators in implementation of a new direction contributed to modernization of educational system and communication of school with the national economy.

References

1. *Vstrecha s prezidentom organizatsii WoridSkills International Saimonom Bartli (24 marta 2015 g. Moskva, Kreml')* [Meeting with President of WorldSkills International Simon Bartley]. Available at: http://special. kremlin.ru/events/president/transcripts (Accessed 21 May 2017).

2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 221. Opis' 31* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 221. Anagraph 31].

3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1350. Opis' 2.* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1350. Anagraph 2].

4. Egorov N.E. *Sel'skaya obshcheobrazovatel'naya shkola Chuvashskoi ASSR (1966–1985). Istoricheskii ocherk* [The Chuvash ASSR Rural Comprehensive School (1966–1985)]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1974, 231 p.

5. Efimov L.A. *Shkoly Chuvashskogo kraya v XIX–XX vv*. [The Chuvash Region Schools in the XIX–XX vv.]. Moscow, 2003, 535 p.

6. *Zakon «Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'neishem razvitii sistemy obrazovaniya v strane». Postanovlenie Verkhovnogo Soveta SSSR ot 24 dekabrya 1958 g.* [The Law «About the School and Life Links Fortification and the Country's educational System Further Development» the USSR Supreme Soviet Decree of December 24, 1958]. *Direktivy i materialy po perestroike shkoly* [The school Rearrangement Directives and Materials]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1960, pp. 86–102.

7. Kidryashkin V.V. *Mordoviya na puti k vseobshchemu srednemu obrazovaniyu* [Mordovia on the way to the General Secondary Education]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1973, 160 p.

8. Kim M.P. *Sovetskaya kul'tura* [The Soviet Culture]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, 388 p.

9. Kireev N.P. *Narodnoe obrazovanie SSSR*. [Public education of the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1957, 134 p.

10. Lastochkin V.B. *K voprosu o material'no-tekhnicheskom obespechenii shkol Chuvashskoi ASSR v period perekhoda k vseobshchemu obyazatel'nomu vos'miletnemu obrazovaniyu (1958–1964 gg.)* [To the question of the Chuvash ASSR School Administrative Assistance during the Transition to the General Compulsory Eight Year Education (1958–1964 гг.)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 26–32.

11. Markov A.S. *Polveka sluzheniyu vysshei shkole. Vospominaniya* [Half a Century to the Upper School Service. Memoirs]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2005, 76 p.

12. Mineeva E.K., Tokhtieva L.N., Grigor'ev V.S. *Pervye vysshie nagrady uchitelei Chuvashii* [The Chuvash School Teachers First Highest Awards]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 65–70.

13. Osipov A.P. *K perestroike professional'nogo obrazovaniya v svyazi s uskorennym tekhnicheskim progressom* [To the Professional Education Rearrangement with Reference of the Accelerated Technical Progress]. *Novaya sistema narodnogo obrazovaniya v SSSR: sb. dok. i st.i* [The USSR New System of the Popular Education. The Documents and Articles Digest]. Moscow, 1960, pp. 438–452.

14. Paimakov A.S. *Razvitie shkoly v Mariiskoi ASSR (1917–1969)* [The Mari ASSR School Development (1917–1969)]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1970, 244 p.

15. Prokof'ev M.A. *Aktual'nye zadachi sovetskoi shkoly* [The Soviet School Actual Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 231 p.

16. Sergeev T.S. *Shkola poiskov i innovatsii: k 70-letiyu Cheboksarskoi gimnazii* № 4 [The School of Researches and Innovations: to the Seventieth Anniversary of the Cheboksary Gymnasium 4]. Cheboksary, 2006, 386 p.

17. Iustus T.V., Andreeva A.A. *Iz istorii trudovogo vospitaniya studencheskoi molodezhi v Chuvashskom gosudarstvennom universitete imeni I.N. Ul'yanova* [From the history of the labor education of students in the Chuvash State University named after I.N. Ulyanova]. *Chelovek truda v istorii: aktual'nye voprosy istoricheskoi nauki, arkhivovedeniya i dokumentovedeniya. III Smirnovskie chteniya: stat'i III Vseros. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary 25 marta 2016 g.)* [Proc. of III Rus. Sci.-Pract. Conf. «Man of Labor in History: Topical Issues in Historical Science, Archival Studies and Document Management». (Cheboksary, March 25, 2016)]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2016, pp. 95–102.

DEMIDOVA IDA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (demidova.ida@mail.ru).

LASTOCHKIN VYACHESLAV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vyacheslav_lastochkin@mail.ru).

IUSTUS TATIANA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tosj9@rambler.ru).

Ссылка на статью: *Демидова И.И., Ласточкин В.Б., Юстус Т.В.* Политехническое обучение в школах Чувашии в 1958–1964 годах // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 78–84.

УДК 39:636(=512.111)
ББК Т521(=635.1)-51

О.В. ЕГОРОВА, И.В. ДМИТРИЕВА, ИГАУЭ НАХО

РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА И ИНСТИТУТ ПАСТУШЕСТВА ЧУВАШЕЙ В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Ключевые слова: *скотоводство, пастушество, очистительные обряды, апотропейные обряды, продуцирующие обряды, чувашская община, роль пастуха, пастушеские запреты, пастушеская культура, «кĕтӳ умĕн пăтти», «карта пăтти», «ĕне ырри чӳкĕ», трансформации, электрический пастух, этническая культура.*

В статье ставится цель проследить на основе анализа полевых источников и опубликованной литературы развитие скотоводства и института пастушества в Чувашии. Привлечение полевых этнографических материалов позволило выявить современные тенденции и осмыслить трансформационные процессы развития скотоводства и пастушества. Авторам удалось показать особенности пастушеской культуры, роль пастухов в традиционном и современном обществе. В исследовании проведен сравнительный анализ исторической трансформации данного вида деятельности чувашей, выявлены современные тенденции развития. Особое внимание уделено сакральной, ритуально-обрядовой сфере пастушества, отмечена специфика проведения чувашских обрядов «кĕтӳ умĕн пăтти», «карта пăтти», «ĕне ырри чӳкĕ». Изучение исторической трансформации института пастушества в чувашском обществе является первым исследовательским опытом и открывает перспективу дальнейшего изучения этой темы. На протяжении изучаемого периода обозначенные объекты исследования подверглись значительной трансформации. Изменения связаны с модернизацией сельского хозяйства, количественным составом населения, процессами глобализации.

В Чувашии скотоводство является традиционной отраслью сельского хозяйства. В настоящее время в связи с неустойчивой социально-экономической ситуацией в республике возрастает роль скотоводства как основной формы жизнеобеспечения на селе. Оно продолжает играть заметную роль в организации личного подсобного хозяйства (ЛПХ) чувашей, в обеспечении населения мясо-молочными продуктами, шерстью. В настоящее время чуваши, значимая часть которых селяне, являются вполне модернизированным, современным населением. Многие из них имеют автомобили, трактора или мотоблоки, планшеты, банковские пластиковые карты; практически все пожилые люди используют мобильные телефоны. Чуваши восприняли многие технические новшества в области животноводства: «электрический пастух», различные механические приспособления для заготовки кормов и т.д., вместе с тем сохранили многие скотоводческие традиции, которые проявляются в бытовании пастушеской обрядности. В связи с этим изучение развития скотоводства и трансформации института пастушества актуально.

В исследуемый период преобладающими видами скотоводства у чувашей были разведение крупного рогатого скота, овцеводство, коневодство. В XIX в. зажиточные чуваши имели по пять лошадей, наиболее богатые – по пятнадцать. Крестьяне среднего достатка содержали две-три лошади, бедные – одну, были и безлошадные хозяйства. С уменьшением доли неразделенных семей и распространением лёгких пахотных орудий, поголовье лошадей сокращалось. В XIX в. зажиточные чуваши содержали по пять коров. В XX в. селяне держали в хозяйстве одну-две коровы, были и бескоровные дво-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

ры, обходившиеся содержанием коз. Из-за бедности кормовой базы и низкопородности животных скотоводство было малопродуктивным, надой на одну корову составлял 560–1000 кг, настриг с овцы – 1,2–1,6 кг в год. Живая масса коров не превышала 300 кг, овец – 35 кг, свиней – 50 кг. Для разведения чуваши оставляли самых выносливых, зимостойких и плодовитых животных. Скотоводство в Чувашии, как в целом по России, переживало определённый спад во второй половине 1990-х гг., но постепенно сумело преодолеть трудности, вызванные перестройкой экономики. На 1 января 2014 г. в хозяйствах всех категорий Чувашской Республики насчитывалось 201,1 тыс. голов крупного рогатого скота (в том числе 65,2 тыс. в сельскохозяйственных организациях), овец и коз – 179,8 тыс. В 2013 г. молока произведено 422,8 тыс. т (114,8 тыс. т.) [4].

Для скотоводства чувашей характерна стационарная, пастбищно-стойловая форма содержания скота. Традиционное скотоводство чувашей велось весенне-летним выпасом стада, с поздней осени животных переводили на закрытое стойловое содержание. На зиму крестьяне запасали сено, солому, фураж. В период стойлового содержания домашние животные находились в теплых обустроенных помещениях. Сроки начала пастьбы зависели исключительно от погодных условий. Выпас скота на пастбищах начинался с ранней весны, со второй половины апреля, как только сходил снег и земля на пастбищах подсыхала. В силу скудости растительного покрова животных в первое время подкармливали соломой. Заканчивался пастбищный сезон с появлением снега, во второй половине октября. Крещеные чуваши завершали выпас скота на Покров день. Таким образом, пастбищное содержание длилось примерно полгода, около шести месяцев. Осенью, с началом холодов и установлением снежного покрова скот переводился полностью на закрытое стойловое содержание.

Заготовкой кормов чуваши занимались с июня по август, успели снимать два покоса (первый − в июне, второй покос «каю» − в августе). Начало сенокоса соотносилось с завершением цветения травы, у чувашей приурочивалось к Петрову дню. Запреты на сенокошение раньше срока обусловливались комплексом религиозных представлений чувашей, их нарушение могло стать причиной заморозков и непогоды. По традиции было принято начинать сенокос в новой, нарядной и чистой одежде. Косить начинали и заканчивали всей общиной, чтобы затем освободить поля для выпаса скота. Косари начинали работу на рассвете и работали до сумерек. Чуваши старались как можно больше заготовить кормов, чтобы хватило для следующего сезона выпаса скота.

В условиях стационарной системы содержания животных пастбищный сезон и выпас скота имели большое значение. Основную роль в организации выпаса скота играла сельская община, сельский сход. На сельском сходе главы семей договаривались о продолжительности выпаса скота, выделяли общинные угодья под территорию для пастбища. Нередко в чувашских общинах выбирали специально человека, который от лица сельского схода нанимал пастуха, следил за его работой, рассчитывал плату жителей деревни за выпас, собирал деньги и рассчитывался с пастухом. В некоторых чувашских деревнях овец и коров пасли раздельно, поэтому было два стада с разными пастухами. При наличии двух стад (коровьего и овечьего) по участку пастбища сначала прогоняли коров, затем овец. Такая форма выпаса давала возможность наилучшим образом использовать кормовые ресурсы.

Главным персонажем в обрядах и верованиях, связанных с защитой, сохранностью скота, особенно во время летнего выпаса, был пастух [3. С. 637].

Пастухами являлись, как правило, местные, обездоленные парни-сироты, бравшиеся за эту тяжелую работу из-за своего бедственного положения. Нередко пастухами становились крестьяне из других общин (чужаки). В этом случае сельская община брала пастуха на свое полное обеспечение. Он жил и питался у хозяев, останавливаясь по очереди у каждого из них на несколько дней, в зависимости от количества голов скота в хозяйстве. Чуваши практиковали и другую форму найма пастуха, при которой пастух поочередно питался у каждого домохозяина, но квартировал в одном определенном, выделенном общиной месте. Обычно пастуха община нанимала на год (на сезон), но встречались случаи найма на более длительный период, на пять лет.

При обсуждении кандидатуры пастуха в первую очередь обращали внимание на его репутацию, если пастух пришлый, расспрашивали о его происхождении, узнавали, из какой он местности, и только затем решали вопрос об его найме и оплате его труда. Плата общественному пастуху определялась в денежном и натуральном виде иногда приплодом, в конце сезона выпаса или несколько раз за сезон согласно договору с общиной. При дробной форме оплаты пастух получал вознаграждение трижды в течение сезона: обычно в начале сезона, в середине (Петров или Ильин день) и по его завершении (Покров Пресвятой Богородицы). Перед первым выгоном для пастуха собирали всей общиной лепешки и яйца (по числу голов скота с каждого дома). В середине лета собирали яйца и домашний сыр (чăкăт). В конце сезона производили окончательный расчет, собирая для пастуха оставшуюся часть продуктами или деньгами. Оплата пастуха нередко зависела от его возраста и профессиональных навыков, а также от размера стада. Труд взрослых и опытных пастухов оплачивался значительно выше, чем начинающих. Многие информаторы отмечают, что работа пастуха очень сложна в непогоду. Во время сильного дождя скот трудно удержать, особенно сложно было ухаживать за козами. Никакая плеть, понукания не были способны остановить животных.

Роль пастуха в чувашской общине была значимой, ему предъявляли определенные требования. Этнографические данные свидетельствуют о том, что каждый пастух должен был обладать смелостью, расторопностью, распорядительностью, знанием местности. Только такому пастуху сельское общество могло доверить наиболее ценное в домашнем хозяйстве – стадо, ему выказывали почет и уважение. Для того, чтобы стать хорошим пастухом, чуваши проходили серьезную трудовую школу. Рабочий день пастуха начинался с восходом солнца и заканчивался закатом. Рабочее время пастуха делилось на три части: утренний выпас, водопой и полуденный отдых животных, вечерний выпас. Поведение животных диктовало время весьма кратковременного отдыха пастуха. Пищу (хлеб, лепешки, яйца, молоко, картошку, кефир, лук) пастух употреблял в период отдыха животных, в полдень.

В связи с сокращением поголовья скота в последние годы отказываются от найма пастуха. Все чаще пасут скот по очереди. Если кто-либо не мог идти пасти скот, то он нанимает на свое место желающего за 500 руб. в день. В некоторых близлежащих селениях прибегают к объединению стад. Так, в начале 2000-х гг. стадо с. Ильинка Моргаушского района ЧР объединили со стадом д. Тренькино того же района. Поскольку поголовье скота с. Ильинка было меньшим, договорились о пастьбе на территории с. Тренькино (информатор – Талантова Алевтина Порфирьевна, 1963 г.р., с. Ильинка Моргаушского района. ПМА 2017). В ряде селений, где осталось единичное поголовье, скот держат в изгороди или во дворе. Однако в тех селениях, где поголовье скота

растет, наоборот, стадо делят на несколько частей. Например в с. Чеменево Батыревского района два стада – одно с четырех улиц (95 особей), второе – с одной улицы (информатор – Михайлов Василий Викторович, 1962 г.р., с. Большое Чеменево Батыревского района. ПМА 2017). В таких случаях количество пастухов в селе возрастает. Как правило, поголовье растет в больших селениях, где жители зарабатывают на продаже молока и мяса.

Активное участие в пастушестве принимали подростки. Самостоятельное выполнение обязанностей пастуха символизировало достижение ими взрослого возраста. Чуваши говорили: «Он достиг возраста пастуха», т.е. ему можно доверить пасти сельское стадо. Своих детей чуваши с малых лет приучали к труду, к работе скотовода, учили общению с животными. С 5-7 лет дети пасли ягнят, телят, гусей. С 9-12 лет дети становились подпасками (т.е. пасли стадо вместе с взрослым пастухом, родителями, родственниками), а в 15-17 лет им доверяли пасти стадо мелкого или крупного рогатого скота самостоятельно без поддержки взрослых.

Неотъемлемой принадлежностью пастуха была котомка, обычная палка, посох с метками по количеству голов в стаде, кнут и хлыст, им придавалось особое значение, они табуировались. Запреты налагались на прикосновение членами общины к атрибутам пастуха (котомке, посоху, кнуту и т.д.). Целью строгого соблюдения запретов являлось стремление обеспечить сохранность сельского стада. Запреты в определенной степени распространялись и на хозяев домашних животных, пасущихся в стаде. Например, девушка не должна была появляться перед пастухом босоногой или с непокрытой головой (без платка, косынки).

С целью собрать стадо и удержать его, чтобы не расходилось, пастух совершал ряд действий, носивших рациональный характер и составлявших его профессиональную тайну. Например, он использовал соль, которая, как известно, привлекает животных. Пастух втыкал посреди выгона посох (иногда еще вешал на него свою одежду) и вокруг рассыпал соль, которую постоянно носил с собою в котомке. Не менее действенны для удержания стада были и звуковые сигналы, когда пастух издавал звук ударами кнута, оглушительно хлопая им. Практиковались и голосовые сигналы – особые клики, далеко разносившиеся в поле.

В условиях выпаса скота в лесостепной зоне большое значение имели бы медные и железные колокольчики, которые помогают отслеживать движение мелкого и крупного рогатого скота. Но, если судить по сохранившимся этнографическим сведениям, применение колокольчиков у чувашей не имело широкого распространения, по сравнению, например, с русскими, проживающими по соседству, для которых это было обычным явлением.

Часто пастуху помогали собаки. У многих хозяев они приучены следить за скотом. Громким лаем отгоняли или возвращали убегающих коров. Собаки защищали скот от диких животных.

Таким образом, институт пастушества, имея глубокую традицию, не утратил своего значения и в современных условиях. В настоящее время в большинстве случаев владельцы крупного рогатого скота и овец становятся пастухами поочередно. Встречается и постоянный пастух, нанятый селянами на лето. Он обеспечивает кормление, водопой, пастьбу животных. Выбирая маршрут движения, пастух продумывает ряд условий, он должен предусмотреть место водопоя животных, найти возможность спрятаться в жаркий день от солнца под деревьями. Современный пастух обладает определенными знаниями биологи-

ческих особенностей животных и порядка пастьбы. Кроме этого, пастух должен уметь предупреждать различные заболевания животных, отравления ядохимикатами или ядовитыми растениями, быстро и правильно пользоваться лечебными средствами, особенно в экстренных случаях, когда животному грозит смерть, помочь отелиться. Некоторые современные «продвинутые» пастухи владеют профессионально основами животноводства, умеют определять заболевания животных, выявлять больные особи. От подготовленности пастуха зависит в конечном итоге экономический эффект скотоводства. Выпас скота в летний период зависит от категории пастбищ (многолетние травы, клевер и т.д.) и имеет ряд особенностей. Если пренебречь ими, животные могут погибнуть или на весьма значительное время потерять молочную продуктивность. Поэтому большое значение сегодня приобретает хорошо организованное обучение владельцев ЛПХ правилам пастьбы и оказания животным первой помощи при отравлении, вздутии рубца и т.д. Некоторые профессиональные пастухи носили с собой специальный инструмент для прокалывания живота животного. Инструмент представлял собой заостренный гвоздь длиной 10 см и диаметром 5 мм со специальной насадкой (информатор – Михайлов Василий Викторович, 1962 г.р., с. Большое Чеменево Батыревского района. ПМА 2017). Редко, но встречаются в ЛПХ чувашей случаи гибели скота при выпасе. Причинами падежа животных при пастьбе владельцами по очередности является недосмотр и незнание владельцами правил пастьбы. Животные погибали от тимпании (вздутия рубца) при пастьбе по быстро насыщаемым травам (люцерне, клеверу и т.д.) В настоящее время, в условиях стационарной системы содержания скота, летний выпас дает большую продуктивность, большие удои, и роль пастуха и сегодня остается значимой и ответственной.

Новым веянием в пастушестве является внедрение новых технологий, в частности, применение «электрического пастуха», когда место пастьбы обносят железной изгородью, по которой пропускают электрический ток. Систему используют для загонной пастьбы животных, для охраны стада от хищников, а также для защиты стогов от поедания (потравы). Железной изгородью огораживают загон для выпаса площадью от 1,5 до 10 га и больше. Стойки изгороди обычно размещаются на расстоянии 25 м одна от другой. На изоляторах стоек подвешивают железный оцинкованный провод диаметром 1-2 мм. Высота его подвески разная, зависит от вида животных. Например, для КРС (крупного рогатого скота) она составляет 0,75 м, для мелкого, овец и коз − 0,4 и 0,8 м. Электрический пастух экономит время и затраты. Таким образом, пастушество в современных условиях не только не потеряло своего значения в быту чувашей, но получает свое дальнейшее оформление, развитие.

Неотъемлемой частью института пастушества является его обрядовая составляющая. Для пастушеской культуры чувашей характерны очистительные, апотропейные и продуцирующие обряды: «кĕтӳ умĕн пăтти», «карта пăтти», «ĕне ырри чӳкĕ».

Цикл пастушеской обрядности чувашей начинается обрядом «кĕтӳ умĕн пăтти». Он связан с началом весеннего выпаса скота. Обрядовые действия были направлены на стремление обеспечить благополучие и сохранность стада в течение пастбищного периода. Накануне первого выгона стада проводили общесельское моление с участием хозяев скота и женщин преклонного возраста. В складчину варили пиво, в определенном месте за деревней (обычно на берегу реки или пруда) разводили костер и готовили кашу, здесь же варили яйца. Уважаемая, пожилая женщина общины произносила молит-

ву, повернувшись на восток в честь верховного бога «Турă», затем все вместе трапезничали. Чтобы скот был плодовитым, яйца катали по земле. Местами этот обряд у верховых чувашей бытует и сейчас. В современном его варианте селяне устраивают совместную трапезу, а один из участников, обычно пожилая женщина, читает православную молитву в честь «Георгия Победоносца» (информатор – Сорокина Анжела Алексеевна, 1968 г.р., д. Шиуши Аликовского района. ПМА 2017). Из магических ритуалов, сохранившихся до наших дней, следует указать на обычай пользоваться при первом выгоне скота прутом от вербы или травой «таллă пиçен» (татарник), окроплять скотину святой водой, обводить кромкой хлеба вокруг котла, где варили пищу для скота, кормить просфорой (информаторы – Бабочкина Валентина Владимировна, 1968 г.р. Янтиковский район, Иванова Зинаида Федоровна, 1950 г.р., д. Вускасы Моргаушского района, Гурьева Вера Алексеевна, 1963 г.р., д. Ойкассы Моргаушского района. ПМА 2017). В XIX − начале XX вв. чуваши перед первым выходом скота в поле посыпали животное землей и выбрасывали яйца за полевые ворота [2. С. 59]. В ряде местностей в день первого выпаса выдавали пастухам сырое яйцо (информатор – Бабочкина Валентина Владимировна, 1968 г.р. Янтиковский район. ПМА 2017). В современной деревне, как и раньше, первой в стадо должна вывести скотину женщина с добрым и ровным характером, т.е. с «легкой рукой». После первого выгона отдельные ветки и пучки вербы чуваши, как и в прошлом, втыкают в хлев. Плотные или набухшие почки вербы, по их представлению, призваны обеспечить защиту и плодовитость скота. Информаторы отмечают, что в первый день выпаса скота некоторые пастухи немного принимали спиртное, помянув умерших жителей села (информатор – Михайлов Василий Викторович, 1962 г.р., с. Большое Чеменево Батыревского района. ПМА 2017).

Первый день выгона скота был самым сложным для пастухов. Крупный рогатый скот бодался, козы пытались покинуть стадо. Не менее напряженным этот день был и для хозяев. Они выходили за ворота встречать своих домашних питомцев. Рассчитывали, что взрослые особи приведут молодняк до дома. В первые недели поиск скота был активным. Для распознавания хозяева привязывали к шерсти распознавательные тряпочки. Коров узнавали по окрасу.

Обряд «карта пăтти» совершался в честь духов хранителей домашнего скота. Обряд проводился осенью или ранней зимой в связи с переводом скота на стойловое содержание. К обряду пекли жертвенные блины – «юсьманы», варили пиво. Во дворе разводили огонь, выполнявший функции очищения и оберега, на котором варили кашу. Прочитав специальные молитвы, хозяин бросал ложку каши в огонь и приглашал духов-покровителей скота принять участие в обрядовой трапезе. Крестьяне в своей молитве благодарили духов за сохранность стада [1. С. 52–53].

К группе пастушеских обрядов следует отнести моление о благополучии отелившейся коровы – «ĕне ырри чӳкĕ». По представлениям чувашей, по случаю отела коровы необходимо было провести моление в честь духов-покровителей скота. Обряд проводят на третий день после отела. До проведения этого обряда употребление в пищу молока первых удоев строго запрещалось. Чуваши верили, что несоблюдение запрета может привести к болезни и даже гибели коровы и приплода. Для проведения обряда из молозива готовили ритуальное блюдо «ĕне ырри», для этого молозиво кипятили до получения густой затвердевающей массы. Ко дню обряда варили также пиво, а в день обряда пекли блины. В обрядовом угощении, кроме членов семьи,

принимали участие родственники и соседи [1. С. 95]. Обряд «ĕне ырри чӳкĕ» – один из немногих, где за стол вместе с взрослыми усаживали детей. Во время обряда хозяйка дома по углам избы и на печку кидала несколько ложек ритуального блюда «ĕне ырри», предназначенного для «хĕрт-сурт» (божества покровителя дома и домашних животных). Помимо этого, «ĕне ырри» и блинами кормили корову и теленка. Обряд завершался обливанием его участников молоком и водой, с целью изображения изобилия молока и получения больших удоев. В настоящее время можно наблюдать трансформацию этого обряда с сохранением ритуала обрызгивания молоком или святой водой коровы и теленка (информатор – Маркова Надежда Алексеевна, 1960 г.р., д. Кукшумы Ядринского района. ПМА 2017).

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует, что пастушество и скотоводство продолжают играть важную роль в хозяйстве, быту и культуре населения Чувашской Республики. Животноводческие обычаи и обряды чувашей регламентировали производственную деятельность членов общины, семьи и были направлены на ее жизнеобеспечение. С изменением социально-экономических условий жизни социальные функции обрядов данного цикла изменялись, что привело к трансформации, символизации и даже утрате их первоначального смысла. Скотоводство и пастушество как культурная ценность на протяжении долгого периода способствовали сохранению этнической культуры чувашей. В картине мира, благополучия у сельских чувашей до сих пор ведущее место занимают представления о скотоводстве как наиболее приемлемом образе жизни и способе жизнеобеспечения в деревне. В целом рассмотрение хозяйственной (скотоводческой и пастушеской) деятельности чувашей XIX–XXI вв. позволяет говорить о частичном сохранении традиционных черт их быта и культуры.

Литература

1. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. С. 52–53, С. 95.

2. *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1929. С. 59.

3. *Плотникова А.А.* Пастух // Славянские древности: Этнолингвистические древности: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 637.

4. Чувашская энциклопедия: офиц. сайт. URL. http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=170.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

ДМИТРИЕВА ИНГА ВАЛЕРЬЕВНА – заведующая археолого-этнографическим музеем имени П.В. Денисова, межкафедральная лаборатория историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ingadmit@mail.ru).

ИГАУЭ НАХО – профессор факультета политических наук, Университет Тюо, Япония, Токио (igaue@fps.chuo-u.ac.jp).

O. EGOROVA, I. DMITRIEVA, IGAUE NAHO

DEVELOPMENT OF CATTLE BREEDING AND THE INSTITUTE OF SHEPHERDING AMONG THE CHUVASHS IN XIX – EARLY XXI CENTURIES

Key words: *cattle breeding, shepherding, purificatory acts, rites aimed at security, ceremonies aimed ay fertility, Chuvash community, the role of a shepherd, prohibitions for the shepherd, shepherd culture, transformations, electric shepherd, ethnic culture.*

The given article aims to trace the development of cattle breeding and the institute of shepherding in the Chuvash Republic based on the analysis of field sources and published literature. Involvement of field ethnographic materials allowed to trace current trends and con-

ceptualize transformation processes in development of cattle breeding and shepherding. The authors were able to show the features of shepherding culture, the role of shepherds in a traditional and modern society. The study contains a comparative analysis of historical transformation of the given activity among the Chuvashs, current trends are identified. Special attention is paid to sacred, ritual and ceremonial sphere of shepherding, specifics of the Chuvash rites was noted. The study of historical transformation of shepherding institute in the Chuvash society is the first research experience which opens up the prospect of further studying this topic. During the study period indicated the objects of the study underwent significant transformation. These changes were associated with agriculture modernization, quantitative composition of population, processes of globalization.

References

1. Magnitskii V.K. *Materialy k ob"yasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials for the explanation of the old Chuvash faith]. Kazan, 1881, pp. 52–53.

2. Nikol'skii N.V. *Kratkii kurs etnografii Chuvash* [A short course in Ethnography of Chuvash]. Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1929, p. 59.

3. Plotnikova A.A. *Pastukh* [Shepherd]. In: *Slavyanskie drevnost. Etnolingvisticheskie drevnosti: v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic ancient times. 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnoe otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, 637 p.

4. Chuvashskaya entsiklopediya: ofits. sait [Chuvash encyclopedia: official site]. Available at: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=170.

EGOROVA OKSANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (eoks71@rambler.ru).

DMITRIEVA INGA – Head of the Archaeological and Ethnographic Museum named after P.V. Denisov, Interdepartmental Laboratory of Historical and Geographical Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ingadmit@mail.ru).

IGAUE NAHO – Professor, Department of Policy Studies, Chuo University, Japan, Tokyo (igaue@fps.chuo-u.ac.jp).

Ссылка на статью: *Егорова О.В., Дмитриева И.В., Игауэ Нахо.* Развитие скотоводства и институт пастушества чувашей в XIX – начале XXI века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 85–92.

УДК 392.1(=512.11)
ББК Т521(=635.1)-534

О.В. ЕГОРОВА, Н.А. ПЕТРОВ, И.В. ДМИТРИЕВА

ЧУВАШСКАЯ ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ*

Ключевые слова: *современная женщина, чуваши, горожане, традиции, городская обрядность, трансформации, родильная обрядность, продуцирующая обрядность, свадебная обрядность, коэффициент рождаемости, браки и разводы, вербальные запреты, имитативная магия.*

В статье рассматриваются роль и место чувашской женщины в современной городской семье. Исследование проведено на основе материалов включенного наблюдения, интервьюирования по специально составленным вопросникам и данным Государственного комитета по статистике Чувашской Республики. Привлечение полевых этнографических материалов позволило выявить основные тенденции развития городской обрядности. Авторам удалось показать динамику и особенности семейной обрядности, связанной с беременностью, рождением, имянаречением, крещением и первыми днями жизни новорожденного. Произошедшие трансформации семейной обрядности объясняются изменениями, происходящими в городской культуре и в быту современных горожан. Наиболее консервативными в детском цикле остались обычаи и обряды пренатального периода, которые способствуют, по представлению чувашей, благополучному исходу родов. Сохранившиеся обряды и ритуалы жизненного цикла чувашского народа служили и служат индикатором уникальной сути повседневной культуры, отражают нравственный облик общества, что позволяет рассматривать их в качестве культурного ресурса современности.

Настоящее исследование проведено на основе материалов включенного наблюдения, интервью по специально составленным вопросникам и данным Государственного комитета по статистике Чувашской Республики. Данная статья не может претендовать на то, чтобы дать полную картину обрядности горожан, однако освещает наиболее характерные для городских жителей обряды и обычаи, связанные с беременностью, рождением, имянаречением, крещением и первыми днями жизни новорожденного. Объектом изучения стали женщины чувашской национальности, проживающие в г. Чебоксары.

Социально-экономические и политические катаклизмы последних десятилетий прошлого века привели к тому, что в Чувашии, как и по всей России, произошло резкое сокращение рождаемости. Лишь в последние годы начал наблюдаться общий рост рождаемости в Чебоксарах [2. С. 10], как и по некоторым регионам России. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за свою жизнь) увеличился с 1,32 (2005 г.) до 1,91 (2015 г.) [6]. Факт роста рождаемости объясняется относительной стабилизацией экономики страны, возросшей уверенностью части молодежи в будущем и некоторыми, хотя не принесшими пока что большого эффекта мерами помощи государства молодым семьям (выдача известной суммы при рождении первого ребенка и облегчение условий кредита на приобретение молодой семьей собственной жилплощади).

Изучая современную родильную обрядность чувашей населяющих г. Чебоксары, можно заметить, что обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, не сохранились в комплексе до сегодняшних дней. Это объясняется, прежде всего, большими изменениями в быту горожан. К настоящему времени традиционная родильная обрядность во многом трансформировалась.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Наиболее консервативными в детском цикле оказались обычаи и обряды предродового периода, которые способствовали, по представлениям чувашей, благополучному исходу родов. Следует отметить стабильность пищевых запретов до родов и после родов.

Ритуальные действия, связанные с рождением ребенка, начинаются во время свадебной продуцирующей обрядности. Пожелание многодетности оставляет одну из основных идей чувашской свадебной обрядности. Родители благословляют, родственники желают большого потомства, осыпают молодых зернами злаковых культур, монетами, лепестками роз. Рождение ребенка считается большим счастьем как для семьи, так и для всего рода, а бездетность, наоборот, воспринимается как большое несчастье. Сегодня в г. Чебоксары функционируют несколько государственных медицинских центров и частных клиник, оказывающих молодым семейным парам услуги по подготовке к беременности и родам, планированию беременности, диспансерному наблюдению по беременности, а также проводящих консультирование по различным вопросам. Основная масса современных городских женщин для излечения от бесплодия обращаются в медицинские центры (например «Центр планирования семьи и репродукции», «Президентский перинатальный центр»). К сожалению, пока эффективность ряда современных медицинских методов лечения от бесплодия невысока, хотя развитие акушерства идет высокими темпами. Отчасти поэтому некоторые женщины пользуются услугами народных врачевателей.

Народные целители часто используют в своих лечениях заговоренную воду или водку, которые рекомендуется принимать внутрь в течение трех дней, тампоны из настоя различных трав, различные виды массажа и т.п. (информатор – Егорова О.П., 1975 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Часто женщинам, которые долгие годы считались бесплодными (в случаях, когда современные медицинские методы лечения от бесплодия не давали положительных результатов), удается помочь с помощью приемов народной медицины.

Если для одних женщин беременность – радость, то для других – бремя. В основном все опрошенные женщины отрицательно относятся к аборту, особенно к первому, поскольку он может вызвать бесплодие. Тем не менее многие из опрошенных женщин вынуждены были совершить этот шаг. Причиной тому обычно служат следующие обстоятельства: неподготовленность к материнству, медицинские показания, скудность семейного бюджета, случайная внебрачная связь и т.д. Наблюдением установлено, что многие женщины считают, что в прошлом абортов было гораздо меньше, чем в настоящее время, хотя сегодня существует множество контрацептивных средств. Данные наблюдения подтверждаются материалами Государственного комитета по статистике Чувашской Республики. Число абортов в ЧР среди женщин в возрасте от 15 до 49 лет за последнее десятилетие увеличилось и составило: 2011 г. – 10 897, 2012 г. – 9705, 2013 г. – 9394, 2014 г. – 9566, 2015 – 8978. Наибольшее количество прерванных беременностей приходится на возрастную группу 20–35 лет и составляет: 2011 г. – 7735, 2012 г. – 6769, 2013 г. – 6615, 2014 г. – 6591, 2015 г. – 6096 [5. С. 76].

В последнее десятилетие под воздействием новых норм морали и права у определенной части населения, в основном молодежи, сформировалось резко отрицательное отношение к браку, выразившееся в росте добровольного безбрачия. Незамужние женщины, понимают, что с рождением ребенка резко уменьшаются шансы замужества. Удельный вес детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (в % от общего числа родившихся), в городах

Чувашии в 2006 г. – 27,4%, 2007 г. – 24,9%, 2008 г. – 24,3%, 2009 г. – 23,4%, 2010 г. – 22%, 2011 г. – 21%, 2012 г. – 20,9%, 2013 г. – 19,3%, 2014 г. – 19%, 2015 г. – 17,2% [5. С. 57]. Динамика снижения связана с общим числом сокращения городского населения ЧР, если в 2006 г. горожан насчитывалось 780,4 тыс. человек, то к 2016 г. городское население сократилось до 758,1 тыс. человек. Число женщин в городах ЧР в возрасте от 16 до 29 лет значительно выше числа мужчин. На 1 января 2016 г. в городах ЧР насчитывалось мужчин, указанного возраста – 340,8, а женщин – 417,3 тыс. человек [5. С. 50]. На селе же с начала 90-х гг. XX в. начала образовываться прослойка безбрачных, состоящих в основном из 30–40-летних представителей мужского пола. По мнению старосты одной из деревень Козловского района Чувашской Республики, парни в годах не женятся потому, что, во-первых, «упущен момент» и подходящих невест для них уже не осталось – все разъехались по городам. Во вторых, – «привыкли обходиться без женщин» [1. С. 1]. Девушки выезжают из деревень из-за предлагаемого тяжелого физического труда и минимума социальных условий. Парни зарабатывают деньги вахтовым методом, выезжая в различные регионы России, так как в Чебоксарах их труд не востребован. Кроме того, нет перспектив на жилье, а в то же время в деревне пустует дом. В чувашских деревнях до сих пор соблюдается традиция, обязывающая кого-то из сыновей (чаще младшего) оставаться в родительском доме без перспектив на продолжение рода [1. С. 1]. Соответственно городская девушка, боясь остаться в одиночестве, соглашается родить ребенка вне брака.

Подобная картина наблюдается в целом по всей России [4. С. 82]. На первый взгляд, снижение зарплат, растущая безработица, низкий уровень государственной поддержки и выплат должны были привести к усилению зависимости женщин от мужчин, но все большее число женщин идут на развод и внебрачное рождение детей. Статистика показывает, что каждый второй брак завершается разводом. По данным Чувашстата: в 2011 г. браков было заключено 10 765, из них разводов 4475; 2012 г. соответственно 9249 – 4431; 2013 г. 9286 – 4657; 2014 г. 9271 – 4843; 2015 г. 8803 – 4025; 2016 г. 6641 – 4077 [6]. Анализ показывает, что в 2016 г. число разводов составило 61,39% от заключивших брак (таблица).

Браки и разводы

Годы	Количество, абс.		Разводы, %
	браков	разводов	
2011	10 765	4 475	41,56
2012	9 249	4 431	47,9
2013	9 286	4 657	50,15
2014	9 271	4 643	50,08
2015	8 803	4 025	45,72
2016	6 641	4 077	61,39

Экономическая зависимость чаще привязывает женщин к своим родителям и родственникам, чем к супругу, и многие одинокие мамы вынуждены переселяться к своим родителям либо оставлять своих детей им на воспитание. Проживание одинокой матери с родственниками имеет ряд преимуществ, она материально более обеспечена, чем женщина, живущая отдельно. Несмотря на довольно длинный список выплат, полагающийся женщинам, имеющим детей (пособие по беременности и родам, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребен-

ком и т.д.), при расчете на месяц сумма окажется мизерной. Конечно, нельзя не согласиться с мнением, что внебрачные рождения детей часто происходят не у одиноких женщин, а в незарегистрированных браках [4. С. 82].

В Чувашии была принята специальная программа – «"Дети Чувашии" на 2010–2020 годы», состоявшая из трех подпрограмм («Здоровое поколение», «Дети и семья», «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей-подростков»), которая должна помочь разрешению ряда социальных проблем и способствовать повышению рождаемости.

По данным микропереписи 2015 г., среди женщин ЧР в возрасте 18 лет и старше 17,1% не родили ни одного ребенка, 24,9% родили одного ребенка, 39,6% родили двух детей, 12,4% – трех, 2,8% – четырех, 3,2% – пять и более детей. В Чебоксарском городском округе среди женщин в возрасте 18 лет и старше 24,2% не родили ни одного ребенка, 33,4% родили одного ребенка, 36,1% родили двух детей, 5,5% – трех, 0,5% – четырех, 0,3% – пять и более детей [6].

В целом городская женщина желает иметь не более 2 детей. Это объясняется, во-первых, плохими жилищно-бытовыми условиями: проживание в небольшой квартире вместе с родителями, малая жилая площадь собственной квартиры. Большинство городских молодых семей проживает с родителями или вынуждены «снимать» квартиры (комнаты). Во-вторых, дороговизной образования: малый материальный достаток многих семей не позволяет им оплачивать обучение большого количества детей.

В городах Чувашии наметилась тенденция расширения вариативности возраста первородящих матерей. С одной стороны, чаще всего «раннее» материнство является вынужденным и незапланированным. С другой стороны, «позднее» материнство связано изменением традиционной роли женщины в семье (затворницы и хранительницы очага), потребностью горожанок в профессиональном росте и экономической независимости, поэтому они решаются на рождение детей, достигнув определенных успехов в карьере. Нередко позднее материнство, а именно увеличение возраста первородящих матерей чревато пренатальными осложнениями.

В городской среде существует традиция воспринимать рождение мальчика как более значительное и радостное событие, чем рождение девочки, тем не менее любая чувашская семья желает иметь разнополых детей. Рождением мальчика обеспечиваются продолжение рода, выполнение тяжелых хозяйственных работ, требующих больших физических усилий. В последнее время родители стали радоваться рождению дочери больше, чем раньше, так как распространилось мнение о том, что за родителями в старости ухаживают больше дочери, чем сыновья.

В современном обществе, как и в традиционном, наиболее высокой ценностью является обретение здорового потомства. Ритуальные и культурные ценности стоят на втором плане. В современном городе соблюдать ритуальные запреты, оберегающие от сглаза, даже при желании, для беременной женщины почти невозможно. Поэтому, в основном опрошенные женщины знают о некоторых ритуальных запретах, но всерьез их не воспринимают. Практически все первороженицы еще до рождения ребенка запасаются литературой по уходу за ребенком. Многие врачи отмечают, что в последнее десятилетие будущие мамы начали резко отличаться друг от друга по двум характерным признакам и сегодня образуют две соответствующие группы. В первую группу входят женщины, которые еще до рождения (планируют пол) ребенка, прочитали журнальные статьи и специальную литературу, выполняют все предписания и рекомендации врачей и заинтересованы в рождении

здорового ребенка. Во вторую группу входят мамы, которые сразу после родов или через некоторое время оставляют своих детей на произвол судьбы. Причины разные: отсутствие работы, жилья, несовершеннолетний возраст или «стыд» (родила без мужа) и т.д. Такие мамы не идут на аборт по следующим причинам: отсутствие денег, желание получить пособие при рождении ребенка для удовлетворения собственных потребностей, родить в будущем второго ребенка, если улучшиться материальная сторона, и т.д.

Наступление беременности у чувашей скрывалось и скрывается в настоящее время, что связано с желанием избежать воздействия вредоносных сил и сглаза. Система запретов для беременных включает поведенческие, пищевые и вербальные. Большая их часть основывается на принципах контактной и имитативной магии. Так, по существующему поверью завязывание узлов, перешагивание через веревки, поднятие рук может спровоцировать выкидыш или тугое обвитое пуповины во время беременности и родов. Вербальные запреты для беременных у чувашей призваны оградить их от неверных действий, следствием которых могут быть выкидыш, врожденные дефекты у ребенка или его гибель во внутриутробном периоде. Женщины знают, что плохой приметой считается покупать до рождения ребенка детские вещи и принадлежности (коляски, кровать и т.д.). Тем не менее в последнем триместре или накануне родов беременные женщины занимаются детскими покупками, объясняя это тем, что после рождения ребенка будут слишком заняты, или желанием вместе с мужем приобрести для малыша вещи (информатор – Волкова З.И., 1945 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Самым распространенным запретом, о котором не только знают, но и которому большинство женщин действительно следуют, является запрет стричь волосы во время беременности («это может привести к досрочным родам», «укорачивается жизнь ребенка» или «вызывает слабоумие ребенка») (информатор – Денисова А.В., 1976 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Некоторые запреты имеют рациональное значение, направлены на исключение излишних волнений, например, запрет на посещение беременными кладбища во время поминок и похорон, так как, по представлениям чувашей, покойник может нанести вред ребенку.

Не рекомендуется ходить в гости к пожилым или «старым девам». Одна из информаторов отмечала, что на голый живот завязывала нитку, чтобы обезопасить ребенка и под подушку во время сна клала ножницы или нож, чтобы обезопасить себя от злых духов (информатор – Зайцева М.А., 1944 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Многие информаторы носили на одежде булавку.

Следующим запретом является отказ от вязания, иначе пуповина обвяжется вокруг шеи ребенка, и он может задохнуться (информатор – Кириллова Н.И., 1932 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Некоторые женщины отмечают, что использование шерстяных ниток может вызвать аллергию. Обвитие пуповины может произойти вследствие поднятия руки выше головы, поэтому на втором этапе беременности не рекомендуется высоко поднимать руки, особенно при развешивании белья (информатор – Леонтьева Л.Г., 1980 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Запрещается обижать животных, ругаться, красть, иначе на теле ребенка может появиться пятно, похожее на украденную вещь (информатор – Егорова О.П., 1975 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015).

Кроме ритуальных обычаев женщины следуют полезным советам, например, любуются всем красивым, что их окружает, слушают классическую музыку. Близкие родственники стараются оградить беременную от переживания, слез, нервозности, поскольку это негативно сказывается на психике ре-

бенка («Будешь плакать – ребенок будет плаксивым, пугаться – пугливым») (информатор – Михайлова А.В, 1979 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015).

Старшие женщины (мать, свекровь, близкие родственники) рекомендуют соблюдать все существующие запреты, иначе женщина может потерять ребенка.

В настоящее время, несмотря на наблюдение за беременными в специализированных медицинских учреждениях, не утратили своего значения традиционные способы определения пола будущего ребенка по форме живота, времени первого шевеления плода, сновидениям, вкусовым предпочтениям, по изменениям лица роженицы. Если живот острый, то родится мальчик, округлый – девочка. Девочка забирает у матери красоту, а при вынашивании мальчика внешность не меняется. Если во сне покупаешь украшения, платок – родится девочка, видишь мальчика или нож – жди мальчика. Проблема рождения детей, особенно сыновей, не потеряла своей актуальности вплоть до наших дней, в силу чего многие действия (класть в первую брачную ночь топор или другую мужскую принадлежность) сохранились до сих пор. По представлению женщин, период беременности не всегда одинаков. С девочкой беременность протекает лучше, а с мальчиками часты угрозы выкидыша плода (информатор – Можаева О.В, 1961 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015).

По самочувствию матери можно судить о внешности ребенка. Наличие изжоги во время беременности говорит о том, что ребенок родится с густыми волосами на голове. По поведению ребенка в утробе матери можно судить о его будущем характере. В животе ребенок спокоен – в дальнейшем будет таким же, часто вращается, пинает ножками, ударяет кулачком – будет беспокойным. Некоторые информаторы считают, если сильно пинает, то ему плохо (информатор – Прокопьева Ф.А., 1963 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015).

Многие женщины вынашивают ребенка с высокой угрозой прерывания беременности, поэтому они читают разные молитвы, посещают церковь, ставят свечи иконе «Помощнице в родах», прикладываются к святым мощам. Одни из них вспоминают, что принимали заговоренную воду, которую готовила одна из родственниц. Такую воду готовят следующим образом. Наливают в бутыль обычной воды и совершают крестное знамение ножом у горлышка и рекомендуют выпить эту воду, так, чтобы роженица об этом не знала. Другие обращаются к гадалкам и народным врачевателям, проживающим не только в городе, но и в деревнях республики. Информацию о них часто узнают от пациенток женской консультации или в роддоме.

Многие городские женщины, находясь в период беременности в Республиканском перинатальном центре, перенимают многие обряды и обычаи от сельских женщин. Именно в сельской местности в большей степени сохранились знания о традиционной родильной обрядности.

Более столетия рождение ребенка в городе происходит в государственных медучреждениях. Если в прошлом бытовало поверье, что надо скрывать от посторонних известие о начавшихся родах, чтобы роженица меньше мучилась, в настоящее время такому обычаю не следуют. Некоторые горожанки пытаются до рождения скрывать пол ребенка, считая, что тем самым уберегают его от сглаза. Соседи, родственники и коллеги по работе узнают о сроках рождения ребенка задолго до родов. В течение предродового периода они активно посещают родильницу в больнице. Из уст в уста женщины передают сведения о «благополучных кроватях» в больничных палатах. Будто бы те, кто на них лежал, легко справились с родами, и стараются как можно быстрее занять «счастливое» место.

У родильниц нет определенного предпочтения в выборе врача: мужчины или женщины. Те, кто предпочитает женщину-врача, желают, чтобы возраст ее был старше среднего и имелся опыт работы. Бытует мнение, что такая женщина поймет боль и страдания роженицы, поскольку уже испытала все это сама. В мужчине-враче подчеркивают такую черту характера, как жалость. Многие рожавшие женщины отмечают грубость медперсонала, особенно если роды приходятся на ночное время. Во многих послеродовых болезнях обвиняют медперсонал. Любая женщина ожидает скорейшего и безболезненного разрешения от бремени. Преждевременным родам могут способствовать: горячий душ, выполнение тяжелой работы (стирки). Некоторые женщины наблюдают за фазами луны – на полнолуние приходится большое число родов. Казалось бы, врачи-акушеры должны поощрять рождение детей, но их невнимательное отношение к роженицам вызывает нежелание последних рожать второго ребенка. Часто после первых родов женщины приходят к выводу: «второго не надо…», «больше этого не выдержу» и т.д. (информатор – Самакова В.Б., 1978 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Если даже женщина запланирует второго ребенка, она не будет торопиться вставать на учет, а накануне родов позаботиться найти знакомого врача либо согласиться на платные диспансерный уход и роды.

Существует представление, что обращение к Богу накануне родов облегчает роды, поэтому почти каждая чувашская женщина носит на шее крестик, читает молитвы, имеет при себе именные иконки или иконы с изображением Богоматери. Плохой приметой считается рожать в плохую погоду, во время листопада или в ночное время. Самым благоприятным для родов считается дообеденное время.

Сложилась традиция благодарить за помощь при родах подарком тех, кто принимал роды и ухаживал за роженицей: акушеркам и врачам дарят цветы, шампанское, конфеты. Выписка из роддома нередко сопровождается профессиональной фото- и видеосъемкой с воздушными шарами, празднично оформленным кортежем машин. Выписка проходит в праздничном антураже под аплодисменты и поздравления друзей и родственников.

Для выписки из роддома родители готовят ребенку новые вещи, которые до исполнения года никому не передаются. Для мальчика покупают голубую ленточку, для девочки – розовую (информатор – Семенова Л.М., 1961 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Рекомендуется тугое пеленание, чтобы ножки были прямыми и дети спали спокойнее.

После рождения ребенка последовательно выполняются следующие обряды: обмывание ножек, имянаречение, крещение и крестины, дарение подарков. Отец новорожденного, как только узнает о рождении ребенка, угощает близких родственников, друзей, коллег по работе. После выписки родные посещают роженицу и новорожденного, устраивается общее застолье. Сохраняется обычай одаривания ребенка подарками. В современных реалиях чествование новорожденного устраивается после выписки матери и ребенка из роддома или и в течение нескольких недель после родов. Являться с пустыми руками неприемлемо, гости приходят с подарками, в частности с детскими вещами, игрушками, коляской или кроваткой, дарят деньги.

Ответственным шагом родителей является выбор имени ребенка. Мотивы, обстоятельства сохраняются в памяти и пересказываются. Имя является продолжением и сохранением традиций. Часто имя дается в честь старших родственников, устанавливается по именным календарям, в честь любимых актеров и т.д. В г. Чебоксары в последние годы распространены имена Ро-

ман, Артем, Илья, Кирилл, Ярослав, Анастасия, Алиса, Дарина, Кира, София, Вероника, Ульяна, Полина [3]. Стало модным обращаться к старорусским именам: Захар, Пелагея, Макар, Степан, Егор.

С конца 80-х гг. XX в. широко распространяется крещение. Хотя и в прошедшие атеистические десятилетия детей крестили, инициативу проявляли верующие родственники старшего поколения. В крестные выбирают чаще всего родственников – одного со стороны матери новорожденного, а второго – со стороны отца, чтобы разделить на родственников с обеих сторон материальные заботы о крестнике и сохранить родственные связи. Усилилась традиция приглашать молодых друзей или коллег по работе, живущих в достатке, занимающих высокую должность, чтобы в будущем они могли помогать материально. Строгих запретов на родственные связи между крестной и крестным не существует. Супруги не могут быть крестными. Крещение ребенка и присвоение ему христианского имени являются сегодня для православных чувашей жизненной необходимостью. Они верят, что крещение защищает ребенка от несчастий, болезней и «дурного глаза». Большой семейной торжественностью отмечаются крестины в городах республики. В церковном обряде крещения на первый план выступают крестные, роли которых придавали особое значение. В кумовья выбирали обычно людей с положительными чертами характера, так как считается, что они переходят на ребенка. Чуваши считают, что нельзя в крестные выбирать вдовцов, старых дев, беременных, больных. Хорошая примета, если у девушки первым крестником будет мальчик, а у парня – девочка. Иначе считается, что крестник «ворует счастье» у крестных. После крестин в церкви происходит семейное торжество – крестильное застолье. Кумовья и соседи собираются в доме новорожденного за праздничным столом.

По представлениям чувашей, дети с самого младенчества могут подвергаться воздействию вредоносной магии и сглазу, что обусловило появление ряда запретов охранного значения. Среди женщин сохраняется вера в сглаз на ребенка, поэтому стараются не показывать младенца незнакомым людям. Родственникам показывают его только после дарения какого-либо подарка, после того как те съедят кусочек ржаного хлеба, чтобы не было сглаза. Перед выходом на прогулку мажут лоб ребенка помадой, также ставят черную точку на лоб карандашом для глаз, на головной убор либо на рукав с помощью булавки, которую закрепляют вниз острием, прикрепляют бусинку. Татарки с этой же целью пришивают пуговицу, чтобы взгляд сначала упал на пуговицу, а затем на ребенка. Основным признаком сглаза являются беспокойство и сильный плач ребенка. Эффективным средством снятия сглаза является опрыскивание или умывание ребенка святой или соленой водой. Эта процедура сопровождается чтением молитв или заговоров. При опрыскивании соленой водой остатки воды выливают за порог квартиры, в подъезд. В других случаях берут горсть соли, произнося заговор, вращают вокруг головы и затем сжигают соль. В редких случаях применяется окуривание комнаты сигаретным дымом или ладаном. Если эти способы не помогали, то начинали искать другие причины беспокойства. Часто причиной плача является запор, и в этом случае ушной серой или хозяйственным мылом смазывают ребенку задний проход и совершают круговые поглаживания живота по часовой стрелке. При пупочной грыже монету закрепляют лейкопластырем в области пупка либо мажут живот заговоренным маслом. Причиной беспокойства во время сна может стать щетинка (шӑрт), которую выводят с помощью обтирания ее грудным молоком, дрожжами или соком калины. Раньше щетинку выводили в бане: на

ручки и спину распаренного ребенка накладывали специально замешенное тесто, затем резким движением снимали вместе со щетинкой.

Широкое распространение имеют различные обереги, например булавки, православные крестики, браслеты с ликами святых, маленькие иконы, или просто молитва, написанная на листочке, которые помещают на ребенке (например, на крестик) или его атрибутах (в кармашке одежды, в коляске, детской кроватке и т.д.).

Кроме здоровья каждая мать желает ребенку долголетия. Хорошей приметой считается, если рядом с новорожденным будет лежать длинная нить, символизирующая долгую жизнь. Если во сне упал платок с головы, то жизнь дочери будет короткой. Не рекомендуется качать пустую коляску и фотографировать спящего ребенка.

После родов предпринимались различные действия для укрепления физического здоровья роженицы, улучшения лактации, например, современные горожанки, употребляют специальные смеси и чаи, повышающие лактацию. Многие женщины кормят ребенка грудью и рекомендуют остальным это делать до достижения им возраста 1-1,5 года, не советуют отнимать от груди в жаркое время года, иначе у ребенка может возникнуть расстройство кишечника. Отнимают от груди различными способами: смазывают сосок груди зеленкой, оставляют малыша с бабушкой на несколько дней.

Городским женщинам известны приметы, связанные с родинками. Наличие большого родимого пятна на теле ребенка означает украденную вещь, а на лице – испуг матери во время беременности. Есть мнение, что она показывает место раны человека в прошлой жизни. К маленьким родинкам отношение у родителей спокойное. Не рекомендуется их трогать, особенно удалять, иначе будет несчастье. Родинки считаются «божьим знаком». Три маленькие родинки, образующие треугольник называются «чертовым» (информатор – Шумова Л.Н., 1953 г.р., г. Чебоксары. ПМА 2004–2015). Если у девочки родинка на левой стороне – будет счастливой, если на правой – неудачной. Родинка на голове символизирует счастливую жизнь, на лбу – власть и высокую должность.

К появлению первого зуба относятся радостно, ведь это символизирует очередной этап роста ребенка. Тот, кто первый увидел зуб, дарит ребенку серебряную ложку, чтобы зубы были крепкими, либо рубашечку. Выбор подарка зависит от знания обряда или материальных возможностей.

До произношения ребенком первых слов ему не рекомендуют показывать зеркало, это может привести к слабоумию ребенка или вызовет задержку речевого развития.

В основном матери придерживаются обычая стричь ребенку волосы после года, ногти – раньше, но обязательно в первой половине дня. Первые ногти раньше откусывались зубами матери. Многие женщины первые волосы ребенка кладут в книгу, чтобы ребенок вырос умным, и стараются сохранить их на всю жизнь, другие – сжигают, полагая, что развеянные волосы могут стать причиной головокружений, головных болей ребенка. Некоторые кладут их в красный угол, за икону, веря в защиту и покровительство святого. Правильное обрядовое оформление стрижки первородных волос ребенка, по представлениям чувашей, должно способствовать его дальнейшей благополучной жизни.

Значительно трансформировались способы ухода за младенцами, наряду с традиционными появились новые, направленные на раннее развитие и закаливание (плавание, массаж, звуковое чтение и т.д.). Многие современные

мамы не вели дневник развития ребенка, о чем с годами жалеют, поскольку со временем многое из жизни ребенка забывается, а дети с любопытством просят рассказать о ранних годах жизни. Другие наоборот, фиксируют каждый момент в жизни ребенка, записывают дневник, фотографируют, осваивая фотошоп, или устраивают, нанимая оператора, профессиональную фотосессию. Сейчас стало популярным снимать на видео первые шаги ребенка, делать гипсовые оттиски ручек или ножек.

Широко бытует и становится главным семейным торжеством ежегодное празднование дня рождения каждого члена семьи. В первые годы жизни день рождения отмечают в узком кругу родственников. Когда ребенок становится старше, приглашают и его друзей. Празднование дня рождения перешагнуло семейно-родственные рамки. Массовым явлением стало отмечать дни рождения в детском саду. В зависимости от материального состояния празднуют либо в кругу семьи, либо в кафе и ресторанах, в детских развлекательных центрах, нанимая аниматоров.

Таким образом, у любой женщины, несмотря на желание или нежелание иметь ребенка, новость о беременности вызывает чувство тревоги. Это чувство определяет их стремление соблюдать множество запретов, которые состоят из формулировки табу и его мотивировки. Женщина в новом для нее состоянии становится более мнительной, религиозной и восприимчивой, поэтому старается по мере возможности выполнять различные обряды и обычаи, направленные на благополучное рождение здорового ребенка, среди которых есть христианские (например, применение святой воды от сглаза) и народные обряды для предотвращения болезней ребенка. Возрождение в быту христианского таинства крещения восстанавливает обычай кумовства. Ежегодное празднование дня рождения ребенка показывает высокую ценность детей в современной семье. Сохранившиеся обряды и ритуалы жизненного цикла чувашского народа служили и служат индикатором уникальной сути повседневной культуры, отражают нравственный облик общества, что позволяет рассматривать их в качестве культурного ресурса современности.

Литература

1. *Вадимов В.* Деревня полнится бобылями и лишает себя перспектив // Советская Чувашия. 2000. 19 фев. С. 1.

2. Молодежь в Чувашской Республике: стат. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2003. С. 10.

3. Популярные имена в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: https://kakzovut.ru/imena-2017-goda.html.

4. *Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е.* Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 82.

5. Статистический ежегодник Чувашской Республики. Чебоксары: Чувашстат, 2016. С. 50–76.

6. Чувашстат: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

ПЕТРОВ НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (homo-sapiens10@rambler.ru).

ДМИТРИЕВА ИНГА ВАЛЕРЬЕВНА – заведующая археолого-этнографическим музеем имени П.В. Денисова, межкафедральная лаборатория историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ingadmit@mail.ru).

O. EGOROVA, N. PETROV, I. DMITRIEVA

A CHUVASH WOMAN IN A MODERN CITY: ETHNO-CULTURAL ASPECT

Key words: *modern woman, the Chuvashs, townspeople, traditions, urban rituals, transformations, maternity rituals, producing rites, wedding rites, birth rate, marriage and divorce, verbal taboos, imitational magic.*

The article examines the role and place of a Chuvash woman in a modern urban family. The study was conducted on the basis of participant observation, interviewing by purposefully designed questionnaires and data from the State Statistics Committee of the Chuvash Republic. Involvement of field ethnographic materials allowed to identify the main trends in the development of urban rituals. The authors were able to show the dynamics and features of family rituals related to pregnancy, birth, naming, baptizing and the newborn's first days of life. Transformations of family rituals are explained by changes in urban culture and everyday life of modern citizens. The most conservative in the children's cycle are customs and rituals of prenatal period, which contribute as perceived by the Chuvashs, to a favorable outcome of childbirth. Preserved rites and rituals of the life cycle of the Chuvash peoples were indicators and continue to indicate the unique essence of everyday culture, they reflect the moral character of the society which makes it possible to consider them as a cultural resource of our time.

References

1. Vadimov V. *Derevnya polnitsya bobylyami i lishaet sebya perspektiv* [Village is full of loners and deprives himself of the prospects]. *Sovetskaya Chuvashiya,* 2000, Feb. 19, p. 1.

2. *Molodezh' v Chuvashskoi Respublike: stat. sb.* [Young people in the Chuvash Republic. Statistical compendium]. Cheboksary, Chuvashstat Publ., 2003, p. 10.

3. *Populyarnye imena v 2017 godu* [Popular names in 2017]. Available at: https://kakzovut.ru/imena-2017-goda.html.

4. Pushkareva N.L., Kaz'mina O.E. *Rossiiskaya sistema zakonov o brake v XX v. i traditsionnye ustanovki* [The Russian system of laws on marriage in the twentieth century and the traditional installation]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The Ethnographic review], 2003, no. 4, p. 82.

5. *Statisticheskii ezhegodnik Chuvashskoi Respubliki* [Statistical Yearbook of the Chuvash Republic]. Cheboksary, Chuvashstat Publ., 2016, pp. 50–76.

6. *Chuvashstat: ofits. sait* [Chuvashstat: official site]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

EGOROVA OKSANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (eoks71@rambler.ru).

PETROV NIKOLAY – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (homo-sapiens10@rambler.ru).

DMITRIEVA INGA – Head of the Archaeological and Ethnographic Museum named after P.V. Denisov, Interdepartmental Laboratory, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ingadmit@mail.ru).

Ссылка на статью: *Егорова О.В., Петров Н.А., Дмитриева И.В.* Чувашская женщина в современном городе: этнокультурный аспект // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 93–103.

УДК 796.323(470.344)(091)
ББК Ч556.6,3(2Рос.Чув.)6

А.Х. ЕРМОЛАЕВ, Н.Н. ПЬЯНЗИНА, Т.Н. ПЕТРОВА, О.В. ШИЛЕНКО

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БАСКЕТБОЛА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ С ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ключевые слова: *спорт, физическая культура, история физической культуры, история развития баскетбола.*

В ходе изучения истории развития физической культуры и спорта в Чувашской Республике с дореволюционного периода по сегодняшний день нами был проведен анализ возникновения и развития баскетбола на территории Чувашии. Исследование показало, что баскетбол изначально появился в г. Ядрин в 1916 г. Дальнейшее развитие баскетбол получил благодаря включению его в программу 2-й Чувашской областной олимпиады в 1922 г. В довоенный период в истории баскетбола наблюдается бурное развитие. Проводится множество соревнований в рамках спартакиад. В военное время резко сократилось проведение соревнований, однако баскетболисты ДСО «Динамо», «Медик», «Спартак» брали шефство над госпиталями, организовывали показательные физкультурные выступления. Особенно популярным стал баскетбол в послевоенное время. В весенне-летний период во многих средних и высших учебных заведениях, крупных промышленных предприятиях проводились соревнования по баскетболу. В 1960-х гг. Алатырская ДЮСШ прославилась хорошей школой подготовки баскетболистов. К сожалению, уровень игры чувашских баскетболистов все же уступал лучшим командам Поволжья и России. В 1989 г. преподаватель физкультуры Чувашского государственного университета, бывший член сборной команды и неоднократный чемпион республики Г.Ф. Киселев создал женскую баскетбольную команду. В 1993 г. наши дебютантки вошли в первую пятерку команд второй лиги первенства России. Лучшим достижением стало выступление в 2001 г. мужской команды «Букет Чувашии», которая заняла 6-е место в лиге «А» на первенстве России из 36 команд. Следующим пунктом в истории развития баскетбола в Чувашии стало открытие «ДЮСШ по баскетболу» 17 апреля 2003 г. В 2004 г., распоряжением главы администрации города Чебоксары, школе было присвоено имя В.И. Грекова, участника Великой Отечественной войны, родоначальника баскетбола в г. Чебоксары. На современном этапе развития физической культуры и спорта баскетбол широко распространен среди молодежи Чувашской Республики.

В государственной программе Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (от 15.04.2014 г.)[1], а также в аналогичной региональной программе[2] уделяется большое внимание решению задач сохранения и укрепления здоровья населения, приобщения их к систематическим занятиям физической культурой и спортом, созданию новых систем физического воспитания. Однако мы понимаем, что создание эффективных условий для развития физической культуры и спорта невозможно без возрождения традиций и приумножения положительного опыта в изучаемой области. Этим мы объясняем актуальность нашего исследования – изучение истории развития баскетбола в Чувашии.

Вместе с тем анализ различных источников показал, что развитие этой спортивной игры в ЧР, проблемы и перспективы его развития недостаточно освещены в научных публикациях. Таким образом, мы поставили цель про-

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 302 (с изм. и доп.). [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70643480/#ixzz4tzXm3RvMhttp://base.garant.ru/70-643480/#ixzz4tzX37qw9.

[2] Муниципальная программа «Развитие физической культуры и спорта» на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/412343669.

анализировать основные исторические этапы развития баскетбола в Чувашской Республике с целью использования его на современном этапе.

В своем исследовании мы использовали следующие источники: труды общественных деятелей, ученых и педагогов по проблемам истории физической культуры и спорта, материалы периодических изданий, научные статьи.

Для достижения поставленной цели нами был применен комплекс методов историко-педагогического исследования: анализ и систематизация педагогической литературы, историко-архивных документов и материалов периодической печати, опросы.

Известно, что организованное физкультурно-спортивное движение началось в XVIII–XIX вв. в странах Европы, а затем и в России. Во второй половине позапрошлого века в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и других крупных городах России создавались спортивные кружки по гребле, фехтованию, тяжелой и легкой атлетике, теннису, футболу, баскетболу, волейболу и другим видам спорта.

Малые провинциальные города также присоединялись к этому движению. И одним из популярных видов спорта стал баскетбол. Этот вид спортивных игр в нашей республике впервые появился в 1916 г. в г. Ядрин. Организатором был И.Е. Ефремов – преподаватель гимнастики, прибывший из Казани. Он с целью привлечения учащихся реального училища к физическому воспитанию соорудил первый баскетбольный щит. И воспитанники соревновались в меткости по попаданию мяча в кольцо. В последующие годы он помогал развивать эту игру и в Чебоксарах [3, 6].

В постреволюционный период в молодой советской стране возникла острая необходимость в подрастающем поколении, готовом к труду и защите Отечества. Этим объясняется отведение доминирующей роли физическим упражнениям, которые были связаны с их прикладностью, развитием физических качеств, формированием двигательных умений и навыков человека. Широкое распространение получили военно-прикладная, гигиеническая формы физкультурной активности, в то же время поощрялись любые занятия физической культурой, в том числе и спортивные игры как средство «не только … физического воспитания и оздоровления и ... военной подготовки молодежи (стрелковый спорт и пр.), но и как один из методов воспитания масс...». Так, в 1920 г. в г. Ядрин при военном спортивном клубе Всеобуча была создана женская баскетбольная команда. Тренировал её Н.К. Прытков, позже назначенный одним из руководителей Спорткомитета РСФСР [1, 4].

В Чебоксарах баскетбол начал развиваться в 1920 г. с организации спортивных клубов Всеобуча. Родоначальниками были Н. Никольский, А. Дроздова, Х. Браунер.

В 1922 г. в Чебоксарах было проведено первое соревнование женских баскетбольных команд по программе 2-й Чувашской областной олимпиады. Удивительно, но в то время мужских баскетбольных команд в Чувашии еще не было.

В 1925–1926 гг. в Чебоксарах была оборудована баскетбольная площадка, где тренировалась команда девушек. В 1928 г. эта команда в составе В. Солдатченко, Л. Кортниковой, сестер Л. и А. Осановых, В. Никишевой, Н. Хвощовой и других участвовала на спартакиаде Поволжья в Казани и стала победителем [7].

В конце 1920-х гг. обществом «Динамо» было построено много спортивных сооружений, способствующих развитию разных видов спорта в Чувашии. Прежде всего, на берегу Волги была построена волейбольная и баскетбольная площадки. Здесь проводились многие соревнования секций различных

обществ, а также в свободное время играли любители спорта. Всегда была очередь, чтобы поиграть в теннис или баскетбол [3, 5].

В 1930-е гг. XX в. в содержании физической культуры и спорта ярко начинает проявляться утилитарная черта. Основным принципом утилитаризма явился принцип полезности для общества и подготовки широких масс населения к трудовой деятельности, овладения ими умениями и навыками, необходимыми в военном деле. Основная его идея – это опыт, практика. Для достижения этой цели необходима развитая инфраструктура, что проявилось в строительстве множества домов спорта и площадок различных спортивных обществ.

В 1930–1931 гг. начал работу первый в городе и в Чувашии спортивный зал, который сохранился до сегодняшних дней как Дом спорта общества «Динамо». За многие годы здесь выросло большинство ведущих спортсменов и организаторов физкультурного движения в Чувашии [8].

8 мая 1936 г. открылась новая спортивная площадка общества «Динамо». В ознаменование этому была проведена встреча по баскетболу между командами «Строитель» и «Спартак». В оживленной борьбе со счетом 14:7 победу одержали спартаковцы.

Появились баскетбольные площадки в Канаше, Алатыре и Ядрине. Начали создаваться детские спортивные команды по баскетболу.

12 мая 1936 г. состоялся розыгрыш республиканских соревнований по баскетболу между командами спортивного общества «Спартак». В соревнованиях принимали участие команды городов Чебоксары, Алатырь, Мариинский Посад, а также коллективы Ядринского и Ишлейского районов.

С 1 по 6 июля 1936 г. в Чебоксарах состоялся Всесоюзный розыгрыш по баскетболу. Участвовали мужские и женские сборные команды спортивных коллективов общества «Спартак» городов Москва, Горький, Казань, Куйбышев, Сталинград, Саратов, Чебоксары и Энгельс. Любопытно, что самый высокий результат в ту пору не доходил ни у одной команды до 30 очков. Среди мужских команд 1-е место заняла команда Москвы, 2-е место – Саратова, а 3-е – Горького. Наша женская сборная команда заняла 3-е место, пропустив вперед команды Москвы и Саратова [3].

24 июня 1939 г. Республиканский комитет по делам физкультуры и спорта в Чебоксарах провел встречу баскетбольных команд четырех городов: Чебоксар, Алатыря, Ядрина и Марпосада. Команды-победительницы приняли участие в спартакиаде девяти национальных республик. Это команды Татарской, Мордовской, Коми, Марийской, Башкирской, Удмуртской республик, республики немцев Поволжья, команды г. Горький и Горьковской области.

25 апреля 1941 г. в Чебоксарах начался весенний розыгрыш по баскетболу среди команд спортивных обществ. В соревнованиях приняли участие команды обществ «Динамо» (3 команды), «Спартак» (3 команды), «Буревестник» (2 команды), «Медик» (1 команда).

Начало Великой Отечественной войны внесло свои коррективы в ход физкультурно-спортивного движения страны. Не миновали печальные события и нашу республику. В годы войны резко сократилось количество городских, районных и республиканских соревнований. Однако нельзя сказать, что спортивная жизнь замерла. Проводились товарищеские встречи.

Физкультурники и спортсмены ДСО «Динамо», «Медик», «Спартак» брали шефство над госпиталями, организовывали показательные физкультурные выступления.

Самоотверженно трудясь в тылу или воюя на фронте, многие спортсмены и организаторы физической культуры и спорта Чувашии удостоились ор-

денов и медалей Родины за мужество и героизм (В.И. Греков, А.Г. Кошелев, О.В. Куликов, Г.Д. Сергеев, А.И. Соколов, Н.А. Солдатченко).

Особенно популярным стал баскетбол в послевоенное время. В весенне-летний период во многих средних и высших учебных заведениях, крупных промышленных предприятиях проводились соревнования по баскетболу.

Анализ развития физкультурного движения республики 1960–1980-х гг. показал, что это наиболее сложный период его развития, который проходил в обстановке развернувшихся в начале 1960-х гг. преобразований в содержании всех отраслей жизнедеятельности страны. Принятое в 1961 г. партийно-государственными органами страны решение о воспитании «активного строителя социализма» стало началом нового этапа в воспитании гармонического и всестороннего развития человека. При этом в системе образования и воспитания подрастающего поколения сохранилась идея подготовки к высокопроизводительному труду, к действительной военной службе и достижения высоких показателей спортивной подготовки каждым членом физкультурно-спортивного движения. В связи с этим в республике были созданы оптимальные условия для проведения массовых общенародных физкультурных мероприятий, направленных на повышение уровня спортивного мастерства и физического совершенства каждого члена общества. И, конечно, эти преобразования сказались и на развитии баскетбола в Чувашии [1, 2, 4].

Баскетбол бурно развивался в городах Чувашии. В 1960-х гг. особенно отличилась Алатырская ДЮСШ. Она прославилась хорошей школой подготовки баскетболистов. Воспитанники этой школы В. Самойлов и В. Гусева, будучи студентами ЧГПИ, несколько лет играли за сборную команду республики [2].

Тренер ДЮСШ Чебоксарского гороно (он же тренер «Динамо») В.И. Греков – прославленный опытный специалист в своем деле. Тренируемая им команда юниорок «Динамо» была одной из сильнейших в Поволжье.

К сожалению, уровень игры чувашских баскетболистов все же уступал лучшим командам Поволжья и России. На зональных соревнованиях они ни разу не получили право играть в финале первенства России, не говоря уже о СССР.

А мечта играть в элитных группах России была и есть у игроков и тренеров. В 1989 г. преподаватель физкультуры Чувашского государственного университета, бывший член сборной команды и неоднократный чемпион республики Г.Ф. Киселев создал женскую баскетбольную команду «Университет». Медленно и упорно продвигалась к заветной цели эта команда. И упорство команды дало возможность «Университету» преодолеть первый барьер – он получил право играть во второй лиге первенства России. В 1993 г. наши дебютантки вошли в первую пятерку команд этой лиги.

Лучшим достижением стало выступление в 2001 г. мужской команды «Букет Чувашии», которая заняла 6-е место в лиге «А» на первенстве России из 36 команд [8].

На замену одной из лучших команд в то время пришла новая команда «ЧГПУ – БИЗОН», которая была создана в 2007 г. Главный тренер – С.А. Худаев – президент Федерации баскетбола Чувашской Республики, заслуженный работник физической культуры и спорта Чувашской Республики, вторым тренером являлся Н.С. Гущин, доцент кафедры спортивных дисциплин, почетный работник высшего профессионального образования, отличник народного просвещения.

Формирование локальных дивизионов Ассоциации студенческого баскетбола (АСБ) позволяет более эффективно решать задачи по развитию массового сектора студенческого баскетбола. Создание условий для регулярной соревновательной практики в большинстве учебных заведений приведет к

росту числа студентов, которые занимаются баскетболом на постоянной основе. Участие в турнире с четкой структурой – это лучшая мотивация для тренировок и повышения внимания руководства вузов к спортивной жизни своего университета.

Следующим пунктом в истории развития баскетбола в Чувашии стало открытие «Детско-юношеской спортивной школы по баскетболу» 17 апреля 2003 г. В 2004 г. распоряжением главы администрации города Чебоксары (№ 392-р от 10.02.2004 г.) школе было присвоено имя Виктора Ивановича Грекова, участника Великой Отечественной войны, родоначальника баскетбола в городе Чебоксары.

Не был забыт и школьный баскетбол. В 2007 г. в Пермском крае был запущен проект Школьной баскетбольной лиги «КЭС – БАСКЕТ», и это стало новым этапом развития школьного баскетбола во всей России. Спонсором лиги выступила российская компания ЗАО «Комплексные энергетические системы», а школьная баскетбольная лига получила титульное название «КЭС-БАСКЕТ». Проект, помимо спортивной составляющей, в первую очередь направлен на вовлечение как можно большего количества школьников в занятия физкультурой и спортом.

В Чувашской Республике чемпионат ШБЛ «КЭС-БАСКЕТ» проводится с 2008 г. Наши команды неоднократно занимали призовые места на ПФО и выходили в финал соревнований.

Что касается массового спорта, то традиционно с 2005 г. проводится турнир «Оранжевый мяч», финансируемый Газпромом. Как правило, основными участниками являются молодые спортсмены. Турнир проходит в нескольких возрастных категориях, поэтому, помимо молодежи, в нем также участвуют и опытные игроки (от 40 лет).

Этот турнир продвинул баскетбол в массы. Главная цель «Оранжевого мяча» – это поиск наиболее эффективных форм работы с детьми, подростками и молодежью; совершенствование форм организации массовой физкультурно-спортивной работы; популяризация и дальнейшее развитие уличного баскетбола в Российской Федерации как самого доступного вида спорта среди населения. Каждый год в этом турнире участвуют более 2000 человек по всей республике [7].

Таким образом, опираясь на полученные данные и обобщение практического опыта в физкультурном движении прошлого, в частности использования баскетбола в физическом воспитании населения, мы пришли к следующим выводам:

– баскетбол – доступный и популярный вид спортивных игр;

– необходимо шире использовать в учебно-воспитательном процессе и в организации спортивно-массовых мероприятий с населением возможности спортивных игр, в частности баскетбола;

– рекомендовать различным ведомствам государства и общественных организаций усилить внимание к материальной базе общеобразовательных и спортивных школ, систематически оказывать посильную спонсорскую финансово-материальную помощь с целью развития сети баскетбольных секций и клубов.

Проведенное исследование истории развития баскетбола в Чувашии с дореволюционного периода по настоящее время может составить основу для дальнейшего анализа и обогащения содержания физического воспитания, физкультурного движения в республике.

Литература

1. *Егорова Т.Н.* Становление физического воспитания школьников Чувашии в период с 1960 по 1980 гг. : автореф. дис. … канд. пед. наук. Чебоксары, 2002. 18 с.

2. *Кузнецов Ю.В.* Физическая культура в Чувашском государственном педагогическом институте им. И. Я. Яковлева (1930-1960-е годы). Чебоксары: ЧГПИ имени И.Я. Яковлева, 2008. 51 с.

3. *Никишев К.Н.* Начало. Воспоминания о годах становления и развития физической культуры и спорта Чувашии (спортсмены, организаторы, события и результаты). Чебоксары: ЧГПИ имени И.Я. Яковлева, 1997. 135 с.

4. *Петрова Т.Н.* Становление физического воспитания школьников Чувашии в период с 1960 по 1980 годы. Чебоксары: ЧГПИ имени И.Я. Яковлева, 2009. 114 с.

5. *Петрова Т.Н.*, *Пьянзина Н.Н.* История развития волейбола в Чувашской Республике в 1941–1991 гг. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: http://www.science-education.ru/123-18635 (дата обращения: 21.04.2015).

6. *Петрова Т.Н*. Становление волейбола в Чувашии в довоенные годы // Современные физкультурно-оздоровительные и спортивные технологии: материалы Респуб. заоч. интернет-конф. Чебоксары: ЧГПИ имени И.Я. Яковлева, 2013. С. 48–50.

7. *Скородумов Н.Г.* Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары: Чувашия, 1994. 383 с.

8. *Скородумов Н.Г.* Чувашская спортивная энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 398 с.

ЕРМОЛАЕВ АВЕНИР ХРИСАНФОВИЧ – заведующий кафедрой физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ПЬЯНЗИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (npianzina@mail.ru).

ПЕТРОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры спортивных дисциплин, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (tanushapetr@mail.ru).

ШИЛЕНКО ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (mailotrof77@mail.ru).

A. ERMOLAEV, N. PYANZINA, T. PETROVA, O. SHILENKO

HISTORY OF BASKETBALL DEVELOPMENT IN THE CHUVASH REPUBLIC SINCE THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD TO THE PRESENT TIME

Key words: *sport, physical culture, history of physical culture, the history of basketball development.*

In examining the history of physical culture and sports development in the Chuvash Republic beginning with the pre-revolutionary period to the present day, we conducted the analysis of basketball origin and development in the territory of the Chuvash Republic. The study showed that basketball initially appeared in Yadrin in 1916. Further development of basketball was due to its inclusion into the program of the 2nd Chuvash regional competition in 1922. In the prewar period rapid development was observed in the history of basketball. There were plenty of competitions within the Spartakiads. In war time the number of competitions sharply decreased, however, the players of voluntary sports societies «Dynamo», «Medic», «Spartak» took patronage over the hospitals, organized exhibition performances. Basketball became extremely popular in the post-war period. In spring and summer many secondary and higher educational institutions, large industrial factories took part in basketball competitions. In the 1960s, Alatyr Youth Sports School became famous for good training of basketball players. Unfortunately, the level of Chuvash basketball players was still inferior to that of the best teams of the Volga region and Russia. In 1989, a physical culture teacher of the Chuvash State University, a former member of the republican team and a many-time champion of the republic G.F. Kiselev created a women's basketball team. In 1993, our debutants entered the top five teams of the second league in the Russian championship. The best achievement was performance of the men's team «Bouquet of Chuvashia» in 2001, who took the 6th place in the league «A» in the championship of Rus-

sia among 36 teams. The next point in the history of basketball development in Chuvashia was opening the «Youth Basketball School» on April 17, 2003. In 2004, by the order of the head of administration of the town of Cheboksary, the school was named after V.I. Grekov, a participant in the Great Patriotic War, the founder of basketball in the town of Cheboksary. At the present stage of physical culture and sports development, basketball is widely spread among the youth of the Chuvash Republic.

References

1. Egorova T.N. *Stanovlenie fizicheskogo vospitaniya shkol'nikov Chuvashii v period s 1960 po 1980 gg.: avtoref. dis. … kand. ped. nauk* [The formation of physical education of schoolchildren in Chuvashia in the period from 1960 to 1980. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2002, 18 p.

2. Kuznetsov Yu.V. *Fizicheskaya kul'tura v Chuvashskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute imeni I. Ya. Yakovleva (1930–1960-e gody)* [Physical culture in the Chuvash State Pedagogical Institute named after I.Ya. Yakovlev (1930–1960s)]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2008, 51 p.

3. Nikishev K.N. *Nachalo. Vospominaniya o godakh stanovleniya i razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta Chuvashii (sportsmeny, organizatory, sobytiya i rezul'taty)* [Start. Memories of the years of formation and development of physical culture and sports of Chuvashia (athletes, organizers, events and results)]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 1997, 135 p.

4. Petrova T.N. *Stanovlenie fizicheskogo vospitaniya shkol'nikov Chuvashii v period s 1960 po 1980 gody* [The formation of physical education of schoolchildren of Chuvashia in the period from 1960 to 1980]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2009, 114 p.

5. Petrova T.N. *Istoriya razvitiya voleibola v Chuvashskoi Respublike v 1941–1991 gg*. [History of volleyball development in the Chuvash Republic in 1941–1991]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education], 2015, no 3. Available at: www.science-education.ru/123-18635 (Accessed 21 Apr. 2015).

6. Petrova T.N. *Stanovlenie voleibola v Chuvashii v dovoennye gody* [The formation of volleyball in Chuvashia in the pre-war years]. *Sovremennye fizkul'turno-ozdorovitel'nye i sportivnye tekhnologii: materialy Respublikanskoi zaochnoi internet-konferentsii* [Proc. of Republican distance Internet-conf. «Modern physical culture, health and sports technology»]. Cheboksary, Chuvash State pedagogical University Publ., 2013, pp. 48-50.

7. Skorodumov N.G. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Chuvashii (XX v.)* [Physical culture and sports in Chuvashia (XX century)]. Cheboksary, Chuvashiya Publ., 1994, 383 p.

8. Skorodumov N.G. *Chuvashskaya sportivnaya entsiklopediya* [Chuvash Sports Encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, 398 p.

ERMOLAEV AVENIR – Head of Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

PYANZINA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (npianzina@mail.ru).

PETROVA TATIANA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Department of Sports Disciplines Department, The Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tanushapetr@mail.ru).

SHILENKO OLGA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Department of Theoretical Bases of Physical Education, The Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (mailotrof77@mail.ru).

Ссылка на статью: *Ермолаев А.Х., Пьянзина Н.Н., Петрова Т.Н., Шиленко О.В.* История развития баскетбола в Чувашской Республике с дореволюционного периода по настоящее время // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 104–110.

УДК 94:323.1(470.344)"189"
ББКТ3(2Рос.Чув)53-38

А.П. ЗЫКИНА

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКИМ РЕГИОНОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА (на материалах Чувашского края)*

Ключевые слова: *полиэтнический регион, Чувашский край, методы управления, социально-экономическое развитие, уровень грамотности и образования, состояние здравоохранения, конфессиональная политика.*

Российская империя к концу XIX в. сохраняла многонациональный характер. Результаты переписи населения 1897 г. свидетельствовали, что чуть менее половины населения страны составляли представители русского этноса. Другая половина населения насчитывала более 100 народов и народностей. В связи с этим одним из актуальных вопросов был поиск оптимальных средств и методов управления полиэтническими регионами империи. В статье рассмотрены особенности управления многонациональным регионом Российской империи в конце XIX в. на примере территории современной Чувашии. Выделены такие основные методы регионального управления, как административные, экономические, социальные, культурно-просветительские, духовно-религиозные, дана их характеристика. Показаны результаты их применения и влияния данных средств на развитие края.

В настоящее время наблюдается повышенное внимание к вопросам регионального управления в Российской Федерации. В обсуждении отдельных аспектов данной проблематики активно участвуют представители разных наук: историки, экономисты, политологи, юристы. В условиях актуализации данной проблематики возрастает интерес к историческому опыту, накопленному в России в управлении полиэтническими регионами. Данная статья посвящена характеристике основных методов и средств, применявшихся царским самодержавием при управлении Чувашским краем в конце XIX в.

Российское государство с момента своего формирования имело многонациональный характер, что было обусловлено присоединением новых территорий, на которых проживали нерусские этносы. В XVI в. в состав России были включены Среднее и Нижнее Поволжье, которое заселяли представители в основном тюркских и финно-угорских народов. На протяжении XVII–XIX вв. территория страны расширялась за счет Сибири, Дальнего Востока, Прибалтики, Средней Азии, Закавказья и т.д., что еще более усиливало ее полиэтничный характер. По статистическим данным, к 1917 г. представителей русского этноса в империи насчитывалось 43%, остальные 57% населения составляли другие национальности [5. С. 30].

Со стороны центральной власти по отношению к присоединяемым народам проводилась политика русификации. Она имела двойственный характер. С одной стороны, предусматривалось приобщение инородцев к высокоразвитой культуре «великороссов», что можно рассматривать как позитивное влияние со стороны русского народа, с другой – нерусские народы притеснялись со стороны официальной власти, поскольку ущемлялись национальные языки в результате навязывания русского языка, проводилась их насильственная христианизация. В то же время с формальной точки зрения российское законодательство не содержало в себе никаких ограничений по национальному признаку, хотя реально они существовали. В качестве яркого примера в связи

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 р_а

со сказанным можно назвать введение своеобразной «черты оседлости» для евреев в первой половине XIX в., т.е. установление официальной властью границ территории, где можно было проживать представителям этого народа [15. С. 34–35].

Другим важным обстоятельством, отличавшим народы Российской империи друг от друга, было то, что они входили в её состав при разных условиях (кто-то мирно, кто-то завоевательным путём) и далеко не в одно и то же время. Это, в свою очередь, также имело существенное влияние на взаимоотношения окраин империи с политическим центром. В зависимости от этого получалось так, что большинство нерусских народов России к началу XX в. отличалось низким уровнем социально-экономического и культурного развития, но огромной потенциальной возможностью национально-освободительного движения по всей стране.

Выстраивая систему местного управления на территориях с большинством нерусского населения, центр руководствовался не национальным (этническим) принципом, а территориальным. В результате применения соответствующего принципа представители одного этноса оказывались в составе совершенно разных административных единиц. Как это выглядело на практике, можно посмотреть на примере одного из наиболее пестрых в национальном отношении регионов Российской империи – Среднего Поволжья. Если рассматривать территориально-административное деление, то Среднее Поволжье в конце XIX в. преимущественно было представлено Казанской, Симбирской, Самарской, Нижегородской и Пензенской губерниями, отличавшимися многоэтничностью. В этом отношении особенно выделялись Казанская и Симбирская губернии. Из представителей нерусских народов здесь в основном проживали марийцы, мордва, татары и чуваши. Территорию, на которой компактно проживало чувашское население, можно определить несколькими уездами Казанской (Цивильский, Чебоксарский, Ядринский, Козьмодемьянский и Тетюшский) и Симбирской (Алатырский, Буинский и Курмышский) губерний. Если говорить о максимальной сосредоточенности чувашского этноса, то необходимо ограничиться тремя уездами Казанской губернии: Цивильским, Чебоксарским и Ядринским. Именно эта территория традиционно рассматривается историками как «Чувашский край», или «Чувашия». В середине XIX в. в Чебоксарском уезде Казанской губернии проживало всего 85 500 жителей (горожан было 4736 человек). Из них 70,1% составляли чуваши, 16,8 – русские, 10,7 – луговые марийцы, 2,4 – татары; в Ядринском уезде – 108 400 жителей (горожане – 2513 человек), из них 89,6% – чуваши, 10,4% – русские [см.: 2. С. 3].

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., по которым национальная принадлежность проживающих на территории Среднего Поволжья этносов определялась на основе родного языка, содержат следующие статистические данные. В Казанской губернии при общей численности населения 2 170 663 человека преобладали представители трех народов: русских здесь было 833 340 (38,4%), татар – 675 419 (31,1%), чувашей – 502 042 (23,1%), мордвы – 22 187 человек (1%) [13. С. 14]. В Самарской губернии всего проживало 2 751 336 человек, из них русских – 1 893 558 (68,8%), мордвы – 238 598 (8,7%), татар – 163 191 (5,9%), чувашей – 91 839 (3,3%). На территории Симбирской губернии насчитывалось всего 1 527 848 человек, в том числе 1 041 219 русских (68,2%), мордвы – 188 980 (12,4%), чувашей – 159 766 (10,5%), татар – 133 977 (8,8%) [13. С. 22–23]. Таким образом, из представителей титульных наций в регионе самыми многочисленными были татары, составляя 15,1% всего населения, второе место занимали чуваши – 11,7%, третье – мордва с 7%.

Управляя регионом, центральная власть использовала различные методы и средства для установления безопасности и сохранения в нем стабильности и спокойствия. Прежде всего следует подчеркнуть стремление центра подавить самобытность и своеобразие многочисленных народов Поволжья, разобщить их при помощи назначения здесь на государственные должности русских по происхождению чиновников. Представители региональных этнонаций могли присутствовать лишь в низшем управленческом звене. Также широко практиковалась передача земель мари, мордвы и чувашей во владение русским по происхождению помещикам.

Ю.В. Гусаров пишет, что в чувашских уездах волостными писарями очень часто служили русские купцы и мещане, которые для получения этой должности записывались в крестьянское сословие и не давали возможности грамотным чувашам занимать управленческие должности. Поступившие на службу чуваши могли рассчитывать только на место писарей в сельской администрации, находящейся в подчинении у первых. Только единицам из чувашей удавалось сделать успешную чиновничью карьеру [1. С. 52].

Центральная власть пользовалась еще одним средством управления многонациональным регионом – запрет на производство металлического оружия, медленное развитие промышленного производства и т.п. Данная мера, скорее всего, демонстрировала боязнь перед национально-освободительным движением, а также стремление государственных органов еще больше подчинить нерусские народы. По данным исследователей, на территории, где преимущественно проживали представители марийского и чувашского этносов, в начале XX в. можно насчитать около 30 предприятий полукустарного производства, то же самое можно сказать и о районах современной Мордовии.

К началу столетия в регионе преобладало кустарное и полукустарное производство, которое было тесно связано с его лесными массивами. Наиболее популярными видами деятельности было производство смолы, скипидара, дёгтя, древесного угля. В этой сфере хозяйственной деятельности в основном было занято крестьянское население. Кроме того, население Среднего Поволжья было занято кожевенным производством, кулеткачеством, сплавом по реке, гончарным, винокуренным делом, производством мочала. Машинной индустрии в конце XIX в. в крае не было, механизация также отсутствовала, т.е. преобладал ручной труд. Таким образом, говорить о развитой промышленности в регионе не приходится.

Территория современной Чувашии в рассматриваемый период отличается низкими показателями социально-культурного развития. Следует подчеркнуть, что данная тенденция характерна для представителей всех этносов Среднего Поволжья [6. С. 373]. В Казанской губернии из каждой тысячи 821 человек не умел ни читать, ни писать. Среди всех остальных народов региона несколько выделяются татары, у них этот показатель был выше: были грамотными 24,95% мужчин, 11,1% – женщин. Для чувашского населения показатель грамотности равнялся среди мужчин 13,22% и 1,05% среди женщин. Уровень образованности марийцев составляла 9,86%. Однодневная перепись начальных школ в империи, проведенная 18 января 1911 г., свидетельствовала, что из 100 детей школьного возраста обучением охвачены среди мордвы всего 2,63%, чувашей – 3,52% [3. С. 124].

Данная картина, характеризующая низкий уровень грамотности народов Среднего Поволжья, в определенной степени устраивала высшую администрацию. Как известно, малообразованным населением удобней и проще управлять. По мере развития школьного образования в регионе происходил

процесс формирования национальной интеллигенции, которая использовала национальные чувства народов для оформления этнического национализма. Поэтому можно говорить, что центр по возможности предпочитал не вкладывать средства на распространение грамотности в многонациональных регионах страны. В действиях представителей власти встречаются примеры, свидетельствующие об их стремлении даже помешать открытию школ в крае.

Окружной инспектор Казанского учебного округа С.С. Ларионов в докладе о начальном образовании среди инородцев Казанского и Уфимского краев, изданном в 1915 г., приводил пример, как представители местной власти в начале XIX в. предпринимали попытки противодействовать распространению грамотности в крае. Приводился пример о стремлении священника села Буртасы Цивильского уезда Казанской губернии отца Н. Михеева в 1807 г. пожертвовать свой двухэтажный дом для открытия школы для чувашей. Как пишет С.С. Ларионов: «Своему благому начинанию о. Михеев встретил серьезное противодействие со стороны местного помещика и особенно со стороны исправника. Последний всячески противодействовал открытию училища, запретил чувашам отдавать детей и доказывал директору училищ, что нет чуваш, желающих обучать своих детей в открывающемся училище, что для чуваш просвещение вредно» [10. С. 114]. Хотя училище все же удалось открыть, просуществовало оно очень недолго, до 1811 г. Первые учебные заведения на территории Чувашии были открыты в конце XVIII в. в Алатыре, Чебоксарах и Ядрине, т.е. для детей городского общества, а преподавание в них велось только на русском языке [14. С. 108–109].

Наряду со сферой образования на крайне низком уровне развития в регионе находилась сфера здравоохранения. Среди народов Среднего Поволжья широкое распространение получили такие заболевания, как трахома, туберкулёз, венерические болезни. В силу названных причин показатель продолжительности жизни в регионе была небольшой, а смертность, наоборот, достигала высоких показателей. По мнению исследователей, эта тенденция была общей для всей страны [9. С. 11]. Среди чувашского и марийского населения средняя продолжительность жизни в начале XX в. составляла чуть более 30 лет.

Одной из важных особенностей Среднего Поволжья являлось присутствие в регионе нескольких конфессий. Наиболее влиятельными были ислам и православное христианство. Особенно прочными были позиции ислама, с которым российское самодержавие было вынуждено считаться. В 1788 г. был определён правовой статус ислама в империи. Мусульмане получили ограниченную религиозную автономию в виде Оренбургского магометанского духовного собрания, а в 1832 г. управление делами иноверцев было включено в структуру Министерства внутренних дел, в которой оно находилось до 1917 г. [5. С. 58].

Осуществляя политику управления в полиэтническом регионе, самодержавие проводило по отношению к его населению насильственную христианизацию, которая в основном была направлена против языческой веры. Тем не менее окончательно победить язычество большинства народов Среднего Поволжья имперским властям так и не удалось.

В начале XX в. в социальной структуре региона преобладало сельское население. В пяти чувашских уездах Казанской губернии удельный вес крестьянства составлял 87,7% [11. С. 13]. В Марийском крае этот показатель составлял 95–97% [12. С. 44]. Доля городского населения региона равнялась среди татар – 11,1%, мордвы – 1,3, чувашей – 0,7%. мари – 0,5% [10. С. 30]. Исторически сложилось так, что в Среднем Поволжье преобладала категория государственных крестьян.

Среди форм крестьянского земледелия наибольшее распространение получило общинное. По данным поземельной переписи России от 1877 г., 92,6% государственных, 97,5% удельных и 96,8% помещичьих крестьян вели общинное землепользование. Крестьянская община представляла собой своеобразный институт в социально-экономическом развитии Российской империи, фактически представлявший форму крестьянского самоуправления [7. С. 31]. С XVIII в., особенно после введения подушной подати, государство было еще больше заинтересовано в сотрудничестве с общиной. Вплоть до начала XX в. государство не только поддерживало крестьянскую общину, но и предпринимало шаги для ее дальнейшего сохранения. Проводя соответствующую политику, власть прежде всего преследовала свои интересы. Руководители общины выступали в качестве посредника между крестьянами и государственной властью. Функции общины были разнообразны и касались всех без исключения сторон повседневной жизни её членов. К наиболее важным обязанностям указанного института относились сбор налогов и податей с членов общины, т.е. его фискальная предназначенность. Отличительной чертой общины в России был принцип круговой поруки, с помощью которой в определенном смысле упорядочивалась жизнь крестьян, а также оказывалась помощь административным органам в управлении основной частью населения, платящего налоги.

Община всегда представляла патриархальный уклад, выступая в качестве традиционной формы крестьянского общежития и трудового сообщества. Многовековые принципы земледелия, господствовавшие в общине, затрудняли хозяйственную инициативу, которая начала проявляться на рубеже веков. С началом процесса модернизации конца XIX – начала XX вв. стали востребованы свобода предпринимательства, развитие индивидуализма. Как известно, все это не только не сочеталось с общинной психологией, но и разрушало общинные традиции. Если до конца XIX в. самодержавие поддерживало общину и всячески стремилось ее сохранить, то после первой российской революции отношение власти к общине изменилось.

Таким образом, в управлении многонациональным средневолжским регионом царское правительство руководствовалось конкретными соображениями, выбирая административные, социально-экономические, культурно-просветительские и религиозные методы и средства. Главной задачей российского самодержавия в отношении к нерусским народам было сохранение покорности и лояльности последних к центральной власти. В конечном итоге такая политика часто приводила к подавлению этнической самобытности, а национальные окраины использовались в качестве сырьевого придатка.

В результате этой национальной политики к концу XIX – началу XX вв. возникло национальное движение этносов региона, не отличавшееся особенно интенсивной степенью политической активности. Марийское, мордовское и чувашское население края, имевшее невысокий показатель культуры и образования, обремененное большими налогами и повинностями, в абсолютном большинстве было далеко от активного участия в политической жизни, в отличие от татар, обладавших в сравнении с другими этнонациями региона (кроме русских) более высокий уровень национального самосознания, в чём решающую роль сыграли историческое прошлое и традиции ислама.

Литература

1. *Гусаров Ю.В.* Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII – первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 49–59.

2. *Димитриев В.Д.*О чувашском учёном и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 55 с.

3. *Егоров Н.Е.* Расцвет чувашской социалистической культуры // В великом содружестве советских народов: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1974. С. 123–126.

4. *Лузгин А.С.* Промысловая деятельность крестьян Мордовии во 2-й половине XIX – начале XX века (этнокультурные аспекты): автореф. дис. …д-ра ист. наук. Саранск, 2002. 42 с.

5. *Минеева Е.К.* Национальный вопрос в России на рубеже XIX – XX веков (на материалах народов мари, мордвы и чувашей). Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2008. 165 с.

6. *Минеева Е.К.* Создание национально-территориальной автономии народов мари, мордвы и чувашей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2. С. 373–381.

7. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20-30-е годы XX века: автореф. дис. …д-ра ист. наук. Чебоксары, 2008. 48 с.

8. Начальное образование инородцев Казанского и Уфимского края. Доклад окружного инспектора Казанского учебного округа С.С. Ларионова. Пг.: Тип. П.П. Сайкина, 1916. С. 114.

9. *Никитин Н.П.* Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР: На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917 – 1937 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 184 с.

10. Октябрь в Поволжье / отв. ред. В.К. Медведев. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. 611 с.

11. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: в 2 ч. / отв. ред. и авт. предисл. А.М. Шорников. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989.Ч. 1. 301 с.

12. *Патрушев А.С.* О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края: Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 40–103.

13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 7. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков / Изд. Центр. стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. 38 с.

14. *Петрянкина А.П.* История малых народных училищ Чувашского края // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья: ст. и материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. Чебоксары: Изд-во ????, 2009. С. 108–114.

15. *Хмара Н.И.* Национальная и региональная политика в Российской Федерации. М.: МСЭУ, 2005. 332 с.

ЗЫКИНА АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alevtina-pet@mail.ru).

A. ZYKINA

MANAGING A POLIETNIC REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XIX CENTURY (on the materials of the Chuvash Territory)

Key words: *polyethnic region, Chuvashia, management methods, socio-economic development, literacy and education level, public health status, confessional policy.*

By the end of the XIX century the Russian Empire remained multinational in nature. The results of 1897 census testified that a little less than half of the country's population was made up by representatives of the Russian ethnos. Another half of the population numbered more than 100 peoples and nationalities. In this regard, one of the topical issues was the search for optimal means and methods for managing polyethnic regions of the empire. The article examines features of managing a multinational region of the Russian empire in the end of XIX century using the example of the territory of modern Chuvashia. The main methods of regional management are marked, such as administrative, economic, social, cultural-educational, spiritual and religious methods, and their characteristics are given. The results of their application and the impact of these means on the development of the region are shown.

References

1. Gusarov Yu.V. *Ob urovne obrazovaniya chinovnichestva Chuvashii v XVIII – pervoi polovine XIX veka [On the level of education of the bureaucracy in Chuvashia in the first half of the twentieth century*]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 49–59.

2. Dimitriev V.D. *O chuvashskom uchyonom i pisatele seredinih XIX veka S.M. Mikhailove i ego sochineniyakh o chuvashakh, mariiskikh i russkikh Volzhsko-Surskogo kraya: ucheb. Posobie* [About the Chuvash scholar and writer of the middle of the XIX century Mikhailov and his works on Chuvash, Mari and Russian Volga-Sursky region: Textbook. Allowance]. Cheboksary, 2003, 55 p.

3. Egorov N.E. *Rascvet chuvashskoi socialisticheskoi kul'turih* [The flourishing of the Chuvash socialist culture]. *V velikom sodruzhestve sovetskikh narodov: sb. st.* [In the great commonwealth of Soviet peoples: collection of works]. Cheboksary, 1974, pp. 123–126.

4. Luzgin A.S. *Promihslovaya deyatel'nost' krest'yan Mordovii vo 2-i polovine XIX – nachale XX veka (ehtnokul'turnihe aspektih)*: *avtoref. dis. … d-ra ist. nauk* [Fishing activity of the peasants of Mordovia in the second half of the XIX – beginning of the XX century (ethno-cultural aspects). Abstract of PhD thesis]. Saransk, 2002, 42 p.

5. Mineeva E.K. *Nacional'nihyi vopros v Rossii na rubezhe XIX – XX vekov (na materialakh narodov mari, mordvih i chuvashei)* [The national question in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries (based on the materials of the Mari, Mordva and Chuvash peoples) The flourishing of the Chuvash socialist culture]. Cheboksary, L.A. Naumov Publ., 2008, 165 p.

6. Mineeva E.K. Sozdanie nacionaljno-territorialjnoyj avtonomii narodov mari, mordvih i chuvasheyj [Creation of the national-territorial autonomy of the Mari, Mordva and Chuvash peoples]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk* [Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2007, vol. 9, no. 2, pp. 373–381.

7. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi avtonomii v 20-30-e godih XX veka: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk* [Formation of the Mari, Mordovian and Chuvash autonomies in the 20-30s of the XX century. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2008, 48 p.

8. *Nachal'noe obrazovanie inorodcev Kazanskogo i Ufimskogo kraya. Doklad okruzhnogo inspektora Kazanskogo uchebnogo okruga S.S. Larionova* [Primary education of foreigners of Kazan and Ufa. Report of the District Inspector of the Kazan Academic District SS. Larionova]. Petrograd, P.P. Saikin Publ., 1916, 114 p.

9. Nikitin N.P. *Bor'ba KPSS za likvidaciyu fakticheskogo neravenstva narodov SSSR: Na primere avtonomnihkh respublik Povolzh'ya i Priural'ya (1917–1937 gg.)* [The struggle of the CPSU for the liquidation of the actual inequality of the peoples of the USSR: On the example of the autonomous republics of the Volga and the Urals (1917–1937)]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1979, 184 p.

10. *Oktyabr' v Povolzh'e* [October in the Volga Region]. Saratov, Volga Region Publishing House, 1967, 611 p.

11. *Ocherki istorii sel'skogo khosyaistva i krest'yanstva Chuvashii: v 2 ch.* [Essays on the history of agriculture and the peasantry of Chuvashia. 2 parts]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1989, part 1, 301 p.

12. Patrushev A.S. *O sel'skom khosyaistve Mariiskogo kraya v nachale XX veka* [On the agriculture of the Mari Territory in the early 20th century]. *Novihe stranicih v istorii Mariiskogo kraya: Trudih MarNII. Vyp. XXIII* [New pages in the history of the Mari Region: Proceedings of Mariin. Issue. XXIII]. Yoshkar-Ola, 1971, pp. 40–103.

13. *Pervaya vseobthaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda* [The first general census of the Russian Empire in 1897], St. Petersburg, 1897–1905.

14. Petryankina A.P. *Istoriya malihkh narodnihkh uchilith Chuvashskogo kraya* [History of small national schools of the Chuvash region]. *I.Ya. Yakovlev – prosvetitel' narodov Povolzh'ya i Priural'ya: st. i materialih Mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyathennoi 160-letiyu so dnya rozhdeniya I.Ya. Yakovleva* [Proc. of Sci.-Pract. Conf. «I.Ya. Yakovlev – educator of the peoples of the Volga and the Urals: articles and materials of the Interregional»]. Cheboksary, 2009, pp. 108–114.

15. Khmara N.I. *Nacional'naya i regional'naya politika v Rossiiskoi Federacii* [National and Regional Policy in the Russian Federation]. Moscow, 2005, 332 p.

ZYKINA ALEVTINA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alevtina-pet@mail.ru).

Ссылка на статью: *Зыкина А.П.* Управление полиэтническим регионом Российской империи в конце XIX века (на материалах Чувашского края) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 111–117.

УДК 94:332:334(470.344)»198/199»
ББК У30-65-03 (2Рос. Чув)

А.А. КОЗЛОВ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЧУВАШСКОЙ АССР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В ПЕРИОД КРИЗИСА СЭВ (1985–1991 гг.)

Ключевые слова: *СЭВ, ЧАССР, период кризиса СЭВ, реформирование СЭВ, международное научно-техническое сотрудничество СССР, «прямые экономические связи», рыночный механизм, непосредственное научно-техническое сотрудничество субъектов хозяйственных организаций регионов СССР.*

В статье рассмотрены основные тенденции развития научно-технических связей между промышленными предприятиями и научными организациями Чувашской АССР и стран СЭВ в 1985–1991 гг. Основной целью реформ системы научно-технических связей социалистических стран во второй половине 1980-х гг. являлась интенсификация сотрудничества посредством развития непосредственных связей между субъектами сотрудничества в форме кооперации, а также внедрения рыночных механизмов регулирования экономики. Ввиду возникновения ряда противоречий в процессе строительства «рыночного социализма» новый тип экономических и научно-технических связей в масштабах региона не получил широкого распространения. В 1985–1991 гг. сотрудничество ведущего НИИ региона – Всесоюзного научно-исследовательского института релестроения – с организациями стран СЭВ осуществлялось в прежних формах. Особую роль в организации этих связей играла Интерэлектро, в рамках которой ВНИИР выступал координационным центром по ряду научно-исследовательских проблем. На уровне Чувашской АССР непосредственные, прямые связи с организациями стран СЭВ нашли применение лишь в области технического сотрудничества производственных предприятий. Большое значение для развития непосредственных кооперированных связей промышленности Чувашии с социалистическим зарубежьем имела деятельность Чувашского регионального отделения Общества Советско-Венгерской дружбы. Эта особенность во многом определила географию развития прямых связей предприятий региона пространством Хевешской области ВНР. Несмотря на свою перспективность, непосредственное сотрудничество научных и производственных организаций ЧАССР и стран СЭВ в форме кооперации не принесло сколько-нибудь ощутимых плодов в области научно-технического сотрудничества. Это объясняется как противоречивостью проводимых экономических реформ, так и нарастанием кризисных тенденций в отношениях стран содружества к 1991 г. В то же время прежние формы сотрудничества, организуемые посредством международных организаций стран Совета, а также по линиям отраслевого и межотраслевого взаимодействия стран-членов СЭВ, некоторое время ещё демонстрировали свою работоспособность. Однако и они к 1991 г. утратили эффективность ввиду постепенного разрушения экономического блока.

Целью статьи является оценка влияния реформ СЭВ 1985–1991 гг. на развитие научно-технических связей регионов СССР и стран содружества на примере ЧАССР. Исходя из этого были поставлены следующие задачи: проанализировать экономические преобразования в СССР и СЭВ во второй половине 1980-х гг., выявить особенности развития научно-технического сотрудничества производственных и научных организаций ЧАССР и социалистических стран в сфере промышленности в 1985–1991 гг., рассмотреть эволюцию содержания связей указанных организаций в рассматриваемый период времени.

Публикация основана на вновь вводимых в научный оборот архивных источниках РГАЭ (фонд 419 – Министерства электротехнической промышленности СССР) и ГАСИ ЧР (фонд П-1 – Чувашского республиканского комитета КП РСФСР). Первый содержит делопроизводственные документы и отчёты по сотрудничеству ВНИИР и электротехнических предприятий Чувашии с социа-

листическим зарубежьем, а также информацию об их работе в рамках Интерэлектро. Материалы второго представлены перепиской и периодическими отчётами о сотрудничестве чувашских и венгерских промышленных предприятий в рамках Чувашского регионального отделения Общества Советско-Венгерской дружбы (ЧРООСВД). В целом указанные источники достаточно полно освещают исследуемую проблему, дают представление о характере развития и содержании научно-технических связей, а также о проблемах, которые вставали на пути субъектов сотрудничества.

Период 1985–1991 гг. является довольно противоречивым этапом развития СЭВ, завершающим историю его существования. К 1980-м гг. в социалистическом содружестве обозначились кризисные тенденции, которые во многом явились следствием трансформации целевых задач развития СЭВ, происходившей в предшествующее десятилетие под влиянием западных, капиталистических идей и представлений, не характерных для социалистической модели экономического развития [9. С. 66]. Возникшие расхождения между новыми дефинициями и постепенно перестраиваемой на рыночный лад социалистической экономической системой порождали, в свою очередь, затруднения при разработке действенного механизма всесторонней интенсификации производства.

В эти годы руководство социалистических стран сосредоточилось на выработке мер научно-технической политики, которые могли бы способствовать интенсификации производства, экономического и научно-технического сотрудничества. Ключевая роль в совершенствовании связей социалистических стран была отведена Комплексной программе научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 г. (КП НТП), принятой 41-й сессией СЭВ в декабре 1985 г. Данным документом подразумевалось создание адекватного новым вызовам механизма управления хозяйством стран содружества. Модернизированная система связей должна была обеспечить комплексное управление сотрудничеством по всему циклу системы «наука – техника – производство». Наиболее перспективными и соответствовавшими вызовам того времени признавались такие формы научно-технического сотрудничества (НТС), как прямые кооперированные связи между производственными и научно-исследовательскими организациями, создание международных хозяйственных организаций и межотраслевых комплексов. Особая роль в организации взаимодействия при проведении НИР отводилась головным организациям (как правило, ведущим НИИ стран-членов СЭВ) [2. С. 54–60].

Головные организации были призваны обеспечивать непрерывность цикла – от разработок до серийного производства, включая изготовление и испытание опытных образцов. Они получили право заключать от своего имени контракты на проведение НИОКР и изготовление опытных образцов продукции, на взаимную передачу результатов работ, необходимых изделий, приборов и материалов. Также к их полномочиям было отнесено определение цен на материалы, изделия и услуги [6. С. 36].

Отдельного внимания заслуживает организация НТС в форме прямых связей. Термин «прямые связи» применялся и в предшествующие периоды развития НТС стран СЭВ, однако в то время его содержание сводилось к обозначению прямых личных контактов коллективов производственных и научных организаций. Во второй половине 1980-х гг. данный термин обрёл новое прочтение: теперь организации получали свободу выбора своих партнёров для сотрудничества и сами определяли цели и условия взаимодействия с ними. При этом национальные министерства, ведомства, плановые органы, а также органы СЭВ должны были лишь задавать общее направление развития науки и техники, учитывая при этом заключенные контракты и договоры [5. С. 8–12].

Для претворения в жизнь КП НТП в СССР был принят ряд нормативно-правовых документов, составивших правовую основу для реформирования связей со странами СЭВ. Среди них важное место занимал Закон о государственном предприятии (объединении), вступивший в действие 1 января 1988 г. Закон определил предприятие в качестве основной самоуправляющейся единицы, которая находилась на полном хозрасчете. Согласно ст. 19 закона советские предприятия могли самостоятельно участвовать в международных прямых связях на основе полного хозяйственного расчёта[1]. Таким образом, новый закон предоставил возможность реализации новых форм сотрудничества, а именно – прямых, непосредственных связей.

Вместе с тем встал вопрос об экономической основе новых форм связей: непосредственное сотрудничество самостоятельных организаций плохо вписывалось в централизованную плановую систему управления народным хозяйством и международными контактами. Важно заметить, что в 1980-е гг. в правительственных кругах СССР возобладала идея создания «рыночного социализма», построение которого фактически являлось главной целью реформирования экономики СССР и международных связей стран СЭВ. Будучи нацеленными на привнесение элементов рыночных механизмов в систему хозяйствования социалистических стран, реформы не представили конструктивных путей её совершенствования, а, напротив, способствовали развитию беспорядка в экономике стран содружества.

Между тем в конце 1970-х – начале 1980-х гг. происходила переориентация высокотехнологического экспорта государств-членов СЭВ из внутреннего пространства блока за его пределы – в страны «Общего рынка». Ориентация стран-членов СЭВ на внешние рынки в сочетании с активным внедрением рыночных основ в народное хозяйство усугубляла кризисную ситуацию [7. С. 60–61].

Другим важным фактором, оказывавшим сильное влияние на развитие НТС стран СЭВ, явился тезис о невыгодности связей СССР со странами Восточной Европы. Во второй половине 1980-х гг. во властных кругах Советского Союза нарастала критика эффективности социалистической интеграции стран СЭВ [8. С. 159–160]. Прямым следствием этого стало сворачивание отношений СССР со странами СЭВ в сочетании с явной ориентацией советского руководства на развитие отношений с Западом.

Научно-техническое сотрудничество СССР и его регионов со странами СЭВ в 1985–1991 гг. осуществлялось в контексте описанных событий. Ввиду сложившихся противоречий в экономическом механизме сотрудничества реформы не оказали мгновенного воздействия на развитие научно-технических связей. В целом связи нового образца в сфере науки и техники получили ограниченное применение и не принесли ожидаемого эффекта. Как отмечают исследователи, к 1989 г. из более чем 1600 установленных прямых связей между предприятиями СССР и стран СЭВ лишь 13% имели своей целью развитие кооперации в производстве – остальные ограничивались взаимодействием научно-технических организаций без выхода на производство. Осложнял реализацию задуманного факт отсутствия при 70% головных организаций СССР по КП НТП необходимого производственного потенциала. К 1989 г. советские головные организации не смогли в полном объеме приступить к осуществлению своих функций [5. С. 27–29].

[1] О государственном предприятии (объединении): Закон СССР от 30.06.1987 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=886 (дата обращения: 21.08.2015).

Переходя к исследованию регионального уровня, отметим, что в этих условиях сотрудничество научных организаций ЧАССР с родственными учреждениями стран СЭВ реализовывалось в прежних формах связей. В 1985–1991 гг. были продолжены работы, начатые ранее в рамках долгосрочных проектов в двустороннем и многостороннем форматах. Лидирующие позиции в осуществлении НТС занимал Всесоюзный научно-исследовательский институт релестроения (ВНИИР). Ведущую роль в международных контактах института играли исследования, проводимые в рамках рабочих групп международной экономической организации социалистических стран «Интерэлектро»: рабочей группы № 4 «Низковольтная аппаратура» и рабочей группы № 9 «Преобразовательная техника».

В составе рабочей группы № 4 в 1986–1990 гг. ВНИИР участвовал в создании унифицированной серии тепловых реле [4. Д. 4682. Л. 24–25]. В то же время институт принимал участие в работах по созданию ряда унифицированных комплектных изделий для автоматизированного производства. В ходе сотрудничества по данной теме в 1988 г. институт совместно с другими советскими и чехословацкими научно-исследовательскими организациями представил на рассмотрение рабочей группы информацию по разработке герконовых реле и контакторов. Однако уже в это время наблюдалось некоторое снижение интереса восточноевропейских стран СЭВ к развитию НТС с СССР, что проявилось в затягивании германской и чехословацкой сторонами выполнения запланированных работ [4. Д. 4681. Л. 34–37].

В рамках рабочей группы № 9 в рассматриваемый период ВНИИР участвовал в реализации программы научно-исследовательских, проектно-конструкторских и экспериментальных работ по созданию унифицированных электроприводов для металлорежущих станков и промышленных роботов. Причём чебоксарскому институту в рамках этой программы была отведена ключевая роль – он выступал координационным центром организации и проведения совместных НИОКР [4. Д. 4422. Л. 37]. В данный период институт координировал проведение совместных многосторонних работ стран СЭВ по созданию ряда комплектных электроприводов главного движения, а также многоосевых транзисторных синхронных электродвигателей механизмов подачи с использованием базовой информационной системы [3].

НИОКР были разбиты на несколько направлений, переданных отдельным странам-участницам. Однако, несмотря на рациональную организацию работ и достаточную материально-техническую базу сотрудничавших организаций, общий ход исследований был затруднён дезинтеграционными, кризисными процессами, развернувшимися в конце 1980-х гг. в пространстве СЭВ. К 1988 г. по ряду программ сотрудничавшие стороны уже завершили исследования, и работа велась уже на опытно-конструкторской стадии. Тем не менее совещание экспертов рабочей группы отметило, что ряд стран не выполнил запланированные работы в срок [4. Д. 4697. Л. 10–20]. К концу 1988 г. только СССР завершил разработку конструкторской документации и испытания опытных образцов оборудования по своей теме – комплектный электропривод главного движения для скоростной обработки с использованием высокочастотных преобразователей для питания электрошпинделей [4. Д. 4697. Л. 91]. В 1989 г. советской стороной были завершены работы по освоению производства нового оборудования. Остальные страны-участники программы несколько отставали в проведении опытно-конструкторских работ. Тем не менее в 1989 г. была разработана конструкторская документация и изготовлены опытные образцы транзисторного электропривода типа ЭПБ-3 с синхронным двигателем с моментом до 70 Нм. Также СССР

досрочно закончил опытно-конструкторские работы и начал производство цифроаналогового электропривода типа ЭПБ-2МП [4. Д. 4839. Л. 142–152]. Однако сворачивание в 1990–1991 гг. сотрудничества СССР и стран СЭВ в рамках Интерэлектро помешало довести до конца намеченные работы.

Таким образом, внедрение в практику конца 1980-х гг. прямого, непосредственного сотрудничества организаций стран СЭВ слабо отразилось на характере международных связей научных организаций республики. В то же время производственные хозяйственные организации региона смогли реализовать на практике нововведения второй половины 1980-х гг. Прежде всего новые формы сотрудничества нашли применение в уже устоявшихся международных связях предприятий республики по линии ЧРООСВД.

Так, непосредственные связи были установлены между работниками Канашского и Хатванского железнодорожных узлов. Основными направлениями сотрудничества между станциями стали вопросы совершенствования технологии перевозочного процесса [1. Оп. 50. Д. 133. Л. 32]. В 1985–1986 гг. железнодорожники совершили обмен опытом: по совершенствованию перевозочного процесса на горке; работы маневрового диспетчера и дежурного по станции; в применении ЭВМ на железнодорожном узле [1. Оп. 58. Д. 256. Л. 29]; по организации работы на посту электрической централизации узла [1. Оп. 60. Д. 252. Л. 66]. Реализация непосредственных технических связей с венгерскими коллегами позволила Канашским железнодорожникам автоматизировать установку башмаков торможения при роспуске вагонов с горки [1. Оп. 60. Д. 302. Л. 20–21].

В 1987–1988 гг. Чебоксарским агрегатным заводом и Эгерским заводом точной арматуры были сделаны шаги навстречу развитию непосредственного сотрудничества и кооперированного производства: руководство предприятий положительно решило вопрос о возможности изготовления Чебоксарским заводом отливок для корпусов пневмоцилиндров, производимых венгерским предприятием [1. Оп. 62. Д. 152. Л. 5]. В мае 1988 г. делегация специалистов агрегатного завода изучила опыт венгерских коллег по разработке рабочими программ для станков с ЧПУ [1. Оп. 62. Д. 152. Л. 18].

Также непосредственные связи были установлены строительными организациями Чебоксар и Эгера. В 1986 г. венгерские строители во время пребывания в Чебоксарах ознакомились с новой кассетно-конвейерной линией цеха № 3 ДСК имени 60-летия СССР [1. Оп. 60. Д. 252. Л. 67]. В 1988 г. специалистами предприятия «Чувашградострой» по опыту венгерских коллег была освоена технология изготовления индивидуальных жилых домов, гипсовых пустотных сборных перегородок. Венгерские строители, в свою очередь, изучили технологию изготовления сборного железобетона, деталей крупнопанельного домостроения, а также опыт серийного производства школ [1. Оп. 69. Д. 642. Л. 33].

В 1989–1990 гг. происходит некоторое снижение динамики двустороннего НТС хозяйственных организаций ЧАССР и Хевешской области ВНР в рамках ЧРООСВД [1. Оп. 69. Д. 642. Л. 34]. К 1990 г. ввиду дезинтеграционных процессов в рамках СЭВ контакты и вовсе были прерваны. Сотрудничая в рамках ЧРООСВД, промышленные предприятия осуществляли регулярные взаимные контакты, устанавливали связи на личном уровне, оперативно решали вопросы научного и технического взаимодействия, что позволило значительно раскрыть потенциал НТС широкого спектра промышленных предприятий на региональном уровне.

Подводя итог рассмотрению научно-технических связей научных и производственных организаций республики со странами СЭВ в 1985–1991 гг., важно заметить, что все кризисные проявления в экономических отношениях и функционировании хозяйства социалистических стран нашли отражение в сфере

НТС. В течение 1985–1991 гг. ряд предприятий ЧАССР в соответствии с положениями закона о государственном предприятии 1987 г. установил непосредственные научно-технические связи с родственными организациями стран СЭВ. Во многом внедрение связей нового типа оказывало положительное влияние на научно-техническое развитие социалистических стран: сотрудничество стало более оперативным и приобрело адресный характер, а сама суть связей нового типа предполагала высокую степень взаимной выгоды. Тем не менее действие реформ было ограничено сферой производственного сотрудничества и слабо затрагивало связи научных организаций региона со странами СЭВ. Так, ВНИИР, продолжая исследования предшествующих лет, в тесном сотрудничестве с родственными зарубежными организациями работал над решением важнейших комплексных проблем, включенных в перечень направлений исследований КП НТП стран СЭВ до 2000 г. В то же время начатые в конце 1980-х гг. реформы не были доведены до логического конца: СЭВ был распущен до того момента, как реформы могли бы принести какие-либо ощутимые результаты. Вскоре прекратил своё существование и СССР. Эти события и ознаменовали прекращение научно-технических связей региона с социалистическими странами как таковыми – мировая социалистическая система рухнула.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1.

2. *Ильин М.С.* Комплексная программа научно-технического прогресса стран СЭВ. М.: Знание, 1987. 61 с.

3. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 419. Оп. 1. Д. 4046. Л. 39–72.

4. РГАЭ. Ф. 419. Оп. 2.

5. Страны СЭВ: прямые связи и товарно-денежные инструменты. М.: Наука, 1989. 160 с.

6. *Федин С.Ю. Якушин А.Б.* Проблемы координации межотраслевых взаимодействий при реализации КП-НТП стран-членов СЭВ // Пути к технологическому сотрудничеству (тенденции 80-х годов): сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 33–49.

7. *Широков О.Н.* Международная экономическая интеграция республик Волго-Вятского экономического района в 1949–1991 гг.: исторический опыт. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2013. 176 с.

8. *Широков О.Н.* Методы кризисного управления СЭВ в период перестройки // Проблемы социальной, экономической и политической России XVIII – начала XXI века в историографических традициях региона: Смирновские чтения: сб. ст. Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 153–163.

9. *Широков О.Н.* Цели и функции СЭВ в начальный период развития // Вестник Чувашского университета. 2006. № 3. С. 64–70.

КОЗЛОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – учитель истории, МБОУ СОШ № 14, Россия, Новочебоксарск (ndrkozlov@rambler.ru).

A. KOZLOV

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TIES OF INDUSTRIAL ENTERPTISES AND SCIENTIFIC RESEARCH ORGANIZATIONS OF THE CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC AND SOCIALIST COUNTRIES IN THE PERIOD OF THE CMEA CRISIS (1985–1991)

Key words: *CMEA, the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, the period of the CMEA crisis, CMEA reform, international scientific and technical cooperation of the USSR, «direct economic links», market mechanism, direct scientific and technical cooperation of economic organizations of USSR regions.*

The article describes the basic trends in development of scientific and technical relations between industrial enterprises and scientific organizations of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic and CMEA countries in 1985–1991. The main goal of reforming the system

of scientific and technical links of socialist countries in the second half of the 1980s was intensification of cooperation through the development of direct links between the subjects of cooperation as well as introduction of market mechanisms in economic regulation. The new type of economic, scientific and technical links on the regional scale didn't come into widespread acceptance due to the emergence of a number of contradictions in the process of building «market socialism». In 1985-1991 cooperation of the leading scientific research institute of the region, the All-Union Research Institute of Relay Engineering (VNIIR), with the organizations of CMEA countries was carried out in previous forms. Interelectro played a special role in organizing these relations, within the framework of which VNIIR acted as a coordinating center for a number of research problems. At the level of the Chuvash ASSR, direct contacts with the organizations of CMEA countries found application only in the field of technical cooperation between production enterprises. The activities of the Chuvash regional branch of the Society of Soviet-Hungarian Friendship played an important role in the development of direct cooperative links between Chuvashia's industry and the socialist countries abroad. This feature largely determined the geography of direct links development between the enterprises of Chuvashia by the space of the Heves region of the Hungarian People's Republic. Despite its prospects, direct cooperation between the scientific and production organizations of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic and CMEA countries did not bring considerable results in the field of scientific and technical cooperation. This can be explained both by contradictoriness of economic reforms carried out and by growing crisis trends in relations of the Commonwealth countries by 1991. At the same time, previous forms of cooperation, organized through international organizations of the Council countries as well as through sectoral and intersectoral interaction of CMEA countries for some time demonstrated their efficiency. However, they lost their effectiveness by 1991 due to the gradual destruction of the economic bloc.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 1* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 1].

2. Il'in M.S. *Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa stran SEV* [Comprehensive Program of Scientific and Technological Progress of the CMEA countries]. Moscow, Znaniye Publ., 1987, 61 p.

3. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. Fond 419. Opis' 1. Dokument 4046. List 39-72* [Russian State Archives of Economics. Archive 419. Anagraph 1. Document 4046. pp. 39–72].

4. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. Fond 419. Opis' 2* [Russian State Archives of Economics. Archive 419. Anagraph 2].

5. *Strany SEV: pryamye svyazi i tovarno-denezhnye instrumenty* [The CMEA countries: direct communications and commodity-money instruments]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 160 p.

6. Fedin S.Yu. *Yakushin A.B. Problemy koordinatsii mezhotraslevykh vzaimodeistvii pri realizatsii KP-NTP stran-chlenov SEV* [Problems of coordination of interbranch interactions in the implementation of the Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress of the CMEA Member Countries]. *Puti k tekhnologicheskomu sotrudnichestvu (tendentsii 80-kh godov): sb. st.* [Ways of technological cooperation (trends of 80s). A collection of articles]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 33–49.

7. Shirokov O.N. *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo raiona v 1949–1991 gg.: istoricheskii opyt* [International economic integration of the republics of the Volga-Vyatka economic region in 1949–1991: historical experience]. Cheboksary, Interactive Plus Publ., 2013, 176 p.

8. Shirokov O.N. *Metody krizisnogo upravleniya SEV v period perestroiki* [Methods of crisis management of CMEA in the period of perestroika]. *Problemy sotsial'noi, ekonomicheskoi i politicheskoi Rossii XVIII – nachala XXI veka v istoriograficheskikh traditsiyakh regiona: Smirnovskie chteniya: sb. st. Vseros. nauch. konf.* [Proc. of Rus. Conf. «Problems of social, economic and political Russia of the XVIII – beginning of the XXI century in the historiographic traditions of the region: Smirnov's readings»]. Cheboksary, 2012, Chuvash State University Publ., pp. 153–163.

9. Shirokov O.N. *Tseli i funktsii SEV v nachal'nyi period razvitiya* [The aims and functions of CMEA in the initial period of development]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 3, pp. 64–70.

KOZLOV ANDREY – History Teacher, Secondary School № 14, Russia, Novocheboksarsk (ndrkozlov@rambler.ru).

Ссылка на статью: *Козлов А.А.* Научно-технические связи промышленных предприятий и научно-исследовательских организаций Чувашской АССР и социалистических стран в период кризиса СЭВ (1985–1991 гг.) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 118–124.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ ЭСЕРОВ: ВИДЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (концептуальный аспект)

Ключевые слова: *терроризм, война, политическое насилие, виды терроризма, региональный революционный терроризм, партия социалистов-революционеров (ПСР), летучий боевой отряд (ЛБО), экспроприации, правоохранительный террор социалистов-революционеров (эсеров), Областной комитет ПСР.*

Одним из негативных признаков социально-политической жизни современной России являются теракты. Они представляют угрозу не только стабильности нашего общества, но и военной безопасности государства. В то же время отечественной наукой терроризму уделено меньше внимания, чем того требует актуальность этого явления. Исследователь считает, что разработка концептуальных положений терроррологической тематики сегодня необходима не только для науки, но и для подготовки офицерских кадров. Дальнейшее осмысление терроризма важно не столько в научно-исследовательском плане, сколько в контексте организации противодействия терроризму со стороны государства. В этой деятельности непосредственное участие принимают офицеры армии и органов безопасности. По мнению автора, в массовом сознании происходит конвергенция дефиниций понятий «война» и «терроризм», что объяснимо с политической точки зрения, но требует детализации с научной. В настоящее время проблема терроризма также стала темой информационно-психологического противостояния ряда государств, что негативно отражается на борьбе с международным терроризмом. Одно из условий разрешения проблемы – изучение истории терроризма. В работе проводится анализ видов терроризма партии социалистов-революционеров (эсеров), которая активно использовала насилие в начале прошлого века. Приводятся факты террористической практики организаций эсеров в Поволжье в первые годы XX в., что позволяет раскрыть особенности регионального революционного терроризма. Автор делает вывод о том, что «терроризм» и «война» являются формами политического насилия. Однако, несмотря на внешнюю схожесть, они имеют большие различия, что не позволяет отождествлять их в военном аспекте. Принципиальное отличие, в первую очередь, заключается в разнице объектов насилия со стороны воинских и террористических (боевых) формирований.

В январе 2017 г. исполнилось 115 лет со дня официального объявления об образовании партии социалистов-революционеров (ПСР) [11. С. 8]. Сто лет назад, по мнению ряда исследователей, эта партия являлась самой многочисленной в стране: летом 1917 г. в 436 партийных организациях насчитывалось около 1 млн человек [16. С. 4]. Социалисты-революционеры (эсеры) считали себя последователями дела российских народников второй половины XIX в. и, в первую очередь, организации «Народная воля». Как известно, специфической особенностью тактики, унаследованной эсерами от народовольцев, был терроризм [7. С. 7]. Теракты продолжают оставаться устойчивым признаком современной российской действительности. По оценкам экспертов, международный терроризм в будущем станет более разветвлённым, децентрализованным и будет состоять из объединённых общей экстремистской идеологией автономных группировок, ячеек и отдельных профессиональных террористов. Политическое руководство России неоднократно заявляло о том, что стране объявлена «террористическая война» [20]. В связи с этим сегодня большую важность приобретает решение концептуальной проблемы о соотношении «терроризма» и «войны». Особенно хорошо это видно на примере ситуации в соседней Украине, где несколько лет ведется «анти-

террористическая операция» (АТО), но в которой тяжело найти «классических террористов» и конкретные теракты. Некоторые ученые и политики пытаются максимально уменьшить дистанцию между терроризмом и войной. Они, например, уравнивают локальные военные конфликты с их диверсионными или партизанскими действиями и террористические операции. Так, американский социолог Б. Дженкинс считает, что «терроризм выступает в качестве «суррогатной войны», подразумевая под ней особый метод ведения тайных устрашающих военных действий» [17. С. 72]. Английский политолог Р. Клаттербак назвал «терроризм современной формой гражданской войны» [3. С. 231]. Логика этих специалистов может быть понятна с политической точки зрения. Однако подобного подхода придерживаются и некоторые военные теоретики, в частности, авторитетные российские эксперты (Л. Ивашов и др.) [20. С. 8]. Такое положение дел требует глубокого осмысления, так как оно влияет на военную безопасность нашего государства. В общественном сознании также происходит конвергенция дефиниций понятий «война» и «терроризм», что сказывается на отношении рядовых граждан к известным фактам террористического насилия.

В последние годы военно-политическая обстановка в мире резко усложнилась. Вероятность проведения в будущем новых террористических акций против нашего государства и общества вполне возможны. Автор считает, что в условиях примерного равенства военно-технических потенциалов армий ведущих государств особую роль в успехе в будущей войне и противодействии терроризму приобретает, в частности, человеческий фактор. Исходя из этого, на наш взгляд, возрастает значение исторической подготовки военных кадров, изучения ими различных аспектов терроризма. Офицеры Российской армии и органов безопасности должны знать историю российского терроризма и опыт противодействия ему в прошлом, чтобы уметь грамотно противостоять ему в современных условиях. Парадоксально, но в обществе до сих пор отсутствует общее видение природы терроризма [2. С. 187]. Эта ситуация в какой-то степени напоминает ту, которая была в 20–30-е гг. XX в. в отношении теории фашизма – ее просто не было: чем все это закончилось для судеб миллионов людей, хорошо известно.

Своего наибольшего размаха терроризм в нашей стране достиг в начале XX в., когда он стал одним из основных элементов революционного движения. Террор, проводимый в целях коренного переустройства общества, мы называем революционным. Хронологически он охватывает в России период с апреля 1902 г. до августа 1911 г. Активнейшим участником этого процесса была партия социалистов-революционеров [12]. В последние годы увидело свет несколько крупных работ и монографий по истории эсеров. Особый интерес, на наш взгляд, представляют труды М.И. Леонова, К.Н. Морозова и О.В. Будницкого [11, 16, 1]. Авторитетный самарский исследователь эсеров Леонов отмечает, что «террористические организации были частью партии» [11. С. 24]. Террору, по мнению учёного, отводилась особая роль в повышении революционного настроения масс, приобщении их к политической деятельности на примере самопожертвования героя. Террористические покушения, по мысли эсеров, ослабляли, устрашали, дезорганизовывали, сдерживали произвол правительства, воспитывали в массах умение бороться. Много говорилось о слиянии терроризма и массового движения. Леонов утверждает, что «террористическое направление преобладало в партии» [11. С. 22]. В отечественной исторической литературе порой принято сводить террор эсеров лишь к индивидуальному политическому террору [9. С. 18]. Однако, как считает Леонов, «эсеровский террор не был одноплановым» [11. С. 24].

Видный историк эсеров Морозов пишет, что в начале прошлого века существовало достаточно много «различных дефиниций видов и форм террористической деятельности» партии. Их создавали и использовали сами революционеры, удовлетворяя потребность в дифференциации разных видов и форм «оппозиционного терроризма». Морозов выделяет четыре вида террористической деятельности эсеров: политический, военный, тюремный и экономический террор [16. С. 328]. Значительного внимания заслуживают труды ульяновского автора В.Б. Петухова, участвующего в разработке концептуальных подходов к проблеме терроризма. Его работы помогают разобраться в происходящем, но при этом в них отсутствует региональная специфика [17, 18]. Известный специалист по «левому» терроризму В.В. Витюк относит к терактам убийства политиков, военных и юристов, а также диверсии, захваты заложников и шантаж. В то же время он подчеркивает, что «не каждый взрыв, выстрел или поджог являются террористическими актами» [4. С. 43]. Определенный интерес представляет статья военного ученого В.А. Вахрушева [2]. История российского революционного терроризма исследуется в работе Е.К. Минеевой и А.В. Манькова [13]. Маньков рассматривает терроризм в контексте общей активизации насилия в ходе революции 1905–1907 гг. и выделяет при этом «региональный революционный терроризм» [14. С. 96]. Террору придавал решающее значение один из руководителей Боевой организации ПСР Б.В. Савинков. Он оставил подробные воспоминания, в которых нашлось место рассматриваемой проблеме [19]. Многие детали концепции эсеровского террора раскрывает в своих мемуарах лидер ПСР В.М. Чернов [21].

В то же время, как отмечает крупный специалист по российскому революционному терроризму О.В. Будницкий, несмотря на имеющиеся работы, «терроризм, оказавший столь глубокое воздействие на политическое развитие и … психологию русского общества», продолжает оставаться «практически не исследованным как специфическое явление» [1. С. 3]. Эсеры начала XX в. считали свою террористическую деятельность «боевой»: терроризм они называли «боевым делом» [19. С. 70]. Может быть, революционеры уже тогда сравнивали «терроризм» с «войной», а российский исторический опыт сегодня может стать одним из путей решения исследуемой проблемы? Современная террористическая проблематика придает новый импульс изучению экстремистской практики прошлого. Применяя закономерности диалектической логики и принцип историзма, автор настоящей статьи вносит определенную новизну в изучение проблемы, участвуя в осмыслении концепции терроризма на примерах конкретной террористической тактики начала XX в. Цель данной работы – сравнить сущность явлений «терроризм» и «война» путем анализа видов террористической деятельности ПСР. Ключевым вопросом при этом будет выявление основных объектов терроризирования эсеров.

В «Манифесте партии социалистов-революционеров», вышедшем в 1901 г., было указано: «Систематический террор совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее значение формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и пр.), приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекращается лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы» [7. С. 10]. Доминирующее положение в иерархии эсеровского терроризма на протяжении всего времени существования партии занимал политический террор. Объектом политического террора официально признавались, как правило, «носители власти». Особого внимания исследователя заслуживает то, что в зависимости от уровня занимаемых носителями власти постов, а также от значения,

которое будет иметь данный теракт, политический террор эсеров подразделялся на «центральный» и «местный». Ведущее место в тактике партии до 1905 г. занимал «центральный» террор. Он был направлен против считавшихся эсерами наиболее влиятельных и крайне реакционных государственных деятелей [12]. В то же время в ПСР вплоть до «третьеиюньского государственного переворота» официально не ставился вопрос о покушении на царя. При этом, отмечают историки, приводились самые разнообразные доводы, «но прежде всего принималось во внимание то, что народовольческий опыт цареубийства не нашёл надлежащего отклика в обществе; отмечались и ничтожность, марионеточность фигуры Николая II, его якобы полная зависимость от окружающих лиц» [10. С. 159].

Для совершения актов «центрального значения» против наиболее значительных фигур, чьё убийство могло иметь большой общественный резонанс, с осени 1901 г. стала создаваться Боевая организация партии социалистов-революционеров (БО ПСР). Инициатором создания, первым руководителем и автором первого устава БО явился Г.А. Гершуни. «Романтик революции», человек с железной волей, он оказывал на рядовых революционеров глубокое влияние. Первоначально БО состояла из Гершуни и привлекаемых им для совершения конкретных покушений террористов. Гершуни определял деятельность БО следующим образом: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить далее самодержавный строй» [19. С. 71]. Однако нельзя не отметить, что границы между «центральным» и «местным» террором были весьма условны и расплывчаты. «Местный» террор находился в ведении террористических (боевых) структур региональных (областных) организаций ПСР. БО за все годы своего существования осуществила 11 покушений и убийств (5% от общего числа) [14. С. 96]. Остальные эсеровские теракты были делом рук других террористических групп [11. С. 24].

В ходе первой русской революции процесс образования этих групп приобретает лавинообразный и во многом стихийный характер. Подавляющее большинство боевых структур возникало по инициативе местных организаций и им же было подотчетно. Впрочем, как отмечают исследователи, в условиях взрывоподобного роста партии, разгоревшейся революции, раскованности инициативы и при демократическом характере отношений между партийным центром и периферией подобное положение было вполне закономерным [16. С. 333]. Многократные попытки руководства партии были направлены не столько в сторону установления полного контроля над местными организациями и их боевыми дружинами, что было, видимо, абсолютно нереально, сколько в сторону хотя бы некоторого ограничения порочной практики частных экспроприаций и «безответственных» террористических актов, от которых гибли невинные люди. Так, Морозов подчеркивает, что «руководство партии неоднократно напоминало низовым организациям о недопустимости несанкционированного применения террора к частным лицам, включая и идейных противников» [16. С. 328]. Следует также обратить внимание на то, что на практике имела место «двоякость» политического террора. Сущность такого состояния заключалась в том, что БО ПСР и другие боевые структуры ЦК совершали акты не только «центрального» террора. Так, Центральный боевой отряд (А. Биценко, Б. Вноровский) в ноябре 1905 г. застрелил в Саратове бывшего военного министра генерала В.В. Сахарова. В то же время «местные» террористические структуры,

напротив, совершали акты «центрального значения» (например, Летучий боевой отряд Северной области (ЛБО СО ПСР) [16. С. 328–329].

С 1906 г. можно говорить о доминировании в практике насилия «регионального терроризма». Он возглавлялся Областными комитетами ПСР (ОК) [14. С. 96]. ОК направлял боевую работу в области (регионе), в которую входили несколько географически близких губерний. При ОК создавался Летучий боевой отряд (ЛБО), которым руководили организатор и инструктор из состава членов ОК. «Областники», исходя из решений ЦК, самостоятельно определяли конкретные объекты террора, организовывали и проводили акции [15. С. 104]. И хотя эсеровские эмиссары из центра постоянно вникали в работу «областников», региональный терроризм становился вполне самостоятельным явлением. Основным объектом регионального терроризирования были высшие региональные чиновники. Так, в сентябре 1906 г. в центре Симбирска был смертельно ранен местный губернатор генерал К.С. Старынкевич. 25 января 1907 г. в Пензе был убит губернатор С.В. Александровский. 21 июля 1906 г. в Самаре застрелен губернатор И.Л. Блок [12]. Покушения против вице-губернаторов были совершены в Саратове и Казани.

Особняком в террористической деятельности партии стоял «военный террор». Под военным террором в начале XX в. эсеры понимали стихийные или организованные убийства как отдельными солдатами и матросами своих обидчиков – офицеров, так и партийными боевыми дружинами. Партийные военные организации, как известно, не предпринимали террористических действий против офицеров, предпочитая нацеливать солдат на вооруженные восстания, в ходе которых порой и происходили убийства отдельных офицеров. Вопросы организации военного террора были неплохо разработаны в партии, о чём свидетельствует, например, совещание военных работников с членами ЦК ПСР, состоявшееся в ноябре 1907 г. Эсеры подчеркивали, что «террор в войсках и примененный самими военными приучает массы к непосредственной борьбе с начальством, воспитывая инициативу и самостоятельность» [16. С. 329]. Морозов пишет, что в практике терроризма военный террор совершенно не использовался [16. С. 330]. Возможно, что его роль и место в тактике терроризма эсеров еще предстоит пересмотреть с введением в научный оборот нового регионального материала.

Особое место в практике эсеров принадлежало «тюремному террору». К тюремному террору следует относить террористические действия против «наиболее рьяных деятелей судебного и тюремного ведомств, прославившихся суровыми приговорами и жестоким обращением с политическими заключёнными» [16. С. 330]. Исследователи отмечают, что эта своеобразная разновидность террористической деятельности была весьма распространена [16. С. 330].

Противоречивое положение в деятельности партии занимал «экономический террор». Он включал в себя убийства и избиения помещиков, управляющих, директоров фабрик, мастеров и т.п., а также причинение экономического ущерба: захват помещичьих земель, потрава посевов, уничтожение домов и хозяйственных построек землевладельцев, порча фабричного оборудования и т.д. Экономический террор, в свою очередь, подразделялся на аграрный и фабричный. Морозов считает, что фабричный и, более всего, аграрный террор были популярны у части рабочих и крестьян самых разных регионов России, особенно в годы первой русской революции [16. С. 328].

Автор статьи считает, что в период революции большие масштабы приобрел так называемый «правоохранительный террор», о котором другие авторы не упоминают. Его основными объектами стали полицейские и жандармы. Так,

в январе 1906 г. в Пензе был убит полицмейстер Д.Д. Кандауров. В начале 1907 г. ЦК ПСР постановил, что следует «убивать жандармских офицеров и сыщиков, которые мешают работать организации» [6]. В Симбирской губернии в апреле 1907 г. член Поволжского ЛБО смертельно ранил карсунского уездного исправника В.В. Шемякина, отличавшегося особой жестокостью. Еще в конце 1980-х гг. видный исследователь ПСР Н.Д. Ерофеев отмечал, что «в значительной степени эсеровский террор направлялся против чинов охранного ведомства» [8. С. 124]. Сильное впечатление на общество произвело убийство в декабре 1907 г. в Самаре начальника Районного охранного отделения и Губернского жандармского управления полковника М.П. Боброва [5]. Руководителя поволжских жандармов хорошо знал и лично ценил П.А. Столыпин.

Таким образом, основными объектами регионального терроризирования эсеров в исследуемый период явились: 1) губернаторы и их заместители; 2) жандармские офицеры; 3) полицейские.

Помимо осуществления терактов местные боевые дружины выполняли и множество других самых разнообразных функций. К числу наиболее важных относились: охрана демонстраций и митингов, участие в баррикадных боях, уничтожение провокаторов и шпионов, добывание средств для партийных касс путем экспроприаций. Экспроприации денег, отмечает Морозов, «стали повальным увлечением множества боевых дружин партии в период первой русской революции и вызвали серьезную тревогу у руководства партии» [16. С. 334]. Они, считает ученый, вели к разложению партийной дисциплины, и без того недостаточно крепкой, приводили порой к вырождению отдельных боевых дружин низового уровня в грабительские шайки. Экспроприированные деньги очень часто утаивались от вышестоящих партийных комитетов, направлялись на нужды местных организаций, а иногда и попросту разворовывались [16. С. 334]. Крайне негативное влияние экспроприаций на партийные организации отмечает в своих работах М.И. Леонов. Экспроприации, подчеркивает он, волной пошли с 1906 г. [11. С. 29]. «Экспроприаторская зараза» поражала организации и не все экспроприации завершались бескровно. Видимая легкость получения средств пробуждала нездоровые инстинкты. Общеизвестными стали факты, когда партийным флагом прикрывались откровенные уголовники [11. С. 29]. В свою очередь, вчерашние боевики вырождались и сами превращались в самых настоящих уголовников, дискредитируя как местные организации, так и всю партию. По мнению Леонова, «нравственные идеалы диссонировали с грубой жестокостью экспроприаций» [11. С. 29]. По этому вопросу в самой партии шли острейшие споры. Один из лидеров эсеров Е.К. Брешко-Брешковская, выступая на II съезде партии, призвала «отсечь гангрену», в которой ей виделась тактика экспроприаций [11. С. 29].

В заключение отметим, что терроризм – это особая форма политического насилия. Война также является формой политического насилия. Однако терроризм и война, несмотря на внешнюю схожесть, имеют большие различия. В первую очередь, война и терроризм отличаются по видам и объектам насилия. Эволюция терроризма, проходившая в начале XX в. в практике эсеров, позволяет нам разделить террористическую и воинскую деятельности,в частности, по этим признакам. Эсеры существенно развили террористическую тактику народовольцев, создав новые виды терроризма (местный, тюремный, экономический и др.). Революционный терроризм – одна из форм политического оппозиционного насилия, осуществляемого для разрешения назревших внутренних социальных проблем. Воинская деятельность позволяет решать задачи защиты государства от внешнего врага. При этом различны и субъекты насилия. Теракты совершаются небольшими группами людей (дружинами,

отрядами), в то время как военные действия, как правило, ведутся крупными государственными регулярными воинскими формированиями. Террористические отряды и дружины не являются регулярными структурами.

В настоящем очевидно, что крупные террористические операции имеют сходство с боевыми действиями. В этой связи как исследователям, так и представителям силовых и правоохранительных структур не лишне вспомнить об акции с «захватом» 1 сентября 1939 г. немецко-фашистскими спецподразделениями радиостанции в силезском г. Глейвиц, которая послужила непосредственным поводом для начала Второй мировой войны. Терроризм и война приводят к человеческим жертвам самого разного масштаба, иногда очень большим. В то же время терроризм – это не любые формы вооруженной борьбы. Террористическое насилие, конечно же, органически тяготеет к военным действиям, но существенно отличается по масштабам насилия в ходе войны.

В завершение вернемся к подготовке российских офицеров. Несмотря на имеющиеся различия революционного и современного терроризма, изучение истории террористической деятельности эсеров может способствовать выработке эффективных методов борьбы с террором в нынешних условиях. Социально-политический опыт драматичных событий начала прошлого века должен учитываться при обучении офицеров армии и органов безопасности. Знание региональной специфики террористической практики ПСР, несомненно, будет полезно при выработке мер борьбы с терроризмом на региональном уровне, которыми занимаются правоохранительные органы на местах. История дает нам очень интересные уроки, о которых мы почему-то часто забываем. Хорошо известно, что противника надо знать в лицо, а еще лучше изнутри! Наличие реальной террористической угрозы для России придает актуальность дальнейшему научному осмыслению и изучению различных аспектов терроризма.

Литература

1. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX–начало XX века). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

2. *Вахрушев В.А.* Исторические аспекты терроризма // Вестник академии военных наук. 2011. № 2(35). С. 187–196.

3. *Витюк В.В., Эфиров С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 322 с.

4. *Витюк В.В.* Терроризм постперестроечной эпохи // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 42–50.

5. Государственный архив Самарской области. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1076. Л. 27, 29.

6. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 766. Л. 13.

7. *Гусев К.В.* Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.

8. *Ерофеев Н.Д.* К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне Первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. С. 122–132.

9. История России: учеб. пособие: в 2 т. / *М.М. Горинов, А.А. Горский, А.А. Данилов и др.*; под ред. С.В. Леонова. Моск. пед. гос. ун-т. М.: Владос, 1995. Т. 2. 472 с.

10. История политических партий России / *Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев, С.В. Тютюкин и др.*; под ред. А.И. Зевелёва. М.: Высш. шк., 1994. 447 с.

11. *Леонов* М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара: Самарский гос. ун-т, 1992. 191 с.

12. *Маньков А.В.* Революционный терроризм партии эсеров: возникновение и периодизация // История в подробностях. 2012. № 12(30). С. 64–71.

13. *Маньков А.В., Минеева Е.К.* Российский революционный терроризм // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 67–76.

14. *Маньков А.В.* К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 93–98.

15. *Маньков А.В.* Региональный революционный терроризм: боевые структуры и объекты терроризирования эсеров Поволжья в 1905 г. // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 99–107.

16. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.

17. *Петухов В.Б.* Терроризм и война // Россия и мир: история, политика, культура. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. техн. ун-та, 2007. С. 71 – 76.

18. *Петухов В.Б.* Терроризм как социокультурное явление: учеб. пособие к спецкурсу. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. техн. ун-та, 2006. 108 с.

19. *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М.: Захаров, 2002. 556 с.

20. *Тихонов А*. Против террора – всем обществом // Красная Звезда. 2009. № 83(25326), 13-19 мая. С. 8–9.

21. *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания: Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 416 с.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт–Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

REVOLUTIONARY TERRORISM OF SOCIALIST REVOLUTIONARIES: KINDS OF PARTY'S TERRORIST ACTIVITY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (CONCEPTUAL ASPECT)

Key words: *terrorism, war, political violence, types of terrorism, regional revolutionary terrorism, the Socialist Revolutionary Party (SRP), a flying combat detachment (FCD), expropriations, law enforcement terror of the Socialist Revolutionaries, Regional Committee of the PSR.*

One of the negative signs of socio-political life of modern Russia are terrorist attacks. They pose a threat not only to stability of our society, but to the military security of the state as well. At the same time, domestic science gives less attention to terrorism than the urgency of this phenomenon requires. The researcher believes that development of conceptual provisions of terrorism studying is necessary not only for science, but for officer cadres training as well. Further comprehension of terrorism is important not so much in the scientific and research plan as in the context of organization terrorism countering by the state. Officers of the army and security agencies are directly involved in this activity. In the author's opinion, convergence of definitions of «war» and «terrorism» concepts takes place in public consciousness, which is understandable from the political point of view, but requires detailed elaboration from a scientific point of view. Currently the problem of terrorism has also become a topic of information and psychological confrontation in a number of states, which negatively affects the fight against international terrorism. One of the conditions for resolving the problem is the study of terrorism history. The paper analyzes the types of terrorism of the Socialist-Revolutionary Party (SRP), which actively used violence at the beginning of the last century. The facts of the terrorist practice of SR organizations in the Volga region in the first years of the XX century are given, which makes it possible to reveal features of regional revolutionary terrorism. The author concludes that «terrorism» and «war» are forms of political violence. However, despite external similarity, they have great differences, which do not allow to equal them in the military aspect. The fundamental difference primarily lies in the difference in objects of violence on the part of military and terrorist (armed) groups.

References

1. Budnickii O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psihologiya (vtoraya polovina XIX–nachalo XX veka)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIX-early XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 399 p.

2. Vakhrushev V.A. *Istoricheskie aspekty terrorizma* [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennyh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2011, no. 2(35). pp. 187–196.

3. Vityuk V.V., Efirov S.A. «*Levyi» terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost'* [«Left» terrorism in the West: history and modernity]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 322 p.

4. Vityuk V.V. *Terrorizm postperestroechnoi epokhi* [Terrorism post-perestroika era]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1993, no. 7, pp. 42–50.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [State Archive of the Samara Region. Archives. 468. Anagraph. 1. Document. 1076. P. 27, 29].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archives. 855. Anagraph 1. Document. 766. P. 13].

7. Gusev K.V. *Rycari terrora* [The Knights of Terror]. Moscow, Luch' Publ., 1992, 144 p.

8. Erofeev N.D. *K voprosu o chislennosti i sostave partii eserov nakanune Pervoi rossiiskoi revolyucii* [On the question of the number and composition of the Socialist-Revolutionary Party on the eve of the First Russian Revolution]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyuciyakh*: *sb. st.* [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions: collection of scientific papers]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 122–132.

9. Gorinov M.M., Gorskii A.A., Danilov A.A. et al.; Leonov S.V., ed. *Istoriya Rossii: v 2 t.* [History of Russia. 2 vols.]. Moscow, Vlados Publ., 1995, vol. 2, 472 p.

10. Dumova N.G., Erofeev N.D., Tyutyukin S.V. et al.; Zevelev A.I., ed. *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [The history of political parties in Russia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1994, 447 p.

11. Leonov M.I. *Esery v revolyucii 1905–1907 gg*. [Revolutionaries in the revolution of 1905-1907]. Samara, Samara State University Publ., 1992, 191 p.

12. Mankov A.V. *Revolyucionnyi terrorizm partii eserov: vozniknovenie i periodizaciya* [Revolutionary terrorism of the Socialist-Revolutionary Party: the emergence and periodization]. *Istoriya v podrobnostyakh* [History in details], 2012, no. 12(30), pp. 64–71.

13. Man'kov A.V., Mineeva E.K. *Rossiiskii revolyucionnyi terrorizm* [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2017, no. 7, pp. 67–76.

14. Man'kov A.V. *K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i evolyuciya v Rossii* [On the History of Terrorism: Origins, Formation and Evolution in Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 93–98.

15. Mankov A.V. *Regional'nyi revolyucionnyi terrorizm: boevye struktury i obekty terrorizirovaniya eserov Povolzh'ya v 1905 g.* [Regional revolutionary terrorism: combat structures and objects of terrorizing the Volga Socialist Revolutionaries in 1905]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 99–107.

16. Morozov K.N. *Partiya socialistov-revolyucionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist-Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 624 p.

17. Petuhov V.B. *Terrorizm i voina* [Terrorism and war]. *Rossiya i mir: istoriya, politika, kul'tura: sbornik nauchnykh trudov* [Russia and the world: history, politics, culture: collection of scientific papers]. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk State Technical University Publ., 2007, pp. 71–76.

18. Petukhov V.B. *Terrorizm kak sociokul'turnoe yavlenie*: *uchebnoe posobie k speckursu* [Terrorism as a socio-cultural phenomenon: training manual for a special course]. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk State Technical University Publ., 2006, 108 p.

19. Savinkov B.V. *Vospominaniya terrorista* [Memories of a terrorist]. Moscow, Zakharov Publ., 2002, 556 p.

20. Tikhonov A. *Protiv terrora – vsem obshchestvom* [Against terror – by all society]. *Krasnaya Zvezda* [Red star], 2009, May 13–19, no. 83(25326), pp. 8–9.

21. Chernov V.M. *Pered burei. Vospominaniya: Memuary* [Before the storm. Memoirs: Memoirs]. Minsk, Harvest Publ., 2004, 416 p.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Ссылка на статью: *Маньков А.В.* Революционный терроризм эсеров: виды террористической деятельности партии в начале XX века (концептуальный аспект) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 125–133.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ЭСЕРОВ В 1906 ГОДУ

Ключевые слова: *региональный революционный терроризм, Среднее Поволжье, партия социалистов-революционеров (ПСР), средневолжские социалисты-революционеры (эсеры), практика терроризма, боевая дружина, летучий боевой отряд (ЛБО), экспроприации, «охота на губернаторов», тактика терроризма.*

Тема статьи – революционный терроризм. Автор исследует террористическую деятельность партии социалистов-революционеров (эсеров), которая активно использовала методы политического насилия в начале XX в. Эсеры подняли терроризм на недосягаемую высоту в иерархии тактических приемов противоборства с царской властью. Террористическая деятельность обеспечила партии большую известность и достаточно высокую популярность среди радикально настроенных кругов российского общества. Благодаря усилиям эсеров терроризм принял общегосударственный и общенациональный характер. В 1905–1907 гг. революционный терроризм постепенно вышел за пределы столиц империи и перекинулся в губернии, города и уезды страны. Масштаб терроризма в Российской империи того времени, несомненно, впечатляет. Ареной жесточайшей «революционной террористической войны» стала практически вся территория огромного государства – от Польши и Прибалтики до Поволжья и Восточной Сибири. В центре внимания автора Среднее Поволжье и средневолжские организации этой общероссийской партии. В статье анализируется процесс изменения тактики революционного терроризма эсеров Среднего Поволжья в 1906 г. Приводятся факты из практики регионального революционного терроризма террористических структур партии в этом крае. Теракты продолжают оставаться составной частью российской действительности. Автор считает актуальным продолжение изучения истории революционного терроризма в России, проводившегося политическими партиями и организациями на различных этапах развития страны. Знание причин и особенностей терроризма в условиях социально-политического кризиса в России начала XX в., частью которого и стала революция, может помочь сегодня глубже понять причины и специфику современного терроризма как явления, тенденции его развития и способы борьбы с ним.

В ближайшие годы для нашего государства,по всей видимости, усилится угроза терроризма. В связи с этим, на наш взгляд, существенно возрастает актуальность проведения научных исследований феномена терроризма во всем многообразии его проявлений. Исходя из этого, нам видится важным продолжение изучения истории революционного терроризма в России, проводившегося оппозиционными политическими партиями и организациями. Масштаб их террористических проявлений достиг невиданных ранее размеров и приобрел общегосударственный характер в самом начале XX в. Интерес к теме терроризма в исследуемый период в исторической науке в последние годы значительно вырос. Так, террористическая деятельность партии социалистов-революционеров (эсеров) получила свое отражение в работах таких исследователей, как О.В. Будницкий, А. Гейфман, Р.А. Городницкий, К.В. Гусев, А.Ф. Жуков, О.Н. Квасов, Н.П. Курусканова, К.Н. Морозов, Д.Б. Павлов, опубликованных в разные годы [1, 3–6, 8, 11, 12, 24, 25]. Вышел в свет исторический справочник по проблеме терроризма, в котором немало внимания уделено и террористической практике эсеров [7].

Одним из регионов высокой активности эсеров было Поволжье [19. С. 67]. Исследования различных аспектов эсеровского терроризма проводятся авторами из этого края [9, 16, 17, 19, 26–28]. Отдельно необходимо выделить тру-

ды самарского ученого М.И. Леонова, получившие общероссийскую известность [20, 21]. В то же время специфика террористической деятельности региональной и местных организаций партии социалистов-революционеров (ПСР) в этом большом районе продолжает оставаться недостаточно изученным явлением. Это касается, в частности, террористической тактики эсеров и ее изменений, анализа объектов терроризирования и субъектов насилия.

Осенью 1901 г. эсеры первыми в России создали специализированную террористическую структуру, которая действовала в рамках партии, но находилась в ней на особом положении, – Боевую организацию ПСР (БО ПСР) [4]. Начало применению тактики терроризма на практике было положено 2 апреля 1902 г., когда состоялся первый эсеровский теракт – покушение на министра внутренних дел Д.С. Сипягина [21. С. 128]. На годы революции 1905–1907 гг., по оценкам исследователей, приходится пик революционного терроризма эсеров – 78,2% всех терактов, совершенных ими. С января 1905 г. по конец 1907 г. было совершено 233 террористических покушения, из них до 3 июня 1907 г., принятой в исторической литературе дате окончания первой русской революции, – 220 покушений [1. С. 28]. Большинство террористических посягательств эсеров пришлось на 1906 год: по разным подсчетам от 78 до 93 (в 1905 г. – от 51 до 59) [7, 8, 25]. Чем же была обусловлена эта возрастающая динамика, несмотря на спад общей революционной активности в стране в этот год? Что было характерно для террористической практики эсеров? В работе ставится цель выявить особенности тактики революционного терроризма эсеров в 1906 г. на примере деятельности партийных организаций Среднего Поволжья, что определяет новизну исследования.

Существующее до сих пор в нашей литературе мнение о том, что терроризм осуществлялся чуть ли не обособленной горсткой террористов-одиночек из Боевой организации ПСР, в последние годы уже давно опровергнуто. Так, Леонов совершенно справедливо отмечает, что террористические организации были частью партии [20. С. 22]. В начале 1905 г. активно действуют боевые организации при Белостокском, Волынском, Двинском, Витебском, Одесском, Гомельском, Красноярском, Уфимском, Московском и ряде других комитетов ПСР [5. С. 59]. Многие из боевых групп при местных организациях начинают функционировать с середины 1905 г. [20. С. 24]. В Среднем Поволжье в 1905 г., как и в других регионах страны, боевые дружины имелись в составе только наиболее крупных партийных организаций, например, таких, как Саратовская и Самарская [20. С. 111, 116]. В других губерниях, где силы эсеров были послабее, боевые дружины появились несколько позже – большинство из них создавались уже в конце 1905 – начале 1906 гг. [20. С. 24–25]. Так было и на Волге, в частности, в Симбирске дружина была организована лишь весной 1906 г. [2. Д. 994. Л. 416]. Процесс появления подобных организаций в местных партийных структурах самого различного уровня и масштаба становится отличительной особенностью тактики эсеровского революционного терроризма в ходе революции. Историк эсеров Морозов указывает, что пик террористических действий боевых дружин партийных организаций на местах пришелся на 1906 год [24. С. 333].

Почему это произошло? Весной 1906 г. в России происходит радикальное изменение политической обстановки. 27 апреля 1906 г. в Петербурге состоялось открытие I Государственной Думы. Это было поистине историческое событие для страны. Выборы в Думу принесли торжество оппозиции. Ее назвали «Думой народного гнева» [31. С. 257]. Перемены в общественно-политической жизни страны привели к изменению общей тактики партии эсеров – Центральный комитет (ЦК) снял с повестки дня лозунг вооруженного восстания как ближайшую за-

дачу. С открытием Думы также резко пошли на убыль и террористические настроения в стане руководителей партии. За несколько дней до начала работы Думы в Москве был созван I Совет партии (25-27 апреля) [21. С. 264]. Он принимает решение об изменении террористической тактики и временно приостанавливает террор в связи с работой Государственной Думы [23. С. 149]. Это решение далось руководству партии нелегко. Совет признал необходимость временной приостановки террористической и боевой деятельности и поручил ЦК провести это решение в исполнение, когда это окажется наиболее целесообразным. Отказ от террора распространялся только на период деятельности Думы. Внезапное изменение террористической тактики партии было неоднозначно встречено как среди рядовых боевиков, так и среди крупных партийных функционеров. Так, большинство членов БО, в частности Б.В. Савинков, считали отказ от террора «очевидной политической ошибкой» [30. С. 267]. Другие, например руководитель БО ПСР Е.Ф. Азеф, не были столь категоричны. Он высказался за отмену террора в связи с тем, чтобы дать возможность народу испробовать способ мирного разрешения своих основных задач. Таким образом, эсерами была вторично прекращена террористическая деятельность, но Совет партии дал ЦК право вернуться к нему, «когда этого потребуют интересы революции» [21. С. 275].

Однако период «перводумья» оказался недолгим. 9 июля 1906 г. царь разогнал I Государственную Думу. Она просуществовала всего 72 дня и была распущена, поскольку, будучи призванной «вносить спокойствие в общество», как значилось в царском манифесте, лишь «разжигает смуту». Действие Государственной Думы, по мнению современников, «с первого же дня вышло из пределов даже простых приличий, причем левые партии превратили думскую трибуну в кафедру антиправительственной и даже революционной пропаганды» [18. С. 70]. Роспуск Думы сопровождался сменой высшего чиновничьего аппарата. Так, вместо безынициативного И.Л. Горемыкина председателем правительства летом 1906 г. был назначен П.А. Столыпин, сохранивший при этом и портфель министра внутренних дел. Столыпин являлся представителем крупного поместного провинциального дворянства, получил университетское образование и до перевода в столицу занимал пост саратовского губернатора. Разгон Думы и изменения в правительстве незамедлительно привели к переменам и в политическом курсе. В то же время правительство боялось, что уже сам роспуск Думы приведет к серьезным волнениям. Однако, как выяснилось позже, население огромной страны практически не отреагировало ни на роспуск Государственной Думы, ни на так называемое «выборгское воззвание» бывших депутатов, которые уговаривали крестьян не платить податей и не давать новобранцев для армии [18. С. 72].

Зато отреагировали на это событие оппозиционеры. Первыми отметились эсеры-максималисты [8. С. 141]. 12 августа 1906 г. ими было совершено очередное покушение на Столыпина. Во время взрыва его дачи на Аптекарском острове в Петербурге погибли 27 человек и 33 ранены, однако глава правительства не пострадал [6. С. 29]. Действия эсеров-максималистов не являются предметом нашего исследования, но в связи с вышесказанным необходимо отметить следующее. Взрыв максималистами дачи на Аптекарском острове, по мнению самарского ученого П.С. Кабытова, «изменил психологический настрой Столыпина». 25 августа 1906 г. на заседании Совета министров он обратился с речью, в которой указал, «что действия террористов не должны оказать влияния на направление его политики. Он отметил, что его программа остается неизменной: безжалостное подавление всяких беспорядков и всяких революционных или террористических актов…. Поняв, что конституционными способами

с революцией и террористами справиться не удается, П.А. Столыпин становится сторонником принятия твердых мер, хотя и не оставлял попыток изменить существующее положение дел» [10. С. 24]. Генерал П.Г. Курлов, лично хорошо знавший Столыпина, писал, что председатель Совета министров «вступил в открытую борьбу с господствовавшей смутой» [18. С. 72]. Мы считаем сегодня, что тем самым самодержавие начало государственный террор против своего народа. По инициативе Столыпина 19 августа 1906 г. в Российской империи вводится система военно-полевых судов для гражданского населения, которые действовали до апреля 1907 г. В состав суда входило пять офицеров. Приговоры приводились в исполнение в суточный срок. Все чаще протестующих крестьян расстреливали войска, сотни людей арестовывались, но, подавляя одни волнения, стражники, солдаты и особенно казаки своими репрессиями провоцировали другие.

Опыт перводумских выборов и новая обстановка в стране приводят к изменению тактики партии эсеров как в центре, так и на местах. Центральный комитет ПСР после роспуска Думы решил снова возобновить центральный террор и продолжить работу Боевой организации [8. С. 140]. Летом 1906 г. ЦК определил приоритетной целью своей террористической деятельности убийство Столыпина, который стал основным объектом террора для Боевой организации партии. Возобновившая свое функционирование главная террористическая структура партии во главе с Азефом начала подготовку к покушению на председателя Совета министров, но осуществить свой план эсеры так и не смогли, несмотря на довольно серьезные подготовительные мероприятия. Как следствие этой неудачи Азеф и его заместитель Савинков приняли решение в связи с невозможностью продолжать работу в прежних технико-организационных формах самоустраниться от руководства БО ПСР. Дискуссии по этому поводу подробно освещены Савинковым в его мемуарах [30. С. 295–296]. II Совет партии, состоявшийся осенью 1906 г. на Иматре (в Финляндии), принял добровольную отставку руководителей БО. Азеф и Савинков уехали за границу, а большинство боевиков разъехались по стране [30. С. 302; 31. С. 269–271].

Серьезные изменения произошли и в деятельности региональных и местных организаций – в стране постепенно возобновилась активная террористическая практика [5. С. 65]. В Поволжье первые месяцы 1906 г. были временем относительного затишья эсеровской работы. В Симбирской губернии, например, прокатились волны арестов и судебных расследований [14. С. 53]. В феврале прошел III съезд эсеров Поволжской области, который призвал реорганизовать пропагандистскую работу и избрал новый областной комитет, перед которым была поставлена задача укрепить местные организации и создать боевые дружины [21. С. 267]. Начиная с весны обстановка стала накаляться: губернии Поволжья наводнялись войсками. К лету некоторые части периодически выходили из-под контроля командования по причине того, что были распропагандированы оппозиционерами. Так, самарский губернатор И.Л. Блок, говоря о военном гарнизоне, отмечал, что «опора порядка – эстляндский полк да казаки, остальные части лишь осложняют положение» [21. С. 294]. Все это создавало благоприятные условия для тех, кто боролся с властью. В начале июля (01–04.07) за несколько дней до роспуска Думы в Самаре состоялся IV съезд эсеров Поволжской области, в котором участвовал 31 делегат [21. С. 293]. Как отмечает М.И. Леонов, «все были полны надежд, с верой смотрели в будущее». Съезд принял решение готовиться к восстанию, перевести организации «на боевой лад» и разработал ряд действий, в том числе террористических, которые

должны были стать «прелюдией к всеобщему выступлению», намереваясь возбудить население в момент возможного разгона Думы.

В то же время июльская директива ЦК о восстании оказалась неожиданной, однако областной и местные комитеты решили начать выступления [21. С. 293]. Летом 1906 г. в Поволжье начинается вторая волна регионального революционного терроризма. Главными объектами «местного террора», как называли эту форму терроризма сами эсеры, в крае становятся высшие региональные чиновники. Для исполнения намеченных целей в Казани была создана химическая лаборатория. Руководил «динамитным делом» выходец из Симбирской губернии, казанский студент М.С. Зефиров [17. С. 25]. 2 августа 1906 г. полиция, обнаружив в мастерской три уже готовые бомбы, ликвидировала ее, но террористам удалось скрыться. «Областники» с помощью казанских эсеров восстановили лабораторию. Изготовляемые там снаряды не отличались надежностью, нередкими были явления взрыва снарядов из-за малейшей неосторожности. Так, 13 октября в лаборатории произошел взрыв, разрушивший ее, при этом погибли четыре человека, в том числе и сам Зефиров. Вскоре лабораторию опять возродили [17. С. 25].

Остановимся на самых значительных по масштабу терактах, совершенных в регионе. Пик активности террористов выпадает на двадцатые числа июля–сентября 1906 г., когда летучий отряд Поволжской области (ЛБО) и боевые дружины при местных организациях приступили к реализации решений IV съезда эсеров Поволжской области. Первой жертвой «охоты на губернаторов» стал самарский губернатор Иван Львович Блок – дядя известного русского поэта А.А. Блока. Выбор объекта покушения был отнюдь не случайным: Блок считался сторонником жесткого, хотя и без лишнего кровопролития усмирения беспорядков. Он был убит в Самаре на углу ул. Воскресенской и Воздвиженской во время поездки в экипаже 21 июля 1906 г. брошенной в него бомбой [16. С. 41–43]. Теракт совершил член самарской организации эсеров, рабочий-столяр Г.Н. Фролов, который был членом Поволжского ЛБО [28. С. 23]. Стоит отметить, что до 1905 г. он, по его свидетельству, «не принимал никакого участия в революционной работе» и пришел в партию на волне насилия, охватившего страну [16. С. 41]. Фролов признавал, что был совершенно невежествен в партийных вопросах и примкнул к эсерам скорее из-за любопытства, чем по революционным убеждениям [3. С. 102]. На наш взгляд, интересно понимание им мотивации совершенного убийства: «Он (И.Л. Блок. – *А.М.*) был бы вероятно убит, если бы был даже самым лучшим губернатором… Для нас тогда было важно одно: он являлся представителем грубого монархизма и, убивая его, партия только возобновила прежний метод борьбы» [9. С. 61]. Во время покушения Фролов при взрыве получил три серьезных ранения и был задержан городовым [16. С. 41].

В Симбирской губернии – в губернском центре и многих уездах, несмотря на репрессии, которые самодержавие в конце 1905 – начале 1906 гг. обрушило на антиправительственные организации, социалисты-революционеры так же, как и в Самаре, продолжали располагать большими силами из пропагандистов, организаторов и боевой дружины. К лету 1906 г. они сумели наладить организационно-пропагандистскую работу, призывая рабочих и крестьян к оружию. Активность оппозиционеров заставила власть пойти на радикальные меры. В июне 1906 г. за слабую борьбу с революционным движением и нерешительность по руководству карательными отрядами Столыпин сместил с должности симбирского губернатора князя Л.В. Яшвиля, возглавлявшего губернию с 1904 г. На одном из донесений Столыпин написал резолюцию: «Напишите симбирскому губернатору, что он обнаруживает свое бессилие, … что

слабые действия князя осенью 1905 года и зимой этого года приводят лишь к убеждению, что едва ли он сможет удержать порядок и поддержать авторитет власти в столь трудной губернии, как Симбирская».

В конце июля в Симбирск прибыл генерал-майор Константин Сократович Старынкевич, известный как ярый монархист. До приезда в Среднее Поволжье Старынкевич исполнял обязанности курляндского вице-губернатора, а затем был томским и харьковским губернатором. Высокопоставленный чиновник пользовался расположением к себе самого Столыпина и, поэтому, несмотря на недостаточную энергичность во время октябрьских событий 1905 г. в Харькове, высочайшим указом был назначен симбирским губернатором [15. С. 28]. При нем в губернии резко изменилась общественно-политическая ситуация – установился режим жесточайшего полицейского террора – правоохранительные органы повели себя более решительно, начались массовые репрессии против представителей всех оппозиционных партий. Губерния была объявлена на положении усиленной охраны. Старынкевич ввел в действие военно-полевой суд, запретил собрания, демонстрации, при нем стали проводиться массовые обыски и аресты [26. С. 121].

В ответ на жесткие действия властей поволжские эсеры начали готовить покушение на Старынкевича, с которым, в первую очередь, ассоциировался государственный террор царского правительства в губернии. Полиция и жандармерия, получившие агентурную информацию о подготовке покушения, ответили на это повальными обысками, но эсеры смогли выполнить задуманное. Около трех часов дня 21 сентября 1906 г. ЛБО Поволжской области произвел в Симбирске покушение на губернатора [13. С. 9]. Особого внимания заслуживает тот факт, что эта операция была хорошо подготовлена [16. С. 43–53]. Акция оказалась одним из самых грандиозных действий Поволжского комитета ПСР и Симбирской организации эсеров. Чтобы получить представление о практике подготовки и осуществления крупных терактов в регионе, остановимся на ней подробнее.

Во-первых, сначала симбирские эсеры предприняли психическую атаку на генерала. Они отправили губернатору посылку с белым саваном – предупреждением о подготовке покушения [15. С. 28]. Во-вторых, эсеры длительное время собирали информацию о губернаторе и вели за ним наружное наблюдение. Важную роль в организации теракта сыграл симбирский эсер, студент Петербургского университета П.Н. Пятницкий, который, вероятно, возглавлял все дело. Так, он получал сведения от знакомого чиновника, который служил в канцелярии губернатора, о распорядке работы и перемещениях губернатора по городу. В-третьих, к совершению теракта по архивным данным, были привлечены крупные силы симбирских эсеров – боевая дружина из уездного города Алатыря во главе с бывшим учителем, крестьянином И.Д. Буреевым, боевики из губернского центра: М. Петров, А. Никольский и др. [2. Д. 994. Л. 132, 132об., 134об., 135, 209об.]. Своей бомбы симбирские эсеры создать не смогли. Поэтому техническую подготовку осуществляли уже упоминавшийся нами уроженец Карсунского уезда Симбирской губернии, казанский боевик Зефиров, сделавший бомбу в лаборатории в Казани, и его сожительница, молодая эсерка Роза, которая и привезла бомбу в Симбирск. В августе при ее испытании в Симбирске Роза трагически погибла [17. С. 25].

Крайне любопытно, что у исследователей до сих пор нет ясности в том, кто же непосредственно бросил бомбу в губернатора. По широко распространенной в советское время версии, исходящей от симбирских социал-демократов, современников тех событий, и нашедшей свое отражение во многих мемуарах, это был Зефиров, ранее исключенный за «дурное поведение» из Сим-

бирской духовной семинарии [29. С. 55]. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что по агентурной информации, имевшейся у симбирских жандармов, власти считали, что теракт совершил кто-то из алатырских боевиков (скорее всего А.А. Заваляев) [2. Д. 994. Л. 132, 132об.]. Примерно такого же мнения придерживались и некоторые односельчане бывших боевиков. Так, один из них рассказывал как-то, что убийство совершил А.Н. Антонычев – боевик по кличке «Козырь». Определенный интерес представляет также существовавшая жандармская версия о причастности к покушению дружины эсеров-максималистов из Карсунского уезда, которые были знакомы с очень известным в начале века как в крае, так и в стране политическим деятелем – бывшим депутатом Государственной Думы А.Ф. Аладьиным. Кстати, по данным жандармов, Аладьин был в Симбирске незадолго до покушения на Старынкевича [2. Д. 1422. Л. 36, 88, 88об.]. Сегодня нам видится, что более состоятельной является версия о том, что непосредственным исполнителем теракта был уроженец села Засарье Алатырского уезда Симбирской губернии крестьянин Заваляев. Как бы там ни было, но 23 сентября 1906 г. в два часа дня генерал-майор Старынкевич скончался от многочисленных ран, полученных при взрыве брошенной бомбы. Ему было 48 лет [13. С. 9; 15. С. 28]. Проведенное властями расследование не дало ожидаемых результатов, преступников обнаружить не удалось. Симбирским жандармам и полиции так и не удалось привлечь к ответственности кого-то за это покушение. Официально дело так и не было раскрыто. Пятницкий сбежал за границу – во Францию и никогда в Симбирск уже не вернулся. Заваляев будет казнен в Симбирске зимой 1907 г., но совсем за другие преступления, совершенные уже позднее. Антонычев позже будет осужден к ссылке, и также за иные деяния [2. Д. 994. Л. 134об., 135]. Отметим также, что покушение на губернатора произвело очень сильное впечатление на жандармов, полицию и всю симбирскую публику.

В Казани 25 сентября местные эсеры организовали покушение на вице-губернатора Д.Д. Кобеко, в которого были брошены две бомбы; одна из которых не разорвалась, а вторая ранила его в руку [17. С. 25]. В Саратове на 6 декабря намечалось покушение на губернатора С.С. Татищева, но оно было предотвращено жандармами [17. С. 26].

Крайне неспокойно было и в Пензенской губернии. 25 января 1907 г. в Пензе по приговору местного комитета ПСР при выходе из городского театра был убит губернатор Сергей Васильевич Александровский. Теракт совершил член ЛБО Поволжской области А.Э. Гиттерман, который после попытки его задержания убил еще двух человек (помощника полицмейстера Зарина и театрального декоратора Румянцева) и ранил одного – городового Саблина, а затем, окруженный полицией, покончил с собой [9. С. 62–63]. Личность террориста оказалась во многом характерной для боевиков-эсеров. Он был очень молод: выполнившему приговор партийцев саратовскому мещанину Анатолию Гиттерману было всего 19 лет. Юноша являлся уроженцем города Орёл и сыном начальника 18-й дистанции Рязано-Уральской железной дороги. В Пензу боевик приехал из Саратова 15 января и остановился на частной квартире. Мотив убийства – месть за разгром эсеровских конспиративных квартир в Пензе, а также лаборатории по изготовлению бомб и центрального склада, где они хранились [23].

Весной 1906 г. эсеры региона впервые перешли к так называемому «тюремному террору» [24. С. 328–330]. Боевая дружина саратовского комитета ПСР 13 мая 1906 г. в центре города совершила террористический акт против начальника губернской тюрьмы Шаталова, который был убит тремя выстре-

лами. Убийцей стал 19-летний учащийся ремесленного училища М. Скутельмин [17. С. 28]. Мотивом действия эсеров являлась месть за созданные жестокие порядки в местной тюрьме и многочисленные жалобы со стороны заключенных и подследственных. В связи с этим терактом интересно то, что сами губернские власти обращали внимание на жестокость Шаталова. Так, прокурор А. Воронов отмечал, что «обращение г. Шаталова (с арестантами) вверенной ему тюрьмы было крайне резкое, наказания полагались за всякие проступки, почти исключительной к высшей мере» [9. С. 63].

В ответ на убийство губернатора И.Л. Блока самодержавие усилило репрессии в Самарской губернии. 16 сентября 1906 г. по распоряжению командующего Казанским военным округом в Самаре был учрежден военно-полевой суд. 28 октября царским указом Самарская губерния была объявлена на положении усиленной охраны сроком на один год. Летом 1906 г. губернские власти продолжали активно использовать воинские части гарнизона для разгона антиправительственных выступлений и собраний членов оппозиционных партий. Особенно обострилась ситуация после роспуска Думы. Военные чины Самарского гарнизона стали объектами планов террористов. Местные эсеры в ответ на действия властей планировали убийства начальника самарского гарнизона, командира 3-й запасной артиллерийской бригады генерал-майора А.Д. Сташевского и командира размещенного в городе батальона подполковника Курьяка [9. С. 64]. 8 августа в Самаре член летучего областного отряда убил командира Борисовского полка полковника Георгиу [17. С. 28].

Летом 1906 г. эсеры Поволжья освоили новую форму терроризма – диверсии. Так, 29 июля 1906 г. в Самаре в 3 часа дня в приемную Губернского жандармского управления (ГЖУ) вошел молодой человек и бросил в открытую дверь следующей комнаты бомбу. Бомба не взорвалась, но жандармы перепугались и не смогли задержать боевика, который оперативно скрылся [16. С. 8].

В 1906 г. тактика революционного терроризма эсеров во всех регионах страны обогатилась опытом экспроприаций [20. С. 29]. Целью экспроприаций явилось желание пополнить деньгами партийные кассы организаций самых разных уровней. В дальнейшем с отступлением революции и размыванием и деградацией революционного терроризма эта форма террористической деятельности стала очень тяжелой проблемой не только для правительства и местных органов власти, но и для самих эсеров, и в первую очередь руководящих органов партии. Партийные экспроприации в Поволжье, как правило, были незначительными, с изъятием не очень больших, редко более одной тысячи рублей, денежных сумм. Местные эсеры проводили экспроприации как государственных, так и частных лиц. Самая крупная экспроприация 1906 г. состоялась в августе в Самарской губернии, где боевики напали на лесничего Бузулукского уезда, ограбили его и похитили 3 тыс. руб. Ликвидированная 20 октября боевая дружина самарского комитета ПСР совершала многочисленные нападения на винные лавки. В ее намерения входило также ограбление денежной почты при ее проезде по Николаевской улице губернского центра [9. С. 64]. Похожая ситуация складывалась и в Симбирской губернии. 6 ноября симбирский боевик М. Петров совершил вооруженное ограбление почты, следовавшей из села Жадовка Карсунского уезда на станцию Барыш [2. Д. 994. Л. 204].

В последние месяцы 1906 г. действовавшие в регионе боевые дружины продолжали широко использовать самые разнообразные террористические методы: захваты оружия, нападения на полицию, экспроприации и политические убийства. Так очень сложная обстановка сложилась в Пензенской губернии. Местный историк В.Ю. Карнишин отмечает, что «теракты, как правило,

были ответом на жесткие меры администраторов по разгону демонстраций, подавлению аграрных выступлений» [9. С. 63]. Мы уже писали об убийстве в январе 1907 г. пензенского губернатора. Кроме этого, в Пензе с сентября 1906 г. по январь 1907 г. были нанесены тяжелые ранения жандармскому унтер-офицеру и директору учительской семинарии, похищены револьверы в квартире начальника депо Сызрано-Вяземской железной дороги, ограблены винные лавки, кассы, магазины, частные квартиры. «Вооруженные грабежи в г. Пензе стали обычным явлением: не проходит ни одного дня, чтобы не было одного или нескольких случаев грабежа», – сообщалось в донесении в Департамент полиции [9. С. 63]. В конце года стало неспокойно и в некогда тихом и патриархальном Симбирске, где 22 декабря местный боевик В.А. Кротов убил помощника пристава 1-й части города Данилова [2. Д. 398. Л. 56, 57].

Подводя итоги нашим размышлениям, отметим, что после разгона царем Государственной Думы с лета 1906 г. терроризм в стране принял массовый характер. Ареной жесточайшей «террористической войны», объявленной эсерами, стало Среднее Поволжье. В 1906 г. террористическая активность в регионе достигла своего апогея. Руководство террористической деятельностью осуществлял Поволжский Областной Комитет. Региональный революционный терроризм являлся значительным фактором общественно-политической жизни края, несмотря на все попытки властей покончить с ним. На примере Среднего Поволжья, мы видим, что теракты становились ответом на жесткие меры администраций по «наведению порядка» и направлялись против конкретных должностных лиц, организовывавших мероприятия по разгону демонстраций и подавлению аграрных выступлений. В этот период была совершена основная масса покушений на губернаторов, а также видных представителей жандармерии и полиции. Главными объектами регионального терроризма в исследуемый период становятся высшие чиновники – губернаторы Самарской, Саратовской, Симбирской и Пензенской губерний, а также вице-губернатор Казанской. В течение полугодовой «охоты на губернаторов» в крае эсеровские боевики ликвидировали сразу трех руководителей губерний (И.Л. Блока, К.С. Старынкевича и С.В. Александровского). Особенностью террористической тактики этого периода становится и то, что самые крупные террористические акции эсеров в регионе все чаще стали осуществляться с использованием бомб, что не могло не отразиться на безопасности случайно находившихся рядом лиц.

В то же время продолжали проводиться теракты против сотрудников правоохранительных органов, были предприняты попытки взрывов канцелярий ГЖУ. В практику терроризма прочно вошли государственные и частные экспроприации, появился «тюремный террор», получил развитие «военный террор». Среди жертв терроризма впервые оказались случайно находившиеся на месте преступления лица, не интересовавшие боевиков (покушения на губернаторов Старынкевича и Александровского). Факты систематического насилия в исследуемых губерниях свидетельствуют о том, что местные организации сохранили значительные силы в течение всего 1906 г. Следует отметить, что изменились субъекты террористического движения, значительно эволюционизировал количественный и качественный состав участников террористической борьбы. В реализации террористических замыслов принимали непосредственное участие разнообразные группы, для которых БО ПСР послужила своеобразным прообразом на местах. Крупнейшие террористические действия в регионе проводились ЛБО Поволжской области. Можно утверждать, что организации партии социалистов-революционеров, находившиеся в Поволжье, в 1906 г. исключительно активно использовали тактику революционного тер-

роризма в целях подъема народных масс на борьбу с царским правительством, а также осуществления актов «революционной мести».

В завершение выскажем мнение о том, что революционный терроризм эсеров продолжал подпитываться действиями правительства, которое с появлением во главе его Столыпина обрушило на свой народ всю силу государственной репрессивной машины, организовав в стране новый виток государственного террора. Государственная политика продолжала провоцировать террористическую активность революционеров. Российский революционный терроризм является существенным историческим фактом и как всякое социальное явление сложен и многолик. По нашему мнению, знание природы и особенностей революционного терроризма в условиях социально-политического кризиса в России начала XX в., частью которого стала, в частности, первая русская революция, сможет сегодня помочь лучше понять причины современного терроризма как явления, тенденции его развития и способы борьбы с ним.

Литература

1. *Будницкий О.В.* Терроризм и террористы // Знание – сила. 2005. № 1. С. 28–29.

2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1.

3. *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917 гг. / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

4. *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 239 с.

5. *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 383 с.

6. *Гусев К.В.* Рыцари террора М.: Луч, 1992. 144 с.

7. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 606 с.

8. *Жуков А.Ф.* Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 138 – 144.

9. *Карнишин В.Ю.* Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза: Изд-во Пензенского гос. техн. ун-та, 1996. 132 с.

10. *Кабытов П.С.* П.А. Столыпин и первый российский парламент // Государственная Дума Российской империи: традиции прошлого и настоящее: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 26-27 мая 2006 г.). Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2006. С. 22 – 27.

11. *Квасов О.Н.* Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901–1911 годы // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 93–103.

12. *Курусканова Н.П.* Эсеровские организации в Западной Сибири в период первой русской революции (1905–1907 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 1995, 24 с.

13. *Козлов Ю.* Покушение на губернатора было совершено в Симбирске 21 сентября 1906 года // Слово молодежи. 1990. № 24.

14. *Константинова Л.М.* Симбирская молодежь в революции 1905–1907 годов // Постигая прошлое и настоящее: межвуз. сб. ст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. Вып. 2. С. 48–55.

15. *Костин Н.* Роковые осколки // Дыхание Земли. 2005. 21 сент.

16. *Кузнецов В.Н.* Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. Ульяновск: ГОУ ВПО «УлГПУ», 2007. 223 с.

17. *Кузнецов В.Н.* Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 24 – 38.

18. *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М.: Современник, 1991. 255 с.

19. *Леонов М.И.* Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 гг.: межвуз. сб. ст. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1985. С. 50–68.

20. *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара: Самарского гос. ун-т, 1992. 191 с.

21. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

22. Маяк на Суре. Из истории родного края // Сурская правда. 1991. 3 сент.

23. Молодой Ленинец. 1999. № 39(6934).

24. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.

25. *Павлов Д.Б.* Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905 – 1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 144 – 151.

26. *Панова В.И., Толочко Ф.Ш.* Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Симбирский вестник. Ульяновск: Симбирская книга, 1996. Вып. III. С. 113–125.

27. *Петухов В.Б.* Терроризм как социокультурное явление. Ульяновск: Ульяновск. гос. техн. ун-т, 2006. 108 с.

28. *Романова Г.В.* Борьба подразделений политической полиции Поволжья с революционным террором в 1905–1907 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2005. 26 с.

29. *Рябиков В.В.* Симбирские большевики. 1903–1906 гг. // 1905 год в Симбирске. Сборник по истории революционного движения в губернии в 1905–06 годах. Ульяновск, 1925. С. 3 – 56.

30. *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. М.: Захаров, 2002. 556 с.

31. *Чернов В.М.* Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 416 с.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт–Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

TERRORIST PRACTICE OF THE MIDDLE VOLGA SOCIALIST REVOLUTIONARIES IN 1906

Key words: *regional revolutionary terrorism, the Middle Volga region, the Socialist Revolutionary Party (SRP), the Middle Volga Socialist Revolutionaries, practice of terrorism, a combat detachment, flying combat detachment (FCD), expropriations, the «hunt» for governors, tactics of terrorism.*

The topic of the article is revolutionary terrorism. The author examines the terrorist activities of the Socialist Revolutionary Party (SRP), which actively used methods of political violence in the early XX century. The SRs raised terrorism to an unattainable height in the hierarchy of tactical methods of confrontation with the tsarist regime. Terrorist activity ensured the party with great notoriety and quite high popularity among radically-minded circles of the Russian society. Thanks to the efforts of the Socialist-Revolutionaries, terrorism took a country-wide and nationwide character. In 1905–1907 revolutionary terrorism gradually moved beyond the capitals of the empire and spread to the provinces, cities and counties of the country. The scale of terrorism in the Russian Empire of that time is certainly impressive. The arena of the most cruel «revolutionary terrorist war» was the whole territory of a huge state – from Poland and the Baltics to the Volga and Eastern Siberia. The author focuses on the Middle Volga region and the Middle Volga organizations of this All-Russian party. The article analyzes the process of changing the tactics of revolutionary terrorism of the Socialist Revolutionaries of the Middle Volga region in 1906. Facts from the practice of regional revolutionary terrorism of terrorist structures of the party in this region are described. Terrorist acts continue to be an integral part of Russian reality. The author considers it important to continue studying the history of revolutionary terrorism in Russia, which was conducted by political parties and organizations at various stages of the country's development. Knowledge of causes and features of terrorism in conditions of social and political crisis in Russia at the beginning of the XX century, part of which was revolution, can help today to better understand the specifics and causes of modern terrorism as a phenomenon, its development trends and ways to combat it.

References

1. Budnickii O.V. *Terrorizm i terroristy* [Terrorism and terrorists]. *Znanie – sila* [Knowledge is power], 2005, no. 1, pp. 28–29.

2. Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond. 855. Opis. 1. [State Archives of the Ulyanovsk Region. Arhives 855. Anagraph 1].

3. Geifman A. Thou shalt kill: revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917, Princeton University Press, 1993, 448 p. (Russ.ed.: *Revolyucionnyi terror v Rossii. 1894–1917 gg*. Moscow, KRON-PRESS Publ., 1997, 448 p.).

4. Gorodnickii R.A. *Boevaya organizaciya partii socialistov-revolyucionerov v 1901–1911 gg*. [The fighting organization of the Socialist-Revolutionary Party in 1901–1911]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 239 p.

5. Gusev K.V. *Partiya eserov: ot melkoburzhuaznogo revolyucionarizma k kontrrevolyucii* [The Socialist-Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionaryism to counter-revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, 383 p.

6. Gusev K.V. *Rycari terrora* [Knights of Terror]. Moscow, Luch' Publ., 1992, 144 p.

7. Zharinov K.V. *Terrorizm i terroristy: Istoricheskii spravochnik* [Terrorism and terrorists: a historical handbook]. Minsk, Harvest Publ., 1999, 606 p.

8. Zhukov A.F. *Individual'nyi terror v taktike melkoburzhuaznykh partii v pervoi rossiiskoi revolyucii* [Individual terror in the tactics of petty-bourgeois parties in the first Russian revolution]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyuciyakh: sb. St*. [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 138–144.

9. Karnishin V.Yu. *Obshchestvenno-politicheskii process v Povolzh'e v nachale XX veka* [Social and political process in the Volga region at the beginning of the XX century]. Penza, Penza State Tehnical University Publ., 1996, 132 p.

10. Kabytov P.S. *P.A. Stolypin i pervyi rossiiskii parlament* [P.A. Stolypin and the first Russian parliament]. *Gosudarstvennaya Duma Rossiiskoi imperii: tradicii proshlogo i nastoyashchee: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii (g. Penza, 26–27 maya 2006 g.)* [State Duma of the Russian Empire: traditions of the past and present: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, May 26–27, 2006)]. Penza, 2006, pp. 22–27.

11. Kvasov O.N. *Terroristicheskaya deyatel'nost' revolyucionerov Central'nogo Chernozem'ya, 1901–1911 gody* [Terrorist Activity of the Revolutionaries of the Central Chernozem Region, 1901–1911]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2005, no. 8, pp. 93–103.

12. Kuruskanova N.P. *Eserovskie organizacii v Zapadnoi Sibiri v period pervoi russkoi revolyucii (1905–1907 gg.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Socialist organizations in Western Siberia during the first Russian revolution (1905–1907 gg.). Abstract of PhD thesis]. Omsk, 1995, 24 p.

13. Kozlov Yu. *Pokushenie na gubernatora bylo soversheno v Simbirske 21 sentyabrya 1906 goda* [The attempt on the governor was committed in Simbirsk on September 21, 1906]. *Slovo molodezhi* [The word of youth], 1990, no. 24.

14. Konstantinova L.M. *Simbirskaya molodezh' v revolyucii 1905–1907 godov* [Simbirsk youth in the revolution of 1905–1907]. *Postigaya proshloe i nastoyashchee: mezhvuz. sb. st*. [Comprehending past and present: interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, Saratov State University Publ., 1993, iss. II, pp. 48–55.

15. Kostin N. *Rokovye oskolki* [Fatal splinters]. *Dykhanie Zemli* [Breathing of the Earth], 2005, Sept. 21.

16. Kuznecov V.N. *Pro et contra: zhandarmy i revolyucionery v Povolzh'e v 1906–1917 gg.* [Pro et contra: gendarmes and revolutionaries in the Volga region in 1906–1917]. Ul'yanovsk, 2007, 223 p.

17. Kuznecov V.N. *Revolyucionnyi terror i akty ekspropriacii v Povolzh'e v nachale XX veka* [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2010, no. 12, pp. 24–38.

18. Kurlov P.G. *Gibel' imperatorskoi Rossii* [The death of Imperial Russia]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 255 p.

19. Leonov M.I. *Esery i krest'yanstvo Povolzh'ya v revolyucii 1905–1907 gg.* [The Socialist-Revolutionaries and the peasantry of the Volga region in the revolution of 1905–1907]. *Klassovaya bor'ba v Povolzh'e v 1905–1907 gg.: mezhvuz. sb. st.* [Class struggle in the Volga region in 1905–1907: interuniversity collection of scientific papers]. Kuibyshev, Kuibyshev State University Publ., 1985, pp. 50–68.

20. Leonov M.I. *Esery v revolyucii 1905–1907 gg.* [Revolutionaries in the revolution of 1905–1907]. Samara, Samara State University Publ., 1992, 191 p.

21. Leonov M.I. *Partiya socialistov-revolyucionerov v 1905–1907 gg.* [Party of Socialist-Revolutionaries in 1905–1907]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997, 512 p.

22. *Mayak na Sure. Iz istorii rodnogo kraya* [Lighthouse on Sura. From the history of the native land]. *Surskaya Pravda* [Surskaya Pravda]. 1991, Sept. 3.

23. Molodoi Leninec [Young Leninets], 1999, no. 39(6934).

24. Morozov K.N. *Partiya socialistov-revolyucionerov v 1907–1914 gg*. [Party of Socialist-Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 624 p.

25. Pavlov D.B. *Iz istorii boevoi deyatel'nosti partii eserov nakanune i v gody revolyucii 1905–1907 gg.* [From the history of the fighting activity of the Socialist-Revolutionary Party on the eve and during the revolution of 1905–1907]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyuciyakh*: *sb. st.* [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 144–151.

26. Panova V.I., Tolochko F.Sh. *Zhandarmskie dokumenty o Simbirskikh socialistakh-revolyucionerakh (period revolyucii 1905–1907 gg.)* [Gendarmer's documents on the Simbirsk Socialists-Revolutionaries (the period of the revolution of 1905–1907)]. Simbirskij vestnik, vypusk III [Simbirskii vestnik, issue III]. Ul'yanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 1996, pp. 113–125.

27. Petukhov V.B. *Terrorizm kak sociokul'turnoe yavlenie*: *uchebnoe posobie k speckursu* [Terrorism as a socio-cultural phenomenon: training manual for a special course]. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk State Tehnical University Publ., 2006, 108 p.

28. Romanova G.V. *Bor'ba podrazdelenii politicheskoi policii Povolzh'ya s revolyucionnym terrorom v 1905–1907 gg*. Avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Struggle of units of political police of the Volga region with revolutionary terror in 1905–1907. Abstract of PhD thesis]. Kazan', 2005, 26 p.

29. Ryabikov V.V. *Simbirskie bol'sheviki. 1903–1906 gg.* [The Simbirsk Bolsheviks. 1903–1906 years]. *1905 god v Simbirske. Sbornik po istorii revolyucionnogo dvizheniya v gubernii v 1905–06 goda.* 1905 in Simbirsk [A compilation of the history of the revolutionary movement in the province in 1905–06]. Ul'yanovsk, 1925, pp. 3–56.

30. Savinkov B.V. *Vospominaniya terrorista* [Memories of a terrorist.]. Moscow, Zakharov Publ., 2002, 556 p.

31. Chernov V.M. *Pered burei: Vospominaniya. Memuary* [Before the storm: Memories. Memoirs]. Minsk, Harvest Publ., 2004, 416 p.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Ссылка на статью: *Маньков А.В.* Террористическая практика средневолжских эсеров в 1906 году // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 134–146.

УДК 378.4(470.344)+338.45]-043.5
ББК Ч480.542(2Рос.Чув.)

С.Ю. МИХАЙЛОВА, А.Л. МУЗЯКОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПОНЕНТА ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШИИ (2000–2010-е годы)*

Ключевые слова: *Чувашская Республика, промышленность, университет, взаимодействие, наука, инновации, образование.*

Статья нацелена на изучение эволюции университетско-промышленного партнерства в рамках индустриального развития Чувашии в 2000–2010-е гг. Выявлено, что на фоне общероссийских изменений институциональной среды, ориентированных на формирование стабильного, долгосрочного партнерства между университетами и промышленностью, Чувашский государственный университет активизирует свою деятельность по выстраиванию взаимодействия с акторами индустриального развития региона, что проявляется в создании новых структурных подразделений, направленных на организацию взаимодействия ученых и специалистов вуза, научно-исследовательских институтов, организаций и предприятий; росте численности партнеров вуза в сфере совместной деятельности по подготовке специалистов; создании новых выпускающих кафедр на производстве; проведении научно-исследовательской и инновационной деятельности, сконцентрированной на получении новых знаний по приоритетным научно-образовательным направлениям; коммерциализации результатов научной деятельности; привлечении студентов и молодых ученых к научно-исследовательской работе, являющейся составляющей подготовки квалифицированных специалистов, способных творчески подходить к решению профессиональных научных, производственных и социальных задач. В заключение отмечен весомый вклад университета в становление региональной инновационной экономики и в целом в общественное развитие Чувашской Республики.

Многовековая история университета подтверждает его способность отвечать вызовам времени путем обновления и адаптации к новым условиям. Сегодня перед ним стоят инновационные вызовы: «Современные университеты сталкиваются с растущими ожиданиями со стороны политиков по расширению своей социальной ответственности. Такие институты, как Европейская комиссия и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), подчеркивают необходимость усиления дву- и трехсторонних связей между научным, образовательным и инновационным направлениями деятельности, в совокупности образующими так называемый "треугольник знаний"» [13. С. 68]. Исходя из этого цель данной статьи видится в историческом анализе единичной траектории реализации общего процесса современной трансформации университета как такового, а именно – развития университетско-промышленных связей в Чувашской Республике в 2000–2010-е гг.

Прежде всего, следует отметить, что отличительной чертой современного этапа эволюции университетского компонента индустриального развития Чувашии является оформление его институциональной среды, вполне вписывающееся в актуальные тренды современной действительности, а именно: «В последние 20 лет правительства по всему миру разрабатывают политику, направленную на стимулирование стабильного, долгосрочного партнерства между университетами и промышленностью. Начиная с конца 2000-х годов российское правительство также занялось этой проблемой. Но в отличие от развитых стран, где государственное финансирование академических иссле-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-11-21006.

дований сокращается, вынуждая университеты заниматься поиском контрактов, российское правительство само взялось за создание институциональной арены для подобного сотрудничества» [4. С. 90].

В Российской Федерации на государственном уровне определены цели, приоритеты и инструменты инновационной политики государства, заданы направления развития субъектов инновационной деятельности, а также направления финансирования сектора фундаментальной, прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок в долгосрочной перспективе. При этом для сектора высшего образования поставлена задача расширения кооперации вузов с передовыми компаниями реального сектора экономики и научными организациями[1].

В развитие федеральных программ в Чувашской Республике принят ряд стратегических документов. В них определены главные проблемы региональной экономики – недостаточная конкурентоспособность отдельных видов выпускаемой продукции и услуг; высокая степень износа материально-технической базы в отраслях промышленности; недостаточная реализация инновационного потенциала; дефицит квалифицированных специалистов в отраслях промышленности[2]; ведущие тенденции ее развития, как положительные (осуществление приоритетных инвестиционных проектов, программ и соглашений, наличие ряда современных производств – низковольтной электрической аппаратуры, приборов, средств автоматизации и запасных частей к ним, релейной продукции, трансформаторов, кабелей для локальных вычислительных сетей, ткацких станков, внедрение на ведущих предприятиях республики современных технологий), так и отрицательные (недостаточность инновационной активности предприятий; внедрение инноваций главным образом крупными предприятиями, имеющими собственную научно-исследовательскую базу; нерациональное использование научного потенциала; неэффективность механизмов включения в хозяйственный оборот внутренних технологических и интеллектуальных ресурсов, недостаточную развитость инновационной инфраструктуры, преобладание инноваций, направленных на поддержание достигнутого уровня технологического развития предприятий, недостаточное внедрение «прорывных» инноваций (ноу-хау))[3], а также установлено, что подготовка кадров высшей квалификации в образовательных организациях, расположенных на территории Чувашской Республики, должна быть согласована с потребностями республики и приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники[4].

Изменения в институциональной среде активизируют деятельность Чувашского государственного университета по развитию взаимодействия с акторами индустриального развития региона. В 2012 г. он становится членом Торгово-промышленной палаты Чувашской Республики, включающей в свой состав пред-

---

[1] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р) [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124 (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Об утверждении государственной программы Чувашской Республики «Развитие промышленности и инновационная экономика»: Постановление Кабинета министров Чувашской Республики от 13.08.2016 года № 337 [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/441617262 (дата обращения: 02.11.2017).

[3] О стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года: закон Чувашской Республики (с изм. на 16.08.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/473612492 (дата обращения: 02.11.2017).

[4] Концепция инновационного развития Чувашской Республики (утв. постановлением Кабинета министров Чувашской Республики от 21.02.2005 № 39, в ред. с изм. от 11.08.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/424074591 (дата обращения: 02.11.2017).

приятия и организации, составляющие более 80% научно-технического и производственного потенциала Чувашии, участником четырехстороннего договора между Советом директоров учреждений начального и среднего профессионального образования Чувашской Республики, Советом ректоров высших учебных заведений Чувашской Республики и Торгово-промышленной палатой Чувашской Республики [20]. Данный документ предполагает прогнозирование потребности в рабочих кадрах и специалистах в разрезе профессионально-квалификационной структуры для предотвращения негативных последствий экономических изменений, создания новых рабочих мест, сохранения и развития кадрового потенциала, повышения качества и конкурентноспособности рабочей силы.

В 2014 г. Чувашский государственный университет имеет 233 договора о сотрудничестве с различными организациями и предприятиями и 534 договора о прохождении практики студентами. В число крупных партнеров вуза в сфере совместной деятельности по подготовке специалистов входят ОАО «Промтрактор», ОАО «Химпром», а также предприятия, образующие электротехнический кластер Чувашии – центр электротехнической промышленности России – ООО ИЦ «Бреслер», ООО НПП «ЭКРА» и ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт релестроения». Активное сотрудничество развивается с ОАО «Чебоксарский агрегатный завод», ОАО «Производственное объединение имени В.И. Чапаева», ОАО «ЭЛАРА», ООО «Газпром» Межрегионгаз Чебоксары», ООО «Ишлейский завод высоковольтной аппаратуры».

В рамках социального партнерства с субъектами рынка труда Чувашский государственный университет взаимодействует с Администрацией Главы Чувашской Республики, Администрацией города Чебоксары, Администрацией города Новочебоксарска, Министерством экономического развития, промышленности и торговли Чувашской Республики, Территориальным органом Федеральной службы Государственной статистики по Чувашской Республике, Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации в г. Чебоксары Чувашской Республики – Чувашии[1].

В целях обеспечения соответствия современным требованиям и вызовам Чувашский государственный университет осуществляет деятельность по совершенствованию организационной структуры. В целях налаживания сотрудничества с предприятиями и организациями, выступающими в качестве работодателей, взаимодействия с органами власти, в том числе с территориальными службами занятости населения, содействия временной трудовой занятости студентов и трудоустройству выпускников с декабря 2002 г. в университете функционирует Центр содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников. Он участвует в установлении партнерских, договорных отношений о сотрудничестве с организациями-работодателями, с территориальными органами и службами занятости Чувашской Республики, с кадровыми агентствами, заключает с заказчиками договоры на целевую подготовку специалистов, привлекает представителей предприятий-работодателей для разработки, совершенствования профессиональных образовательных программ направлений подготовки и специальностей в соответствии с потребностями реальной экономики, а также проводит анкетирование студентов выпускных курсов, мониторинг трудоустройства выпускников [19].

[1] Отчет о самообследовании (по состоянию на 01.04.2014): рассмотрен и утвержден на заседании Ученого совета (протокол № 4 от 18.04.2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». URL: chuvsu.ru/images/stories/sved_obr_org/samoobsl.docx (дата обращения: 02.11.2017).

Одним из современных структурных подразделений образовательного учреждения является Центр коллективного пользования Чувашской Республики в области нанотехнологий, созданный в соответствии с республиканской программой[1] на базе Чувашского государственного университета и направленный на организацию взаимодействия ученых и специалистов вузов, научно-исследовательских институтов, организаций и предприятий региона. Цель данного Центра – развитие индустрии нанотехнологий; повышение качества научных исследований по приоритетным направлениям науки; повышение качества образования; научно-методическое и приборное обеспечение научных исследований, опытно-конструкторских и технологических работ в области нанотехнологий[2].

Развивая сетевое сотрудничество в сфере инженерного образования университет совместно с ООО «НПП "Автоматика"» при финансовой поддержке Министерства экономического развития Российской Федерации и Министерства экономического развития, промышленности и торговли Чувашской Республики создал Центр молодежного инновационного творчества Чувашской Республики, базирующийся на машиностроительном факультете [18].

В целях реализации практико-ориентированного образования Чувашский государственный университет создает выпускающие кафедры на производстве. В сентябре 2016 г. открылась базовая кафедра систем автоматизированного управления электроприводами факультета энергетики и электротехники в многофункциональном комплексе ООО НПП «ЭКРА», являющегося инновационным предприятием полного цикла, включая научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, производство, проектирование объектов, монтаж и пусконаладку, сервис и обучение обслуживающего персонала. Создание подобной кафедры позволит бакалаврам, магистрам и аспирантам обучаться и проводить научные исследования на современном оборудовании, решать перспективные задачи под руководством опытных преподавателей университета и высококвалифицированных специалистов предприятия [9].

На сегодняшний день на основе договоров о сотрудничестве действуют филиалы Чувашского государственного университета на следующих предприятиях: ОАО «ВНИИР», Чебоксарская ГЭС, ОАО «Чувашкабель», Чебоксарская ТЭЦ-2, филиал ОАО «ТГК-5», Новочебоксарская ТЭЦ-3, ОАО «Чувашэнерго», ОСП «Чебоксарская городская электросеть», ООО «Бреслер», ООО НПП «ЭКРА», ОАО «Промтрактор», ООО «Сталь». В целом все выпускающие кафедры инженерно-технического направления имеют базовые предприятия, на которых осуществляется практическая подготовка специалистов в форме учебно-ознакомительной и производственной практик, выполнения курсовых и квалификационных работ. К примеру, такими предприятиями для кафедр химического факультета являются: ОАО «Химпром», ФГУП Чебоксарское производственное объединение имени В.И. Чапаева, ОАО «Промтрактор», ОАЭ «Электроприбор», ОАО «Водоканал», по заказу которых ведется подготовка специалистов[3].

---

[1] О Республиканской комплексной программе инновационного развития Чувашской Республики на 2006–2010 годы: Постановление Кабинета министров Чувашской Республики от 30.12.2005 г. № 350 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/17537276/#ixzz4y3ASWpjW (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Программа развития ЦКП НТ ЧувГУ на среднесрочную перспективу (2014–2019 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/zentrkollektpolz/CKP_ChGU_Programm_razviriya.pdf (дата обращения: 02.11.2017).

[3] Отчет о самообследовании (по состоянию на 01.04.2014): рассмотрен и утвержден на заседании Ученого совета (протокол № 4 от 18.04.2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». URL: chuvsu.ru/images/stories/sved_obr_org/samoobsl.docx (дата обращения: 02.11.2017).

Ключевым направлением взаимодействия Чувашского государственного университета и промышленных предприятий региона является научно-исследовательская и инновационная деятельность, сконцентрированная на получении новых знаний по основным научно-образовательным направлениям и обеспечении акторов индустриального развития новейшими научно-техническими разработками. При этом вузом значительное внимание уделяется приоритетным направлениям развития науки и техники. В 2009 г. из 19 основных научных направлений, разрабатывавшихся Чувашским государственным университетом: 4 – соответствовали приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники Российской Федерации; 6 – перечню критических технологий Российской Федерации; 6 – перечню приоритетных направлений научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ Чувашской Республики.

Ряд перспективных тем разрабатываются вузом на протяжении целого ряда лет. В 2009 г. в соответствии с хозяйственными договорами с ОАО Казанский завод «Электроприбор» и ОАО «Сарапульский электрогенераторный завод» в научно-исследовательском центре «Электромеханотроника» университета продолжалась разработка серии вентильных электродвигателей с возбуждением от высокоэнергетических редкоземельных постоянных магнитов для системы охлаждения двигателей автомобиля и для привода отечественных универсальных технологических роботов[1].

Важной составляющей развития исследований в Чувашском государственном университете является научно-изобретательская и патентно-лицензионная деятельность, показатели которой остаются стабильно высокими. Наиболее активно защищаются разработки сотрудниками и преподавателями медицинского, химико-фармацевтического и технических факультетов. С 2009 г. по 2015 г. увеличивается количество заявок на изобретения, полезные модели и программы для ЭВМ, а также полученных свидетельств на регистрацию ЭВМ: с 27 и 3, соответственно, до 47 и 19. По полученным патентам на изобретения и полезные модели отмечается некоторый спад: с 35 – в 2009 г. до 21 – в 2015 г.[2]

Ключевым направлением деятельности вуза в современных условиях является коммерциализация результатов научной деятельности, к интенсификации которой призвано участие университета в создании малых инновационных предприятий. В настоящее время в Чувашии действуют 5 малых инновационных предприятий, в уставной капитал которых Чувашским государственным университетом внесены права на использование результатов интеллектуальной деятельности ученых университета: ООО НПП «Иннотех», ООО НПП «Индуктор-М», ООО «Интехком», ООО «НПЦ "Энергопроект СКБ"», ООО «Полимерные покрытия». Они специализируются на производстве объемных наноструктурных материалов и высокоресурсных изделий из них, разработке электротехнических устройств, выполнении проектных работ в области электроснабжения, производстве химических материалов на основе полимерных композиций. ООО НПП «Иннотех» и ООО «Полимерные покрытия» выиграли гранты по программе «СТАРТ» ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» для коммерциализации инновационных разработок [8].

Чувашский государственный университет совместно с Чебоксарским производственным объединением имени В.И. Чапаева стал победителем во всероссийском конкурсе на право получения субсидий для создания высокотехнологич-

[1] Отчеты о научной деятельности ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» за 2009, 2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://nauka.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=itemlist&layout=category&task=category&id=191&Itemid=312 (дата обращения: 02.11.2017).
[2] Там же.

ного производства. Учеными университета под руководством доктора химических наук, профессора заведующего кафедрой физической химии и высокомолекулярных соединений Н.И. Кольцова был предложен проект «Создание высокотехнологичного производства уплотнительных элементов для нефтегазодобывающей промышленности». В ходе реализации данного проекта планируется провести научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы на сумму 99 млн руб. в течение 2017–2019 гг., разработать и внедрить в производство уплотнительные элементы с высокими физико-механическими свойствами для добычи нефти в сложных природно-климатических условиях низких температур, включая шельфы арктических, дальневосточных и южных морей, а также для добычи трудноизвлекаемых запасов нефти [14].

Немаловажную роль в проведении научно-технических разработок в интересах развития индустрии Чувашской Республики играет привлечение студентов и молодых ученых к научно-исследовательской работе, являющейся составляющей подготовки квалифицированных специалистов, способных творчески подходить к решению профессиональных научных, производственных и социальных задач, поддерживаемой ученым советом Чувашского государственного университета путем целевого финансирования для проведения конференций, командирования студентов в различные города, публикации сборников научных трудов, премирования активистов и победителей конкурсов студенческих научных работ.

Руководствуясь принципом «Образование – через науку», университет традиционно весной каждого года проводит научную конференцию студентов (в последние годы она имеет статус всероссийской), с 2007 г. – осенний региональный фестиваль студентов и молодежи «Человек. Гражданин. Ученый» («Ч.Г.У.»). Ежегодно победители университетских конференций представляют свои проекты на открытом конкурсе лучших научных работ студентов вузов России и других всероссийских конкурсах. К примеру, в 2012 г. студенты университета были удостоены более 2200 наград за победы в международных, российских и региональных научных мероприятиях, в 2015 г. – более 3000. В 2015 г. в целях развития научно-технического творчества молодых ученых и успешной работы над инновационными проектами в вузе действовали 14 студенческих конструкторских бюро[1].

В 2014 г. коллектив молодых ученых под руководством доцента кафедры органической и фармацевтической химии, кандидата химических наук М.Ю. Беликова выиграл грант Президента Российской Федерации для молодых ученых, ставший первым грантом такого уровня в области химии для Чувашии. Объектом их исследования стало перспективное для региона научное направление: фоточувствительные структуры и материалы, потенциально полезные для создания средств записи и обработки информации нового поколения.

В 2016 г. программа, разработанная на базе университета, стала победителем в открытом публичном конкурсе на получение государственной поддержки пилотных проектов создания инжиниринговых центров. В ее рамках был создан «Чебоксарский инжиниринговый центр транспортного и сельскохозяйственного машиностроения», нацеленный на проведение научных, опытно-конструкторских и опытно-технологических разработок с последующими их внедрением в опытное производство и трансфером в промышленный сектор

[1] Отчеты о научной деятельности ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» за 2009, 2015 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://nauka.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=itemlist&layout=category&task=category&id=191&Itemid=312 (дата обращения: 02.11.2017).

экономики. Решение о создании данного центра было принято при поддержке Главы Чувашской Республики, ректората Чувашского государственного университета, руководства предприятий ООО «МИКОНТ», ООО НПО «ЭКРА» [10] в исполнение ряда нормативно-правовых актов, принятых Правительством Российской Федерации[1].

В целом, оценивая университетские условия как способствующие и благоприятствующие развитию научно-технических разработок и исследований, необходимо назвать и ряд препятствующих факторов, выделяемых самими учеными при характеристике состояния современной российской науки. По мнению М.Ю. Беликова, это «вялотекучесть процессов, сопровождающих науку и определяющих ее результативность», когда даже при наличии финансовых возможностей для приобретения расходных материалов и оборудования от момента начала закупки и до появления приборов в лаборатории может пройти много месяцев; отсутствие четко определенных структур научных коллективов, не позволяющее закреплять новые научные кадры, в то время как молодым ученым необходимо объединяться в группы для формирования новых научных направлений и научных лабораторий в дальнейшем [1].

Как видно, научно-исследовательская и инновационная деятельность в Чувашском государственном университете сконцентрирована на получении новых знаний по стратегическим научным и образовательным направлениям, их применении в ходе подготовки кадров для экономики и высококвалифицированных научно-педагогических кадров, привлечении молодежи в сферу науки и образования, создании научно-технической продукции и инновационных технологий, коммерциализации разработок.

Актуальными для Чувашской Республики остаются задачи качественной подготовки высококвалифицированных специалистов в соответствии с требованиями современного производства, создания и развития конкурентоспособной и социально-ориентированной системы профессионального образования, способной обеспечить развитие региональной экономики в инновационном русле и формирование конкурентоспособной, социально и профессионально мобильной личности.

С 2005 г. по 2012 г. в республике отмечаются некоторые структурные изменения в подготовке кадров в сторону увеличения доли обучающихся по техническим специальностям и направлениям подготовки. Если в 2005/06 учебном году численность студентов вузов, обучавшихся по техническим специальностям, составила 14 126 человек (19,8% от общей численности студентов), то в 2011/12 учебном году – 14 094 человек (23,7%). Однако эти изменения носили незначительный характер. В 2011 г. специалистами Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики на основе анализа структуры подготовки кадров образовательными учреждениями высшего профессионального образования в 2010–2011 гг. и сопоставления ее с прогнозной дополнительной потребностью экономики Чувашии в выпускниках образовательных учреждений высшего профессионального образования был сделан вывод «о наличии структурного дисбаланса по многим направлениям подготовки спе-

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 328 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70643464/#ixzz4y3F4UFtl (дата обращения: 02.11.2017); Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») в области инжиниринга и промышленного дизайна: Распоряжение Правительства РФ от 23.07.2013 г. № 1300-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70320156/#ixzz4y38wLziD (дата обращения: 02.11.2017).

циалистов с высшим профессиональным образованием»[1]. В частности, ими было отмечено превышение потребностей экономики выпуска специалистов по 14 укрупненным группам специальностей («Экономика и управление» – в 13,5 раза, «Гуманитарные науки» – в 6,3 раза) и недостаточность выпуска специалистов по группе специальностей «Химическая техника и биотехнологии» – 7,8%, «Приборостроение и оптотехника» – 19,1%, «Физико-математические науки» – 38%, «Электронная техника, радиотехника и связь» – 61,6%[2].

Одним из негативных последствий таких диспропорций является ограничение возможности трудоустройства выпускников вузов. По сведениям Государственной службы занятости Чувашской Республики, из 6041 специалиста с высшим образованием, которые были подготовлены в 2011 г., в качестве безработных были зарегистрированы 3,7%, доля трудоустроившихся составила 59,7%. Тем не менее необходимо отметить, что выпускники по техническим специальностям трудоустраивались несколько успешнее, чем выпускники по остальным направлениям подготовки. В соответствии с данными мониторинга образовательных учреждений по состоянию на 1 октября 2011 г. в Чувашии численность трудоустроенных выпускников, завершивших обучение по техническим специальностям в 2011 г. в вузах по очной форме обучения, составила 1256 человек (72,8%) из 1726 человек (их доля в общей численности выпускников учреждений высшего профессионального образования в Чувашии составила 28,6%). По данным Госслужбы занятости Чувашии, доля безработных среди выпускников технических специальностей составила 1,9%. По остальным специальностям из 4315 выпускников трудоустроилось 2350 человек (54,5%), а безработными оказались 4,4%[3].

Чувашским государственным университетом в 2011 г. всего было подготовлено 2177 специалистов (36% от общей численности выпускников системы высшего профессионального образования в Чувашии), из них 408 человек (18,7%) продолжили обучение, 71 человек (3,3%) был призван в ряды Вооруженных Сил, 1565 человек (72%) трудоустроились, не определились с трудоустройством 133 человека (6,1%), 50 человек (2,3%) были зарегистрированы в качестве безработных[4].

В последнее время в Чувашской Республике отмечается возрастающее стремление к взвешенной государственной политике в кадровом обеспечении экономики. Регулирование данного направления производится на основе программно-целевого подхода. С 2003 г. реализуется несколько программ, направленных на комплексное регулирование потребностей экономики в кадрах и рынка образовательных услуг[5].

---

[1] О государственном докладе «Об обеспечении кадрами экономики Чувашской Республики в 2011 году» (утв. Постановлением Кабинета министров Чувашской Республики от 13.06.2012 г. № 234) [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/laws.aspx?gov_id=17&id=126381 (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Республиканская программа сбалансированности потребностей экономики в кадрах и рынка образовательных услуг на 2003–2005 годы и на период до 2015 года (утв. Указом Президента Чувашской Республики от 04.08.2003 г. № 81) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/473612115 (дата обращения: 02.11.2017); Республиканская целевая программа комплексного развития профессионального образования в Чувашской Республике на 2011–2015 годы и на период до 2020 года (утв. постановлением Кабинета министров Чувашской Республики от 25.02.2011 г. № 60) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/473610960 (дата обращения: 02.11.2017).

При планировании объема подготовки кадров в учреждениях профессионального образования за основу берутся прогнозные потребности региональных экономик в трудовых ресурсах в разрезе УГС с учетом программы социально-экономического развития, сформированные Министерством образования и науки Российской Федерации на 2011–2020 гг. Так, по данным прогноза, потребности в инженерно-технических и других специалистах в отраслях промышленности Чувашии составят: приборостроения и оптотехники – 739 человек; электронной техники, радиотехники и связи – 1049; автоматики и управления – 1017; информатики и вычислительной техники – 2070; энергетики, энергетического машиностроения и электротехники – 1882; металлургии, машиностроения и металлообработки – 1566; химических технологий и биотехнологий – 957 человек[1].

Чувашский государственный университет прилагает немалые усилия по преодолению структурного дисбаланса по направлениям подготовки специалистов. Он ведет активную работу по популяризации инженерно-технических специальностей и привлечению к научно-исследовательской работе талантливой молодежи со школьной скамьи. Вуз подключился к осуществлению проекта «Профильные инженерно-технические классы» на территории Чувашской Республики. В его рамках в январе-феврале 2017 г. проведены занятия для школьников в лабораториях факультета прикладной математики, физики и информационных технологий университета [12].

Программа классов инженерного профиля, помимо проведения занятий преподавателями шести технических факультетов Чувашского государственного университета, нацелена на ознакомление учащихся с организацией современного промышленного производства (экскурсии на ведущие предприятия Чувашии, в том числе ООО НПП «ЭКРА», ЗАО «ЧЭАЗ», НПП «Динамика», ООО «Релематика», ООО «Кейсистемс»), развитие у них творческих способностей и интереса к научно-исследовательской и проектной деятельности, на привлечение к участию в творческих и интеллектуальных конкурсах вуза и работе в студенческих конструкторских бюро [3].

В Чувашском государственном университете проводятся мероприятия, предназначенные ориентировать школьников и студентов колледжей, техникумов на продолжение образования с целью подготовки кадров для предприятий электротехнического кластера Чувашии. Среди них необходимо выделить олимпиаду по математике «Надежда электротехники Чувашии». Победителю олимпиады при поступлении на один из факультетов университета – машиностроительный, радиоэлектроники и автоматики, энергетики и электротехники – предоставляется возможность обучаться по целевому договору с ЗАО «Чебоксарский электроаппаратный завод» с назначением именной стипендии председателя Совета директоров предприятия на 4 года [16].

Среди других мероприятий, проводимых вузом в целях привлечения и закрепления молодых людей в научно-технической сфере, необходимо назвать: проект «Университет для детей», выездные мероприятия в школы, училища, колледжи, факультативные занятия для учеников школ по ряду учебных дисциплин, конференции и олимпиады по школьным предметам, просветительско-образовательный проект для школьников, студентов и взрослых «Университетские субботы», проведение научных кружков, университетские и факультетские

[1] О государственном докладе «Об обеспечении кадрами экономики Чувашской Республики в 2011 году» (утв. Постановлением Кабинета министров Чувашской Республики от 13.06.2012 г. № 234) [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/laws.aspx?gov_id=17&id=126381 (дата обращения: 02.11.2017).

«Дни открытых дверей», где абитуриенты и их родители получают информацию о ситуации на рынке труда, возможностях трудоустроиться, а специалисты вуза выявляют профессиональные предпочтения абитуриентов.

В целом на сегодняшний день в Чувашском государственном университете ведется подготовка по 55 программам бакалавриата, 25 программам специалитета, 30 программам магистратуры. При этом пристальное внимание уделяется специальностям и направлениям подготовки, обеспечивающим подготовку кадров по приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики.

К 2011 г. в вузе открылось девять новых специальностей и направлений подготовки: «Инноватика», «Информационная безопасность автоматизированных систем», «Клиническая психология», «Механотроника и робототехника», «Программная инженерия», «Строительство уникальных зданий и сооружений», «Фармация», «Физика наноструктур», «Химическая технология»[1]. В 2013 г. в его стенах велась подготовка по 14 приоритетным техническим направлениям подготовки и специальностям для инновационного развития экономики страны из 39 [21].

В 2013 г. университетом проведен опрос руководителей и работников более 200 предприятий и организаций об их потребности в выпускниках на период до 2016 г. Полученная информация использовалась при формировании предложений по контрольным цифрам приёма студентов в 2014 г.[2]. Вуз заключает и реализует договоры с государственными и муниципальными органами на проведение целевого приема студентов для подготовки кадров и решения социально-экономических проблем регионов. В 2013 г. университет заключил договоры о целевом приеме с 49 государственными и муниципальными органами власти Чувашской Республики и республик и областей с компактным проживанием чувашской диаспоры (в 2010 г. – 49, в 2012 г. – 57). По целевому приему в 2013 г. по очной форме обучения поступили 214 человек, что составило 17,0% от всех зачисленных на бюджетной основе по очной форме обучения, или 12,0% от всего приема на дневное отделение. Основными заказчиками по целевому приему стали Министерство экономического развития, промышленности и торговли Чувашской Республики, Министерство здравоохранения и социального развития Чувашской Республики, Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Чувашской Республики, Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, Министерство природных ресурсов и экологии Чувашской Республики и другие органы государственной власти и местного самоуправления[3].

Важную роль в подготовке молодых кадров для промышленности играют периодически организуемые встречи студентов старших курсов технических факультетов с представителями крупнейших предприятий республики в рамках проекта «Предприятие – студентам!». В 2013 г. в ходе данного мероприятия будущие выпускники, обучавшиеся по направлениям и специальностям «Про-

---

[1] О государственном докладе «Об обеспечении кадрами экономики Чувашской Республики в 2011 году» (утв. Постановлением Кабинета министров Чувашской Республики от 13.06.2012 г. № 234) [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/laws.aspx?gov_id=17&id=126381 (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Отчет о самообследовании (по состоянию на 01.04.2014): рассмотрен и утвержден на заседании Ученого совета (протокол № 4 от 18.04.2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». URL: chuvsu.ru/images/stories/sved_obr_org/samoobsl.docx (дата обращения: 02.11.2017).

[3] Там же.

мышленная теплоэнергетика», «Релейная защита и автоматизация электроэнергетических систем», «Электроэнергетика» получили информацию о возможности прохождения производственной практики, требованиях к молодым специалистам, вакансиях, социальном пакете на предприятиях «АБС Электро», ОАО «Чебоксарский агрегатный завод», ОАО «Специальное конструкторское бюро систем промышленной автоматики», ОАО «Электроприбор»[1].

Заинтересованными предприятиями учреждаются именные стипендии лучшим студентам университета. В 2013 г. «АБС Электро», придерживаясь одного из приоритетных направлений своей социальной политики – поддержки талантливой молодежи, назначил именные стипендии холдинга лучшим студентам факультета энергетики и электротехники [17].

В 2013 г. Чувашский государственный университет стал одним из победителей открытого публичного конкурса Министерства образования и науки Российской Федерации «Кадры для регионов». Победителям данного конкурса предоставляется государственная поддержка для реализации проектов подготовки высококвалифицированных специалистов по важнейшим направлениям развития экономики. Проект вуза, направленный на совершенствование системы подготовки высококвалифицированных кадров для предприятий электротехники, машиностроения и строительства региона, получил целевое государственное субсидирование (2013 г. – 29 млн руб., 2014 г. – 50 млн руб.)[2]. При этом основное внимание акцентировалось на разработке и обновлении образовательных программ основного и дополнительного профессионального образования, актуализации их содержания и технологий обучения, их материально-технического и инфраструктурного обеспечения, повышения квалификации и поддержки мобильности профессорско-преподавательского состава, привлечения к разработке и реализации программ внешних специалистов [21].

В октябре 2015 г. в рамках политики импортозамещения принято решение о внедрении регионального стандарта кадрового обеспечения промышленного роста в 21 регионе России, в том числе в Чувашской Республике, нацеленного на создание критически важной связки: бизнес как заказчик – регион – образовательное учреждение [2]. Участие Чувашского государственного университета во внедрении в республике данного стандарта, предусматривающего подготовку кадров для промышленности на основе международных стандартов, реализацию механизмов практико-ориентированного (дуального) образования, призвано усовершенствовать процесс подготовки конкурентоспособных специалистов. В мероприятиях по внедрению нового стандарта также участвуют предприятия – ЗАО «ЧЭАЗ», ОАО «ВНИИР», ОАО «АБС ЗЭиМ Автоматизация», ООО «НПП "Бреслер"», ООО НПП «ЭКРА» [11].

Подтверждением стремления вуза соответствовать современным требованиям служит тот факт, что государственные аттестационные комиссии, как правило, возглавляют представители работодателей – высококвалифицированные специалисты, обладающие большим опытом практической работы. Например, в 2013 г. Государственную аттестационную комиссию по специальности «Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника» возглавили директор «Чебоксарской ТЭЦ-2» филиала «Марий Эл и Чувашии» ПАО «Т Плюс» С.Т. Бердников, кандидат технических наук, директор ООО НПП

[1] Отчет о самообследовании (по состоянию на 01.04.2014): рассмотрен и утвержден на заседании Ученого совета (протокол № 4 от 18.04.2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». URL: chuvsu.ru/images/stories/sved_obr_org/samoobsl.docx (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Там же.

«Инженерный центр» С.Н. Баталыгин, директор «Чебоксарской ГЭС» филиала ОАО «Русгидро» В.Г. Дорофеев; по специальности «Управление и информатика в технических системах» – доктор технических наук, заместитель генерального конструктора ООО НТЦ «Механотроника» В.С. Генин, кандидат технических наук, доцент, заведующий отделом ОАО «ВНИИР» В.Н. Бочкарев.

Отзывы председателей Государственных аттестационных комиссий содержат положительные характеристики. Они выделяют глубокие знания выпускников, прочное овладение ими профессиональными умениями и навыками, а также постоянный рост качества квалификационных работ, соответствие их тематики новейшим направлениям науки и техники, стремление найти оптимальное решение той или иной проблемы на основе творческого подхода[1].

Наряду с позитивными отзывами председатели Государственных аттестационных комиссий предлагают устранить некоторые недостатки, которые в целом не снижают общей положительной оценки, а именно: недостаточную представленность в выпускных квалификационных работах «исследовательской направленности экспериментальных данных и недостаточность сопоставлений с опубликованными ранее результатами»[2]. Руководители комиссий предлагают увеличить количество работ, выполненных по заявкам предприятий и на самих предприятиях.

Ведущие специалисты предприятий, руководители организаций, министерств и ведомств привлекаются к руководству выпускными квалификационными работами и их рецензированию, руководству производственной практикой студентов, работе в государственных экзаменационных комиссиях. Представители работодателей часто приглашаются к участию в жюри научных студенческих конференций, на заседания круглых столов, посвященных актуальным проблемам развития науки и технологий, к преподаванию на кафедрах, участию в заседаниях кафедр, где им предоставляется возможность внести свои предложения по разработке (корректировке) рабочих учебных планов и программ учебных дисциплин, фондов оценочных средств, о чем свидетельствуют соответствующие протоколы заседаний кафедр[3].

Между тем рынок труда предъявляет все более высокие требования к выпускникам. Работодатели выдвигают ряд пожеланий: овладение большими практическими навыками по эксплуатации оборудования; усиление подготовки по проектированию, наращивание связи с производством, увеличение в учебных планах микропроцессорной составляющей.

Университетом реализуются программы дополнительного профессионального образования, повышения профессиональной квалификации специалистов, переподготовки кадров для предприятий. В 2014 г. вуз впервые выиграл конкурс на получение бюджетных субсидий в рамках Президентской программы повышения квалификации инженерных кадров, ориентированной на потребности промышленного производства и усиливающей взаимодействие вуза с реальным сектором экономики. Такие программы обладают несомнен-

---

[1] Отчет о самообследовании (по состоянию на 01.04.2014): рассмотрен и утвержден на заседании Ученого совета (протокол № 4 от 18.04.2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». URL: chuvsu.ru/images/stories/sved_obr_org/samoobsl.docx (дата обращения: 02.11.2017).

[2] Там же.

[3] Отчет о самообследовании кластера образовательных программ «Химия» (04.03.01), «Химия» (04.04.01), «Химическая технология» (18.03.01), «Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии» (18.03.02), «Фармация» (33.05.01). Утв. ректором ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова» А.Ю. Александровым 25 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: chimfac.chuvsu.ru/source/otchet2016.docx (дата обращения: 02.11.2017).

ной пользой и для преподавательского состава в плане устойчивого финансирования их профессиональной педагогической и научной деятельности, систематического повышения их квалификации, совершенствования методики учебного процесса и применения современных образовательных технологий.

В рамках названного проекта выделено 1 млн 365,5 тыс. руб., в том числе субсидия, предоставляемая из федерального бюджета, составила 847 тыс. руб., размер софинансирования со стороны организаций реального сектора экономики, направивших на обучение своих специалистов, – 518,5 тыс. руб.

В соответствии с Президентской программой повышения квалификации инженерных кадров Центром дополнительного образования Чувашского государственного университета были организованы курсы для работников промышленных предприятий республики. На базе Вурнарского завода смесевых препаратов проводились занятия по теме «Методы инженерного контроля качества и обеспечения конкурентоспособности дисперсионных препаратов». В программу была включена стажировка в исследовательских и инжиниринговых центрах ОАО «Химпром» и за рубежом. Курсы, проведенные на базе ООО «Промтрактор – Промлит», посвящались теме «Современные направления развития технологий формообразования в литейном производстве» [5].

В настоящее время в университете объявлен конкурсный отбор на обучение по Президентской программе подготовки управленческих кадров в 2017/18 учебном году, реализуемой в соответствии с Государственным планом подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2007/08 – 2017/18 учебных годах. В целях формирования управленческого потенциала для предприятий народного хозяйства предполагаются проведение профессиональной переподготовки по программе «Эффективный менеджмент» и прохождение стажировки на зарубежных предприятиях сроком от 2 недель до 3 месяцев [6].

Другой важный аспект в совершенствовании подготовки кадров для промышленности – повышение квалификации преподавательского состава самого вуза. В 2016–2017 гг. преподаватели машиностроительного факультета прошли стажировку на Чебоксарском электроаппаратном заводе, уделив внимание вопросам проектирования электротехнических изделий на заводе, технологии производства изделий из пластмасс, конструированию деталей из листовых заготовок. Данная стажировка реализовывалась в рамках проекта «Новые кадры оборонно-промышленного комплекса-2016» и была направлена на подготовку кадров в сфере конструкторско-технологического обеспечения машиностроительных производств. Программа стажировки включала знакомство преподавателей с производством, его структурой, выпускаемой продукцией, применяемыми технологиями [7].

В 2015 г. под эгидой Министерства образования и науки Российской Федерации прошел первый Общероссийский форум «Новые кадры ОПК: союз образования и промышленности» в качестве экспертно-дискуссионной площадки по вопросам развития кадрового потенциала оборонно-промышленного комплекса. Она объединила руководителей предприятий ОПК, образовательные организации, должностных лиц органов исполнительной власти, ведущих отраслевых экспертов.

Чувашский государственный университет в 2016 г. стал одним из победителей открытого публичного конкурса по поддержке программ развития системы подготовки кадров «Новые кадры для ОПК». В рамках данного проекта по программе «Подготовка высококвалифицированных специалистов в области разработки резинотехнических изделий для ОПК» студентами-выпускниками химико-фармацевтического факультета в первом полугодии 2017 г. была выполнена

научно-исследовательская работа на Чебоксарском производственном объединении имени В.И. Чапаева. Результаты НИР были представлены студентами на конференциях различных уровней.

Проект «Новые кадры для ОПК» был разработан для развития сотрудничества вузов и предприятий, предусматривает подготовку инженеров в вузах по заказу предприятий оборонной промышленности, выстраивание карьерного роста студента, начиная с профориентационных мероприятий и заканчивая совместными НИОКР, работу со школьниками, проведение стажировок преподавателей, участвующих в подготовке кадрового резерва для оборонной промышленности и науки [15].

Таким образом, Чувашский государственный университет вносит весомый вклад в становление региональной инновационной экономики, основу которой составляет знание. Кадровое и научное обеспечение большей части запросов высокотехнологичного сектора реализуется ведущим вузом республики, осуществляющим подготовку специалистов практически для всех отраслей экономики региона и обладающим достаточными интеллектуальными ресурсами для генерирования инноваций в сфере информационных технологий; машиностроения; электротехники; электроники; новых материалов и химических технологий; энергосберегающих технологий; экологии и рационального природопользования. В более широком контексте системность взаимодействия вуза с региональным сообществом позволяет говорить о высоком уровне вклада университета в общественное развитие Чувашской Республики, способствующем в определенной степени смягчению социальной напряженности и преодолению маргинализации социально уязвимых слоев населения. В заключение стоит отметить открытость Чувашского государственного университета региональному сообществу, без которой в условиях реиндустриализации, интенсификации научно-технического прогресса, неустойчивости и непредсказуемости внешней среды невозможно адекватное развитие промышленности.

Литература и источники

1. *Беликов М.* По-настоящему серьезная наука в одиночку не делается… [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=5899 (дата обращения: 02.11.2017).

2. В 21 пилотном регионе России внедрят стандарт кадрового обеспечения промышленного роста [Электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/news/54759/ (дата обращения: 02.11.2017).

3. В Чувашском госуниверситете имени И.Н. Ульянова дан старт новому проекту развития классов инженерного профиля [Электронный ресурс] // Строительный факультет Чувашского государственного университета: сайт. URL: http://stroyfak.chuvsu.ru/news/inzhklass17.html (дата обращения: 02.11.2017).

4. *Виноградова Т.В.* 017.01.012. Бычкова О. Инновация путем принуждения: институционализация сотрудничества университетов с промышленностью в России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. Реферативный журнал. 2017. № 1. С. 89–95. Реф. ст.: Bychkova O. Innovation by coercion: emerging institutionalization of university-industry collaborations in Russia // Social studies of science. 2016. Vol. 46, no. 4. P. 511–535. DOI:10.1177/030631 2716654768.

5. *Герасимова О.* Чувашский госуниверситет имени И.Н. Ульянова укрепляет сетевое взаимодействие с ведущими предприятиями республики [Электронный ресурс]. URL: http://nauka.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=11827:2014-09-16-04-58-48&catid=190:-2010-08-02-23-34-43&Itemid=537 (дата обращения: 02.11.2017).

6. Конкурсный отбор для обучения по Президентской программе подготовки управленческих кадров в 2017–2018 учебном году [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13584:-2017-2018-&catid=307:2012-07-13-21-19-36&-Itemid=510 (дата обращения: 02.11.2017).

7. *Ласкус О.* Стажировка преподавателей ЧГУ им. Ульянова на Чебоксарском электроаппаратном заводе [Электронный ресурс]. URL: http://mash_fak.chuvsu.ru/ (дата обращения: 02.11.2017).

8. Малые инновационные предприятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=4388&Itemid=312 (дата обращения: 02.11.2017).

9. На базе научно-производственного предприятия «ЭКРА» создана базовая кафедра Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=4837 (дата обращения: 02.11.2017).

10. О состоянии науки в Чувашской Республике. 01.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=13&id=2172080 (дата обращения: 02.11.2017).

11. Обеспечить промышленность достойными кадрами [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=5427 (дата обращения: 02.11.2017).

12. Первый этап программы обучения учащихся инженерных классов [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=6029 (дата обращения: 02.11.2017).

13. *Перез Вико Е., Швааг-Сергер С., Уайз Э., Беннер М.* Конфигурации «треугольника знаний» в трех шведских университетах // Форсайт. 2017. Т. 11, № 2. С. 68–82.

14. Победа во Всероссийском конкурсе на право получения субсидий для создания высокотехнологичного производства [Электронный ресурс]. URL: http://chimfac.chuvsu.ru/news-all-text.php?id=99 (дата обращения: 02.11.2017).

15. Программа «Новые кадры ОПК» продлена до 2020 года и позволит подготовить 9000 высококвалифицированных инженеров [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/m/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/8668 (дата обращения: 02.11.2017).

16. Состоялось награждение победителя и призеров олимпиады по математике «Надежда электротехники Чувашии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=3897 (дата обращения: 02.11.2017).

17. Талантливой молодежи – именные стипендии «АБС Электро» [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7819:-l-r&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=876 (дата обращения: 02.11.2017).

18. Центр молодежного инновационного творчества: сайт. URL: http://cmit21.tmweb.ru/ (дата обращения: 02.11.2017).

19. Центр содействия занятости обучающихся и выпускников ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»: сайт. URL: http://job.chuvsu.ru/ (дата обращения: 02.11.2017).

20. Чувашский госуниверситет имени И.Н. Ульянова принят в члены Торгово-промышленной палаты Чувашской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5762:2012-06-16-00-43-32&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=537 (дата обращения: 02.11.2017).

21. Чувашский госуниверситет имени И.Н. Ульянова стал победителем открытого публичного конкурса «Кадры для регионов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8700:2013-08-27-06-48-28&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=537 (дата обращения: 02.11.2017).

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

МУЗЯКОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

S. MIKHAILOVA, A. MUZYAKOVA

PRESENT STAGE OF UNIVERSITY COMPONENT EVOLUTION IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF CHUVASHIA (2000–2010s)

Key words: *the Chuvash Republic, Industry, University, interaction, science, innovation, education.*

The article aims to study the evolution of university-industrial partnership within the framework of the industrial development of Chuvashia in 2000–2010. It was revealed that against the background of nationwide changes in the institutional environment aimed at forming a stable, long-term partnership between universities and industry, the Chuvash State University is stepping up its activities to build interaction with actors in the industrial development of the region, which manifests in creation of new structural subdivisions aimed at organizing interaction of scientists and specialists of the university, research institutes, organizations and enterprises; increase in the

number of partners of the university in the field of joint activities in specialists' training; foundation of new graduate departments in the workplace; carrying out research and innovation activities focused on obtaining new knowledge in priority scientific and educational areas; commercialization of scientific results; involving students and young scientists to research work, which is a component in training qualified specialists capable to creative approach in solution of professional scientific, industrial and social tasks, etc. In conclusion, the university's significant contribution to the development of regional innovation economy and to the public development of the Chuvash Republic in general is noted.

References

1. Belikov M. *Po-nastoyashchemu ser'eznaya nauka v odinochku ne delaetsya…* [A truly serious science alone is not done…]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item-&id=5899 (Accessed 2 November 2017).

2. *V 21 pilotnom regione Rossii vnedryat standart kadrovogo obespecheniya promyshlennogo rosta* [In the 21 pilot regions of Russia will implement the standard of staffing for industrial growth]. Available at: http://asi.ru/news/54759 (Accessed 2 November 2017).

3. *V Chuvashskom gosuniversitete imeni I.N. Ul'yanova dan start novomu proektu razvitiya klassov inzhenernogo profilya* [In the Chuvash State University named after I.N. Ulyanova launched a new project for the development of engineering classes]. Available at: http://stroyfak.chuvsu.ru/news/in-zhklass17.html (Accessed 2 November 2017).

4. Vinogradova T.V. *017.01.012. Bychkova O. Innovatsiya putem prinuzhdeniya: institutsionail-zatsiya sotrudnichestva universitetov s promyshlennost'yu v Rossii* [017.01.012. Bychkova O. Innovation by coercion: emerging institutionalization of university-industry collaborations in Russia]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8. Naukovedenie. Referativnyi zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 8: The Science Of Science. Abstract journal], 2017, no. 1, pp. 89–95 (Abstract of the article: Bychkova O. Innovation by coercion: emerging institutionalization of university-industry collaborations in Russia. *Social studies of science*, 2016, vol. 46, no. 4, pp. 511–535. DOI:10.1177/030631 2716654768).

5. Gerasimova O. *Chuvashskii gosuniversitet imeni I.N. Ul'yanova ukreplyaet setevoe vzaimodei-stvie s vedushchimi predpriyatiyami respubliki* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanova strengthens network interaction with the leading enterprises of the republic]. Available at: http://nauka.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=11827:2014-09-16-04-58-48&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=537 (Accessed 2 November 2017).

6. *Konkursnyi otbor dlya obucheniya po Prezidentskoi programme podgotovki upravlencheskikh kadrov v 2017-2018 uchebnom godu* [Competitive selection for training under the Presidential program of management training in 2017-2018 academic year]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php? option=com_content&view=article&id=13584:-2017-2018-&catid=307:2012-07-13-21-19-36 &Itemid=510 (Accessed 2 November 2017).

7. *Laskus O. Stazhirovka prepodavatelei ChGU im. Ul'yanova na Cheboksarskom elektroappa-ratnom zavode* [nternship of teachers of the Chechen State University. Ulyanova at the Cheboksary Electrical Equipment Plant]. Available at: http://mash_fak.chuvsu.ru/ (Accessed 2 November 2017).

8. *Malye innovatsionnye predpriyatiya* [Small Innovative Enterprises]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=4388&Itemid=312 (Accessed 2 November 2017).

9. *Na baze nauchno-proizvodstvennogo predpriyatiya «EKRA» sozdana bazovaya kafedra Chuvashskogo gosuniversiteta imeni I.N. Ul'yanova* [On the basis of the scientific and production enterprise "EKRA" a basic department of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanova]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=4837 (Accessed 2 November 2017).

10. *O sostoyanii nauki v Chuvashskoi Respublike. 01.02.2017* [On the state of science in the Chuvash Republic. 1 February 2017]. Available at: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=13&id=2172080 (Accessed 2 November 2017).

11. *Obespechit' promyshlennost' dostoinymi kadrami* [Provide the industry with decent personnel]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=5427 (Accessed 2 November 2017).

12. *Pervyi etap programmy obucheniya uchashchikhsya inzhenernykh klassov* [The first stage of the program for teaching students of engineering classes]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=6029 (Accessed 2 November 2017).

13. Perez Viko E., Shvaag-Serger S., Uaiz E., Benner M. *Konfiguratsii «treugol'nika znanii» v trekh shvedskikh universitetakh* [Configurations of the "knowledge triangle" in three Swedish universities]. *Forsait* [Forsyte], 2017, vol. 11, no. 2, pp. 68–82.

14. *Pobeda vo Vserossiiskom konkurse na pravo polucheniya subsidii dlya sozdaniya vysokotekhnologichnogo proizvodstva* [Victory in the All-Russian competition for the right to receive subsidies for the creation of high-tech production]. Available at: http://chimfac.chuvsu.ru/news-all-text.php?id=99 (Accessed 2 November 2017).

15. *Programma «Novye kadry OPK» prodlena do 2020 goda i pozvolit podgotovit' 9000 vysokokvalifitsirovannykh inzhenerov* [The program «New Personnel of the military-industrial complex» was extended until 2020 and will allow the training of 9,000 highly qualified engineers]. Available at: http://minobrnauki.rf/ m/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/8668 (Accessed 2 November 2017).

16. *Sostoyalos' nagrazhdenie pobeditelya i prizerov olimpiady po matematike «Nadezhda elektrotekhniki Chuvashii»* [Awarding of the winner and prize-winners of the Olympiad in mathematics "Hope of Electrical Engineering of Chuvashia" was held]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=3897 (Accessed 2 November 2017).

17. *Talantlivoi molodezhi – imennye stipendii «ABS Elektro»* [Talented youth – nominal scholarships «ABS Electro»]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7819:-l-r&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=876 (Accessed 2 November 2017).

18. *Tsentr molodezhnogo innovatsionnogo tvorchestva* [Center for Youth Innovation]. Available at: http://cmit21.tmweb.ru/ (Accessed 2 November 2017).

19. *FGBOU VO «ChGU im. I.N. Ul'yanova» Tsentr sodeistviya zanyatosti obuchayushchikhsya i vypusknikov* [The Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Center for the Promotion of Employment of Students and Graduates]. Available at: http://job.chuvsu.ru/ (Accessed 2 November 2017).

20. *Chuvashskii gosuniversitet imeni I.N. Ul'yanova prinyat v chleny Torgovo-promyshlennoi palaty Chuvashskoi Respubliki* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanova was admitted to the Chamber of Commerce of the Chuvash Republic]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5762:2012-06-16-00-43-32&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=537 (Accessed 2 November 2017).

21. *Chuvashskii gosuniversitet imeni I.N. Ul'yanova stal pobeditelem otkrytogo publichnogo konkursa «Kadry dlya regionov»* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanova won the open public competition «Personnel for the regions»]. Available at: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8700:2013-08-27-06-48-28&catid=190:2010-08-02-23-34-43&Itemid=537 (Accessed 2 November 2017).

MIKHAILOVA SVETLANA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (svemikh1@rambler.ru).

MUZYAKOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alinasmirnova@list.ru).

Ссылка на статью: *Михайлова С.Ю., Музякова А.Л.* Современный этап эволюции университетского компонента индустриального развития Чувашии (2000–2010-е годы) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 147–163.

УДК 338.43(091)(470.4),1990/2014'+314(470.4)
ББК У32-03(2Рос-14)+С73(2Рос-14)6

В.В. ОРЛОВ

АГРАРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Ключевые слова: *рынок, аграрное развитие, деиндустриализация, деколлективизация, депопуляция, деградация инфраструктуры села.*

В статье, основанной на современных статистических сведениях и исследованиях видных отечественных ученых-аграриев, раскрываются основные особенности и тенденции аграрного и демографического развития в поволжской деревне в условиях перехода к рыночным отношениям. Автор с опорой на источники показывает ухудшение ресурсной и материально-технической базы сельскохозяйственного производства в национальных республиках и областях Приволжского федерального округа, незавершенность демографического кризиса, сокращение инфраструктуры села, обусловленные низким уровнем государственной поддержки аграрной экономики. Преодоление негативных последствий форсированного перехода к рынку для сельскохозяйственного производства автор видит в изменении социально-экономического курса развития страны, ведении прогрессивной шкалы налогообложения на доходы физических лиц, ликвидации механизма выкачивания средств из отрасли и перевода ее на инновационно-интенсивный путь развития.

Проблемы аграрного и демографического развития российского села привлекают все большее внимание современных исследователей, поскольку сельское хозяйство не только остается одним из главных секторов рыночной экономики, но и определяет весь уклад жизни миллионов человек, служит «резервуаром» здоровья нации и сохранения природы. В трудах ведущих теоретиков исследований аграрной сферы обоснован тезис о необходимости коренного пересмотра государственной аграрной политики, основанной на эксплуатации, порочной практике свысока смотреть на сельского жителя как второсортного члена общества, а на сельское хозяйство – как на внутреннюю колонию, использовать результаты крестьянского труда для других нужд, игнорируя базовый статус отрасли как первого условия человеческой жизнедеятельности [2, 6].

Социально-экономическая ситуация в поволжской деревне напрямую зависит от положения дел в аграрном секторе экономики всей страны. За годы рыночных реформ в российском селе произошел процесс разрушения его ресурсного и материально-технического потенциала (см. табл. 1). В 1990–2014 гг. в сельскохозяйственных организациях страны обеспеченность тракторами снизилась в 5,5 раза, комбайнами – в 6,2, внесение минеральных удобрений – в 5,2 и органических удобрений – в 6,3 раза. За этот период в хозяйствах всех категорий поголовье крупного рогатого скота сократилось в 2,9 раза, свиней – в 1,9, а овец и коз – в 2,3, расход кормов – в 2,1 раза при сокращении посевных площадей на 39,2 млн гектаров, в том числе под кормовыми культурами – на 27,4 млн га. По сравнению с 1990 г. посевная площадь под кормовыми культурами составляла только 38,4% [4. С. 30].

Эти деструктивные процессы напрямую затронули тружеников села Приволжского федерального округа, куда входят 14 субъектов Российской Федерации. В сельской местности проживает 12 млн человек, или 26% общей численности населения округа. Высокой остается доля сельского населения в Оренбургской и Пензенской областях, а также в национальных республиках Чувашия, Мордовия, Башкортостан, Марий Эл и Удмуртия. За 1991–2015 гг. удельный вес сельского населения вырос в Республике Удмуртия на 4,8 п.п. и

Оренбургской области – на 4,7 п.п., в Республике Башкортостан – на 2,9 п.п., в Пермском крае – на 1,5 п.п., в Самарской области – на 0,6 п.п. Но, несмотря на принимаемые меры по преодолению демографического кризиса, в регионе сохраняются отрицательные показатели движения населения. Правда, коэффициент естественного прироста населения сократился с –6,4 в 2000 г. до –0,6 в 2015 г. [10. С. 34–35; 11. С. 41–42].

Таблица 1

Динамика элементов ресурсного и материально-технического потенциала сельского хозяйства Российской Федерации в 1990–2014 гг.

Показатель	1990	2014	Изменение за период, + -				2014 к 1990, %
			1990-1998	1999-2007	2008-2014	1990-2014	
Посевные. площади в хозяйствах всех категорий, млн га	117,7	78,5	–26,5	–16,5	3,8	–39,2	66,7
В том числе: зерновые	63,1	46,3	–12,4	–6,4	2,0	–16,8	73,3
подсолнечник	2,7	6,9	1,4	1,2	1,6	4,2	**252,2**
картофель	3,1	2,1	–0,1	–1,0	0,0	–1,0	67,6
овощи	0,62	0,68	0,01	–0,07	0,06	0,01	**110,6**
кормовые	44,6	17,1	–13,8	–11,2	–2,4	–27,4	38,4
Поголовье КРС, млн голов	57,0	19,3	–28,5	–6,9	–2,2	–37,7	**33,9**
В том числе: коровы	20,5	8,55	–7,0	–4,2	–0,8	–12,8	41,7
свиньи	38,3	19,5	–21,1	–0,9	3,2	–18,8	50,9
овцы и козы	58,2	24,7	–42,6	5,9	3,2	–33,5	**38,4**
Численность занятых, всего, тыс. чел.	10303	6247	–1202	–2056	–798	–4056	60,6
Количество тракторов в СХО, тыс. шт.	1365	247	–509	–451	–158	–1118	18,1
Количество зерноуборочных комбайнов, тыс. шт.	408	65	–177	–124	–43	–343	15,8
Внесение в СХО минеральных удобрений, млн т	9,9	1,9	–8,6	0,45	0,18	–8,0	19,2
Внесение в СХО органических удобрений, млн т	390	62	–317	–24	14	–328	15,8
Расход кормов в хозяйствах всех категорий, млн т корм ед.	226	105	–110	–20	8	–121	46,4

За 1990–2014 гг. посевные площади в хозяйствах всех категорий сократились на 12 с лишним млн гектаров, в РФ – почти на 40 млн га. В округе выделяются шесть субъектов, где за этот период посевные площади сократились на миллионы гектаров. Среди них Республика Башкортостан (–1,29 млн га), Пермский край (–1,11 млн га), Саратовская (–1,89 млн га), Оренбургская (–1,32 млн га), Кировская (–1,34 млн га) и Пензенская (–1,04 млн га) области. Суммарно в этих регионах посевные площади уменьшились на 8 с лишним млн га, на них приходится 66,5% сокращения посевной площади во всем округе. В результате в 2014 г. по сравнению с 1990 г. удельный вес посевных площадей в ПФО составлял лишь 66,1%, в том числе в Кировской области – 38,7%, в Пермском крае – 39,9%, в Республике Марий Эл – 48,8%, в Пензенской области – 53,3%, в Нижегородской области – 55,4%. Относительно стабильной оставалась ситуация лишь в Республике Татарстан, где этот показатель составлял 85,3% по отношению к 1990 г. [10. С. 474; 12. С. 676–677]. Включение в хозяйственный оборот 12 млн га заброшенных земель позволило бы при средней урожайности зерновых культур 17,1 ц/га в ПФО (2014 г.) дополнительно получить свыше 2 млн т зерна. Но это из области фантастики, поскольку проект невозможно реализовать из-за разрушения ресурсной и материально-технической базы сельских товаропроизводителей, их финансовой неустойчивости.

Показатели урожайности зерновых и зернобобовых культур изменились незначительно. В 1990-е гг. лишь в Республике Татарстан отмечается рост уро-

жайности зерновых культур, относительно стабильной оставалась ситуация в Республике Мордовия и Нижегородской области. В остальных республиках и областях наблюдался заметный спад этого показателя. В последние годы также не произошло значимых изменений в урожайности зерновых культур, хотя в среднем по ПФО она выросла с 13,3 ц/га в 2000 г. до 17,1 ц/га в 2014 г. [10. С. 486–487; 12. С. 689–690]. Консервация урожайности зерновых и зернобобовых культур на низком уровне в регионе и стране за последние полвека (в 2-3 раза ниже, чем в среднем в Европе и США) объясняется в основном резким сокращением применения минеральных и органических удобрений, прекращением известкования, фосфорирования и гипсования почв, последствием чего являются возрастающее истощение и деградация сельскохозяйственных земель, выводом из оборота более трети посевных площадей.

По валовому сбору зерна выделяются восемь регионов, где годовые сборы зерновых превышают миллионы тонн. При этом Саратовская область и Республика Татарстан практически ежегодно получают свыше трех миллионов тонн зерна, Республика Башкортостан, Оренбургская и Самарская области – свыше двух миллионов, Нижегородская и Ульяновская области – свыше миллиона тонн. Относительно скромные результаты отмечаются в республиках Марий Эл, Чувашская и Удмуртская. Сохранение на относительно стабильном уровне валового сбора урожая объясняется усиленной эксплуатацией природного плодородия почвы.

Таблица 2

Валовой сбор зерна в субъектах Приволжского федерального округа в весе после доработки, в хозяйствах всех категорий, тыс. т

Регион	1990	1991	2000	Место, занимаемое в РФ 2000	2014	Место, занимаемое в РФ 2014
РФ, млн т	116,7	89,1	65,5		105,3	
ПФО	33776,6	22671,1	19403,1	**1**	20918,9	**3**
Республика Башкортостан	4727,6	2805,4	2520,7	9	**2420,9**	16
Республика Марий Эл	625,1	548,3	236,4	41	225,8	51
Республика Мордовия	978,9	728,3	620,5	30	946,9	30
Республика Татарстан	3660,5	2545,2	3287,9	**5**	**3366,0**	**9**
Удмуртская Республика	1121,1	821,9	596,1	32	609,8	37
Чувашская Республика	946,9	692,0	508,8	35	554,2	38
Пермский край	1129,4	863,4	5636,6	33	364,7	42
Кировская область	1680,2	1540,1	781,2	27	671,2	**34**
Нижегородская область	1741,8	1624,4	1003,2	22	**1134,4**	26
Оренбургская область	5581,5	3155,6	3141,8	**6**	**2543,7**	14
Пензенская область	1841,2	1321,3	820,3	**26**	**1265,4**	24
Самарская область	3025,8	2094,8	1529,3	14	**2070,1**	18
Саратовская область	4783,2	2889,8	2865,3	**7**	**3682,6**	**7**
Ульяновская область	1942,3	1240,8	928,1	23	**1064,3**	28

Разрушительные последствия рыночных реформ в аграрном секторе экономики крайне отрицательно сказались и на животноводстве: в 1990 г. в ПФО в половине субъектов насчитывалось свыше миллиона голов крупного рогатого скота, к 2014 г. таковых осталось лишь два – Республика Башкортостан и Республика Татарстан, которые занимают по этому показателю первые и вторые места, соответственно, в целом по стране (см. табл. 3). Из списка «миллионеров» выпали Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Саратовская области.

Наиболее высокими темпами поголовье крупного рогатого скота сократилось в Ульяновской области – в 5,6 раза, в Пензенской – в 4,7, в Нижегород-

ской – в 4,3, в Кировской – в 4,2, в Самарской – в 4,1 и в Саратовской областях – в 3,9 раза, а также в Республике Марий Эл – в 3,7, в Пермском крае – в 3,5 раза, что значительно выше общефедерального и общероссийского показателей (спад в 2,9 и 2,7 раза, соответственно). Относительно стабильной оставалась ситуация с поголовьем крупного рогатого скота лишь в Республике Татарстан.

Таблица 3

Поголовье крупного рогатого скота в субъектах Приволжского федерального округа (в хозяйствах всех категорий; на 1 января), тыс. голов

Регион	1991	2001	2011	2014	Место, занимаемое в РФ 2014	2014 г. к 1991 г. (–раз)
РФ	**57043,0**	**27293,5**	**20111,0**	**19264,3**		**2,9**
ПФО	**15268,2**	**8438,5**	**6016,4**	**5487,7**	**1**	**2,78**
Республика Башкортостан	**2392,9**	1686,9	1248,2	**1220,1**	1	1,9
Республика Марий Эл	321,8	194,0	99,2	85,9	60	3,7
Республика Мордовия	656,8	356,2	299,0	241,3	30	2,7
Республика Татарстан	**1573,2**	1194,6	1092,3	**1029,5**	**2**	**1,5**
Удмуртская Республика	674,7	465,5	377,2	352,4	18	1,9
Чувашская Республика	526,1	328,8	222,9	196,3	36	2,68
Пермский край	874,5	460,6	263,7	246,9	27	**3,5**
Кировская область	**1008,2**	570,5	261,0	236,3	32	**4,2**
Нижегородская область	**1264,3**	617,3	314,3	290,5	21	**4,3**
Оренбургская область	**1752,0**	819,8	655,9	623,4	**5**	**2,8**
Пензенская область	871,3	345,2	264,8	182,2	39	**4,78**
Самарская область	**1012,3**	438,3	214,2	243,5	28	**4,1**
Саратовская область	**1638,0**	680,5	549,2	416,0	14	**3,9**
Ульяновская область	701,1	300,3	154,8	123,4	51	**5,68**

Не менее плачевная ситуация сложилась и с поголовьем свиней. По этому показателю ПФО в целом занимает второе место в стране, при этом за 1991–2014 гг. их поголовье в регионе сократилось в 2,7 раза. Наиболее сильными темпами наблюдалось сокращение поголовья свиней в Самарской, Нижегородской, Саратовской и Ульяновской областях, в республиках Башкортостан и Чувашия, относительно стабильной оставалась ситуация лишь в Мордовии и Марий Эл.

Еще более сложное положение наблюдалось с поголовьем коз и овец: за 1991–2014 гг. их стало меньше в 4,3 раза. Если в 1991 г. в Саратовской области насчитывалось свыше 2,6 млн голов овец и коз, в Республике Башкортостан – почти 2,3 млн, в Оренбургской области – 2,1 и в Республике Татарстан – более 1,4 млн голов, то к 2014 г. в ПФО не осталось ни одного субъекта, где насчитывалось бы миллионы голов овец и коз. Особенно резко их поголовье сократилось в Республике Мордовия – в 9,5 раза, в Кировской – в 7,9, Ульяновской – в 7,2, Нижегородской – в 5,5 и Самарской области – в 5,2 раза [10. С. 508–509, 512–513; 12. С. 709–710, 712–713].

За четверть века удельный вес сельскохозяйственных организаций в структуре поголовья крупного рогатого скота сократился в Саратовской области в 3,8 раза, в Чувашской Республике – в 2,2, в Республике Башкортостан и Самарской области – в 1,9, в Пензенской и Оренбургской областях – в 1,8 и в 1,7 раза, соответственно. При этом высокой остается концентрация крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях Кировской и Нижегородской областей, в Пермском крае, в республиках Мордовия, Татарстан и Марий Эл. Хозяйства населения по этому показателю доминируют в Саратовской области, Чувашской Республике и Республике Башкортостан. В крестьянско-фермерских хозяйствах Самарской области содержится почти каждое четвертое поголовье крупного ро-

гатого скота, Саратовской области – каждое шестое, а в Пензенской и Ульяновской областях – каждое десятое [10. С. 514–515; 12. С. 715–716].

Переход к рыночной экономике сопровождался развитием многоукладной экономики села. В 1990 г. колхозы и совхозы занимали доминирующее положение практически по всем видам товарной сельскохозяйственной продукции, за исключением производства картофеля и меда, где традиционно была высока доля хозяйств населения. После перехода к рыночным отношениям не стало прежних коллективных хозяйств, проявились конкурентные преимущества разных категорий хозяйств, что видно из динамики товарности сельскохозяйственного производства и специализации сельскохозяйственных производителей.

В ПФО сельскохозяйственные организации доминируют в производстве зерна (более 75%), сахарной свеклы, подсолнечника, скота и птицы на убой, яиц. В производстве скота и птицы на убой весомы позиции хозяйств населения в таких субъектах ПФО, как Саратовская (69,8%) и Оренбургская (57,1%) области, Республика Башкортостан (58,1%).

Хозяйства населения занимают ведущее положение в производстве картофеля, овощей, плодов и ягод, а также молока. Самый высокий удельный вес в производстве молока эти хозяйства занимают в Саратовской (79,4%) и Оренбургской (68,7%) областях, в Чувашской Республике (69,5%) и Республике Башкортостан (62,0%). В то же время в производстве молока доминируют сельскохозяйственные организации в Кировской (86,8%) и Нижегородской (71,0%) областях, в Удмуртской Республике (74,0%) и Республике Мордовия (62,7%), где не без основания была сделана ставка на развитие крупного производства [10. С. 514–515; 12. С. 715–716].

Крестьянские фермерские хозяйства в регионе еще не получили развития. Хотя они, ориентируясь на более доходные виды деятельности, увеличивают производство подсолнечника, овощей и картофеля. По оценкам экспертов, основная проблема крестьянско-фермерских хозяйств – низкий уровень интенсификации производства: урожайность по основным культурам (зерно, сахарная свекла, подсолнечник) здесь в среднем на 20%, а надои молока от одной коровы – в 2 раза ниже, чем в сельскохозяйственных организациях [6. С. 29].

Реформирование аграрной сферы экономики на рыночных принципах не привело к улучшению социально-экономического положения работников отрасли. В РФ в сельскохозяйственной отрасли занято 7628,1 тыс. человек, в том числе в Приволжском федеральном округе – 1916,4 тыс. Их трудом производится товарная сельскохозяйственная продукция, сохраняется инфраструктура и развивается российское село. В 1990-е гг. размер оплаты труда работников сельского хозяйства составлял лишь 42-45,0% от средней по экономике, в настоящее время – 53,0%. Если в России ниже среднего заработка получают оплату труда 68,2% населения, то в сельском хозяйстве – 91,4%; причем 60% работников сельского хозяйства получают заработную плату ниже среднего по отрасли уровня [9. С. 46–47].

К тому же с заработной платы работников сельского хозяйства, почти вдове меньшей средней по экономике, был удержан подоходный налог с доходов физических лиц в сумме 24,9 млрд руб. в 2009 г., в 2010 г. – 27,7, в 2011 г. – 28,9, в 2012 г. – 32,1 и в 2013 г. – 34,0 млрд руб. [3. С. 20–21]. Эта ситуация диктует необходимость неотложного введения прогрессивной шкалы налогообложения на доходы физических лиц в России по примеру Китая, Индии, Бразилии, США, Канады, Японии и ЕС, а также освобождения от уплаты подоходного налога лиц с доходами менее 30-32 тыс. руб. в месяц (примерно 500 долл. США) по опыту наиболее крупных стран и экономик мира. Одна эта мера позволила намного

увеличить благосостояние работников аграрной сферы и сельских жителей, чем десятки разрекламированных государственных программ поддержки села.

Неспособность обеспечить занятых в отрасли работников достойной заработной платой и стандартами жизни, сопоставимыми с городскими, а население страны – экономически доступным отечественным продовольствием обусловлена низким уровнем государственной поддержки сельского хозяйства, выкачиванием средств из отрасли за счет диспропорции цен на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию, повышения тарифов государственных монополий на ГСМ, газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки, а также через механизм налогообложения и агрострахования. Только за 2009–2013 гг. сельскохозяйственные организации, являющиеся основным поставщиком товарной продукции сельского хозяйства, выплатили в виде разного рода налогов и сборов на 2,0-13,2% выше полученной ими финансовой поддержки из бюджета страны [3. С. 21–22].

Надежным «рыночным» механизмом выкачивания средств из отрасли является агрострахование. Так, в 2014 г. сельскохозяйственные организации внесли свыше 12,2 млрд руб. в качестве страховой премии, а страховое возмещение составило лишь 1,5 млрд руб., или 12,7% при нормативе 80%. Главной причиной низкой эффективности механизма агрострахования является принятая концепция, предусматривающая порог утраты урожая при выплате страхового возмещения до 25% [3. С. 22–23].

Не менее «рыночным» является механизм выкачивания средств из отрасли через дорожные фонды. В 2015 г. ставки акцизов составляли 3,73 руб. с 1 литра ГСМ и бензина, сборы от них поступали в дорожные фонды. За 2015 г. сельские жители и сельскохозяйственные товаропроизводители внесли в федеральный и региональный дорожные фонды 162,29 млрд руб. Всего же из Федерального дорожного фонда было направлено на строительство и содержание сельской дорожной сети 4,5 млрд руб., т.е. мизерная часть. В результате почти треть сельских населенных пунктов страны не имеют связи к дорогам с твердым покрытием [5. С. 52–55].

Итак, наиболее значимым является аграрный сектор экономики Республики Татарстан и Республики Башкортостан, Саратовской и Оренбургской областей, которые входят в первую десятку наиболее крупных производителей товарной сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации. К числу основных особенностей демографического и аграрного развития в ПФО следует отнести ухудшение ресурсной и материально-технической базы сельскохозяйственного производства, незавершенность демографического кризиса, сокращение инфраструктуры села, обусловленные низким уровнем государственной поддержки аграрной экономики. Эта отрасль с ежегодным приростом продукции на 3,0-3,5% еще не получила приоритетного развития. Сельское хозяйство, занимая 4% в стоимости ВВП, имеет 3,7% инвестиций, а его доля в структуре расходов консолидируемого бюджета составляет лишь 1,1% [2. С. 4–6].

При декларативной аграрной политике, направленной на выкачивание средств из отрасли, не может быть и речи об инновационном развитии отрасли, а лишь о ее движении по маршруту в стратегический «тупик», пребывании в состоянии спада и стагнации, а сельского населения – в режиме выживания и самообеспечения. Данная ситуация актуализирует значимость трансформации социально-экономического курса развития страны, а также увеличения масштабов государственной поддержки аграрной сферы, ибо с народнохозяйственной точки зрения наиболее эффективными являются инвестиции в сельское хозяйство, а наименее – в добычу полезных ископаемых [7. С. 44].

Литература

1. Агропромышленный комплекс России в 2014 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2015.

2. *Алтухов А.И.* Парадоксы развития российского сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства в России. 2016. № 5.

3. *Алтухов А.И.* Ускоренное импортозамещение в АПК требует адекватного инвестирования // Экономист. 2016. № 6.

4. *Баутин В., Романцева Ю.* Статистический анализ динамики развития сельского хозяйства России в постсоветский период // Экономика сельского хозяйства в России. 2016. № 6.

5. *Бондаренко Л.В., Попова О.А.* Реализация федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» // Экономика сельского хозяйства в России. 2016. № 4.

6. *Буздалов И.Н.* Аграрные отношения и аграрная политика в современной России. Екатеринбург, 2016. 177 с.

7. *Маневич В.Е.* Долговременные макроэкономические процессы и условия роста российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 1.

8. *Павлова Г.* Импортозамещение надо начинать с земли // Экономика сельского хозяйства в России. 2016. № 1.

9. *Скачкова С.А., Тихонова А.В.* Экономико-статистический анализ оплаты труда в сельском хозяйстве // Экономика сельского хозяйства в России. 2016. № 6.

10. Регионы России. 2001: стат. сб.: в 2 т. / Росстат. М., 2001. Т. 2.

11. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015.

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015.

ОРЛОВ ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, проректор по научной работе, Институт государственного администрирования, Россия, Москва (orlov.stolica@mail.ru).

V. ORLOV

AGRARIAN AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE VOLGA REGION

Key words: *market, agrarian development, deindustrialization, decollectivization, depopulation, degradation of rural infrastructure.*

The article, based on modern statistical information and studies of prominent Russian agrarian scientists, reveals the main features and tendencies of agrarian and demographic development in the Volga region village in conditions of transition to market relations. Basing on the sources the author shows deterioration of resource and material and technical base of agricultural production in national republics and regions of the Volga Federal District, incompleteness of demographic crisis, reduction of rural infrastructure due to low level of state support for agrarian economy. Overcoming negative consequences of forced transition to the market for the agricultural production is seen by the author in changing political and socio-economic development of the country, introducing a progressive scale of taxation on personal incomes, liquidation of the mechanism for pumping funds from the industry and its transferring to an innovative and intensive developmental path.

References

1. *Agropromyshlennyi kompleks Rossii v 2014 g.: stat. sb.* [Agro-industrial complex of Russia in 2014. Statistical Book]. Moscow, 2015.

2. Altukhov A.I. *Paradoksy razvitiya rossiiskogo sel'skogo khozyaistva* [Paradoxes of the development of Russian agriculture]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva v Rossii* [Economics of agriculture in Russia], 2016, no. 5.

3. Altukhov A.I. *Uskorennoe importozameshchenie v APK trebuet adekvatnogo investirovaniya* [Accelerated import substitution in the agroindustrial complex requires adequate investment]. *Ekonomist*, 2016, no. 6.

4. Bautin V., Romantseva Yu. *Statisticheskii analiz dinamiki razvitiya sel'skogo khozyaistva Rossii v postsovetskii period* [Statistical analysis of the dynamics of the development of agriculture in Russia in the post-Soviet period]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva v Rossii* [Economics of agriculture in Russia], 2016, no. 6.

5. Bondarenko L.V., Popova O.A. *Realizatsiya federal'noi tselevoi programmy «Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda»* [Implementation of the federal

target program «Sustainable Development of Rural Territories for 2014–2017 and for the period to 2020»]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva v Rossii* [Economics of Agriculture in Russia], 2016, no. 4.

6. Buzdalov I.N. *Agrarnye otnosheniya i agrarnaya politika v sovremennoi Rossii* [Agrarian relations and agrarian policy in modern Russia]. Ekaterinburg, 2016, 177 p.

7. Manevich V.E. *Dolgovremennye makroekonomicheskie protsessy i usloviya rosta rossiiskoi ekonomiki* [Long-term macroeconomic processes and conditions for the growth of the Russian economy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2017, no. 1.

8. Pavlova G. *Importozameshchenie nado nachinat' s zemli* [Import substitution should start from the ground]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva v Rossii* [Economics of agriculture in Russia], 2016, no. 1.

9. Skachkova S.A., Tikhonova A.V. *Ekonomiko-statisticheskii analiz oplaty truda v sel'skom khozyaistve* [Economic and statistical analysis of labor remuneration in agriculture]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva v Rossii* [Economics of agriculture in Russia], 2016, no. 6.

10. *Regiony Rossii. 2001: stat. sb.: v 2 t.* [Regions of Russia. 2001: Statistical Book. 2 vols.]. Moscow, 2001, vol. 2.

11. *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub»ektov Rossiiskoi Federatsii. 2015: stat. sb.* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2015: Statistical Book]. Moscow, 2015.

12. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015: Statistical Book]. Moscow, 2015.

ORLOV VITALY – Doctor of Historical Sciences, Vice-Rector for Scientific Work, Institute of Public Administration, Russia, Moscow (orlov.stolica@mail.ru).

Ссылка на статью: *Орлов В.В.* Аграрные и демографические процессы в поволжской деревне // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 164–171.

УДК 352.075.2 (091)
ББК 63.3 (2Рос.Чув) 6-3

А.А. ПАВЛОВА

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (на примере г. Чебоксары)*

Ключевые слова: *городское самоуправление, глава местного самоуправления, глава муниципального образования, глава местной администрации, национальный состав.*

Чувашия – полиэтнический регион в составе многонационального российского государства, имеющий свою историю, самобытную культуру и традиции. Поэтому местное самоуправление, как самый близкий к народу уровень власти, носит особенный характер, и к представителям местной власти население предъявляет особые требования. В статье рассматривается обобщенный портрет руководителей г. Чебоксары, дается характеристика по качественным показателям: пол, возраст, образование, профессиональный опыт, национальная принадлежность, за период с 1991 г. по 2010 г.

Любой национальный регион имеет свою специфику и характерные черты, поэтому и система управления в нем формируется не только на основе общих тенденций, но и на основе самобытности национальной территории.

Чувашия – полиэтнический регион, на территории которого проживает 67,7% коренных жителей со своей культурой, языком и традициями, поэтому и местное самоуправление, как самый близкий к населению уровень власти, носит особенный характер, а перед гражданами, его представляющими, стоит непростая задача: не только организовывать жизнедеятельность территории, но и сохранять самобытность чувашского народа. Это является одним из условий для эффективного взаимодействия, заинтересованности и совместной работы местных органов управления с населением. Большое значение также имеют не только профессиональные знания, умения, навыки и нравственные качества высшего руководства, но и понимание культурных традиций и особенностей исторического опыта коренного населения, проживающего на управляемой территории.

В связи с этим особый интерес для исследования представляет национальный состав кадров органов местного самоуправления Чувашии и высших должностных лиц.

До революции в городах республики в основном проживали русские, чуваши составляли всего 9,3% [3. С. 63]. Основная часть населения республики – 96,5% – являлись сельскими жителями, поэтому среди руководителей г. Чебоксары чувашей не было, городом руководили русские и представители других национальностей [3. С. 63].

Первая официальная должность главы городского управления была введена еще Екатериной II в 1767 г. Жалованная грамота, дарованная городам в 1785 г., установила должность головы, который избирался городским обществом и председательствовал в городской думе. В 1787 г. первым городским головой в г. Чебоксары стал чебоксарский купец Афанасий Колокольников, русский по национальности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 р_а.

В 1870 г., по городовому положению Александра II, в городах было создано самостоятельное административно-хозяйственное управление. Городской голова возглавлял выборный представительный орган – городскую думу, назначался из кандидатов, предложенных ею, и утверждался губернатором или министром внутренних дел. В конце XIX в. в Чебоксарах долгое время в должности городского головы работал известный русский купец Андрей Петрович Астраханцев – крупный хлебопромышленник, почетный гражданин города, купец 1-й гильдии.

В 1917 г. после Октябрьской революции и установления власти большевиков прежние органы управления – городские думы и городские управы – были ликвидированы, обязанности главы города перешли к председателю исполнительного комитета городского совета (горисполкома). Первым чебоксарским градоначальником в 1917 г. был назначен Карл Янович Грасис, революционер, руководитель борьбы за советскую власть в Чувашии, латыш по национальности.

В 1925 г., в год образования Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики (ЧАССР), в нашем крае имелось всего 4 города: Чебоксары, Ядрин, Цивильск и Алатырь, основная часть населения проживала в сельской местности. В 1926 г. горожан в целом насчитывалось 45,2 тыс. человек, т.е. всего 5%. Чуваши составляли 11% населения городов, 85,7% горожан были русскими [3. С. 27]. В предвоенное время городские жители в Чувашской автономии составляли 12,2% [3. С. 28].

Города республики росли за счет включения в их состав окрестных сел и поселков, миграции сельского населения, процесса урбанизации, и к 1990 г. городское население составляло 57,9%, из них 54,7% – чуваши, 40% – русские, 5,3% – другие национальности [3. С. 29].

В 1982 г., по данным социологического исследования, 48% русских горожан в возрасте от 16 лет и старше составляли мигранты – квалифицированные специалисты, которые прибыли в республику из других городов России для подъема и развития национального хозяйства [3. С. 30]. Это было характерно и для руководителей г. Чебоксары. Анализ кадрового состава градоначальников столицы республики начиная с 1917 г. показывает, что из 37 человек 57% были чувашами, остальные 43% приехали работать в Чувашию из других регионов России и Советского Союза [5].

После распада СССР в 1992 г. горисполком был преобразован в администрацию г. Чебоксары, руководство которой осуществлял глава, избираемый населением. Появилось новое понятие – мэр города.

Первые выборы мэра в городах Чувашии были назначены на 8 декабря 1991 г. В г. Чебоксары на эту должность претендовало несколько кандидатов: Виталий Васильевич Алексеев (чуваш), Валерий Васильевич Сапожников (чуваш) и Иван Павлович Тореев (русский). Однако ни один из них не набрал необходимого количества голосов избирателей, и руководителем исполкома Чебоксарского городского Совета народных депутатов остался Станислав Владимирович Шалимов, занимавший эту должность с 1988 г. [7]. Станислав Владимирович родился в 1940 г. в русской семье, в с. Урелики Провиденского района Магаданской области. После окончания Ростовского института сельхозмашиностроения в 1967–1974 гг. работал на Павлодарском тракторном заводе инженером-конструктором, начальником цеха. В 1974 г. С.В. Шалимову предложили должность заместителя главного конструктора на строящемся Чебоксарском тракторном заводе, и он переехал в г. Чебоксары. В декабре

1983 г. он был избран секретарем Чебоксарского городского комитета партии по промышленности. Городской исполнительный комитет Станислав Владимирович возглавлял почти 4 года: с 27 апреля 1988 г. по 16 января 1992 г. и за свой вклад в развитие города и республики удостоен званий «Почетный гражданин города Чебоксары» и «Заслуженный работник промышленности Чувашской Республики (ЧР)» [5].

В январе 1992 г. он заявил об отставке, и 16 января 1992 г. на VIII внеочередной сессии Чебоксарского городского Собрания народных депутатов (ЧГСНД), по представлению Совета Министров республики, было принято решение временно, до очередных выборов, назначить руководителем администрации В.В. Алексеева, который совместил сразу две должности: главы администрации и председателя Чебоксарского городского Собрания депутатов (ЧГСД). В.В. Алексеев, чуваш, родился в 1944 г. в д. Степное Тугаево Цивильского района, получил образование инженера в Чебоксарском энергетическом техникуме, окончил электротехнический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (ЧГУ имени И.Н. Ульянова). Долгое время Виталий Васильевич работал главным конструктором, заместителем директора в производственном объединении «Росавтоматстром», в 1989–1990 гг. В.В. Алексеев – генеральный директор объединения «Росавтоматика» [5].

Данное совмещение не было законодательно определено и было сделано в форме государственно-правового эксперимента в связи с кризисом исполнительной власти в г. Чебоксары: в исполнительном комитете отсутствовали три заместителя главы администрации и начальник управления архитектуры и градостроительства [6]. В мае 1993 г. Верховный Совет Чувашии принял постановление о невозможности такого совмещения, и В.В. Алексеев был освобожден от исполнения обязанностей главы городской администрации, которой руководил год и 4 месяца: с 16 января 1992 г. по 26 мая 1993 г., но он остался председателем Совета народных депутатов.

В июне 1993 г. на XIII сессии городского Совета на вакантную должность руководителя администрации был назначен заместитель главы администрации Лев Евгеньевич Смирнов, чуваш, уроженец д. Картлуево Козловского района ЧР. Лев Евгеньевич окончил ЧГУ имени И.Н. Ульянова, работал учителем истории, в 1986–1990 гг. – директором Чебоксарской средней школы № 29. В феврале 1994 г. Л.Е. Смирнов сложил свои полномочия, проработав на посту руководителя администрации 8 месяцев [8].

Однако во время кардинальных изменений системы управления в государстве требовался авторитетный выборный руководитель, который мог бы объединить и возглавить всю деятельность по осуществлению местного самоуправления. В 1993 г. такой руководитель был определен, он встал над всеми органами власти в городе и координировал их работу, осуществлял общее управление городским хозяйством.

В 1993 г. Законом «Об основах организации местного самоуправления в Чувашской Республике» была утверждена должность главы местного самоуправления, избираемого населением на 2 года. Под его руководством работала и городская администрация, и Совет народных депутатов. По постановлению Верховного Совета Российской Федерации после избрания нового корпуса депутатов 13 марта 1994 г. главой города автоматически назначался действовавший мэр, таким образом, пост главы администрации в очередной раз стал вакантным.

В феврале 1994 г. Указом Президента ЧР исполняющим обязанности градоначальника стал Федор Ильич Евдокимов. Федор Ильич родился 1928 г. в д. Сирикли Ибресинского района, чуваш по национальности, окончил юридический факультет Казанского университета, долгое время работал в прокуратуре Чувашии старшим следователем, прокурором следственного отдела. С 1971 г. в течение 23 лет Ф.И. Евдокимов – преподаватель ЧГУ имени И.Н. Ульянова, проректор по вечернему и заочному обучению, кандидат наук, доцент Чебоксарского кооперативного института [5].

В мае 1995 г. Указом Президента ЧР Ф.И. Евдокимов был освобожден от должности и исполняющим обязанности главы местного самоуправления был назначен Анатолий Александрович Игумнов, который руководил городом 6 лет. Анатолий Александрович родился в 1946 г. в г. Чебоксары в русской семье, окончил Балашовское высшее военное училище летчиков. В 1974–1985 гг. служил на Украине командиром авиаэскадрильи, командиром авиачасти спецназначения. В 1990–1994 гг. продолжил службу в Киеве начальником центра автоматизированной системы управления воздушным движением Украины. В 1994 г. Анатолий Александрович был уволен с военной службы по выслуге лет в звании полковника. В августе 1994 г. А.А. Игумнов был рекомендован на должность заместителя главы Чебоксарской городской администрации по организационной работе [5].

Указом Президента Российской Федерации (РФ) Игумнову была присуждена Государственная премия за работу по возрождению исторической части Чебоксар. Указом Президента ЧР ему присвоено почетное звание «Заслуженный строитель ЧР». За время работы главой города А.А. Игумнов награжден знаком «Почетный работник горэлектротранспорта РФ». За результативную работу по возрождению храмов в г. Чебоксары награжден орденом православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского II степени [5].

Система местного самоуправления продолжала развиваться, были приняты Уставы муниципальных образований, расширились права граждан на участие в контроле своей территории, подыскивался оптимальный вариант управления городом. Так, Закон от 16 марта 1996 г. «Об организации местного самоуправления в ЧР»[1] предоставил местным органам власти право самостоятельно предусматривать в Уставе должность главы местного самоуправления. Предлагалось несколько вариантов его избрания: либо гражданами на прямых выборах, либо представительным органом местного самоуправления из своего состава. Закон определил статус главы, установил его личную неприкосновенность, отметил, что глава мог организовывать работу представительного органа и входить в его состав, одновременно возглавляя городскую администрацию. В 1996 г. был принят Устав г. Чебоксары[2], который юридически оформил статус города и определил конкретную модель организации местного самоуправления. Изменилось и положение главы. Появилось конкретное определение должности: «Глава самоуправления г. Чебоксары – глава администрации г. Чебоксары, выборное должностное лицо, возглавляющее деятельность по осуществлению самоуправления на территории города как по линии представительного органа самоуправления – ЧГСД, так и по линии

[1] Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике: Закон Чувашской Республики от 16.03.1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https:// www.garant.ru.
[2] Об Уставе г. Чебоксары – столицы Чувашской Республики: решение Чебоксарского городского Собрания депутатов от 29.08.1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru.

исполнительного органа – городской администрации»[3]. Увеличился срок его работы в должности – 4 года.

8 декабря 1996 г. в Чувашии прошли очередные выборы глав местного самоуправления. В г. Чебоксары было зарегистрировано 6 кандидатов: директор Чебоксарского рынка Анатолий Евгеньевич Драницын, исполнительный директор ОАО «Монолитстрой» Николай Сергеевич Егоров, А.А. Игумнов, ректор университета народов Поволжья Светлана Михайловна Ляпидовская и С.В. Шалимов – бывший председатель городского исполнительного комитета г. Чебоксары [1. Л. 96].

22 декабря ввиду низкой явки избирателей среди двух кандидатов, А.А. Игумнова и С.В. Шалимова, набравших наибольшее количество голосов, было проведено голосование, в результате которого победу одержал А.А. Игумнов [2. Л. 78].

На выборах 28 января 2001 г. А.А. Игумнов вновь одержал победу. Однако 15 февраля 2002 г. на заседании ЧГСД он объявил о досрочном сложении полномочий, временное исполнение обязанностей главы города было возложено на Леонида Аркадьевича Шимина, одновременно он работал главой администрации Ленинского района.

Выборы нового главы состоялись 4 июля 2002 г., причем было решено избрать его из состава депутатов представительного органа, возможно, в целях экономии бюджетных средств. Абсолютное большинство проголосовало за Николая Ивановича Емельянова, являвшегося единственной кандидатурой. Николай Иванович, чуваш по национальности, родился в 1953 г. в с. Алексеевское Алексеевского района Республики Татарстан. В 1976 г. окончил ЧГУ имени И.Н. Ульянова по специальности «электротермические установки»; в 1994 г. – Санкт-Петербургский технический университет по специальности «экономист менеджер». Николай Иванович работал инженером-конструктором производственного объединения «Росавтоматстром», заместителем начальника цеха на Чебоксарском агрегатном заводе, главным инженером, управляющим Московским районным жилищным производственно-эксплуатационным трестом г. Чебоксары. С 1989 г. по 1997 г. – заместителем председателя исполкома Московского райсовета, первым заместителем главы администрации Московского района, первым заместителем главы администрации г. Чебоксары. В 2002 г. Н.И. Емельянов был избран депутатом ЧГСД [5].

Закон «Об организации местного самоуправления в ЧР» 2004 г.[1] и Устав г. Чебоксары 2005 г.[2] в очередной раз изменили определение, положение и функции главы города. Закон дал большую самостоятельность местным органам власти: было определено несколько вариантов положения высшего выборного должностного лица в системе местного самоуправления. Глава муниципального образования мог избираться либо на муниципальных выборах, либо представительным органом из своего состава. В случае избрания его на муниципальных выборах он мог входить в состав представительного органа и быть его председателем или возглавлять местную администрацию, а в случае его избрания представительным органом муниципального образования – являться его председателем. Но самое главное –

[1] Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике: Закон Чувашской Республики от 18.10.2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https:// www.garant.ru.

[2] Об Уставе г. Чебоксары – столицы Чувашской Республики: решение Чебоксарского городского Собрания депутатов от 30.05.2005 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru.

закон определил, что глава муниципального образования не мог одновременно председательствовать в представительном органе власти и возглавлять местную администрацию.

Устав города 2005 г. закрепил положение о том, что глава – высшее должностное лицо – избирается гражданами города сроком на 5 лет и является главой администрации г. Чебоксары. Он уполномочен решать вопросы управления, руководить городской администрацией и осуществлять контроль деятельности органов городского самоуправления, за исключением полномочий представительного органа. Городской глава стал подотчетным в первую очередь всему местному населению, которому, по сравнению с представительным институтом, труднее было контролировать его деятельность, потому что оно обладало меньшими правовыми возможностями.

В октябре 2005 г. в связи с окончанием срока полномочий на выборах главы местного самоуправления 70% жителей Чебоксар отдали свои голоса за Н.И. Емельянова, кандидаты Олег Гордеевич Ванин и Геннадий Петрович Матвеев не получили поддержки избирателей.

Николай Иванович за достигнутые трудовые успехи, многолетний добросовестный труд, за значительный вклад в становление и развитие местного самоуправления в Чувашской Республике награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, орденом «За заслуги перед Чувашской Республикой». В 2004 г. за активную работу по возрождению храмов в г. Чебоксары награждён орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени [5].

В 2008 и 2009 гг. в Устав были внесены значительные коррективы. Теперь глава города, продолжая являться высшим должностным лицом, должен был избираться ЧГСД из своего состава и исполнять полномочия его председателя. Поскольку глава города стал руководителем представительной власти, изменились и его функциональные обязанности. Глава муниципального образования стал достаточно зависимым от местного представительного института, отделенным от системы исполнительных органов власти. Изменился порядок избрания главы местного самоуправления: отменены прямые выборы городского руководителя. В настоящее время население избирает только депутатов ЧГСД, которые затем из своего состава тайным голосованием выбирают главу города. Глава городской администрации назначается на должность по контракту, заключаемому по результатам конкурса на срок полномочий ЧГСД. Теперь глава города заключает с главой администрации контракт, условия которого определяются ЧГСД. Глава администрации подконтролен городскому собранию, представляет ежегодные отчеты о результатах как своей, так и деятельности администрации.

10 октября 2010 г. в Чебоксарах прошли выборы в органы представительной власти, на которых было избрано 35 депутатов. Впоследствии из своего числа они избрали председателя городского собрания – главу города, которым стал Леонид Ильич Черкесов, уроженец д. Торханы Шумерлинского района ЧР, чуваш по национальности. Леонид Ильич окончил медицинский факультет ЧГУ имени И.Н. Ульянова, в 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию, С 2002 г. по 2010 г. – хирург, главный врач МУЗ «Городская больница № 7», в 2010 г. назначен главным врачом МУЗ «Новочебоксарская городская больница». Л.И. Черкесов руководил городом 6 лет [5].

В ноябре 2010 г. депутатами ЧГСД на должность главы администрации по контракту был утвержден Н.И. Емельянов. Организацией и проведением

конкурса занималась специальная городская комиссия, состав которой был определен Государственным Советом республики. В конкурсе принимало участие 3 человека: Н.И. Емельянов, который с июня 2002 г. по октябрь 2010 г. являлся главой Чебоксар, председатель ЛДПР А. Андреев и А.А. Игумнов, директор ОАО «Авиалинии Чувашии». Депутаты единогласно проголосовали за Н.И. Емельянова. Однако в апреле 2011 г. он, недолго проработав на этом посту, подал в отставку. Причиной ухода Н.И. Емельянова, возможно, стал его конфликт с депутатами [4. С. 8]. 25 мая 2011 г. конкурсная комиссия одобрила на пост главы администрации города по контракту Алексея Олеговича Ладыкова, который работает в должности главы администрации города и в настоящее время. Алексей Олегович русский по национальности, родился в 1977 г. в г. Чебоксары, высшее образование получил в ЧГУ имени И.Н. Ульянова, по квалификации «экономист», в 2004 г. ему присвоена ученая степень кандидата экономических наук. А.О. Ладыков – руководитель городских предприятий, с 2005 г. по 2011 г. – генеральный директор ООО «Инкрит» [5].

Следует отметить, что в Чувашии, являющейся национальной республикой, руководящие должности занимают образованные, грамотные, зарекомендовавшие себя зрелые личности от 45 лет и старше, имеющие жизненный и профессиональный опыт, национальная принадлежность которых не является приоритетной. Однако ранее, до образования современной России (1991 г.), приглашенных из других регионов руководителей было больше, поскольку в республике, являвшейся исключительно аграрной, не было профессионально подготовленных кадров. В современных условиях образовательный и культурный уровень населения Чувашии вырос в целом, и стало возможным готовить свои национальные кадры, это подтверждает то, что все местные руководители имеют высшее образование, некоторые – ученую степень.

Из 9 городских руководителей 6 человек – представители чувашской нации, 3 человека – русские, однако все они – уроженцы Чувашии.

С 1991 г., когда городские управленцы стали избираться, население на выборах отдает предпочтение своим землякам, тем самым приближая местную власть к народу.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-3027/2644. Оп. 4. Д. 8. Л. 96.

2. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3027/2644. Оп. 4. Д. 11. Л. 78.

3. *Иванов В.П.* Расселение и численность чувашей. Этнографический очерк / Чуваш. респ. ин-т повышения квалификации работников народного образования. Чебоксары, 1992. 70 с.

4. *Макаров В.* Сити-менеджер г. Чебоксары заявил об отставке // Коммерсантъ. 2011. № 69. С. 8.

5. Чебоксарские градоначальники [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?id=66800&gov_id=81 (дата обращения: 10.08.2017).

6. Чебоксарские новости. 1992. № 12. С. 6.

7. Чебоксарские новости. 1992. № 181. С. 1.

8. Чебоксарские новости. 1994. № 25. С. 1.

ПАВЛОВА АЛЕНА АНДРЕЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alenachuksina@mail.ru).

A. PAVLOVA

ON THE QUESTION OF ETHNIC COMPOSITION OF THE STAFF MANAGERS IN MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT (on the example of the town of Cheboksary)

Key words: *municipal self-government, head of local self-government, head of a municipal entity, head of local administration, ethnic composition.*

Chuvashia is a multi-ethnic region making part in the multinational Russian state, it has its own history, authentic culture and traditions. Therefore, local self-government, being the closest power level to the people, has a special character and the population presents specific requirements to local authorities. The article deals with the portrait of leaders of Cheboksary, characterizes their qualitative indicators: gender, age, education, professional experience, nationality, for the period from 1991 to 2010.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki*. *Fond*. 3027/2644. *Opis'* 4. *Dokument* 8. *List. 96* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 3027/2644. Anagraph 4. Document 8. P. 96].

2. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki*. *Fond*. 3027/2644. *Opis'* 4. *Dokument* 11. *List. 96* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 3027/2644. Anagraph 4. Document 11. P. 78].

3. Ivanov V.P. *Rasselenie i chislennost' chuvashei. Etnograficheskii ocherk* [Settlement and the number of Chuvashes. Ethnographic essay]. Cheboksary, 1992, 70 p.

4. Makarov V. *Siti-menedzher g. Cheboksary zayavil ob otstavke* [City-manager Cheboksary announced his resignation]. *Kommersant»* [Businessman], 2011, no. 69, p. 8.

5. *Cheboksarskie gradonachal'niki* [Cheboksary mayor]. Available at: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?id=66800&gov_id=81 (Accessed 10 August 2017).

6. *Cheboksarskie novosti* [Cheboksary news], 1992, no. 12, p. 6.

7. *Cheboksarskie novosti* [Cheboksary news], 1992, no. 181, p. 1.

8. *Cheboksarskie novosti* [Cheboksary news], 1994, no. 25, p. 1.

PAVLOVA ALENA – Post-Graduate Student of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alenachuksina@mail.ru).

Ссылка на статью: *Павлова А.А.* К вопросу о национальном составе руководящих кадров органов городского самоуправления (на примере г. Чебоксары) // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 172–179.

УДК 392.5(=512.111):930»17»
ББК 63.5(=635.1)-534:63.1(0)51

И.Г. ПЕТРОВ

ЧУВАШСКАЯ СВАДЬБА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

***Ключевые слова**: этнография, чуваши, XIX век, исследователи, свадебные обычаи и обряды.*

В статье рассматривается история изучения обычаев и обрядов чувашского народа, связанных с заключением брака. Основное внимание уделено трудам ученых XIX в. В это время этнографические сведения о чувашах стали печататься в периодических и научно-популярных изданиях и монографиях, в которых получили освещение также семейно-брачные отношения. В результате были опубликованы значительные и ценные материалы по свадебной обрядности чувашей. Они не только расширили и обогатили этнографические знания о чувашах, но и дополнили их конкретными сведениями, позволяющими говорить об общих и локальных особенностях свадебного ритуала..

Историография этнографического изучения чувашей, в том числе семьи и брака, показана в работах Г.Б. Матвеева [21–23], В.П. Иванова [10], П.П. Фокина [40, 41]. Однако в указанных исследованиях вопросы брачного ритуала чувашей получили лишь обобщенное отражение. Кроме того, некоторые работы по тем или иным обстоятельствам не попали в поле исследовательского анализа.

Цель настоящей статьи – показать историю изучения чувашской свадьбы в отечественной литературе и дать краткий историографический обзор имеющихся работ по данной теме. Основной акцент в работе сделан на труды ученых XIX столетия и, главным образом, на работы, в которых затронуты вопросы, касающиеся чувашской свадьбы. Настоящее исследование является продолжением ранее опубликованной статьи, посвященной историографии данного вопроса в XVIII в. [30].

В XIX столетии историко-этнографическое изучение народов Поволжья, в том числе чувашей, получило заметный импульс. Он был обусловлен двумя факторами. Во-первых, в 1804 г. открылся Казанский университет, со временем ставший крупным образовательным, научно-исследовательским и культурным центром в крае. Во-вторых, в первой половине XIX в. происходил процесс становления российской этнографической науки. Организационно он совершился в 1845 г., когда при Русском географическом обществе было создано отделение этнографии.

В первой половине XIX в. изучением этнографии чувашей в основном занимались ученые Казанского университета. Результаты их этнографических наблюдений и исследований печатались в периодических изданиях учебного заведения. К их числу относятся «Казанские известия» (с 1811 г.), «Казанский вестник» (с 1820 г.), «Ученые записки Казанского университета» (с 1834 г.). Этнографические зарисовки и статьи о чувашах печатались также на страницах литературно-художественного журнала «Заволжский муравей» (выходил в 1832–1834 гг.) и губернской газеты «Казанские губернские ведомости». [21. С. 6–7, 24; 10. С. 12–13; 41. С. 37]. В первые десятилетия XIX в. в указанных периодических изданиях вышли сочинения И.С. Протопопова [31], В.П. Вишневского [5], Д.П. Ознобишина [27] и др., в которых рассматривались быт, нравы и обычаи чувашей. Однако все эти работы сообщали о чувашах лишь самые обобщенные сведения или раскрывали отдельные стороны их жизни и быта.

А некоторые из них были написаны в крайне тенденциозном и субъективном духе, например, сочинение И.С. Протопопова.

С чувством глубокого уважения к чувашскому народу написана работа П.А. Анорова «Нравы и поверья чувашей» [1]. Она представляет собой краткий этнографический очерк, в котором нашли отражение их обычаи и обряды, религиозные верования, хозяйственные занятия, поселения и жилища, народный костюм, а также увеселения и праздники. Сведения о свадебных обрядах автором изложены достаточно лаконично. Он сообщил об обязательности выплаты калыма за невесту «от 20 и до двухсот рублей простирающийся» [1. С. 196] и обряде венчания. Схематично автор также написал о прощании невесты со своими родными до приезда жениха и об обычае, согласно которому невесту из дома в дом на руках должен был нести брат или дядя невесты: «По приезде жениха брат или дядя невесты, взваливши ее на плечо, как мешок с мукою, носят к соседям и родным, если последние близко, прощаться» [1. С. 197]. Здесь же он упомянул о ритуальных ударах плетью по невесте, который совершал жених: «Первое действие власти супружеской начинается тем, что жених, при всех родных и знакомых, отвешивает своей невесте порядочный удар плетью, приказывает ей садиться на лошадь и ехать в церковь, куда все родные и знакомые с обеих сторон отправляются, большею частью верхом, также как самая невеста, покрытая большою белою простынею…» [1. С. 197]. Очевидно, под простынею он имел в виду свадебное покрывало с богатой вышивкой «*пĕркенчĕк*».

В рассматриваемое время, которое можно назвать «казанским периодом» этнографического изучения чувашей, появились и первые монографические исследования. Наибольшую известность в первой половине XIX в. получила книга А.А. Фукс «Записки о чувашах и черемисах». Она написана в виде дневниковых записей и писем-ответов своему мужу К.Ф. Фуксу и основана на материалах, собранных автором среди чувашей и марийцев Казанской губернии. Непосредственно к чувашам А.А. Фукс ездила три раза: летом и осенью 1833 г., а также зимой 1834 г. В первый раз она останавливалась в дер. Исенево Цивильского уезда, в которой ее родители владели небольшим имением, а во второй и в третий раз – в дер. Новинское Чебоксарского уезда [21. С. 10]. Первоначально эти записки в 1834 г. были опубликованы в журнале «Заволжский муравей» [43], а в 1840 г. они вышли отдельной книгой [42].

Сочинение А.А. Фукс содержит большой фактический материал о средненизовых чувашах Чебоксарского и Цивильского уездов, в том числе о свадебных обрядах. В целом чувашская свадьба автором показана достаточно полно и достоверно. Ей удалось отразить почти все основные моменты свадебного ритуала: причитания невесты, встречу свиты жениха, прощание невесты с родным домом, отъезд свадебного поезда в деревню жениха, переодевание невесты в женский наряд, снятие с нее покрывала, раздачу подарков, первый суп и т.д. Не ускользнул от внимания автора и тот факт, что при раздаче подарков невеста всякий раз соблюдала определенный церемониал – она отходила к печке и вставала на одно колено и таким образом демонстрировала свое почтение к свекру, свекрови и другим родственникам мужа. Она также обратила внимание на послесвадебные обряды. Это видно в той части исследования, где она красочно и подробно описала ритуал ввода новобрачной в родственный круг мужа.

Достаточно объективно автором показаны особенности свадебного костюма участников свадьбы. Так, говоря об одеянии невесты, она отметила, что «невеста была в синем кафтане под покрывалом» [42. С. 63]. Такие же кафтаны она отметила в составе одежды двух свах, которые, сидя верхом, сопрово-

ждали невесту до дома жениха. Здесь же она остановилась на таких атрибутах и обрядовых действиях, как покрывало невесты, вышитое полотенце, вывешенное во дворе невесты на всеобщее обозрение, троекратный удар плетью с объяснением его символики, обмен подарками, и т.д. Сочинение А.А. Фукс, по существу, является одним из первых и полных описаний чувашей первой половины XIX в., в том числе свадебных обычаев и обрядов, но главным образом чувашей средненизовой группы (*анат енчи*).

Ценные и содержательные материалы о чувашах имеются в работе Н.Д. Леонтьева «Этнографические записки о Казанской губернии» [14]. Автор относился к дворянскому сословию, служил окружным начальником Цивильского уезда, управляющим Казанской палатой государственных имуществ, предводителем дворянства Цивильского и Чебоксарского уездов. Он владел также имением в сельце Козловка и имел возможность лично изучать жизнь и быт чувашей [21. С. 16–17].

Описывая свадебный ритуал, Н.Д. Леонтьев остановился на выборе невесты, условиях предсвадебных переговоров, обряде сватовства, приданом, обрисовал состав и порядок следования свадебного поезда. Также он отметил специфику костюма главных свадебных чинов и особенности свадебного обряда в домах невесты и жениха. Кроме того, автор описал такие магические обряды, как обсыпание молодой мукой и хмелем «в знак предсказания богатой жизни» [14. С. 120], моление с жертвоприношением, адресованное Богу свадьбы (*Той-Тора*) и др. [14. С. 15, 120–121]. По заключению Г.Б. Матвеева, сочинение Леонтьева во многом повторяет работу А.А. Фукс, но в отличие от нее, он хорошо владел чувашским языком, не раз присутствовал на чувашских свадьбах и поэтому сумел дополнить имеющиеся сведения о чувашах многими заслуживающими внимания этнографическими фактами [21. С. 32].

В работе В.П. Вишневского «О религиозных поверьях чуваш», которая вышла в 1846 г., о свадебных обрядах говорится лишь попутно. Потому что главной своей задачей автор видел изучение основ религиозных верований чувашей с позиций ревностного деятеля христианского просвещения, миссионера и магистра богословских наук. Поэтому относительно свадьбы он ограничился лишь перечислением некоторых суеверий, которые ему были известны из научной литературы и собственных наблюдений. В частности, он отметил, что на месте обитания злого духа «*киремет*» (у В.П. Вишневского – «*керемет*») встречаются «лоскуты холста, которые девицы пред выходом в замужество дарят керемети» [4. С. 7]. Также он писал, что молодая для счастья в супружеской жизни через некоторое время после свадьбы должна была приехать в родительский дом и принести благодарственные гостинцы для духа-хранителя «*хирт-сорт*» [4. С. 21]. Здесь же он упомянул о распространенном среди чувашей обычае бросать по дорогам деньги или жетоны для «прислужника керемети (*хаяр*)», в том числе при проезде свадебного поезда: «Чтобы керемети, живущие близ дорог, которыми или свадебный поезд едет, или чуваши проезжают не для работы вне дома, но или в волостные правления, или в города по нужде в суд; или куда-либо по нужде религиозной, не сделали какого-либо вреда едущим или лошадям их, чуваши имеют обыкновение бросать по дорогам деньги или жетоны. По мнению их, деньги эти берет прислужник керемети (хаяр); а для чего они не знают» [4. С. 24–25]. Здесь, очевидно, речь идет об обычае «*хаяр укçи пăрахни*» (букв. бросание монеты зла).

Такие же фрагментарные сведения о брачном ритуале чувашей имеются в работе В.И. Лебедева «Симбирские чуваши». В ней автором описаны верховые чуваши Курмышского уезда Симбирской губернии (красночетайской под-

группы). Будучи сыном священника, детские годы он провел в с. Штанаши Курмышского уезда и поэтому хорошо знал язык и быт местных чувашей. В основу очерка он положил известные ему сведения о чувашах, личные воспоминания и наблюдения. Затрагивая вопросы семьи и семейных отношений, автор отметил встречающиеся иногда случаи браков 18-20-летних мужчин на 50-летних вдовах, «потому что они более или менее зажиточны, опытны, знают рукоделье, умеют варить яшку, печь хлебы, и могут молодого человека научить уму-разуму» [13. С. 345]. Он также заметил, что у чувашей предпочтением пользуются состоятельные и нередко великовозрастные девушки, так как «богатство девицы чувашской и ея способности в рукоделье измеряются количеством рубах и холстов, и ту только девицу берут с охотою, у которой много рубах и холстов, а у которой их мало, ту обходят» [13. С. 345]. Поэтому, по заключению автора, чувашские девушки начинали готовить для себя приданое, начиная с 16 лет, и продолжали заниматься этим до 35 и более лет. Здесь же он упомянул о сумме калыма, который в зависимости от состоятельности родителей невесты колебался «от десяти до ста и более целковых» [13. С. 345–346].

Описанию свадьбы чувашей села Тарханово Симбирской губернии посвящена небольшая статья священника Д. Орлова, опубликованная в «Симбирских губернских ведомостях» [28]. По долгу службы автор, вероятно, знал жизнь и быт чувашей не понаслышке. Об этом свидетельствует достаточно правдивое изложение некоторых обрядов свадебного цикла: свадьбы жениха и невесты, приезда жениха к дому родителей невесты, венчания, снятия покрывала с головы невесты. Автор отметил, что в последнем обряде активную роль играл специально выбираемый мальчик лет двенадцати, который, держа в руках деревянную вилку с нанизанными на нее клецками из муки, периодически подходил к невесте и касался ее головы или носа.

Среди исследователей чувашского народа XIX столетия видное место занимает В.А. Сбоев. Из его сочинений наибольшим успехом пользовались его «Заметки о чувашах». В 1848–1850-х гг. они отдельными частями были напечатаны в газете «Казанские губернские ведомости» [35], а в 1851 г. они вышли отдельным изданием [33]. Второе издание книги состоялось в 1856 г. в Казани [34], а третье – в 1865 г. в Москве [36].

Выход в свет книги В.А. Сбоева стал заметным явлением в этнографической науке. Потому что она оказалась первым научным исследованием о чувашском народе и, по существу, «подытожила исторический этап этнографического изучения чувашей до середины XIX в.» [10. С. 16]. В.А. Сбоев опирался на труды своих предшественников, однако при этом широко использовал результаты собственных наблюдений, которые он получил, проживая среди чувашей. Как считают исследователи, основную часть эмпирического материала о чувашах В.А. Сбоев почерпнул в с. Кошки Чебоксарского уезда, где он воспитывался у родных со стороны матери [21. С. 20–21].

Особенности свадебной церемонии В.А.Сбоев показал в третьей главе своего сочинения. В ней он остановился на брачном возрасте жениха и невесты, на имевших место случаях неравных браков, когда «пятнадцатилетние мальчишки сплошь да рядом женились на тридцатилетних дульцинеях» [36. С. 27], на сумме калыма, который жених или его отец должны были заплатить за невесту. Особое внимание им уделено также такой форме брака, как умыкание. При этом он высказал мнение, что кража невест бытовала среди чувашей с давних времен и была обусловлена экономическими причинами. Далее он описал основные этапы чувашской свадьбы, которая проводилась по сватовству. В.А. Сбоев показал особенности одежды жениха и невесты, перечислил сва-

дебные чины, обрисовал основные свадебные церемонии в доме невесты и жениха. При этом он не упустил из внимания многие обычаи и обряды, которые соблюдались на свадьбе: посещение невестой своих родственников и прощание с ними до приезда жениха, приезд свиты жениха к дому невесты, троекратный удар плетью по месту, куда садился жених, удары плетью по приданому и по невесте, обряд «окручивания» невесты. Также обстоятельно В.А. Сбоевым показаны церемония снятия с невесты девичьего покрывала, хождение молодой к водному источнику, постельный обряд и связанные с ним церемонии, раздача молодой подарков и т.д. [36. С. 31–40].

Несмотря на описательность и сжатость изложения, работа В.А. Сбоева явилась первым опытом углубленного научного исследования свадебной обрядности чувашей. До него брачные обряды показывались лишь попутно и в качестве отдельной темы для исследования не рассматривались.

Большой вклад в изучение этнографии чувашей внес первый чувашский историк и этнограф, корреспондент и член-сотрудник РГО С.М. Михайлов. Его труды, отражающие быт и культуру чувашского, марийского и русского народов, представляют большую научную ценность. Значительная часть работ Михайлова посвящена быту и культуре верховых чувашей – хозяйственным занятиям, поселениям и жилищам, одежде, пище, семейному и общественному быту. Достаточно подробно им описана брачная обрядность. В этом отношении особое место занимает его работа «Чувашские свадьбы». Сперва она была опубликована в «Казанских губернских ведомостях» [25], а потом издана в виде оттиска статьи. В ней С.М. Михайлов показал такие сюжеты, как выбор невесты, сватовство, выплата калыма, приготовление приданого. Впервые в литературе до мельчайших подробностей С.М. Михайлов описал свадебную одежду участников обряда. Так, в составе свадебной одежды жениха Михайловым отмечены кафтан, подпоясанный шелковым кушаком, крепившийся сзади вышитый платок четырехугольной формы «*туваткал*», фартук «*запон*», рубаха «с воротником, унизанным деньгами, гривенниками или пятачками», «красная парадная суконная шапка» с повязанным на нее красным платком, сапоги с чулками или онучами, перчатки или рукавицы, нагайка [26. С. 76]. Большую ценность представляют сведения, касающиеся некоторых атрибутов, которые входили в состав костюма свадебных поезжан или использовались при проведении тех или иных ритуалов. К таковым относятся старинный лук со стрелою в составе одежды полдружки (*кизинь-крю*) [26. С. 73, 77]. Описывая наряд замужних женщин и «девиц», исследователь не упустил из виду старинные, выходящие из бытования элементы национального костюма. Так, в составе наряда «девиц чувашских» им упомянуты «маленький кошелечек (*еньчик*) с деньгами», «медная гребеночка, сделанная коньком», «черная кисточка с медными трубочками (*хоря*)» [26. С. 79]. Также впервые он обратил внимание на послесвадебные обычаи и обряды [26. С. 90–91]. По своей обстоятельности и глубине содержания указанная работа, по мнению А.А. Осипова, считается «единственным и полным описанием верхового брачного церемониала XIX в.» [29. С. 7–8].

Во второй половине XIX – начале XX вв. одним из лучших сочинений по этнографии чувашей и других народов Поволжья считалась книга казанского этнографа и картографа А.Ф. Риттиха [32]. Чувашам в этой книге посвящена отдельная глава. При написании данного раздела А.Ф. Риттих использовал новейшие сведения о чувашах и труды своих предшественников. Однако, по мнению Г.Б. Матвеева [21. С. 97], П.П. Фокина [40. С. 212], В.Д. Димитриева [6. С. 14], этнографические материалы о чувашах А.Ф. Риттихом в значительной мере были заимствованы из сочинений С.М. Михайлова. Это

касается и чувашской свадьбы. Потому что основная часть этого раздела представляет собой компиляцию сведений, взятых им из упомянутого выше сочинения С.М. Михайлова.

Отдельные аспекты, связанные со свадебными обычаями и обрядами чувашей, изложены в сочинении Н.И. Золотницкого [9]. В основном эти сведения им изложены в приложении, в разделах «Родство по супружеству» и «Родство свадебное и сватовство». В них он рассмотрел термины родства в чувашской семье и наиболее распространенные названия свадебных чинов в сравнении с финно-угорскими и тюркскими языками [9. С. 136–140, 140–141].

Свадебным обычаям и обрядам чувашей Буинского уезда Симбирской губернии посвятил свое сочинение сельский учитель Ф. Добросмыслов. Оно увидело свет в «Симбирских губернских ведомостях» в 1876 г. [7]. В предисловии автор написал, что постарался описать чувашскую свадьбу, «как она представилась нашему наблюдению и как нам рассказывали о ней природные чуваши». Труд представляет собой краткое и последовательное изложение хода свадьбы низовых чувашей Буинского уезда. В нем автор вкратце описал визит свата в дом невесты, церемонию сватовства и сговора, подарки невесты, которые она вручала родителям и родственникам жениха. Далее Ф. Добросмыслов схематично показал свадьбу жениха и невесты, переодевание невесты в женский наряд и ее возвращение в дом родителей, погрузку приданого и отъезд в деревню молодого. Автор не упустил также некоторые свадебные церемонии, которые совершались на стороне жениха: поднятие ноги молодой кем-нибудь из родственников новобрачного, прежде чем она сходила с телеги; обмен поводом кобылицы, совершаемый между молодыми, «кормление» молодоженов обрядовым супом «*салма*», хождение молодой за водой и т.д.

Предельно краткие сведения о свадьбе чувашей содержатся в сочинении М.В. Лоссиевского, опубликованного в 1875 г. в газете «Уфимские губернские ведомости» [15]. В нем автор ставил своей целью представить обобщенный этнографический очерк о чувашах в целом и чувашах Уфимской и Оренбургской губерний. Поэтому вопросы, касающиеся брака и брачных отношений чувашей, в труде М.В. Лоссиевского показаны поверхностно. Автор счел нужным остановиться на денежном размере калыма за невесту, обряде «окручивания» невесты, а также ритуале снятия с молодой свадебного покрывала. Здесь же он сообщил, что через несколько дней новобрачная отправлялась в дом родителей с подарками для домового «*хирт-сорт*», состоящими из хлеба, меда и других продуктов. Все привезенное молодая, по М.В. Лоссиевскому, бросала на печь «для умилостивления его за невмешательство в супружеское счастие» [15].

Определенную ценность представляет труд П.М. Мальхова «Симбирские чуваши и поэзия их» [20]. В нем автором очень кратко изложена история и этнография низовых чувашей Симбирской губернии: численность, расселение, этногенез, религия, пантеон языческих богов и духов, семейные обычаи и обряды. Свадебным ритуалам автор в своей книге посвятил отдельную главу [20. С. 24–39]. Она представляет собой популярный рассказ о чувашской свадьбе, начиная от сватовства до его завершения. П.М. Мальхов сообщил о раздельном проведении свадьбы на стороне жениха и невесты, об оповещении родственников дружками жениха (*матур ачазам*), о начале свадьбы, о бросании ими денег на перекрестке «в предупреждение неблагополучия», о ритуальных ударах плетками по воротам родителей невесты, о венчании в церкви и отправлении свадебного поезда к жениху. Из обрядов в доме жениха интерес представляет описание ритуала снятия с головы невесты девичьего покрывала с помощью деревянной вилки, с насаженными на его от-

ветвления шариками из теста. Кроме этого в данной главе автор привел множество куплетов чувашских свадебных песен с их переводом на русский язык.

Одним из авторитетных и плодовитых ученых второй половины XIX в., который посвятил свою жизнь изучению этнографии народов Казанской губернии, был В.К. Магницкий. Отличаясь необычайной широтой научных интересов, он считался лучшим знатоком народов Среднего Поволжья. Занятый практической следственной работой, В.К. Магницкий большое внимание уделял изучению юридических аспектов общественного и семейного быта чувашей. Тем не менее большой интерес он проявлял и к другим сторонам культуры: одежде, религии, антропонимике, топонимике, устному народному творчеству и т.д. В трудах Магницкого ценные материалы содержатся и об обрядовой культуре чувашей. Особое место среди его трудов занимает монография «Материалы к объяснению старой чувашской веры» [17]. Вопросы, касающиеся брака и брачных отношений чувашей, им изложены в главе «Женитьба» [17. С. 200–217]. В ней получили освещение в основном свадебные обычаи чувашей Чебоксарского, Ядринского, а также Тетюшского уездов Казанской губернии, в основном верховой группы. Описания свадебных обычаев привлекают своей точностью, подробным изложением, ссылками на место их бытования и привлечением фольклорных текстов: песен, диалогов, молитв и т.д. Вопросы, касающиеся брака и брачных отношений чувашей, В.К. Магницкий рассмотрел также в других работах [18, 19].

Выдающимся представителем казанских этнографов второй половины XIX в., внёсшим большой вклад в изучение этнографии народов Поволжья, был профессор Казанского университета И.Н. Смирнов. Хотя он в основном занимался изучением этнографии финно-угорских народов, в его сочинениях имеются некоторые сведения по этнографии чувашского народа. Так, в монографии «Черемисы» [37] им дана характеристика не только марийской одежды, но и чувашского костюма, много внимания уделено взаимовлиянию чувашской и марийской культур. Ценные сведения по этнографии чувашей приведены И.Н. Смирновым в обзорной статье «Чуваши», которая в начале XX в. вышла в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона [38]. Характеризуя одежду и вышивку чувашей, автор подчеркнул, что «с особенной тщательностью чувашки расшивают вещи, имеющие ритуальное значение – большие и малые покрывала невесты, треугольные платки и полотенца, которыми украшаются плечи кафтана у жениха» [38. С. 936].

Описанию свадебных обрядов верховых чувашей Курмышского уезда Симбирской губернии посвящена работа В.И. Ашмарина и Е.С. Шкапского «Чувашская свадьба», опубликованная в 1890 г. в журнале «Этнографическое обозрение» [2]. Ценность работы заключается в том, что она написана на конкретном материале, собранном авторами в чувашских деревнях Четаевской волости и достаточно объективно отражает особенности свадебного обряда чувашей вирьял.

Немало интересных материалов об обрядовой культуре чувашей можно почерпнуть из работ священнослужителей, проявлявших неподдельный интерес к быту, культуре и религии чувашей, в частности, Н. Каменского, П. Сухарева, В. Михайлова, Ф. Виноградова, Г. Львова и др.

Исследование Никанора Каменского «Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш» вышла в 1879 г. в Казани [12]. В 1910 г. с дополнениями и исправлениями оно было переиздано, но уже под другим названием [11]. Книга состоит из предисловия и двенадцати небольших глав, в каждой из которых упоминаются некоторые сведения о чувашской

свадьбе. Так, в главе «Семик» Каменский заметил, что «сосватанныя девицы приходят туда поминать своих родных и приносят подарки умершим: мужикам рубахи, а женщинам полотенца, которыя они вывешивают на палки и просят умерших, чтобы они не требовали других подарков. После все эти вещи берутся и возвращаются домой» [11. С. 18]. Более целенаправленно свадьбу чувашей он осветил в небольшом параграфе «Женитьба» [11. С. 28–31]. Здесь он отметил о молении Богу перед началом свадьбы, «чтобы он дал возможность совершить свадьбу благополучно», и о поминовении умерших, «чтобы они не сделали какого-нибудь вреда» [11. С. 28]. Далее Каменский остановился на некоторых «языческих суевериях», которые, с его точки зрения, бытовали на чувашской свадьбе. К таковым он отнес обсыпание свадебных поезжан мукой во дворе жениха, троекратное вручение невесте повода лошади, моление с пивом за благополучие молодых, приготовление супа, так называемой «молочной салмы», и кормление им молодых, танец подростка с деревянной вилкой в руках, прокладывание для молодой пути к воде и т.д.

Труд П. Сухарева посвящен в основном истории основания православного храма и оценке религиозного состояния чувашей в с. Нагадак Стерлитамакского уезда Уфимской губернии [39]. Поэтому сведения о семейно-брачных отношениях в нем даются очень сжато. Автор сообщил об обряде венчания в церкви, свадьбе жениха, подарках невесты, послесвадебных обычаях и краже невест [39. С. 50–56].

Сжатые сведения о чувашской свадьбе привел В.И. Михайлов в работе «Обряды и обычаи чуваш» [24]. Как и предыдущие авторы, свадебные обряды он выделил в отдельный параграф [24. С. 16–23]. На примере свадьбы верховых чувашей в популяризаторском духе он показал свадьбу жениха, свадьбу невесты, а затем встречу и общее веселье двух свадеб. Небольшую часть работы он посвятил свадьбе «самокруткой». Автор, вероятно, хорошо знал чувашский язык и не раз присутствовал на чувашских свадьбах. Потому что наряду с описаниями свадьбы, иногда очень точными и подробными, в работе имеется немало фольклорных текстов на чувашском языке.

В рамках поставленной проблемы представляет интерес работа Ф. Виноградова [3]. Выполняя миссионерскую функцию, автор в основном остановился на вопросе изживания остатков язычества из быта чувашей Симбирской губернии. Несмотря на сравнительно небольшой объем работы, в ней имеется немало тонких наблюдений, касающихся чувашской свадьбы. В частности, он отметил, что невеста на свадьбе всегда должна быть с закрытым лицом, а жених – в меховой шапке «будь то зимой или летом». Также он отметил наличие при нем нагайки «*саламат*», соблюдение им обряда троекратного удара нагайкой по невесте и его символику. Здесь же он очень коротко остановился на свадебной церемонии, когда во дворе жениха к невесте подводили обузданную лошадь, и объяснил его смысловое значение. Интересным представляется также замечание автора о том, что свадьбы у чувашей в последнее время «значительно изменились» и стали похожи на русские. Одним из признаков этого явления он считал обряд венчания в церкви [3. С. 17].

С таких же позиций миссионерства написана работа Г. Львова «Языческие браки у чуваш» [16]. В ней автор в основном акцентировал внимание на такое явление, как кража невест. Потому что именно кражу невест он считал отголоском «язычества», которое нуждается в искоренении из чувашского быта. Сперва он рассмотрел разные варианты кражи невест, а потом остановился на некоторых примерах деятельности православного духовенства по изживанию этого явления.

С целью распространения этнографических сведений о культуре, нравах и обычаях чувашей Оренбургской губернии был написан небольшой очерк «Чуваши Оренбургской губернии». Последний под авторством А. Жакмон вышел в «Московских ведомостях» в 1890 г.[8]. Свадебные обряды автор рассмотрел в числе других семейных обычаев и обрядов. При написании данного раздела, по всей вероятности, он пользовался сведениями, извлеченными из сочинения П. Сухарева о чувашах Стерлитамакского уезда [39].

Таким образом, XIX век ознаменовал собой качественно новый этап в этнографическом изучении чувашей. В отличие от предыдущего столетия исследования в этот период проводились не от случая к случаю, а системно и, главным образом, силами местных исследователей: учеными, служащими административно-управленческого аппарата, учителями, работниками печати, священнослужителями и т.д.

Другой важной особенностью данного периода является то, что результаты этнографических исследований стали широко печататься в корреспонденциях и статьях, публиковавшихся в периодических изданиях, а также в беллетристической литературе. Как следствие, существенно расширилась география этнографического изучения чувашского народа. Наряду со сведениями о чувашах Казанского Поволжья в научный оборот вошли материалы о чувашах, проживающих за его пределами, главным образом, в Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях. В это время появились и первые монографические исследования о чувашах (А.А. Фукс, В.А. Сбоев).

Одним из традиционных направлений этнографического исследования чувашей в это время оставалось изучение семьи и семейно-брачных отношений, в том числе свадебных обычаев и обрядов. Интерес к данной теме объяснялся, с одной стороны, тем, что свадебные обычаи и обрядыявлялись одним из выразительных маркеров этнической культуры чувашей, а с другой – тем обстоятельством, что в обрядах свадебного цикла исследователи обнаруживали множество архаических элементов, которые представляли для них научный интерес. Благодаря этому по свадебной обрядности чувашей стал накапливаться значительный массив информации, отражающий ритуальные особенности не только чувашского народа в целом, но и его этнографических и локально-географических групп.

Несмотря на лапидарность, поверхностный и описательный характер большинства опубликованных материалов, имеющиеся в них сведения представляют большую ценность, так как в них содержится значительный фактический материал.

Литература

1. *Аноров П.А.* Нравы и поверья чувашей // Сын Отечества. 1838. Т. 3. Отд. 3. С. 193–204.

2. *Ашмарин В.И., Шкапский Е.С.*Чувашская свадьба // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 157–168.

3. *Виноградов Ф.* Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск: Симбирск. губ. ведомости, 1897. 18 с.

4. *Вишневский В.П.* О религиозных поверьях чуваш. Казань: Казан. губ. ведомости, 1846. 26 с.

5. *Вишневский В.П.* О чувашском языке // Заволжский муравей. 1832. № 20.

6. *Димитриев В.Д.* Предисловие // Спиридон Михайлов. Собрание сочинений / сост., авт. предисловия, комментариев и приложения В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 7–23.

7. *Добросмыслов Ф.* Чувашская свадьба (Из жизни чуваш Буинского уезда) // Симбирские губернские ведомости. 1876. №№ 57–58.

8. *Жакмон А.* Чуваши Оренбургской губернии // Московские ведомости. 1890. № 45, 70.

9. *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Имп. ун-т, 1875. 272 с.

10. *Иванов В.П.* История этнографии чувашского народа. Очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2011. 112 с.

11. *Каменский Никанор.* Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1910. 39 с.

12. *Каменский Никанор.* Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1879. 35 с.

13. *Лебедев В.И.* Симбирские чуваши // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 30, № 6. С. 303–355.

14. *Леонтьев Н.Д.* Этнографические записки о Казанской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1844. Ч. X. С. 11–15; Ч. XI. С. 77–87, 111–125.

15. *Лоссиевский М.В.* Чуваши: этнографический очерк // Уфимские губернские ведомости. 1875. № 48, 49, 51; 1876. № 1–3.

16. *Львов Г.* Языческие браки у чуваш // Известия Казанской епархии. 1898. № 10. С. 405–413.

17. *Магнитский В.К.*[*Магницкий В.К.*]. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собр. в некоторых местностях Казанской губ. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.

18. *Магницкий В.К.* Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козмодемьянского и Чебоксарского уездов // Казанские губернские ведомости. 1868. № 85–89, 93.

19. *Магницкий В.К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1891. Т. VIII, вып. 2. С. 205–218.

20. *Мальхов П.М.* Симбирские чуваши и поэзия их. Казань: Тип. ун-та, 1877. 39 с.

21. *Матвеев Г.Б.* Изучение этнографии чувашского народа в первой половине XIX века // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 3–33.

22. *Матвеев Г.Б.* Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Дореволюционный период) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 80–120.

23. *Матвеев Г.Б.* Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Советский период) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 101–123.

24. *Михайлов В.И.* Обряды и обычаи чуваш. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1891. 42 с.

25. *Михайлов С.М.* Чувашские свадьбы // Казанские губернские ведомости. 1852. № 42, 43, 46–49; 1853. № 1–6.

26. *Михайлов С.М.* Чувашские свадьбы // Спиридон Михайлов. Собрание сочинений / сост., предисл., коммент. и прил. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 67–91.

27. *Ознобишин Д.П.* Чувашская песня // Заволжский муравей. 1833. № 21.

28. *Орлов Д.* Свадебные обычаи чуваш села Тарханова // Симбирские губернские ведомости. 1857. № 27.

29. *Осипов А.А.* Чувашская свадьба. Обряд и музыка свадьбы вирьял. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 207 с.

30. *Петров И.Г.* Чувашская свадьба в этнографических исследованиях: историографический обзор литературы XVIII века // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 112–119.

31. [*Протопопов И.С.*] Краткое известие об идолопоклонническом заблуждении чуваш, обитающих в Казанской, Симбирской и Оренбургской губерниях // Казанский вестник. 1827. Ч. 20, кн. 5. С. 46–54.

32. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Т. XIV: Казанская губерния. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1870. Ч. 2. 224 с.

33. *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Ч. 1. Заметки о чувашах. Казань: Губ. тип., [1851]. 272 с.

34. *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: Изд. книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.

35. *Сбоев В.А.* Письма к редактору «Казанских губернских ведомостей». Заметки о чувашах // Казанские губернские ведомости. 1848. № 31–32; 1849. № 10, 12, 16, 21, 29, 30, 37, 42, 43, 45, 50, 52; 1850. № 44, 45, 50.

36. *Сбоев В.А.* Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С.Орлова, 1865. 188 с.

37. *Смирнов И.Н.* Черемисы: историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. 212 с.

38. *Смирнов И.Н.* Чуваши // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1903. Т. 76. С. 933–938.

39. *Сухарев П.* Летопись Богородицкой церкви в селе Нагадак Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Записки Оренбургского отделения Русского географического общества. 1881. Вып. 4. С. 31–90.

40. *Фокин П.П.* Изучение семьи и брака чувашей: к историографии вопроса // История и культура Чувашской АССР / ЧНИИ. Чебоксары, 1972. Вып. 2. С. 205–227.

41. *Фокин П.П.* Этнологическое изучение чувашей: этапы и направления // Чуваши: актуальные аспекты антропологии / ЧГИГН. Чебоксары, 2004. С. 35–49.

42. *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.

43. *Фукс А.* Поездка из Казани в Чебоксары (письма) // Заволжский муравей. 1834. № 1. С. 39–50; № 2. С. 90–101; № 3. С. 154–170; № 4. С. 211–224; № 5. С. 271–287; № 6. С. 348–362; № 8. С. 454–467; № 9. С. 41–50; № 10. С. 102–121; № 11. С. 166–175.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Россия, Уфа (ipetrov62@yandex.ru).

I. PETROV

CHUVASH WEDDING IN ETHNOGRAPHIC RESEARCH: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Key words: *ethnography, the Chuvashs, XIX century, researchers, wedding customs and rituals.*

The article examines the history of studying the customs and rituals of the Chuvash people connected with conclusion of marriage. Main attention is paid to the works of scientists of the XIX century. At that time ethnographic information about the Chuvashs began to be printed in periodical and popular scientific publications and monographs, in which family-marriage relations were covered as well. As a result, significant and valuable materials on Chuvash wedding ritual were published. They not only expanded and enriched ethnographic knowledge about the Chuvashs, but supplemented them as well with specific information that makes it possible to talk about general and local peculiarities of the wedding ritual.

References

1. Anorov P.A. *Nravy i pover'ya chuvashei* [Morals and beliefs of Chuvashs]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1838, vol. 3, dep. 3, pp. 193–204.

2. Ashmarin V.I., Shkapskii E.S. *Chuvashskaya svad'ba* [Chuvash wedding]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1890, no. 2, pp. 157–168.

3. Vinogradov F. *Sledy yazychestva v domashnem obikhode Chuvash* [Traces of paganism in domestic life of Chuvashs]. Simbirsk, 1897, 18 p.

4. Vishnevskii V.P. *O religioznykh pover'yakh Chuvash* [On religious beliefs of Chuvashs]. Kazan, 1846, 26 p.

5. Vishnevskii V.P. *O chuvashskom yazyke* [About the Chuvash language]. *Zavolzhskii muravei* [Trans-Volga ant]. 1832, no. 20.

6. Dimitriev V.D. *Predislovie* [Foreword]. *Spiridon Mikhailov. Sobranie sochinenii* [Spiridon Mikhailov. Collected Works]. Cheboksary, 2004, pp. 7–23.

7. Dobrosmyslov F. *Chuvashskaya svad'ba (Iz zhizni chuvash Buinskogo uezda)* [Chuvash wedding (From the life of the Chuvashs in Buinsk county)]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk province gazette]. 1876, no. 57–58.

8. Zhakmon A. *Chuvashi Orenburgskoi gubernii* [Chuvashs of Orenburg province]. *Moskovskie vedomosti* [Moscow statements], 1890, no. 45, 70.

9. Zolotnitskii N.I. *Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennyi s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugikh plemen* [The root Chuvash-Russian dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan, 1875, 272 p.

10. Ivanov V.P. *Istoriya etnografii chuvashskogo naroda. Ocherki* [The history of the Ethnography of the Chuvash people. Essays]. Cheboksary, 2011, 112 p.

11. Kamenskii Nikanor. *Ostatki yazycheskikh obryadov i religioznykh verovanii u chuvash* [Remains of pagan rites and religious beliefs of the Chuvashs]. Kazan, 1910, 39 p.

12. Kamenskii Nikanor. *Sovremennye ostatki yazycheskikh obryadov i religioznykh verovanii u chuvash* [Modern remnants of pagan rites and religious beliefs of the Chuvashs]. Kazan, 1879, 35 p.

13. Lebedev V.I. *Simbirskie chuvashi* [Simbirsk Chuvashs]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1850, part 30, no. 6, pp. 303–355.

14. Leont'ev N.D. *Etnograficheskie zapiski o Kazanskoi gubernii* [Ethnographic notes on the province of Kazan]. *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv* [Journal of the Ministry of State Property], 1844, part X, pp. 11–15; part XI, pp. 77–87, 111–125.

15. Lossievskii M.V. *Chuvashi: etnograficheskii ocherk* [Chuvash: ethnographic essay]. *Ufimskie gubernskie vedomosti* [Ufa province gazette], 1875, no. 48, 49, 51; 1876, no. 1–3.

16. L'vov G. *Yazycheskie braki u chuvash* [Pagan marriages of the Chuvashs]. *Izvestiya Kazanskoi eparkhii* [The News of the Kazan diocese], 1898, no 10, pp. 405–413.

17. *Materialy k ob»yasneniyu staroi chuvashskoi very*. *Sobr. v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoi gub* [Materials to explain the old Chuvash faith. Coll. in some localities of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.

18. Magnitskii V.K. *Ocherk yuridicheskogo byta chuvash Yadrinskogo, Kozmodem'yanskogo i Cheboksarskogo uezdov* [Essay on the legal life of the Chuvashs in Yadrinsk, Kozmodemyansk and Cheboksary counties]. *Kazanskie gubernskie vedomosti* [Kazan province gazette]. 1868, no. 85–89, 93.

19. Magnitskii V.K. *Etnograficheskо-statisticheskie dannye o brakakh chuvash Kazanskoi gubernii* [Ethnographic and statistical data on the Chuvash marriages of the Kazan province]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* [Bulletin of the Society for Archeology, History and Ethnography], vol. VIII, no. 2. Kazan, 1891, pp. 205–218.

20. Mal'khov P.M. *Simbirskie chuvashi i poeziya ikh*. [Simbirsk Chuvashs and their poetry]. Kazan, 1877, 39 p.

21. Matveev G.B. *Izuchenie etnografii chuvashskogo naroda v pervoi polovine XIX veka* [The study of the ethnography of the Chuvash people in the first half of the XIX century]. *Voprosy istoriografii istoriko-etnograficheskogo izucheniya Chuvashii* [Questions historiography of historical and ethnographic study of Chuvashia]. Cheboksary, 1981, pp. 3–33.

22. Matveev G.B. *Istoriografiya izucheniya material'noi kul'tury chuvashskogo naroda (Dorevolyutsionnyi period)* [Historiography the study of the material culture of the Chuvash people (the pre-Revolutionary period)]. *Novye issledovaniya po arkheologii i etnografii Chuvashii* [New studies in archeology and ethnography of the Chuvash people]. Cheboksary, 1983, pp. 80–120.

23. Matveev G.B. *Istoriografiya izucheniya material'noi kul'tury chuvashskogo naroda (Sovetskii period)* [Historiography the study of the material culture of the Chuvash people (the Soviet period)]. *Novye materialy po arkheologii i etnografii chuvashskogo naroda* [New materials on archeology and ethnography of the Chuvash people]. Cheboksary, 1985, pp. 101–123.

24. Mikhailov V.I. *Obryady i obychai Chuvash* [Rituals and customs of the Chuvashs]. St Petersburg, 1891, 42 p.

25. Mikhailov S.M. *Chuvashskie svad'by* [Chuvash weddings]. *Kazanskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk province gazette]. 1852, no. 42, 43, 46–49; 1853, no. 1–6.

26. Mikhailov S.M. *Chuvashskie svad'by* [Chuvash weddings]. *Spiridon Mikhailov. Sobranie sochinenii* [Spiridon Mikhailov. Collected Works]. Cheboksary, 2004, pp. 67–91.

27. Oznobishin D.P. *Chuvashskaya pesnya* [Chuvash song]. *Zavolzhskii muravei* [Trans-Volga ant]. 1833, no. 21.

28. Orlov D. *Svadebnye obychai chuvash sela Tarkhanova* [Свадебные обычаи чуваш села Тарханова]. *Simbirskie gubernskie vedomosti* [Simbirsk province gazette]. 1857, no. 27.

29. Osipov A.A. *Chuvashskaya svad'ba. Obryad i muzyka svad'by vir'yal* [The Chuvash wedding. Rite and wedding music of viryal]. Cheboksary, 2007, 207 p.

30. Petrov I.G. *Chuvashskaya svad'ba v etnograficheskikh issledovaniyakh: istoriograficheskii obzor literatury XVIII veka* [Chuvash wedding in ethnographic research: a historiographical review of the literature of the XVIII century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2016, no. 2, pp. 112–119.

31. [Protopopov I.S.] *Kratkoe izvestie ob idolopoklonnicheskom zabluzhdenii chuvash, obitayushchikh v Kazanskoi, Simbirskoi i Orenburgskoi guberniyakh* [A short news about the idolatrous delusion of the Chuvash people living in the Kazan, Simbirsk and Orenburg provinces]. *Kazanskii vestnik* [Kazan herald]. 1827, part 20, book 5, pp. 46–54.

32. Rittikh A.F. *Materialy dlya etnografii Rossii*. *T. XIV: Kazanskaya guberniya. Ch. 2* [Materials for ethnography of Russia. Vol. XIV: Kazan Province. Part 2]. Kazan, 1870, 224 p.

33. Sboev V.A. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoi gubernii. Ch. 1: Zametki o chuvashakh* [Studies of foreigners of the Kazan province. Part 1. Notes on the Chuvashes]. Kazan, [1851], 272 p.

34. Sboev V.A. *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoi gubernii* [Studies of foreigners of the Kazan province]. Kazan, 1856, 188 p.

35. Sboev V.A. *Pis'ma k redaktoru «Kazanskikh gubernskikh vedomostei». Zametki o chuvashakh* [Letters to the editor of the «Kazan province gazette». Notes about Chuvashes]. *Kazanskie gubernskie vedomosti* [Kazan province gazette], 1848, no. 31–32; 1849, no. 10, 12, 16, 21, 29, 30, 37, 42, 43, 45, 50, 52; 1850, no. 44, 45, 50.

36. Sboev V.A. *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh. Ikh proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr.* [Chuvashs in everyday, historical and religious relations. Their origin, language, rituals, beliefs, traditions and so on]. Moscow, 1865, 188 p.

37. Smirnov I.N. *Cheremisy: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Cheremises: historical and ethnographic essay]. Kazan, 1889, 212 p.

38. Smirnov I.N. *Chuvashi* [Chuvashs]. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, 1903, vol. 76, pp. 933–938.

39. Sukharev P. *Letopis' Bogoroditskoi tserkvi v sele Nagadak Sterlitamakskogo uezda Ufimskoi gubernii* [Chronicle of the Bogoroditskaya church in the Nagadak village of Sterlitamak county Ufa province]. *Zapiski Orenburgskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg branch of the Russian Geographical Society]. 1881, part 4, pp. 31–90.

40. Fokin P.P. *Izuchenie sem'i i braka chuvashei: k istoriografii voprosa* [The study of family and marriage of Chuvash people: the historiography of the question]. *Istoriya i kul'tura Chuvashskoi ASSR. Vyp. 2* [History and culture of the Chuvash ASSR. Iss. 2]. Cheboksary, 1972, pp. 205–227.

41. Fokin P.P. *Etnologicheskoe izuchenie chuvashei: etapy i napravleniya* [Ethnological study of the Chuvash people: stages and trends]. *Chuvashi: aktual'nye aspekty antropologii* [Chuvashs: actual aspects of anthtropology]. Cheboksary, 2004, pp. 35–49.

42. Fuks A. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoi gubernii* [Notes on Chuvashs and Cheremises of Kazan Province]. Kazan, 1840, 329 p.

43. Fuks A. *Poezdka iz Kazani v Cheboksary (pis'ma)* [A trip from Kazan to Cheboksary (letters)]. *Zavolzhskii muravei* [Trans-Volga ant], 1834, no. 1, pp. 39–50; no. 2, pp. 90–101; no. 3, pp. 154–170; no. 4, pp. 211–224; no. 5, pp. 271–287; no. 6, pp. 348–362; no. 8, pp. 454–467; no. 9, pp. 41–50; no. 10, pp. 102–121; no. 11, pp. 166–175.

PETROV IGOR – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of Ethnography Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (ipetrov62@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Петров И.Г.* Чувашская свадьба в этнографических исследованиях: историографический обзор литературы XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 180–192.

УДК 070.44:94(470.4)
ББК Ч600.52:Т3(235.54)

П.Ф. ПОТАПОВ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ТЕМА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Ключевые слова: *история и современность, журналистика, народы России, информационная политика, духовные ценности и материальная культура, этнический ренессанс и СМИ, национальное самосознание.*

В статье рассматривается информация об этнокультурных процессах как основе гармоничного развития народов Поволжья – мордовского, татарского, чувашского, их национального возрождения и цивилизованного межнационального сотрудничества. Пресса активно участвует в ликвидации «белых пятен» в историко-культурной летописи своего региона, старается привить любовь современного поколения к национальной истории, традициям, обычаям и обрядам, родному языку. Эта тема является одной из приоритетных в работе журналистов. Публикации свидетельствуют о богатстве народного уклада жизни, который формировался столетиями, духовно-нравственном здоровье человека и каждого этноса, способствуют формированию национальных чувств. Как полагает автор, позиция региональной прессы, в том числе – национально ориентированной, вполне определенна: социокультурная среда и экологическая культура есть объективные основания для реформирования России, возрождения и развития населяющих ее народов.

В статье проведен теоретический анализ научной литературы в аспекте изучаемой проблемы, изучен фактический материал – публикации на этнокультурные темы в региональной прессе, а также рассмотрены природа и специфика функционирования средств массовой информации в связи с особенностями национального развития каждой из республик Поволжья. Такой подход позволил глубже раскрыть общее и особенное в развитии этнокультуры и журналистики, их взаимодействие, характеризовать целостную сущность явления посредством анализа составляющих его структурных компонентов.

Сегодня в стране наблюдается процесс раскрепощения национальной энергии. Жизнь меняется, и политика Российского государства учитывает неуклонное стремление народов к реализации своих социально-экономических и культурных потребностей независимо от территории проживания, исключает любые конфликты на межэтнической основе. Именно поэтому столь важны результаты, полученные автором статьи, в ходе исследования заявленной темы. В частности, сегодня: 1) региональная пресса является информационно-технологическим фактором, эффективно воздействующим на национально-социальные и этнокультурные процессы, способствуя обновлению духовной жизни общества, пропагандируя и утверждая в нем идеи толерантности, этнического равенства и т.д.; 2) меняются проблемно-тематические приоритеты региональной журналистики, которая стала лучше, чем раньше, удовлетворять потребности аудитории; все большую значимость получают публикации, освещающие этнические аспекты жизни народов Поволжья, проблемы межнациональных отношений; 3) повышается требовательность к уровню работы региональных журналистов; каждый из них стремится формировать общественное сознание в рамках цивилизованного гражданского мира, то есть способствовать формированию менталитета россиян, основывающегося на принципах межэтнической терпимости, гуманности и справедливости, взаимопонимания и нормальных человеческих отношений.

Рассмотрев деятельность региональной прессы, автор статьи полагает, что сам факт публикации многочисленных материалов в прессе на историко-этнокультурную тематику народов Поволжья – мордовского, татарского, чувашского – свидетельствует о тесном взаимодействии этнокультур этих народов и журналистики. Своими публикациями региональная печать помогает, во-первых, воссоздать целостную модель этнокультурного развития народов Поволжья в современных условиях, во-вторых, решить многие социально-политические и культурные проблемы в рамках региона.

Следует признать, что Россия – это целый континент, особая евразийская цивилизация, созданная ее народами. Сохраняя свою самобытность, они вместе строят и поддерживают великую державу с неисчерпаемым человеческим, природным, экономическим и духовным потенциалом, реально обеспечивающим достижение межнациональной гармонии – «культурного плюрализма». Именно

на этом пути можно обрести подлинную свободу и равноправие, создать благоприятные условия для своего развития на перспективу.

Любой народ имеет культурные и национальные ценности, чем и определяется его самобытность. Исчезновение этих ценностей является непоправимой потерей не только для их создателей и носителей, но и для других народов. По этой причине региональные массмедиа все активнее выступают в «защиту, сохранение» (именно так трактуется здесь понятие «экология») традиционных форм национальной культуры, а также за их адаптацию к новым – переходным – условиям общественного развития, когда стихийной ломке и переделке подвергаются буквально все (и рациональные, и нерациональные) аспекты жизнедеятельности людского сообщества.

Именно по уровню культуры можно с достаточной точностью судить о материальном и духовном облике общества. Не случайно, по мнению многих ученых, истинное реформирование России должно начаться с духовного ее возрождения, или с развития культуры населяющих территорию страны народов [14; 7. С. 75–80; 8. С. 139–153].

Первой задачей в области экологизации культуры для периодической печати является «защита, сохранение» культурного наследия своего народа, выраженного в духовных ценностях.

Характерным примером здесь может служить история с «Духовным завещанием чувашскому народу» И.Я. Яковлева, общественного деятеля, просветителя, педагога, создателя чувашского алфавита. Он написал глубоко патриотичный и прогрессивный документ, в котором сконцентрирован богатый жизненный опыт автора, накопленная с годами мудрость и емкое публицистическое слово. Но в силу того, что «Духовное завещание…» пронизано верой в Бога и христианскими идеями, до недавнего времени в полном объеме оно было известно лишь узкому кругу специалистов.

Республиканская печать в начале 90-х гг. по существу дала второе рождение этому историко-культурному конструкту, в котором И.Я. Яковлев призывает чувашей чтить и любить «великий, добрый и умный русский народ, … быть преданным матери-России». Автор обращается к своим сородичам, кому выпало счастье получить образование, иметь крепкую связь с родным народом и верно служить ему [11].

Аналогичная история произошла с татарским народным эпосом «Идегей», который привлек к себе пристальное внимание представителей науки, культуры, общественности еще до Октябрьской революции 1917 г., но долгое время оставался неизвестным широкому кругу читателей, поскольку в постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской парторганизации» это бессмертное творение было названо «байски-феодальным» произведением, не имеющим отношения к духовному наследию татарского народа.

Исправляя эту ошибку истории, газета «Советская Татария» опубликовала в трех номерах (начало, продолжение, окончание) очерк под названием «Идегей», Сталин и наше время» [22], который имел большое научно-познавательное и публицистическое значение.

Благодаря периодической печати в лоно мордовской этнической культуры был возвращен выдающийся художественный образец – поэма Я.Я. Кулдуркаева «Эрьмезь», напечатанная сначала в журнале «Сятко» [23], а затем опубликованная на страницах выпущенного Мордовским книжным издательством авторского сборника «Кезрень пингеде, эрзянь раскеде» («О других временах, об эрзянском народе»). Сам автор назвал свое произведение «сказкой о былых временах», потому что в нем поэтическим языком рассказывается о героическом прошлом мордовского народа в XIII в. Произведение

не потеряло своей художественной ценности и в наши дни, а в середине 30-х гг. оно рассматривалось как большой этап в развитии младописьменной литературы, при этом Я.Я. Кулдуркаева называли самым талантливым мордовским поэтом, яркой звездой в мордовской литературе.

В периодической печати республик Среднего Поволжья трудно найти издание, не проявляющее в период этнического ренессанса острого интереса к теме культурного наследия татарского, мордовского и чувашского народов. Каждое из них в той или иной мере участвует в ликвидации «белых пятен» в историко-культурной летописи своего региона. Позиция региональной журналистики, в том числе – национально ориентированной, вполне определенна: возрождение культурного наследия – это процесс наращивания духовно-практического (деятельностного) потенциала всего общества, пребывающего в переходном состоянии.

Реализуя выбранную линию поведения в отношении культурного наследия, газеты ввели специальные рубрики и тематические полосы: в «Известиях Мордовии» – «Наше наследие», «Тропой памяти», в «Известиях Татарстана» – «Летопись», «Память и культура», в «Советской Чувашии» – «Личность и время», «Страницы истории». Публикуемые в этих рубриках и полосах информационные, аналитические и художественно-публицистические материалы знакомят читателей с многовековым культурным наследием мордовского, татарского, чувашского народов, восполняют серьезные пробелы в культурно-исторических знаниях, помогают выработать объективные оценки забытых или до сих пор односторонне трактовавшихся фактов, событий, явлений культурной жизни.

Конечно, этническая рекультурация средствами публицистики духовного наследия народов Среднего Поволжья была бы недостаточно продуктивной без создания историко-культурного персоналия, составленного из выдающихся их представителей, которые долгий срок по тем или иным причинам либо пребывали в полном забвении, либо оценивались крайне тенденциозно – в основном, по социально-политическим меркам одной господствующей идеологии. А ведь это были образованнейшие люди своего времени, прекрасно знавшие мировую и отечественную литературу, историю, философию, социологию, эстетику, которые были для них не сводом схоластических догм, а живым материалом, который питал их умы, помогая понять себя и свое время.

Например, газета «Советская Татария» публикацией очерка «Штрихи к портрету» [25] возвращает в историко-культурный контекст бытия татарского народа в позитивном значении жизнь и творчество Ю.Х. Акчурина, которого на Родине долгое время считали белоэмигрантом, пантюркистом, националистом. Таких ярлыков его удостаивали отечественные авторы многочисленных монографий, статей, посвященных истории татарской общественной и просветительской мысли.

Однако из газетного очерка читатель узнает о совершенно другом Акчурине – прогрессивном деятеле, который стремился консолидировать свой народ на базе передовых демократических идей. Он оставил после себя значительное научное и публицистическое наследие. В Турции были изданы его труды: «Три политических течения», «Достижения европейской мысли», «Восточный вопрос», «Политика и экономика», учебник политической истории для вузов. Часть этого наследия составляют аргументированно обоснованные идеи взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. И в этом направлении Ю.Х. Акчурин в немалой степени практически способствовал тому, чтобы ценности европейской культуры были восприняты татарской

культурой, а ценности татарской – в свою очередь, культурой других мусульманских народов, в том числе народов Поволжья.

Другое громкое, но забытое имя – С.В. Аникина, замечательного литератора и политика, – возвращает в историко-культурный контекст бытия мордовского народа газета «Советская Мордовия» очерком «Плодная осень» [2] и статьей «Так кто же зачинатель?» [3]. Из этих газетных публикаций читатель узнает, что талантливый писатель-реалист конца XIX – начала XX вв., член первой Государственной Думы, выходец из семьи мордовских крестьян Саратовской губернии, появившийся в общественной жизни России на гребне революции 1905–1907 гг., С.В. Аникин воспринимался соратниками и современниками как «самородная, выдающаяся умственно и политически сила истинно народного характера!».

Между тем нашим современникам творческое наследие и личность Аникина длительное время оставались почти не известны. И только в период этнического возрождения благодаря усилиям журналистов периодической печати имя и дела наиболее крупного выразителя историко-культурного прошлого мордовского народа становятся достоянием массовой аудитории. В наши дни интерес к творчеству этого писателя, двигавшего культуру своего народа и боровшегося за красоту родного языка словом художника, все более усиливается, о нем все чаще начинают говорить и писать. Пережив годы длительного умолчания, подвижнический труд С.В. Аникина дает новые благодатные всходы и пожинает сегодня плоды не только национального, но и российского признания.

Иными словами, о многих видных деятелях культуры прошлого в региональной печати в период этнического ренессанса стали выходить очерки, статьи, зарисовки, хроники. Давая своим героям творческие и человеческие характеристики, авторы газетных публикаций отказываются от оперирования только белой и черной красками. По их мнению, каждую личность надо рассматривать во всей ее сложности и противоречивости.

Второй задачей в области экологизации культуры для периодической печати является «защита, сохранение» культурного наследия своего народа, выраженного в материальных ценностях, окрашенных в национальный цвет. К последним относятся памятники архитектуры, образцы утвари, предметы быта, орудия труда, имевшие большое значение для прогрессивного развития мордовского, татарского, чувашского этносов и являвшиеся своеобразными вехами на их историческом пути.

В этом отношении газеты республик Среднего Поволжья в своих публикациях приводят много примеров, когда в недавнем прошлом по необоснованным причинам демонтировались памятники историческим деятелям, разрушались церкви, монастыри, мечети, усадьбы, а вместе с ними сужалась аура становления и развития этнокультуры на ментальном уровне. Приводимые в доказательство публицистические аргументы выглядят весьма серьезными. В Татарстане, например, по свидетельствам журналистов, навсегда оказались потерянными Казаковская мечеть постройки 1877 г., здания первой татарской женской гимназии Ф. Аитовой, редакции журнала «Ан», где неоднократно бывали Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов, а также дома, хранившие память о музыканте Г. Зайнине и фольклористе Г. Сейфуллине.

Остался в прошлом и неповторимый облик старого Саранска, который много раз воспроизводился в республиканской печати путем публикации старых фотографий, линогравюр и литографий. Центр нынешней столицы Мордовии представлял собой цельный архитектурный ансамбль, имевший историческую и эстетическую ценность, поскольку его составными частями были

памятники XVIII и XIX вв., сочетание которых формировало самобытный уголок провинциального российского городка.

Коллективно созданный мордовскими журналистами ценностно-архитектурный мартиролог включал уничтоженную в Саранске Христорождественскую церковь, построенную в 1856 г. и воплощавшую в себе каменную красоту и гармонию, возведенную в абсолют. Аналогичная судьба постигла двухэтажное каменное здание, в котором в 1869 г. останавливался великий русский писатель Л.Н. Толстой и где находилась чуть ли не единственная в Саранске изразцовая печь – блестящий образец русского прикладного искусства.

Эти и другие памятники были безвозвратно утеряны для будущих поколений – несмотря на то, что в стране в то время действовал Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», одна из статей которой гласила: «Снос, перемещение, изменение недвижимых памятников истории и культуры запрещается».

Существенным дополнением к публичным апелляциям к названному закону стали постоянно транслируемые в республиканских газетах обращения к власти известных представителей общественности, где выдвигались вполне разумные и практически целесообразные советы, предложения и рекомендации, как, например, в статье мордовского краеведа И.Д. Воронина: «Опыт показывает, что города, поспешно перестраивающие исторические центры, лишаются культурных ценностей… Необходимо сохранить все исторические и архитектурные памятники центра столицы нашей республики. Для этого желательно придавать широкой гласности каждый градостроительный проект, связанный со сносом и реконструкцией старинных строений общественного значения. Все историческое величие, накопленное веками, должно быть передано нашим потомкам» [26].

Третьей задачей в области экологизации культуры для периодической печати является «защита, сохранение» жизненного (почвенно-ландшафтного) пространства этноса, на котором только и произрастает его культура, или вторая (рукотворная) природа, выражающая социогенетическую направляющую исторического развития той или иной национальности.

Возможно, проблемы этнической экологии не так волновали бы массы людей, не приобрели бы такой остроты, если бы не яркие и страстные выступления региональных средств массовой информации. Беспокойство за чистоту и сохранность своей территории, на которой издавна живет и будет дальше жить этнос, звучало буквально в каждой газете. Например, «Известия Мордовии» писала о варварском уничтожении в республике знаменитых корабельных рощ. Газета констатировала, что Мордовия в результате стихийного освоения и нерационального природопользования превратилась в территорию с преимущественно разоренным ландшафтом [4]. Другая газета – «Столица С» – приводит кричащие факты незаконной вырубки леса в Мордовском государственном заповеднике имени П.Г. Смидовича. В результате этой бесхозяйственности и – даже больше – бескультурья пострадали не только воздух и вода, но и весь животный и растительный мир [27].

Все это отрицательно сказывается на нормализации этнической ситуации и межэтнических отношений в республике. И, как следствие, состоявшаяся в мае 1994 г. в Саранске научная конференция «Мордовский народ: история, современность и перспективы» рекомендовала населению республики активно включиться в реализацию современной экологической политики государства, направленной на пресечение варварского отношения к природной среде, на создание долгосрочных программ защиты человека и природы от

экологических деформаций и катастроф, сочла необходимым создание на территории республики системы заповедников и национальных парков, призванных стать территориями бережного отношения народа к природе, умелого сочетания экологической культуры с культурой производства и быта.

Еще один характерный пример – газета «Советская Чувашия» на протяжении длительного времени выражала обеспокоенность тем, что в республике постепенно исчезают дубравы. Подобных – тревожащих общественное мнение – публикаций на ее страницах появилось немало, ведь дубравы издавна считаются ландшафтной «визитной карточкой» Чувашского края. Они составляют 25% всех лесов Чувашии. В одном из газетных номеров приводится хорошо аргументированное высказывание о том, что исчезновение дубрав – закономерная расплата за неумение хозяйствовать [16].

Для периодической печати Татарстана – в плане экологизации культуры этноса на основе «сохранения, защиты» его жизненной среды, веками формировавшейся на исконной территории, – особенно показательной стала в конце 1980-х гг. открытая фактически журналистами массовая борьба населения и общественности республики против строительства в регионе атомной электростанции. Газета «Вечерняя Казань» в то время писала, что «объект приведет к экологической катастрофе, радиоактивному заражению территории республики» [19. С. 117]. Это выступление поддержала газета «Советская Татария», которая в июле 1989 г. регулярно сообщала о не прекращающемся марше протеста против сооружения этого объекта в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске, Камских Полянах, Чистополе.

В результате проведенных акций Верховный Совет республики принимает постановление «О Татарской АЭС», на основании которого сооружение этого опасного для окружающей среды объекта было приостановлено. Проходит несколько месяцев, и 17 апреля 1990 г. республиканская печать извещает своих читателей о том, что Верховный Совет Татарстана принимает окончательное решение об отказе от строительства Татарской АЭС.

С точки зрения самых важных задач публицистической экологии культуры Средне-Волжского региона весь протекающий здесь этнокультурный процесс, в сущности, представляется полифоническим субстратом многих разнопрофильных факторов, свойственных сегодняшнему бытию мордовского, татарского, чувашского народов, а именно: этнодемографических, этносоциальных, этноязыковых, этнополитических явлений, которые привносят в местное полиэтническое пространство свои специфические духовно-практические «довложения» как позитивного, так и негативного свойства.

С одной стороны, особенности этнокультурных процессов требуют от региональных средств массовой информации использования методов и приемов конструктивной экологизации этнокультуры, или публичной поддержки проявляющихся в жизнедеятельности регионального социума позитивных тенденций, в частности, массового стремления этносов к познанию устойчивых закономерностей в сфере этнокультурных процессов, что открывает простор национальному духовному возрождению и развитию, свободе этнических культур и языков, утверждению особенностей каждой национальной культуры.

Так, газета «Советская Татария» высказалась за необходимость интенсификации преподавания национальной истории в республиканских учебных заведениях, подготовки новых учебников. В статье «Обращаясь к истокам» она сообщила о создании краеведческого общества в Набережных Челнах, которое стало одной из первых общественных научно-просветительских организаций в стране, получившей право юридического лица [18].

В том же ключе действовала газета «Советская Чувашия», которая успешное начало экологизации этнокультуры усматривала, прежде всего, в наиболее полном и объективном освещении истории своего народа, бережном отношении к его прошлому. В одном из номеров газета сообщила, что в селе Порецком открылся музей истории родного края, экспонаты которого рассказывают о жизни чувашского народа в XVI в. [17]. В унисон сработала газета «Мокшень правда», которая констатировала, что «мы плохо знаем свою родословную», что «нужно приблизить историю к людям», что это необходимо для формирования самоуважения: «Общество, оторванное от своих корней, не может двигаться вперед» [12]. Газета неоднократно обращала внимание мордовских читателей на необходимость заботы о национальных памятниках культуры, выступала за развитие массового исторического краеведения в республике.

Эти примеры подтверждают наблюдения и выводы многих исследователей о том, что «историческая память» становится одним из ведущих элементов национального самосознания [5. С. 88; 6. С. 45; 20], она последовательно формирует нравственно-психологический климат, в котором живет народ. Люди всегда хотят знать историческую правду, ждут объективного изложения событий прошлого. И в этом «просветительстве» трудно переоценить роль средств массовой информации. Реальная жизнь заставляет их обращаться к многовековому пути развития поволжских народов.

На страницах печати открываются специальные рубрики, появляются тематические страницы: «Нации», «Имена и судьбы», «Уроки истории», «Национальный вопрос», материалы которых рассказывают о том, как жили мордва, татары, чуваши в разные исторические периоды, каковы были их ценностные ориентации, что окружало и двигало поступками людей в их повседневной жизни. Как верно заметил А. Хузангай в газете «Советская Чувашия»: «Нам нужна реальная история каждого из коренных народов Поволжья, так же как и история региона в целом со всем ее драматизмом, сложным переплетением исторических судеб и национальных культур» [24].

С другой стороны, особенности этнокультурных процессов требуют от региональных средств массовой информации использования методов и приемов деконструктивной экологизации этнокультуры, или публичной «зачистки» проявляющихся в жизнедеятельности регионального социума негативных тенденций, в частности, массового насаждения исторически чуждых этносам культурных ценностей, традиций, норм поведения, что способно привести к девальвации собственных духовных начал, утрате нравственных регуляторов, консервации всего процесса национального возрождения.

И первая, и вторая задачи решаются при выполнении региональной периодической печатью уже охарактеризованных выше функций активации, санации, гармонизации полиэтнического пространства, причем здесь возможны два основных варианта:

а) синхронный вариант, когда достигается в целом положительный результат: в этом случае, при паритетности названных функций, рельефно проявляются «структурообразующие» свойства периодической печати, которые расширяют границы и улучшают качество полиэтнического взаимодействия (в том числе – этнокультурного) в регионе.

Этот публицистический вариант с соответствующим результатом прогляды-вает, например, в следующем фрагменте из публикации в газете «Мордовия – 7 дней»: «Тот кризис, который мы называли "распадом России"», чуть-чуть от нас сейчас отдалился. Сегодня и в тех национальных республиках, которые требовали для себя максимум суверенитета, волна входит в свои берега. Происходит

понимание того, что мы живем в одном государстве, и национально-культурные особенности субъектов Федерации должны быть сохранены» [15];

б) асинхронный вариант, когда достигается в целом отрицательный результат: в этом случае, при диспаритетности названных функций, рельефно проявляются «структуроразрушающие» свойства печати, которые сужают границы и ухудшают качество полиэтнического взаимодействия (в том числе – этнокультурного) в регионе.

Этот публицистический вариант с соответствующим результатом проглядывает, например, в следующем фрагменте из публикации в газете «Эрзянь мастор»: «Настало время подумать о присоединении отнятой части территории к республике и о компенсации урона, нанесенного ей за 50 лет отчуждения» [21]. А ведь давно известно, что «большая часть межнациональных распрей возникает, как правило, из-за территориальных споров» [19. С. 117].

По этому поводу можно сказать, что распространяемые в массовом сознании экстремистски настроенной прессой радикальные парадигмы этноизоляционизма и национальной самогерметизации являются производными от более широкого социального явления, именуемого в науке этноцентризмом. Под последним в социологии подразумевается «система взглядов, в которых жизнь других народов, их нравы и обычаи рассматриваются через призму традиционных установок и ценностных ориентаций своей этнической общности… Этноцентризм нередко смыкается с национальной идеологией и может быть направлен в сторону резкого обособления народов, разжигания неприязни между ними. Этноцентризм обычно преодолевается в процессе общения с людьми, принадлежащими к другим этносам, с ростом уважения к их культуре, с распространением идей мультикультурализма» [13. С. 645].

Конечно, каждый народ на земле вносит свой вклад в развитие культуры, базирующейся на общечеловеческих ценностях. Отсюда проистекает огромное значение этнической культуры, которая здесь понимается не только в метафизическом (как уже готовый духовный продукт), но и в диалектическом плане – как непрерывное культурное творчество каждого этноса. Именно через диалог культур разных народов складывается мировая цивилизация. При этом все более очевидной становится абсурдность политики сохранения «закрытых обществ», базирующихся на этногосударственном изоляционизме и этнокультурной самогерметизации.

Активное развитие мирового сообщества, его полифонических структур разрушают культурно-идеологическую монохромность и создают предпосылки для цивилизованного разговора «культурных миров». Та же самая генеральная закономерность характерна для социетального и регионального уровней общественного развития [1; 9. С. 317; 10. С. 106].

Согласно этой общецивилизационной закономерности, на каждом из народов Среднего Поволжья все сильнее сказывается принадлежность к данной историко-этнографической зоне, все определеннее проявляются временные напластования и результаты хозяйственного и культурного взаимодействия с соседними народами, все явственнее ощущается интегрированный характер их полиэтнического сосуществования. И все эти социокультурные особенности сегодняшнего бытия региона находят достаточно полное отражение в современной мордовской, татарской и чувашской газетной периодике.

Литература

1. *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное обустройство России. М.: Славян. диалог, 2000. 656 с.

2. *Алешкин А.* Плодная осень // Советская Мордовия. 1988. 12 янв.

3. *Брыжинский А.* Так кто же зачинатель? // Мордовия. 1991. 1 нояб.

4. *Давыдов А.* Потерянное не вернешь // Известия Мордовии. 1994. 17 мая.

5. *Данилов А.А.* Проблемы формирования информационной среды в условиях социокультурной трансформации российского общества // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 88.

6. *Данилов А.А.* Эволюция жанрово-тематической составляющей передач телевидения Марийской, Мордовской и Чувашской Республик в советский период // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 45.

7. *Данилов А.П.* Отражение чувашско-русских этнокультурных и литературных контактов в публицистике // Нижегородская журналистика: история и современность: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию выхода в свет газеты «Нижегородские губернские ведомости» / Кафедра журналистики филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2009. С. 75–80.

8. *Данилов А.П., Данилов А.А.* Нравственный потенциал телевизионной публицистики: исторический опыт // Семья в России. 2006. № 1. С. 139–153.

9. *Данилов А.П., Данилова М.Г.* Пресса Чувашии в Интернете // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5(360). С. 317.

10. *Данилов А.П., Моисеев Д.А.* Ранний (первый) этап формирования чувашской молодежной печати // Сб. науч. тр. молодых ученых и специалистов / отв. ред. А.Н. Захарова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 106.

11. *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Программа И.Я. Яковлева по возрождению родного народа // Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. С. 55–113.

12. *Егоров Н.* Кунардонь страницат // Мокшень правда. 1994. 8 сент.

13. *Козлов В.И.* Этноцентризм // Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1998. С. 645.

14. Культура и культурная политика в России / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Е. Разлогов. М.: МОНФ, 2000. 240 с.

15. Мордовия – за единую Россию // Мордовия–7 дней. 2002. 20 фев.

16. *Неофитов Ю.* Спасти чувашские дубравы // Советская Чувашия. 1992. 15 авг.

17. *Николаев М.* История стала ближе // Советская Чувашия. 1998. 3 окт.

18. Обращаясь к истокам // Советская Татария. 1990. 29 марта.

19. *Овсепян Р.П.* Региональная пресса и межэтнические конфликты // Информационная политика в регионе: между прошлым и будущим. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003. С. 117.

20. *Потапов П.Ф.* Печать республик Поволжья и этнокультурные процессы в переходном обществе: 80–90-е гг. XX века: дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2004.

21. Саров должен быть в составе Мордовии // Эрзянь мастор. 1996. 14 нояб.

22. *Султанбеков Б.* «Идегей», Сталин и наше время» // Советская Татария. 1989. 14, 29 февр.; 7 марта.

23. Сятко. 1998. № 1–6.

24. *Хузангай А.* Урало-Поволжье – наша общая Родина // Советская Чувашия. 1993. 11 нояб.

25. *Хуснутдинов Н.* Штрихи к портрету // Советская Татария. 1990. 4 мая.

26. Цит. по кн.: Встречи: Публицистика / сост. А.К. Чебаткова. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 72.

27. *Чикнайкин Н.* Лес рубят – деньги летят // Столица С. 1992. 14 дек.

ПОТАПОВ ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Югорский государственный университет, Россия, Ханты-Мансийск (P_F_Potapov@mail.ru).

P. POTAPOV

HISTORICAL AND CULTURAL TOPIC IN THE REGIONAL PRESS

Key words: *history and contemporaneity, journalism, peoples of Russia, information policy, spiritual values and material culture, ethnic renaissance and the media, national identity.*

The article discusses information about the ethno-cultural processes as the basis for a harmonious development of the peoples of the Volga region of Mordovia, Tatar, Chuvash, their national revival and of the civilized international cooperation. The press is actively involved in the elimination of "white spots" in the historical and cultural chronicle of the region, tries to

instill a love of the modern generation towards national history, traditions, customs and ceremonies, native language. This topic is a priority in the work of journalists. Publications testify to the richness of traditional ways of life that have evolved over the centuries, spiritual and moral health of the person and of each ethnic group contribute to the formation of national feelings. As the author says, the position of the regional press, including nationally oriented, is quite certain: the socio-cultural environment and ecological culture there are objective grounds for reform of Russia, the revival and development of peoples inhabiting it.

Today, a process of national energy liberation is observed in the country. Life is changing, and politics of the Russian state take into account unwavering desire of peoples to realize their socio-economic and cultural needs regardless of their residence, and exclude any inter-ethnic conflict. That is why the results obtained by the article author when studying the topic are so important. In particular, today: 1) regional press is an information technology factor, effectively affecting national-social and ethno-cultural processes, contributing to spiritual life renewal, promoting and approving the ideas of tolerance, ethnic equality and so on; 2) problem-thematic priorities of regional journalism are changing, and it meets the needs of the audience better than before; publications highlighting ethnic aspects of life of the Volga region peoples, the problems of inter-ethnic relations, gain greater importance; 3) insistence on high standards in the level of regional journalists' work is increasing; each of them seeks to shape public consciousness within the framework of civilized civil peace, that is, to help in shaping the mentality of the Russians, based on the principles of inter-ethnic tolerance, humanity and justice, mutual understanding and normal human relations.

Having reviewed the activities of the regional press, the author of the article believes that the very fact of publishing numerous materials on historical-ethnocultural subjects of the Volga region peoples – the Mordovians, the Tatars, the Chuvashs – shows close interaction of these peoples' ethnoculture and journalism. Through its publications, the regional press helps, first, to recreate a comprehensive model of ethnocultural development of the Volga region peoples in modern conditions, and, secondly, to solve many socio-political and cultural problems within the region.

References

1. Abdulatipov R.G. *Natsional'nyi vopros i gosudarstvennoe obustroistvo Rossii* [National question and state building in Russia]. Moscow, Slavyanskii dialog Publ., 2000, 656 p.

2. Aleshkin A. *Plodnaya osen'* [Fetal fall]. *Sovetskaya Mordoviya* [Soviet Mordovia], 1988, Jan. 12.

3. Bryzhinskii A. *Tak kto zhe zachinatel'?* [So who's the initiator?]. *Mordoviya* [Mordovia], 1991, Nov. 1.

4. Davydov A. *Poteryannoe ne vernesh'* [the Lost will not return]. *Izvestiya Mordovii* [News of Mordovia], 1994, May 17.

5. Danilov A.A. *Problemy formirovaniya informatsionnoi sredy v usloviyakh sotsiokul'turnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva* [problems of formation of the information environment in the conditions of sociocultural transformation of Russian society]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no. 4, p. 88.

6. Danilov A.A. *Evolyutsiya zhanrovo-tematicheskoi sostavlyayushchei peredach televideniya Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi Respublik v sovetskii period* [Evolution of the genre-themed component of the television Mari, Mordovian and Chuvash Republics in the Soviet period]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 3, p. 45.

7. Danilov A.P. *Otrazhenie chuvashsko-russkikh etnokul'turnykh i literaturnykh kontaktov v publitsistike* [Reflection Chuvash-Russian ethno-cultural and literary contacts in journalism]. *Nizhegorodskaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost': sb. materialov nauch.-prakt. konf., posvyashch. 170-letiyu vykhoda v svet gazety «Nizhegorodskie gubernskie vedomosti»* [Proc. of Sci. and Pract. Conf. «Journalism Nizhny Novgorod: history and modernity»]. Nizhniy Novgorod, 2009, pp. 75–80.

8. Danilov A.P., Danilov A.A. *Nravstvennyi potentsial televizionnoi publitsistiki: istoricheskii opyt* [Moral potential of television journalism, the historical experience*]. Sem'ya v Rossii* [Family in Russia], 2006, no. 1, pp. 139–153.

9. Danilov A.P., Danilova M.G. *Pressa Chuvashii v Internete* [Press Chuvash Republic]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 5(360), p. 317.

10. Danilov A.P., Moiseev D.A. *Rannii (pervyi) etap formirovaniya chuvashskoi molodezhnoi pechati* [Early (first) stage of the formation of the Chuvash youth print]. In: *Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collection of scientific works of young scientists and professionals]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2014, p. 106.

11. Danilov A.P., Tenyushev I.Ya. *Programma I.Ya. Yakovleva po vozrozhdeniyu rodnogo naroda* [Program I. Yakovlev on the revival of the native nation]. *Zarozhdenie, razvitie publitsistiki i zhurnalistiki*

v Chuvashii [the Origin, development journalism and journalism in Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1999, pp. 55–113.

12. Egorov N. *Kunardon' stranitsat* [Conarton of straycat]. *Mokshen' pravda* [Mokshan true], 1994, Sept. 8.

13. Kozlov V.I. *Etnotsentrizm* [Ethnocentrism]. *Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Moscow, NORMA and INFRA-M Publ., 1998, p. 645.

14. *Kul'tura i kul'turnaya politika v Rossii* [Culture and cultural policy in Russia]. Moscow, MONF Publ., 2000, 240 p.

15. *Mordoviya – za edinuyu Rossiyu* [Mordovia – for United Russia]. *Mordoviya – 7 dnei* [Mordovia –7 days], 2002, Feb. 20.

16. Neofitov Yu. *Spasti chuvashskie dubravy* [Neophytes Yu to Save the Chuvash oak]. *Sovetskaya Chuvashiya* [the Soviet Chuvashia], 1992, Aug. 15.

17. Nikolaev M. *Istoriya stala blizhe* [Story is closer to]. *Sovetskaya Chuvashiya* [the Soviet Chuvashia], 1998, Oct. 3.

18. *Obrashchayas' k istokam* [Turning to the origins]. *Sovetskaya Tatariya* [Soviet Tatarstan], 1990, March 29.

19. Ovsepyan R.P. *Regional'naya pressa i mezhetnicheskie konflikty* [Regional press and ethnic conflict]. In: *Informatsionnaya politika v regione: mezhdu proshlym i budushchim* [Information policy in the region, between past and future]. Saransk, Mordovian University Publ., 2003, p. 117.

20. Potapov P.F. *Zhurnalistika i mezhkul'turnoe obshchenie v obshchestve* [Journalism and intercultural communication in the society]. Saransk, Mordovian University Publ., 2011, 42 p.

21. *Sarov dolzhen byt' v sostave Mordovii* [Sarov must be part of Mordovia]. *Erzyan' mastor* [Erzyan Mastor], 1996, Nov. 14.

22. Sultanbekov B. *«Idegei», Stalin i nashe vremya»* ["Idegey" Stalin and our times"]. *Sovetskaya Tatariya* [Soviet Tatarstan], 1989, Feb. 14, 29, March 7.

23. *Syatko* [Satco], 1998, no. 1–6.

24. Khuzangai A. *Uralo-Povolzh'e – nasha obshchaya Rodina* [Ural-Volga region – our common homeland]. *Sovetskaya Chuvashiya* [Soviet Chuvashia], 1993, Nov. 11.

25. Khusnutdinov N. *Shtrikhi k portretu* [Touches to the portrait of Soviet Tatarstan]. *Sovetskaya Tatariya* [Soviet Tatarstan], 1990, March 4.

26. Tsit. po kn.: *Vstrechi, Publitsistika* [Meetings, Journalism]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1988, p. 72.

27. Chiknaikin N. *Les rubyat – den'gi letyat* [The wood – money flying]. *Stolitsa S* [Capital S], 1992, Dec. 14.

POTAPOV PAVEL − Doctor of Philology Sciences, Professor of Journalism Department, Ugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk (P_F_Potapov@mail.ru).

Ссылка на статью: *Потапов П.Ф.* Историко-культурная тема в региональной прессе // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 193–203.

УДК 37-055.2(091)(470.344)"18"
ББКЧ404.492.3(2Рос.Чув)5

Н.Н. ПЬЯНЗИНА, Н.А. МАТВЕЕВА, А.Х. ЕРМОЛАЕВ, Н.В. ВАСИЛЬЕВА

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЧУВАШИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: *женское образование, приходские училища, Симбирская чувашская учительская школа, И. Я. Яковлев, чувашская национальная культура.*

В ходе изучения истории становления женского образования в Чувашии в дореволюционный период нами был проведен анализ возникновения и развития первых школ на территории Чувашии. Исследование показало, что первые школы изначально появились в селе Буртасы Цивильского уезда в 1807 г. Там обучалось несколько девочек, но окончить школу им так и не удалось. Предпринимались и другие попытки обучения женского населения Чувашии. Открытые в 1845 г. в Алатыре хозяйственные училища также не принесли положительных результатов. Женское образование не прививалось. Обучение незнакомым наукам посредством русского языка не могло не вызвать у воспитанниц ничего, кроме чувства неприязни. Все это приводило к неоспоримому выводу о том, что без родного языка школа не может стать действительно народной, что насильственное обучение русской, православной грамоте не приводит к сознательному обучению, отвращает от русского языка, русской культуры. Дальнейшее развитие женское образование получило благодаря И.Я. Яковлеву, который придавал особое значение родному языку для обучения чувашей. Именно его опыт во многом помог поднять их образовательный и культурный уровень. В основе становления женского образования в Чувашии лежала деятельность Симбирской чувашской учительской школы.

В истории каждой нации есть своя школьная система образования, которая была создана, чтобы удовлетворить духовные и материальные потребности населения. Школа была и остается важнейшей необходимой частью развития общества, потому, что именно в школе прививаются знания и умения, а также она является хранителем культуры в целом.

В Чувашии появление школ прежде всего связано с развитием капиталистических элементов в России, усилением торгово-экономических отношений между городом и деревней. В связи с этим требовались грамотные люди среди населения.

После присоединения Поволжья к Русскому государству стало распространяться православие, и, как следствие происходило обрусение коренного населения [6. С. 28–30]. Министр народного просвещения Д.А. Толстой (1866–1880 гг.) ставил конечной целью слияние инородцев, проживающих в пределах Российского государства, с русским народом посредством их обрусения. С этой целью строилось множество церквей и монастырей. Людей насильственно заставляли принимать христианство, креститься. Открывались специальные миссионерские школы. Принудительным было также обучение русско-православной грамоте. Обучение детей в Чувашии началось в 90-х гг. XVI в., причем только мальчиков. В школах царила палочная дисциплина, очень жесткие методы обучения, преподавали исключительно на русском языке. Детей насильно заставляли учиться в школах. Конечно, в таких жестких условиях образование развивалось медленно.

Однако развитие культуры невозможно, если женщины не участвуют в процессе становления образования. Русские революционные демократы В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский справедливо полагали, что по положению женщины в обществе можно судить о культурном уровне народа. Что касается чувашей, то женщин там стали привлекать к школьному обучения с XIX в. И после Октябрьской революции В.И. Ленин был убежден в невозможности общественной жизни и политики без привлечения к ним женщин: «втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин.

Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, – и это главное – они остаются в "домашнем рабстве", "домашними рабынями"» [4. С. 368–369].

Первые школы в Чувашии появились в начале XIX в. Школьное обучение чувашских девочек началось с появлением церковноприходских школ, причем доступны для них были только школы Министерства государственных имуществ и удельные училища. Существовали также училища Министерства народного просвещения и школы братства св. Гурия. Но развитие этих учебных заведения было медленным из-за низкого уровня грамотности самого обучающего там духовенства. Одно из самых ранних сельских училищ для чувашей было открыто в 1807 г. в селе Буртасы Цивильского уезда священником Михеевым. Впоследствии там обучалось несколько девочек, однако завершить учебу им так и не удалось.

Предпринимались и другие попытки обучения женского населения Чувашии. В качестве примера можно привести хозяйственные училища, открытые в 1845 г. в Алатыре, где обучались русские девочки, дочери удельных крестьян. Курс обучения продолжался четыре года и включал в себя такие дисциплины, как домоводство, Закон Божий, чтение, счет. К сожалению, это училище просуществовало недолго, но оно привело к возникновению подобных училищ и для коренного населения, как, например, третье училище для девочек Симбирской губернии (1850 г.) [9].

3 августа 1849 г. вышло предписание «Об убеждении местных жителей к отдаче малолетних девиц в приходское училище для обучения грамоте», где говорилось о пользе обучения девочек, в результате чего они могут приобрести знания в области религии, культуры, точных наук и духовной сферы. Основной целью обучения девочек было становление их как хороших жен, матерей и хозяек, так как главным приоритетом для женщины являлась семья.

Просматривая отчеты и ведомости об успеваемости учащихся периода 1849–1856 гг. приготовительного класса Ядринского уездного училища, можно наблюдать определенную тенденцию, заключающуюся в том, что даже ничтожное число поступивших девочек через год-другой переходило в разряд отсеивающихся. То же положение дел рассматривается и в Цивильском уездном училище, которое в 1856 г. окончила единственная девочка, дочь статского советника, показавшая на испытаниях «вполне удовлетворительные знания».

Если брать методику преподавания в целом, то обучение чувашских девочек незнакомым наукам посредством русского языка не могло не вызвать у них ничего, кроме чувства неприязни и отвращения. Положение усугублялось зубрежкой и муштрой, примитивными методами обучения. Особые трудности вызывало женское чувашское образование. Деньги, которые Департамент удельного ведомства выделил на строительство Буинского чувашского женского училища, были направлены на постройку церкви, а приказ включить 10 чувашских девочек 10-12 лет в число воспитанниц Симбирского женского училища не дал положительного результата – женское образование среди чувашей не прививалось.

И.Я. Яковлев в своей докладной записке на имя попечителя Казанского учебного округа, еще, будучи студентом, настаивал на необходимости создания для чувашских женщин особых школ, их просвещения: «Я знал о тяжелом положении чувашской женщины в деревне, – вспоминал он, – которое мало чем разнится от такого же положения русской крестьянской женщины. Но мне не случалось видеть, чтобы русские женщины пахали и косили. А у чувашей это практикуется. Мне казалось несправедливым, чтобы в то время, когда для чуваша-мужчины открывалась дорога к просвещению, женщины-чувашки оставались бы в невежестве» [10].

В результате усилившегося среди нерусских народов Поволжья общественно-педагогического движения в конце 60-х – начала 70-х гг. XIX в. возникают женские школы, которые организовывают местные земские деятели и передовые учителя [7]. Однако без поддержки Министерства народного просвещения существование их было недолгим.

Н.И. Золотницкий, являясь в этот период инспектором чувашской школы Казанской и Симбирской губерний, отмечал, что большинство школ только числились в отчетах. Например, женская школа Буинского уезда существовала без учениц: «не ходили они и в 1867 году, но во время моего приезда их было собрано 15, собрались они, впрочем, в надежде исключения из школы; некоторые из них были уже невесты; ни одна, ни слова не знает по-русски, но иные читали славянские молитвы» [5].

Все это приводило к неоспоримому выводу о том, что без родного языка школа не может стать действительно народной, что насильственное обучение русской, православной грамоте не приводит к сознательному обучению, отвращает от русского языка, русской культуры. Этот факт был замечен инспектором народного училища И.Н. Ульяновым еще в первый год службы в Симбирской губернии: «Что касается женщин чувашек, то они совсем не обрусели, совершенно не знают русского языка, почему я считаю полезным и необходимым открыть женские школы для обучения девочек-чувашек в селах Старых Алгашах и Средних Тимерсянах Симбирского уезда, вводя вместе с грамотой и обучение рукоделию, необходимому в крестьянском быту» [1].

И.Н. Ульянова поддержал попечитель П.Д. Шестаков, который отмечал, что чувашские женщины остаются язычницами, как и сто лет назад, находясь вне всякого влияния на них школы. Исходя из этого, было решено открыть для чувашей школу с первоначальным обучением в ней на родном языке, что и было претворено в жизнь И.Я. Яковлевым, открывшим такую первую национальную школу на свои сбережения в Симбирске [3]. На основании личного опыта и в результате изучения истории своего народа И.Я. Яковлев пришел к выводу, что «… до Симбирской чувашской школы стремления к просвещению не было, можно сказать, и в зародыше. Школ чуваши боялись, на русскую культуру смотрели как на огромную для себя опасность. Поворот в настроении чувашского народа в направлении к свету и знаниям начался, хотя не сразу, но именно со времени основания чувашской школы в г. Симбирске» [2].

Как бы многогранна ни была деятельность видного просветителя, главным и решающим была и остается его полувековая педагогическая деятельность. И.Я. Яковлев, один из творцов гуманистической педагогики конца XIX в., большое внимание уделял проблемам просвещения и оздоровления женщин-воспитанниц. Просвещение женщин всегда имело большое общественное, политическое значение, и особенно в жизни тех бесправных во всех отношениях в прошлом народов, у которых не было своей национальной школы. Вполне естественно, что в деятельности И.Я. Яковлева этот вопрос занимал одно из центральных мест. Он не мыслил просвещения народа без участия в нем женщин, без привлечения их наравне с мужчинами к общественной деятельности. Поэтому для просвещения женщин он не жалел ни времени, ни личных средств. В первые же годы своего существования новое училище стало готовить под руководством И.Я. Яковлева и его жены учительниц для начальных сельских школ. На его базе возникли женские педагогические курсы и женское двухклассное училище. Впоследствии женские двухгодичные педагогические курсы стали трехгодичными. И.Я. Яковлев пытался вооружить будущих учительниц такими знаниями, умениями и навыками, которые позволяли бы им вести за собой все население. Надо сказать, что надежды И.Я. Яковлева оправдались. Многие его воспитанницы своим личным примером содействовали

культурному росту женского населения. Они умело использовали научные знания в организации семейной жизни и общественной деятельности в деревне.

По успеваемости и трудовому обучению учащихся Симбирская учительская школа занимала лидирующие позиции. Лучшие работы ее учеников экспонировались на художественно-промышленных выставках. Так, на открытой в 1896 г. в Нижнем Новгороде Всероссийской художественно-промышленной выставке было представлено множество работ, выполненных воспитанницами школы. За представленные экспонаты чувашская учительская школа была награждена золотой медалью и дипломом первого разряда.

На уроках педагогики девушки, будущие учителя, изучали также правила ухода за детьми и больными. Все свободное от классных занятий часы девушки посвящали урокам рукоделия и домоводства. Они кроили и шили себе платья, наводили чистоту в классах и спальнях, а в порядке дежурства выполняли обязанности повара, пекаря и уборщицы на кухне.

Таким образом, просвещение народа должно опираться на его духовную основу – родной язык, который подразумевает необходимость создания соответствующего языку алфавита, издание на нем учебников и обучающих пособий. Только в этом случае обучение чувашских женщин можно было поставить на научно-педагогическую основу, вызвать у них желание и стремление к школьному образованию, просвещению и русской культуре. Впоследствии И.Я. Яковлев разработал и внедрил систему обучения и воспитания чувашских женщин в школьную практику, опираясь на «Правила об образовании инородцев, населяющих Россию» [8. С. 331], что позволило обучать детей нерусских народов на их родном языке, печатая на нем учебники и готовя из их среды учителей.

Образованию женщин И.Я. Яковлев придавал особое значение. Именно его опыт во многом помог поднять образовательный и культурный уровень чувашских женщин.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 207. Оп. 1. Д. 784.

3. *Ключникова Н.А.* Становление и развитие физической культуры женщин в Чувашии: историко-педагогический аспект : дис… канд. пед. наук. Ульяновск, 2009. 180 с.

4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1972. Т. 42. С. 368–369.

5. *Магницкий В.К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде: Этнографический сборник. Казань: Типогр. Губерн. управления, 1888. 118 с.

6. *Москалева М.Ю.* К вопросу о концепции женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века // Женщины в отечественной науке и образовании: сб. науч. ст. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. С. 28–30.

7. *Пьянзина Н.Н.* Этнопедагогическое содержание традиций физической культуры чувашского народа: автореф. дис… канд. пед. наук. Чебоксары, 2002. 20 с.

8. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. С. 331.

9. *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1840. 329 с.

10. *Яковлев И.Я.* Воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 272 с.

ПЬЯНЗИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (npianzina@mail.ru).

МАТВЕЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (kluchnad@mail.ru).

ЕРМОЛАЕВ АВЕНИР ХРИСАНФОВИЧ – заведующий кафедрой физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ВАСИЛЬЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (koolmama@mail.ru).

N. PYANZINA, N. MATVEEVA, A. ERMOLAEV, N. VASILYEVA

THE HISTORY OF FEMALE EDUCATION FORMATION IN CHUVASHIA IN PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Key words: *female education, parish schools, Simbirk Chuvash Teachers School, I.Ya. Yakovlev, Chuvash national culture.*

In the course of studying the history of female education formation in Chuvasia in the pre-revolutionary period, we conducted the analysis of first schools emergence and development in the territory of Chuvashia. The study showed that the first schools originally appeared in the village of Burtasi in the Tsivilsk district in 1807. Several girls studied there, but they didn't complete their studies. There were other attempts to educate the female population of Chuvashia. Agricultural schools, which were opened in 1845 in Alatyr, didn't give any positive results. Female education didn't take root. Teaching unfamiliar sciences in the Russian language could not cause in pupils anything but feelings of resentment. All this led to undeniable conclusion that school could not become truly popular without a native language and forced teaching Russian Orthodox literacy did not lead to conscious studying, it turned away from the Russian language and culture. Female education was further developed by I.Ya. Yakovlev, who paid much attention to educating the Chuvashs using their native language. It is his experience that in many respects helped to raise their educational and cultural level. The basis of female education formation in Chuvashia was the activities of the Simbirk Chuvash Teachers School.

References

1. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 92. Op. 1. D. 9940* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 92. Anagraph 1. Document 9940].
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 207. Op. 1. D. 784* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive 207. Anagraph 1. Document 784].
3. Klyuchnikova N.A. *Stanovlenie i razvitie fizicheskoi kul'tury zhenshchin v Chuvashii: istoriko-pedagogicheskii aspekt: dis… kand. ped. nauk* [Formation and development of the female phisical training in Chuvasia: historical and Pedagogical aspect. Abstract of PhD thesis]. Ulyanovsk, 2009, 180 p.
4. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete Edition]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, vol. 42, pp. 368–369.
5. Magnitskii V.K. Nravy *i obychai v Cheboksarskom uezde: Etnograficheschkii sbornik.* [Manners and Customs in the Cheboksary province: Ethnopedagogical collection]. Kazan, 1888, 118 p.
6. Moskaleva M.Yu. *K voprosu o kontseptsii zhenskogo obrazovaniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [About the concept of the female education in Russia from the second part of the XIX century till the beginning of the XX century. Women in the native science and education in Russia]. In: *Zhenshchiny v otechestvennoi nauke i obrazovanii* [Women in the native science and education in Russia]. Ivanovo, 1997, pp. 28–30.
7. P'yanzina N.N. *Etnopedagogicheskoe soderzhanie traditsii fizicheskoi kul'tury chu-vashskogo naroda: avtoref. dis… kand. ped. nauk* [Ethnopedagogical content of the traditioms of phisical culture of Chuvash nation. Candidate of pedagogical science. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2002, 20 p.
8. *Sbornik postanovlenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [The collection of resolutions on a ministry of national education]. St. Petersburg, 1864, vol. 1, p. 331.
9. Fuks A.A. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoi gubernii* [Notes about Chuvash people and Cheremis people of the Kazan province]. Kazan, 1840, 329 p.
10. Yakovlev I.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1982, 272 p.

PYANZINA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of Physical Culture and Sports Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (npianzina@mail.ru).

MATVEEVA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of Physical Culture Department, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (kluchnad@mail.ru).

ERMOLAEV AVENIR – Head of Physical Culture and Sports Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

VASILYEVA NATALIA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of Physical Culture Department, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (koolmama@mail.ru).

Ссылка на статью: *Пьянзина Н.Н., Матвеева Н.А., Ермолаев А.Х., Васильева Н.В.* История становление женского образования в Чувашии в дореволюционный период // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 204–208.

УДК 39
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА В ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: *угры, мадьяры, ханты, манси, савиры, сувары, чуваши, этнонимы, история, география, антропология, религия.*

Исследователи сетуют на то, что очень мало фактов, указывающих на чувашско-угорские симбиозы и субстраты, однако также мало таких доказательств в области чувашско-татарского родства. Если от времени ухода сувар от булгар в начале X в. на правобережье Волги нас отделяет одиннадцать веков, то от чувашско-угорских контактов – намного больше. Поэтому ретроспективное изучение общих корней становится все более сложной задачей. Тем не менее исследователей не покидает надежда, и даже уверенность, в возможности реконструкции достоверной истории чувашско-угорских взаимоотношений. Ранее автор имел возможность высказать свои гипотезы по теме. В ранних публикациях разбирались симбиозы в области языка, этнографии, искусства и фольклора. В этот раз предметами исследования являются взаимоотношения угров и савиров в историческом, географическом, антропологическом и религиозном отношениях. Настоящая статья представляет собой продолжение изучения истории взаимоотношений суваро-чувашей с угорским миром. Основной упор делается на первоисточники и публикации ведущих исследователей. Высказываются оригинальные идеи, отличные от изложенных предшественниками. Автор предостерегает от априорных отрицаний угорского слоя в этногенезе савиров/суваров/чувашей. Межэтнические взаимодействия между уграми и предками чувашей происходили во II–IX вв. в южнорусских степях.

Этнонимы. Автор этих строк склонен возвести этимологию слова *угры* к основе *uh/oh.* Возможно, так оно звучало в речи обских угров в их ранней истории (до рубежа н.э.) в значении «племя, род». Ср. угорское *jaχ* (*äs jaγ* «обский народ, обские ханты», *waγ jaγ* «вахский народ, вахские ханты» [38. С. 339]) и чувашское *ӳӑх* «род, племя; futuere» [4. Т. V. С. 103, 105]. Позже, с появлением в Юго-Западной Сибири и Восточной Европе тюркских племен, слово обрело форму *ук/ок.* Возможно, имеет семантическую связь с омонимом *ух* «стрела» – чуваш. *ух*(*ӑ*) «лук». Аналогичный взгляд на этимологию этнонима *огузы* был у А.Н. Кононова: «Исходной основой собирательного этнического имени *оⴱуз* является *оⴱ* (*ок*) ‘род’, ‘племя’ (а не ‘стрела’, как у Лигети), которое, в свою очередь, находится в прямой связи со старотюркским словом *ӧг* ‘мать’; к этой же основе восходят слова *оⴱул* ‘потомство’, ‘сын’ и *оⴱуш* ‘сородич’… Слово *оⴱуз* первоначально могло значить просто ‘племена’, ‘объединение племен’, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: *токуз оⴱуз* ‘девять [разных] племен’, *уч оⴱуз* ‘три [разных] племени’» [17. С. 84]. Также следует учесть, что венгерское слово *uk* обозначает «прапрадед». Михай Хайду в *ok-/og-* вкладывает два понятия – «стрела» и «племя» [35. С. 315]. Расшифровка этнонимов *огуры/огузы* как «быки» ошибочна, но на семантическом уровне не противоречит значению «племя, род». Выходит, основное значение *ох/ух, ок/ук, ог/уг* – «племя», имеющее семантические выходы на понятия «стрела (т.е. семя)», «бык (т.е. оплодотворитель, отец»), а также «предок».

Говоря о племенах *on oq,* исследователи указывают, что термин не может быть этимологизирован на базе тюркских языков. В качестве гипотезы происхождения называют роуранцев (жужаней), иранцев или другие неизвестные племена [43. P. 54]. У П. Голдена имеется и специальная статья, по-

священная связи *oq* с *oğur/oğuz* [42. P. 155–199]. Он склонен присоединиться к мнению об алтайском корне *uq* [49. P. 1491], где *-uz* оценивается как маркер множественного числа.

История слова *угры* создает впечатление, что это – экзоэтноним, исходивший от южных соседей (скорее всего, от ираноязычных племен) и имеющей связь с основой *oq*.

Само название *χănti, χăntə* восходит, считает В.В. Напольских, к прафинно-угорскому **kunta* «община, сообщество, объединение» [21. С. 74]. Указывается также на родственное венгерское слово *had* «войско» [38. С. 339]. Конечно, первично *хунта*, а *кунта* – результат тюркского влияния.

Что касается названия *вогул,* то это – экзоэтноним. Появился он в русских документах с XIV в. Происходит от мансийского гидронима *wŏγal'* (манс. «плес, участок реки между двумя поворотами») [21. С. 70].

Остяки – более позднее, русское наименование, просуществовавшее в 1499–1930-х гг. Так называли население севера Башкирии и юга Пермской области. Видимо, полагает В.В. Напольских, в число остяков включали не принявших ислам башкир и пермских татар. В XVII–XIX вв. это внешнее название применяется уже к хантам и селькупам [21. С. 74–75]. Здешние народы, писал Г.И. Новицкий в начале XVIII в., – «сыроядцы», т.е. они занимаются ловлей рыбы, и их повседневной пищей являются «ости рибныя» (кости рыбные). Поэтому, полагал он, россияне и назвали их *остяками* [25. С. 28]. Однако такому объяснению противоречит название *äs jaγ* «обский народ». Возможен нейтральный вариант, если допустить, что *äs* одновременно значил и «кости», и «Обь». Но это – только версия.

Исследователи пишут о двух фратриях хантов и манси – *пор* и *мось.* Хотя имеется уточнение, что фратрии *мось* и *пор* свойственны только северным манси и северным хантам [22. С. 261]. Притом *мось* и восточно-хантыйская *монть* тесно связаны с этнонимом *манси,* а также первой частью эндоэтнонима венгров – *magyar* (*мадь-яр*). Это – ностратический корень, означающий «сказать, говорить». П. Вереш полагает, что древнеугорская праформа **mańćэ-* − исходный корень для этнонимов манси и венгров, а также фратриальное название *мось.* В целом, мадьяр – «говорящий человек» [10. С. 57]. До П. Вереша название фратрии **mańćэ-,* а также этнонимы *манси* и *magyar* считались заимствованиями из древнеиранского языка. При этом его предшественники ссылались на аналогии финно-угорских этнонимов *мари, меря, мордва, удмурт,* означающие «человек, мужчина».

Есть вполне исторически обоснованная гипотеза, согласно которой этноним *мадьяры* следует связать с племенным названием *можары.* Можары – этническая группа, зафиксированная на р. Кума. Возможно, первоначально это было именем предводителя. В XIII–XIV вв. на месте современного г. Буденновск был золотоордынский г. Маджары. В Калмыкии имеется Можарское озеро, по-венгерски – *Možar-tó* [45. P. 307]. В XVI в. можары участвовали в походе на Казань на стороне Московии. Впоследствии смешались с чувашами и другими инородцами. Возможно, сохранились как *мишеры* на юге Чувашии, а теперь вследствие ассимиляции известны как разновидность татар. В Чувашской Республике имеются три деревни с названием *Мучар,* аналогичное мужское имя было у чувашей до крещения. Теперь сохранилось в виде прозвища.

На выяснение этимологии *hungar* могут пролить свет и географические названия в Волго-Уральском регионе. Так, в Чувашии имеется болото с названием *Хоньккар,* святилище *Хоньккар киремет,* а также д. *Укарин ушкăнĕ* (русское название – Огаринкино) [5. Т. XV. С. 168; 40. P. 74]. Должно быть, все это – руди-

менты савиро-мадьярских исторических контактов. Некоторые аспекты угорско-савирских взаимоотношений на примерах языка, этнографии и искусства представлены в [31].

Согласно венгерской хронике, первым королем Скифии был Магог, сын Яфета, а по имени короля Магога его народ был назван *могер* (= мадьяр). Аттилу считают выходцем из этого племени. Этноним *унгар* «венгр» происходит от *оногур* (через форму *онгр*) [11. С. 81]. Одновременно следует избегать традиционных европейских попыток проведения прямого генетического родства венгров с гуннами. По этому поводу П. Хайду справедливо заметил, что лат. *hungarus* и восходящие к нему названия венгров в западноевропейских языках (англ. *hungarian,* франц. *hongoris*) содержат вставленный позднее начальный *h*, который появился по недоразумению, из-за путаницы с названием гуннов – *hunni* [36. С. 15].

История. В качестве начальной родины будущих венгров исследователи определяют междуречье Обь – Иртыш. Это был очень удобный с точки зрения экономической стратегии регион. Там, по мнению некоторых исследователей, мадьяры оставались до 460-х гг. [48. P. 30]. Далее предки венгров откочевывают южнее, затем – в Европу, облюбовав земли Южного Урала. Со второй половины V в. н.э. начинаются мадьярско-тюркские контакты к западу от Урала. В том же веке охваченные массовыми переселениями мадьяры уходят в степи Северного Кавказа [36. С. 196].

Видимо, причины передвижения мадьяр не только в климатических сдвигах. Как правило, в исторических переломах львиная доля принадлежит лидерам. А.В. Головнев напоминает роль Арпада и других вождей в ранней истории мадьяр. «Бесписьменная праистория, увы, скрывает имена вождей, однако своего рода персонология возможна и применительно к древности» [13. С. 43]. В нашем случае такие лидеры остались за занавесом истории.

На Кавказе будущие венгры жили совместно с хазарами и как их союзники довольно долго участвовали во всех войнах. Они состояли из семи кланов. Конечно, именно к периоду проживания в междуречье Днепра и Дуная относятся замечания Гардизи и Ибн-Русте (= Ибн-Даста) о мадьярах. Эти два автора назвали численность мадьярской орды: Ибн-Русте говорил о 10 000 всадниках, а Гардизи – о 20 000. Если и принять подсчет Гардизи, весь мадьярский народ в регионе составлял не более чем 100 000 мужчин и женщин. Поэтому исследователи справедливо полагают, что приход мадьяр в черноморские степи не мог вытеснить местное население полностью. Большинство из них осталось, подчинившись господству мадьяр. В те времена военный начальник мадьяров *кенде* «царь» выступал в поход с 20 000 всадников. Но непосредственно управлял мадьярами и их делами другой царь в звании *джыла*. «Все мадьяры повинуются приказаниям, которые дает им глава их, по имени Джыла, прикажет ли он на врага идти, или врага отражать, или что другое» [15. С. 26]. О схеме управления венграми писали также ал-Джайхани и Ибн Хордадбех. Такая форма правления обществом явно перекликается с формой управления в Хазарском каганате и, скорее всего, была перенята у них.

Очень важна датировка событий, имеющих непосредственное отношение к последнему столетию пребывания мадьяр в восточноевропейских степях. «Отношения между венграми и хазарами в IX в. были очень похожи на отношения между правителем волжских булгар и хазарами в X в. После 800 г. хазарский суверенитет над венграми носил лишь формальный характер» [29. С. 118]. Первым лидером, объединившим мадьяр, в 830-е гг. был Леведия/Лебедий. За его смелость и союзничество каган, принц Хазарии, выдал за него благо-

родную хазарскую девушку замуж. Примерно в 850 г. мадьяры во главе с их воеводой Леведией уходят в Этелькёз (Ателкузу). Этот факт свидетельствует о явном нежелании находиться под хазарским протекторатом.

В 884 г. семь старейшин во главе с предводителем под именем Алмуш двигаются из Скифии на запад – в Паннонию. А. Рона-Таш склонен считать, что лояльный по отношению к хазарам Леведия был отстранен самими же мадьярами, а род Алмуша захватил власть. Несмотря на это, хазарский правитель признал такой переход власти. В 889 г. предводителем мадьяр стал сын Алмуша оногур Арпад. Мадьяры господствовали над соседними славянами и налагали на них тяжелые оброки. Они обращались со славянами как с военнопленными: своих пленников они отвозили морем в Румские земли и обменивали их на парчу, ковры и другие греческие товары. Об этом писали Ибн-Русте, Гардизи, Марвази, а также анонимный источник *Худуд ал-алам*.

К концу 80-х гг. IX в. у будущих венгров ситуация усложняется. В эти годы в районе Ателкузу сухопутный маршрут между хазарами и венграми был заблокирован печенегами. С этим ничего не могли сделать и хазары. Печенеги стали более мощными, их давление на соседние племена становится еще сильнее. Их набеги на местное население учащаются. Не сумев преодолеть давление печенегов, считал Й. Маркварт, венгры в 889 г. снимаются с насиженных мест в Ателкузу и берут курс на Дунай. В том же году первые отряды венгров появляются в Паннонии [44. S. 35, 51]. С.А. Плетнева также полагала, что в первые годы X в. венгров из Ателькузы изгнали печенеги [27. С. 112]. Да, печенеги подняли с мест обитания не только мадьяр, но и суваров. Но события эти относятся не к началу X в., а к самому концу IX в. Если совсем точно – к 895 г. Аналогичное понимание имеет место в литературе. Мадьяры появились в Среднем Придунавье «в 895-896 гг. под давлением печенегов, а также под влиянием изменения климата, аридизация которого началась как раз на рубеже IX–X вв.» [9. С. 170]. Что касается передвижения предков венгров в западном направлении в 80-х гг. IX в., то это были лишь первые небольшие отряды. По мнению О. Притцака, мадьяры под предводительством оногуров-булгар переселились в Паннонию в 893–898 гг. Причиной также называется поход печенегов [47. S. 384, 389].

Как известно, в 737 г., использовав арабское нападение на хазар, сын Кубрата Бат Баян, поддерживавший мирные отношения с венграми, во главе своего племени отправился вверх вдоль Волги. С ним шла небольшая группа венгров. Именно потомков этих венгров и встретил в 1235 г. монах Юлиан на территории между Волгой и Камой [30. С. 134].

География. Лесные (таежные) охотники и рыболовы угры общались со своими южными соседями – кочевниками-скотоводами ариями – на всем пространстве Евразии. А вот с пратюрками угры контактов не имели, ибо угры находились на территории значительно западнее от их земель [14].

Кроме тех, кто пришел в Европу до гуннов и вместе с ними, был еще третий мощный поток угорских племен на Запад. Что касается кутригуров (должно быть, и утигуров), то они жили на территории между реками Дон и Днепр [41. P. 259].

Ряд венгерских исследователей в поисках своих исторических корней, по мнению автора статьи, преувеличивают значение тюркских субстратов и умаляют собственно угорские. Например, А. Вамбери [50. S. 109–189]. Чтобы прочнее связать венгров с тюрками, некоторые исследователи передвигают родину тюркских племен из Центральной Азии в Западную Сибирь. Так,

Ю. Немет писал: «Первые предположительные территории тюрков следует искать не в Восточной, а в Западной Азии» [24. С. 128].

Не совсем уточнены пока и места дислокаций предков венгров в Европе. Во второй половине V в. они достигли Нижней Волги и Северного Кавказа. Известно также, что с 670 г. до конца VII в. они защищали западные границы Хазарии [29. С. 122, 117]. Ибн-Даста (т.е. Ибн-Русте) помещал мадьяров между землями печенегов и волжских эсегелей, что, естественно, ошибочно и получается намного восточнее от реалий. Первоначальным местом жительства мадьяров Д.А. Хвольсон считал обе стороны Уральского хребта, междуречье Волги, Камы и Тобола, а также верхнее течение Яика. По его же мнению, мадьяры одного племени с башкирами, а страну, обитаемую башкирами, путешественники XIII в. называли Major Hungaria [37. С. 102]. Конечно, речь идет о первой половине I тысячелетия н.э., а не о более ранних этапах истории. Некоторые исследователи дают конкретную локализацию угорских племен. Например: «Между Прикаспийской низменностью и владениями алан, причем достаточно близко от Кубани» [19. С. 592]. Должно быть, речь идет о VI веке.

Теорию Волго-Камской прародины венгров следует исключить из истории. Небольшая часть их появляется здесь только в IX в. вместе с булгарами и савирами. Их и встретил монах Юлиан в 1235 г. между Волгой и Камой [30. С. 134]. Д. Немет же полагал, что Magna Hungaria находилась на правом берегу Волги. Ведь Юлиан на обратном пути ехал не по Волге, а через Мокшу (transivit in fluvio regnum Morduanorum), которая и была расположена недалеко от Magna Hungaria [46. S. 1966]. Однако среди исследователей на сегодняшний день сохраняется гипотеза о том, что область Magna Hungaria следует искать к востоку от Волги [51. P. 143].

По данным Марвази, жилища мадьяров располагались между реками Руа (= Дунай) и Атил (= Волга). Южные границы их страны достигали Черного моря. Согласно Гардизи, жили мадьяры на территории между реками. А в междуречье – равнина, вся покрытая травой, длина и ширина этой местности составляли 100 фарсахов, т.е. примерно 600 км. Одни ученые предполагают, что Этелькёз располагался в южной зоне Пруто-Днестровского междуречья. Как писал В.П. Шушарин, расположение области и время прихода туда мадьяр окончательно не установлены. Современные исследователи предполагают локализацию Этелькёза между Днепром и Сиретом, восточнее Днепра, определенно – западнее Леведии. Имеется мнение, что название г. Лебедин (Сумская область Украины) есть отражение этого топонима. В.И. Абаев писал, что венгры жили в придонских и северокавказских степях [1. С. 517, 529]. Время – VI–IX вв. н.э. По пути от уральской прародины в Европу предки венгров надолго задержались между Волгой, Доном и Азовским морем, где в течение многих веков жили аланы. Тут же находились тюркские племена. Результатом этого соседства явились осетинские и тюркские языковые элементы в венгерском.

Антропология. Антропологические типы современных обских угров и венгров отличаются друг от друга. Первые относятся к уральской расе, вторые – к европеоидной. У хантов и манси имеется примесь европеоидного андроновского типа с ослабевающей тенденцией с юга на север. Формирование антропологического облика коренных народов Западной Сибири произошло не раньше I тысячелетия н.э. [2. С. 438].

«Эти мадьяры – люди красивые и видные», – заметил в общих чертах Абу Са'ид Гардизи в XI в. [6. С. 59].

Обский тип, распространенный у хантов и манси, отличается от других типов уральской расы преобладанием монголоидных элементов над европеоидными. У них цвет волос, скорее, темный, маленький рост, голова умеренно

брахицефальная, лицо широкое, спинка носа вогнутая [18. С. 403–404]. По краниоскопическим и краниометрическим показателям ханты и манси ближе к ненцам и казахам, а также мордве-мокше. Манси являются самым «уральским» народом. Хотя на западе и у них отмечается метизация с европеоидами, а на востоке – с монголоидами. Вслед за манси наиболее «уралоидами» считаются мокша и ханты [16. С. 85–87]. О большей европеоидности манси, по сравнению с хантами, писали также В.П. Алексеев и И.И. Гохман. Угры более монголоиды, чем поволжские финны. А венгры в южнорусских степях вобрали европеоидность еще больше [3. С. 124, 166].

То, что заметил И.Б. Мюллер относительно хантов на начало XVIII в., одинаково можно отнести и к чувашам: «Остяки среднего роста, и редко можно найти рослых людей среди них, они обычно достаточно хорошо сложены» [20]. Согласно П.С. Палласу, остяки ростом больше среднего и малого, сложения слабого и сухого. Волосами рыжие и русые [26. С. 50].

Следы древнего родства чувашей с западносибирскими племенами действительно находим у угров. Так, среди волжско-булгарских типов антропологи различают чувашские серии типов с более плоскими носами. У черепов этой серии fossa canina развита несколько больше, чем у европеоидных, fossae praenasales встречается значительно чаще, лицо высокое, но вместе с тем более узкое. Но если взять, например, остяков, говорил Г.Ф. Дебец, то найдем у них приблизительно тот же тип, что и у черепов чувашской серии из могильников Волжской Булгарии. Остяки, безусловно, относятся к числу монголоидных типов, хотя и невыраженных, может быть более протоморфных. Поэтому соотнесение черепов чувашской серии и остяцких черепов весьма правомерно, тем более, что нам неизвестны европеоидные типы с плоским носом. К тому же по антропологическим измерениям в составе чувашей субуральский компонент является основным.

С учетом особенного сближения всех групп тоболо-иртышских татар с ханты и манси общей составляющей генофондов различных территориальных групп тоболо-иртышских татар также видится угорский генетический компонент [23. С. 1268]. От татар Поволжья чуваши отличаются главным образом более удлиненной формой головы и более высоким лицом и более узким носом, при этом среди чувашей чаще встречаются вогнутые спинки носа. В связи с этим Т.А. Трофимова сделала замечание: «Возможно, этот компонент был близок к тому, который в настоящее время отчетливо выступает среди манси, хантов, западносибирских татар, башкир, а дальше на восток на Алтае – среди шорцев» [34. С. 55]. Кстати, рыжих остяков и казачью орду башкир одинаково называли *сари иштяки* [33. С. 11]. Вообще расовый состав башкир обнаруживает глубокие корни в лице представителей уральского антропологического типа, которые были расселены на Южном Урале до рубежа н.э., т.е. задолго до тюркизации края.

Таким образом, угорская нить протягивается к племенам, составлявшим основное население восточной окраины Волжской Булгарии. Угорские племена занимали и северную периферию средневолжского государства. Вполне допустимо, что угорские показатели могли частично повлиять на предков чувашей еще на Кавказе.

Религия. Два путешественника как бы в один голос заявили: «Вера мадьяр огнепоклонническая» (Ибн-Русте в X в.) [15. С. 27]; «Мадьяры – огнепоклонники» (Гардизи в XI в.) [6. С. 59]. Ал-Бекри (XI в.) же охарактеризовал мадьяр как идолопоклонников.

Много общего в религиозных воззрениях у чувашей и угров. Так, одинаковое название главного божества у чувашей и манси – с основой *Тор*. Чуваши своего главного бога называют *Тор* или *Тур,* а манси – *Нума-Торум*, что

буквально сложено из двух слов: финно-угор. *Нума* «бог» (ср. марийск. *юма*) + мансийск. *Торум* «бог», т.е. получается «бог» + «бог». А это, в свою очередь, говорит о культурной контаминации. Но у манси же встречаем форму *Таром*, где звук *о* уже заменен на *а*. У чувашей в заговорах и молениях встречаются сложные названия божеств *турă*, включающие в свой состав номинацию березы: *Çӳлти шурă хурăн турă* «Божество белая береза, находящееся наверху», *Йывăçлă хурăн турри* «Божество дерева береза», *Той торри* «Божество, покровительствующее свадьбу». Такое сочетание имен божества и конкретного дерева свидетельствует о возможности символизации божества через березу. Аналогично у манси: у них – «береза – это дерево неба, так как оно белое, как небо» [27. С. 74]. Явный дуализм в религиях обских угров и чувашей: *Тор/Тур* ↔ *Куль* и *Тор/Тур* ↔ *Усал/Киремет/Шуйттан.*

Как угры, так и чуваши разделяют Вселенную на три уровня: небо, земля и подземный мир [7. С. 6; 32. С. 334-398].

Чуваши вытесали из дерева фигурки божества *Йĕрĕх* в виде человеческих голов. Деревянные идолы-божества имели коми-пермяки, славяне, саамы, манси, ханты. Как и чуваши, финно-угры такие куклы держали в лукошках [38. P. 162–173]. Как мадьяры в раннее средневековье использовали лошадиные черепа в качестве оберегов, так и чуваши вплоть до середины XX в. вешали очищенные белые черепа лошадей на деревья в целях отпугивания злых духов и отведения сглаза [8. С. 32; 32. С. 467]. Возможно, как мадьяры, так и предки чувашей практиковали данный обычай еще на Северном Кавказе. Основанием может служить осетинская традиция вешать на видное место лошадиные головы.

Определенный интерес представляет чувашская намогильная антропоморфная дощечка *чĕре калак*. Тут важно заострить внимание на названии намогильной дощечки, буквально означающей «ложечку под сердцем». Такое наименование прямо указывает на анатомическую часть человека – ложечку под грудью. По представлению некоторых чувашей, душа человека находится именно под ложечкой. Антропоморфная дощечка на могиле служит временным вместилищем души до установления антропоморфного столба. Связь между намогильным знаком и физиологической ложечкой проходит на семантическом уровне. Чрезвычайную ценность в сопоставительном плане представляют мансийские изображения умерших, называемые *иттерма.* Работа И.Н. Гемуева о мировоззрении манси снабжена рисунками, очень напоминающими чувашские *чĕре калак* [12. С. 206–210, 212]. Они представляют собой дощечки невысокого размера с вырезами, обозначающими конфигурацию человека. Делают их через четыре-пять дней после смерти человека. Изготавливались они из щепки, отколотой непременно от венца с южной, т.е. наиболее сакральной, стены дома. Любопытно, что на деревянную фигурку у предполагаемой груди врезали светлую монетку (ср. монетку на *юпа* у чувашей). По объяснению самих информантов, монета на груди – вместо сердца. Как по мнению чувашей, так и по представлениям манси, душа умершего человека переселяется именно в эту деревянную антропоморфную фигурку.

Выводы. Проанализированные автором в статье источники и основная литература позволяют делать некоторые выводы.

Автор склонен возвести этимологию слова *угры* к основе *uh/oh.* Возможно, так оно звучало в речи обских угров в их ранней истории (до рубежа н.э.) в значении «племя, род». Ср. угорское *jaχ* (*äs jaγ* «обский народ, обские ханты», *waγ jaγ* «вахский народ, вахские ханты») и чувашское *йăх* «род, племя». Позже, с появлением в Юго-Западной Сибири и Восточной Европе тюркских племен, слово обрело форму *ук/ок.* Возможно, имеет семантическую связь с

омонимом *ух* «стрела» – чуваш. *ух*(*ă*) «лук». Также следует учесть, что венгерское слово *uk* обозначает «прапрадед».

В период I в. до н.э. – V в. н.э. угорские племена друг за другом в огромном количестве мигрировали из Западной Сибири на юг Восточной Европы.

Среди волжско-булгарских типов антропологи различают чувашские серии с более плоскими носами. У черепов этой серии fossa canina развита несколько больше, чем у европеоидных, fossae praenasales встречается значительно чаще, лицо высокое, но вместе с тем более узкое. Но если взять, например, остяков, то найдем у них приблизительно тот же тип, что и у черепов чувашской серии из могильников Волжской Булгарии. Остяки, безусловно, относятся к числу монголоидных типов, хотя и невыраженных, может быть более протоморфных. Поэтому соотнесение черепов чувашской серии и остяцких черепов весьма правомерно, тем более, нам неизвестны европеоидные типы с плоским носом.

Много общего у чувашей и угров в религиозных воззрениях. Так, одинаковое название главного божества у чувашей и манси – с основой *Тор*. Определенный интерес представляют чувашские намогильные антропоморфные дощечки *чĕре калак* и мансийские изображения умерших, называемые *иттерма.*

Несколько сот венгерских слов, родственных с чувашской лексикой, первоначально заимствованы у предков чувашей во время великого переселения народов. Это – термины земледелия, скотоводства, виноделия и садоводства.

Как угры, так и чуваши имеют дуальную систему общества, что получило отражение в народных обрядах и верованиях, а также в топонимике. Пряслица из камня и глины, находимые на городище Сибир, аналогичны чувашским. Имеются полные совпадения в кройке и названиях повседневной одежды.

У хантов есть термин *xanda-xanč* «хантыйская вышивка». Словом *xanč* обозначается прием, используемый при вышивке. *Xand* (*xanda*) – значит «хантыйский, относящийся к хантам», ибо *хант* (а также *ханти*, *хандэ*) – это эндоэтноним. Геометрические рисунки при вышивке *xanda-xanč* очень близки к чувашским узорам: две симметричные птицы или лошади (возможно, олени или лоси) у центрального дерева, крупные линии с изгибами, завершающиеся мелкими отростками. Особый стиль вышивки, поразительно схожий с *xanda-xanč,* широко применялся чувашскими женщинами. Вышивками техникой шва *хантăсла* особенно богаты покрывало невесты *пĕркенчĕк* и платок жениха *çулăк.* Чувашки наносили такую плотную вышивку также на рубахи в области груди, на головные уборы *масмак* и *сурпан*, на рукава и подолы. Главное – такая вышивка у чувашей называется *хантăсла.* Что касается корня *хант*, то автор этих строк воспринимает его как этноним *хант,* а термин *хантăсла* в целом переводит как «вышивать по-хантыйски».

Отрицать угорский слой в этногенезе савиров/сабиров/чувашей – значит совершить ошибку. Межэтнические взаимодействия между уграми и предками чувашей следует отнести на II–IX вв. на в южнорусских степях.

Литература

1. *Абаев В.И.* К алано-венгерским лексическим связям // Europa et Hungaria: Congressus ethnographicus in Hungaria. Budapest: Akad. Kiado, 1965. С. 515–537.

2. *Алексеев В.П.* Избранное. М.: Наука, 2008. Т. 3. 614 с.

3. *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.

4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. V. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1930. 420 с.

5. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. XV. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1941. 292 с.

6. *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. VIII. 723 с.

7. *Бауло А.В.* Культовая атрибутика березовских хантов. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002. 92 с.

8. *Вереш П.* Древневенгерская эпоха // Acta Ethnographica Hungarica. Budapest, 1996. Т. 41. С. 11–40.

9. *Вереш П.Т.* К вопросу о приаральской прародине древневенгерского этноса // Приаралье в древности и средневековье. М.: Восточ. лит., 1998. С. 167–171.

10. *Вереш П.* Эмпирические и методологические проблемы интердисциплинарного исследования в области финно-угористики // Этнокультурное наследие народов Севера России. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 56–69.

11. *Габор Д.* Восточные венгры, западные венгры (к проблеме «Югрия») // Finno-Ugrica. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2006. № 9. С. 81–90.

12. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

13. Головнев А.В. Этюд из угорской этноистории // Этнокультурное наследие народов Севера России. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 41–55.

14. Дыбо А.В. Сюнну-гунну: Кто же они? [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2013/12/01/dibo/print.

15. Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. XIII, 199 с.

16. Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 81–88.

17. Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.

18. Марк К. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их этногенеза // Acta Ethnographica. 1999. № 44(3-4). С. 401–410.

19. Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. 696 с.

20. Мюллер И.Б. Нравы и обычаи остяков. Ханты-Мансийск: Адм. губ. ХМАО, 2003.

21. Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 268 с.

22. Напольских В.В. Йӧгра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 240–268.

23. Наумова О.Ю., Рычков С.Ю., Жукова О.В. Изменчивость митохондриальной ДНК в популяциях и территориальных группах тоболо-иртышских татар // Генетика. 2009. Т. 45, № 9. С. 1260–1269.

24. Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 126–136.

25. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком // Путешествие по Обскому Северу. Тюмень: Ю. Мандрика, 1999. С. 1–166.

26. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Имп. АН, 1788. Ч. 3, кн. 1. XVI, 624 с.

27. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 192 с.

28. *Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Север. дом, 1993. 208 с.

29. *Рона-Таш Андраш.* Хазары и мадьяры // Хазары. М.: Мосты культуры; Jerusalim: Gesharim, 2005. С. 111–124.

30. *Рона-Таш А.* От Урала до Карпатского бассейна (Новые результаты исследований по ранней истории венгров) // Алтаистика и тюркология. 2011. № 4(4). С. 131–139.

31. *Салмин А.К.* Угорская глава в истории чувашей // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 153–166.

32. *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 688 с.

33. *Страленберг Ф.И.* Записки об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии. [Ч. 1.]. М.; Л.: ИИ ЛО АН СССР, 1985. 220 с.

34. *Трофимова Т.А.* Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Советская этнография. 1950. № 3. С. 54–65.

35. *Хайду М.* Венгерский язык // Сородичи по языку. Будапешт: Фонд имени Ласло Телеки, 2000. С. 315–332.

36. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

37. *Хвольсон Д.А.*, пер., введ., коммент. Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. XIII, 199 с.

38. *Шипош М.* Хантыйский язык // Сородичи по языку. Будапешт: Фонд имени Ласло Телеки, 2000. С. 339–344.

39. *Abercromby J.* The Pre- and Proto-Historic Finns, both Eastern and Western, with the Magic Songs of the West Finns. London, David Nutt, 1898, vol. 1. XXIV, 303 p.

40. Czeglédi K. The Name of Hungarian People “hungar” in the Mirror of Geographical Names. *Journal of Eurasian Studies*, 2010, vol. II, iss. 1, pp. 72–86.

41. *Golden P.B.* The peoples of the south Russian steppes. In: The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 256–284.

42. *Golden P.B.* Oq and Oğur ~ Oğuz. *Turkic Languages*, 2012, vol. 16, pp. 155–199.

43. *Golden P.B.* Some Notes on the Etymology of *Sabir* // KOINON ΔΩΡΟΝ: Сборник статей к 60-летию В.П. Никонорова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2013. P. 49–55.

44. *Marquart J.* Osteuropäishe und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840-940). Leipzig, Theodor Weicher, 1903, 557 S.

45. *Németh G.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1991, 399 p.

46. *Németh J.* Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1966, vol. XVI, Fasc. 1-2, pp. 1–21.

47. *Pritsak O.* von. ﻱ ﻭ *Yowár* und *Káβαρ Kāwar. Ural-Altaische Yahrtbücher*, 1965, vol. 36, Fasc. 3-4, S. 378–393.

48. *Pritsak O.* From the Säbirs to the Hungarians. In: Hungaro-Turcica: Studies in honor of Jilian Németh. Budapest, Loránd Evtvös Univ., 1976, pp. 17–30.

49. *Starostin S.i, Dybo A., Mudrak O.* Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, Boston, Brill, 2003, 2096 p.

50. *Vámbéry A.* Magyar és török-tatar szóegyezések // Nyelvtudományi közlemények. VIII. kötet. Budapest, 1870. P. 109-189.

51. *Zimonyi I.* Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. Bucureşt, Brăila, 2014, 399 p.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

UGRIC TRIBES IN THE CHUVASH HISTORY

Key words: *Ugric tribes, the Magyars, the Khants, the Mansis, the Savirs, the Suvars, ethnonyms, history, geography, anthropology, religion.*

Researches complain that there are very few facts indicative of the Chuvash-Ugric symbioses and substrates. However we forget about the very small number of such evidence in the field of Chuvash-Tatar relationship. While eleven centuries separate us from the time of the Suvars departure from the Bulgars to the right bank of the Volga in the beginning of the 10th century, much more years passed from the time of Chuvash-Ugric contacts. Therefore retrospective analysis of common roots is becoming an increasingly complicated task. Nevertheless, researchers still hope and are even sure that it is possible to reconstruct the true history of Chuvash-Ugric relationship. Previously the author had the opportunity to give his hypotheses on this subject. In early publications, symbioses in the field of language, ethnography, art, and folklore were analyzed. This time the subjects of research are the relationships of the Ugrians and the Savirs in historical, geographical, anthropological, and religious respects. The present article represents continuation of studying the relationship of the Suvar-Chuvashs with the Ugrian world. Main emphasis is made on source materials and publications of leading researchers. Original ideas are presented which differ from those stated by the predecessors. The author warns against a priori denials of the Ugrian layer in the ethnogenesis of the Savirs/Suvars/Chuvashs. Inter-ethnic relationships between the Ugrians and the Chuvashs ancestors took place in South Russian steppes in the II–IX centuries.

References

1. Abayev V.I. *K alano-vengherskim leksicheskim svyazyam* [The Alano-Hungarian lexical relations]. In: Europa et Hungaria: Congressus ethnographicus in Hungaria. Budapest, Akad. Kiado Publ., 1965, pp. 515–537.

2. Alekseyev V.P. *Izbrannoye* [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 2008, vol. 3, 614 p.

3. Alekseyev V.P., Gokhman I.I. *Antropologhiya aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the Soviet Union]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 208 p.

4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1930, iss. V, 420 p.

5. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1941, iss. XV, 292 p.

6. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1973, vol. VIII, 723 p.

7. Baulo A.V. *Kul'tovaya atributika berezovskikh khantov* [Cult paraphernalia of the Berezov Khants]. Novosibirsk, 2002, 92 p.

8. Veresh P. *Drevnevengherskaya epokha* [The era of the ancient Hungarians]. *Acta Ethnographica Hungarica*, 1996, vol. 41, pp. 11–40.

9. Veresh P.T. *K voprosu o priaral'skoi prarodine drevnevengherskogo etnosa* [To the question of priaralie Urheimat ancient Hungarians]. In: *Priaral'ye v drevnosti i srednevekov'ye* [Aral Sea in antiquity and the middle ages]. Mpscpw, Vostochnaya literature Publ., 1998, pp. 167–171.

10. Veresh P. *Empiricheskiye i metodologhicheskiye problemy inter-distsiplinarnogo issledovaniya v oblasti finno-ugoristiki* [Empirical and methodological problems of the interdisciplinary research in the field of Finno-ugoristiki]. In: *Etnokul'turnoye nasledіye narodov Severa Rossii* [Ethno-cultural heritage of the peoples of the Russian North]. Moscow, 2010, pp. 56–69.

11. Gabor D. *Vostochnyye vengry, zapadnyye vengry (k probleme «Yugriya»)* [Oriental Hungarians, Western Hungarians (the problem of «Jugrija»)]. In: Finno-Ugrica. Kazan, 2006, no. 9, pp. 81–90.

12. Ghemuyev I.N. *Mirovozzreniye mansi: Dom i Kosmos* [Worldview Muncie: Home Space]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 232 p.

13. Golovnev A.V. *Etyud iz ugorskoi etnoistorii* [Etude of Ugrian ethnohistory]. In: *Etnokul'turnoye nasledіye narodov Severa Rossii* [Ethno-cultural heritage of the peoples of the Russian North]. Moscow, 2010, pp. 41–55.

14. Dybo A.V. *Syunnu-gunnu: Kto zhe oni?* [Xiongnu-Gunnu: who are they?]. Available at: http://polit.ru/article/2013/12/01/dibo/print.

15. Ibn-Dasta. *Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh* [News about Hozarah, Burtasah, Madjarah, Bulgarians, Slavs and Russians]. St. Petersburg, 1869. XIII, 199 p.

16. Kozintsev A.G., Moiseyev V.G. *Ob antropologhicheskom svoyeobrazii ura-loyazychnykh narodov: sopostavleniye dannykh kranioskopii i kraniometrii* [On the anthropological identity of the peoples of the Urals: comparison of kranioskopi and kraniometri]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 1995, no. 4, pp. 81–88.

17. Kononov A.N. *Rodoslovnaya turkmen: Sochineniye Abu-l-Gazi, khana Khi-vinskogo* [Pedigree of Turkmen: Composition of Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1958, 192 p.

18. Mark K. *Antropologhiya permskikh finnov v svyazi s voprosami ikh et-nogheneza* [Anthropology Permian Finns in connection with issues of their ethnogenesis]. *Acta Ethnographica*, 1999, no. 44(3-4), pp. 401–410.

19. Mishyn D.Ye. *Khosrov I Anushyrvan (531-579), yego epokha i yego zhyzne-opisaniye i poucheniye v istorii Miskaveikha* [Khosrau I Anushirvan (531-579), his era and his biography and teaching in the history of the Miskavejh]. Moscow, 2014, 696 p.

20. Myuller I.B. *Nravy i obychai ostyakov* [Manners and customs of Ostyaks]. Khanty-Mansiisk, 2003.

21. Napol'skikh V.V. *Vvedeniye v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to the history of the languages of the Urals]. Izhevsk, 1997, 268 p.

22. Napol'skikh V.V. *Iogra (Ranniye obsko-ugorsko-permskiye kontakty i etnonimiya)* [Jögra (Early Ob-Ugrian-Perm contacts and ethnonyms)]. *Antropologhicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2005, no. 3, pp. 240–268.

23. Naumova O.Yu., Rychkov S.Yu., Zhukova O.V. *Izmenchivost' mitokhond-rial'noi DNK v popu-lyatsiyakh i territorial'nykh gruppakh tobolo-irtyshskikh tatar* [Mitochondrial DNA variability in populations and Tobolo-Irtysh affinity groups of Tatars]. *Ghenetika* [Genetics], 2009, vol. 45, no. 9, pp. 1260–1269.

24. Nemet Yu. *Spetsial'nyye problemy tyurkskogo yazykoznaniya v Vengrii* [Special problems of Turkic linguistics in Hungary]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1963, no. 6, pp. 126–136.

25. Novitskii G. *Kratkoye opisaniye o narode ostyatskom* [A brief description about the people Ostjak]. In: *Puteshestviye po Obskomu Severu* [Travel on North Ob]. Tyumen, 1999, pp. 1–166.

26. Pallas P.S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1788, part 3, book 1, XVI, 624 p.

27. Pletneva S.A. *Kochevniki srednevekov'ya: Poiski istoricheskikh zakonomernostei* [Nomads of the middle ages: the quest for the historical patterns]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 192 p.

28. Rombandeyeva Ye.I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i yego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of Mansys (Voguls) and its spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut, Severnyi dom Publ., 1993, 208 p.

29. Rona-Tash Andrash. *Khazary i mad'yary* [The Khazars and the Magyars]. In: *Khazary* [The Khazars]. Moscow, Jerusalim, Gesharim, 2005, pp. 111–124.

30. Rona-Tash A. *Ot Urala do Karpatskogo basseina: (Novyye rezul'taty issledovanii po rannei istorii vengrov)* [From the Urals to the Carpathian basin: (New research results on the early history of the Hungarians)]. *Altaistika i tyurkologhiya* [Altaistika and Turkic studies], 2011, no. 4(4), pp. 131–139.

31. Salmin A.K. *Ugorskaya glava v istorii chuvashei* [Ugric chapter in the history of the Chuvash]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 2014, no. 2, pp. 153–166.

32. Salmin A.K. *Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda* [Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2016, 688 p.

33. Stralenberg F.I. *Zapiski ob istorii i gheografii Rossiiskoi imperii Petra Velikogo: Severnaya i Vostochnaya chast' Yevropy i Azii* [Notes on the history and geography of the Russian Empire: The northern and eastern part of Europe and Asia of Peter the Great]. Moscow, Leningrad, 1985, 220 p.

34. Trofimova T.A. *Antropologhicheskiye materialy k voprosu o proiskho-zhdenii chuvashei* [Anthropological materials to the question about the origin of the Chuvash]. *Sovetskaya etnografiya* [Ethnographic review], 1950, no. 3, pp. 54–65.

35. Khaidu M. *Vengherskii yazyk* [Hungarian language]. *Sorodichi po yazyku* [Relatives by language]. Budapesht, 2000, pp. 315–332.

36. Khaidu P. *Ural'skiye yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress Publ., 1985, 430 p.

37. Khvol'son D.A., per., vved., komment. Ibn-Dasta. Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh [News about Khozars, Burtas, Madjars, Bulgars, Slavs and Russ]. St. Petersburg, 1869, XIII, 199 p.

38. Shyposh M. *Khantyiskii yazyk* [Khants language]. In: *Sorodichi po yazyku* [Relatives by language]. Budapesht, 2000, pp. 339–344.

39. Abercromby J. The Pre- and Proto-Historic Finns, both Eastern and Western, with the Magic Songs of the West Finns. London, David Nutt, 1898, vol. 1. XXIV, 303 p.

40. Czeglédi K. The Name of Hungarian People "hungar" in the Mirror of Geographical Names. *Journal of Eurasian Studies*, 2010, vol. II, iss. 1, pp. 72–86.

41. Golden P.B. The peoples of the south Russian steppes. In: The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 256–284.

42. Golden P.B. Oq and Oğur ~ Oğuz. *Turkic Languages*, 2012, vol. 16, pp. 155–199.

43. Golden P.B. Some Notes on the Etymology of *Sabir* // KOINON ΔΩΡΟΝ: Сборник статей к 60-летию В.П. Никонорова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2013. P. 49–55.

44. Marquart J. Osteuropäishe und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840-940). Leipzig, Theodor Weicher, 1903, 557 S.

45. Németh G. A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1991, 399 p.

46. Németh J. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1966, vol. XVI, Fasc. 1-2, pp. 1–21.

47. Pritsak O. von. ﻳﻮﻏﺮ *Yowár* und *Κάβαρ Kāwar. Ural-Altaische Yahrtbücher*, 1965, vol. 36, Fasc. 3-4, S. 378–393.

48. Pritsak O. From the Säbirs to the Hungarians. In: Hungaro-Turcica: Studies in honor of Jilian Németh. Budapest, Loránd Evtvös Univ., 1976, pp. 17–30.

49. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, Boston, Brill, 2003, 2096 p.

50. Vámbéry A. Magyar és török-tatar szóegyezések. Nyelvtudományi közlemények. VIII. kötet. Budapest, 1870. P. 109-189.

51. Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. Bucureşt, Brăila, 2014, 399 p.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leadings Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, Saint-Petersburg (antsalmin@mail.ru).

Ссылка на статью: *Салмин А.К.* Угорские племена в истории чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 209–220.

УДК 323.2:316.346.32-053.81(091)(470)«195/196»
ББК Т3(2)632-284.2

В.И. СОКОЛОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 1950–1960-е ГОДЫ*

Ключевые слова: *молодежная политика, Советское государство, межэтническое взаимодействие, коммунистическая идеология, интернационализм, межнациональное согласие, дружба, взаимопомощь, трудовой энтузиазм, патриотическое воспитание, Архангельская область, Чувашская АССР, Марийская АССР, ЦК ВЛКСМ, ударные комсомольские стройки.*

В статье исследуется проблема разработки и осуществления молодежной политики Советского государства в сфере межэтнического сотрудничества в 1950–1960-е гг. на материалах отдельных регионов страны. Доказано, что межэтнические, межконфессиональные и иные контакты духовно обогащают людей. Молодежная политика в сфере межэтнического взаимодействия разрабатывалась и осуществлялась правящей партией и государством на основе Конституции 1936 г. Проводником линии руководства страны выступал ЦК ВЛКСМ. Кроме сотрудничества в сфере трудовых отношений межэтнические связи молодежи осуществлялись в ходе проведения различных мероприятий. После окончания Второй мировой войны под эгидой Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС) проводились Всемирные фестивали молодежи и студентов. С 1947 г. по 1965 г. были проведены 8 фестивалей, в том числе в августе 1957 г. в Москве. Контакты молодежи СССР с иностранными сверстниками осуществлялись также в рамках Клубов интернациональной дружбы. В эти годы юноши и девушки стали выезжать по комсомольским путевкам в социалистические и некоторые капиталистические страны. Поездки осуществлялись по линии Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник». Международные связи выполнялись и в рамках городов-побратимов, сотрудничества вузов и предприятий, общественно-политических организаций и объединений, межличностных контактов граждан и др. Большие возможности для общения давали спортивные мероприятия и культурно-зрелищные мероприятия и т.п.

Конец XX – начало XXI вв. в России ознаменовались глобальными изменениями в политической, экономической, научно-технической, социальной, межэтнической, культурно-исторической областях. Распад Советского государства привел к изменениям в геополитической сфере, мировой экономике и политике. Однако наиболее важные и полные драматизма события произошли внутри Российской Федерации, которая являлась стержнем СССР. Существовавшая на протяжении более чем 70 лет коммунистическая идеология была ниспровергнута и предана забвению. Но вместо нее новой национальной идеи предложено не было. Каждый социальный слой, каждая национальная общность продолжали развиваться самостоятельно. Возникла угроза распада России на отдельные национальные регионы.

В СССР государство в полной мере обеспечивало разработку и реализацию внешней и внутренней (социальной, национальной, молодежной и т.д.) политики и гарантировало ее исполнение. В настоящее время произошло принципиальное изменение подходов государства в осуществлении внутренней политики. Теперь государство в большей степени декларирует социальные гарантии, а бремя их обеспечения перекладывает на плечи населения и общества.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-46-210691 р_а.

Реформы России 1990-х гг. вызвали резкое ухудшение психологического самочувствия населения, прежде всего молодежи, так как она оказалась в более сложных условиях адаптации, чем старшее поколение. Это привело к росту преступности, алкоголизма, наркотической зависимости, самоубийств, жестокости, агрессии и иных асоциальных явлений в молодежной среде. В этой связи особо актуальными становятся вопросы образования, трудоустройства, социальной адаптации подрастающего поколения. Воспитание энергичных и креативных молодых людей, сильных, здоровых духом и мотивированных на успех, толерантных к представителям иной национальной общности становится насущной задачей российского государства и общества. В современной России проходят непростые процессы по разработке и осуществлению молодежной политики в сфере межэтнического взаимодействия в подростковой и молодежной среде. Обеспечение этого сотрудничества должно стать важной составляющей во внутренней и внешней политике России.

Деятельность молодежных организаций и объединений в современной России показывает, как непросто проходят процессы совершенствования политической системы государства. Поэтому обращение к историческому опыту межэтнического взаимодействия молодежи в Советском государстве, объективный анализ достижений и ошибок прошлого имеют непреходящую ценность и позволяют избежать многих ошибок в сегодняшней ситуации. Вопросы межэтнического сотрудничества занимают важное место в трудах современных историков. Среди известных исследователей уместно назвать Д.А. Аманжолову [1], Е.К. Минееву [10] и др. В последние годы эта тема стала предметом исследований В.И. Соколовой [13; 14. С. 142–147].

Говоря о молодежной политике в Советском государстве в сфере национальных отношений, необходимо отметить, что она разрабатывалась и осуществлялась правящей партией и Советским государством на основе Конституции 1936 г. Главным органом исполнения решений партии и правительства в молодежной среде выступал ЦК ВЛКСМ. В этот период важное место в жизни молодого поколения Советской страны занимали идеи сильной государственности, патриотизма, созидательного труда. Молодежи были присущи мотивы счастливой жизни, крепкой семьи, дружбы, взаимопомощи, межэтнического согласия. Этому способствовала пока еще стабильная социально-политическая и экономическая обстановка в стране. В молодежной среде превалировали идеи интернационализма, межнационального согласия и сотрудничества.

Далее проанализируем содержание письма-обращения, написанного 23 июня 1967 г. участниками 2-го областного слета комсомольцев и молодежи, победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Это письмо, отправленное из Архангельской области будущему поколению, через 50 лет дошло до адресата. Ниже приведем текст письма почти полностью, без сокращений:

«*Дорогие ровесники XXI века! К вам обращаемся мы – поколение молодых северян шестидесятых годов XX столетия. Мы пишем вам в год, когда наша Родина отмечает 50-летие Советской власти, пишем от имени 120-ти тысяч комсомольцев, которые во всех концах нашего края героически трудятся во имя счастья людей, во имя мира на планете, во имя коммунизма. Мы хотим рассказать вам о нашем времени и о себе.*

Молодежь нашей области дарит вам, юность XXI века, Коряжму, превращенную нами из маленькой деревни в современный город за десять лет; Северодвинск, построенный нами там, где были болота; гиганты лесохимии Севера – Котласский, Соломбальский, Архангельский комбинаты. Вам

уже не придется увидеть деревянные кварталы и мостовые Архангельска. Наше поколение сегодня преображает город. Весь Архангельск – кипящая стройка, и мы – всегда на лесах ее.

В тайге и топях ведем мы трассу железной дороги Архангельск – Карпогоры, геологи нашли нефть в тундре. Энтузиазм, великое желание преобразить свой край – главное наше стремление.

Сегодня мы пришли на священную землю острова Мудьюг, политую кровью славных сынов, пролетариев и крестьян Севера, замученных в белогвардейских застенках. Помните этот остров. Письмо это покоится на земле, принесенной участниками слета со всех уголков нашей области, с самых священных мест – полей сражений красноармейцев и партизан, с братских могил. Обнажи голову и вспомни о несгибаемом мужестве, о жизни, отданной за наше и ваше счастье!

Мы знаем, что вы будете жить лучше нас, совершите подвиги в мировой галактике и сделаете прекрасной нашу землю. Мы немножко завидуем вам, встречающим столетний юбилей Советской Родины. Мы знаем, что и вы позавидуете нам, нашему беспокойному молодому поколению. У нас ясная цель, прекрасное будущее, много дел. Есть где приложить руки, ум, сердце, энергию. И в этом – наше счастье.

И вы, далекие потомки,
Когда оглянетесь назад,
Поймете ль, жмурясь от сполоха,
Пронзающего толщу тьмы,
Что это светит та эпоха,
Которую творили мы» [12].

Первые же строки письма-обращения наглядно демонстрируют основные черты социального облика рабочей молодежи СССР того времени. Участники слета выглядят романтиками, уверенно смотрящими в будущее. Из содержания письма становится ясно, что в советское время воспитание национальной гордости и патриотизма в молодежной и подростковой среде были предметом особой заботы правящей Коммунистической партии, государства и общества. Страна жила в обстановке «холодной войны» с западным миром. В середине XX в. в истории человеческой цивилизации началась длительная эпоха НТР (научно-технической революции). В СССР в 1960–1980-х гг. также предпринимались попытки внедрения последних достижений НТР. К сожалению, не все возможности были использованы полностью. Так называемые «косыгинские» реформы не привели к желаемому результату [14. С. 142–147].

Трудовая активность обусловливалась экономическими, социальными и политическими отношениями. На ударных комсомольских стройках различного уровня (всесоюзных, республиканских) в Сибири, Казахстане, на Севере, Дальнем Востоке, целине и в других регионах СССР дружно работали посланцы со всех уголков многонациональной страны.

К примеру, только за 1957–1958 гг. из Марийской АССР по комсомольским путевкам на стройки железной дороги Сталинск – Абакан (Сталинск – Кузнецк в 1932–1961 гг., ныне Новокузнецк) было направлено 750 юношей и девушек, около 500 человек – на шахты Донбасса, 150 человек работали на Ангарстрое и Печорской железной дороге. Более 2,5 тыс. комсомольцев и молодежи выезжали на целину в Казахстан [2. Д. 846. Л. 9]. В 1959 г. 1500 молодых людей были направлены на строительство железной дороги Абакан – Тайшет и на работу в совхозах Казахстана [3. Д. 18. Л. 6–9]. В 1963 г. 1300 юношей и девушек были на-

правлены на строительство железной дороги Абакан – Тайшет, на ударные комсомольские стройки Архангельска, Соликамска, Кондопоги [4. Д. 57. Л. 156].

В 1957 г. на важнейшие стройки страны из Чувашской АССР по комсомольским путевкам было направлено 3757 комсомольцев и несоюзной молодежи, в том числе 508 девушек – в колхозы и совхозы Северо-Казахстанской области [11. Д. 2. Л. 21]. В 1958 г. Чувашский ОК ВЛКСМ по плану в порядке общественного призыва направил 650 юношей и девушек на предприятия и стройки Магаданского совнархоза, в том числе Иультинский район – 400, Беринговский – 200, Чаунский – 50 человек [7. Д. 272. Л. 101]. Комсомол Чувашии шефствовал над возведением Печорской железной дороги. Туда в 1956–1960 гг. были откомандированы около 7 тыс. юношей и девушек. ОК ВЛКСМ поддерживал с ними постоянную связь: переписывались, ездили друг к другу в гости. В ноябре 1961 г. на Печорстрое побывала делегация чувашских юношей и девушек. Одну из станций назвали «Чувашская» [13. С. 29]. В 1964–1965 гг. на ударные стройки страны из республики выехали более 2,5 тыс. человек, свыше 2 тыс. юношей и девушек из сельских районов приехали на строительство Новочебоксарска [11. Д. 2. Л. 21].

Таким образом, выполняя Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об общественном призыве молодежи на строительство и электрификацию железных дорог», принятое в 1959 г., только в текущем году ЦК ВЛКСМ направил по комсомольским путевкам на различные стройки страны 38 635 молодых рабочих, в 1960 г. – 30 тыс., в том числе демобилизованных. Например, из Марийской АССР было направлено 500 юношей и девушек и 800 отслуживших воинов, из Чувашской АССР – 880 и 300, соответственно [8. Д. 1. Л. 80-84].

Труд молодежи широко использовался в решении социально-экономических задач. Однако оплата труда не стимулировала рост производительности труда. Острой проблемой постепенно становилась неоправданная миграция молодежи из села. Тем не менее трудовой энтузиазм, жажда великих свершений еще не были исчерпаны до конца. В конце 1950-х гг. студенты МГУ имени М.В. Ломоносова проявили новую трудовую инициативу. Здесь в 1959 г. впервые были созданы ССО (студенческие строительные отряды) [11. С. 175].

В 1958–1962 гг. 154 народнохозяйственных объекта были объявлены Всесоюзными ударными комсомольскими стройками. На них дружно работали свыше 800 тыс. юношей и девушек из разных уголков страны, а значит, представителей разных этнических групп [11. С. 175].

Известно, что межэтнические, межконфессиональные и иные контакты духовно обогащают людей. После смерти И.В. Сталина несколько расширились международные связи молодежи СССР с юношами и девушками из других стран мира. В сентябре 1953 г. был отменен закон о запрещении браков между советскими и иностранными гражданами, принятый в 1947 г. [5. Д. 185. Л. 813]. Однако правящая партия и ЦК ВЛКСМ не поощряли такие связи. Международные контакты молодежи жестко контролировались ЦК КПСС.

Новые подходы определились после XX съезда КПСС. Руководство страны было всемерно заинтересовано в укреплении дружбы между народами СССР, так как вполне понимало, что такие связи между людьми взаимно обогащают друг друга и что дружба и взаимопонимание между представителями разных национальностей – важнейшие составляющие для укрепления фундамента единого и сильного государства. Поэтому в политике партии и правительства в отношении молодежи были сделаны акценты на развитие дружеских связей юношей и девушек разных регионов страны. На самом высоком уровне как незыблемый постулат пропагандировалось, что высшей

доблестью советского человека должен стать высокопроизводительный труд во имя светлого коммунистического будущего. Взаимная помощь, братское сотрудничество народов и помощь друг другу во всех сферах хозяйственной и общественной жизни провозглашались непреложным законом. Было принято считать, что во время «расцвета» национальной культуры народов СССР исчезло чувство взаимного недоверия, все нации равны и наделены одинаковыми правами и обязанностями. Благосостояние, честь и слава СССР провозглашались высшим законом жизни советских граждан.

Тем не менее в 1950–1960-е гг. в СССР появились многочисленные националистические кружки и группы, участниками которых в основном была молодежь. В эти же годы началось движение депортированных народов за предоставление им конституционных прав и возвращение на родину, на исконные земли своих предков. Массовый выезд выселенных народов в места прежнего обитания вызвал межэтнические столкновения с проживающими там народами. И все же эти процессы большого размаха в эти годы не получили. В условиях либерализации сталинского режима после XX съезда партии в стране возникло диссидентское движение, которое включало в себя различные формы инакомыслия: за национальные, религиозные интересы, за выезд представителей народов на историческую родину и за границу, за права человека и т.д.

Кроме сотрудничества в сфере трудовых отношений, о которых было сказано выше, межэтнические связи молодежи осуществлялись в ходе проведения различных общественно-политических, культурных, спортивных и иных мероприятий. После окончания Второй мировой войны ВФДМ совместно с МСС стали проводить Всемирные фестивали молодежи и студентов. С 1947 г. по 1965 г. были проведены 8 фестивалей, в том числе в августе 1957 г. в Москве, в июле 1959 г. в Вене. К примеру, в Вену на VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов из СССР была направлена делегация из 800 юношей и девушек. В течение 12 дней делегаты общались с зарубежными представителями [6. Д. 209. Л. 3]. Контакты с иностранными сверстниками советские юноши и девушки осуществляли также в рамках КИД (клубов интернациональной дружбы), особенно активно действовавших в образовательных учреждениях страны. В эти годы юноши и девушки стали выезжать по комсомольским путевкам в социалистические и некоторые капиталистические страны. Поездки осуществлялись по линии БММТ «Спутник». Международные связи выполнялись и в рамках городов-побратимов, сотрудничества вузов и предприятий, общественно-политических организаций и объединений, торговых учреждений и научных институтов, шефских организаций, совместных предприятий, межличностных отношений граждан. Большие возможности для контактов давали спортивные мероприятия и другие культурно-зрелищные мероприятия.

Итоги исследования показывают, что в изучаемый период важное место в жизни молодого поколения Советской страны занимали идеи сохранения единства и территориальной целостности страны, роста ее мощи и авторитета, привлекательности и уважения в мире. Этому способствовала вполне стабильная социально-политическая обстановка в Советском государстве. Несмотря на то, что в стране всегда существовали национал-сепаратистские настроения, крупных межэтнических конфликтов или иных эксцессов в обществе не наблюдалось. Что касается развития ситуации в настоящее время, то ответ на письмо из прошлого, на наш взгляд, следует предоставить каждому гражданину России самостоятельно, согласно его убеждениям и занимаемой жизненной позиции. Молодежи, как и во все времена, нужны вера в свои силы и возможности, уверенность в завтрашнем дне. Она должна понимать, что

без идеологии, без осознания прошлого, настоящего и целей на будущее не может быть перспектив для своей страны. Хочется надеяться, что нынешнее поколение молодых людей оправдает надежды своих предшественников.

Литература

1. *Аманжолова Д.А., Волобуев О.В.* Национальная политика России: история и современность. М.: Русский Мир, 1997. 678 с.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. П-9. Оп. 1. Д. 846.
3. ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 2. Д. 18.
4. ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 2. Д. 57.
5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 6. Оп. 9. Д. 185.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 9. Д. 209.
7. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 9. Д. 272.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1.
9. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 11. Д. 2.
10. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920-1930-е годы). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 594 с.
11. Население в XX веке: исторические очерки. Т. 3. 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.
12. Письмо молодежи 2017 года от молодежи 1967 года [Электронный ресурс]. URL: http://politikus.ru/articles/47371-pismo-molodezhi-2017-goda-ot-molodezhi-1967-goda.html (дата обращения: 19.09.2017).
13. *Соколова В.И.* Молодежь Чувашской АССР в годы социалистического строительства (1953–1965 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 190 с.
14. *Соколова В.И.* СССР в условиях развития НТР в 1950–1980-е годы: упущенные возможности обновления // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 142–147.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru).

V. SOKOLOVA

YOUTH POLICY IMPLEMENTATION IN THE SOVIET STATE IN THE CONTEXT OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE 1950–1960

Key words: *youth policy, the Soviet state, inter-ethnic relations, the Communist ideology, internationalism, inter-ethnic harmony, friendship, mutual aid, labor enthusiasm, patriotic education, Arkhangelsk region, the Chuvash ASSR, the Mari ASSR, the Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League, Komsomol construction projects.*

The article focuses on the problem of the Soviet state youth policy development and implementation in the sphere of inter-ethnic cooperation in the 1950–1960 based on materials of certain regions of the country. It is proven that inter-ethnic, inter-confessional and other contact spiritually enrich people. Youth policy in the sphere of interethnic interaction, was developed and implemented by the ruling party and the state on the basis of 1936 Constitution. The Conductor of the country's leadership line was the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League. Besides cooperation in the field of labor relations interethnic relations of young people were carried out in the course of various events. After the Second world war under the auspices of the World Federation of Democratic Youth (WFDY) and the International Union of Students (MCCP World festivals of youth and students took place. From 1947 to 1965 8 festivals was held, including the one which took place in August 1957 in Moscow. Contacts of the USSR youth with foreign peers were also carried out in the framework of the international friendship clubs. At that time young people started to travel to socialist and some capitalist countries on Komsomol assignment. Their trips were carried out by the travel agency (Bureau of international youth tourism) «Sputnik». International relations were carried out in the framework of sister cities, cooperation between universities and enterprises, socio-political organizations and associations, etc., interpersonal contacts between citizens. Great opportunities for communication were given by sports events and other cultural events.

References

1. Amanzholova D.A., Volobuev O.V. *Natsional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [National policy of Russia: history and modernity]. Moscow, Russkii Mir Publ., 1997, 678 p.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond P-9. Opis' 1. Document 846* [State Archives of the Mari El Republic. Archive P-9. Anagraph 1. Document 846].

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond P-9. Opis' 2. Document 18* [State Archives of the Mari El Republic. Archive P-9. Anagraph 2. Document 18].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond P-9. Opis' 2. Document 5* [State Archives of the Mari El Republic. Archive P-9. Anagraph 2. Document 57].

5. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 6. Opis' 9. Document 185* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 6. Anagraph 9. Document 185].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 6. Opis' 9. Document 209* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 6. Anagraph 9. Document 209].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 6. Opis' 9. Document 272* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 6. Anagraph 9. Document 272].

8. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 6. Opis' 10. Document 1* [State Archives of contemporary history of the Chuvash Republic. Archive 6. Anagraph 10. Document 1].

9. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 6. Opis' 11. Document 2* [State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archive 6. Anagraph 11. Document 2].

10. Mineeva E.K. *Stanovlenie Mariiskoi, Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR kak natsional'no-territorial'nykh avtonomii (1920–1930-e gody)* [The Formation of Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic as a national-territorial autonomy (1920–1930)]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2009, 594 p.

11. *Naselenie v XX veke: istoricheskie ocherki* [The population in the twentieth century: historical sketches]. Vol. 3. 1960–1979. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 304 p.

12. *Pis'mo molodezhi 2017 goda ot molodezhi 1967 goda* [A letter to the youth of 2017, youth 1967]. Available at: http://politikus.ru/articles/47371-pismo-molodezhi-2017-goda-ot-molodezhi-1967-goda.html (Accessed 19 Sept. 2017).

13. Sokolova V.I. *Molodezh' Chuvashskoi ASSR v gody sotsialisticheskogo ctroitel'ctva (1953–1965)* [Youth Chuvash Autonomous Soviet socialist Republic in the years of socialist construction (1953–1965)]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2008, 190 p.

14. Sokolova V.I. SSSR v usloviyakh razvitiya NTR v 1950–1980-e gody: upushchennye vozmozhnosti obnovleniya [The Soviet Union in the development of NTR in 1950–1980: missed opportunities update]. *Vestnik Chuvashkogo universiteta*, 2017, no. 2, p. 142–147.

SOKOLOVA VALENTINA – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (Sokolova-cheb@mail.ru).

Ссылка на статью: *Соколова В.И.* Реализация молодежной политики в Советском государстве в контексте межэтнического взаимодействия в 1950–1960-е годы // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 221–227.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

О.В. СОЛОВЬЕВ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧУВАШИИ В 1990-е ГОДЫ

Ключевые слова: *система высшего образования, вузы, Чувашия, социально-экономические реформы 1990-х гг., научно-педагогические кадры.*

В статье на основе архивных, опубликованных исторических источников и исследовательской литературы рассмотрен вопрос развития высшего образования Чувашии в конце XX в. Наряду с положительными факторами выявлены и проблемы в области формирования вузовской среды в республике. Определена трансформация функционирования ведущих высших учебных заведений региона, а также прослежен процесс создания в республике филиалов центральных вузов России. Изучена динамика развития Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в области учебно-методической, научно-исследовательской, международной деятельности в 1990-е гг. Представлены статистические данные изменения количественного состава студентов и преподавателей высшей школы Чувашской Республики.

Конец XX столетия стал переломным этапом в истории России. Это время ознаменовано распадом Советского Союза, созданием нового экономического уклада, кардинальными изменениями в общественно-политической и социальной сферах жизни и деятельности государства. Конец XX в., 1990-е гг., стали вызовом для советского общества, когда происходили реформирование государственного устройства и переход к рыночной экономике. В данный период получили широкое распространение элементы демократии, гласность, многопартийность. Все это не могло не сказаться и на развитии конкретных регионов страны. Ярким примером одного из них может служить многонациональная Чувашская Республика, коренным этносом которой являются чуваши, сыгравшие историческую роль в формировании государственности [9. С. 44].

Социальная и культурная сферы республики развивались на фоне экономического кризиса. Во многом это обусловило отрицательные моменты в их поступательном движении, связанные со снижением материальной помощи со стороны государства. В результате серьезных перемен 1990-е годы стали достаточно сложными для социокультурной сферы в целом, в том числе и для системы образования, в частности высшей школы. Разрушение плановой экономики, кризис промышленности вынудили учреждения профессионального образования вести подготовку не традиционно, по всем действовавшим рабочим специальностям и профессиям, а с уклоном на конъюнктуру – экономический и юридический профили, пользовавшиеся большим спросом у населения [6. С. 371, 375].

Система рыночной экономики требовала от высших учебных заведений получения прибыли путем создания новых востребованных обществом специальностей, открытия филиальной сети. В названный исторический период наряду с государственными вузами появляются и частные учебные заведения. Данные тенденции негативно сказывались на качестве подготовки обучающихся, численность которых к 2000 г. по сравнению с 1990 г. увеличилась практически в 2 раза (см. табл. 1). Для многих первоочередной целью обучения стало получение не знаний, а диплома о высшем образовании.

Основными высшими учебными заведениями республики в 1990-е гг. являлись: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева, Чувашский сельскохозяйственный институт, Чебоксарский филиал Московского кооперативного института. Высшее образование имело значимость и престиж у населения,

поэтому его получение было востребованным и способствовало повышению социального статуса выпускника. Необходимо отметить, что в 1990 г. в четырех вузах Чувашии конкурс составлял в среднем 224 человека на 100 мест. Это означало наличие серьезного неудовлетворенного спроса на услуги вузов, которые в этот период были исключительно бюджетными учреждениями и давали высшее образование за счет государства [3. С. 368–369].

Таблица 1

Система высшего образования Чувашии в 1990-е гг. [10. С. 62–63, 79]

Год	Количество вузов		Количество студентов, чел.	Количество штатных преподавателей, чел.	Количество выпускников, чел.
	государственных	негосударственных			
1990	4	-	19337	1354	2881
1995	5	-	20712	1639	3065
2000	10	5	42460	2073	5485

Условия рыночных отношений сделали возможным увеличить количество желающих получить высшее образования путем его коммерциализации. Таким образом, появляются коммерческие группы обучения в государственных вузах, а также создаются самостоятельные филиалы и негосударственные учреждения, получение образования в которых становится платным.

Так, Чебоксарский филиал Московского кооперативного института уже в 1991 г. переходит к обучению студентов на договорной основе и превращается в филиал Российского университета кооперации Центрального союза потребительских обществ РФ, который в 1996 г. получил название Чебоксарский кооперативный институт Московского университета потребительской кооперации [2. Предисловие. Л. 93]. Одной из первых проблем, с которой столкнулся филиал в период реформирования советской экономики, стало сохранение численности студенческого состава. Возникли сложности с набором контингента, в результате чего в 1990/91 учебном году численность студенческой аудитории сократилась на 84 человека. В связи с переходом к обучению на договорной основе, уменьшилось и число студентов в филиале с 1817 человек в 1990 г. до 1733 человека в 1991 г. [11. С. 90–91].

Начинается обучение на коммерческой основе и в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, Чувашском государственном сельскохозяйственном институте (с 1995 г. – академии), Чувашском государственном педагогическом институте (с 1998 г. – университете) [3. С. 369]. Несмотря на сложности в финансово-экономической ситуации в стране, популярность на обучение в государственных учреждениях не уменьшилась. Так, например, отметим, что в 1993 г. количество поданных заявлений в Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева составило 3087, а план приема был определен в 659 человек, в результате чего конкурс по институту составил 4,8 человека на одно место [1. Д. 2605. Л. 16]. Следует обратить внимание и на то, что система высшего образования Чувашии является привлекательной и для представителей абитуриентов других регионов России и зарубежья. Только в ЧГПИ в 1990 г. из общего числа принятых студентов 676 – 29 человек – представители из других регионов страны, в 1991 г. из 677 – 28, в 1992 г. из 668 – 37, в 1993 г. из 757 – 35 человек [1. Д. 2605. Л. 15].

Во второй половине 1990-х гг. в республике открываются такие филиалы вузов, как Чебоксарский филиал Санкт-Петербургского политехнического института, филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, Чебоксарский филиал Волго-Вятской академии государственной службы, Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета, филиал Московского гумани-

тарно-экономического института, филиал Московского государственного открытого университета и др. [3. С. 370] Появление значительного числа вузов и филиалов, с одной стороны, делало обучение общедоступным для населения, с другой – обесценивало статус и уровень высшей школы.

Несмотря на появление филиалов центральных вузов страны, наибольшая популярность оставалась за государственными учебными заведениями Чувашии, ведущим вузом которой оставался Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Историю именно этого вуза более детально рассмотрим в данной статье.

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – один из крупнейших академических центров Поволжья. ЧГУ одним из первых среди университетов национальных республик России в декабре 1991 г. успешно прошел государственную аттестацию и получил сертификат и лицензию на выпуск специалистов, соответствующих уровню государственного стандарта. В целях практической реализации реформы высшей школы в условиях рыночной экономики университет с 1 сентября 1992 г. перешел на многоуровневую систему подготовки дипломированных специалистов [12. С. 5]. К началу нового столетия он состоял из 23 факультетов, на которых студенты проходили обучение по 51 специальности и 12 направлениям подготовки. Наряду с классическими в университете были открыты современные и востребованные специальности того времени, такие, как финансы и кредит, предпринимательская деятельность и менеджмент, бытовая радиоэлектронная аппаратура, художественное компьютерное проектирование, сертификация и качество управления, безопасность жизнедеятельности и инженерной экологии, валеология, сестринское дело, журналистика, переводческое дело и др. [13. С. 3–4] В конце 1990-х гг. значительным был конкурс при приеме студентов на первый курс. В 1998/99 учебном году общее количество поступивших в ЧГУ составило 3396 человек, а в 1999/2000 учебном году оно достигло 4630 человек [13. С. 4]. Ректор ЧГУ Л.П. Кураков характеризовал тенденцию увеличения числа студентов следующим образом: «У молодежи появляется острая заинтересованность в получении высшего образования. Сегодня по числу студентов на 10 000 населения Чувашия перешагнула средний показатель России. И это происходит в условиях перехода к рыночным отношениям, в условиях открытых границ и конкуренции. Вклад профессорско-преподавательского состава ведущего вуза республики, несущего нравственность и знания молодому поколению, несомненно, огромен» [7. С. 4].

Действительно, большое значение в престиже вуза имеют преподаватели учебного заведения. От их компетенции, знаний, авторитета зависит будущая судьба студентов и выпускников. Помимо учебно-педагогической работы в ЧГУ весомое значение отводилось и научно-исследовательской деятельности. Так, к 2000 г. в университете было открыто и успешно действовало 4 докторских и 9 кандидатских специализированных советов. В период с 1995 по 2000 г. в вузе количество докторов наук и профессоров увеличилось на 45, кандидатов наук и доцентов – на 173 человека. Таким образом, к 2000 г. работало 104 доктора наук и профессора, 477 кандидатов наук и доцентов [7. С. 6]. В ЧГУ функционировало и послевузовское образование, которое позволяло готовить молодых исследователей, большинство из которых оставалось работать в стенах родного университета. Так, в 1992 г. действовала аспирантура по 23 специальностям, в 1997 г. – по 41 специальности, докторантура – по 7 специальностям [5. С. 10].

Наряду с подготовкой научно-педагогических кадров происходит и развитие издательской деятельности, что подтверждает начало выпуска с 1995 г.

научного журнала «Вестник Чувашского университета», в котором публиковались статьи по актуальным проблемам в области гуманитарных, естественных и технических наук, обзоры, рецензии. В нем был широко представлен региональный аспект научного потенциала республики и страны в целом [8. С. 6].

1990-е годы стали периодом создания и активного роста филиальной сети не только центральных вузов страны, но и региональных университетов, что способствовало открытию дочерних образовательных учреждений в районах Чувашии. Данная тенденция сделала более доступным высшее образование для жителей сельской местности, которые в родных населенных пунктах могли получать качественное образование. Большую часть занятий в них вели ведущие специалисты непосредственно самих вузов. В ЧГУ была организована широкоразвернутая сеть образовательных учреждений по всей республике, численность студентов в которых с каждым годом увеличивалась (см. табл. 2): были открыты филиалы, научно-образовательные центры (НОЦ), учебно-консультационные пункты (УКП), центры довузовской и послевузовской подготовки, гимназии, лицейские центры и классы, количество которых в 1999 г. составило 22 [7. С. 7].

Таблица 2

Численность студентов в филиалах, УКП, НОЦ Чувашского государственного университета [5. С. 34]

Наименование подразделения	Годы											
	1994			1995			1996			1997		
	ДО	ЗО	всего	ДО	ЗО	всего	ДО	ЗО	всего	ДО	ЗО	всего
Алатырский филиал	47	97	144	124	209	333	113	288	401	133	378	511
Батыревский филиал	0	138	138	0	263	263	0	395	395	30	519	549
Канашский НОЦ	-	-	-	-	39	39	-	75	75	-	190	190
Ядринский УКП	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25	25
Итого	47	235	282	124	511	635	113	758	871	163	1112	1275

Примечание. ДО – дневное отделение; ЗО – зачное отделение.

С 1993 г. в университете действовала институтская структура и большинство факультетов было объединено в учебные институты: медицинский, гуманитарный, технический, финансово-экономический, юридический [8. С. 5]. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, вуз шел в ногу со временем, что нашло отражение в материально-техническом оснащении учебного процесса, а также в информатизации образовательной деятельности. Так, университет был оснащен вычислительной техникой (1 персональная ЭВМ на 7 студентов), с 1998 г. в нем начал функционировать Центр Интернет. В состав центра входило восемь классов открытого доступа, которые ежедневно посещали более 600 пользователей [8. С. 6].

В начале 1990-х гг. Чувашский государственный университет перешел на качественно новый уровень международной деятельности. Первые 24 иностранных студента были зачислены в ЧГУ в 1991/92 учебном году [8. С. 7–8]. Для эффективного управления процессом обучения иностранных граждан в 1994 г. в ЧГУ был организован факультет по работе с иностранными студентами [4. С. 341]. Иностранным студентам была предоставлена возможность параллельно получать дополнительное образование на право преподавания русского языка в своих странах. Многие из выпускников продолжали свое обучение в ординатуре и аспирантуре ЧГУ. В 1997 г. вуз стал членом Международной ассоциации университетов мира. Преподаватели университета неоднократно выезжали за границу для чтения лекций и проходили стажировку в ряде вузов зарубежных стран, таких, как США, Швеция, Австрия, Польша, Германия, Индия, Испания [4. С. 7–8].

Таким образом, в 1990-е гг. Чувашский государственный университет приобрел новый вектор развития, который нашел отражение в научно-исследовательской, учебно-педагогической, международной деятельности.

Последнее десятилетие XX столетия для системы высшего образования Чувашии охарактеризовано стремительными изменениями, которые наряду с положительными тенденциями имели и ряд сложностей и противоречий. Реформы в государственно-политическом устройстве, в первую очередь экономической жизни, поставили вузы страны в условия коммерциализации образования, что не могло не отразиться на качестве получаемых знаний. Увеличение количества высших учебных заведений в республике посредством открытия филиалов различных центральных вузов сделало высшее образование более доступным и далеко не всегда высокопрофессиональным. Несмотря на это, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о нарастающем прогрессивном движении конца 1990-х гг. в области укрепления материально-технической базы вузов, увеличения числа студентов, открытия новых и перспективных специальностей, создания научно-исследовательского потенциала, развития международного сотрудничества.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-1335. Оп. 7. Д. 2605. Л. 16.

2. ГИА ЧР. Ф. Р-2641. Оп. 1. Предисловие. Л. 93.

3. *Данилов В.Д., Малышкин А.П., Димитриев И.А.* Время перемен: социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии, 1990–2000 гг. Чебоксары: Новое время, 2011. 411 с.

4. *Емельянова М.В., Чучкалов С.И.* Обучение иностранных студентов в Чувашском государственном университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. С. 340–346.

5. *Иванов В.Н., Григорьев Н.Ф.* Непрерывное образование: сотрудничество вуза и школы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. 126 с.

6. История Чувашии новейшего времени. Книга II. 1945–2005 / сост. И.И. Бойко, В.Г. Харитонова, Д.А. Захаров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с.

7. *Кураков Л.П.* Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова // Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. С. 3–14.

8. *Кураков Л.П.* Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – четыре десятилетия в истории // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 3–8.

9. *Минеева Е.К.* Национально-территориальные образования и историческая обусловленность межэтнических отношений в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 43–51.

10. Образование в Чувашской Республике. 2010: стат. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2010. 164 с.

11. Чебоксарский кооперативный институт. 50 лет / авт.-сост.: В.М. Михайлов, Л.А. Таймасов. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2012. 264 с.

12. Чувашский государственный университет / В.Г. Агаков, А.В. Арсентьева, Л.Г. Ефремов и др. Чебоксары: Волго-Вятский региональный центр «Ассоциация содействия вузам», 1996. 59 с.

13. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова / сост. А.П. Данилов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 83 с.

СОЛОВЬЕВ ОЛЕГ ВИТАЛЬЕВИЧ – доцент учебного военного центра, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, Москва (olezhka.7@mail.ru).

O. SOLOVYEV

DEVELOPMENTAL TRENDS OF HIGHER EDUCATION IN CHUVASHIA IN THE 1990s

Key words: *higher education system, higher education institutions, Chuvashia, social and economic reforms of the 1990s, scientific and pedagogical staff.*

The article examines development of higher education in Chuvashia at the end of the 20th century on the basis of archival, published historical sources and research literature. Along with positive factors, problems in the field of formation of higher education institutions environment in the republic were also revealed. Transformation in functioning of the leading higher educational institutions of the region is determined, as well as the process of creating branches of central universities of Russia in the republic is traced. The dynamics of the development of I.N. Ulianov Chuvash State University in the field of educational, methodical, research and international activities in the 1990s is studied. Statistical data on changes in the quantitative composition of students and lecturers of higher school of the Chuvash Republic are presented.

References

1. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-1335. Op. 7. D. 2605. L. 16* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-1335. Anagraph 7. Document 2605. P. 16].

2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-2641. Op. 1. Predislovie. L. 93* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-2641. Anagraph 1. Preface. P. 93].

3. Danilov V.D., Malyshkin A.P., Dimitriev I.A. *Vremya peremen: sotsial'naya modernizatsiya i demokraticheskii tranzit v Chuvashii, 1990–2000 gg.* [Time of change: social modernization and democratic transit in Chuvashia, 1990–2000]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2011, 411 p.

4. Emel'yanova M.V., Chuchkalov S.I. *Obuchenie inostrannykh studentov v Chuvashskom gosudarstvennom universitete* [Training of foreign students in Chuvash State University]. In: *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova)* [University education in polyethnic regions of the Volga region (to the 50th anniversary of the Chuvash State University named after IN Ulyanov)]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2015, pp. 340–346.

5. Ivanov V.N., Grigor'ev N.F. *Nepreryvnoe obrazovanie: sotrudnichestvo vuza i shkoly* [Continuous education: cooperation between the university and the school]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1998, 126 p.

6. Boiko I.I, Kharitonova V.G., Zakharov D.A., compilers. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni. Kniga II. 1945–2005* [History of Chuvashia of modern times. Book II. 1945–2005]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, 398 p.

7. Kurakov L.P. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanov]. In: *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanova]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2000, pp. 3–14.

8. Kurakov L.P. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova – chetyre desyatiletiya v istorii* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanov – four decades in history]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 3, pp. 3–8.

9. Mineeva E.K. *Natsional'no-territorial'nye obrazovaniya i istoricheskaya obuslovlennost' mezhetnicheskikh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape* [National-territorial formations and historical conditioning of interethnic relations in the Russian Federation at the present stage]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 43–51.

10. *Obrazovanie v Chuvashskoi Respublike. 2010; stat. sb.* [Education in the Chuvash Republic. 2010. Statistical compilation]. Cheboksary, Chuvashstat Publ., 2010, 164 p.

11. Mikhailov V.M., Taymasov L.A., authors-compilers. *Cheboksarskii kooperativnyi institut. 50 let* [The Cheboksary Cooperative Institute. 50 years old]. Cheboksary, 2012, 264 p.

12. Agakov V.G., Arsent'eva A.V., Efremov L.G. et al. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet* [Chuvash State University]. Cheboksary, 1996, 59 p.

13. Danilov A.P., compiled. *Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I.N. Ul'yanova* [Chuvash State University named after I.N. Ulyanova]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2000, 83 p.

SOLOVYEV OLEG – Assistant Professor of the Military Training Center, National Research University of Electronic Technology, Russia, Moscow (olezhka.7@mail.ru).

Ссылка на статью: *Соловьев О.В.* Тенденции развития системы высшего образования Чувашии в 1990-е годы // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 228–233.

УДК 323.329:631(470.344)«1941/1945»
ББК 63.3(2Рос.Чув)

Н.Ю. ТОЛСТОВА

РАЗМЕЩЕНИЕ И ЖИЗНЬ ЭВАКУИРОВАННЫХ ГРАЖДАН В ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: *Чувашская АССР, Великая Отечественная война, эвакуированные граждане, историография.*

В статье характеризуется региональная историография начала XXI в. по вопросу размещения и снабжения населения, эвакуированного в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашии. Дается оценка степени изученности различных аспектов данного вопроса, прослеживается изменение прежних оценок в отношении жизни эвакуированного населения, показаны существующие разночтения в трудах современных исследователей. На основе анализа источниковой базы и достижений отечественной историографии определяются перспективы дальнейших исследований по вопросу эвакуации гражданского населения на территорию Чувашии в годы Великой Отечественной войны.

В последние десятилетия в изучении жизни эвакуированных в Чувашию граждан произошел количественный и качественный перелом. До этого, в советской историографии и, по инерции, в 1990-е гг. вопрос о приеме и размещении в республике эвакуированного населения получил слабое освещение. В работах, посвященных Великой Отечественной войне, в основном приводились одни и те же количественные показатели о прибывшем населении, отдельные факты об оказанной помощи со стороны властей и местного населения. Подавляющая часть важнейших аспектов темы, прежде всего о проблемах, с которыми сталкивались эвакуированные, о взаимоотношениях с местным населением и политических настроениях, осталась неизученной.

В связи со значительным количеством анализируемых работ за рамками исследования осознанно оставлены аспекты, связанные с деятельностью эвакогоспиталей в республике и размещением на территории Чувашии эвакуированных предприятий, поскольку эти вопросы требуют отдельного освещения.

Говоря об изучении проблемы размещения и жизни эвакуированных на территории Чувашской АССР, необходимо в первую очередь отметить, что в 2000-е гг. происходит серьезное расширение источниковой базы, введенной в научный оборот. Так, еще в 2004 г. в журнале «Отечественные архивы» была опубликована подборка документов из фондов Государственного архива современной истории Чувашской Республики по истории пребывания ленинградских детей в Чувашии [12]. Данная тема была затем развита в сборнике В.Н. Иванского «Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии», в котором приводятся архивные документы по эвакуации в годы Великой Отечественной войны и воспоминания жителей Чувашии, которые в блокаду под бомбами и снарядами уезжали по Дороге жизни из осажденного Ленинграда [8].

Уникальные источники собраны Г.С. Соловьевой в сборнике «Дети войны: материалы воспитанников Ишакского детского дома, эвакуированных ленинградских детей в годы Великой Отечественной войны», увидевшем свет в 2015 г. В книге приводятся небольшие по объему, но от этого не менее ценные воспоминания бывших блокадников – воспитанников Ишакского детского дома, а также бывшего директора детдома № 73 г. Ленинграда В.И. Андреева и воспитательницы Г.И. Щербович, сопровождавших детей в эвакуацию в Чу-

вашию. Также приводится ряд архивных документов по Ишакскому детскому дому и фотографии воспитанников военной поры [16].

В последние годы введены в научный оборот документы Государственного исторического архива Чувашской Республики, характеризующие условия пребывания эвакуированного населения в Чувашии и мероприятия республиканского правительства по обеспечению вновь прибывших граждан. Так, в 2015 г. Чувашским книжным издательством был опубликован сборник «В тылу как на фронте» (составитель Ф.Н. Козлов), содержащий 51 документ о размещении и жизни эвакуированного населения [3].

Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 2016 г. на основе материалов секретной части фонда Совета министров Чувашской АССР был подготовлен сборник документов «Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны» (составители Д.А. Захаров и Е.В. Касимов), в котором самый большой раздел (69 документов) посвящен размещению и условиям жизни эвакуированного населения [13. С. 17–104]. Кроме того, и в других разделах содержатся некоторые документы, касающиеся эвакуированных, например, в разделе «Письма военного времени и цензура». Материалы данного сборника показывают, сколько людей было эвакуировано в Чувашию, как осуществлялись размещение и снабжение эвакуированных, с какими трудностями столкнулись вновь прибывшие в республику, как и почему менялось отношение местного населения к эвакуированным гражданам, как руководство Чувашии реагировало на жалобы эвакуированных и другие сигналы с мест, прежде всего со стороны правоохранительных органов.

Наконец, можно отметить сборник документов «Культура и искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны», подготовленный Г.В. Алжейкиной в 2014 г. [10] В нем приводятся списки эвакуированных в республику деятелей культуры и искусств.

Немало выдержек из архивных документов и воспоминаний эвакуированных со словами благодарности приютившей их Чувашии и ее жителям опубликовано за последние десятилетия в республиканских и районных средствах массовой информации: к примеру, в газете «Советская Чувашия» за 4 февраля 2009 г. и 28 августа 2007 г., в газете «Республика» за 22 июня 2005 г., в газете «Алатырские вести» за 8 мая 2010 г. и др.

Заметным отличием современного этапа исторических исследований от советской историографии стало появление научных работ, непосредственно посвященных проблемам размещения и обеспечения эвакуированных граждан, тогда как до середины 1990-х гг. эти вопросы рассматривались исключительно в рамках общих трудов по Великой Отечественной войне. В работах А.Д. Григорьева [4, 5], Г.В. Ертмаковой [6], Д.А. Захарова [7], Е.К. Минеевой [11], А.Н. Прокопьева [14, 15], В.В. Тимофеева [18–21], В.В. Федотова [22–25] прослеживается изменение прежних оценок в отношении жизни эвакуированного населения, в научный оборот вводится новый фактический материал.

Все исследователи в той или иной степени касаются количества размещенных в Чувашии эвакуированных граждан. Наиболее подробные сведения даны в работах А.Д. Григорьева. Автор приводит таблицу, составленную по архивным данным, со сведениями о численности эвакуированных в Чувашскую АССР и их размещении по городам и районам в 1942–1945 гг. [4. С. 155–156]. Характеризуются половой и возрастной состав эвакуированных, динамика их прибытия; называются регионы, откуда и в каком количестве прибыли эвакуированные [4. С. 61–62].

При этом по количеству и времени прибытия эвакуированных в историографии существуют разночтения. Так, В.В. Тимофеев пишет, что «первый поезд с эвакуированными жители г. Чебоксары встретили 29 июня 1941 г.» [19. С. 175]. Согласно же другим исследователям, первый эшелон с эвакуированными прибыл 1 июля 1941 г. [4. С. 60; 7. С. 211], что подкрепляется документами Чувашского обкома ВКП(б) [1]. А.Н. Прокопьев также пишет о том, что «первая партия прибыла в начале июля» [15. С. 114].

Общее количество прибывших в Чувашию эвакуированных тоже оценивается в разных трудах по-разному. Всего в республику прибыло более 70 тыс. человек. Однако при попытке определить точное количество эвакуированных возникают разночтения. Так, чаще всего исследователи приводят число в 70 715 прибывших, но относят его к разным датам: к середине декабря 1941 г. [19. С. 175], на 1 апреля 1942 г. [22. С. 234; 23. С. 171], на 1 апреля 1943 г. [4. С. 62]. Более верной представляется последняя точка зрения.

Помимо официально зарегистрированных эвакуированных, как отмечает В.В. Тимофеев, «на территории республики обосновалось несколько тысяч стихийных беженцев и переселенцев из захваченных фашистами местностей, а также на вокзалах, пристанях, базарах, в городах и других местах обитало в разное время от нескольких сотен до нескольких тысяч беспризорных и безнадзорных детей и подростков» [19. С. 175].

В работе А.Н. Прокопьева объясняется, с чем было связано колебание численности эвакуированных. В частности, приводится объяснение начальника отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения Н.В. Жукова, почему численность эвакуированных с января 1942 г. по июль сократилась с 69 519 до 64 854 человек: «в феврале-марте 1942 г. был проведен переучет, в результате которого выяснилось, что некоторые эвакуированные выехали самовольно, без разрешения исполкомов районных и городских Советов» [15. С. 115]. Также исследователь обратил внимание, что многие из эвакуированных были чувашами (по мнению А.Н. Прокопьева, они проживали в Карело-Финской ССР, куда Переселенческий отдел Совнаркома Чувашской АССР осуществлял переселение в 1940–1941 гг.), а всего к концу 1942 г. на родину вернулись 2704 человека [14. С. 234; 15. С. 114].

Центральное место во многих работах занимает освещение вопроса об оказании помощи эвакуированным со стороны официальных органов власти и местного населения. Подробно описываются торжественные встречи эвакуированных; приводятся сведения о размерах финансовых средств, выделяемых из бюджета на помощь эвакуированным и т.п. В том числе приводятся конкретные свидетельства доброты чувашского народа на основе воспоминаний эвакуированных о пребывании в Чувашии. Практически во всех работах акцентируется вопрос о помощи эвакуированным детям. В частности, это связано с большим количеством источников по теме. Есть и специальные исследования по данному вопросу, проведенные Н. Андреевой и О. Игнатьевой [1], Г.В. Ертмаковой [6], Г.С. Соловьевой [16], В.В. Тимофеевым [18]. В этих работах приводятся статистические данные о численности прибывших детей, списки эвакуированных в Чувашию детских учреждений, мероприятия органов власти по размещению и обеспечению детей всем необходимым для жизни. Значительное внимание уделено показу тяжелых условий, в которых пришлось жить воспитанникам детских домов. При этом исследователи единодушно отмечают неодинаковые условия жизни детей в разных районах республики [6. С. 32; 19. С. 177]. Тем не менее и здесь возникли разногласия по количеству эвакуи-

рованных детей. Так, В.В. Тимофеев пишет, что «к 19 сентября 1941 г. в республику было эвакуировано с родственниками и без них 5578 детей», а «на 1 марта 1942 г. в Чувашской АССР числилось 17 085 эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет», причем «из них организованно в составе детских домов и детских садов прибыло 705 человек, а остальные 16380 детей прибыли вместе с родителями» [18. С, 150; 19. С. 175, 177]. В работе же Е.В. Суховой указывается, что 17085 эвакуированных детей в республике насчитывалось на 1 января 1942 г., «906 из них прибыли в составе детских учреждений» [17. С. 166]. Третий вариант представлен в работе Н. Андреевой и О. Игнатьевой: «по состоянию на 1 января 1942 г. в республике насчитывалось 17 085 эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет, из которых 705 человек прибыло с детскими домами и детсадами», а всего во время войны жителями Чувашии было принято около 18 тыс. ребят, эвакуированных из оккупированных и прифронтовых районов страны [1]. Есть точка зрения, что 17085 детей было учтено к 1 октября 1941 г. [6. С. 30].

Современными исследователями обращается внимание на тяжелое материальное положение эвакуированных, связанное с необеспеченностью жильем, одеждой, обувью, острой нехваткой продовольствия; отмечаются частые случаи нищенства и побирательства, а также факты самоснабжения местного руководства отдельных районов Чувашии за счет фондов для эвакуированного населения; приводятся сведения о желании эвакуированных поскорее покинуть республику, об их отрицательном отношении к чувашам [4. С. 63–70; 9. С. 92–97; 15. С. 115–117; 22. С. 235–236; 23. С. 172].

Так, А.Д. Григорьев приводит примеры, как в стремлении «выжить» эвакуированных из своих домов, некоторые хозяева создавали невыносимые условия для их проживания, взимали очень высокую плату, с нарушением установленных норм [4. С. 64–65]. В то же время исследователь делает вывод, что «такие случаи не являлись типичными, а материалы по подобным делам направлялись на рассмотрение районным прокурорам. В большинстве случаев местные жители относились к эвакуированным с заботой и вниманием» [4. С. 64–65]. В целом же, подчеркивая тяготы эвакуированного населения, исследователи отмечают, что республика объективно была не готова к приему такого количества населения в столь короткие сроки [4. С. 73; 9. С. 97; 13. С. 9].

И.И. Бойко в историографическом обзоре, посвященном изучению истории Великой Отечественной войны учеными Чувашии, отметил, что к числу неисследованных тем относятся «отношения (в том числе и межэтнические) между местным населением и эвакуированными гражданами» [2. С. 75]. В последние годы сделаны заметные шаги в этой сфере. Прежде всего следует выделить статью Е.В. Касимова, в которой приводится множество примеров так называемого «бытового национализма», когда местные жители называются злыми, бездушными, противными, ужасными, грязными, нечестными и т.п., а место проживания (населенный пункт, республика) – «ямой», «гнусной, грязной дырой» [9. С. 96–97]. По мнению исследователя, этот «бытовой национализм» был связан с тем, что эвакуированные приезжали из регионов с гораздо более высоким уровнем жизни, и им было трудно смириться с нищетой, с которой они сталкивались в Чувашии. Более того, автор говорит о «столкновении двух культур: городской и сельской», поскольку многие эвакуированные были родом из Ленинграда с его очень высоким уровнем образованности и качества жизни по сравнению с другими регионами страны, и они совсем были не знакомы с тяжелым крестьянским трудом и с ужасом воспринимали то, что для населения

Чувашии было привычным. Соответственно, более высокий уровень запросов изначально порождал недовольство существовавшим положением и презрительное отношение к новой родине [9. С. 97].

Самарский исследователь В.В. Федотов, говоря о бытовых конфликтах в Чувашии между эвакуированными гражданами и местными жителями, подчеркивает, что «указанные явления, конечно же, не носили массового характера, но и единичными случаями их тоже сложно назвать… В селах одного района можно наблюдать и заботу, и неприязнь к эвакуированным» [22. С. 237; 23. С. 173]. Анализируя причины данных конфликтов, исследователь в первую очередь отмечает «разный менталитет, образ жизни городских и сельских жителей», более высокие социальный статус, уровень жизни, уровень образования жителей Москвы и других крупных городов. В результате «трудности военного времени, неизвестность, страх перед будущим, бытовые проблемы обострили в людях самые негативные качества и привели к взаимному подозрению, вражде, а порой и ненависти друг к другу» [22. С. 236; 23. С. 172–173].

С другой стороны, объясняя недовольство местного населения, исследователи пишут о случаях иждивенчества среди эвакуированных, не привыкших физически работать или живших с настроением поскорее выехать из республики [4. С. 66; 7. С. 212].

Гораздо слабее в историографии раскрыты вопросы, связанные с функционированием системы эвакуационных органов – отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения во главе с Н.В. Жуковым, эвакопунктов и эвакобаз. Отдельные стороны этой важной проблемы более или менее представлены лишь в монографии А.Д. Григорьева [4. С. 58–60].

Также слабо освещен вопрос о размещении и жизни такой социальной категории, как интеллигенция. Небольшой анализ социального состава эвакуированной в Чувашию интеллигенции дан в работе М.А. Широковой. Автор приходит к выводу, что в составе интеллигенции преобладали учителя, педагоги, врачи и медицинские сестры; более 90% не состояли в партии и не имели высшего образования; по национальному составу доминировали евреи и русские [26].

Оценивая достижения современной историографии, необходимо подчеркнуть, что и в настоящее время для исследователей еще остается огромное поле деятельности по воссозданию жизни эвакуированных в годы войны. Среди наиболее важных аспектов темы, требующих дополнительных изысканий, можно выделить такие вопросы, как социальный состав эвакуированного и перемещенного населения и особенности его размещения; проблемы трудоустройства эвакуированного населения, его производственная и общественная деятельность; общественные настроения в среде эвакуированных и взаимоотношения с местным населением; деятельность уполномоченных Совета по эвакуации, а также отдела Совнаркома Чувашской АССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения; реэвакуация населения в 1944–1945 гг., в том числе самостоятельная (самовольная, неконтролируемая) и в форме государственной политики. Необходимо дальнейшее расширение источниковой базы за счет документов, отложившихся на местах, например, в фондах районных Советов депутатов трудящихся и др.

Литература

1. *Андреева Н., Игнатьева О.* «К чужим, как к своим…» (эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2006. № 1. URL: http://echovekov.ru/2006_1/03/03_5/ (дата обращения: 25.07.2017).

2. *Бойко И.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исследованиях историков Чувашии // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / ЧГИГН. Чебоксары, 2011. Вып. 1. С. 52-79.

3. В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 208 с.

4. *Григорьев А.Д.* Материальное положение и быт населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2008. 168 с.

5. *Григорьев А.Д.* Эвакуация и размещение населения и материальных ценностей в Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам государственных архивов Чувашской Республики) // Архивный вестник Чувашии: информационный бюллетень. 2006. Вып. 1 (1). С. 132–137.

6. *Ертмакова Г.В.* От войны спаслись в Чувашии // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне: материалы науч.-практ. конф. / Чуваш. респ. совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Чебоксары, 2010. С. 29–35.

7. *Захаров Д.А.* Размещение эвакуированного населения на территории Чувашской АССР в 1941 г. // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 211–212.

8. *Иванский В.Н.* Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 127 с.

9. *Касимов Е.В.* Спецсообщения Народного комиссариата госбезопасности Чувашской АССР как исторический источник о жизни населения республики в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и мировое социально-экономическое, политическое и культурное пространство: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Чебоксары: Новое время, 2015. С. 83–102.

10. Культура и искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Г.В. Алжейкина; Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств. Чебоксары, 2014. 650 с.

11. *Минеева Е.К.*, Кузнецова Н.Ю. Помощь эвакуированным в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 34–39.

12. *Питернова В.Ф.* «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 85–93.

13. Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сборник документов / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов; ЧГИГН. Чебоксары, 2016. 556 с.

14. *Прокопьев А.Н.* Механическое движение населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чебоксарского филиала НОУ ВПО «Академия права и управления (институт)». 2010. № 5. С. 234–242.

15. *Прокопьев А.Н.* Эвакуация предприятий и населения в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии права и управления. 2011. № 24. С. 111–118.

16. *Соловьева Г.С.* Дети войны: материалы воспитанников Ишакского детского дома, эвакуированных ленинградских детей в годы Великой Отечественной войны / НИИ педагогики и психологии. Чебоксары, 2015. 136 с.

17. *Сухова Е.В.* Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР). Чебоксары: Л.А. Наумов, 2008. 212 с.

18. *Тимофеев В.В.* Детские эвакуированные учреждения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере республик Волго-Вятского региона) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 149–154.

19. *Тимофеев В.В.* Личность, общество и государство в годы Великой Отечественной войны (из истории работы с эвакуированными в Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2002. № 5. С. 174–179.

20. *Тимофеев В.В.* Республики Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 158–165.

21. *Тимофеев В.В.* Трудности эвакуации и их преодоление в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на материалах республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 113–120.

22. *Федотов В.В.* Условия жизни эвакуированного населения в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 233–237.

23. *Федотов В.В.* Эвакуационные процессы в республиках Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам архивов Чувашской Республики) // Вестник научных конференций. 2017. № 3-5(19). С. 171–173.

24. *Федотов В.В.* Эвакуационные процессы в Чувашской АССР в 1941–1945 гг. // Наука и образование в XXI веке: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. С. 133–136.

25. *Федотов В.В.* Эвакуированное населения в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара: Самарский гос. тех. ун-т, 2009. 155 с.

26. *Широкова М.А.* «Эвакуированная интеллигенция» в Чувашии в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // ЛОМОНОСОВ 2013: материалы Междунар. молодежного науч. форума / отв. ред. А.И. Андреев и др. М., 2013. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2182/40621_8e5a.pdf (дата обращения: 25.07.2017).

ТОЛСТОВА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nykuznetcova@yandex.ru).

N. TOLSTOVA

ACCOMMODATION AND THE LIVES OF THE EVACUEES IN CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MODERN HISTORIOGRAPHY AND RESEARCH PROSPECTS

Key words: *the Chuvash ASSR, the Great Patriotic war, the evacuees, historiography.*

The article characterizes the regional historiography of the early twenty-first century on the issue of providing accommodation and provision to population evacuated during the Great Patriotic war on the territory of Chuvashia. The article assesses the extent of knowledge of various aspects of this issue, a change of previous assessments for living standards of the population is traced, existing discrepancies in the writings of modern researchers are shown. Based on the analysis of source base and achievements of national historiography the article defines prospects of further research on civilian population evacuation on the territory of Chuvash Republic in the years of the Great Patriotic war.

References

1. Andreeva N., Ignat'eva O. *«K chuzhim, kak k svoim…» (evakuirovannye deti v Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny)* [«To strangers, as to our own...» (evacuated children in Chuvashia during the Great Patriotic War)]. *Gasyrlar avazy (Ekho vekov)*, 2006, no. 1. Available at: http://echovekov.ru/2006_1/03/03_5/ (Accessed 25 July 2017).

2. Boiko I.I. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov v issledovaniyakh istorikov Chuvashii* [The Great Patriotic War of 1941–1945 in the research of historians of Chuvashia]. *Aktual'nye voprosy istorii i kul'tury chuvashskogo naroda* [Topical issues of the history and culture of the Chuvash people]. Cheboksary, 2011, iss. 1, pp. 52–79.

3. Kozlov F.N., comp. *V tylu kak na fronte: dokumenty, vospominaniya, stat'i* [In the rear as at the front: documents, memoirs, articles]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2015, 208 p.

4. Grigor'ev A.D. *Material'noe polozhenie i byt naseleniya Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The material situation and life of the population of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2008, 168 p.

5. Grigor'ev A.D. *Evakuatsiya i razmeshchenie naseleniya i material'nykh tsennostei v Chuvashskoi ASSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (po materialam gosudarstvennykh arkhivov Chuvashskoi Respubliki)* [Evacuation and placement of the population and material values in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945 (According to the materials of the state archives of the Chuvash Republic)]. *Arkhivnyi vestnik Chuvashii: informatsionnyi byulleten',* 2006, iss. 1(1), pp. 132–137.

6. Ertmakova G.V. *Ot voiny spaslis' v Chuvashii* [They were saved from the war in Chuvashia]. *Vklad trudyashchikhsya Chuvashii v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine*: *materialy nauch.-prakti. konf.* [Proc. of Sci. and Pract. Conf. «The Chuvash Republican Council of veterans (pensioners) of war, labor, the Armed Forces and law enforcement agencies»]. Cheboksary, 2010, pp. 29–35.

7. Zakharov D.A. *Razmeshchenie evakuirovannogo naseleniya na territorii Chuvashskoi ASSR v 1941 g.* [Accomodation of evacuees in the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941]. *Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (k 65-letiyu Pobedy): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. and Pract. Conf. «The unity of the front and rear during the Great Patriotic War of 1941-1945. (to the 65th anniversary of Victory)»]. Cheboksary, 2010, pp. 211–212.

8. Ivanskii V.N. *My s pamyat'yu slity. Deti blokady v Chuvashii* [We are merged with memory. Children of the blockade in Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2014, 127 p.

9. Kasimov E.V. *Spetssoobshcheniya Narodnogo komissariata gosbezopasnosti Chuvashskoi ASSR kak istoricheskii istochnik o zhizni naseleniya respubliki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Special reports of the People's Commissariat of State Security of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic as a historical source about the life of the population of the republic during the Great Patriotic War]. *Velikaya Otechestvennaya voina i mirovoe sotsial'no-ekonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Proc. of Rus. Sci. and Pract. Conf. «The Great Patriotic War and the world socio-economic, political and cultural space »]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2015, pp. 83–102.

10. Alzhejkina v., comp. *Kul'tura i iskusstvo Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik dokumentov* [Culture and arts of the Chuvash Republic in the years of the Great Patriotic War: a collection of documents]. Cheboksary, 2014. 650 p.

11. Mineeva E.K., Kuznetsova N.Yu. *Pomoshch' evakuirovannym v Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The help to evacuees i the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki,* 2014, no. 1, pp. 34–39.

12. Piternova V.F. *«Zdes' nas zhdali i zabotlivo gotovilis'». Deti Leningrada v Chuvashii* [«Here we were waited and carefully prepared». Children of Leningrad in Chuvashia]. *Otechestvennye arkhivy,* 2004, no. 2, pp. 85–93.

13. Zakharov D.A., Kasimov E.V., comp. *Pod grifom «sekretno»: Neizvestnye i maloizvestnye stranitsy istorii Chuvashii vremen Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik dokumentov* [Under the signature «secret»: Unknown and little-known pages of the history of Chuvashia during the Great Patriotic War: a collection of documents]. Cheboksary, 2016, 556 p.

14. Prokop'ev A.N. *Mekhanicheskoe dvizhenie naseleniya Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voin*y [Mechanical movement of the population of Chuvashia during the Great Patriotic War]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala NOU VPO «Akademiya prava i upravleniya (institut)»,* 2010, no. 5, pp. 234–242.

15. Prokop'ev A.N. Prokop'ev A.N. Evakuatsiya predpriyatii i naseleniya v Chuvashskuyu ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of enterprises and the population to the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya,* 2011, no. 24, pp. 111–118.

16. Solov'eva G.S. Deti voiny: materialy vospitannikov Ishakskogo detskogo doma, evakuirovannykh leningradskikh detei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Children of the war: materials of pupils of the Ishaki children's home, evacuated Leningrad children during the Great Patriotic War]. Cheboksary, 2015, 136 p.

17. Sukhova E.V. Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (na materialakh Chuvashskoi ASSR) [The unity of the front and the rear during the Great Patriotic War of 1941–1945. (On the materials of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic)]. Cheboksary, L.A. Naumov Publ., 2008, 212 p.

18. Timofeev V.V. *Detskie evakuirovannye uchrezhdeniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (na primere respublik Volgo-Vyatskogo regiona)* [Evacuated childcare's institutions during the Great Patriotic War (1941–1945) (on the example of the republics of the Volga-Vyatka region)]. *Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (k 65-letiyu Pobedy): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. and Pract. Conf. «The unity of the front and rear during the Great Patriotic War of 1941–1945 (to the 65th anniversary of Victory)»]. Cheboksary, ChGPU, 2010, pp. 149–154.

19. Timofeev V.V. *Lichnost', obshchestvo i gosudarstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (iz istorii raboty s evakuirovannymi v Chuvashii)* [Personality, society and state during the Great Patriotic War (from the history of work with evacuees in Chuvashia)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva,* 2002, no. 5, pp. 174–179.

20. Timofeev V.V. *Respubliki Volgo-Vyatskogo regiona nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1938–1945 gg.)* [The republics of the Volga-Vyatka region on the eve and during the Great Patriotic War (1938–1945)]. Cheboksary, 2010, pp. 158–165.

21. Timofeev V.V. *Trudnosti evakuatsii i ikh preodolenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (na materialakh respublik Marii El, Mordovii i Chuvashii*) [Difficulties of evacuation and their overcoming during the Great Patriotic War (1941–1945) (based on the materials of the Republics of Mari El, Mordovia and Chuvashia)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva,* 2001, no. 4, pp. 113–120.

22. Fedotov V.V. *Usloviya zhizni evakuirovannogo naseleniya v Chuvashskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [The living conditions of the evacuees in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Voyadzher: mir i chelovek,* 2017, no. 8, pp. 233–237.

23. Fedotov V.V. Evakuatsionnye protsessy v respublikakh Povolzh'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (po materialam arkhivov Chuvashskoi Respubliki) [Evacuation processes in the republics of the Volga region during the Great Patriotic War of 1941–1945. (Based on the archives of the Chuvash Republic)]. *Vestnik nauchnykh konferentsii,* 2017, no. 3-5(19), pp. 171–173.

24. Fedotov V.V. *Evakuatsionnye protsessy v Chuvashskoi ASSR v 1941–1945 gg.* [Evacuation processes in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1945.]. *Nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. and Pract. Conf. «Science and Education in the 21st Century»]. Tambov, Konsaltingovaya kompaniya Yukom Publ., 2013, pp. 133–136.

25. Fedotov V.V. *Evakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.*) [Evacuees in the Middle Volga region during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Samara, 2009, 155 p.

26. Shirokova M.A. *«Evakuirovannaya intelligentsiya» v Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [«Evacuated Intelligentsia» in Chuvashia during the Great Patriotic War]. Available at: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2182/4... (Accessed 25 July 2017).

TOLSTOVA NATALIA – Post-Graduate Student, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nykuznetcova@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Толстова Н.Ю.* Размещение и жизнь эвакуированных граждан в Чувашии в годы Великой Отечественной войны: современная историография и перспективы исследований // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 234–242.

УДК 94(38)“-5”
ББК 63.3(0)32

А.В. УНЖАКОВ

УЧАСТВОВАЛИ ЛИ ДОРИЙЦЫ В ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ?

Ключевые слова: *Греция, Троянская война, Гомер, Гесиод, дорийское завоевание, дорийцы, эллины, культ героев.*

Данная статья является попыткой найти ответ на вопрос о том, по каким причинам приход дорийцев в Грецию, приведший к падению микенской цивилизации, не стал частью общепринятой нарративной традиции, связанной, в первую очередь, с именами Гомера и Гесиода. Необходимость решения данной проблемы приобретает еще большую значимость в свете продолжающихся в научной литературе дискуссий об историчности самой традиции о «возвращении Гераклидов», что обусловлено скудностью и противоречивостью сведений о завоевателях.

Касаясь вопроса методологии исследования, мы придерживаемся комплексного подхода, основанного на изучении всех имеющихся в распоряжении видов источников. Сопоставление и анализ существующих данных археологии и сведений из нарративных источников указывают на проводившуюся в Греции политику консолидации населения по окончании Темных веков, подразумевающую полноправное место дорийцев в значимых для греков событиях прошлого. Об этом, в частности, может свидетельствовать изображаемая Гомером в «Перечне судов» политическая карта Греции, соответствующая устремлениям доминирующих греческих полисов; распространение общего для всего населения Греции, включая дорийцев, наименования «эллины»; а также возникновение культа героев, используемого в числе прочего в качестве способа легитимации прав на завоеванные земли.

В результате, как нам представляется, по завершении Темных веков в Греции была намеренно создана анахроничная картина исторического прошлого, отвечающая интересам широких слоев населения.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования материалов и выводов в общих и специальных курсах по истории древнего мира.

Достоверно известно, что в конце XIII в. микенской цивилизации был нанесен удар, от которого она не смогла оправиться. В научной литературе по данному вопросу приводятся, например, следующие данные: в Греции XIII в. до н.э. насчитывалось 320 населенных пунктов, в XII в. до н.э. их количество сократилось до 130, а в XI в. до н.э. – до 40, т.е. уменьшилось в восемь раз [13. С. 20]. П. Олива пишет, что количество поселений в Лаконии уменьшилось до 1/4, а в Арголиде больше чем на 2/3 [12. С. 36]. При этом, по свидетельству результатов раскопок, размер сохранившихся поселений уменьшился также в несколько раз [13. С. 20]. Традиция в этой связи сообщает о дорийском переселении в Пелопоннес, иначе называемом «возвращением Гераклидов».

Существует ряд теорий – от традиционных, признающих историчность предания о возвращении «потомков Геракла», и умеренно-критических, разделяющих дорийское переселение и гибель микенских дворцов, до гиперкритических, полностью отрицающих существование дорийцев. Ранее мы выдвигали аргументы в пользу мнения о том, что приход дорийцев не является измышлением, что дорийский этнос действительно составил основу ряда греческих полисов [2. С. 26–33].

В данной статье мы попытаемся рассмотреть, почему помимо того, что завоеватели не только не оставили какого-либо значимого материального следа своего присутствия, они фактически также не проявили себя и на уровне нарративной традиции.

Несмотря на культурный дисконтинуитет при переходе Греции к железному веку, традиция, взятая на вооружение новой греческой цивилизацией, является не чем иным, как повествованиями из века героев, закончившегося Троянской войной. Не вызывает сомнений, что, как бы ни разворачивались события

конца той эпохи, объяснить ими последовавшие разрушения и сокращения численности населения Греции не представляется возможным. Однако ни приход дорийцев, ни последовавшая миграция населения на восток в результате «возвращения Гераклидов» – два основных обстоятельства, вызвавшие столь радикальные перемены – отнюдь не стали частью общепринятой нарративной традиции, связанной, в первую очередь, с именами Гомера и Гесиода. Следует, впрочем, добавить, что некоторыми исследователями [4. С. 68] высказывается точка зрения о неправомерности отождествления гераклидов с дорийцами, основанная, в частности, на отрывке из текста Фукидида: …Δωριῆς τε ὀγδοηκοστῷ ἔτει ξὺν Ἡρακλείδαις Πελοπόννησον ἔσχον [*…дорийцы же на восьмидесятом году с Гераклидами Пелопоннесом владели*] (Thuc. 1.12.2). Нам же представляется, что под Ἡρακλείδαις имеются в виду предводители, т.е. собственно потомки Геракла (относящиеся, как известно, к роду Гилла).

Гомер и Гесиод в качестве причины, приведшей к концу века героев, приводят желание Зевса положить конец союзу между богами и смертными. Так, Гесиод пишет:

…ибо замыслил в те дни богодивное дело
В высях гремящий Зевес — беспредельную твердь во смятенье
Мощно повергнуть и род человеков, судьбине подвластных,
Многовозросший скорей истребить, дабы не сгубили
Души свои полубоги средь люда, подвластного смерти, –
Дети богов, чьи очи средь смертных взирали на солнце, –
Нет, но, блаженными став, дабы пребывали, как прежде,
Жизнь и обитель имея поодаль от смертного люда (перевод О.П. Цыбенко [3. С. 101]).

Хотя вряд ли можно утверждать, что названные события были полностью проигнорированы традицией. Так, по всей вероятности, описание «возвращения детей Геракла» могло содержаться в утраченном эпическом произведении *«Aigimios»*, а миграция на восток могла быть описана в утраченной *«Melampodia»* [7. С. 168]. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что греки не могли не знать об этих событиях. Чем же можно объяснить в таком случае молчание Гомера и Гесиода?

Одним из результатов миграции населения явилось то, что население Греции конца бронзового века оказалось разнородным по своему составу. Падение микенской цивилизации сопровождалось притоком племен, говорящих на греческом языке, в центральные районы Греции и Пелопоннес. Об этом, в частности, ярко свидетельствуют лингвистические данные. Так, М. Финкелберг, сравнивая диалектный континуум Греции микенского периода с диалектальной географией, сложившейся после прихода дорийцев, делает однозначный вывод о «вторжении» дорийского диалекта: дорийский диалект вытеснил аркадо-кипрский в Спарте и Мессении; дорийский и критский вытеснили аркадо-кипрский в западной Арголиде; дорийский заменил ионийский в восточной Арголиде и на всем северо-западе Пелопоннеса [7. С. 140–141]. Произошедшие изменения, однако, не привели к полному исчезновению микенского населения. Некоторые группы, действительно, по всей видимости, были вытеснены северо-западными племенами за пределы Греции, другие же сменили места проживания, не покидая при этом Грецию, третьи же, как известно, остались на своих прежних местах. Это означало, что такие регионы, как Аттика, Аркадия и Ахея, остались заселенными недорийским населением, в то время как в других областях дорийцы селились бок о бок с проживающим там населением, образуя, очевидно, своего рода симбиоз. В качест-

ве известного примера можно привести хотя и одну, но все же недорийскую трибу Аргоса, эпонимом которой была царевна Гирнефо [2. С. 37].

Рано или поздно разнородные группы населения должны были оговорить условия своего сосуществования. Следует, впрочем, иметь в виду, что упомянутая разнородность имела, по всей видимости, достаточно относительный характер. В частности, существующие диалектальные различия вряд ли могли иметь какое-либо серьезное значение. По заключению С. Колвина, греки отличались готовностью принимать все многообразие диалектов как полноправных представителей греческого языка и вряд ли испытывали чувство неуверенности, вызванное многообразием диалектов. Маловероятно, что какая-либо языковая политика могла играть значительную роль в их культуре вплоть до эллинистического периода, когда утвердился стандарт письма. Говорить о привычном использовании термина διάλεκτος также не представляется возможным вплоть до эллинистического периода [5. С. 200].

Так или иначе, наряду с установлением панэллинских культов и фестивалей на панэллинский уровень поднялась и история Троянской войны. Как справедливо отмечает С. Колвин, распространение гомеровского эпоса явилось частью развития панэллинской идентичности в поздний геометрический период (VIII в. до н.э.); как первое *Koine* в постмикенской Греции оно должно было сыграть роль центра в создании центростремительного лингвистического сознания в Греции [5. С. 200].

А весьма болезненные для населения Греции исторические события, сопровождавшие конец микенской цивилизации, были заменены историей войны, которая была начата Зевсом для того, чтобы положить конец расе героев. В результате в качестве основного (если не единственного) фактора, который потряс Грецию в конце второго тысячелетия, рассматривались Троянская война и злой умысел Зевса, но не приход народов. Любопытно в данной связи мнение М. Финкелберг (ссылающейся на работу Дж. Гуди) о том, что отчасти причиной подобной «коллективной амнезии» могли послужить «целительные силы забвения» [7. С. 169]. По мнению Дж. Гуди, такая (в терминах автора) «гомеостатическая трансформация» характерна для обществ с устной традицией [8. С. 44–45]. Представляется, впрочем, что «гомеостатическая трансформация» вряд может послужить единственным и универсальным объяснением произошедшего.

Приведем некоторые заключения из исследования самой М. Финкелберг, которая, следуя описанию из так называемого «Перечня судов» из второй книги «Илиады», пытается изобразить политическую карту Греции и сталкивается с такими несоответствиями, как, например, полное отсутствие Мегары, что дает возможность «отобрать» у последней остров Саламин, на который претендовали как Мегара, так и Афины; Аргос Диомеда занимает всю территорию северо-восточного Пелопоннеса, фактически представляя собой долю Темена; территория Мессении оказывается пустым местом на карте между Пилосом и Спартой [7. С. 170–171]. Хотя, по справедливому утверждению Т. Келли, Гомер – в большей степени бард, нежели историк [10. С. 39], нельзя обойти вниманием определенную «историчность» гомеровской «карты», а именно – тот факт, что представляемая в «Илиаде» картина полностью соответствует устремлениям трех перечисленных доминирующих греческих полисов (Афины, Аргос, Спарта), что, как нам представляется, могло явиться либо причиной, либо следствием популяризации гомеровского произведения. Нельзя также обойти вниманием и то обстоятельство, что Гомер практически не упоминает дорийцев в своих поэмах. Единственное однозначное упоминание дорийцев, по-видимому, содержится в «Одиссее» (Od. 19.177): …Δωριέες τε τριχάϊκες… *[дорийцев, разделен-*

ных на три колена]. Вместе с тем вполне очевидно то, что Аргос под властью Диомеда представляет собой нечто весьма близкое по своим очертаниям Аргосу после дорийского завоевания, а Спарта Менелая – «доризованной» Спарте. Хотя, по всей видимости, не было секретом то, что дорийцы были, по сути, чужаками, им, однако, было «выделено место» на карте Греции, представленной в гомеровском «Перечне судов». Другими словами, не вызывает сомнений, что перечисленные «совпадения» могут свидетельствовать о проводимой политике, направленной на консолидацию народов, населяющих Грецию.

В качестве другого индикатора осуществления такой политики можно привести то, что примерно в это же время появляется общее наименование «эллины» для обозначения как потомков населения бронзового века, так и «новичков», прибывших на эти земли. Из генеалогии родоначальника греческого народа Эллина известно, что у него было три сына – Дор, Эол и Ксуф. Имена первых двух, разумеется, являются эпонимическими. Ксуф же был отцом двух сыновей с еще двумя эпонимическими именами – Ахея и Иона. Можно предположить, что в основе подобного генеалогического древа, в соответствии с которым у Эллина было *три* сына, но не *четыре* (что соответствовало бы количеству эпонимов), могло лежать стремление использовать число «3». В.Н. Топоров в качестве причины того, что многообразные тексты неизменно обращаются к числу 3 (три сферы вселенной, три героя сказки, три члена социальной структуры и т.д.), приводит пояснение, что такой структуре поставлена в соответствие восходящая к архетипу и часто подсознательная тенденция к организации любой временной последовательности посредством трехчленного эталона [1. С. 21–23]. В нашем случае такую временную последовательность образуют старший, средний и младший сыновья.

По справедливому утверждению Дж. Холла, делая эпонимами Эола, Дора, Иона и Ахея – сыновей и внуков прародителя *(Urvater)* эллинов, Эллина, – «генеалогия эллинов» преследовала цель создать видимость того, что единое, недифференцированное эллинское население существовало до серии разделений, результатом которых было возникновение основных этнических групп этого исторического периода [9. С. 56].

Более того, стремление Гомера подогнать прошлое под требования настоящего можно, по-видимому, рассматривать в совокупности с возникновением культа героев, который заключался в поклонении персонажам греческих легенд, многие из которых являются героями произведений Гомера и Гесиода. На основе такого совпадения между традиционной поэзией и новой религиозной практикой исследователями уже давно делались выводы о том, что культ героев, а иногда и правила проведения соответствующих ритуалов, возникали под непосредственным влиянием эпических произведений (в первую очередь, Гомера) [6. С. 340]. Весьма показательно здесь преобладание культа героев в «доризованной» Арголиде по сравнению, например, с Аттикой, что, очевидно, указывает на значительно бóльшую заинтересованность в установлении связей с прошлым. Кроме того, по мнению Дж. Уитли, основной причиной учреждения культов в Аттике являлась демонстрация права собственности на землю со стороны ее владельцев, о чем, в частности, свидетельствует равномерность вотивных находок по всей области, а также очевидное отсутствие необходимости в консолидации уже политически единой территории [14. С. 178]. Дискутируя с А. Снодграсом, Дж. Уитли в своей статье справедливо, как нам представляется, отстаивает точку зрения, что установление культов в целях демонстрации права собственности на окружающую захоронение землю на территории Аттики являлось реакцией со стороны крупных земледельческих общин на появление отдельных свободных крестьян, пре-

тендующих на те же земли, но не стремление свободных земледельцев, занявших землю, легитимировать свое право на нее [14. С. 177].

Ситуация же, сложившаяся в Арголиде, коренным образом отличалась от положения в Аттике. Только такими переплетенными между собой политическими мотивами, как легитимация дорийцами-аргивянами своих прав на землю, ранее принадлежавшую представителям «расы героев», заявка на региональное лидерство и необходимость в консолидации территории, можно объяснить концентрированность пожертвований в гробницах Просимны, установление культа Агамемнона в Микенах, строительство грандиозного Храма Геры в восьми километрах от Аргоса и несколько ближе к Микенам, Бербатам и Дендре. Весьма характерно то, что, по заключению К. Морган и Т. Уайтло, самая ранняя часть храма имела типично микенский стиль [11. С. 84–85]. Пятнадцать микенских камерных захоронений из 32, найденных возле Герейона, датируются позднегеометрическим периодом [13. С. 192–194].

Мы уже упоминали о том, что, согласно Гомеру, царство Менелая соответствует исторической Спарте. Около века спустя, следуя оракулу, лакедемоняне приложили значительные усилия в поисках могилы Ореста, сына Агамемнона (и зятя Менелая), и переноса его останков в Спарту, где впоследствии в честь него был учрежден культ (Hdt. I.67–68). Парадоксально здесь то, что Орест считается последним недорийским царем в Лаконии, чьи потомки были изгнаны из этих земель самими дорийцами. Установление же культа Ореста совершенно однозначно отвечает целям проводимой дорийцами политики, направленной на легитимацию своего присутствия.

Таким образом, по всей видимости, нет оснований сомневаться в том, что греки архаического периода знали о том, что прежнее население Греции называло себя ахейцами, но не эллинами, и что позднее пришедшие дорийцы не имели никакой связи и никакого отношения к веку героев. Однако это знание никак не помешало закрыть глаза на все эти факты и создать «новую» анахроническую картину прошлой истории, в соответствии с которой участниками Троянской войны стали представители всего населения Греции вне зависимости от того, когда они пришли на ее территорию. Такое видение прошлого пустило прочные корни и стало единственным общепринятым представлением о былых временах.

В настоящее время не представляется возможным строить сколько-нибудь обоснованные теории о том, кем именно создавалась и координировалась стратегия по приведению прошлой истории в соответствие с существующими политическими требованиями. С высокой долей вероятности можно лишь предположить, что такая стратегия отвечала интересам широких масс населения: ахейцев – чтобы предать «целительным силам забвения» воспоминания о поражении от дорийцев; дорийцев – чтобы обеспечить себя законным правом на завоеванные земли. В результате новая греческая цивилизация не только обрела единство, но и установила континуитет с веком героев, заложив всем этим прочный фундамент формирования панэллинской идентичности.

Таким образом, не без содействия со стороны ахейцев дорийцами была создана новая, удобная для всех в силу своего консолидационного потенциала картина исторического прошлого Греции, подразумевающая фактически полноправное место дорийцев в значимых для греков событиях предшествующей «возвращению Гераклидов» эпохи. Упоминание же о дорийском завоевании в нарративных источниках, безусловно, противоречило бы очевидно проводимой политике объединения Греции. Следовательно, отвечая на поставленный в заглавии к статье вопрос, с высокой степенью уверенности мы можем дать отрицательный ответ.

Источники

1. Blakesley J.W., ed. Herodotus Historia. New York, Harper and Brothers, M.DCCC.LXI, vol. I, , 362 p.
2. Blakesley J.W., ed. Herodotus Historia. New York, Harper and Brothers, M.DCCC.LXI, vol. II, 364 p.
3. Page T.E., Capps E., Rouse W.H.D., Post L.A., eds. Homer. The Odyssey. With an English Translation by A.T. Murray in Two Volumes. London, W. Heinemann ltd, MCMXLV, vol. 1, 465 p.
4. Page T.E., Capps E., Rouse W.H.Dю, eds. Homer. The Odyssey. With an English Translation by A.T. Murray in Two Volumes. London, W. Heinemann, MCMXIX, vol. 2, 455 p.
5. Donaldson J.G., ed. Thucydides. New York, Harper and Brothers, M.DCCC.LXI, vol. I, 305 p.
6. Donaldson J.G., ed. Thucydides. New York, Harper and Brothers, M.DCCC.LXI, vol. II, 298 p.

Литература

1. *Топоров В.Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 3–58.
2. *Унжаков А.В.* Аргосский полис. Предпосылки формирования и укрепление структуры со времени дорийского переселения до второй половины V в. до н.э. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 139 с.
3. Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. 515 с.
4. *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300-362 B.C. London, New York, Routledge, 2002, 354 p.
5. *Colvin S.* Greek Dialects in the Archaic and Classical Ages // Bakker E.J., ed. A Companion to the Ancient Greek Language. Chichester, Blackwell Publishing Ltd., 2010, pp. 200–212.
6. *Farnell L.R.* Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. The Gifford Lectures Delivered in the University of St. Andrews in the Year 1920 by Lewis Richard Farnell. Oxford at the Clarendon Press, 1921, 434 p.
7. *Finkelberg M.* Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition. New York, Cambridge University Press, 2006, 203 p.
8. *Goody J.* The Power of the Written Tradition. Washington, London, Smithsonian Institution Press, 2000, 192 p.
9. *Hall J.M.* Hellenicity: Between Ethnicity and Culture. Chicago, The University of Chicago Press, 2002, 336 p.
10. *Kelly Th.* A History of Argos to 500 B.C. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1976, 214 p.
11. *Morgan C. and Whitelaw T.* Pots and Politics: Ceramic Evidence for the Rise of the Argive State. *American Journal of Archaeology*, 1991, vol. 95, pp. 79–108.
12. *Oliva P.* The Birth of Greek Civilization [Tr. by I.U. Levitova]. London, Book Club Associates, 1981, 200 p.
13. *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. Los Angeles, 1981, 236 p.
14. *Whitley J.* Early States and Hero Cults: A Re-Appraisal. *The Journal of Hellenic Studies*, 1988, vol. 108, pp. 173–182.

УНЖАКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры основ английского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия, Нижний Новгород (alun18@gmail.com).

A. UNZHAKOV

DID THE DORIANS TAKE PART IN THE TROJAN WAR?

Key words: *Greece, Trojan War, Homer, Hesiod, Dorian invasion, the Dorians, the Hellenes, hero worship.*

The given article represents an attempt to find an answer to the question why the Dorians invasion to Greece, which resulted in the collapse of the Mycenaean Civilization, did not become part of generally accepted narrative tradition, associated, in the first place, with the names of Homer and Hesiod. The necessity to solve this problem acquires still more significance in the light of debates that have been taking place in scientific literature on historicity of the tradition of «Return of the Heraclids»; the reason for this being rooted in the scarcity and discrepancies of evidence on the invaders.

As concerns the research methodology, we adhere to a complex approach, based on studying all available evidence. Comparison and analysis of the existing archeological data and evidence of narrative sources indicate that population-consolidating policy was conducted in

Greece after the Dark Age. According to that policy, the Dorians were given full rights to claim their share in the past events which were significant for the Greeks. This is, for instance, testified by the political map of Greece, that was drawn by Homer in the «Catalogue of Ships» and that matched the dominant Greek states' aspirations; the spread of the word 'the Hellenes' to refer to all population of Greece, including the Dorians; and emergence of hero-worship, that was used, among other purposes, as a way to legitimize the right to the conquered lands.

As a result, in our view, after the Dark Age, Greece had an anachronistic picture of its historic past that had deliberately been created to meet the interests of broad layers of population.

A practical value of the article is that its materials and conclusions may be used in general and special courses of ancient history.

References

1. Toporov V.N. *O chislovyh modeljah v arhaichnyh tekstah* [On Numeric Models in Archaic Texts]. In: *Struktura teksta* [The Structure of a Text]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 3–58.

2. Unzhakov A.V. *Argosskij polis. Predposylki formirovanija i ukreplenie struktury so vremeni dorijskogo pereselenija do vtoroj poloviny V v. do n.je.* [The Argive Polis. Preconditions for its Formation and Consolidation of its Structure from the Time of the Dorian Invasion till the 2nd Part of the Fifth Century B.C.]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012, 139 p.

3. *Ellinskie poety VIII–III vv. do n.e. Epos. Elegija. Yamby. Melika* [Hellenic Poets of the 8th-3rd Centuries B.C. Epos. Elegy. Iambic Verses. Melicae]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, 515 p.

4. Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300-362 B.C. London and New York, Routledge, 2002, 354 p.

5. Colvin S. Greek Dialects in the Archaic and Classical Ages. A Companion to the Ancient Greek Language. Ed. by Egbert J. Bakker. Chichester, Blackwell Publishing Ltd, 2010, pp. 200–212.

6. Farnell L.R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. The Gifford Lectures Delivered in the University of St. Andrews in the Year 1920 by Lewis Richard Farnell. Oxford at the Clarendon Press, 1921, 434 p.

7. Finkelberg M. Greeks and Pre-Greeks. Aegean Prehistory and Greek Heroic Tradition. New York, Cambridge University Press, 2006, 203 p.

8. Goody J. The Power of the Written Tradition. Washington, London, Smithsonian Institution Press, 2000, 192 p.

9. Hall J.M. Hellenicity: Between Ethnicity and Culture. Chicago, The University of Chicago Press, 2002, 336 p.

10. Kelly Th. A History of Argos to 500 B.C. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1976, 214 p.

11. Morgan C. and Whitelaw T. Pots and Politics: Ceramic Evidence for the Rise of the Argive State. *American Journal of Archaeology,* 1991, vol. 95, pp. 79–108.

12. Oliva P. The Birth of Greek Civilization [Tr. by I.U. Levitova] London, Book Club Associates, 1981, 200 p.

13. Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. Los Angeles, 1981, 236 p.

14. Whitley J. Early States and Hero Cults: A Re-Appraisal. *The Journal of Hellenic Studies*, 1988, Vol. 108, pp. 173-182.

UNZHAKOV ALEXANDER – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Fundamentals of the English Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod (alun18@gmail.com).

Ссылка на статью: *Унжаков А.В.* Участвовали ли дорийцы в Троянской войне? // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 243–249.

УДК 908(470.343)
ББК 43.4г (2Рос.Мар)

А.А. ФИЛОНОВ

ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ В ЦАРЕВОКОКШАЙСКОМ УЕЗДЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Ключевые слова: *лесное хозяйство, лесная дача, лесохозяйственные работы, лесоустройство, лесосека, оборот рубки, лесовосстановление.*

В статье рассматриваются проведение и результативность лесохозяйственных работ в Царевококшайском уезде Казанской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Обращается внимание на лесоустройство как один из главных видов лесохозяйственной деятельности. Анализируются ход и результативность естественного возобновления и искусственного лесовосстановления вырубок. Делается вывод о том, что общая эффективность лесовозобновления вырубленных площадей была невысокой. Во многом это связано с недостатком предпринимавшихся действий, направленных на содействие естественному возобновлению, а иногда и с полным отсутствием мер ухода за посевами семян и лесопосадками. Подчеркивается, что в целом к концу XIX – началу XX вв. большая часть казенных, ряд частновладельческих и удельных лесных дач Царевококшайского уезда являлись объектом лесоустройства и использовались по четко определенному плану хозяйства.

Состояние и развитие лесного хозяйства Царевококшайского уезда и Марийского края в целом во второй половине XIX – начале XX вв. в значительной мере обусловливались организацией и проведением лесохозяйственных работ, направленных на улучшение состояния лесных массивов, их защиту, восстановление и рациональное ведение лесного хозяйства. Здесь следует подчеркнуть, что одним из главных видов лесохозяйственной деятельности является лесоустройство, целью которого было получение как можно большего дохода от использования лесных богатств без истощения лесных ресурсов. К задачам лесоустройства относились сбор разносторонней информации о лесах, определение границ лесных дач и их общей площади, описание лесонасаждений, выяснение условий их произрастания (почва, климат, рельеф), изучение путей транспортировки леса и составление плана хозяйства на предстоящий ревизионный период. Для устройства лесов формировались лесоустроительные «партии», в состав которых входили чины Корпуса лесничих, межевщики, топографы и другие специалисты в области лесного дела [4. С. 551].

Вышеназванные сюжеты конкретизируются архивными документами, прежде всего, материалами лесоустроительных отчетов, а также другими архивными данными и опубликованными источниками. Так, по сведениям 1887 г., на территории Царевококшайского уезда насчитывалось 52 лесные дачи, находившиеся в распоряжении казенного ведомства. Из этого числа только 10 (19,2%) не были «устроены». Три лесные дачи (5,8%) устраивались в 1887 г., 5 дач (9,6%) оказались устроены в 1886 г., 1 (1,9%) – в 1882 г., а остальные 33 (63,5%) – в период 1857–1875 гг. [5. С. 78]. Таким образом, к концу XIX в. большая часть казенных лесных дач в Царевококшайском уезде, являлась объектом лесоустройства и использовалась по четко определенному плану хозяйства [9; 12. С. 58–67].

Подчеркнем, что возрастной оборот рубки леса в казенных дачах Царевококшайского уезда и Марийского края в целом не был одинаков и колебался в зависимости от местных условий произрастания лесных массивов в пре-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» в рамках научного проекта № 2017-02б.

делах 120-160 лет для хвойных пород деревьев и 60-80 лет для лиственных. К концу XIX в. на рассматриваемой территории преобладала сплошная рубка леса. Ширина вырубаемых лесосек для хвойных древесных пород составляла преимущественно 25 саженей, а для лиственных – 50 саженей. Лес вырубался такими узкими полосами с целью создания более благоприятных условий для естественного возобновления вырубок. При этом лесосеки закладывались в таком направлении, чтобы защитить семенные всходы от солнечной инсоляции, холодных ветров и других неблагоприятных погодных явлений [1. Д. 26. Л. 3; Д. 33. Л. 1; Д. 39. Л. 1, 20об.; Д. 44. Л. 1–1об.; Д. 45. Л. 1; Д. 46. Л. 2; Д. 47. Л. 11, 22; Д. 52. Л. 12–13; Д. 62. Л. 12; Д. 65. Л. 24об., 26об.–27; Д. 83. Л. 8–9; Д. 114. Л. 7; Д. 135. Л. 3–4; 6. Л. 13об.–14, 32об.–33; 11. С. 12, 14].

В ходе проведения лесоустроительных работ в лесных дачах Царевококшайского уезда определялся также размер лесосеки на предстоящий ревизионный период. Конкретно, в 1902 г. была проведена ревизия лесоустройства в Лушмарской даче Лушмарского лесничества. Величина годичной «нормальной» лесосеки для хвойных пород деревьев и дуба была определена в 207,56 десятины путем деления площади, занимаемой этими древесными породами на соответствовавший им оборот рубки (24 907 десятин / 120). Для липы такая величина была определена в 23,28 десятины (1862,2 десятины / 80), а для других лиственных пород – 22,92 десятины (1375,2 десятины / 60). Общая величина «нормальной» годичной лесосеки в Лушмарской даче составила 253,76 десятины. Лесосека, возможная по состоянию насаждений, в общей сложности была на 60% больше «нормальной» и определилась для хвойных пород деревьев и дуба в 308,47 десятины (18 508,2 десятины / 60), для липы – 43,04 десятины (1721,6 десятины / 40), для лиственных пород – 54,18 десятины (1083,6 десятины / 20), а всего 405,69 десятины. Такая существенная разница между величинами лесосеки, возможной по состоянию насаждений, и «нормальной» годичной лесосеки объясняется преобладанием в даче насаждений старших классов возрастов. В итоге в ходе ревизии лесоустройства было принято решение назначить к вырубке в Лушмарской даче упомянутую выше величину «нормальной» годичной лесосеки [9. С. 257].

В целом лесоустроительные работы на территории Царевококшайского уезда в рассматриваемый период получили достаточно широкое распространение. К концу XIX в. большая часть казенных лесных дач здесь была устроена. Итогом проведения лесоустроительных работ явилось решение основополагающих вопросов организации лесного хозяйства – сколько можно рубить леса, не истощая сырьевых ресурсов массива; какой применить способ рубки, приемлемый по техноэкономическим показателям и обеспечивающий сохранение и возобновление леса на вырубках; как разместить рубку во времени и по территории массива с расчётом улучшения состояния лесов и повышения их продуктивности.

С начала XX в. в казенных лесных дачах Царевококшайского уезда активно проводились промежуточные пользования, направленные на создание более благоприятных условий для произрастания наиболее ценных древесных пород. С этой целью проводились выборка перестойных деревьев, уборка сухостоя и валежника, вырубка подчиненной примеси лиственных пород деревьев в хвойных и дубовых участках, прореживание и прочистка молодняков с целью улучшения их состава и ускорения роста [9. С. 258; 12. С. 79].

Во многом состояние лесного хозяйства зависело от объема и качества лесных работ, которые осуществлялись чинами лесоустроительной «партии» под непосредственным надзором и руководством лесничего. В рассматриваемый период к числу лесных работ, проводившихся в лесничествах Царевококк-

шайского уезда, относились прорубка квартальных просек, их последующая расчистка и расширение, отвод лесосек, разбивка их на делянки, улучшение сплавных путей (уборка карчей, вырубка по берегам рек наклонных деревьев), исправление дорог, возобновление межевых знаков и постановка столбов, расчистка противопожарных полос, устройство изгородей для защиты молодняков, посевов и посадок от потрав и повреждений [1. Д. 2. Л. 4; Д. 11. Л. 7; Д. 41. Л. 4; Д. 45. Л. 36; Д. 48. Л. 21–22; Д. 52. Л. 106; Д. 61. Л. 4; Д. 65. Л. 33–33об.; Д. 135. Л. 19об.–20об.; 6. Л. 52об.–53].

Одной из важных составляющих лесохозяйственных работ является лесовозобновление – естественное и искусственное. Последнее осуществлялось путем посева семян или посадки саженцев и сеянцев древесных пород человеком. От эффективности лесовозобновления напрямую зависела длительность существования леса на определенной территории [3. С. 201].

Далее рассмотрим ход и результативность возобновления вырубленных лесосек на примере Кузнецовско-Сретенской дачи Сретенского лесничества Царевококшайского уезда. Здесь в 1902–1911 гг. не было лесосек, возобновившихся преобладающей древесной породой (елью) естественным путем. Около 28% всей площади вырубок «облесилось» второстепенными породами деревьев (осина, береза) на пространстве в 78,27 десятины. Совсем не возобновилась территория в 204,98 десятины, что составляло 72% всей площади лесосек за десятилетие. В даче имело место и искусственное лесовосстановление. Посев «культур» производился в борозды, проведенные в 2 аршинах друг от друга. До 1910 г. посадка саженцев велась в лунки на расстоянии 1 × 3 аршина по 7200 штук на десятину, а с 1910 г. – в борозды, проводимые мотыгами, на расстоянии 1 сажени одна от другой с промежутком между саженцами в 1 аршин. Общая площадь имевшихся в даче «культур» к началу 1911 г. составляла 1003,05 десятины, из которых посевами было занято 281,82 десятины (28,1%), а посадками 721,23 десятины (71,9%). По годам результативность лесовосстановления распределялась следующим образом: 1903–1907 гг. – 100% убыли, в 1909 г. – 94% убыли, в 1910 г. – 60% убыли, в 1911 г. – 54% убыли [12. С. 83]. Из приведенных цифр видно, что общая эффективность искусственного лесовосстановления оставляла желать лучшего. Главной причиной этого являлся недостаток, а иногда и полное отсутствие мер ухода за посевами и посадками. Подобная картина наблюдалась в Уринской, Ронгинской, Абаснурской, Сретенской и ряде других лесных дач Царевококшайского уезда [1. Д. 52. Л. 95, 100; Д. 62. Л. 24; Д. 65. Л. 30; 17. Л. 11].

Проблемами естественного возобновления и искусственного восстановления древесных пород, рубок ухода за лесом в Царевококшайском уезде занимались лесничие М.А. Контский, П.А. Терентьев, К.П. Змиевский, К.М. Алипов, Я.И. Рожков, С.Ф. Тышкевич, М.И. Осецимский, И.П. Поляков, Н.У. Балобанов, В.К. Матвеев и др. [12. С. 89].

Подчеркнем, что естественное возобновление в казенных лесных дачах Царевококшайского уезда являлось преобладающим. Искусственное лесовосстановление начало применяться здесь только с конца XIX – начала XX вв. В лесничествах производились главным образом посадка и посев сосны, дуба и ели. Эти породы деревьев являлись наиболее ценными и, вместе с тем, преобладавшими в большинстве насаждений. Результативность посевов и посадок зависела от почвенных условий, времени и способов производства «культур», своевременности ухода за ними со стороны человека, метеорологических явлений и многих других неблагоприятных обстоятельств, препятствовавших успешному восстановлению лесосек искусственным путем.

Приведенные выше сведения о проводимых лесохозяйственных работах касались исключительно лесных дач, находившихся в ведении казенного ведом-

ства. Вместе с тем на территории Царевококшайского уезда имелись лесные массивы, принадлежавшие частным лицам, удельному ведомству, крестьянским сельским общинам. В этой связи заслуживает внимания вопрос о состоянии лесного хозяйства в дачах, находившихся в собственности этих категорий владения.

Из крупных частных лесовладельцев на территории Царевококшайского уезда выделялся нижегородский потомственный почетный гражданин А.П. Сергеев. По данным ревизии хозяйства 1906 г., общая площадь принадлежавшей ему лесной дачи при с. Петровско-Воскресенском Моркинской волости составляла 4193,40 десятины, из которых хвойные насаждения занимали 3243,0 десятины (77,3%). Большая их часть была в возрасте 41–60 лет. Лиственные породы деревьев произрастали на площади 146,10 десятины. Прогалины, назначенные к «зарощению» под лес, занимали 200,30 десятины. Остальное пространство находилось под стекольным заводом, покосами, пашней, выгонами и дорогами. Ввиду того, что насаждения в даче не превышали 70-летнего возраста и не все деревья достигли «технической спелости», здесь была назначена выборочная рубка леса толщиной от 6 вершков и более на высоте груди. В первое десятилетие она разрешалась исключительно в сосновых участках в количестве от 120 до 200 деревьев с десятины [12. С. 99–100]. В 1901 г. был утвержден план хозяйства на лесную дачу, принадлежавшую С.Ф. Добронравовой. Дача располагалась в Царевококшайском уезде, в 100 верстах от города Казань. Ее площадь составляла 363,40 десятины. В 1901 г. для хвойных пород деревьев здесь был назначен 100-летний оборот рубки, а для лиственных – 50-летний. Ежегодно планировалось вырубать в хвойных участках по 2,90 десятины, а в лиственных – по 5,70 десятины. Вырубка леса в даче велась сплошными лесосеками шириной 20–40 саженей. Из промежуточных работ в 1901 г. на предстоящее десятилетие в даче назначалась уборка пней и валежника. Это также должно было способствовать результативности естественного лесовозобновления и, в известной мере, обезопасить дачу от пожаров и вредных насекомых [7. Л. 20–23]. Таким образом, ряд частновладельческих лесных дач на территории Царевококшайского уезда в рассматриваемый период был объектом лесоустройства.

Лесные массивы, находившиеся в распоряжении удельного ведомства, в Царевококшайском уезде были представлены, главным образом, Жуково-Кузнецовской дачей, располагавшейся в Вараксинской волости. В 1880–1884 гг. для ежегодной вырубки здесь отводилась площадь в 23,50 десятины при ширине лесосек в 40 саженей. В 1884 г. в ходе проведения ревизионных работ дача была разделена на 25 кварталов, которые, в свою очередь, делились на участки. Для хвойных древесных пород и дуба был установлен 100-летний оборот рубки, а для березы и осины – 50-летний. Ширина лесосек была уменьшена. Рубка леса назначалась сплошными полосами не шире 20–30 саженей, причем полоса к полосе должна была рубиться не ранее, чем возобновлялась прежде вырубленная. Такая система во многом способствовала успешному естественному возобновлению вырубленных площадей. Подтверждением тому является тот факт, что в даче, благодаря целесообразной системе рубок, прогалины практически отсутствовали. Для сравнения, в казенных лесах Царевококшайского уезда, где ширина лесосек нередко доходила до 50 саженей, прогалины занимали около 9% лесной почвы [2. С. 19; 10. С. 248].

Состояние лесов, находившихся в пользовании крестьянских общин Царевококшайского уезда, в целом было неудовлетворительным. Частые и бессистемные рубки вели к их изреженности. Крестьянские леса особенно страдали от неправильной пастьбы скота, которая нередко производилась не только в средневозрастных участках, но и в молодняках, а также на вырубках [8. С. 211]. Однако некоторые крестьянские лесные дачи в рассматриваемый период находились в сравнительно неплохом состоянии и использовались в соответствии с планом,

установленным в ходе лесоустроительных работ. Конкретно, в 1864 г. были «устроены» Гаринская, Уллинская, Махмурская, Ислейтарская и Уразлинская крестьянские лесные дачи Царевококшайского уезда. Заготовку леса в Гаринской даче было назначено вести при 60-летнем обороте рубки и ширине лесосек не более 25 саженей для обеспечения более успешного хода естественного возобновления. В Уразлинской крестьянской даче, состоявшей в пользовании крестьян д. Уразлино Куллекиминской волости, в ходе лесоустройства 1864 г. было назначено ведение сплошной рубки при 60-летнем обороте. Площадь годичной лесосеки определилась в 11,78 десятины, а всего в течение 1866–1879 гг. предполагалось вырубить 164,92 десятины леса. Рубка лесосек должна была производиться чересполосно при ширине полос не более 30 саженей. Лесовозобновление было назначено естественное путем обсеменения от окружающих деревьев [12. С. 102].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. лесохозяйственные работы в Царевококшайском уезде Казанской губернии получили достаточно широкое распространение и в целом обеспечили успешное развитие здесь лесного хозяйства. К концу XIX в. большинство казенных, ряд частновладельческих и удельных лесных дач рассматриваемого региона являлись «устроенными» с конкретно определенными размерами рубки, ее направлением, способами возобновления вырубленных лесосек. Проблемами естественного возобновления и искусственного восстановления древесных пород, рубок ухода за лесом в уезде в известной мере занимались местные деятели лесного хозяйства. Однако результаты лесовозобновления в казенных лесных дачах зачастую оставляли желать лучшего. Во многом это было связано с недостатком предпринимавшихся действий, направленных на содействие естественному возобновлению, а иногда и полным отсутствием мер ухода за посевами семян и лесопосадками. На результаты искусственного восстановления леса влияли такие важные условия, как состав почвы, время и способы производства лесных «культур», климатические и другие факторы.

Литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 154. Оп. 1.

2. Казанское губернское земство. Оценка земель. Т. 4. Царевококшайский уезд. Оценка лесных угодий. Казань, 1904. Вып. 1.

3. Лес России: Энциклопедия / под общ. ред. А.И. Уткина. М.: Большая Рос. энцикл., 1995.

4. Лесная энциклопедия / под ред. Г.И. Воробьева. М.: Сов. энцикл., 1985. Т. 1.

5. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 5. Уезд Царевококшайский. Казань, 1887.

6. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 91. Оп. 6. Д. 104.

7. НАРТ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 801.

8. Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965.

9. *Филонов А.А.* К вопросу о лесоустроительных работах в Царевококшайском уезде во второй половине XIX – начале XX вв. // Марийский архивный ежегодник. 2014. Вып. 14. С. 251–258.

10. *Филонов А.А.* К вопросу о состоянии лесного хозяйства удельного ведомства в Царевококшайском уезде Казанской губернии в конце XIX века // Платоновские чтения: материалы и доклады XVIII Всерос. конф. молодых историков (Самара, 7-8 декабря 2012 г.) / отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. С. 248–250.

11. *Филонов А.А.* Лесное хозяйство в Кокшайско-Нужьяльской (Таирской) даче Царевококшайского уезда во второй половине XIX – начале XX веков // Марийский археографический вестник. 2016. Вып. 26. С. 10–17.

12. *Филонов А.А.* Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru).

A. FILONOV

FORESTRY ACTIVITIES IN TSAREVOKOKSHAYSK COUNTY OF THE KAZAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Key words: *forestry, forest area, forestry activities, forest management, cutting area, felling rotation, reforestation.*

The article examines carrying out and effectiveness of forestry activities in the Tsarevokokshaysk County of the Kazan province of the second half of XIX – the beginning of the XX centuries. Attention to forest management as one of the main types of forestry activity is paid. The course and effectiveness of natural renewal and artificial reforestation of the cut-down areas are analyzed. The conclusion that overall effectiveness of reforestation of the cut-down areas was low is drawn. In many respects it was connected with a lack of the taken actions directed to assistance to natural renewal, and sometimes total absence of care for forest plantations. It is emphasized that in general at the end of XIX – the beginning of the XX century most part of state, a number of privately owned and specific forest areas of the Tsarevokokshaysk County became the object of forest management and were used according to well-defined certain plan of economy.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. F. 154. Op. 1* [State Archives of the Republick of Mari El. Archive 154. Anagraph 1].

2. *Kazanskoe gubernskoe zemstvo. Otsenka zemel'. T. 4. Tsarevokokshaiskii uezd. Otsenka lesnykh ugodii. Kazan', 1904. Vyp. 1* [Kazan provincial zemstvo. Assessment of lands. Vol. 4. Tsarevokokshaysky County. Issue 1. Assessment of forest grounds]. Kazan, 1904.

3. Utkin A.I., ed. *Les Rossii: Entsiklopediya* [Wood of Russia: Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1995.

4. Vorob'ev G.I., ed. *Lesnaya entsiklopediya* [Forest encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1985, vol. 1.

5. *Materialy dlya sravnitel'noi otsenki zemel'nykh ugodii v uezdakh Kazanskoi gubernii. Vyp. 5. Uezd Tsarevokokshaiskii* [Materials for comparison purposes of lands in counties of the Kazan province. Issue 5. Tsarevokokshaysky County]. Kazan, 1887.

6. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 91. Op. 6. D. 104* [The National Archives of the Tatarstan Republick. Archive 91. Anagraph 6. Document 104].

7. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 295. Op. 1. D. 801* [The National Archives of the Tatarstan Republick. Archive 295. Anagraph 1. Document 801].

8. *Ocherki istorii Mariiskoi ASSR (s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii)* [Sketches of history of Mari ASSR (since the most ancient times before Great October socialist revolution)]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1965.

9. Filonov A.A. *K voprosu o lesoustroitel'nykh rabotakh v Tsarevokokshaiskom uezde vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [To a question of forest management works in the Tsarevokokshaysky County in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries]. *Mariiskii arkhivnyi ezhegodnik* [Mari archival year-book], 2014, no. 14, pp. 251–258.

10. Filonov A.A. *K voprosu o sostoyanii lesnogo khozyaistva udel'nogo vedomstva v Tsarevokokshaiskom uezde Kazanskoi gubernii v kontse XIX veka* [To a question of a condition of forestry of specific department in the Tsarevokokshaysky County of the Kazan province at the end of the XIX century]. *Platonovskie chteniya: materialy i doklady XVIII Vseros. konf. molodykh istorikov* [Platonovsky readings: materials and reports of the XVIII All-Russian conference of young historians] (Samara, 7-8 dekabrya 2012 g.). Samara, Samara University Publ., 2012, pp. 248–250.

11. Filonov A.A. *Lesnoe khozyaistvo v Kokshaisko-Nuzh'yal'skoi (Tairskoi) dache Tsarevokokshaiskogo uezda vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [Forestry in Kokshaysko-Nuzhyalsky (Tairskaya) forest area of the Tsarevokokshaysky County in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries]. *Mariiskii arkheograficheskii vestnik* [Mari arkheograficheskiy messenger], 2016, no. 26, pp. 10–17.

12. Filonov A.A. *Ocherki po istorii lesnogo khozyaistva Mariiskogo kraya vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [Sketches on history of forestry of the Mari edge of the second half of XIX – the beginnings of the XX centuries]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2014.

FILONOV ALEKSANDR – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (fil88meat@rambler.ru).

Ссылка на статью: *Филонов А.А.* Лесохозяйственные работы в Царевококшайском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 250–255.

УДК 930(470)»18/19»+940(510)
ББК Т1(2)5-8Бичурин+Т1(2)5-1(5Кит)+Т3(5Кит)

ЧЭНЬ ПЭЙЦЗЮНЬ

ОТЕЦ ИАКИНФ (БИЧУРИН) В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Ключевые слова: *Никита Яковлевич Бичурин, отец Иакинф, синология, Китай, Русская духовная миссия, изучение научного творчества Бичурина.*

В статье рассматриваются различные точки зрения среди китайских ученых на деятельность о. Иакинфа, часто зависящие от исторических реалий во взаимоотношениях России и Китая. На материале большого количества источников в статье дается типология взглядов и мнений в китайской гуманитарной науке, касающихся различных сторон жизни и деяний о. Иакинфа и его миссии в Пекине. Целью статьи является системное, данное в хронологической последовательности описание важнейших трудов китайских ученых о Н.Я. Бичурине. Отмечается, что научное наследие Бичурина не может считаться до конца изученным, поэтому дальнейшее его исследование может принести много пользы как для русской, так и для китайской науки. В современном Китае исследование научного творчества русского синолога имеет большое значение: само изучение Китая как самобытной культуры требует научного взгляда «со стороны». Н. Бичурин – не рядовой ученый-синолог, он сумел возбудить небывалый интерес в России XIX века к Китаю, стать одним из самых скрупулезных и беспристрастных бытописателей Китая, выразить свои наблюдения в большом количестве этнографических сочинений. В статье отмечается, что важнейшим достоинством трудов Бичурина является то, что он привлекал к своим исследованиям многочисленные китайские источники, в том числе древнейшие, поскольку блестяще знал китайский язык и многие его диалекты.

Один из основоположников русской синологии Никита Яковлевич Бичурин (отец Иакинф), находясь во главе девятой Русской духовной миссии, провел в Китае более 13 лет (1808–1820). Как известно, во время пребывания в Пекине он овладел маньчжурским, монгольским и китайским языками, а также перевел многие классические китайские произведения на русский язык. Он – автор более 100 статей и монографий об истории, культуре, обществе и пограничных районах Китая. Именно эти научные труды, основанные на глубоком знании и понимании оригинальных китайских источников, а также повседневной жизни китайцев начала XIX в., снискали ему славу первого русского китаеведа, получившего общеевропейскую известность. Благодаря Бичурину русская синология перешла от этапа простого перевода и фрагментарного описания Китая к этапу комплексного научного его изучения. Он заложил основу российской научной синологии и обозначил пути развития российского китаеведения XIX в.

Следует отметить, что в последние годы изучению творчества и деятельности Бичурина в Китае уделяется все больше и больше внимания. В данной статье предпринята попытка обобщить результаты работ китайских ученых, посвященных Бичурину. Рассматриваемые исследования по хронологическому принципу условно разделены на два этапа: до и после 90-х гг. XX в.

Становятся очевидными следующие тенденции: во-первых, китайские исследователи все активнее начинают использовать для своих работ оригинальные материалы Н.Я. Бичурина; во-вторых, китайские ученые подвергают глубокому анализу исходные материалы, которые Бичурин в свое время использовал для написания своих работ о Китае. Они критически исследуют тексты работ о. Иакинфа, исправляют ошибки, которые он допустил, а также ошибки, которые допустили российские ученые при их изучении; в-третьих, на основании накопленных материалов изучение деятельности Бичурина в Китае становится более всесторонним и глубоким: исследователи уже не ограничиваются освещением подробностей его биографии и трудов в аспекте ис-

тории Русской духовной миссии в Китае или российско-китайских отношений в целом. Все чаще его жизнь и научное творчество рассматриваются как один из первых примеров взаимодействия между русской и китайской культурами. Следует, однако, констатировать, что до 90-х гг. XX в. изучение деятельности Бичурина больше ознакомительным, чем научным.

В 1949 г. вышла в свет «汉学发达史» «Хань Сюе Фа Да Ши» («История заграничной синологии»), которая, по существу, является первой монографией, написанной китайским ученым Мо Дунинь, где кратко излагаются основы заграничных синологий. В ней есть особый раздел, посвященный достижениям российской синологии, в котором в первую очередь говорится о Бичурине.*夏真特* (Ся Чжэнь Тэ) (Hyacinthe, 1770–1853) родился в семье священника, окончил Казанскую духовную академию. В 1807 г. был избран главой седьмой духовной миссии в Пекине. На следующий год прибыл в Пекин, где начал учить китайский язык и собирал материалы для изучения Китая. Из-за общения с неблагонадежными людьми и пренебрежения своими церковными обязанностями был отозван в Петербург в 1826 г. На следующий год поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел в качестве переводчика, где мог спокойно заниматься собранным материалом. Он перевел «前汉书» «Цянь Хань Шу» и другие различные исторические материалы на русский язык, а также «Историю первых четырех ханов из дома Чингис-ханова» (History of the first four Khans of Mongolian empire), опираясь на перевод с китайского языка «Основных записей» из истории династии Юань («Юаньши») [2. С. 96].

Стоит сказать, что в данном тексте присутствуют явные ошибки. Во-первых, в качестве года рождения о. Иакинфа автор указал 1770 г., тогда как Бичурин родился в 1777 г. Во-вторых, Бичурин стоял во главе девятой, а не седьмой миссии. Кроме того, Мо Дунинь весьма скромно осветил достижения Бичурина в изучении и описании Китая. Несмотря на все перечисленные погрешности, эта книга имела и имеет до сегодняшнего времени большое значение: она ввела имя Бичурина в китайскую науку как одного из видных зарубежных китаеведов.

По политическим причинам, начиная с 60-х гг. XX в., отношения между двумя странами резко ухудшились. Такая политическая ситуация повлияла на характер и негативный тон статей китайских исследователей – они обращали свое внимание прежде всего на изучение отношений между двумя странами, в которых обнаруживались больше политизированные, чем объективные факты во взаимоотношениях России и Китая, в том числе относительно деятельности русских духовных миссий.

Каждый год выпускались многочисленные политические статьи и монографии; наиболее яркими среди которых были: «沙俄侵华史» «Ша Э Цинь Хуа Ши» («История вторжения царской России в Китай (Том 1)») [3]. «沙俄的侵华工具 – 俄国东正教布道团» «Ша Э Дэ Цинь Хуа Гун Цзюй – Э Го Дун Чжэн Цзяо Бу Дао Туань» («Средство вторжения царской России в Китай – Российская духовная миссия в Пекине») [4]. В перечисленных и других работах Бичурин как глава девятой духовной миссии в Пекине воспринимался как представитель царской России в Китае и как русский шпион под религиозным прикрытием. Утверждалось, что его основная цель заключалась в сборе информации о стране для успешного осуществления вторжения царской России в Китай:

«Бичурин написал многочисленные монографии о сопредельных с Китаем странах, а именно – «Записи о Монголии», «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», чтобы помочь правительству царской России вторгнуться в Китай» [3. С. 292].

«Так называемая научная деятельность и работы китаеведов, подготовленные Российской духовной миссией в Пекине, касаются политики, культуры народов, границы, идеологии и других китайских областей; они являются настоящими культурными шпионами» [3. С. 292].

В 1986 г. Китайская академия общественных наук издала «俄苏中国学手册» «Э Су Чжун Го Сюе Шоу Цэ» («Справочник русской и советской синологии) [5], где кратко рассказывается о жизни и научной деятельности русских и советских синологов, перечислены их основные работы, а также указаны крупнейшие центры изучения синологии в России. В число упомянутых трудов также вошла 21 работа Н.Я. Бичурина на китайском и русском языках. После проведения политики реформ и открытости в 1978 г. китайские ученые получили свободу в научной деятельности, в выражении своих взглядов; закрепился реалистичный подход к изучению исторических материалов, что позволило исследованиям в различных сферах развиваться подлинно научным путем. Используя подробные исторические материалы на китайском и русском языках, в 1994 г. Цай Хуншэн издал работу о русской духовной миссии в Пекине – «俄罗斯馆记事» «Э Ло Сы Гуань Цяи Ши» («Записи о русском подворье») [6], в которой он излагает историю зарождения и развития русского подворья в Китае, важную роль русского подворья в развитии российской синологии и, как следствие, активизации торговли между странами. Он не только кратко и точно описал жизнь и научную деятельность Бичурина, исходя из точных данных от русских ученых, но и постарался оценить его синологические достижения с точки зрения китайской науки. Он отмечал как яркую особенность работ Бичурина их острую полемичность и риторичность: в своих трудах о. Иакинф часто полемизирует с европейскими учеными по ряду вопросов.

Цай Хуншэн считает, что это тесно связано с международной обстановкой того времени. В 1812 г. Россия победила в войне с Францией; Николай I старался избавиться от европейского влияния внутри страны, поэтому повсеместно (и не только в синологии) мнения западных ученых подвергались критическому осмыслению. Автор особенно отмечает, что Бичурин открыл новую эру в русской синологии: он не только установил структуру русского китаеведения, но и выдвинул план реформы духовной миссии. Именно на основе этого плана была выработана инструкция 1818 г., которая серьезно повлияла на дальнейшее развитие российской миссии.

С 90-х гг. XX в. в Китае появились специальные учреждения, которые занимались обширными переводами зарубежных синологов, они готовили и публиковали многочисленные обозрения из истории развития зарубежной синологии, в которых звучало имя Н.Я. Бичурина как одного из видных российских синологов XIX в. В XXI в. стало возможным всестороннее и системное исследование заграничной синологии. Изучение деятельности Бичурина в русле зарубежного китаеведения пережило такой же путь, как и другие зарубежные синологии. В ряде работ, посвященных истории российской синологии, есть обязательное упоминание о деятельности Бичурина: «俄国汉学史提纲» «Э Го Хань Сюе Ши Ти Ган» («Тезисы русской синологии») [7]; «俄罗斯汉学史» «Э Ло Сы Хань Сюе Ши» («История русской синологии») [8]. Стоит специально отметить, что вторая глава последней монографии носит название «Бичуринский период (первая половина XIX в.)», а первый параграф этой главы озаглавлен весьма показательно – «Основоположник русской синологии».

Китайские ученые, как можно судить только по названиям разделов и глав книг, высоко оценивают вклад Бичурина в русскую науку, безусловно отдавая именно ему первенство в начале российской синологии. Следует перечислить наиболее заметные китайские издания, посвященные русскому ки-

таеведению как доказательство того факта, что изучение истории российской синологии в современном Китае имеет характер системного и всеохватного направления: «国外汉学史» «Го Вай Хань Сюе Ши» («Истории заграничной синологии») [9]; «明清传教士与欧洲汉学» «Минь Цин Чуань Цзяо Ши Юй О Чжоу Хуань Сюе» («Проповедники в династиях Мин и Цзин и европейская синология») [10]; «独树一帜的俄罗斯汉学» «Ду Шу И Чжи Дэ Э Ло Сы Хань Сюе» («Специфическая русская синология») [11]; «俄国汉学史: 迄于1917 年» «Э Го Хань Сюе Ши: ци юй 1917» («История русской синологии: до 1917») [12].

Среди заметных работ в этой области отметим исследования Ли Вэйли, научного сотрудника Академии общественных наук Китая. Она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «尼·雅·比丘林及其中国研究» «*Ни Я Би Цю Лин Цзи Ци Чжун Го Янь Цзю*» («Н.Я. Бичурин и его изучение Китая» [13], а в 2007 г. издала монографию «尼·雅·比丘林及其汉学研究» «Ни Я *Би Цю Лин Цзи Ци Хань Сюе Янь Цзю*» («Н. Я. Бичурин и его синологические изучения») [14]. Книга Ли Вэйли ценна тем, что, во-первых, это первая монография, в которой представлена комплексная информация о научном наследии Бичурина. Кроме того, в ней представлен обобщенный и наиболее полный анализ исследований российских ученых о Бичурине.

Во-вторых, эта монография написана с использованием источников – работ самого Бичурина, которые автор кропотливо изучала в библиотеках и архивах России и Китая. Ценно и то, что Ли Вэйли опиралась и на китайские источники, которые сам Бичурин использовал при составлении своих работ. Это позволило не только оценить соответствие содержания работы реальности, но и указать на погрешности, сделанные Бичуриным, а затем и русскими учеными, изучавшими его деятельность. По мнению Ли Вэйли, из-за чрезмерной зависимости от китайских источников, неспособности наблюдать за обществом Цинской династии и своего личного расположения к Китаю Бичурин не всегда объективно излагает китайскую реальность.

В 2015 г. вышла в свет новая книга исследовательницы с высококвалификационным названием – «俄罗斯汉学的太阳» «Э Ло Сы Хань Сюе Дэ Тай Ян» («Светило российской синологии – Н.Я. Бичурин») [15], которая является очередным томом в серии «Сокровища мысли Великого чайного пути» (2014–2017). В отличие от предыдущей монографии эта книга относится, скорее, к жанру научно-популярной литературы, что свидетельствует о том, что личность Бичурина интересует не только ученых, но и рядовых читателей. Как справедливо отметил Сюй Ваньминь в рецензии на эту книгу, «по объему информации о Бичурине, по глубине изучения его наследия работы Ли Вэйли занимают ведущее место среди публикаций китайских специалистов, изучающих его труды» [16].

Сяю Юйцзю и ее «俄国传教团与清代中俄文化交流» «Э Го Чуань Цзяо Туань Юй Цзинь Дай Чжун Э Вэнь Хуа Цзяо Лю» («Российская духовная миссия в Пекине и российско-китайские культурные контакты в Цинской империи») [17] представляют новую точку зрения на научное наследие Н.Я. Бичурина в отношении культурной коммуникации между двумя странами. В указанной монографии автор рассматривает деятельность Бичурина с разных сторон. Во-первых, рассматривается религиозная деятельность Бичурина. Небезызвестно, что из-за пренебрежения миссионерскими обязанностями Бичурин был приговорен судом к ссылке в Валаамский монастырь. При изучении наследия Бичурина его церковный сан часто игнорируют. По мнению Сяю Юйцзю, в первые годы пребывания в Пекине Бичурин делал попытки пропагандировать православные идеи. Следует отметить, что в 1808–1809 гг. Бичурин занимался переводом на китайский язык «изложения греко-российского православного учения» [1]. Книга была издана в 1810 г. в количестве 400 экземпляров под

названием «天神会课» («Тянь Шэнь Хуй Кэ» «Изложения греко-российского православного учения»). В «竹叶亭杂记» «Чжу Е Тин Цза Цзи» («Записки Чжу Е Тин») [18] сказано, что при отправке издания в Россию книга не прошла проверку Палаты по делам зависимых территорий Лифаньюай, после чего император Сюань Тун издал указ уничтожить весь тираж. Этот инцидент в большей или меньшей степени повлиял на Бичурина, что привело к его полному пренебрежению своими церковными обязанностями. При переводе «天神会课» «Тянь Шэнь Хуй Кэ» («Беседы в Собрании ангелов») Бичурин ввел в китайский язык новые слова, самым ярким из которых является, по нашему мнению, слово «ecclesia», переведенное Бичуриным как 教会 Цзяо Хуй (церковь). Данное слово употребляется в китайском языке до сих пор.

Во-вторых, в исследовании Сяю Юйцзю рассматриваются научные достижения Бичурина в области философии, религии, истории, географии, языка, общества и закона.

В-третьих, автор обращает серьезное внимание на педагогическую деятельность Бичурина.

Кроме обзорных изучений Бичурина в последние годы появилось большое количество монографий и статей, посвященных определенной части бичуринского научного наследия. Эти исследования сосредоточиваются на следующих областях. Прежде всего китайские ученые обращают внимание на «汉文启蒙» «Хань-вынь-ци-мынь» («Китайская грамматика») как на первый комплексный и системный учебник китайского языка. Янь Годун, Ли Вэйли в своих монографиях представили подробное описание этого учебника. В 2015 г. опубликована монография Янь Хуа «《汉文启蒙》研究» ««Хань-вынь-ци-мынь» Янь Цзю» («Изучение «Хань-вынь-ци-мынь»«) [19]. В первой части монографии представлен анализ данного учебника, указано, в чем заключается его ценность и где допущены погрешности. Во второй части представлены оригинальный текст учебника и его перевод. Это единственная работа Бичурина, которая полностью переведена на китайский язык.

Кроме монографии существует ряд статей, посвященных этому учебнику, например, статья профессора Лю Жомэй «俄国汉学史上第一部汉语语法书 – 《汉文启蒙》» «Э Го Хань Сюе Ши Шан Ди И Бу Хань Юй Юй Фа Шу» («Первый учебник по грамматике китайского языка в истории русской синологии – «Хань-вынь-ци-мынь»«) [20] «江沙维的《汉字文法》与比丘林的《汉文启蒙》« «Цзян Ша Вэй Дэ «Хань Цзы Вэнь Фа» Юй Би Цю Линь Дэ «Хань Вэнь Ци Мэн»« («Arte China» Гонсалвес и «Хань-вынь-ци-мынь» Бичурина») [21].

Другая область, на которую китайские ученые обращают сегодня внимание, связана с изучением Бичуриным пограничных районов Китая. В статье «比丘林的中国边疆史地研究» «Би Цю Линь Дэ Бянь Цзян Ши Ди Янь Цзю» («Бичуринское изучение истории и географии пограничных районов Китая») [22] Янь Годун отметил, что «достижения Бичурина в этой области занимают важное место в его деятельности», что «многочисленные переведенные и написанные им работы не только заложили основу русской синологии, но и наметили путь русского монголоведения, тибетологии и других дисциплин востоковедения» [22. С. 103]. Его «История первых четырех ханов из дома Чингис-ханова» (1829), выполненная на основе перевода с китайского языка из «元史» «Юаньши», до сих пор является единственным переводом на русский язык, поэтому специалистам по монголоведению нельзя обойти эту работу стороной.

В 2008 г. была опубликована монография У Синюн «周敦颐的著作及其研究» «Чжоу Дунь И Дэ Чжу Цзо Цзи Ци Янь Цзю» («Работы Чжоу Дуньи и их исследования») [23], в которой сделан новый перевод «通书» «Тун Шу» («Книга о проницаемости»), переведенная Бичуриным более 200 лет назад. У Синюн не только

добавил в своем переводе комментарии к источникам китайского текста, но и в статье «对俄国学者翻译周敦颐《通书》的评论» «Дуй Э Го Сюе Чжэ Фань И Чжоу Дунь И “Тун Шу” Дэ Пин Цзя» («Рассуждение о переводе русского ученого “Тун Шу” Чжоу Дуньи») [24] указала на ранее не замеченные погрешности в переводе Бичурина.

Хотя изучение научного наследия Бичурина в последние годы в Китае активно развивается, ощущается традиционная зависимость работ китайских ученых от исследований российских коллег, поэтому существует ряд проблем, ограничивающих оригинальное изучение научного наследия Бичурина в Китае.

Во-первых, информация о Бичурине скудно представлена в китайских исторических материалах. Несмотря на то, что в переписке между правительствами Цинской и Российской империй, которая хранится сейчас в Музее Гугун, несколько раз повторялось имя Иакинф как главы Русской девятой духовной миссии, в китайских исторических материалах информация о Бичурине в этом качестве почти не представлена. Тем более южное подворье, где жил и занимался переводами Бичурин, было передано китайскому правительству после образования КНР, в настоящее время на его территории располагается муниципальный парк 青年湖公园 «Цин нянь ху гунн юань».

Во-вторых, недостаток первоисточников трудов Бичурина также сказывается на глубине и содержательности исследований. Практически все архивные материалы, в том числе доклады, письма, рукописи и коллекция книг Бичурина, хранятся в различных архивах на территории России. В Национальной библиотеке Китая находится только 18 работ Бичурина; в местных библиотеках материалов о первом русском синологе еще меньше. Таким образом, можно сказать, что первоисточников в Китае не хватает. Кроме этого, большую проблему представляет то, что не все китайские ученые владеют русским языком на достаточном для работы с оригинальными текстами уровне. Из всех работ Бичурина только «Хань-вынь-ци-мынь» была переведена на китайский язык, причем совсем недавно – лишь в 2015 г.; остальные работы русского синолога недоступны для большинства современных китайских ученых. Деятельность и труды Н.Я. Бичурина – яркой личности, большого ученого, нетривиального исследователя Китая – заслуживают всестороннего и системного изучения; его жизнь и научное творчество принадлежат всему миру, но Россия, Китай и его малая родина Чувашия имеют к нему особенное отношение, поэтому консолидация усилий в деле глубокого изучения научного наследия о. Иакинфа принесет безусловную пользу науке.

Литература

1. *Денисов П.В.* Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 335 с.

2. *Мо Дунинь.* История заграничной синологии. Чжэнчжоу: Изд-во Да Сян, 2006. 88 с.

3. История вторжения царской России в Китай / Китайская академия общественных наук. Пекин: Изд-во Жэнь Минь, 1976. Т. 1. 1331 с.

4. *Фан Сю.* Средство вторжения царской России в Китай – Российская духовная миссия в Пекине // Историческое изучение. 1975. № 03. С. 120–129.

5. Справочник русской и советской синологии / Китайская академия общественных наук. Пекин: Китайское общественное науч. изд-во, 1986. 1050 с.

6. *Цай Хуншэн.* Записи о русском подворье. Пекин: Чжун Хуа Шу Цзюань, 2006. 129 с.

7. *Ли Миньбинь.* Тезисы русской синологии // Изучение китайской культуры. 1999. № 3. С. 131–136.

8. *Ли Миньбинь.* История русской синологии. Чжэнчжоу: Изд-во Да Сян, 2008. 276 с.

9. *Хэ Янь, Сюй Гуанхуа.* Истории заграничной синологии. Шанхай: Изд-во образования Шанхай, 2002. 675 с.

10. *Чжэн Гоган.* Проповедники в династиях Мин и Цзин и европейская синология. Пекин: Китайское общественное науч. изд-во, 2001. 473 с.

11. *Лю Жомэй.* Специфическая русская синология // Изучение китайской культуры. 2003. № 2. С. 135–142.

12. *Янь Годун.* История русской синологии: до 1917. Пекин: Изд-во Жэнь Минь, 2006. 731 с.

13. *Ли Вэйли.* Н.Я. Бичурин и его изучение Китая: дис. ... канд. филол. наук. Пекин, 2006. 247 с.

14. *Ли Вэйли.* Н.Я. Бичурин и его синологические изучения. Пекин: Изд-во Сюе Юань, 2007. 179 с.

15. *Ли Вэйли.* Светило российской синологии – Н.Я. Бичурин. Пекин: Коммерческое изд-во, 2015. 198 с.

16. *Сюй Ваньминь.* Тот человек, кто уехал из Китая с вещами 6000 килограммов – рецензия на «Светило российской синологии – Н.Я. Бичурин» // Бо Лань Цюнь Шу. 2016. № 3. С. 77–79.

17. *Сяю Юйцзю.* Российская духовная миссия в Пекине и российско-китайские культурные контакты в Цинской империи. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное изд-во, 2009. 310 с.

18. *Яо Юаньчжи.* Записки Чжу Е Тин. Пекин: Чжун Хуа Шу Цзюань, 1982. 184 с.

19. *Янь Хуа.* Изучение «Хань-вынь-ци-мынь». Пекин: Изд-во Жэнь Минь, 2015. 424 с.

20. *Лю Жомэй.* Первый учебник по грамматике китайского языка в истории русской синологии – «Хань-вынь-ци-мынь» // Вестник Фуцзяньского педагогического университета. 2010. № 2. С. 138–147.

21. *Лю Жомэй.* «Arte China» Гонсалвес и «Хань-вынь-ци-мынь» Бичурина // Вестник Хуаньского педагогического университета (общественная наука). 2009. № 6. С. 151–156; 160.

22. *Янь Годун.* Бичуринское изучение истории и географии пограничных районов Китая // Вестник Фуцзяньского педагогического университета. 2001. № 2. С. 104–107.

23. *У Синюн.* Работы Чжоу Дуньи и их исследования. Сянтань: Изд-во Сянтаньского университета, 2008. 349 с.

24. *У Синюн.* Рассуждение о переводе русского ученого “Тун Шу” Чжоу Дуньи // Международная синология. 2015. № 1. С. 104–113; 123; 205.

ЧЭНЬ ПЭЙЦЗЮНЬ – аспирантка кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург (liliachen@yandex.ru).

CHEN PEIJUN

PRIEST IAKINF (BICHURIN) IN MODERN CHINA

Keywords: *Nikita Yakovlevich Bichurin, priest Iakinf, sinology, China, Sinology, Russian Spiritual Mission, study of Bichurin's scientific creativity.*

The article studies different points of view among Chinese scholars on the activities of Priest Iakinf and these views often depend on historical realities of Sino-Russian relationship. On the basis of a large number of sources, the article gives a typology of views and opinions of the Chinese humanities that deal with various aspects of life and deeds of Priest Iakinf and his mission in Beijing. The article aims to give a systematic and chronological description of the most important works of Nikita Yakovlevich Bichurin by Chinese scientists. It is noted that scientific heritage of Bichurin cannot be considered to be completely studied, and therefore its further study can bring many benefits to both Russian and Chinese sciences. In modern China, the study of scientific heritage of the Russian sinologist is of great importance, because China is an original culture and its study requires a scientific view "from the outside". N. Bichurin was not an ordinary scientist and sinologist. He managed to arouse an unprecedented interest towards China in Russia in the nineteenth century and managed to become one of the most scrupulous and impartial chronicler of China. He expressed his opinions in many ethnographic works. The article points out that the most important advantage of Bichurin's works is that he attracted numerous Chinese sources to his research, including the most ancient ones, as he knew the Chinese language and many of its dialects very well.

References

1. Denisov P.V. *Slovo o monakhe Iakinfe Bichurine* [The Tale of Monk Iakinfe Bichurine]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, 335 p.

2. Mo Dongyin. *Istoriya zagranichnoi sinologii* [The History of Sinology]. Zhengzhou, Daxiang Chubanshe Publ., 2006, 88 p.

3. Chinese Academy of Social Sciences. *Istoriya vtorzheniya tsarskoi Rossii v Kitai* (Tom 1) [The History of the Invasion of China by Tsarist Russia (the first volume)]. Beijing, Remin Chubanshe Publ., 1976, 331 p.

4. Fang Xiu. *Sredstvo vtorzheniya tsarskoi Rossii v Kitai – Rossiiskaya dukhovnaya missiya v Pekine* [The Tools of the Invasion of China by Tsarist Russia –The Russian Orthodox Mission in Beijing]. *Istoricheskoe izuchenie* [Historical Research], 1975, no. 03, pp. 120–129.

5. Chinese Academy of Social Sciences. *Spravochnik russkoi i sovetskoi sinologii* [A Handbook to Sinology of Russian and Soviet]. Beijing, China social sciences press Publ., 1986, 1050 p.

6. Cai Hongsheng. *Zapisi o russkom podvor'e* [Accounts of E-lo-ssu kuan (Russian Hostel)]. Beijing, Zhonghua shuju Publ., 2006, 129 p.

7. Li Mingbin. *Tezisy russkoi sinologii* [The Synopsis of Russian Sinology]. *Izuchenie kitaiskoi kul'tury* [Chinese Culture Research], 1999, no 03, pp. 131–136.

8. Li Mingbin. *Istoriya russkoi sinologyi* [The History of Russian Sinology]. Zhengzhou, Daxiang Chubanshe Publ., 2008. 276 p.

9. He Yin, Xu Guanghua. *Istorii zagranichnoi sinologii* [The History of Overseas Sinology]. Shanghai, Shanghai educational publishing house Publ., 2002, 675 p.

10. Zhang Guogang. *Propovedniki v dinastiyakh Min i Tszin i evropeiskaya sinologiya* [Missionaries in the Qing and Ming Dynasties and European Sinology]. Beijing, China social sciences press Publ., 2001, 473 p.

11. Liu Ruomei. *Spetsificheskaya russkaya sinologiya* [The Unique Russian Sinology]. *Izuchenie kitaiskoi kul'tury* [Chinese Culture Research], 2003, no. 02, pp. 135–142.

12. Yan Guodong. *Istoriya russkoi sinologii: do 1917* [The History of Russian Sinology]. Beijing, Remin Chubanshe Publ., 2006, 731 p.

13. Li Weili. *N. Ya. Bichurin i ego izuchenie Kitaya* [Bitchurin and His Chinese Studies]. Beijing, 2006, 247 p.

14. Li Weili. *N. Ya. Bichurin i ego sinologicheskie izucheniya* [Bitchurin and His Sinological Studies]. Beijing, Xueyuan Chubanshe Publ., 2007, 179 p.

15. Li Weili. *Svetilo rossiiskoi sinologii – N. Ya. Bichurin* [The Sun of Russian Sinology– N. Y. Bichurin]. Beijing, The Commercial Press Publ., 2015, 198 p.

16. Xu Wanmin. *Tot chelovek, kto uekhal iz Kitaya s veshchami 6000 kilogramm– retsenziya na «Svetilo rossiiskoi sinologii – N. Ya. Bichurin»* [The Man Who Left China with 6,500 Kilograms of Luggage – A Review on «The Sun of Russian Sinology – N. Y. Bichurin»]. *Bo Lan' Tsyun' Shu* [Bolanqunshu], 2016, no. 03, pp. 77–79.

17. Xiao Yuqiu. *Rossiiskaya dukhovnaya missiya v Pekine i rossiisko-kitaiskie kul'turnye kontakty v Tsinskoi imperii* [The Russian Orthodox Mission in Beijing and Sino-Russian Cultural Exchange in Qing Dynasty]. Tianjin, Tianjin Renmin Chubanshe Publ., 2009, 310 p.

18. Yao Yuanzhi. *Zapiski Chzhu E Tin* [Bits of Zhuyeting].Beijing, Zhonghua Shuju Publ., 1982, 184 p.

19. Yan Hua. *Izuchenie «Khan'-vyn'-tsi-myn'«* [The Study of «Chinese Grammar»]. Beijing, Renmin Chubanshe Publ., 2015, 424 p.

20. Liu Ruomei. *Pervyi uchebnik po grammatike kitaiskogo yazyka v istorii russkoi sinologi – «Khan'-vyn'-tsi-myn'«* [The First Textbook on Chinese Grammar in the History of Russian Sinology – »Chinese Grammar»]. *Vestnik Futszyan'skogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Fujian normal university], 2010, no. 02, pp. 138–147.

21. Liu Ruomei. *«Arte China» Gonsalves i «Khan'-vyn'-tsi-myn'« Bichurina* [«Arte China» of Goncalves and «Chinese grammar» of Bichurin]. *Vestnik Fuana'skogo pedagogicheskogo universiteta (obshchestvennaya nauka)* [Journal of Huanan normal university (Social Studies)], 2009, no 06, pp. 151–156; 60.

22. Yan Guodong. *Bichurinskoe izuchenie istorii i geografii pogranichnykh raionov Kitaya* [China's Borderland History and Geography Studes of Bichurin]. *Vestnik Futszyan'skogo pedagogicheskogo universiteta* [China's Borderland History and Geography Studes], 2001, no. 02. pp. 104–107.

23. Wu Xingyong. *Raboty Chzhou Dun'i i ikh issledovaniya* [The Works of Zhou Dunyi and His Research]. Xiangtan, Xiangtandaxue Chubanshe Publ., 2008. 349 p.

24. Wu Xingyong. *Rassuzhdenie o perevode russkogo uchenogo «Tun Shu» Chzhou Dun'i* [The Review on Translation of Zhou Dunyi's «Tongshu» by Russian Scholars]. *Mezhdunarodnaya sinologiya* [International Sinology], 2015. no. 01. pp. 104–113;123;205.

CHEN PEIJUN – Post-Graduate Student of the Russian Language Department, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg (liliachen@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Чэнь Пэйцзюнь.* Отец Иакинф (Бичурин) в современном Китае // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 256–263.

УДК 811.161.1`373.45
ББК Ш12=411.2*322

С.И. БАХТИНА, Т.Н. ПАВЛОВА

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ЭКСПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ВВЕДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В СИСТЕМУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: *иноязычная лексика, экспликация, комментарии, пояснения, перевод.*

Статья посвящена описанию различных способов введения иноязычной лексики в систему русского языка. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящий период развития русского языка продолжается активизация межкультурной коммуникации и, как следствие, проникновение новый реалий и их наименований в русский язык. Основными методами выступают когнитивный и лексико-семантический виды лингвистического анализа. Источниками материала послужили переводные тексты разных временных периодов. Авторы акцентируют внимание на том, что при переводе с одного языка на другой могут происходить лексические трансформации. Одна из задач переводчика – передать суть оригинала, поэтому авторами рассматриваются различные виды экспликации, облегчающие восприятие произведений. Термин «экспликация» означает способ уточнения понятий какого-либо языка-оригинала с целью устранения неясностей и неточностей, зачастую возникающих при переводе. Семантика иноязычного слова может быть раскрыта при помощи внетекстовых или внутритекстовых пояснений. Подстрочные сноски также представляют собой дефиниции иноязычных лексем и служат для расширения фоновых знаний читателя, а также для адекватного восприятия содержания текста. Описательный перевод как способ разъяснения значения иноязычной единицы при помощи сочетаний слов представляет собой обычно затекстовый комментарий. Описание при переводе применяется в отношении малоизвестных понятий. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что экспликация является одним из способов заполнения различного рода лакун. Выбор определенного вида экспликации зависит от конечной цели переводчика: он может хотеть максимально приблизить текст оригинала к запросам читательской аудитории или стремится найти семантический эквивалент иноязычному слову, или желает передать дух эпохи и т.д. Следует помнить, что на переводчике лежит огромная ответственность за ту информацию, которой он дополнил текст, так как в итоге сопроводительные комментарии могут либо передать суть оригинала и помочь понять произведение, либо трансформировать его.

Существование иноязычной лексики либо заимствований в качестве одного из пластов общей лексики того или иного языка является показателем развития этого языка. В истории многих лексико-семантических групп отмечается тенденция к тому, что «удельный вес … заимствованных или образованных от заимствованных слов возрастает с течением времени» [2. С. 220]. Необходимость номинации новых реалий, появляющихся в результате контактов языков; дифференциация близких по смыслу слов; обеспечение стилистического эффекта; необходимость специализации понятий; тенденция к замене описательного оборота одним словом – основные причины заимствования. Что касается путей заимствования, то их может быть несколько и классификация их различна: прямой путь (непосредственно из одного языка в другой) или опосредованный (через языки-посредники), устный (в результате живого общения носителей разных языков) или письменный (заимствование при переводе иноязычных текстов на родной язык). Основным же источником пополнения русского языка заимствованиями являлись и являются в настоящее время письменные переводы.

Переводная литература – это особый пласт литературы, играющий немаловажную роль в общем развитии всей литературы нации и являющийся источником проникновения не только новых слов, но и фонетических, семантических и морфологических новаций. Взаимодействие различных культур происходит в том числе и благодаря знакомству с иностранными авторами и их произведениями. Перевод – это довольно древний вид деятельности человека, ведь изучить иностранный язык на таком уровне, чтобы воспринимать реальную действительность иной страны на уровне нюансов, удается далеко не каждому. Конечно, одним из наиболее благоприятных условий контактирования является билингвизм, т.е. способность индивидуума изъясняться на двух языках, но это недостаточно распространенное явление. В итоге приходится довольствоваться переводами.

Знакомство с переводными источниками дает стимул к взаимодействию и взаимообогащению культур, открывает доступ к достижениям в науке и культуре других народов. Уже в древнеславянский период переводная литература органически вписывалась в литературу национальную. Это происходило прежде всего потому, что «…переводчики и писцы по большей части были соавторами и соредакторами текста» [3. С. 54]. В этот период на русскую почву была перенесена система жанров, сыгравших определенную роль в развитии самобытных традиций в русской литературе. Позже, в средние века, переводная литература, издаваемая на Руси, несла на себе печать мудрости, желания познания души и мира, земного и божественного. В петровскую эпоху переводу художественных книг, учебной литературы уделялось большое внимание. В 1724 г. вышел указ царя, в котором переводу отводилась особая роль: «Для переводу книг нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть то не может; того ради заранее сие сделать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам, и чтоб все из русских или иноземцев, кои или здесь родились или зело малы приехали и наш язык, как природный, знают, понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой. Художества же следующие: математическое ... хирургическое … анатомическое, ботаническое, милитарис и прочия тому подобные» [6. С. 18]. Так как Петр I считал, что залог процветания России – в создании светской цивилизации, основанной на техническом прогрессе, распространение получили учебные пособия сугубо практического характера. В данный период иноязычные слова пополняют следующие тематические группы: административную, военную, политическую, научную и др. К тому же не стоит забывать об исторических контактах народов, ведь овладение иностранным языком как средством общения – очень сложный процесс, но именно он способствует эффективной адаптации личности к иной социальной среде. На современном этапе развития языка переводная литература имеет большое значение и оказывает влияние не только на русскую литературу, но и на культуру в целом. Отечественное книгоиздание охватывает многие сферы и практически всю мировую литературу от древности до современности. Переводные издания разнообразны по содержанию, национальной принадлежности и целевому назначению.

Сложность изучения переводной литературы заключается в том, что необходимо установить, на каком языке написано произведение и где и кем был сделан перевод. Осложняет работу наличие параллельных переводов одного и того же текста, выполненных разными лицами, а также существование разновременных правленых переводов. Нередко можно столкнуться с так называемым «вольным переводом», когда автор из благих побуждений отходит от ори-

гинала, заменяя малопонятные наименования более понятными читателю. Иногда лексемы, входящие в язык через язык-посредник, несут на себе черты последнего, поэтому бывает невозможно четко проследить отношения между двумя системами – передающей и принимающей, следовательно, понять и отразить смысловую нюансировку лексической единицы бывает крайне сложно.

Термин «экспликация» (лат., букв. «разъяснение») применительно к переводной литературе означает способ уточнения понятий того или иного языка-оригинала с целью устранения неясностей и неточностей. Переводчик, работая над каким-либо произведением, сталкивается с набором реалий, малоизвестных читательской аудитории. Любой автор, как правило, создает свои произведения, рассчитывая на то, что их смысл будет адекватно воспринят читателем. Задача переводчика – передать средствами языка целостное содержание подлинника. Коммуникация между переводчиком и читателем может состояться в том случае, если ее участники обладают общими фоновыми знаниями, поэтому первый берет на себя обязательство отрегулировать баланс между известной и новой информациями. Конечно, контекст нередко помогает читателю понять, что автор имеет в виду, но иногда интуиция может не сработать, и тогда требуется устранение неясности. Иноязычная лексика нуждается в экспликации ввиду недостаточной ее освоенности. В итоге имплицитная информация, содержащаяся в тексте и зачастую непонятная носителю языка в силу межъязыковой разобщенности, в результате процесса экспликации трансформируется в эксплицитную.

При переводе текста переводчик, приняв решение об экспликации неизвестной информации, должен выбрать оптимальный способ ее реализации. Автор может использовать различные средства осмысления значений иноязычных лексем, но экспликации в виде сносок, внетекстовых комментариев являются одним из основных способов элиминации лакун [1. С. 117].

Сноски как вид экспликации представляют собой дефиниции иноязычных лексем. Они довольно распространены, так как максимально точно раскрывают смысл незнакомого слова, содержат дополнительную или новую информацию, которая необходима для адекватного восприятия текста, а также способствуют расширению фоновых знаний читателя по тому или иному вопросу. Сноска так или иначе содержит дополнительные сведения, следует помнить, однако, что она не столь объемная, как затекстовые примечания, к примеру. Например, при переводе романа Х. Мураками «Страна Чудес без тормозов и Конец Света» переводчик Д. Коваленин дает подробное объяснение некоторых японских слов, используя сноски: *бэнто* – «холодный завтрак, обед и т.п., обычно – в пластиковой коробке, который берут с собой в дорогу или покупают в пути»; *мисо* – «паста из перебродивших соевых бобов, а также суп из нее»; *тофу* – «китайский соевый творог, широко используется в японской кулинарии» [4. С. 1–384]. Подстрочные сноски могут содержать новую для читателя информацию, связанную с пониманием текста. В том же романе фраза «…одна (заканчивает школу) этой весной» сопровождается сноской-уточнением, имеющей страноведческий подтекст: «учебный год в Японии – с апреля по март». Предложение «…за шестнадцать лет учебы людям лишь калечат мозги» расшифровывается сноской «полный курс образования по японской системе – одиннадцать лет школы, четыре года вуза и год аспирантуры» [4. С. 1–384].

Подстрочные сноски иногда содержат приблизительный ассоциативный перевод иноязычного слова, если в русском языке невозможно подобрать аналог: know how – технология. Следует помнить, что эти аналоги иногда могут ввести в заблуждение читателя, потому что могут создать искаженный образ реального понятия или явления. Нетранслитерированная иноязычная лексика, которая используется в тексте, выполняет особую функцию: характеризует персонажа с

позиции социальной принадлежности, передает атмосферу диалога, демонстрирует уровень культуры персонажа, придает экспрессию высказыванию, подчеркивает индивидуальную особенность говорящего и т.д. В «Рассказах и очерках разных лет» Э. Хемингуэя нетранслитерированная лексика имеет высокую степень эксплицированности, органически встраиваясь в канву произведения и выступая в качестве полноценного элемента диалога:

«В трубке прозвучал сдержанный голос:

– Олла. Que tal, Энрике?

– Слушайте, Пепе, задержали вы у Чикоте такого Луиса Дельгадо?

– Si, hombre. Si. Sin novedad. Без осложнений.

– Знает он что-нибудь об официанте?

– No, hombre, no» [7. С. 65].

Внетекстовые коммертарии (разъяснения) содержат добавочную информацию, дополняя текст. Их использование объясняется необходимостью или желанием ввести пояснительную информацию, преподнести дополнительные сведения, не имеющие непосредственного отношения к самой реалии, но дающие объективное представление о конкретной эпохе, например. В итоге читатель получает необходимые знания, без которых невозможно правильное восприятие текста. К тому же переводческий внетекстовый комментарий дает возможность читателю самостоятельно интерпретировать получаемую информацию. С точки зрения лингвокультурной коммуникации внетекстовые комментарии можно рассматривать как вторичный минитекст, задача которого – в объяснении и расшифровке конкретного предмета, события или явления, представленного иноязычным словом. Нередко комментарии переводчика содержат занимательный или исторически ценный материал, что указывает на широкий кругозор переводчика, или же предлагают собственную интерпретацию текста. Например, издание «Гамлет, принц датский и Сонеты Уильяма Шекспира» в переводе С.А. Степанова снабжено подробным комментарием переводчика. Это так называемый метакомментарий, в котором переводчик трансформирует произведение, предлагая и доказывая свою версию об авторе и объясняя сложные места в переводимых сонетах.

Внетекстовые комментарии нередко являются единственным условием понимания текста. Ярким примером, иллюстрирующим данную проблему, служит христианская литература, которая сформировалась на материале переводных произведений. Целью переводчика было стремление как можно точнее передать смысл, расшифровать текст, сделать его максимально понятным даже неподготовленному читателю. Этим и объясняется широкое использование затекстовых разъяснений. В настоящий период современное издание «Радостная весть: Новый завет в переводе с древнегреческого» сопровождается интересными историко-филологическими комментариями, которые учитывают новейшие результаты исследования библейской литературы. Выбор между подстрочными сносками и внетекстовыми комментариями в пользу последних продиктован тем, что большинству читателей нередко ни те, ни другие не очень нужны и важны, а использование подстрочных сносок в художественном тексте отвлекает внимание.

Часто переводчик довольно свободно обращается с переводимым текстом. Иначе быть не может, так как дословный перевод может привести к неправильному восприятию или искажению информации. Иногда при переводе необходимо ориентироваться на конкретную читательскую аудиторию. Например, в трагедии В. Шекспира «Король лир» строка «...ты, ижица, лишняя буква в азбуке» сопровождается следующим комментарием: «В подлиннике – Z (zed), которое считалось грамматиками того времени «лишней» буквой, по-

скольку передаваемый ею звук может быть изображен с помощью буквы S» [8. С. 441]. В данном случае комментарий имеет целью обратить внимание на несоответствия в оригинале и переводе. Внетекстовым (обычно затекстовым) комментарием могут сопровождаться имена собственные, встречающиеся в переводных текстах. В произведениях В. Шекспира «Король Лир» и «Буря» встречаются имена Модо, Мего и Калибан. Первые два объясняются в комментарии следующим образом: «…имена бесов, иногда с незначительными звуковыми изменениями, встречаются у Харснета, но не являются его изобретением. Некоторые из них могли быть известны Шекспиру из фольклора и из современной ему демонологии». «Калибан» сопровождается таким комментарием: «…как думают, не что иное, как измененная форма слова «каннибал»; по другому предположению, имя это взято из цыганского языка, на котором cauliban означает 'чернота'» [8. С. 445]. Задача этих комментариев – дать объяснение объектам, которые могут быть неизвестны читателю.

Описательный перевод как способ разъяснения значения иноязычной единицы при помощи сочетаний слов представляет собой, как правило, затекстовый комментарий. Описание при переводе слова применяется в отношении малоизвестных или неизвестных понятий. Например, распространенный в Англии the Candle Auction переводят как «свечной аукцион». Для того чтобы читатели поняли смысл этого процесса, переводчик должен ввести описание этого обычая и объяснить, что в Англии в семнадцатом и восемнадцатом веках аукцион начинался с зажигания свечи, после чего делались ставки до тех пор, пока свеча не гасла; и выигрывал аукцион тот, кто сделал лучшее предложение на момент угасания свечи. Описательный перевод удобен при переводе устойчивых сочетаний: *to have a good time* – «хорошо проводить время, чаще используется как пожелание», *to keep the change* – «оставить сдачу себе, сдачи не надо», *dead on time* – «как раз вовремя, с точностью до секунды», t*o get a life* – «адресуется скучному человеку, когда хотят, чтобы он делал более интересные вещи» и т.п.

Внутритекстовые комментарии (пояснения) также имеют своей целью объяснить иноязычное слово, семантика которого не совсем прозрачна для понимания. Они встречаются при переводе текстов медицинского характера, художественной литературы, технической или деловой документации. Внутритекстовые пояснения, как правило небольшие по объему, могут представлять собой либо русский эквивалент иноязычного понятия, либо словосочетание. Они могут оформляться по-разному: в скобках, при помощи оборотов «то есть», «так сказать» и подобных. Внутритекстовые комментарии облегчают знакомство читателя с иноязычными реалиями, очень удобны, поскольку не отвлекают его от содержания: «педантствовать, т.е. поучать и пустословить», «лорнет, т.е. очки на ручке», «bonneted cotton, т.е. хлопковый домашний колпак» [5. С. 1–939].

Существует еще один довольно распространенный способ толкования значений иноязычных слов – глоссарий (лат., букв. 'собрание глосс' – словарь узкоспециализированных терминов в какой-либо отрасли знаний с толкованием, иногда переводом на другой язык, комментариями и примерами), представленный в конце книги. Переводчику, работающему с текстом, нередко требуется определить значение незнакомого слова или явления, дать пояснение к нему, зачастую объемное. Это можно сделать в глоссарии. Тем не менее нам кажется не очень удобным поиск незнакомого слова в глоссарии, так как это отвлекает от нити повествования.

Таким образом, экспликация как один из способов уточнения значений служит для заполнения разного рода лакун, одним из способов преодоления

неполноты содержания текста. Выбор того или иного вида экспликации зависит от цели переводчика. Они же могут быть различными: приблизить текст оригинала к запросам читательской аудитории, найти семантический эквивалент иноязычному слову, передать дух эпохи и т.д. Следует помнить, что переводчик несет ответственность за ту информацию, которой дополнил текст, так как в итоге сопроводительные комментарии могут либо передать суть оригинала и помочь понять произведение, либо трансформировать его.

Литература

1. *Габдреева Н.В.* Неологизмы французского происхождения в современных переводах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. С. 117–119.

2. *Кожемякова Е.А.* История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 252 с.

3. *Лихачев Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 605 с.

4. *Мураками Х.* Страна чудес без тормозов и Конец света. М.: Эксмо, 2007. 384 с.

5. *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-Спб/Набоковский фонд, 1998. 939 с.

6. *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. 426 с.

7. *Хемингуэй Э.* Рассказы и очерки разных лет. М: Худож. лит., 1982. 163 с.

8. *Шекспир В.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Интербук, 1995. Т. 7. 448 с.

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svetlanabakhtina@yandex.ru).

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (antat12@mail.ru).

S. BAKHTINA, T. PAVLOVA

**INTERLANGUAGE DIFFERENTIATION:
EXPLICATION AS A METHOD OF FOREIGN VOCABULARY INTRODUCTION
INTO THE SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE**

Key words: *foreign vocabulary, explication, comments, explanations, translation.*

The article is devoted to the description of various ways of introducing foreign vocabulary into the Russian language system. This research is relevant in the modern world, because in current period of the Russian language development intercultural communication continues to intensify. As a result new realities and their names appear in the Russian language. The main methods are the cognitive and lexical-semantic types of linguistic analysis. The sources of the material were translated texts of different periods. The authors emphasize that lexical transformations can take place when translating from one language to another, the semantics of words sometimes change. A translator must convey the essence of an original word; that is why the authors examine different types of explications which help to understand the literary work. The term «explication» means the way of clarifying the concepts of a foreign language and eliminating inaccuracies in their translation. Explanations outside the text and inside the text help the reader to understand the semantics of the foreign word. Footnotes represent definitions of foreign lexemes and serve to expand the reader's background knowledge and adequately understand the content of the text. Descriptive translation as a way of clarifying the meaning of a foreign lexeme by using combinations of words usually represents a comment outside the text. Descriptive translation is used to describe lesser-known concepts. he study concluded that explication is one of the means to fill in different gaps. The choice of one of explication types depends on the final purpose of translating: to draw the original text as close as possible to readers' needs or to find a semantic equivalent of a foreign word or to convey the spirit of the era. It should be remembered that a translator bears great responsibility for the information, with which he supplemented the text, because eventually accompanying comments may either transmit the essence of the original and help to understand the work, or to transform it.

References

1. Gabdreeva N.V. Neologizmy frantsuzskogo proiskhozhdeniya v sovremennykh perevodakh [Neologisms of French origin in modern translations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo,* 2011, no. 6, pp. 117–119.

2. Kozhemyakova E.A. *Istoriya formirovaniya semantiki prilagatel'nykh-tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [History of formation of the semantics of adjectives-color designations in Russian]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2007. 252 p.

3. Likhachev D.S. *Tekstologiya (na materiale russkoi literatury X–XVII vv.)* [Textology: on the material of Russian literature X–XVII centuries]. Moscow, Leningrad, AN USSR Publ., 1962, 605 p.

4. Murakami Kh. *Strana chudes bez tormozov i Konets sveta* [Wonderland without brakes and the end of the world]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 384 p.

5. Nabokov V. *Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgenii Onegin»* [Comments on A.S. Pushkin's novel «Eugeny Onegin»]. St. Petersburg, 1998, 939 p.

6. Nelyubin L.L., Khukhuni G.T. *Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [The science of translation. History and theory from ancient times to the present day]. Moscow, Flinta, MPSI Publ., 2006, 426 p.

7. Kheminguei E. *Rasskazy i ocherki raznykh let* [Stories and essays of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 163 p.

8. Shekspir V. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works. 8 vols.]. Moscow, Interbuk Publ., 1995, vol. 7, 448 p.

BAKHTINA SVETLANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (svetlanabakhtina@yandex.ru).

PAVLOVA TATYANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (antat12@mail.ru).

Ссылка на статью: *Бахтина С.И., Павлова Т.Н.* Межъязыковая дифференциация: экспликация как способ введения иноязычной лексики в систему русского языка // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 264–270.

УДК 811.161+811.512.111]:130.3
ББК Ш12=411.2*003+Ш12=635.1*003

А.Р. ГУБАНОВ, Ю.Н. ИСАЕВ, О.В. СВЕКЛОВА, Г.Ф. ГУБАНОВА

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО УРОВНЯ

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, концепт, онтология, информационный ресурс, поиск информации, онтология верхнего уровня, база знаний, интеллектуальные системы.*

В статье предложены способы построения онтологий верхнего уровня на основе аппарата семиотического моделирования. Онтологии представляются в виде семантической сети фреймов, имеющей вид иерархии. Онтология верхнего уровня объекта (концепта) обусловленности как базисный концепт формируется подклассами каузальной (прямой) и инкаузальной (обратной) обусловленности, возникающими при взаимодействии двух объектов реальной действительности. Рассматриваются основные составляющие объектной модели онтологии «дивергентные признаки координат». Проектирование системы онтологии ведется в редакторе онтологии Protégé 5. Создаваемые онтологии предназначены для разработки системы общего доступа к информации.

Прогресс в области когнитивных наук, в том числе в когнитивной лингвистике, позволяет взглянуть на многие явления и процессы действительности под новым углом зрения. Интерес современных прикладных лингвистов-исследователей обращен к когнитивным, мыслительным процессам, и в первую очередь к анализу концептов, онтологий [2–6]. Любая предметная область, по их мнению, может иметь бесчисленное количество онтологий; каждая онтология – один из способов структурирования концептов и отношений между ними: неформальное представление онтологий в виде списков концептов возможно вместе с их грамматическими, стилистическими характеристиками и примерами использования. Вместе с тем онтолингвистические системы участвуют в автоматической обработке текстов, требующих семантических знаний, а при анализе лингвистических корпусов интеллектуальными информационными системами проанализированный тот или иной документ следует хранить в виде онтологии для включения в общую базу данных и последующего анализа [7–11].

В когнитивной лингвистике термин онтология – это модель предметной области, представленная в форме системы ее концептов [1]. Онтологии сильно различаются по ряду параметров, и исследователи выделяют различные основания для их классификации. В одной из работ приводится классификация, в которой выделено несколько уровней иерархии: онтологии представления, промежуточные онтологии, онтологии верхнего уровня, онтологии предметной области, онтологии задач и онтологии приложений [9]. В частности, онтологии представления определяют концептуализацию, которая лежит в основе формализма представления знаний, а онтологии верхнего уровня описывают такие общие понятия, как пространство, время, причинность, материя, объект, событие, действие и т.п., которые не зависят от конкретной задачи в проблемной области [9] Онтологии верхнего уровня, таким образом, имеют свои особенности, специфическую структуру: общие концепты-знания об объективном мире; разделение сущностей на абстрактные и реально существующие; деление понятий на постоянные и временные, на объект и процесс и т.д.

В онтологии верхнего уровня концепт обусловленности как базисный концепт формируется отношениями каузальной (прямой) и инкаузальной (обратной) обусловленности, возникающими при взаимодействии двух объектов

реальной действительности. Проектирование системы онтологии, объединенной на основе эвристически пассивной связи, в данной статье ведется в редакторе онтологии Protégé 5 [1] (см. рис. 1):

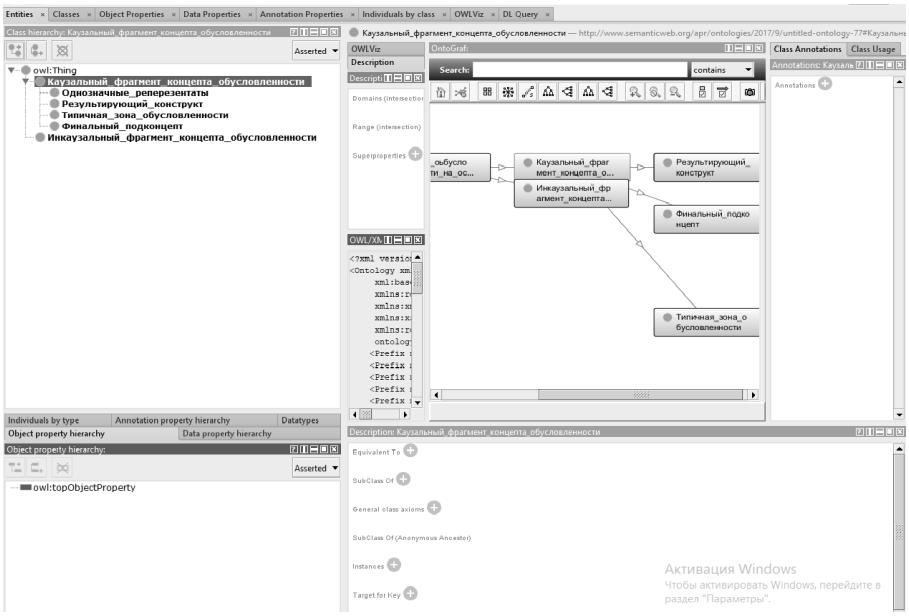

Рис. 1. Онтология, объединенная на основе эвристически пассивной связи

Каузальный фрагмент концепта обусловленности, являясь одной из ведущих форм взаимосвязи явлений процессов объективной действительности, представлен, как видно из концептуальной схемы системы Protégé, разными подклассами. Например, в качестве таксонов первого подкласса выступают однозначные репрезентаты, представляющие две отдельные ситуации, находящиеся между собой в причинно-следственных отношениях и отличающиеся от других классов данного концепта такими признаками, как «персуазивность» и «верифицируемость», которые выполняют интегрирующе-дифференцирующую роль, ибо в одних причинных типах значителен денотативный аспект, а в других – важен учет позиции говорящего.

В семантической структуре результирующего конструкта обусловленности следственный компонент определяется как реальное событие, порожденное другим событием: говорящий утверждает существование причинно-следственной связи: в высказывании в этом случае содержится информация о знании субъектом речи следственной ситуации и о самой следственной ситуации.

Специфика финального подкласса как частного фрагмента класса реализации принципа достаточного основания отражается в следующем толковании: *X* делает *P*, потому что хочет *Q* (собственная активность говорящего является одним из компонентов семантических составляющих данного класса).

[1] Модель Protégé основана на простой, гибкой метамодели, и поэтому стала применяться при создании онтологий для Semantic Web. Protégé имеет открытую, легко расширяемую архитектуру, поддерживает языки представления знаний (SHOE, XOL, DAML+OIL, RDF/RDFS, OWL), значит, и расширять Protégé для использования нового языка проще, чем создавать редактор этого языка «с нуля».

Описание подкласса кондициональности как типичной зоны концепта идеи обусловленности опирается на теорию референции, которая позволяет более полно представить рассматриваемый концепт, выражает типично человеческую способность размышлять об гипотетических ситуациях, предполагать возможные альтернативные ситуации. И понимание концептуальной организации этой способности обеспечивает понимание когнитивных процессов человеческой деятельности. Основной признак условной ситуации, отграничивающий данную ситуацию от причинной, наличие альтернативы в совершении события-условия и события-следствия. В целостном фрагменте концептуальной (условной) картины мира актуальна сильная альтернатива, которая имеет тенденцию к полиситуативному принципу представления информации, когда в этом информативном пространстве его части оказываются равноценны по своей предикативной значимости, а слабая альтернатива свидетельствует о неравноценной функциональной нагрузке соотнесенных ситуаций.

Рассматриваемый подкласс может быть представлен двумя фреймами:

1) таксоны с реальным характером условия;

2) таксоны с потенциальным условием, которые, в свою очередь, составляют три семантические сети:

а) потенциальное (предметное единичное) условие (на основе временной локализованности действия);

б) потенциальное предметное узуальное условие (на основе повторяемости действий);

в) обобщенно-потенциальное условие (структурируется поверхностно-синтаксическим фреймом с неспециализированными предлогами);

3) таксоны ирреального условия.

Инкаузальный конструкт как подкласс концепта обусловленности с отвергнутым основанием представляет причинность с противительным значением: конфликт ситуаций (*P* и *Q*) разрешается благодаря некоторому компромиссу (*R*). Если в базовом фрейме доминирующей семой является бинарная оппозиция «реальность – предположительность», то осложненный подкласс, модифицированный доминантной семой семантическим признаком *согласие* имеет следующее толкование: «Говорящий знает или считает, что более вероятно то, что ситуация *Q* имеет место, и, по его мнению, она важнее *Q*».

Референция обусловленности отражает результат активного взаимодействия разных способов кодирования информации в языке. В поверхностно-синтаксических фреймах, в частности в русском и чувашском языках, участвуют как каузальные релятивы, так и каузальные синтаксемы и девербативы.

При разработке онтологии верхнего уровня концепта обусловленности следует иметь в виду, что в аргументативной онтологизации информации происходят изменения онтологического статуса знания в виде процесса дивергенции (актуализация/виртуализация), так как в языковую картину мира говорящего вводятся новые знания. И к тому же категория процедурного преобразования в области концепта обусловленности имеет свою семантическую сферу действия в том или ином речевом отрезке на основе градуальных компонентов.

Все онтологии могут быть глубинными (используются глубинная семантика) и поверхностными (строятся на поверхностной семантике). Глубинную (скрытую) понятийную структуру обусловленности с дивергентами (дискурсивными единицами) можно описывать на основе теории пресуппозиции, ибо эта теория, понимаемая как объективная часть речевого поведения, позволяет открыто пред-

ставлять в описании рассматриваемого подкласса синтагматики концепта обусловленности имплицированный смысл наравне с эксплицированным.

Объектную модель онтологии «Дивергентные признаки координат» представим в выбранном нами редакторе онтологии (рис. 2).

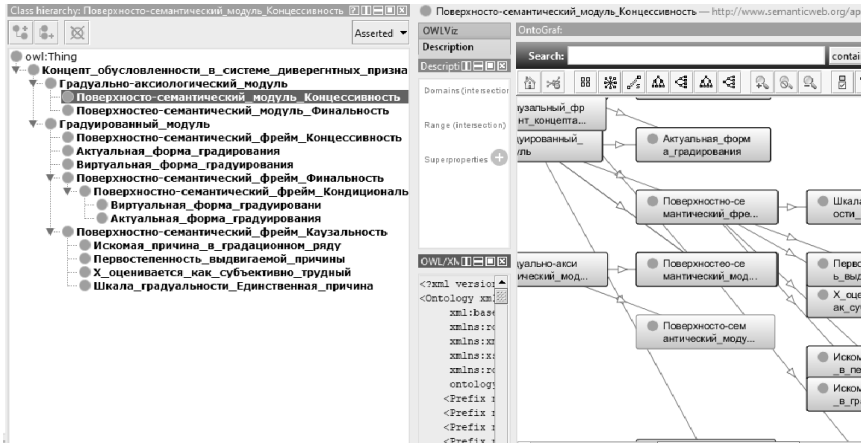

Рис. 2. Дивергентные признаки координат

Каждой сущности, как видно из представленной в редакторе модели базы знаний, соответствует класс-модуль с таким же именем. В градуированном классе-модуле поверхностно-семантический таксон «каузальность» имеет следующую структуру:

1) *актуальная форма градуирования* (указание на порождаемую ситуацию как на важную причину); ситуация *P* или ее компонент определяется говорящим как не соответствующие идеализированному представлению говорящим о мире:

а) шкала градуальности «единственная причина». Процедурный характер отношений обусловленности становится очевидным в следующих толкованиях:

«только *P* означает, что положение вещей *P* находится на границе *X* и больше, чем *x*»: Эх, ворон, как посмотрю на тебя, по твоему росту да красоте тебе бы только царем быть (Чув. нар. сказки). – Ку çăхан патне йăпшăнса пырать те калать: «Эпĕ сан çине пăхса тăранаймастăп, ку пĕвӳ-сийӳпе, сăну-пуçупа санăн патша анчах пулмалла»;

«положение вещей *P* рассматривается как "меньшее", чем возможности субъекта»: Но в его выражении не было заметно смущения, оно как будто говорило мне: «Да, я играю, а ты удивляешься этому только потому, что еще молод» (Л. Толстой). – Анчах унăн сăнĕ вăл именнине палăртмасть, ку сăн çапла каланăн туйăнать: «Ийя, вылятăп, эсĕ вара картла вылякансенчен ху çамрăккипе çеç тĕлĕнетĕн»;

«в ситуации конфликта *P* для *S* возможны отрицательные последствия (в центре внимания находится верхняя шкала *X*)»: Поэтому только имей в виду, я тебя об этом не прошу (В. Каверин). – Çавăнпа та пĕлсе тăр, кун пирки эпĕ хам ыйтмастăп;

«только *P* означает, что процесс *P* локализован в некоторый момент времени»: Только если из штаба пришлют – разбудишь! (М. Шолохов). – Штабран кама та пулин ярсан çеç вăрататăн!;

б) «x оценивается как субъективно трудный» с потенциально отрицательным результатом: Лишь бы успеть: иначе все пропадет (И. Тургенев). – Ĕлкĕртĕрччĕ çеç: унсăр пĕтĕмпех пĕтет;

в) «первостепенность выдвигаемой причины» (сценарий-схема данной шкалы имеет следующие типы варьирования: «именно (главным образом) *P* означает, что элемент *X* и его имя *N* обладают разным удельным весом (имя некоторой пропозиции стало предметом обсуждения)»: Именно поэтому, а не только потому, что она была начитанна и умна, она естественно свободно, даже незаметно для самой себя, владела душами подруг и товарищей-первомайцев (А. Фадеев);

«как раз *P* означает, что положение вещей *P* сопоставляется с положением вещей *Q* в связи с преобладанием случайности/пересечения некоторых контекстных и ситуационных факторов»: Он приехал как раз для того, чтобы встретиться с тобой (М. Шолохов). – Вăл шăпах санпа курнăçма килнĕччĕ;

г) шкала градуальности, осложненная признаком альтернативы (акцентируется мысль о том, что из ряда потенциальных мотиваций именно данная имеет статус истинной причины);

д) «искомая причина в градационном ряду» (мотивация состоит из совокупности отдельных равнозначных аргументов: причины равны по интенсивности между собой, но каждая из них, взятая в отдельности, недостаточна для следствия, т.е. ситуация причины сочетается с ситуацией сопоставления взаимосвязанных событий по степени их градации;

2) *виртуальная форма градуирования* (указание на то, что порождаемая ситуация является слабым фактором для оправдания реализации порождающей ситуации, осложненный концепт обусловленности имеют следующие сценарии-схемы: интерпретация *P* как исчерпывающего представления о *P* – ниже, чем другие представления. «Уж так и быть»; «Пусть уж будет так».

Если в поверхностно-семантическом таксоне «финальность» событие целевого компонента аргументируется степенью качества и интенсивности действия или мерой действия аргументирующего компонента, то для конструируемого поверхностно-семантического таксона «кондициональность» существенны следующие характеристики:

1) актуальная форма градуирования: сильная альтернатива имеет место там, где объектом модальной квалификации оказывается непосредственно предикат: «Хорошо, – сказал я хладнокровно, – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья» (А. Пушкин). – «Юрĕ! – терĕм сиввĕн, – парас темĕстĕн пулсан аллă пусна, ман тумтирсенчен мĕн те пулин кăларса пар»;

2) виртуальная форма градуирования: в фокус модальной квалификации попадает фрагмент информативного пространства, не обладающий предикативной значимостью.

Теперь представим структуру моделируемого поверхностно-семантического таксона «концессивность»:

а) в качестве препятствующего основания выступает высокая, предельная степень проявления какого-либо качества, интенсивного действия или состояния;

б) несмотря на усиленную интенсивность или даже высшую степень проявления того, о чем сообщается в уступительном компоненте, в следственном констатируется факт, противоположный ожидаемому;

в) событие-следствие же происходит вопреки высокой степени интенсивности признака, действия, состояния. Интенсивность концессивного признака градуальна: ее величина на понятийной шкале соответствует отметке, находящейся выше или ниже обычной (нейтральной), выше (актуальная форма) или ниже (виртуальная форма) того уровня, который говорящий эмпирически признает за ординарный уровень градуальности.

На процесс компьютерного моделирования существенным образом влияют особенности того или иного объекта-класса: очень часто оценка добавляет к количественной характеристике аксиологическую коннотацию и поэтому в модель онтологического редактора Protégé введен градуально-аксиологический класс, имеющий в своей архитектуре два поверхностно-семантического таксона:

1) «финальность» (существует универсальная тенденция сохранять оценочный компонент позитивного характера: неотъемлемой частью соответствующего подконцепта обусловленности является желательное положение дел, однако и здесь может наблюдаться качественно-оценочное несоответствие, в частности, в так называемых финальных конструкциях антицели. По данным когнитивной психологии, знания, связанные с отрицательными эмоциями, более дифференцированы, чем с положительными, так как человек более чувствителен на неприятные эмоции;

2) «концессивность» (аксиологическая оценка определяется коммуникативным намерением говорящего, ибо позитивные и негативные компоненты могут организовать полемический контекст).

Разработанная база знаний может быть конкретно использована при создании онтологической модели семантического портала, так как в его проектировании сначала необходимо решить вопрос об использовании онтологии верхнего уровня, предназначенной для обеспечения возможности взаимодействия семантического портала с другими информационными системами.

Литература

1. *Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. СПб.: Питер, 2000. 384 с.

2. *Губанов А.Р., Каюмова Д.Ф.* Ключевые концепты культурно-национального мировидения через единицы фразеологического уровня английского и тюркских языков // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества: материалы II межрегион. заоч. науч.-практ. конф. Казань: КазГИК, 2015. С. 160–165.

3. *Губанова Е.А., Губанова Г.Ф.* Модели базы знаний по предметной области «Репродуктивное здоровье девушек-подростков: онтологии факторов, определяющих репродуктивное здоровье девушек-подростков городского и сельского населения» // Прорывные научные исследования как двигатель науки нового времени: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: КультИнформПресс, 2016. С. 38–42.

4. *Губанова Е.А., Губанова Г.Ф., Леженина С.В., Воропаева Л.А., Левицкая В.М.* Разработка системы рассуждения по прецедентам на основе онтологий в области репродуктивного здоровья // Научные достижения современной науки: новация, история, действительность, перспективы и практика реализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 42–48.

5. *Добров Б. В., Иванов В.В., Лукашевич Н.В., Соловьев В.Д.* Онтологии и тезаурусы: модели, инструменты, приложения. М.: Бином, 2009. 173 с.

6. *Добров Б.В., Лукашевич Н.В.* Лингвистическая онтология по естественным наукам и технологиям для приложений в сфере информационного поиска [Электронный ресурс]. URL: http://fccl.ksu.ru/issue_spec/docs/oent-kgu.doc (дата обращения: 20.05.2011).

7. *Невзорова О.А.* Онтолингвистистические системы: технологии взаимодействия с прикладной онтологией // Ученые записки Казанского университета. Сер. Физико-математические науки. 2007. Т. 149, кн. 2, С. 105–115.

8. *Рец Н.И., Губанов А.Р.* Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244–249.

9. *Guriano N., Gangemi A., Pisanelli D. M., Steve G.* AnOverview of the ONIONS Project: Applying Ontologies to the Integration of Medical Terminologies. *Data & Knowledge Engineering*, 1999, vol. 31.

10. *Zheltov P.V., Zheltov V.P., Gubanov A.R.* Automation of Lexical search in National Corpora of chuvash Language: Methods of Exploring space of Literary Texts. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 58–60.

11. Zheltov P.V., Zheltov V.P., Gubanov A.R. Text analysis subsystem in a search engine for the national corpora of the chuvash language. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 61–63.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.com).

ИСАЕВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

СВЕКЛОВА ОКСАНА ВИТАЛИЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры управления и экономики здравоохранения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (rggalina@gmail.com).

A. GUBANOV, Yu. ISAEV, O. SVEKLOVA, G. GUBANOVA

CONDITIONALITY AS A LINGUISTIC ONTOLOGY OF THE UPPER LEVEL

***Key words**: cognitive linguistics, concept, ontology, information resource, information search, upper-level ontology, knowledge base, intellectual systems.*

The article suggests ways of constructing ontologies of the upper level on the basis of semiotic modeling apparatus. Ontologies are represented in the form of a semantic network of frames that looks like a hierarchy. Upper level ontology of conditionality object (concept) as a basic concept is formed by subclasses of causal (direct) and incausal (inverse) conditioning, arising at interaction of two reality objects. The basic components of ontology object model «Divergent Characteristics of Coordinates» are considered. Designing the ontology system is carried out in the ontology editor Protégé 5. The ontologies being created are intended for developing the system of general access to information.

References

1. Gavrilova T.A., Khoroshevskii V.F. *Bazy znanii intellektual'nykh sistem* [Knowledge bases of intellectual systems]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 384 p.

2. Gubanov A.R., Kayumova D.F. *Klyuchevye kontsepty kul'turno-natsional'nogo mirovideniya cherez edinitsy frazeologicheskogo urovnya angliiskogo i tyurkskikh yazykov* [Key concepts of cultural-national worldview through units of phraseological level of English and Turkic languages]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya mnogourovnevoi yazykovoi podgotovki v usloviyakh polikul'turnogo obshchestva: materialy II mezhregion. zaoch. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Problems and prospects for the development of multilevel language training in a multicultural society»]. Kazan, KazGIK Publ., 2015, pp. 160–165.

3. Gubanova E.A., Gubanova G.F. *Modeli Baza znanii po predmetnoi oblasti «Reproduktivnoe zdorov'e devushek-podrostkov: ontologii faktorov, opredelyayushchikh reproduktivnoe zdorov'e devushek-podrostkov gorodskogo i sel'skogo naseleniya* [Models Knowledge base on the subject area «Reproductive health of adolescent girls»: ontology of factors determining the reproductive health of adolescent girls in urban and rural areas]. In: *Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki novogo vremeni: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Breakthrough scientific research as the engine of modern science»]. St. Petersburg, Kul'tInformPress Publ., 2016, pp. 38–42.

4. Gubanova E.A., Gubanova G.F., Lezhenina S.V., Voropaeva L.A., Levitskaya V.M. *Razrabotka sistemy rassuzhdeniya po pretsedentam na osnove ontologii v oblasti reproduktivnogo zdorov'ya* [Development of a system of reasoning on precedents based on ontologies in the field of reproductive health]. In: *Nauchnye dostizheniya sovremennoi nauki: novatsiya, istoriya, deistvitel'nost', perspektivy i praktika realizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Scientific achievements of modern science: innovation, history, reality, perspectives and implementation practices»]. St. Petersburg, 2017, pp. 42–48.

5. Dobrov B.V., Ivanov V.V., Lukashevich N.V., Solov'ev V.D. *Ontologii i tezaurusy: modeli, instrumenty, prilozheniya* [Ontologies and thesauruses: models, tools, applications]. Moscow, Binom Publ., 2009, 173 p.

6. Dobrov B.V., Lukashevich N.V. *Lingvisticheskaya ontologiya po estestvennym naukam i tekhnologiyam dlya prilozhenii v sfere informatsionnogo poiska* [Linguistic ontology in natural sciences and technologies for applications in the field of information retrieval]. URL: http://fccl.ksu.ru/issue_spec/docs/oent-kgu.doc (Accessed 20 May 2011).

7. Nevzorova O.A. *Ontolingvististicheskie sistemy: tekhnologii vzaimodeistviya s prikladnoi ontologiei* [Ontolinguistic systems: technologies of interaction with applied ontology]. *Uchenye zapiski*

Kazanskogo universiteta. Ser. Fiziko-matematicheskie nauki [Scientific notes of Kazan University. Series «Physics and mathematics»], 2007, vol. 149, book 2, pp. 105–115.

8. Rets N.I., Gubanov A.R. *Kategoriya prichinnosti: kauzal'naya i kauzativnaya svyazi* [Causality category: causal and causative relationships]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012, no 1, pp. 244–249.

9. Guriano N., Gangemi A., Pisanelli D. M., Steve G. AnOverview of the ONIONS Project: Applying Ontologies to the Integration of Medical Terminologies. *Data & Knowledge Engineering*, 1999, vol. 31.

10. Zheltov P.V., Zheltov V.P., Gubanov A.R. Automation of Lexical search in National Corpora of chuvash Language: Methods of Exploring space of Literary Texts. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 58–60.

11. Zheltov P.V., Zheltov V.P., Gubanov A.R. Text analysis subsystem in a search engine for the national corpora of the chuvash language. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 61–63.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alexgubm@gmail.com).

ISAEV YURI – Doctor of Philological Science, Professor of the Chuvash Language and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

SVEKLOVA OKSANA – Senior Lecturer of Foreign Languages № 1 Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GUBANOVA GALINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (rggalina@gmail.com).

Ссылка на статью: *Губанов А.Р., Исаев Ю.Н., Свеклова О.В., Губанова Г.Ф.* Обусловленность как лингвистическая онтология верхнего уровня // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 271–278.

УДК 81'373.21
ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ (БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XLI: А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ*

Ключевые слова: *компаративистика, этимология, контактология, ономатология, топонимика.*

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анлаутных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в ней дается этимология топонима «Акбала асығы» в контексте других тюркских топонимов на основе географического номенклатурного термина – асық / ачык / оҫ(ланк)ă, а также топонимов, использующих определения ақ «белый» и бала «дитя, ребенок, малыш», «маленький / малый» и т.д.

0.0.2.7.6. **АҚБАЛА АСЫҒЫ** – башк. название поляны в монографии А.А. Камалова в числе 20 названий на *-асық* (притяж. *-асығы*), из которых перечислены всего лишь: *Арал асығы, Асық, Бажанай асығы, Иһкеыҙма асығы, Суқракты асығы, Урта асық*, а вместо конкретных координат заявлено, что эти «топонимы локализуются в Зауралье, …, где записано 70% названий (т.е. всего 14? – *Г.К.*), 20% названий отмечено в Абзелиловском и Бурзянском районах Башкортостана (т.е. всего 4? – *Г.Е.*) … 10% равномерно распределены между северо-западной и дёмской зонами (т.е. всего 2? – *Г.Е.*)» [8. С. 161].

В восточном диалекте и в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка литер. *асық* «открытый»; «отво́ренный»; «ясный, яркий» употребляется в значении «поляна в лесу», которая больше, чем *ақлан* «полянка», и меньше, чем *ялан* «поле» [8. С. 160]. Полное гомогенное соответствие башк. *асық*, тат. *ачык* в чуваш. *уҫă / оҫă* (-**а**- > -**о**- > -**у**- в 1-м слоге, -**қ** > **ноль** в ауслауте, -**с**-/-**ч**- > -**ҫ**- в инлауте) имеет близкие значения: «открытый, отво́ренный (о двери, ставнях и т.п.), ясный», а также: «просторный», «свежий» (напр., ветер), «звонкий, гласный» (напр., звук), «успешный, спорый», «бодрый, здоровый», «свободный, быстрый», «ключ» (напр., от замка) и т.д. [4. Вып. III. С. 307–309], но употребляется исключительно в качестве прилагательного, напр. *уҫă / оҫă вырăн* «открытое место / пространство», за одним исключением – *оҫă / уҫă* (притяж. *оҫҫи / уҫҫи*) «ключ от замка», «отмычка» (и перен.). Значение же «поляна» в чувашском языке возникает при присоединении к *оҫă / уҫă* суффикса *-лăх/-лĕх* (общетюрк. *-лык/-лик*), см. у Н.И. Ашмарина: *уҫлăх* < *уҫăлăх* «поляна», в переводе сказки Д.Н. Мамина-Сибиряка «Серая Шейка» (по-чуваш. *Кăвак Мăй*) использовано в значении «полынья» [4. Вып. III. С. 315]; в соврем. чуваш. языке также в составе *тĕнче уҫлăхĕ* «космическое пространство, космос». При этом, если в башкирском *асык* «поляна в лесу» и *ақлан* «полянка», «лесная лужайка» образованы от разных корней (*ас-/ач-* «открывать», ср. *аскыс / ачкыч* «ключ», но *ақ* «белый; чистый; седой», ср. *ақлық* «белизна»), то в чувашском языке значение «полян(к)а» образовано с помощью суффикса *-лан* (ср. выше башк. *ак-лан*) от *оҫ-/уҫ-*, что и *оҫă / уҫă* «ключ, отмычка», правда, с добавлением уменьшит. *-к(ă): уҫланк(ă) / оҫланк(ă)*. Н.И. Ашмариным отмечено *уҫланкă* «прогалина в лесу, где деревья очень

* Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

редки (поляна здесь называется *çарата*)» в чуваш. д. *Старак* (офиц. д. *Байгеево* быв. Тюнзыр. с-та Цивильск. р-на ЧР) [4. Вып. III. С. 314–315], а также *уçланкă* «свободное место среди деревни, где посредине стоит церковь» в чуваш. с. *Альшеево* (*Ардеманы*) при речке *Цильна* в быв. Бурундук. в. Буин. у. Симбир. губ. [4. Вып. III. С. 315; 10. С. 13].

В словаре Н.И. Ашмарина не приведено ни одного географического названия с номенклатурными терминами *уçланкă* и *уçлăх*. В «Аликовской энциклопедии» два топонима на *-уçланкă: Пуймас уçланки* «Поляна Пуймаса» (язык. имя-прозвище на базе отрицательной формы прич. буд. времени интранзитива *пуй-/пой-* «(раз)богатеть») на земле чуваш. д. Коракши (Куракăш, Тинсарина 2-я тож.) Ефремкасин. сел. поселения Алик. р-на [1. С. 302б]; *Чĕмке уçланки* «Поляна *Чĕмке*»в *Чĕмке вăрманĕ* «в Чемкеевском лесу» (возможно, диминутив от *чĕм* «дыхание, жизнь» [4. Вып. XV. С. 281; 16. С. 478а, в]) на земле чуваш. д. Пизенеры (Пиçенер) Яндобин. сел. поселения Алик. р-на [1. С. 417а]. Кроме того, в чуваш. д. Эренары (Йăранар), другие названия: Первые Эренары, Кайри Çот, Вторые Эренары, Поямас, Тенеев. сел. поселения Алик. р-на, указаны: *Уçланкă варĕ* «Дол поляны» и *Уçланкă улăх* «Луг-поляна» [1. С. 608а, б].

В материалах И.Д. Никитина [14] одно единственное название – *Вĕтти – уçланкă*, вăл çул çинче. Пит пысăк улăп тăпри пур… «*Вĕтти* – полян(к)а, она по дороге. Имеется очень большой курган (букв. богатырская насыпь)…», на земле чуваш. д. Шатьма (Тăнсар) быв. Красноармей. (Траков.) р-на. Слово *вĕтти* «тот, который мелок, невелик, мал» от *вĕтĕ* «мелкий, маленький, небольшой» ни в одном словаре не приведено, в то время как *вĕтĕ* во всех словарях упоминается, кроме этимологических словарей В.Г. Егорова и М.Р. Федотова. В данном случае можно предполагать, что *вĕтти* то же, что в литературном языке *вĕтлĕх* «мелколесье, кустарник; поросль».

Русско-татарские словари рус. *поляна* переводят исключительно *аклан* (ср. выше чуваш. *оçлан-кă / уçлан-кă*) или *алан*, а татарско-русские, включая диалектные, словари для гомогенного с башк. диал. *асык* (притяж. *асыҡы*) татарского слова *ачык* «открытый, отво́ренный; ясный, яркий, светлый» не указывают значение «полян(к)а», даже Р.Г. Ахметьянов в новейшем двухтомном «Этимологическом словаре татарского языка» ограничился сверхкраткой статьей: **АЧЫК** «открытый, ясный; ясно» ~ башк. *асыҡ* id. ← **ач**- (к. **Ач-у**) [3. С. 116б].

В родственном хакасском языке гомогенное с башк. *асыҡ*, тат. *ачык*, чуваш. *оçă / уçă* слово *ачых* имеет омонимичные значения (на базе полисемии): «лужайка; поляна» и «отверстие; открытый, открыто», в связи с чем хакасское название города *Ачинск*, известное как *Ачых тура*, можно переводить двояко: «Открытый город» и «Город на поляне (на лужайке)», исконно *тура / *тора* «стойбище, стоянка» (историч. прич. наст. вр. от интранзитива *тур- / тор-* «стоять, пребывать, находиться где-л.»). Иное объяснение астионима *Ачинск* см. [6. С. 282]. Интересно хакасское название светло-рыжей масти коней – *ачык-сары*.

Отмеченные Э.М. Мурзаевым названия озера *Ачиккуль* «в нагорье между Куньлунем и Алтынтагом» (Центральный Тибет) [13. С. 24], реки *Ачиккол* в Дагестане [13. С. 60], видимо, восходят не к *ачык / ачых / асыҡ / оçлăх / уçлăх* «поляна», а к *ачик / ачык / ӳӳç(ĕ)*, монг. *эсег(лэн)* «кислый; горький», возм. «соленый». Процитируем относящийся к нашей теме весь абзац знаменитой книги выдающегося топонимиста: «Слово *ачык* «поляна, открытое место, луг среди леса» присутствует в ряде алтайских названий: р. *Ачык*, горы *Ачыктуу*. Перекликается с *ашыг* «межгрядовые понижения» в Волго-Уральских песках, где сосредоточены степные пастбища и даже местами сенокосы. Основное значение «открытый,

ясный, чистый». Ср. др.-тюрк. *ačuq* – то же. Ср. алт. диал. и тув. *ажыг* «открытый, открытое место, поляна» и названия р. *Ажыг* и гора *Ажыг-Тайга* в Туве [Молчанова, 1979, с. 118]. Не следует смешивать с *ačïg* «горький, кислый»: *Ачиккуль* «горькое озеро» в Куньлуне» [13. С. 147].

Если А.А. Камалову, как отмечено в начале нашей статьи, удалось выявить 20 названий на *-асык* «поляна», то в «Словаре топонимов Башкирской АССР» не оказалось ни одного соответствующего топонима, зато географические имена с гомогенным номенклатурным термином находим в известном «Топонимическом словаре Горного Алтая» О.Т. Молчановой, ср. *ачык* в ее списке «орографических и гидрографических апеллятивов» [12. С. 15], а также почти исчерпывающая характеристика его бытования в соответствующем регионе: «**Ачык** имеется в составе ряда названий рек, логов, долин, гор, ущелий, населенных пунктов, обозначая любое открытое место, где находится тот или иной объект: р., дол., ущ. *Ачык*, р. *Ак-Ачык*, р. *Кӱрт-Ачык* и др. Слово легко соотносится с азерб. *ачыг* – открытый, раскрытый; казах. *ажыкъ* – открытый, голый, незащищенный, чистый. "В Западном Казахстане *ажиками* называют понижения между массивами бугристых песков, поросших растительностью и достигающие иногда до 10 км длины" [А.С. Титова, 1960. С. 9]; каракалп. *ашыкъ* – открытый, ясный, прямой; *ашыкълыкъ* – открытое место; место, где нет леса, ненаселенное место; кирг. *ачык* – открытый; тув. *ажык* – открытый, раскрытый; поляна, открытое место в лесу; *ажик* "отлогие и плоские окончания верховьев речных долин (Тува)" [Э. и В. Мурзаевы, 1959]; хак. *азых* – открытый, в кыз. диалекте хакасского языка *кизек ачых* – поляна, в саг. диалекте хакасского языка *ачых* – поляна; чул.-тюрк. *ачык* – открытый. По отношению к горе **ачык**, по словам информаторов, – "это дорога с горы, по обеим сторонам которой лес, **ачык** может начинаться не с самой вершины горы. Бывают простые *ачык'и* и узкие (**узун ачык**). Узун ачык тянется 5-6 км, ширина его от 40-50 до 400-500 м. Простой **ачык** в два раза меньше" (н.п. Балыктуюл); "**ачык** – чистое место в лесу, на горе или низине – все равно" (н.п. Теленгит-Сары-Токой). Термин характерен для средней и южной части Алтая…» [12. С. 24]. Всего в книге О.Т. Молчановой приведено следующее число географических названий с *ачык*: **Ак-Ачык** – р.; п.п. Катуни … букв. открытое, чистое место [12. С. 122]; **Анг-Ачык** (Аначак) – г., н.п. Турач. р-на … досл. звериная, возможно маралья поляна, открытое место [12. С. 135]; **Ачык** (Ачек, Ачик) – р., дол., ур., ущ.; п.п. Шавлы (Шаалы), п.п. Аргута, н.п. Белый Бом, н.п. Улаган, н.п. Чибит … – открытый, голый, незащищенный, чистый; открытое место, поляна… [12. С. 143, С. 312]; **Ачык-Ман** – г.; система М. Симульты … алт. *ман* – городьба, частокол … *мана* – городить, перегородить … – букв. чистое загороженное место, засада [12. С. 143]; **Ачык-Туу** – г.; северные отроги Теректинского хребта … – букв. открытая гора [12. С. 143]; **Балдар-Ачык** (Балдарчак) – р. … алт. *балдар* – дети; детский … букв. детская, возможно, молодняковая, поляна (ср. тат. *бала* «ребёнок», *балалар* «дети» и башк. *-бала: Ак~* в заглавии нашей статьи. – *Г.К.*) [12. С. 148]; **Бутачиха** – г. Бут … русск. *-их(а)* – суфф. < *Бут ачык* – букв. открытое место, поляна на отроге горного хребта (*бут / бот* «нога, отнога, отрог горы». – *Г.К.*) [12. С. 167]; **Кӱрт-Ачык** (Куртачак) – две реки … алт. *кӱрт* – сугроб (чуваш. *кĕрт* «снежный наст»! – *Г.К.*), снежная глыба, скатившаяся с горы, лавина, снежный обвал; наносный снег в ямах и впадинах … – букв. открытое место с сугробами, снежными глыбами, скатившимися с горы [12. С. 251]; **Мукур-Ачык** – р., лог; п.п. Башкауса, н.п. Улаган… букв. короткое открытое место… [12. С. 266]; **Мукур-Ачык-Орой** (Мухор-Ачык-Орой) – лог; н.п. Улаган… – букв. вершина реки Мукур-Ачык [12. С. 266]; **Сары-Ачык** (Сарачек, Сарыачек, Сары-Чек, Сарычиха) –р., г., дол.; л.п. Башкауса, п.п. Купчегена, п. Шавлы,

н.п. Онгудай, п.п. Улаган … стекает со склона Айгулакского хр. и впадает в р. Кубадру … букв. желтое открытое место, поляна [12. С. 284]; **Тос-Ачык** – л.п. Кökши … – букв. открытое место, поляна с пылью или [с] берестой (убедительнее «Пыльная поляна» или «Берестовая / Берестяная поляна». – *Г.К.*) [12. С. 312]; **Туура-Ачык** – р., н.п. Улаган … букв. широкое открытое место, поляна [12. С. 319], итого: 13 топонимов, 2-е место после декларированных А.А. Камаловым 20 башкирских названий. Поскольку у нас отсутствуют сведения по Татарстану и другим республикам Поволжья, чувашским материалам предварительно можно предоставить 3-е место.

Возвращаясь к заглавию статьи, укажем на полную прозрачность определения в составе башк. *Аҡбала асығы*, букв. «Поляна Белого дитяти», башк. *аҡ* «белый; седой; чистый» (ср. *аҡ* в составе *аҡ кош / аҡ куш* «лебедь» [11. С. 231]), *бала* «дитя, ребёнок, младенец», при этом напрашивается мысль, не является ли *Аҡбала* именем личным (прозвищем), но имеются причины сомневаться в этом, поскольку известны этнонимы, точнее – генонимы, с *-бала* в определяемой части, например, указанное К. Конкобаевым географическое название Узбекистана *Бешбала* «Пять детей» или «Пять ребят» [9. С. 105–106; 13. С. 96], о котором С.С. Губаева писала: «Селение *Бешбала* обязано своим названием этнониму *бешбала*, который отмечен многими авторами у разных тюркоязычных народов…» [7. С. 20; 13. С. 169]. Э.М. Мурзаев утверждал, что «…на запад (от Енисея. – *Г.К.*) преобладают тюркизмы (*Мурата, Айтат, Карбала*)…» [13. С. 31], при этом мотивация (причина именования) *Карбала* «Снежный ребёнок (малыш)» или «Снежное дитя» остается неясной. По словам Э.М. Мурзаева, Е. Койчубаев и А. Абдурахманов в топонимии Казахстана выделяют «…древний слой с тюркско-монгольскими, тюркско-иранскими элементами (*ал, ала, бай, бала, тогай, шар, кар, көк*) и древними окончаниями (*-ты, -сы, -ын, -ум*)…» [13. С. 37].

В то же время, перечисляя «тюркские 2-компонентные имена с семантически прозрачными финальными тюркскими формантами», Х.Ч. Алишина в п. 7 на с. 233 [2] с формантом **-бала** (дитя) приводит два мужских имени «татар-мусульман»: *Айтпала, Идбала*. Г.Р. Галиуллина с **-бала** указывает алтайское языческое имя *Сарыбала* «Желтое / Светлое дитя» (в чуваш. *сарă* имеет еще значение «красивый», ср. *сарă хĕр* «красная девица». – *Г.К.*) [5. С. 96–97].

Тюркская лексема *бала* употребляется не только в позиции второго компонента определительных словосочетаний в значении «дитя, ребёнок; малыш», но и в позиции определения в значении «малый, малое, малая» («о вещах, которые имеют и большой вариант» [3. Т. I. С. 155а]). Ведущий специалист по топонимии Башкортостана А.А. Камалов пишет: «…Слово *оло* может быть противопоставлено другим словам, которые имеют значение, аналогичное семеме слова *кесе* (башк. «малый». – *Г.К.*), например, словом …*бала*. Например, *Оло Қаңлы* «Большие Канлы» … и *Бәләкәй Қаңлы* «Малые Канлы», …, *Оло Сытырман* «Большой Чытырман» и *Бала Сытырман* «Малый Чытырман» [8. С. 102]. Далее: «Отмечено существование оппозиционной пары **оло** – **бала** букв. «дитя», «малый». Например, *Оло күл* «Большое озеро» – *Балакүл* «Малое озеро», *Олотау* «Большая гора» – *Балатау* «Малая гора», *Оло Сорғояз* «Большой Сургуяз» – *Бола Сорғояз* «Малый Сургуяз», *Оло Үтәмеш* «Большой Утямеш» – *Бала Үтәмеш* «Малый Утямеш», *Оло Шәйәрләк* «Большой Шаярляк» – *Бала Шәйәрләк* «Малый Шаярляк»… [8. С. 105].

В Горном Алтае О.Т. Молчанова допускает толкование *бала* в значениях: «дитя, ребёнок; маленький; молодняк» и потамоним *Балакан* (правый приток Чуи) переводит «Маленькая река», а название лога (н.п. Козуль) *Бала-Кышту* – «Детское зимовье, зимовье для молодняка» [12. С. 147], также: оро-

ним *Балалы-Кайажак* (н.п. Санькин-Аил) … букв. «Маленькая скала с детьми или молодняком» [12. С. 148].

Любопытно совпадение в звучании (и в кириллическом написании) тюрк. *бала* «дитё, ребёнок, малыш», «малый» и иран. *бала* «верхний; высокий» (антоним *паин, зир* «нижний»), ср. в Мазендеране: *Бала-Деза* «Верхний Замок», рядом *Паин-Деза* «Нижний Замок», при этом иран. *бала* может быть в одном и том же значении и в препозиции, и в постпозиции, ср. *Баладех* «Верхняя деревня» (провинция Фарс), но: *Канбала* «Рудник Верхний» (провинция Хорасан), суперлатив – *баладест* «наивысший», «верховье реки». Проживание в Иране миллионов этнических тюрков (главным образом, азербайджанцев, туркмен, халаджей), в том числе татар (?), делает отдельные толкования компонента топонимов *бала* несколько двусмысленным, например, в провинции Горган имеется топоним *Татар-Бала*, который с иранского языка следует переводить «Верхний Татар» или «Высокий Татар(ин)», но по-татарски это значит «Татарчонок», «Татарский малыш / ребёнок», ср. в Зенджане – *Татардех* «Татарский поселок» или «Татарская деревня». Для нас представляется загадочным горганский топоним *Татаркандйохмаз*, в котором *Татаркан-* можно понимать и как *Татар кан* «Татарский рудник», «Татарская каменоломня», и как *Татар кан / хан* «Татарский хан / государь» (*кан / хан* – в Иране почетный титул), и даже *Татар хан / хун* «Татарский караван-сарай / постоялый двор» … (видимо, случайно *-йохмаз* звучит почти как чуваш. тури-вирьял. *йохмаç* «не течет / не протекает»?!).

Во многие диалекты иранского языка вошло из тюркских говоров *тикме / дикме* (чуваш. *чикме* «частокол; тын», *Чикме* «Козьмодемьянская крепость») «застройка в виде вставленных рядом на большом протяжении древесных стволов», довольно употребительное в тюркской топонимии Ирана, ср. в Иранском Азербайджане комонимы: *Тикме* (двойник чуваш. *Чикме* «Козьмодемьянск»! – *Г.К.*); *Тикмебала* (*-бала* в этом имени переводится по-иранси или по-тюркски? – *Г.К.*); *Тикмедаш* («Вставленный камень»? – *Г.К.*), *Тикметепе* «Холм с тикме», *Тикмечи* «Строитель тикме» и др. Однако потамоним *Хелеб-Бала* в Зенджане, видимо, однозначно переводится «Верхний Хелеб», т.е. «Верхнее Алеппо».

Чрезвычайно интересную этимологию иран. *бала* < классич. персид. *bālā* «высота» см. в [15. S. 140].

Изложенное выше не исчерпывает темы, является лишь неким введением в нее; предстоят выявление, инвентаризация и интерпретация всей микротопонимии на базе зырянских, пермяцких, удмуртских, марийских, мокшанских, эрзянских топографических терминов со значением «полян(к)а», что на сегодняшний день, разумеется, выглядит довольно проблематично.

Корректурное дополнение. На карте Узбекской ССР в Атласе мира указана горная речка *Кызбола*, букв. «Девчонка», где *-бола* явно тюркский термин, вольный перевод, представляется, должен звучать «Резвушка».

(Продолжение следует)

Литература

1. Аликовская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 636 с.

2. *Алишина Х.Ч.* Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): в 2 ч. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Ч. I. 240 с.

3. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I. А–Л. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 543 с.; Т. II. М–Я. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 567 с. (на тат. яз.).

4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.

5. *Галиуллина Г.Р.* Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 352 с.

6. *Гарипова Ф.Г.* Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии / ИЯЛИ. Казань, 1998. Кн. 1. 571 с.

7. *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент: Фан, 1983.

8. *Камалов А.А.* Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.

9. *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980.

10. *Корнилов Г.Е., Молниева М.В., Обжогин А.А.* Исторический словарь топонимов Симбирской губернии (1859–1913 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 288 с.

11. *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XL: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 229–235.

12. *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая / Горно-Алт. НИИ истории, яз. и л-ры; под ред. А.Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алтайского кн. изд-ва, 1979. 398 с.

13. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.

14. *Никитин И.Д.* Топонимика (Названия урочищ, оврагов, лесов и ... селений ЧАССР): рукопись // Научный архив ЧГИГН. 1906–1940.

15. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

16. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XLI: A-NAMES OF PLACES

Key words: *comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.*

The article continues the inventory and interpretation of A-anlaut toponyms and appellatives in the languages of the Volga region, it gives etymology of toponym «Akbala asyғy» in the context of other Turkic toponyms on the basis of geographical nomenclature of the term asyқ / achyk / oç(lank)ă, as well as toponyms using definitions aқ «white» and bala «child, baby», «small», etc.

References

1. *Alikovskaya enciklopediya* [Alikovsky encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, 636 p.

2. Alishina Kh.Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar (na materiale Tyumenskoi oblasti)* [The Siberian Tatars' onomasticon on the data of the Tyumen area. 2 vols.]. Tyumen, Tyumenskii Gos. Univ., vol. 1, 1999, 240 p.

3. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Tatar language. 2 vols.]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, vol. I, 543 p.; vol. II, 567 p.

4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chavash samakhesen keneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.

5. Galiullina G.R. *Tatarskie lichnye imena v kontekste lingvokul'turnykh traditsiy* [Tatar personal names in the context of linguistic tradition]. Kazan, 2008, 352 p.

6. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, vol. 1, 571 p.

7. Gubaeva S.S. *Etnicheskii sostav naseleniya Fergany v kontse XIX – nachale XX v. (po dannym toponimii)* [The ethnic composition of the population of Fergana in the late XIX – early XX century (according to toponymy data)]. Tashkent, 1983.

8. Kamalov A.A. *Bashkirskaya toponimiya* [The Bashkir toponymy]. Ufa, Kitup Publ., 1994, 304 p.

9. Konkobaev K. *Toponimiya Yuzhnoi Kirgizii* [Toponymy of Southern Kyrgyzstan]. Frunze, 1980.

10. Kornilov G.E., Molnieva M.V., Obzhogin A.A. *Istoricheskiy slovar' toponimov Simbirskoi gubernii (1859–1913 gg.)* [Historical Dictionary of Toponyms of Simbirsk Province (1859–1913)]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, 288 p.

11. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XL: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XL: A-names of places]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 229–235.

12. Molchanova O.T. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaya (Gorno-Alt. NII is-torii, yaz. i l-ry; pod red. A.T. Tybykovoy)* [Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 1979, 398 p.

13. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.

14. Nikitin I.D. *Toponimika (Nazvaniya urochishh, ovragov, lesov i ... selenii ChASSR): rukopis'* [Toponymics (Titles stows, ravines, forests and villages of ChASSR]. In: *Nauchnyi arhiv Chuvashskogo gosudarstvennoga instituta gumanitarnyh nauk,* 1906–1940 [The scientific archive of the Chuvash state Institute of Humanities. 1906–1940].

15. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

16. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkorn@rambler.ru).

Ссылка на статью: *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLI: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 279–285.

УДК 81:316.77
ББК Ш10*000.2

Л.Е. ЛЕОНТЬЕВА, О.В. ЯКОВЛЕВА, А.Г. АБРАМОВА

ВОКАТИВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: *вокатив, обращения на ты и Вы, диалогическое общение, средства адресации, дискурс, этноспецифические особенности вокативов.*

В диалогическом общении одно из ключевых мест занимают вокативы. Вокативные реплики партнера выступают в диалоге в качестве контактоустанавливающих регулятивов, отражая его прагматические установки: его намерения, эмоциональное состояние, отношение к собеседнику. Данная статья посвящена изучению личных местоимений «ты» и «Вы», довольно часто употребляемых в качестве вокативов в русском, чувашском, немецком и английском языках. Особое внимание уделяется умению правильно использовать местоимения «ты» и «Вы» при установлении контакта с различными собеседниками в разных ситуациях коммуникативного общения. В результате сравнительно-сопоставительного исследования выявлено, что наличие обращения на «Вы», которое подчеркивает вежливое и уважительное отношение к человеку и используется в официальной сфере, при обращении к незнакомым или малознакомым людям, к старшим по возрасту или к лицам, занимающим более высокую ступень в социальной иерархии, и обращения на «ты», присущее для неофициального, неформального общения, характерно не для всех рассматриваемых в этой статье языков. В работе также предложены результаты анализа диалогических текстов, в которых происходит переход от одной формы местоимения к другой, направленный на повышение или понижение социального статуса коммуникантов – носителей рассматриваемых языков.

Языковая коммуникация является неотъемлемой частью поведения людей в обществе. Диалогическое общение представляет собой интеракцию двух коммуникантов, решающих совместно определенные задачи при помощи своих речевых действий или диалогических ходов [8. С. 164].

При установлении контакта важны осознание говорящим своей социальной роли, социального статуса собеседника, учет личностных особенностей адресата, его эмоционального состояния, которые обязательно находят отражение в речи. Одним из важнейших маркеров коммуникативной ситуации, социального статуса, роли и отношений между участниками интеракции являются вокативы, наиболее употребительными из которых являются личные местоимения *ты* и *Вы*.

Именно употребление в дискурсе данных местоимений определяет тональность общения и оказывает большое влияние на отношение коммуникантов друг к другу [3. С. 113].

Анализ диалогических текстов показал, что выбор местоимений *ты / Вы* зависит также от степени знакомства и характера взаимоотношений с собеседником, официальности или неофициальности обстановки коммуникативного общения. Можно предположить, что все признаки образуют сложный комплекс причинно-следственных зависимостей, предопределяющих появление в нашей речи *ты-* или *Вы-*форм [6. С. 79-80], например:

рус. Людмила. … ***Ты*** *прочтешь им это стихотворение. Им понравится! Обязательно понравится! Вот увидишь!* ***Ты*** *будешь настоящим поэтом …* (Г. Мдивани, 1974. С. 310).

Войдя в прихожую, Вера увидела шинель Никиты. Не веря глазам, она даже потрогала ее. В комнате Петька спрашивал:

– А самолеты ***ты*** *умеешь рисовать?*

– Я-то умею, – отвечал голос Никиты, – а ***ты*** *сумеешь?*

*«Вот они с ним уже и на «**ты**», – улыбнулась Вера* (М.М. Рощин, 2006. С. 283).

чув. – ***Эсĕ** – ман арăм пуласси, – пăшăлтатрĕ каччă Анарпи хăлхинчен* (В.А. Эльби, 2002. С. 30).

«Ты – моя будущая жена – прошептал молодой человек на ушко Анарпи».

Маргарита. *Крутов ют-и вара сирĕншĕн? Эп асăрхарăм: вăл сирĕн çине питĕ ăшшăн пăхать тата «**Эсир**» темест, «**эсĕ**» тесе, çепĕç калаçать* (А. Кăлкан, 1981. С. 284).

«Маргарита*. Разве Крутов для Вас чужой? Я обратила внимание: он очень тепло смотрит на Вас, и еще он говорит вам не "**Вы**", а нежно "**ты**"».*

нем. – *Peter, **du**… Das ist eine Überraschung!* (W. Bredel, 1952. S. 325).

*– Nanu! **Du!** – Sie trat auf ihn zu und reichte die Hand* (W. Bredel, 1952. S. 383).

В данных примерах *ты*-форма обращения характерна для ситуаций неофициального неформального общения и свидетельствует о теплых дружеских отношениях.

Интересно заметить, что до конца XVII в. обращение на *ты* в России было социально нейтральным. В качестве почтительного, вежливого обращения местоимение *Вы* широко стало употребляться во времена Петра Великого под влиянием западноевропейского речевого этикета, например:

рус. Светлана. *Слушаю **Вас**, Виктор Семенович!*

Черметов. *Это я **Вас** слушаю, Светлана Николаевна! **Вы** же хотели меня о чем-то попросить?* (Ю.М. Поляков, 2014. С. 367).

Использование вежливого местоимения в приведенном микродиалоге ассоциируется с уважительным отношением к собеседнику, свидетельствует об обращении к равному или старшему по возрасту и социальному положению партнеру.

В чувашском языке функциональным эквивалентом указанной формы обращения можно определить вежливую форму *Эсир «Вы»*, например:

чув. – *Анчах эпĕ, директор, мĕншĕн айăплă? Мĕншĕн?*

*– **Эсир**? Мĕн **Эсир**, Афанасий Никитич? Вăт çакăн чухлĕ те айăплă мар **Эсир*** (Н.Т. Терентьев, 1988. С. 333).

«Однако, я, директор, в чем я виноват? В чем?»

*«**Вы**? Что **Вы**, Афанасий Никитич? **Вы** нисколько не виноваты».*

Галя *(асăрхануллăн). **Эсир** Нина-и?*

Нина. *Эпĕ çавă-ха та, хăвăра паллаймарăм тем.*

Галя. *Мана Галя тесе чĕнеççĕ. Тахçан çамрăк чух сирĕн упăшкăрпа иксĕмĕр пĕр-пĕрне лайăх пĕлнĕччĕ. Тахçанах ĕнтĕ, сирĕнпе пĕрлешиччен* (Б.Б. Чиндыков, 1995. С. 100).

«Галя *(настороженно). **Вы** Нина?»*

«Нина*. Это я, но я Вас не узнала».*

«Галя. *Меня Галя зовут. Когда-то в молодости мы с вашим мужем были хорошо знакомы. Давно, до вашей свадьбы».*

Следует подчеркнуть, что в немецком языке изначально в качестве форм обращения служили местоимения *du «ты»* и *Ihr «Вы»*, последнее из которых употреблялось как вежливое обращение, например:

нем. – *Frau Gräfin, **Ihr** Stück ist erstklassig, sagte er durchdrungen* (H. Mann, 1952. S. 262).

В аналогичных ситуациях общения представители современного немецкоязычного социума используют форму вежливого обращения *Sie «Вы»*, например:

нем. – *Und **Sie**, Herr Levi, was kriecht denn **Ihnen** über die Leber?* (A. Segers, 1973. S. 143).

Примечательно, что в английском языке, в отличие от других рассматриваемых в данной работе языков, не существует формального разграничения между формами *ты* и *Вы*. В упомянутом языке в настоящее время имеется только одно местоимение *you*, например:

англ. Joyce *(going to Douglas). Douglas!*

Douglas *(kissing her). Oh, there* ***you*** *are, old girl! Everything all right, eh?*

Joyce. *Yes, dear, perfect. And* ***you****?*

Douglas. *Fit as a fiddle* (M. Brand, 1965. P. 28).

Colin *(to Arthur). Hello,* ***you****!* (M. Brand, 1965. P. 168).

Prime Minister. *Your Royal Highness, we agreed – no speeches. But perhaps* ***you*** *would not mind making a small statement to the press* (M. Brand, 1965. P. 148).

Дж. Лайонз объясняет это «во-первых, распространением в западном обществе идей равенства и демократии, а во-вторых, возрастающей важностью идеи равноправия, что выражается не просто выражением симметричного способа обращения как такового, но в значительной мере симметричным обращением на «ты»» [2. С. 284].

Заметим, что в ситуациях непосредственного коммуникативного контакта возможен переход от одной формы к другой как прием, направленный на то, чтобы повысить или понизить социальный статус адресата [4. С. 52], например:

рус. Черметов. *Королева, это* ***ты****?*

Анна *(с тревогой). Я. А что такое? Меня трудно узнать?*

Черметов. *Наоборот.* ***Ты*** *нисколько не изменилась!*

Анна *(подходя к нему). А* ***Вы****, Виктор Семенович, наверное, думали, женщины в сорок лет уже старухи? В сорок женщина стоит двух двадцатилетних!* ***Вы*** *это знаете?*

Черметов. *Ну, какой я тебе «Виктор Семенович»? Зови, как раньше!* (Ю.М. Поляков, 2014. С. 356).

чув. Петрович*. Лайăх çын эсĕ, Петĕр. Манмастăн. Мĕнпе тав тăвас-ши ман сана?*

Петĕр *(çилĕпе). Савăнма иртерех-ха, Петрович!* ***Эсир*** *шухăшланă пек пулаймĕ.*

Петрович*. Мĕншĕн «****Эсир****»?*

Петĕр. ***Эсĕ*** *эппин. Жалоба кам çырнă?* (Л.Н. Родионов, 1985. С. 93).

*«*Петрович*. Хороший ты человек, Петр. Не забываешь. Чем тебя отблагодарить?»*

*«*Петр *(злобно). Рано радоваться, Петрович! Не будет так, как* ***Вы*** *задумали».*

*«*Петрович*. Почему "****Вы****"?»*

*«*Петр*. В таком случае* ***ты****. Кто жалобу написал?»*

нем. *«Nett, sich getroffen zu haben. Wie geht es* ***Ihnen*** *denn, Laher?»*

«Was?» gibt Valentin verblüfft zurück.

«Wie es ***Ihnen*** *geht? Was machen* ***Sie****?»*

*«****Sie****?» Einen Moment starrt er den anderen an, der in elegantem Covercoat vor ihm steht. Dann sieht er an sich herunter, wird glührot und schiebt weiter.*

*«Affe.» … Zum ersten Male wahrscheinlich hat ihn der Gedanke des Unterschiedes getroffen. Bislang waren wir alle Soldaten. Jetzt haut ihm so ein eingebildeter Bursche mit einem einzigen «****Sie****» seine Unbefangenheit in Fetzen* (E.M. Remarque, 1931. S. 196).

В проиллюстрированных диалогических текстах переключение от формы *ты* к *Вы* ассоциируется со стратегией дистанцирования, свидетельствует о социальном неравенстве адресата и адресанта, о нежелании сохранить дру-

жеские отношения. Собеседники меняют ролевые позиции, демонстрируют отчуждение, личную неприязнь и даже враждебность.

Общение коммуникантов в данных примерах «происходит в условиях социальной неравноположенности, где роли собеседников маркированы признаком статусности. Социальные отношения между инициатором и адресатом накладывают свои ограничения на вербальную организацию высказывания» [7. С. 56].

В некоторых коммуникативных ситуациях диалогического общения, напротив, обратный переход говорит о стратегии принятия, демонстрирует желание меньшей формальности и большего дружелюбия, например:

рус. Юлия. *Знаешь, что весело? Мы с тобой только второй день знакомы, а кажется, что уже много-много лет. Это, наверное, потому, что мы целую ночь проговорили – все узнали друг о дружке.*

Нина. *Ну **Вы**-то больше помалкивали. Это я выложила **Вам** свои беды. И **Вы** очень хорошо слушали. Спасибо.*

Юлия. *Нет, **ты** милая… Говори мне «**ты**». Второй день прошу.*

Нина. *Мне тоже хочется. Только привыкнуть надо. А то будет неестественно…* (А.Н. Арбузов, 1981. С. 390).

Бейли. *… Нурия! Как **ты** прекрасна! У тебя такие красивые глаза!*

Нурия. *«**Ты**»?*

Бейли. *Да, теперь – **ты**! Только **ты**!* (Г. Абдулло, 1974. С. 291).

*– Слушай, Анна Ивановна, а что это Вы все мне на **Вы** да на **Вы**? Давай уж на **ты** – все-таки второй день знакомы.*

– Давайте, – несмело согласилась Анюта (Л.А. Васильева, 2011. С. 21).

чув. Иван. ***Эсир** тутанса пăхăр ĕнтĕ. (Бутерброд тăсса парать.)*

Нина. *Мана **Эсир** ан те, юрать-и? Эпĕ сана **эсĕ** теп-çке. Юратмасть чăваш чĕлхи **Эсир** тенине* (Б.Б. Чиндыков, 1995. С. 89).

*«*Иван. ***Вы** попробуйте. (Протягивает бутерброд)».*

*«*Нина. *Не говорите мне **Вы**, хорошо? Я же тебе говорю **ты**. Не любит чувашский язык, когда говорят на **Вы**».*

Павел. *Пĕрре те улшăнман **Эсир**…*

Алексей. *Каллех **«Эсир»!** Кӳренетĕп, асту* (Н.Т. Терентьев, 1975. С. 129).

*«*Павел. *Нисколько не изменились **Вы**…»*

*«*Алексей. *Опять **«Вы»!** Смотри, обижусь».*

Миша. *… **Эсир**… Çук, **Эсир** мар, **эсĕ**, Наташа, манăн телейлĕ ĕмĕтĕм.*

Наташа. *Миша, пирĕн ĕмĕт иксĕмĕрĕн пĕрех мар-ши вара?*

Миша. *Чăнах-и?! Наташа, эппин, **эс** те…* (П.Н. Осипов, 1981. С. 166).

*«*Миша. ***Вы**… Нет, не **Вы**, **ты**, Наташа, моя счастливая мечта».*

*«*Наташа. *Миша, не одна ли у нас мечта на двоих?»*

*«*Миша. *Правда?! Наташа, тогда говори мне **ты**…».*

нем. *«Ach Gott, der Herr Leo», sagte sie und zwinkerte gegen das Licht. «Wir haben uns so lange nicht gesehen, über ein Jahr ist es her. Nun muss ich wohl endlich **Sie** sagen».*

*Doch Leo bestand darauf, dass es beim **Du** blieb; Fräulein Naschke kenne ihn seit seiner Kindheit, das Sie würde ihn beleidigen, meinte er.*

«Du bist mir über den Kopf gewachsen», stellte das alte Fräulein fest. «Früher hast du immer gesagt, du wolltest mich heiraten, wenn du groß bist. Jetzt bin ich aber zu alt dazu» (H. Klaus, 1963. S. 121).

Подчеркнем, что переход от *Вы* к *ты* должен происходить по обоюдному желанию собеседников. Следовательно, односторонний переход является нарушением этикета и может быть воспринят как оскорбление, например:

рус. *– Ну что ж, – вздохнула Вера. – Идем!...*

*– Идем, идем, идем! – повторял Никита. – А ведь эта форма употребляется, когда люди говорят друг другу «**ты**». Вам бы надо было сказать «идемте»* (М.М. Рощин, 2006. С. 274).

Йынь. Нет, господин адмирал. Справок мне от тебя не надо. Мне нужны капитанские бумаги… По этому делу я к тебе и заявился, господин адмирал.

Адмирал *(неприятно удивленный). Вы всегда так быстро переходите на «**ты**»?* (Ю. Смуул, 1975. С. 11).

чув. *Игорь. Ха! Мана **эсĕ** килĕшетĕн.*

*Галя. «**Эсир**» теме те пултаратăр. Кӳренместĕп* (Н.Т. Терентьев, 1977. С. 63).

*«*Игорь. *Ха! **Ты** мне нравишься».*

*«*Галя. *Можете говорить «**Вы**». Не обижусь».*

нем. *– Ich werde Patricia erzählen, dass ich dich gesehen habe.*

*– Bitte, sagen Sie „**Sie**“.*

– Sie hat von Ihnen gesprochen (M. Monod, 1963. S. 119).

Нередко в диалогическом общении представителей рассматриваемых лингвокультур переход от *Вы* к *ты* свидетельствует о враждебном отношении к адресату, например:

рус. *Неля. **Вы** что – псих?*

Никита. Кто такая?

Терентий. Кай привел.

Никита. Все. Полюбил с первого взгляда. (Хлопает Нелю ладонью чуть пониже спины.)

*Неля (обозлилась). Слушай, **ты**!..* (А.Н. Арбузов, 1981. С. 646).

чув. Варвари. *Эпир нихҫан та сире ҫисе пурăнман. **Эсир** ак!*

Иван. *Çук, **Эсир**! **Эсир**, Варвара Семеновна…*

Варвари. ***Эс**, Иван, ҫавăн пек асар-писер пулса иртнишĕн ҫаплах пире айăплатăн-и?* (Л.Н. Родионов, 1985. С. 232).

*«*Варвара. *Мы никогда не пытались вас уничтожить. А **Вы**!»*

*«*Иван. *Нет, **Вы**! **Вы**, Варвара Семеновна…»*

*«*Варвара. ***Ты**, Иван, все еще нас обвиняешь нас в том, что все так нелепо получилось?»*

нем. *«**Sie** verfluchter Ziegenbock, wenn Sie noch einmal ein einziges Wort zu der alten Frau da oben sagen, dann hacke ich **Sie** in Stücke, merken **Sie** sich das, **Sie** Zwirnsfadenathlet, Sie Waschweib … Ich komme wieder, die Knochen breche ich **dir**, **du** lausiger Plättbrettscheißer, **du** verdammter Meck-Meck-Meck!»* (E.M. Remarque, 1931. S. 316).

Приведенные диалогические фрагменты демонстрируют переключение тональности общения, которая обеспечивается переходом от *Вы* к *ты* в русском, от *Эсир* к *эсĕ* в чувашском и от *Sie* к *du* в немецком языках.

Исследованный материал показывает, что *ты*-форма может также оскорбить адресата, свидетельствовать о пренебрежительном отношении к нему, например:

рус. Белла. *Оставь меня, слышишь?*

Дима. *Нет, это **ты** оставь меня. **Ты!*** (А.Н. Арбузов, 1981. С. 440).

***Ягаре**. Молчи, **ты**!..* (Л.Н. Андреев, 1989. С. 266).

чув. *– **Эс** мĕн?! Măшкăлласшăн-и? Нимле Винтик та мар эп! Ман ят – Венедикт!..* (А.П. Казанов, 2007. С. 9).

*«**Ты** что?! издеваешься? Никакой я не Винтик. Меня зовут Венедикт!..»*

Чăтма çук тарăхнăскер, Вастиков Эльванова кăкăртан ярса тытрĕ.

*– Итле-ха, **эс**!..* (А.П. Казанов, 2007. С. 90).

«Сильно рассердившись, Вастиков схватил Эльванова за грудь».

*«Послушай, **ты**!..»*

нем. – ***Du**, das Buch musst du mir pumpen!*

– *Kriegst **du**, aber jetzt hau ab!* (W. Bredel, 1952. S. 107).

Необходимо также заметить, что в речи представителей анализируемых линвокультур довольно часто выбор той или иной формы местоимения вызывает определенные затруднения, например:

рус. Василь *(еще в дверях). Можно?*

Поэма *(встретившись глазами). Вася?!* ***Ты?**.. **Вы?**..*

Василь. *Собственной персоной!.. Привет и наилучшие пожелания! (Здоровается.)*

Поэма. *Какая неожиданность!* ***Ты**… в Киеве?* (В. Минко, 1974. С. 332).

чув. – ***Эс**… **Эсир** Эльванов-и? – илтĕнчĕ сасă.*

– *Ну, çавă…* (А.П. Казанов, 2007. С. 138).

*«**Ты**… **Вы** Эльванов? – послышался голос».*

«Ну, я…»

нем. *«Haben **Sie** –» Er bemerkte seine verschrobene Anrede und versuchte ins Unpersönliche auszuweichen. «Hat man denn gar keine Angst, wenn man da hinaufklettert?»* (H.J. Steinmann, 1971. S. 107).

Возвращаясь к английскому языку и проведя типологическое исследование [1. С. 172], отметим, что «всему этому эмоциональному фейерверку обыгрывания *ты* и *Вы* английский язык противопоставляет регулярное безальтернативное употребление *you,* навязывая своему носителю формально-официальное отношение» [5. С. 153].

Таким образом, контрастивное исследование личных местоимений *ты* и *Вы* в качестве обращений в анализируемых языках позволило выявить, что данные речевые единицы несут большую коммуникативную нагрузку, не только указывая на адресата, но и выражая определенную тональность общения. Представленный материал подтверждает необходимость уместного использования *ты / Вы* – форм обращений, так как правильный выбор формы вокатива предопределяет тональность коммуникации и служит одним из способов регулирования межличностных отношений.

Источники

Абдулло Г. Пламя свободы // Пьесы советских писателей: в 6 т. М.: Искусство, 1974. Т. 4. С. 255–306.

Арбузов А.Н. Избранное: в 2 т. М.: Искусство, 1981. Т. 2. 792 с.

Васильева Л.А. Когда цвела сирень: рассказы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 159 с.

Казанов А.П. Каçхи мĕлке: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. 287 с.

Кăлкан А. Çĕнни çĕнтерет: пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1981. 336 с.

Мдивани Г. Твой дядя Миша // Пьесы советских писателей: в 6 т. М.: Искусство, 1972. Т. 1. С. 71–138.

Минко В. Не называя фамилий // Пьесы советских писателей: в 6 т. М.: Искусство, 1974. Т. 5. С. 299–346.

Осипов П.Н. Тăван тавралăхра: пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1981. 400 с.

Поляков Ю.М. Как боги: семь пьес о любви. М.: АСТ, 2014. 512 с.

Родионов Л.Н. Асамат кĕперĕ: пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1985. 255 с.

Рощин М.М. Собрание произведений в пяти книгах. Книга первая: Лиха беда начало. М.: ООО «Издательская группа ЖИЗНЬ», 2006. 576 с.

Смуул Ю. Йынь с острова Кихну – дикий капитан // Пьесы советских писателей: в 6 т. М.: Искусство, 1975. Т. 6. С. 5–85.

Терентьев Н.Т. Пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1977. 312 с.

Терентьев Н.Т. Пьесăсем. Суйласа илнисем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1988. 359 с.

Терентьев Н.Т. Ырăпа усал: пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1975. 471 с.

Чиндыков Б.Б. Çатан карта çинчи хура хăмла çырли: пьесăсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1995. 200 с.

Эльби В.А. Кавча кайсан: роман. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2002. 286 с.
Brand M. Plays. Moscow: Progress Publ., 1965. 232 p.
Bredel W. Die Söhne. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. 438 S.
Klaus H. Die guten Jahre. Weimar: Volksverlag, 1963. 591 S.
Mann H. Der Untertan. Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. 457 S.
Monod M. Die Wolke. Berlin: Dietz, 1963. 112 S.
Remarque E.M. Der Weg zurück. Berlin: Propyläen-Verlag, 1931. 369 S.
Segers A. Die Toten bleiben jung. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. 595 S.
Steinmann H.J. Die grössere Liebe. Halle; Saale: Mitteldeutscher Verlag, 1971. 534 S.

Литература

1. *Абрамова А.Г., Григорьева Е.Н., Гурьянова Т.Ю., Яковлева О.В*. Социативные и комитативные синтаксические элементы в русском и английском языках // Вестник Чувашского университета. 2017. № 1. С. 169–176.

2. *Лайонз Дж*. Язык и лингвистика. Вводный курс: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.

3. *Леонтьева Л.Е.* Функционально-семантическое описание вокативов в разноструктурных языках: дис. … канд. филол. наук. Чебоксары, 2011. 187 с.

4. *Леонтьева Л.Е.* Формы обращения на ты/Вы в разносистемных языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сб. ст. М.: НИИЦ. 2009. № 7-2. С. 51–53.

5. *Тер-Минасова С.Г*. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.

6. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 160 с.

7. *Яковлева Г.Г.* Коммуникативно-прагматическая характеристика директивных инициативных реплик в разноструктурных языках // Мир лингвистики и коммуникации. 2011. Т. 1, № 23. С. 53–65. URL: http://tverlingua.by.ru (20.09.2017).

8. *Яковлева Г.Г.* Регулятивная функция инициативных реплик в директивном дискурсе // Тенденции развития современного образования: научно-образовательная практика и парадигмы воспитания: сб. ст. Чебоксары: Изд-во ЧКИ РУК, 2015. С. 164–166.

ЛЕОНТЬЕВА ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета, Россия, Чебоксары (ludmilla-78@mail.ru).

ЯКОВЛЕВА ОЛИМПИАДА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета, Россия, Чебоксары (yakol76@mail.ru).

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (foreign-languages-department@mail.ru).

L. LEONTYEVA, O. YAKOVLEVA, A. ABRAMOVA

VOCATIVE AS A WAY OF REGULATING INTERPERSONAL RELATIONS

Key words: *vocative, forms of addressing «thou» and «you», dialogic communication, means of addressing, discourse, ethnospecific features of vocatives.*

Vocatives are an essential part of dialogic communication. Vocative utterances of a partner act as contact-establishing regulators, reflecting his pragmatic position: his intentions, emotional state, attitude to the interlocutor. This article is devoted to the study of personal pronouns thou and you, often used as vocatives in the Russian, Chuvash, German and English languages. Special attention is paid to the ability of using the pronouns «thou» and «you» correctly when communicating with different interlocutors in various situations of communicative interaction. As a result of comparative studies, it was revealed that «you» emphasizes polite and respectful attitude to a person and is used in the official sphere, when referring to unfamiliar or less familiar people, to elders or people having a higher rank in the social hierarchy, while the addressing form «thou» used in unofficial, informal communication is not typical for all the languages considered in this article. The paper also gives the results of dialogical texts analysis, in which there is a transition from one form of the pronoun to another, directed to heightening or lowering interlocutors' social status, that of native speakers of the considered languages.

References

1. Abramova A.G., Grigor'eva E.N., Gur'yanova T.Yu., Yakovleva O.V. *Sotsiativnye i komitativnye sintaksicheskie elementy v russkom i angliiskom yazykakh* [Sociative and commitative syntactic elements in the Russian and English languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 1. pp. 169–176.

2. Lyons J. Language and linguistics. Cambrige, Cambridge Univ. Press, 1981 (Russ. ed.: *Yazyk i lingvistika. Vvodnyi kurs*). Moscow, Editorial URSS Press, 2004, 320 p.

3. Leont'eva L.E. *Funktsional'no-semanticheskoe opisanie vokativov v raznostrukturnykh yazykakh: dis. … kand. filol. nauk* [Functional-semantic description of vocatives in languages of different structures]. Cheboksary, 2011, 187 p.

4. Leont'eva L.E. *Formy obrashcheniya na ty/Vy v raznosistemnykh yazykakh* [Forms of addressing in different languages]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: sb. st.* [Actual problems of humanities and natural sciences: Collected works]. Moscow, 2009, no. 7-2, pp. 51-53.

5. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow, 2000, 264 p.

6. Formanovskaya N.I. *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty. 4-e izd.* [Russian speech etiquette: linguistic and methodical aspects. 4th ed.] Moscow, 2008, 160 p.

7. Yakovleva G.G. *Regulyativnaya funktsiya initsiativnykh replik v direktivnom diskurse* [Regulatory function of initiative replicas in directive discourse]. In: *Tendentsii razvitiya sovremennogo obrazovaniya: nauchno-obrazovatel'naya praktika i paradigmy vospitaniya: sb. st.* [Trends in the development of modern education: scientific and educational practice and upbringing paradigm: Collected works]. Cheboksary, 2015, pp. 164–166.

8. Yakovleva G.G. *Kommunikativno-pragmaticheskaya kharakteristika direktivnykh initsiativnykh replik v raznostrukturnykh yazykakh* [Communicative-pragmatic characteristics of directive initiative replicas in different-structure languages]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [The world of linguistics and communication], 2011, vol. 1, no. 23, pp. 53–65. Available at: http://tverlingua.by.ru.

LEONTYEVA LYUDMILA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Cheboksary Institute of Moscow Polytechnic University, Russia, Cheboksary (ludmilla-78@mail.ru).

YAKOVLEVA OLIMPIADA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Cheboksary Institute of Moscow Polytechnic University, Russia, Cheboksary (yakol76@mail.ru).

ABRAMOVA ANZHELIKA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Romano-Germanic Philology and Theory of Translation, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (foreign-languages-department@mail.ru).

Ссылка на статью: *Леонтьева Л.Е., Яковлева О.В., Абрамова А.Г.* Вокатив как один из способов регулирования межличностных отношений // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 286–293.

УДК 811.512.111'367.625
ББК Ш12=635.1*212.5

И.Г. НИКИТИНА, И.Г. ТРОФИМОВА

СИНОНИМИЯ ГЛАГОЛОВ ПЕШЕГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *синонимия, глаголы пешего перемещения, семантический анализ, семантическая классификация, ситуация перемещения, когнитивные модели, чувашский язык.*

Статья посвящена изучению группы глаголов пешего перемещения (ГПП), представляющей существенный пласт общей системы глаголов движения в современном чувашском языке. Исследуются ее семантические и когнитивные особенности. Авторы определяют количественный состав и структурно-семантический характер анализируемой группы, выявляют природу системной связи глагольных единиц ее подгрупп. На основе анализа лексикографических источников проведена классификация ГПП и выделено шесть тематических подгрупп, в которых составляющие глагольные единицы связаны между собой синонимическими отношениями. Лексикализация модели ситуации перемещения в большинстве случаев осуществляется посредством слияния параметров Движение + Объект + Способ, которые инкорпорированы во внутренней структуре ГПП.

Лексико-семантическая группа глаголов движения являлась предметом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов, которые изучали ее в разных аспектах. Тем не менее существует ряд вопросов, которые требуют пристального внимания языковедов, поскольку данный объемный фрагмент глагольной лексики, выделяющийся функциональной значимостью и частотой употребления в речи, в каждом языке имеет свои особенности.

В настоящей статье рассматривается группа глаголов пешего перемещения (ГПП) с соматическим инкорпорантом «*урасем*» (ноги), представляющая бóльшую часть общей системы глаголов движения в современном чувашском языке, в русле когнитивистики.

Цель нашей работы – определение количественного состава исследуемой группы и ее структурно-семантического характера, тематическая классификация ГПП, проведение когнитивного анализа их особенностей.

В своем исследовании мы опирались на точку зрения Ч. Филлмора, который, говоря, в частности, об английских глаголах движения, отмечал, что при их характеристике семантические измерения могут выбираться неограниченным числом способов [11. С. 45]. Среди них он выделяет следующие: «путь движения» (*ascend* «подниматься»), (ср. чув. *хăпар* “подниматься”. – *Авт.*), «путь движения с учетом внешней среды» (*dive* «нырять»), (ср. чув. *чăм* “нырять, погружаться в воду”. – *Авт.*), «путь движения по отношению к начальной или конечной точке» (*arrive* «прибыть», *leave* «покидать»), (ср. чув. *кил* “приходить, приезжать, прибывать”, *кай* “уходить, уезжать”. – *Авт.*), «способ движения» (*stride* «идти большими шагами», *slog* «с трудом тащиться»), (ср. чув. *ярtлат* “двигаться размашистым шагом”, *лапсăртат* “с трудом передвигаться, плестись”. – *Авт.*); «звук, сопровождающий движение» (*stump* «ходить, топая»), (ср. чув. *таплаттар* “топать, стучать ногами, идти с топаньем”. – *Авт.*), «участие тела» (*crawl* «ползать»), (ср. чув. *шу* “ползать, ползти”. – *Авт.*), «скорость движения» (*dart* «устремиться»), (ср. чув. *ывтăн* “устремляться”. – *Авт.*) и т.д. [11. С. 46].

Известно, что в предикатах идея перемещения легко сочетается с другими совместимыми с движением характеристиками [7. С. 255]. Универсальными параметрами, характеризующими большинство ситуаций перемещения, являются Объект *(Figure*), движущийся (или помещенный) по отношению к другому Объек-

ту (*the Reference Object*, или *Ground*), Путь (*Path*), само Движение (*Motion*), Способ (*Manner*) и Причина (*Cause*) [14. С. 61]. Они могут по-разному акцентироваться и выражаться в конкретных глагольных лексемах различных языков [6. С. 59].

Главным условием включения глагольных единиц (ГЕ) в исследуемую группу является наличие у них значения пешего перемещения субъекта в пространстве. «Интенсионал лексического значения подобных глаголов представлен гиперсемой «перемещение человека в пространстве при помощи мускульной силы ног» и гипосемой «Способ перемещения» [8. С. 77]. Нами не рассматривались глаголы, передающие понятие “движение” в самом общем виде. Таким образом, в исследуемую группу не вошли прототипические глаголы *çӳре* “ходить, ездить, двигаться” и *пыр* “идти, ехать”. За пределами нашей работы остались также глаголы, которые в своей смысловой структуре не передают способа перемещения: *кил* “приходить, приезжать”, *кай* “уходить, уезжать”, *çит* “добираться, доезжать”, *çывхар* “приближаться”, *таврăн* “возвращаться”, *ирт* “проходить, проезжать (мимо)”, *кĕр* “входить, въезжать”, *тух* “выходить, выезжать”, *çĕклен* “подниматься”, *ан* “спускаться”.

Исследование ГПП в современном чувашском языке проводилось на материале двуязычных словарей: «Словаря чувашского языка» проф. Н.И. Ашмарина [3], «Чувашско-русского словаря» под редакцией М.Я. Сироткина [12], «Русско-чувашского словаря» под редакцией И.А. Андреева, Н.П. Петрова [9], «Чувашско-русского словаря» под редакцией М.И. Скворцова [13], а также «Толкового словаря чувашского языка» под редакцией Г.А Дегтярева, Ю.Н. Исаева [10], «Словаря синонимов чувашского языка» Е.Ф. Васильевой [4].

Анализ лексикографических источников дает нам возможность выделить шесть тематических подгрупп, представляющих синонимические ряды ГПП в современном чувашском языке. Мы вслед за И.В. Арнольд под синонимами понимаем «слова, различные по звучанию, относящиеся к одной и той же части речи, имеющие одно или несколько сходных значений, которые, выражая одно понятие, могут отличаться дополнительными оттенками значения», «эмоциональной или стилистической окраской, употреблением и сочетаемостью с другими словами в свободных и устойчивых словосочетаниях» [1. С. 296].

Следует отметить, что большинство глаголов движения в чувашском языке многозначно. В нашем исследовании мы использовали те значения глаголов, прямые и переносные, которые выражают исключительно пешее перемещение субъекта. В ряде случаев перечень ГЕ в подгруппах дается с учетом их большей семантической близости.

Существенное место в группе ГПП занимают подражательные глаголы [2]. Они выражают специфические признаки, сопутствующие пешему перемещению. Как отмечает Т.Н. Васильева, среди них широкое распространение имеют варианты, близкие по значению глаголы, возникшие либо в результате чередования соотносительных по ряду, подъему, характеру образования гласных (ср. макăлтат – мăкăлтат – мăкăльтет – мĕкĕлтет “двигаться медленно, с трудом; ковылять” / а = ă = ĕ /), либо в результате различных изменений согласных в составе слова (ср. *йăпăртат – йăкăртат* “идти мелкими и частыми шагами” / п = к /) и т.п. [5. С. 39–40]. В нашей работе данные варианты представлены в скобках.

Таким образом, наша семантическая классификация ГПП состоит из следующих тематических подгрупп:

Подгруппа I. Пешее перемещение субъекта без утраты в какой-либо момент контакта с поверхностью.

Данная подгруппа состоит из 3 глаголов: *ут* “идти, ходить, шагать”; *утмар* “идти шагом, шагать”; *утăмла* “шагать, вышагивать; измерять шагами” (здесь связь с тематической подгруппой VI).

Общее значение настоящей подгруппы выражает глагол *ут*, который не обладает дополнительными семантическими признаками. Для глаголов приведенной тематической подгруппы характерна модель слияния параметров: *Motion + Figure + Manner*.

Подгруппа II. Праздное пешее перемещение субъекта.

Настоящая подгруппа образована 13 глаголами: *кум перен*. “бродить без дела; шататься”; *кас* “изъездить, исходить; странствовать; таскаться *прост.*”, *ламса разг.* (*лемсе разг.*) “шататься, шляться, слоняться без дела”; *ланкка* (*ленкке*) “бесцельно шататься, слоняться, болтаться; ходить попусту”; *ламсăртат разг.* (*лĕмсĕртет разг.*) “шататься, болтаться, слоняться”; *ланчăртат* “шататься, слоняться”; *лапăстат* “слоняться, таскаться, болтаться *прост.*”; *лапсăртат* (*лĕпсĕртет*) “болтаться, слоняться, шататься, таскаться *прост.*”; *лăркка (лĕркке) разг.* “болтаться, сновать, шляться *прост.*”; *лĕске* “шататься, бродить без дела”; *сĕтĕрĕн разг*. “бродить; слоняться; тащиться, таскаться, шляться *прост.*”; *сулăн* “слоняться, шататься, болтаться”; *янкка разг*. “болтаться, слоняться, мотаться, шататься, шляться”.

ГЕ приведенной подгруппы выражают разнонаправленное, бессистемное движение, совершаемое с малой скоростью, которое характеризует отсутствие цели. Они представляют модель слияния параметров: *Motion + Figure + Manner* (*+ Ground*).

Подгруппа III. Направленное пешее перемещение субъекта по вертикали.

В настоящей подгруппе 4 глагола: *хăпар* “лезть, взбираться, залезать, влезать *разг.*”; *тăрмалан* “карабкаться, лезть (цепляясь за что-л.)”; *улăх* подниматься, взбираться”; *чакалан* (*чавалан*) “карабкаться, лезть (цепляясь за что-либо)”. Модель слияния параметров: *Motion + Figure + Manner + Ground/ Path*.

Подгруппа IV. Интенсивное пешее перемещение субъекта.

В настоящей подгруппе 31 ГЕ, многие из которых многозначны, и значение интенсивного перемещения выступает в качестве вторичной номинации. Доминантой данного синонимического ряда является наиболее употребительный и нейтральный глагол *чуп* “бежать”.

Близкими глаголу *чуп* по своей семантике являются: *васка* “спешить, торопиться”; *вашкăрт* “мчаться, нестись, лететь”. Они детерминируют быстрое перемещение субъекта в наиболее общем виде.

Глаголы *ăнтăл* “мчаться, устремиться, нестись, лететь”, *ĕшкĕн* “быстро двигаться, мчаться”, *виркĕн* “мчаться, нестись, устремляться, стремительно двигаться”, *виркĕнтер* “мчаться, нестись” характеризуют высокая скорость перемещения и эмоциональная насыщенность.

ГЕ *вăркăн* “стремительно нестись, устремляться”, *ыткăн* (диал. *уткăн*) “мчаться, нестись вихрем”, *ывтăн* “устремляться”, *вĕçкĕн* “быстро умчаться, убежать”, *чавкăн* “устремляться”, *талкăш* “идти, двигаться быстро, энергично; сновать, двигаться туда-сюда” (здесь связь с тематической подгруппой VI) передают стремительность движения, а также преднамеренность действия.

К данной подгруппе также относятся ГЕ: *ĕрĕх “*помчать[ся], понести[сь]”; *ĕрĕхтер* “мчаться”; *вĕç перен*. “нестись, мчаться, лететь”; *вĕçтер* “нестись, мчаться, лететь”; *кĕртлеттер разг*. “мчаться”; *кус* катиться; *разг*. “бежать, лететь, мчаться”; *пĕрĕхтер перен. разг*. “мчаться, быстро бежать, ехать”; *сирпĕн* “мчаться, нестись, лететь; бросаться”; *сирпĕнтер* “мчаться, нестись, лететь”; *çиç* “мчаться, нестись”; *çиçкĕн разг*. “мчаться, нестись, лететь”; *чалкăш* “мчаться, нестись, лететь, быстро двигаться”; *ыткăнтар* “мчаться, нестись, быстро двигаться”; *ярлаттар* “мчаться, нестись, лететь”.

Глагол *талпăн* “устремляться, рваться, кидаться; понестись, броситься” выражает интенсивное перемещение, сопряженное с большой затратой физической энергии, с проявлением усилия.

Кроме того, в данную подгруппу можно включить ГЕ: *йăркка* “*разг*. бежать мелкой рысью, трусить” (связь с тематической подгруппой VI); *йăртлаттар* “бежать мелкой рысью, трусить” (связь с тематической с подгруппой VI); *яртлат* “легко идти, бежать; двигаться размашистым шагом” (связь с тематической подгруппой VI); *яртлаттар* “легко идти, бежать; двигаться размашистым шагом” (связь с тематической подгруппой VI).

ГЕ приведенной подгруппы представляют модель слияния параметров: *Motion + Figure + Manner.*

Подгруппа V. Медленное пешее перемещение субъекта.

В настоящую подгруппу входит 33 глагола, многие из которых образованы от подражательных основ. Значение медленного темпа перемещения содержится в семантике самих глаголов и не нуждается в дополнительных определителях. Доминантой данного синонимического ряда является глагол *танкка* «плестись».

Следующие ГЕ имеют общую сему *медленного, затруднительного пешего перемещения*: *ĕселен диал.* “еле двигаться, еле-еле передвигать ногами”; *йăралан* “медленно и тяжело двигаться, тащиться, плестись”; *кăштăртат* “медленно двигаться, плестись”; *лакăштаттар* “плестись, тащиться; идти, волоча ноги”; *ламсăртат* (*лĕмсĕртет*) “плестись, тащиться, плюхать *разг*.”; *ланкка* (*ленкке*) “еле плестись, брести”; *ланчăртат* (*ленчĕртет перен.*, *лĕнчĕртет перен.*) “тихо идти, плестись; ходить вяло, еле тащиться”; *лашка* “идти с трудом, тащиться, плестись, брести”; *лăштăртат* “плестись, с трудом идти”; *лапăстат* (*лăпăстат, лепĕстет, лĕпĕстет*) “плестись, тащиться, тяжело двигаться; слоняться, таскаться, болтаться *прост*.” (связь с тематической подгруппой II); *лапсăртат* (*лăпсăртат, лепсĕртет, лĕпсĕртет*) “с трудом передвигаться, плестись, тащиться, брести”; *лапăстаттар* “плестись, тащиться”; *лапсăртаттар* “плестись, тащиться, брести”; *лăшăртат* “*разг*. плестись, идти с трудом”; *мăшăлтат* (*мĕшĕлтет*) “медленно двигаться, тащиться *разг*.”; *сĕтĕрĕн* “плестись, тащиться”; *тапалан* “еле идти; тащиться, плестись *разг*.”; *таплаттар* “топать, стучать ногами (связь с тематической подгруппой VI); идти медленно, вяло; плестись”; *тĕкĕлтет* “брести, едва переставляя ноги (о больных, стариках)”; *тĕкĕлтеттер* “брести, едва переставляя ноги (о больных, стариках)”; *шу перен*. “ползти, медленно идти, двигаться”. Модель слияния параметров: *Motion + Figure + Manner* (*+ Cause*).

Следующие ГЕ обозначают поступательное перемещение с дополнительной семой «*прихрамывая, ковыляя*»: *калтлат* “ковылять, хромать *разг*.”; *лакăштат* (*лăкăштат*) “хромать, идти прихрамывая”; *мăкăлтат* (*мăкăльтет, мĕкĕлтет*) “двигаться с трудом, брести, ковылять *разг.*”; *санкăлтат* (*сĕнкĕлтет, диал. сӳнкĕлтет, диал. сӳнкĕртет*) “ковылять, ходить прихрамывая *разг*.”; *тăкăлтат* “прихрамывать; семенить, идти мелкими шагами, шажками” (связь с тематической подгруппой VI); *тăкăлтаттар* “прихрамывать; семенить, идти мелкими шагами, шажками” (связь с тематической подгруппой VI); *тĕнкке* “ковылять, тащиться, плестись, идти неуверенными шагами; спотыкаться на ходу” (связь с тематической подгруппой VI); *танкăш* “ковылять, тащиться, плестись, идти неуверенными шагами; спотыкаться на ходу” (связь с тематической подгруппой VI). Модель слияния параметров: *Motion + Figure + Manner* (*+ Cause*).

Объективная неспособность субъекта к успешному пешему перемещению из-за особенностей рельефа выражается 3 ГЕ, передающими также значение среды (вода, снег, грязь, песок, трава и т.п.), в которой осуществляется движение: *ат* “идти, утопая, увязая (в грязи, в снегу)”; *аш* “идти, утопая, увя-

зая (в грязи, в снегу); *иш* “плавать, плыть; брести (по грязи, по снегу)”. Модель слияния параметров: *Motion* + *Figure* + *Manner* (+ *Cause* + *Ground* + *Path*).

Подгруппа VI. Пешее перемещение субъекта, включающее сопутствующие признаки.

Настоящая подгруппа состоит из 51 ГЕ, образующих 9 серий.

1. ГЕ, выражающие *ненаправленное перемещение субъекта «частыми мелкими шагами»*: *вĕтĕртет* (*вĕтĕлтет*) “идти мелкими шажками, семенить”; *вĕтĕртеттер* «семенить, ходить мелкими шажками”; *йăкăртат* (*йăпăртат*) “семенить, ходить быстрыми мелкими шажками (связь с тематической подгруппой IV); *йăпăшлат* “семенить; идти мелкими быстрыми шагами” (связь с тематической подгруппой IV); *йăрăлтат перен*. “семенить, идти мелкими, быстрыми шажками” (связь с тематической подгруппой IV); *нăкăлтат разг.* “семенить (о низкорослом человеке)”; *тăпăлтаттар разг*. “семенить, идти мелкими шагами, шажками”; *тĕнкĕлтет* “семенить, ходить мелкими шагами, шажками”; *тĕнкĕлтеттер* “семенить, ходить мелкими шагами, шажками”; *теплеттер разг.* “шагать мелкими шажками, семенить, топать (о ребенке)”; *япăртат* “семенить, идти мелкими шагами”.

Приведенные образоподражательные ГЕ имеют общий семантический признак и образуют синонимический ряд. Модель слияния параметров: *Motion* + *Figure* + *Manner.*

2. ГЕ с общей семой пешего *ненаправленного перемещения субъекта большими шагами*: *тунала разг.* “вышагивать, идти широким шагом (о длинноногом человеке)”; *янкка* “ходить размашистым шагом (о длинноногом человеке)”; *яртлат* (*йăртлат*) “легко идти, бежать; двигаться размашистым шагом” (связь с тематической подгруппой IV); *яртлаттар* “легко идти, бежать; двигаться размашистым шагом”(связь с тематической подгруппой IV). Модель слияния параметров: *Motion* + *Figure* + *Manner.*

3. Следующая серия ГЕ выражает *неуверенное, неловкое* или *нетвердое пешее ненаправленное перемещение субъекта*: *кăнтлаттар разг*. “ходить неровной походкой, ковылять; *лăтăртат перен.* “идти тяжелой походкой (о тучном человеке)”; *латăртаттар диал.* “ходить вперевалку, как утка”; *талтлат перен*. “идти старческой походкой”; *танкка* (*тĕнкке*) “идти неуверенными шагами; спотыкаться на ходу”; *танкăлтат* (*тăнкăлтат*) *разг*. “плестись, брести, идти нетвердыми, вялыми шагами” (связь с тематической подгруппой V); *танкăлтаттар* (*тăнкăлтаттар*) “*разг.* плестись, брести, идти нетвердыми, вялыми шагами” (связь с тематической подгруппой V); *туяла* “ходить, опираясь на палку”; *макăлтат* “двигаться медленно и неуклюже; переваливаться” (связь с тематической подгруппой V). Модель слияния параметров: *Motion* + *Figure* + *Manner* (+ *Cause*).

4. ГЕ с дополнительной семой «звук»: *йăкăштат* “шаркать, двигаться, шаркая ногами”; *йăкăштаттар* “шаркать, передвигаться с легким шарканьем”; *кăштăртаттар* “шаркать ногами, волочить ноги”; *лаштăртат* «шаркать ногами, шлепать (в свободной обуви)”; *талтлаттар* “грузно и тяжело ступать, топать и стучать ногами (при ходьбе или беге)”; *таплаттар* “топать, стучать ногами, идти с топаньем”; *кăштăртаттар* “шаркать ногами, волочить ноги”; *теплеттер разг.* “шагать мелкими шажками, семенить, топать (о ребенке)”. Здесь модель слияния параметров движения *Motion* + *Figure* + *Manner* + *Sound* (+*Cause*).

5. Следующая серия ГЕ передает *психологическое состояние* субъекта: *вĕре* “кишеть, сновать”; *вĕрке* “сновать, двигаться взад и вперед”; *вĕркĕн* “сновать, носиться взад и вперед” (связь с тематической подгруппой IV);

варкăш (*вăркăш*) “сновать, кишеть”; *вĕркĕш* “бегать, сновать, суетиться” (связь с тематической подгруппой IV); *йăрка (йăркка*) *разг*. “ходить быстрой походкой взад-вперед; бегать, суетиться, сновать” (связь с тематической подгруппой IV); *йĕшке* “*диал*. сновать, бегать туда и сюда, суетиться” (связь с тематической подгруппой IV); *талкăш* “идти, двигаться быстро, энергично (связь с тематической подгруппой IV); сновать, двигаться туда-сюда”. Приведенные ГЕ выражают ненаправленное беспорядочное суетливое пешее перемещение субъекта в пространстве.

6. ГЕ с дополнительной семой *осторожное, легкое перемещение субъекта*: *авкалан* “двигаться плавно, красиво”; *йăрла* “плавно скользить”; *йăрлат* “плавно двигаться, легко скользить”; *йăпăшлат* “ступать бесшумно, шагать тихо”.

7. Следующие ГЕ имеют в качестве вторичной номинации значение *медленного* или *тайного* перемещения: *шăвăн* “незаметно исчезать, потихоньку убегать, уходить”; *шу “разг.* исчезать, ускользать, скрываться; уползать; смываться *прост.*”.

8. ГЕ, выражающие *перемещение с участием тела*: *упален* “ползать на четвереньках”; *тапалан* “карабкаться, ползти”; *шăвăн* “ползти, пробираться ползком”; *шу* “ползать, ползти”.

9. ГЕ, выражающие *перемещение* как человека, так и животного: *йăркка* “*разг*. бежать мелкой рысью, трусить” (связь с тематической подгруппой IV); *йăртлаттар* (*яртлаттар*) “бежать мелкой рысцой, трусйть” (связь с тематической подгруппой IV); *пĕрĕхтер* “*перен. разг*. мчаться, быстро бежать, ехать, скакать (о лошади)” (связь с тематической подгруппой IV); *танкăлтат* (*тăнкăлтат*) семенить (о людях), трусить (о лошадях).

ГЕ приведенной подгруппы представляют модель слияния параметров движения: *Motion* + *Figure* + *Manner* (+*Sound* + *Cause*).

Таким образом, исследование глаголов пешего перемещения в чувашском языке, представленных прототипическим глаголом *ут*, позволило выделить шесть тематических подгрупп, в каждой из которых ГЕ имеют внутреннюю семантическую близость. Общее значение одной (реже 2-3) ГЕ той или иной подгруппы связывает ее составляющие в синонимический ряд. Кроме того, данные тематические подгруппы характеризует семантическая близость между собой.

Анализ языкового материала показал, что самой значительной является VI тематическая подгруппа (51 ГЕ), состоящая из 9 синонимических рядов. Наименьшее количество ГЕ в I тематической подгруппе (3 ГЕ).

Наиболее частотной для группы ГПП современного чувашского языка является модель слияния параметров *Motion* + *Figure* + *Manner*, которые сочетаются во внутренней структуре анализируемых глаголов.

Литература

1. *Арнольд И.В*. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2012. 376 с.

2. *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань: Изд-во Акад. центра Татнаркомпроса. 1928. 160 с.

3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.

4. *Васильева Е.Ф*. Синонимсен словарĕ. Ш.: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1983. 128 с.

5. *Васильева Т.Н.* Глаголы движения в современном чувашском языке: дис. … канд. филол. наук. Уфа, 1980. 213 с.

6. *Майсак Т.А., Рахилина Е.В*. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: РАН ИЯ, 1999. С. 53–66.

7. *Никитина И.Г.* Вербализация событий движения в русском, английском и чувашском языках // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 255–258.

8. *Поддубный А.А.* Когнитивные модели ситуации пешего перемещения и способы их лексикализации: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. 190 с.

9. Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева, Н.П. Петрова. М.: Сов. энцикл., 1971. 893 с.

10. Толковый словарь чувашского языка / под ред. Г.А. Дегтярева, Ю.Н. Исаева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. Т. 2. 368 с.

11. *Филлмор Ч.* Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс. 1983. С. 23–61.

12. Чувашско-русский словарь / под ред. М.Я. Сироткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 630 с.

13. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

14. *Talmy L.* Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms. In: Language Typology and Syntactic Description. Cambridge, 1985, vol. III, pp. 57–149.

НИКИТИНА ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nikitina_irina94@inbox.ru).

ТРОФИМОВА ИРАИДА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iraidatrofimova@gmail.ru).

I. NIKITINA, I. TROFIMOVA

SYNONYMY OF VERBS OF PEDESTRIAN MOTION IN MODERN CHUVASH LANGUAGE

***Key words**: synonymy, verbs of pedestrian motion, semantic analysis, semantic classification, motion event, cognitive patterns, the Chuvash language.*

The article considers the group of verbs of pedestrian motion (VPM) representing a significant layer of the overall system of motion verbs in the modern Chuvash language. The authors analyze its semantic and cognitive features of VPM, define the quantitative composition and structural-semantic character of the group as well as the nature of systemic relations of verbs in subgroups. Based on the analysis of lexicographical sources a classification was made and six thematic subgroups were marked, in which the verbs that make them are interconnected by synonymous relations. Lexicalization of motion event is in most cases done by merging the parameters Motion + Object + Manner that are incorporated in the inner VPM structure.

References

1. Arnol'd I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka* [Lexicology of modern English]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2012, 376 p.

2. Ashmarin N.I. *O morfologicheskikh kategoriyakh podrazhanii v chuvashskom yazyke* [On morphological categories of imitations in the Chuvash language]. Kazan, 1928, 160 p.

3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka,* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.

4. Vasil'eva E.F. *Sinonimsen slovare* [The dictionary of synonyms]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1983, 128 p.

5. Vasil'eva T.N. *Glagoly dvizheniya v sovremennom chuvashskom yazyke: dis. … kand. filol. nauk* [Verbs of motion in the modern Chuvash language. Abstract of PhD Thesis]. Ufa, 1980, 213 p.

6. Maisak T.A., Rakhilina E.V. *Semantika i statistika: glagol idti na fone drugikh glagolov dvizheniya* [Semantics and statistics: the verb *to go* compared to other verbs of movement]. In*: Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [Logical analysis of the language. Languages of a dynamic world]. Dubna, 1999, pp. 53–66.

7. Nikitina I.G. *Verbalizatsiya sobytii dvizheniya v russkom, angliiskom i chuvashskom yazykakh* [Verbalization of the motion event in the Russian, English and Chuvash languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 4, pp. 255–258.

8. Poddubnyi A.A. *Kognitivnye modeli situatsii peshego peremeshcheniya i sposoby ikh leksikalizatsii: dis. … kand. filol. nauk* [Cognitive patterns of pedestrian motion event and ways of their lexicalization: Abstract of PhD Thesis]. St. Petersburg, 2005, 190 p.

9. *Russko-chuvashskii slovar'* [The Russian-Chuvash dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1971, 893 p.

10. *Tolkovyi slovar' chuvashskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2014. vol. 2, 368 p.

11. Fillmor Ch. *Ob organizatsii semanticheskoi informatsii v slovare* [On the organization of semantic information in the lexicon]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [The latest in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1983, issue 14, pp. 23–61.

12. *Chuvashsko-russkii slovar'* [The Chuvash-Russian dictionary]. Moscow, 1961, 630 p.

13. *Chuvashsko-russkii slovar'* [The Chuvash-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1982. 712 p.

14. Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms. In: Language Typology and Syntactic Description. Cambridge, 1985, vol. III, pp. 57–149.

NIKITINA IRINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department №1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nikitina_irina94@inbox.ru).

TROFIMOVA IRAIDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department №1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iraidatrofimova@gmail.ru).

Ссылка на статью: *Никитина И.Г., Трофимова И.Г.* Синонимия глаголов пешего перемещения в современном чувашском языке // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 294–301.

УДК 81'42
ББК Ш10*50

Н.В. НИКОЛАЕВА, В.И. СЕРГЕЕВ

ПОНЯТИЯ *СЛОВО→ПРЕДЛОЖЕНИЕ→ТЕКСТ*. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ РУССКИХ И ЧУВАШСКИХ АНИМАЛИЗМОВ

Ключевые слова: *лингвистика текста, грамматика текста, текстология, малоформатные тексты (паремии, фраземы, афоризмы, метафорические тексты), сверхмалые формы текста (мини-тексты).*

В статье рассмотрены вопросы становления грамматики текста и лингвистики текста (текстологии) в качестве отдельной отрасли филологии, отражающей весь ход развития современной лингвистической науки. Подчеркивается тот факт, что текст является первичной данностью всего гуманитарно-философского мышления и является той непосредственной действительностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины. Углубление познаний о тексте, в частности, признание малоформатных и сверхмалых форм текста, т.е. минитекстов, приводит и должно привести к появлению новых определений текста и углублению понятия «текстоведение» в лингвистике. Сделана попытка анализа сверхмалых форм текста, состоящих из одного слова или нескольких слов на примерах метафор, афоризмов, фразем, сравнений с анималистическим компонентом в русском и чувашском языках.

В настоящее время *лингвистика текста, грамматика текста, текстология* как новые области науки приковывают к себе особое внимание ученых самых различных направлений. Опубликованы многочисленные монографии и статьи, написаны пособия, проводятся конференции, посвященные *лингвистике текста*. Эта область лингвистики представляет собой самый передовой фронт плодотворных языковых исследований. *Лингвистика текста* – это наука о сущности и организации предпосылок и условий человеческой коммуникации.

Интерес к изучению текста обусловлен стремлением объяснить язык как глобальное явление с точки зрения современного языкознания, как цельное средство коммуникации, глубже изучить связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми через текст.

Известны многовековые попытки определить понятия «слово» [7. С. 35–63], «предложение» [3]. Единицей лексики (лексикологии) является *слово*, а *предложение* – основная синтаксическая единица. Определение текста, которое можно было бы считать исчерпывающим и которое носило бы терминологический характер, еще не выработано.

Текстология, считаясь филологической (литературоведческой) дисциплиной, должна заниматься изучением текстов произведений художественной литературы, текст в литературоведении понимается как упорядоченное множество предложений. А что изучает *грамматика текста*? Она, по сути, должна быть чисто лингвистической дисциплиной.

Различные дефиниции приводятся в книге И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистических исследований» [4]. Определения понятия «текст» прямо говорят «о некоем упорядочении *множества предложений*», но при этом умышленно умалчивают о том, что *отдельное предложение, синтагма и отдельное слово* также могут быть и предложением, и текстом, поскольку способны передавать определенным образом организованную и направленную информацию. Текст, в таком случае, как слово и как предложение, пони-

мается как функционирующее структурно-семантическое единство (единство формы и содержания). В последнее время текстологию считают филологической дисциплиной, занимающейся изучением и комментированием текстов произведений художественной литературы (только! – *Авт.*), забывая при этом о лингвистической стороне текста (предложениях, синтагмах и словах), ведь текст – это объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность: в текстах и предложениях, синтагмах мы наблюдаем последовательность вербальных (словесных) знаков, а в словах-предложениях типа *Зима.* – последовательность фонем <з-и-м-а>. Эта последовательность фонем демонстрирует связность знаков языка (фонем) и образует целостность слова *зима* – самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне (толкование можно считать подтекстом).

Мысль о том, что «текст – это некое упорядоченное множество предложений», довлеет над умами многих исследователей. Выйти из этого лабиринта нелегко, ибо нужно принять аксиому о том, что «каждое слово – это независимая языковая единица (форма)».

Конец XX и начало XXI вв. знаменуются тем, что филологи (лингвисты и литературоведы) считают целесообразным заново рассмотреть статус текста в свете наиболее общих положений и исходных понятий языковедения и, в частности, теории грамматики. Отсутствие специальной науки о текстах в теории грамматики (художественные тексты изучаются в поэтике) натолкнуло на мысль, что «предложение есть основная единица грамматического строя в той же мере, в какой текст есть основная единица текстоведения» [1. С. 210]. В.Г. Адмони указывает, что «есть обширные области, в которых текст, подвергающийся воспроизведению, по своим размерам и по своему строению тесно граничит с предложением (т.е. "малоформатным текстом"). Это прежде всего пословицы, поговорки, крылатые слова». Они чаще всего и состоят из одного предложения, простого или сложного [1. С. 210]. От себя добавим: к «малоформатным текстам», тесно граничащим с предложениями, мы относим также афоризмы, фраземы, сравнения, все виды паремии и метафоры. К малоформатным текстам относятся и предложения с анималистическим компонентом типа:

а) малоформатные тексты-фраземы:

– *метать (рассыпать) бисер перед свиньями* – напрасно говорить о чем-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это (подтекст);

– *сурăх тирлĕ кашкăр* – усал шухăшсене ырă пек кăтартма тăрăшакан çын;

б) малоформатный текст-сравнение:

– *похожа свинья на коня, только шерсть не такая; молодец среди овец, а на молодца сам овца* – о человеке, смелом и самоуверенном только среди тех, кто слабее (подтекст);

в) малоформатный текст-пословица:

– *тӳр килсен сыснана та йысна тесе калăн* (случится, и свинью назовешь зятем);

– *ĕне курмана – качака* (коза – корова бедняка);

– *сыснана сурăх тăваймăн* (свинью не сделаешь овцою);

– *паршивая овца все стадо портит*;

г) малоформатный текст-загадка:

– *çӳлелле пăхмасть, сусăр мар, хăй çаплах йынăшать* (отгадка: *сысна – свинья*).

Подобные малоформатные тексты-предложения живут в памяти людей, порой являются общенародными.

А теперь обратимся к сверхмалым или мини-формам текста или предложениям с анималистическим компонентом. Сверхмалая форма предложения состоит из одного слова или нескольких слов, это так называемые номинативные (именные, назывные) предложения и метафоры. Они относятся к сравнительно-метафорическим выражениям, т.е. к сверхмалым, мини-формам текста:

– *волк волком* – об угрюмом, неприветливом, жестоком и одиноко живущем человеке;

– *бирюк бирюком*, *жить бирюком, жить как бирюк* – об одиноком, нелюдимом, угрюмом человеке;

– *заяц зайцем* – об очень пугливом, робком, опасливом и крайне осторожном человеке.

Итак, считаем, что определение термина «текст» еще не выработано. Известны непрекращающиеся дискуссии по поводу определения понятия «слово» и «предложение», которые до сих пор не увенчались успехом. Понимая «текст» только как упорядоченное множество предложений, мы впадаем в крайность. Возможно, это пригодно для литературоведения, но не для лингвистики.

Остановимся на: а) метафорических нераспространённых номинативных предложениях-текстах. Например, *Сокол мой! Сокол мой ясный!*; б) сравнительных нераспространенных номинативных текстах-предложениях: *Как сокол ясный* – о молодцеватом, ладном, благородно красивом молодом человеке. Это выражение в литературный язык пришло из народных былин, песен (особенно лирических, свадебных), пословиц; в) распространенных текстах-предложениях: *сидеть на коне кабы ясный сокол* – о чьей-либо молодцеватой посадке (верхом) или манере сидеть [5. С. 639]. Здесь уместно привести песенные строки из кинофильма «Кубанские казаки»:

Зачем, зачем ты снова повстречался
Орел степной, казак лихой!

Орел степной – метафорическое нераспространенное номинативное (назывное) сравнение-предложение.

В русском языке есть такие выражения, как *волк волком, заяц зайцем, медведь медведем, лев львом, бугай бугаем* и т.д., которые можно рассматривать и как чисто сравнения, но и как метафорические сравнения. Замечено, что формирование признаковой базы метафор и сравнительных оборотов проходит почти одинаково [6. С. 236].

Образцом «сверхмалых (мини) форм текста» являются номинативные предложения. Возьмем вырванный из контекста (диалога) слово *свинья* (чув. *сысна*) в метафорическом значении, т.е. когда слово характеризует человека пейоративно (отрицательно).

– Сысна! Свинья!

Это односоставное именное предложение-текст, в котором сказуемое (или подлежащее) выражается именительным падежом существительного. Прямое, основное, главное, номинативное значение слова *свинья* (*сысна)* –

парнокопытное нежвачное щетинистое животное с крупным телом и короткими ногами. Это – толкование значения слова *свинья* (*сысна),* так называемый прямой подтекст.

В приведенном выше предложении-тексте (в сверхмалой форме текста) подтекст (внутренний, скрытый смысл текста, высказывания, номинативного предложения) точно неизвестен, ибо при метафоризации слова *свинья* участвует целый набор символов переноса: 1) неопрятный; 2) низменный; 3) невежественный; 4) непорядочный; 5) неблагодарный. Без контекста определить точную «внутреннюю форму» метафорического слова-предложения (текста) – *Свинья!* – невозможно, здесь экзофазия (внешняя звуковая речь) как бы ясна, а эндофазия (внутренняя речь) завуалирована вовсе.

Углубление познаний о тексте, в частности, признание малоформатных и сверхмалых форм текста, т.е. мини-текстов, приводит и должно привести к появлению новых определений текста и углублению понятия «текстоведение» в лингвистике.

Литература

1. *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Ленинград: Наука : Ленингр. отд-ние, 1988. 238 с.

2. *Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 607 с.

3. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.

4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистических исследований. М.: Наука, 1981. 139 с.

5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.

6. *Николаева Н.В., Сергеев В.И.* Когнитивная лингвистика, человеческая когниция и зооморфические метафоры // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 233–237.

7. *Шмелев А.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

НИКОЛАЕВА НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nicknata75@inbox.ru).

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (cervitchuv45@rambler.ru).

N. NIKOLAEVA, V. SERGEEV

**CONCEPTS *WORD → SENTENCE → TEXT.*
METAPHORICAL REVERSIONS OF RUSSIAN
AND CHUVASH ANIMALISMS**

Key words: *text linguistics, text grammar, textology, small-format texts (paremias, phrasemes, aphorisms, metaphorical texts), ultra-small text forms (mini-texts).*

The article deals with development of text grammar and text linguistics (textology) as a separate branch of philology reflecting the entire development of modern linguistic science. It is emphasized that a text is the primary given of all humanitarian and philosophical thinking and is that immediate reality from which these disciplines can emerge. Deepening of knowledge about the text, in particular, recognition of small-format and ultra-small forms of the text, i.e. mini-texts, leads and should lead to advent of new definitions of a text and the deepening of the concept of «textual studies» in linguistics. An attempt is made to analyze ultra-small or mini-forms of text consisting of one word or several words on examples of metaphors, aphorisms, phrases, comparisons with the animalistic component in the Russian and the Chuvash languages.

References

1. Admoni V.G. *Grammaticheskii stroi kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki* [The grammatical system as a system of construction and the general theory of grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 238 p.

2. Blumfild L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress Publ., 1968, 607 p.

3. Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative lexicology: on the material of the French and Russian languages]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1977, 264 p.

4. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskikh issledovanii* [The text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 139 p.

5. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' narodnykh sravnenii*[Large dictionary of folk comparisons]. Moscow, Olma Media grupp Publ., 2008. 799 p.

6. Nikolaeva N.V., Sergeev V.I. Kognitivnaya lingvistika, chelovecheskaya kognitsiya i zoomorficheskie metafory [Cognitive linguistics, human cognition and zoomorphic metaphors]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash state University], 2016, no. 4, pp. 233–237.

7. Shmelev A.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p.

NIKOLAEVA NATALIA – Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nicknata75@inbox.ru).

SERGEYEV VITALY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Linguistics and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (cervitchuv45@rambler.ru).

Ссылка на статью: *Николаева Н.В., Сергеев В.И.* Понятия *слово→предложение→текст*. Метафорические перевоплощения русских и чувашских анимализмов // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 302–306.

УДК 811.161'373'246.2:070.41
ББК Ш12=411.2*515*008.35

О.А. ПЕТРОВА, А.Ю. НИКИТИНА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Ключевые слова: *двуязычие, интернет-текст, интернет-публикация, комментарий, региональная лексика, регионализм.*

Проблема адекватного и исчерпывающего описания регионализмов становится все более актуальной в связи с появлением и распространением в сети Интернет большого количества текстов на русском языке, авторами которых выступают как пользователи, для которых русский язык является родным языком, так и пользователи, для которых русский язык неродной. Исследование посвящено изучению региональной лексики как уникального источника знаний о системе культурных норм и ценностей людей, проживающих в национальной республике. Регионализмы рассматриваются на материале текстов комментариев на русском языке к публикациям в интернет-газетах, которые содержат информацию о жизни народа, проживающего на территории Чувашии, и во всей полноте отражают его языковую картину и мировоззрение. В статье описаны основные жанровые признаки комментария к интернет-публикации, перечислены тематические группы встречающейся в комментариях региональной лексики, приведены конкретные примеры из интернет-текстов. Особое внимание уделено лексемам чувашского языка, включенным в качестве иноязычных вкраплений в тексты комментариев на русском языке. В заключение авторы делают выводы о функциях и значении региональной лексики в текстах комментариев к статьям, опубликованным в интернет-изданиях Чувашии.

Как известно, Чувашия является одним из субъектов Российской Федерации, где проживают люди разных национальностей. Государственными языками Чувашской Республики являются русский и чувашский. Языковую ситуацию в Чувашии можно рассматривать как ситуацию дву- и многоязычную. В республике преобладает национально-русское двуязычие: чувашско-русское, татарско-русское, мордовско-русское и др. Другой тип двуязычия, который предполагает знание русскими других языков (русско-чувашское и т.п.), распространен значительно реже, что не исключает знание русскими отдельных единиц чувашского языка.

В Чувашской Республике преобладает неполный тип билингвизма, характеризующийся рецептивностью или репродуктивностью, смешением двух языков, опосредованностью, субординативностью [3. С. 74–76]. Инонациональная среда, в которой функционируют оба государственных языка, оказывает на них влияние: «национально-культурная среда решающим образом влияет на ход языкового развития. Именно в ней развертываются смыслыовые и выразительные возможности, заложенные в словарном составе языка, в его стилистической структуре» [1. С. 30].

Исследованию подверглась русская речь участников коммуникации интернет-пространства, являющихся носителями русского языка как родного и как неродного, имеющих общую территорию проживания (Чувашская Республика), длительные совместные социокультурные связи, межнациональное общение, а значит, обладающих приблизительно одинаковой лексической базой.

Мониторинг письменных репрезентаций русского языка Чувашии на материале интернет-текстов с позиции дискурсивно-когнитивной парадигмы знания, являющейся, по мнению ученых [4. С. 61], наиболее перспективной, предполагает, с одной стороны, изучение дискурсивной деятельности в условиях интернет-коммуникации, а с другой – обращение особого внимания на культурологическую составляющую регионально-лексикологического уровня.

Попытаемся описать основные группы региональной лексики, наиболее часто используемые в таком весьма специфическом речевом жанре, как комментарий к интернет-публикации.

В рунете широко функционируют лексемы «коммент», «камент», «комент» (от англ. Comment), которые уже обрели свое словарное закрепление: комментарий – это сообщение, следующее за основным текстом (статьей или записью в блоге и социальной сети) и содержательно прямо или опосредованно связанное с ним. Комментарий может также трактовать другой комментарий [5. С. 194–195]. Текст комментария к интернет-статье представляет собой произвольный пользовательский комментарий, содержащий мнение интернет-пользователя на ту или иную информацию интернет-статьи. Вместе с основным текстом комментарии составляют особый жанр письменного диалога.

Интернет-комментарий к интернет-публикации способствует непрерывности и интерактивности интернет-общения, позволяет интернет-коммуникантам выразить свое мнение и точку зрения в ответ на любой заданный стимул интернет-публикации или предыдущего комментария другого пользователя. Главная ценность комментария – предоставляемая интернет-пользователю возможность для развернутого или лаконичного оценивания содержания статьи, уточнения нераскрытых моментов или выражения собственного согласия или несогласия с ее автором. Автором комментария потенциально может стать любой, кто прочитал статью, т.е. любой пользователь сети Интернет. Чаще авторами становятся рядовые интернет-пользователи, обладающие минимальными компьютерными навыками и необязательно высоким уровнем образованности, а также достоверным знанием о комментируемом и оцениваемом материале. Наличие оценочного компонента, высокая степень пользовательской субъективности – характерные признаки рассматриваемого речевого жанра, которые во многом определяют отбор языковых и речевых средств коммуникантов.

Анализ текстов в жанре комментария к публикациям региональных интернет-изданий показал, что в настоящее время тексты комментариев являются источниками информации о ценностных ориентациях говорящих, которая эксплицируется из зафиксированного лексического выбора. Такие тексты содержат информацию о жизни определенного народа, его реалиях, во всей полноте отражая его языковую картину и мировоззрение.

Тексты комментариев подразумевают реакцию авторов на содержание публикаций на общественно-политическую, социально-культурную тематику и одновременно демонстрацию состояния лексической системы региона (Чувашской Республики).

Региональную лексику, встречающуюся в данном типе дискурса, можно разделить на три группы: лексические регионализмы, заимствованные из чувашского языка и не имеющие эквивалентов в русском языке, регионализмы, заимствованные из чувашского языка и имеющие эквиваленты в русском языке, и собственно русские регионализмы.

Замечено, что тексты комментариев к публикациям местных интернет-изданий в большей или в меньшей степени включают единицы чувашского языка. Данное явление может означать, что авторы не могли найти подходящих слов в русском языке или слово на чувашском языке точнее передает определенный смысл, выражает отношение автора к предмету речи, а значит, свидетельствует о хорошем знакомстве пишущего с иной культурой, особенностями иного менталитета и, возможно, с иным языком.

В текстах комментариев достаточно часто встречаются слова чувашского языка и русские слова, отражающие современную реальность именно этой республики.

Исследователи, занимающиеся описанием региональных вариантов русского языка, или региолектами, в условиях билингвизма, выделяют разное количество тематических групп региональной лексики. Анализируя корпус регионализмов, эксцерпированных из текстов комментариев к публикациям, размещенным в интернет-изданиях Чувашской Республики, можно выделить следующие наиболее общие лексико-тематические группы: топонимы (*Не вся* ***новоюжка*** *такая, в основном быдлоганские это район тройки и шупашкара. Тебе до меня, как раком до* ***Яльчиков****, А дальше* ***Кадыкова, галейка*** *уже более менее приличные*), антропонимы (***Нарспи*** *и* ***Сетнер****!!! вот редкие имена!!! А остальные звучат очень часто*), эргонимы (кинотеатр ***«Атал»***, торговый дом ***«Шупашкар»***, кафе ***«Юлташ»***), общественно-политическая лексика (*судя по «Ленин,* ***партине*** *– мухтав!» очень похоже, что одно лицо*), гастрономическая лексика (*Хоть бы из национального что нибудь приготовил. Тот же* ***шурпе*** *хотя бы; В октябре, когда приезжал на спортивный международный форум, отведал* ***какай-шурпе*** *и* ***шартан***), социально-культурная лексика (*зачем в церковь ??? когда можно в лес найти* ***кереметь*** *пройти хороводом закалоть барашку и все!*).

Несмотря на то, что чувашские заимствования в текстах на русском языке зачастую содержат орфографические ошибки, они узнаваемы и частотны. Повторяемость регионализмов, представляющих собой заимствования из чувашского языка, способствует их скорейшему освоению и закреплению в лексиконе регионального варианта русского языка, по крайней мере в устно-письменной его форме, а именно в диалоговых жанрах интернет-общения. Закрепленность многих чувашских слов в русском языке на территории Чувашии не вызывает сомнений. А тексты комментариев, содержащие информацию о реалиях жизни народа, проживающего на территории Чувашской Республики, вскрывают его наиболее актуальные проблемы, позволяют коммуникантам выражать личное мнение, зачастую диаметрально противоположное, отражая в полной мере языковую картину мира и мировоззрение как отдельно взятых пользователей, так и народа, проживающего на данной территории.

Очевидно, что для читателей конкретных интернет-изданий и авторов комментариев регионального варианта русского языка передаваемая информация, содержащая чувашские заимствования, будет доступна для понимания. В то же время понимание таких текстов для носителя другого регионального варианта русского языка, проживающего в ином национальном окружении, может быть затруднено. Трудности, связанные с адекватным пониманием подобного рода текстов, могут быть вызваны невладением коммуникантом системы культурных норм и ценностей сообщества определенного региона.

Специалисты в области изучения региональных вариантов русского языка отмечают, что подобные иноязычные включения, в связи с их сравнительно небольшим количеством по отношению к основному массиву лексики русского языка, не могут повлиять на целостность лексической системы вообще, но демонстрируют их региональную отнесенность и самобытность [2. С. 262].

Литература

1. *Бельчиков Ю.А.* «Что было выражено словом, то было и в жизни…» // Русская речь. 1993. № 3. С. 28–30.

2. *Журавлева Е.А.* Особенности репрезентации русского языка в казахстанских печатных СМИ // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проспект, 2011. С. 254–264.

3. *Иванова Н.В.* Научные аспекты профессиональной подготовки студентов к формированию билингвальной компетентности у дошкольников в поликультурной среде // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. № 4(80), ч. 1. С. 74–76.

4. *Кубрякова Е.С.* О разных подходах к изучению СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, филол. фак. Моск. ун-та, 25-27 октября 2001 г.) / под общ. ред. М.Н. Володиной, М.Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 61–62.

5. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016. 288 с.

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zadumka@mail.ru).

НИКИТИНА АЛЁНА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alyona.nikitina@gmail.com).

O. PETROVA, A. NIKITINA

ON SOME PECULIARITIES OF THE REGIONAL LEXICON IN CONDITIONS OF BILINGUALISM

Key words: *bilingualism, Internet text, Internet publication, comment, regional lexicon, regionalism.*

The problem of adequate and comprehensive description of regionalisms is becoming more urgent with the advent and spread in the Internet of a large number of Russian texts, the authors of which act as users for whom the Russian language is the native language, and as users for whom Russian is not native. The study is devoted to regional vocabulary as a unique source of knowledge about cultural norms and values of the people living in the national republic. Regionalisms are examined using the material of text comments in the Russian language to articles in online newspapers that contain information about the lives of the people living in the territory of the Chuvash Republic, and fully reflect the language picture and worldview. The article describes main genre signs of commentary to an Internet publication, it lists thematic groups of regional vocabulary used in commentaries and provides examples of online texts. Special attention is given to lexemes of the Chuvash language included as foreign-language inclusions in the texts of the commentaries in the Russian language. The authors draw conclusions about the functions and importance of regional vocabulary in texts of commentaries to articles published in online journals of Chuvashia.

References

1. Bel'chikov Yu.A. *«Chto bylo vyrazheno slovom, to bylo i v zhizni…»* ["What was expressed by the word, it was in life ..."]. *Russkaya rech*, 1993, no. 3, pp. 28–30.

2. Zhuravleva E.A. *Osobennosti reprezentatsii russkogo yazyka v kazakhstanskikh pechatnykh SMI* [The peculiarities of representation of the Russian language in Kazakh printed mass media]. In: Volodina M.N., ed. *Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke* [The Language and discourse of the mass media in the XXI century]. Moscow, 2011, pp. 254–264.

3. Ivanova N.V. *Nauchnye aspekty professional'noi podgotovki studentov k formirovaniyu bilingval'noi kompetentnosti u doshkol'nikov v polikul'turnoi srede* [Scientific aspects of the professional preparation of students for the formation of bilingual competence in preschool children in a multicultural environment]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2013, no. 4 (80), part 1, pp. 74–76.

4. Kubryakova E.S. *O raznykh podkhodakh k izucheniyu SMI* [On Different Approaches to Media Studies]. In: Volodina M.N., Remneva M.L., eds. *Yazyk sredstv massovoi informatsii kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, filol. fak. Mosk. un-ta, 25-27 oktyabrya 2001 g.)* [Proc. of Int. Sci. Conf. «The Language of Mass Media as an Object of Interdisciplinary Research»]. Moscow, 2001, pp. 61–62.

5. Krongauz M.A., ed. *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet.Ru]. Moscow, 2016, 288 p.

PETROVA OLGA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (zadumka@mail.ru).

NIKITINA ALYONA – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alyona.nikitina@gmail.com).

Ссылка на статью: *Петрова О.А., Никитина А.Ю.* О некоторых особенностях региональной лексики в условиях двуязычия // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 307–310.

УДК 81: 39
ББК 82.3(2РОС)[Чув.]3

В.Г. РОДИОНОВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАЗВАНИЙ ДУХОВ ПРЕДКОВ И СВЯТЫХ В ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ

Ключевые слова: *историческая стратификация, чувашское неоязычество, сакральные места, мусульманские святые, иерархия духов, мифологические персонажи, образ Балыма.*

Исторический анализ фонетики и семантики названий духов предков и святых в чувашской народной религии позволяет реконструировать их иерархию и хронологическую последовательность. Самым главным и старшим духом предков чувашей был Вылы. Образ Балыма, взятый из религиозной литературы, а также легенды об этом святом исцелителе в Волжской Булгарии сложились не позднее середины XII в. Мусульманский прорицатель и предсказатель со временем превратился в главного святого и исцелителя булгар и их потомков. Исконно булгарский вариант названия святого (Палем / Пальăм хуçа) после разрушения традиционной религии чувашей в результате массовой христианизации потерял первоначальное значение первого слова, слился с другим мифологическим персонажем (Валĕ, Валь турă) и прошёл следующие этапы трансформации: валĕ > валлем > валем > Валем / Валĕм хуçа.

В золотоордынский период в результате вынужденного распада булгарского этноса на две самостоятельные этнические группы образовались два этноса, различавшиеся наличием дихотомического этноконфессионима: *бесермен* (булгары-мусульмане, ориентированные на старые и новые городские традиции) и *çăваç (*язычники, бережно оберегающие земледельческо-языческие традиции предков). В результате такого расщепляющего целостность этноса регрессивного процесса в Булгарском вилаяте былой конфессионим *çăваç* обрёл не только социально-конфессиональное, но и этническое содержание. В тот период первоочередной задачей этноса с установкой на традиционную культуру, язык и обрядово-мифологическую систему являлось реформирование традиционной религии, чтобы она могла успешно конкурировать с официальной религией супергосударства Улуса Джучи – исламом. Только так можно было сохранить этнос как целостный организм и избежать массовой ассимиляции. Таким образом, ради выживания и сохранения в условиях природных и социально-политических катаклизмов XIV – начала XV в. чувашский этнос всю свою энергию направил на обновление своей традиционной религии. Именно в золотоордынский период для выражения понятия «религия, вера» чуваши начали использовать арабское слово, проникшее в тюркские языки в формах *тин* (уйг., бар.) *и дин* (кирг., к-кирг. крым., тур., тат., башк.) «вера, религия» [19. Т. II. С. 215–216]. (Если чувашское слово *тĕн* считать татаризмом, то анлаутный гласный звук сохранился бы в языке-посреднике или доноре. Сравните: чув. *тинĕс* < тат, баш. *динге*з; чув. *тирек* < тат., баш. *тирәк* «тополь», чув. *тирĕс* < тат., баш. *тирес* «навоз» и т.д. В чувашском языке мусульманский термин *тĕн* возник ещё до образования Казанского ханства.) В результате былой огуро-булгарский термин со значением «вера, религия» (*йăла*) отошёл на второй план и стал означать понятия «обычай, обряд», «привычка». По наличию сходств чувашского *йăла* с некоторыми языками кыпчакской группы можно допустить, что оно проникло к чувашам из татарского языка. Но тунгузо-маньчжурские, монгольские и якутская формы (все они начинаются со звуков *қ, к, х*) позволяют утверждать, что анлаутный гласный «й» в слове образовался по законам огуро-булгаро-

чувашского языка. Сравните: чув. *йăвă* < др.-тюрк. *gojuɤ*, чув. *йăхăр* < др.-тюрк. *gïrïr* «кричать, звать», чув. *юл-* < др.-тюрк. *кал-* «оставаться», чув. *юн* < общетюрк. *кан* «кровь» и т.д. [19. Т. II. С. 483, 486] Данное слово в некоторые тюркские языки, в первую очередь огуро-булгарский, проникло через китайский язык: кит. *гуйле* «норма, правило, образец», «установление, порядок» [19. Т. I. С. 180]. Термин *йăла* в языке булгар обозначал веру и религию, следует полагать, вплоть до начала золотоордынского периода. В тот период другие тюркские народы создавали свои героические эпосы, но исторические обстоятельства заставляли чувашскому этносу реформировать устарелое язычество, творить новую мифологию, соответствующую действительности того времени. Благодаря успешному синтезу старой традиционной веры с народным исламом чувашский этнос смог успешно конкурировать с соседними народами региона, передать им основные термины и сюжеты своей обновлённой религии. Фонетический облик многих «булгаризмов» в удмуртском и марийском языках подсказывает, что они заимствованы в XIV–XV вв. от булгаризированных аров (арских чувашей) Заказанья и чувашей «Чювашской дороги». В основу чувашского неоязычества составили, в первую очередь, резкое противопоставление Доброго (*Турă*) и Злого (*Шуйттан*) начал; во-вторых, произошло усложнение культа сакральных мест (комплекс с Водным источником, Горой, Рощей и Дубом [17. С. 51, 62]) и могил национальных героев, мусульманских святых. В-третьих, в обновлённой религии булгаро-чувашей произошла замена мифологического времени их реальной социальной и конфессиональной жизнью золотоордынского периода. В данные годы булгарский этнос распался, как уже было отмечено, на две социально-конфессиональные группы (субэтносы), которые условно можно назвать булгаро-татарским (бесермены) и булгаро-чувашским («худые болгары»). До середины XV в. они полностью отделились и образовали самостоятельные этносы со сложившимся новым этническим сознанием.

Мифотворчество и религию булгаро-чувашей в аспекте их реальной социальной и конфессиональной жизни периода Золотой Орды основательно изучил глубокий знаток чувашской истории Н.И. Ашмарин, главным образом в статье «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш<ей>» [2. С. 175–216]. «<...> среди названий чувашских божеств встречаются такие, – писал классический филолог-универсал, – которые как будто являются отражением былого общественно-административного строя, порядки которого и соответствующая иерархия были перенесены чувашом в область его религиозных верований – в мир тех таинственных существ, которым он молился и приносил свои жертвы» [2. С. 178].

Иерархию верховных богов и божеств в чувашской религии изучали и мы в ряде недавно опубликованных работ [13. С. 36–51; 14]. В данной статье нами ставится очередная задача: изучить иерархию духов предков и святых в системе чувашского неоязычества XIV–XV вв., проследить историческую динамику развития некоторых из них во втором тысячелетии нашей эры. Называя эти мифологические существа духами, мы имеем в виду прежде всего тех духов, которые связаны с человеком, с его перевоплощением после смерти: духи рода, предков, местности и этнотерритории, религиозных святых. Многих их них можно назвать и божествами низшего разряда. Образы ряда духов образованы в результате трансформации культа религиозных святых [11. С. 662–663].

Духи, живущие вблизи чувашских деревень в лесах и «наносящие им разные болезни и несчастья» (К. Милькович), по-чувашски называются *керемет* и *ырăсем.* Чуваш. *киремет / керемет* означает «священное место».

Тюркские соответствия: каз. *кирәмәт* «целительное средство», «всё, что приносит счастье», «особый дух, гений»; кирг. *керемет*, узб. *керамәт,* каз. *керемет* «чудо, нечто поразительное»; турк. *керамат* «чудо, сотворённое святым»; тур. *керамет* «благородство, великодушие, милость, заслуга, уважение, почёт», «чудо, совершаемое святым» [19. Т. II. С. 297]. Из лексических параллелей в языках соседних финно-угорских народов можно определить первоначальную форму чувашского слова: *керемет,* которое в языки соседей проникло не позднее XV в. Слово *ырă* «добрый, хороший, превосходный, отличный», «здоровый», «милый», «почтенный», «святой» является исконно тюркским, в «Древнетюркском словаре» оно зафиксировано как *arï-* «очищаться»; *arïr* «чистый, незагрязнённый»[4. С. 51–52].

Самым ранним и наиболее полным описанием *киремет* и *ырăсем* является очерк Буинского уездного землемера К. Мильковича (1783). Он впервые был опубликован в 1927 г. в журнале «Северный архив», а затем с комментариями переиздан В.К. Магницким и Н.В. Никольским. В связи с тем, что в них допущено довольно много ошибок и имеются разночтения, мы будем пользоваться электронной версией сочинения Т.Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества» (1780), в котором содержится и очерк К. Мильковича [9]. По определению наблюдательного автора, эти духи (их он назвал злыми) разделяются на главные (*Аслă ырăсем*), средние (*Вăта çĕрти ырăсем*) и малые (*Кĕçĕн ырăсем*) К. Милькович зафиксировал следующую иерархию чувашских *ырăсем*: I. *АСЛĂ ЫРĂСЕМ* «ГЛАВНЫЕ». 1. *Вăлăри ырăсем* «"Покоящиеся в *Вăлă*". 2.1. *Çĕрти кэпе* "Судьба земная", старший сын *Вăлă*. 2.2. *Кутăрлă султан*(?), средний сын *Вăлă*. 2.3. *Сĕве çинчи ырăсем* "Покоящийся *ырă* в Присвияжье", второй средний сын *Вăлă*. 2.4. *Чăнлă çинчи ырăсем* "Покоящийся *ырă* на Цильне", младший сын *Вăлă*. 2.5.*Чемен*, чувашский великий воин и юмзя, покоящийся на своей родине в поле». II. ВĂТА ÇĔРТИ ЫРĂСЕМ «СРЕДНИЕ». 1. *Султан ырăсем* (?). 2. *Малĕм хуçа*. 3. *Мăнтӳпе ырсем* (?). 4. *Аскул вар ырсем*. III. *КĔÇĔН ЫРСЕМ.* 1. *Кĕçĕн ырсем*. 2. *Вăталăх ырсем*. 3. *Мăнтӳпе ырсем*. 4. *Атăл çинчи ырсем* «Покоящийся на берегах Волги *ырă*». «Кроме оных главных, – пишет К. Милькович, – каждая чувашская деревня имеет особенных своих кереметей до 5 и до 6, кои имена себе по большей части получают по названиям речек и деревень. И всякий чувашенин верит в 12 киреметей своей и соседних деревень»[9. С. 116].

Из главных духов самым почитаемым, отцом всех киреметей является, по утверждению К. Мильковича, «Выльри Ирзам», что соответствует чувашскому *Вăлăри / Вулăри ырăсем* [2. С. 207, 214], и этот самый старший дух «пребывание имеет Цивильской округи близ деревни Выли, в лесу и при озере, от них ему посвящённых. Где для принесения оных три здания и всех требищ наделано противу обыкновенных в большом количестве. Вокруг же оная оставлена множеством с пчёлами ульев, из коих жрец, вынимая мёд и сделав напиток, приносит сему Киреметю». Словосочетание *Вăлра выртакан Ырă амăшĕ* Н.И. Ашмарин перевёл как «Мать Святого, почивающего в р. Выле» и дал следующее пояснение: «Так перевожу я лишь предположительно: р. Выла называется у чуваш *Вылă* (сокращённо – *Выл*), а не *Вăлă*», подразумевая реку, впадающую в Суру. Но в тексте К. Мильковича *Выльры Ирзам* «пребывание имеет Цивильской округи близ деревни Выли, в лесу и при озере, от них ему посвящённых» [9. С. 118]. В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина встречаются варианты: *Вăлăра выртса каян ырăсем* (д. Кошки-Новотимбаево бывшего Буинского уезда Симбирской губ.), *Вăлăри ырă* (с. Ст. Чекурское бывшего Буинского уезда), *Вăлăр* (< *Вăлăри*) (д. Кубня быв-

шего Первомайского района Чувашской АССР); *Вулăра выртакан ырăсене путек* (с. Альшеево бывшего Буинского уезда) [1. Вып. V. С. 263, 300]. В словах полевого моления, записанных поэтом К. Ивановым-Кашкыром в д. Кайраклы Белебеевского уезда Уфимской губ., встречается словосочетание *Вулăра выртакана така* «Почивающему в Вуле – барана» (перевод Н.Ф. Данилова) [6. С. 262].

Итак, место обитания *Вăлăри* (*Вăлăра выртакан) ырăсем* – лес и озеро при д. *Вăлă* Цивильской округи (уезда). Г. Рамстедт считал, что чув. *вăлă* «дух погибшего на войне героя» < *ulur* «большой, великий» (сравните тат. *олы* «старший, взрослый, возмужалый», «солидный, почтенный», «большой») [19. Т. I. С. 106]. Такие духи, как известно, превращались в *ырă*, поэтому здесь подразумевается словосочетание *вăлă ырă* «большой (великий) *ырă*». Название деревни *Вăлă* несомненно произошло от названия сакрального места-святилища, а не наоборот. До возникновения данного поселения прилагательное *вăлă* в чувашском языке успело превратиться в существительное, обозначающее название сакральной местности. В таком его новом значении (как место обитания *ырă*) образовались варианты *Вăлăри ырăсем, Вăлăра выртакан ырăсем, Вăлă çинчи ырăсем* «Духи (> Дух)., покоящиеся (обитающие) в местности *Вăлă*». Этот дух был самым главным у всех чувашей и приравнивался с *Пальăм ырă* (о нём читайте далее).

В настоящее время населённого пункта с названием *Вăлă* не существует. Следует полагать, что эта деревня при лесе и озере соответствует нынешней д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики, или же она в XVIII в. была отдельным поселением, но потом вошла в состав одного из близлежащих к сакральному комплексу (Озеро, Гора, Роща, Дуб) населённых пунктов. Как известно, *Эл кӳлли* (святой источник) и лес на возвышенном месте (горе) являются идеальными составляющими чувашского святилища *Ырă*. По мнению А.А. Трофимова, такой сложный комплекс, включающий в себя Родник, саму Гору и священную рощу с дубом, а также «Девичий городок» в уникальном виде сохранился вблизи Билярска под названием *Валем хуçа* [17. С. 51]. Попутно следует заметить, что этот дух под названием *Малĕм хуçа* имеется среди духов среднего разряда из очерка К. Мильковича (на нём подробно остановимся несколько позже). Гипотетически последний дух должен был быть в составе главных, но здесь, думается, обнаруживается естественный исторический анахронизм: в иерархии главных духов отражена история обратной миграции средненизовых чувашей в бассейны рек Свияги и Цильны (духи *Сĕве çинчи ырăсем* и *Чăлнă çинчи ырăсем* являются сыновьями *Вăлăри ырăсем*). Следовательно, в данной иерархии отражены события не ранее конца XVI в. (именно тогда воздвигнута Кубнинская засечная черта и начата обратная миграция чувашей в свои былые места обитания). История более раннего периода частично стёрлась из живой памяти народа и отодвинулась на второй план: былые главные духи стали средними или даже малыми. Например, *Атăл çинчи ырăсем* «Духи, покоящиеся на [берегах] Волги» (именно так следует перевести словосочетания, связанные с названиями водоёмов и рек. Есть ещё *Шупашкарти ырăсем* «Духи, покоящиеся в Чебоксарах»; *Хусанти ырăсем* «Духи, покоящиеся в Казани»), *Валĕм хуçа* (по-другому называется *Пӳлерти таса çăл* «Билярский чистый родник») и *Аскул* (Н.В. Никольский читал как *Ашул вар ырăсем* «Духи, покоящиеся в *Аскул / Ашул вар*») когда-то входили, следует полагать, в состав главных духов. Необходимо особо отметить последний объект почитания духов предков. В труде Т.Н. Масленицкого есть упоминание деревни Аскул Самарского уезда, а

рядом с ней находится гора. Слово *вар* означает «обдернелый овраг с пологими краями», «лог», «дол». Ср.: др.тюрк. *öz* «долина, проход между горами» [19. Т. I. С. 100]. Следует полагать, что вблизи этого Аскула был древнебулгарский сакральный комплекс типа *Валĕм хуçа* и *Вăлăри ырăсем*. Г.Ф. Юмарт в нашей частной беседе высказал мнение, что название вышеупомянутой деревни может быть образовано от эндоэтнонима булгарской племени эскел. Очевидно, там когда-то действительно существовал топоним *Аскул / Ашул вар*, потом он перешёл в название нового населённого пункта. Если это так, то глубина исторической памяти, отражённая в названиях чувашских низших духов *ырă*, охватывает, следует полагать, даже период племенной жизни булгар (IX–X вв.). Если учесть вариант *Ашул*, то это слово следует связать с названием булгарского города *Ошель* в русских источниках. Вполне допустимо, что *Ашул вар* – это место расположения вышеназванного булгарского города, ставшее для булгаро-чувашей сакральным.

Итак, обозначенные в очерке К. Мильковича ряд духов, как средние и малые, примерно до начала XV в. (до образования дикого поля) числились, следует полагать, в составе главных *ырă*. Рядом с ними непременно фигурировало и имя билярского святого, но, скорее всего, в несколько ином звучании, о чём далее будем говорить более подробно.

По замечанию чувашского этнографа и писателя середины XIX в. Спиридона Михайлова (Яндуша, 1821–1860), в «Журнале Министерства внутренних дел» за декабрь месяц 1840 г., при описании памятников древностей в Казанской губернии, на с. 200 выказана одна старинная грамота, данная городу Билярску, в которой сказано так: «В прошлом 1677 году били челом великому царю мурзы и ясашные татары всего Казанского уезду: в прошлых де годах, до Казанского взятья, изстари построен басурманский город Булымерский, за Камою рекою, а в нём был царь *Балын-гозя*, и он де умер; да в то же время был царь татарский Сафаралей, и того же Булымерского царя похоронил и построил над ним палату каменную» [10. С. 28, 29, 366]. Там же автор приводит интересное сравнение: «В Козмодемьянском же уезде в одном лесу на горе существовала у чуваш киреметь, называемая *Валим-хозя*, – вероятно, испорченное болгарское или татарское *Балын-хозя*, имя Булымерского царя, означенного в вышеприведённой грамоте».

В 1877 г. данную челобитную включил в свою книгу С.М. Шпилевский [20. С. 61], который там же публиковал предания о могилах святых на горе Балынгуз. Оказывается, еще в XVIII в. академик Рычков узнал через муллу из д. Чертож, что на вершине горы погребены два святые, один из которых был Меулим-Хоззя, а другой – Шебелим-Хоззя. Оба они отличились способностью творить разные чудеса и пророчества [20. С. 63]. Тогда же этот мулла указал на даты установки на двух могилах памятников, которые соответствуют 1173 и 1434 гг. по р.х. [20. С. 355]. Если вспомнить, что традиция установления каменных памятников с написанными буквами арабской графики сложилась лишь в золотоордынский период, то надёжной датой следует считать лишь вторую. Как утверждает Г. Тагиржанов, один святой, шейх с пригорода г. Биляра, в конце своей жизни уехал в Турцию и реформировал там один из исламских орденов. И этот *Балем Хуҗа* умер в миграции в 1516 г.[16. С. 48]. Отсюда следует, что святой человек с вариантами народного названия *Меулим-Хоззя* (у Шереф-эддин-Булгари – *Маалум-Ходжи*), *Балын-Гозя* (царь города Булымер), *Балем Хуҗа* (шейх, святой) и *Балынгуз* (русский вариант названия горы) проживал в окрестностях Билярска в период Казанского ханства. Его настоящее (официальное) имя, по сообщению татарского автора середины

XVI в., было Ходжа Асгар, а по данным Френа – Абдуллах или Ургандши (Готвальт: = Хива) [20. С. 63–64].

Следует объяснить наличие нескольких вариантов этого мусульманского святого (царя). Р.Г. Фахрутдинов считает, что «Балын-гузя» – это русская форма «Маалум-хузи»[18. С. 188], с чем нелегко согласиться. Дело в том, что, во-первых, и в татарских вариантах имя данного человека зафиксировано с начальной буквой «Б»; во-вторых, это не контаминация звуков, как объясняет археолог, а особенности татарского (кыпчакского) и булгаро-чувашского языков. Общеизвестно, что огузская группа тюркских языков отличается от кыпчакской и тем, что слово «я» огузы и огуры ещё в древности произносили *бä(н)*, а остальные тюрки – *мäн* [19. Т. II. С. 479]. Такое различие имеется и в современных тюркских языках Поволжья: тат., баш. *мин*, но чув. *эпĕ* (< **пе*) «я»; тат., баш. *мең*, но чув. *пин* «тысяча»; тат., баш. *миләш*, но чув. *пилеш* «рябина»; тат. *мәчә*, но чув. *пăçа, пăçук* «кошка»; тат. *мичү*, но чув. *пичев* «пристяжка, припряжка» и т.д. В татарском языке даже в русских заимствованиях вместо начального звука «п» появляется «м»: *печь* > мич, бочка > *мичке*, а в чувашском анлаутные звуки «п» и «б» сохраняются: *павар* < поварня, *писмен* < безмен, *пичке* < бочка. (В чувашском языке существуют так называемые полузвонкие согласные, которые иноязычными слушателями воспринимаются как звонкие) [15. С. 24–55]. Отсюда можно утверждать, что вариант с анлаутным согласным «м» относится к татарскому произношению, а вариант с начальными «б» и «п» – к булгаро-чувашскому. Следовательно, вопреки мнению Р.Г. Фахрутдинова, *Маалум-хузи* более позднее образование, чем *Балын-гозя*. Очевидно, последний в форме *Балым ата* «отец *Балым*» был известен булгарам со второй половины XIII в. Балымат (<Балым ата) упоминается в 1278 г. в «Степенной книге», где говорится о том, что хан Менгу Тимур выдал замуж свою дочь за князя Федора Ростиславича и подарил зятю 36 городов, в том числе Булгар, Арча (Арск), Балымат и др. Здесь Балымат заменяет г. Бюлар дозолотоордынского периода [3. С. 69].

Обобщая вышесказанное, следует заключить, что наиболее ранней формой двухсоставного названия святого (царя) на билярском святилище (гора с рощей и родником) является *Балым ата* и оно образовано по фонетическим законам булгаро-чувашского языка. (Кроме начального «б» вместо «м» здесь обнаруживается и другая закономерность чувашского языка: замена ауслаутного звука «н» согласным «м», например: тат. *озын*, но чув. *вăрăм* «длинный, долгий, высокий»; тат. *төтен*, но чув. *тĕтĕм* «дым», тат. *карын*, но чув. *хырăм* «желудок», «живот, брюхо», «пузо» и т. д.)

В чувашском языке имеются две группы вариантов названий: 1. *Малĕм (Мальăм, Мелĕм, Маюм, Малем*) *хуçа* «дух, обитающий в амбаре или лачуге», «овраг, родник», «разъезжающий на золотой колеснице барин», «татарин», «купец» [1. Т. VIII. С. 184, 185, 222; 8. С. 64–81]. 2. *Валĕм (Вальăм, Валем, Валим*) *хуçа* «младший брат *Аслă ырă, кĕлĕ*», «оберегающий скот от волков», «*Пӳлерти таса çăл*» («Святой родник из Бюлер»), «родник, овраг», «купец, богач» [1. Т. V. С. 161, 165; 1. Т. X. С. 79; 8. С. 75–76]. Варианты первой группы восходят, скорее всего, к официальному (кыпчакскому) произношению названия мусульманского святого, они образованы в результате влияния мулл и других знатоков официальной исламской литературы. Исконно булгарский вариант (*Палем* / *Пальăм хуçа* сохранился в названии одного оврага как *Пальăмча* <*Пальăм хуçа* [1. Т. VIII. С. 184], из которого в результате слияния с *валем* получилось *Валем хуçа*) после разрушения религиозной системы чувашского народа в результате массовой христианизации потерял былое значе-

ние первого слова и слился с другим мифологическим персонажем – *Валĕ, Валь турă.* Их происхождение Н.И. Ашмарин объясняет так: «*Валле,* назв[ание] божества, которое, по-видимому, получилось из *валĕ* “доля” (др.-тюрк. *ülüg* «часть, доля». – *В.Р.*) [4. С. 624–625], откуда дат[ельный] падеж *валле*; впоследствии последняя форма была принята, по недоразумению, за именительный падеж, и от неё образовали новый дат[ельный] *валлене*» [1. Т. V. С. 163]. Трансформация *валĕ* > *валле* > *валлене* произошла совсем не по недоразумению, а в условиях усиленного разрушения системы чувашского неоязычества и сближения данной основы с теряющим свое былое содержание словом *Палем* / *Пальăм.* Слияние завершилось в результате обретения (под воздействием потерявшего своего первоначального значения *Палем* / *Пальăм*) *валĕ* форму *валлем* > *валем* (по модели *çĕк-ле-* «поднимать», «носить», «брать» + *м* > *çĕклем* «охабка, беремя»). Таким образом, когда М.Р.Федотов допускал, что «*Валем хуçа / Валĕм хуçа* связан с *валем / вальам / валĕм / вальăм* “доля”», он был совершенно прав, но учёный не объяснил основную причину такой трансформации [19. Т. I. С. 99].

Итак, вторая группа вариантов названий билярского святого возникла относительно недавно (после массового крещения чувашей в XVIII в.) в результате слияния с другим, более понятным однозвучным мифологическим персонажем. В тот период изменили свои изначальные значения такие религиозные термины, как *йĕрĕх*, *киремет*, *мамале, мăчавăр*, *кэпе* и др. [19. С. 199, 297, 341, 352; 13. С. 39]. А варианты первой группы имени билярского святого проникли к чувашам намного раньше, в первую очередь в районах совместного проживания чувашей с татарами-мусульманами (часть средненизовых чувашей, например, козловского куста, могли узнать о них в период проживания их предков на территории Заказанья).

Вернёмся к названию святого *Балым ата.* Означающий г. Бюлар Балымат одновременно имел второе название – Булымер / Балымер. По мнению С.М. Шпилевского, эти названия тесно связаны между собой [20. С. 164, 307]. Соглашаясь с ним, Н.И. Золотницкий отмечает, что *Булымер*, имеющий «близкое отношение к названию местности *Балым-ат*, означает “место или город *Балын*’а” и находится в тесной связи с именами *Балын-гозя* (царя или князя Булымерского), *Ма’люм-Ходжа* (мухаммеданского шейха), *Мелим-хузя* (бывшего предметом поклонения чувашей и с названиями нескольких селений и киреметей» [5. С. 57]. Очевидно, из двух вариантов наиболее близкое к оригиналу название бывшего Бюлара имеет форму *Балымер*, ибо имя *Балым* встречается ещё в трёх названиях: *Балым* + *ат*, *Пальăм хуçа* (чув.) и *Балем Хуҗа* (тат.). Наличие двух вариантов названия бывшей столицы Волжской Булгарии указывает, скорее всего, на имевшиеся в золотоордынский период две конфессиональные традиции. Булгары-мусульмане святого называли, по всей видимости, *Балым* (*Палăм*) + *ата* «отец», а язычники-двоеверцы – *Балым* (*Палăм*) + *ырă* «святой» > *Балымер* «святой *Балым*».

Дорогу к разгадке имени Балыма указал А.А. Трофимов [17. С. 57], сравнив данный образ с сыном Бауры Балама, история которого (без упоминания имени) приводится в Коране. Она заключается в том, что сердце этого учёного человека, обладавшего большими знаниями и одарённого Аллахом талантом предвидения, склонилось к мирскому: он принял подарки от врагов Мусы. За такой недостойный поступок Балам лишился всех благ, которыми был наделён Всевышним. Иногда он отождествлялся с праведным мудрецом Лукманом, который у среднеазиатских мусульман был великим лекарем, патроном врачевателей [11. С. 84, 325]. Здесь весьма уместно вспомнить, что на-

стоящим именем Малум-Ходжи было Урганджи (Хива), следовательно, он прибыл в Поволжье со Средней Азии. В одной газетной статье 1861 г. сообщается, что билярский святой имеет удивительную силу исцеления от всяких болезней, поэтому к нему ходят представители всех конфессий и народов, зачастую количество поклонников доходит до 10 тысяч человек, из них не менее четвёртая часть – чуваши и мордва [12. С. 413–414].

Итак, есть все основания считать, что билярский святой *Балым* и мусульманский прорицатель и предсказатель, а также исцелитель *Балам* (< ивр. *Бил'ам*) – один и тот же персонаж, возникший в результате слияния ислама с местными воззрениями. Образ данного учёного и исцелителя запечатлён в «Путешествиях Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153)». «А смысл слова *булгар* – учёный человек, – сообщает автор о далёких от мусульманского мира волжских булгарах. – Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к ним из Бухары, а был он *факихом*, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжёлой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: "Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?" Оба они сказали: "Да". Он их лечил, и они поправились, и приняли ислам, и принял ислам народ их страны» [7. С. 781]. Далее пишется о чудесной победе булгар над хазарами, которая совершилась благодаря войску Аллаха. В другом варианте данной легенды (1551 г.) в роли исцелителя выступают три сподвижника пророка, которые «чудесным образом исцелили больную дочь хана, что побудило булгар сделаться мусульманами»[20. С. 25–26]. С.М. Шпилевский приводит и иные варианты чудесного исцеления хана или его дочери с помощью чужестранца.

Вышеприведённые примеры показывают, что образ Балыма и легенды об этом святом исцелителе возникли в Волжской Булгарии не позднее середины XII в. Как сообщает ал-Гарнати, многие сведения о булгарах он прочитал в «Истории Булгара», переписанной кадием Йа'куб ибн Нуманом [7. С. 781, 794]. Следовательно, образ и легенды о Балыме сложились у булгар значительно раньше до написания вышеназванной книги, скорее всего, в XI в. под воздействием мусульманских сюжетов о Баламе и местных представлений о духах местности (хозяев гор и водных источников), а также о покровительстве духов предков. По предположению А.А. Трофимова, у суваробулгар ещё до принятия мусульманства был мифологический персонаж *Валем*, образованный от *Ваал*, древневосточного божества почв и плодородия [17. С. 56]. Но наш филологический материал, к сожалению, не подтверждает данную гипотезу. Очевидно, в дальнейшем сравнения должны вестись в двух направлениях: булгарско-пермском и северокавказском. В связи с этим следует переосмыслить этимологию названия г. Беленджер, жители которого (сувары и барсилы, т.е. беленджерцы) в связи с экспансией арабов не позднее второй половины VIII в. оказались на Средней Волге. Беленджер (Баранджар, Баланджар) как крупный город булгарских племён и хазар известен в арабских источниках с 630-х гг. н.э. Возникновение его названия обычно объясняют иранскими лексемами *болáнд* «высокий, длинный» и *джор* «расселина». Булгароязычные беленджерцы могли переосмыслить этот топоним и назвать свою страну *Беленд* «Великая» + *джер* «земля». Вполне возможно, что на основе данного названия образовался и культ суваро-барсилского царя (йылтывара) *Белен* «высокий, великий» + *ары* «святой». Косвенным свидетельством такого семантического переосмысления является следующий

факт: в письме хазарского кагана Иосифа (X в.) упоминается его дальний предок, способствовавший переходу хазар к иудаизму. Имя данного хазарского царя – Булан [7. С. 662, 666]. Думается, оно вполне может быть хазарским вариантом суваро-барсилского *Белен* и булгарского *Балам*.

Итак, в результате исторической стратификации названий и реконструкции иерархии духов предков и святых в системе чувашской народной религии, мы пришли к следующим выводам и положениям:

1. По мере стирания из памяти народа ряда исторических фактов духи, отражающие их, из числа главных перемещались в состав средних и малых. Такое естественное нисхождение наблюдается и в очерке К. Мильковича. Так, в состав главных духов, кроме *Чемен ырă*, до начала XV в. входили *Атăл çинчи ырăсем* «Духи, покоящиеся на [берегах] Волги» и *Аскул /Ашул вар ырăсем* «Духи, покоящиеся в *Аскул / Ашул вар*», а также булгаро-чувашский вариант билярского святого – *Пальăм ырă* «Дух *Пальăм*». В очерке К. Мильковича все они находятся в группе средних и малых духов. В составе средних могли быть духи, олицетворяющие социальные верхи Улуса Джучи или Казанского ханства (*Кутăрлă султан*, *Султан ырăсем*. Первый можно понимать как «*почитаемый / уважаемый султан*». Ср. тат. *кадерле* «уважаемый, почитаемый, почётный» + *султан* «царевич», а *Султтан ырăсем* – «Духи султанов») и конкретные названия местностей (например, *Măн тӳпе ырăсем* «Духи, покоящиеся на Великом холме). Малые *ырă* составляли все местные сакральные места-киремети.

2. Наиболее ранними формами двухсоставного названия святого (царя) на билярском святилище (гора с рощей и родником) являются *Балымат* и *Балымер*, которые образованы по фонетическим законам булгаро-чувашского языка. В золотоордынский период булгары-мусульмане святого называли *Балым* (*Палăм*) + *ата* > *Балымат* «*отец Балым*», а язычники-двоеверцы – *Балым* (*Палăм*) + *ыр(ă)* > *Балымер* «святой *Балым*». В казанский период билярского святого (царя) называли *Маалум-хузи* и *Балын-гозя / Палĕм хуçа*. Вариант с начальным согласным «м» относится к кыпчако-татарскому произношению, а вариант «б» и «п» в анлауте – к булгаро-чувашскому. В чувашском языке сохранились оба варианта.

3. Исконно булгарский вариант (*Палем* / *Пальăм хуçа*) после разрушения религиозной системы чувашского народа в результате массовой христианизации потерял первоначальное значение первого слова и слился с другим мифологическим персонажем (*Валĕ, Валь турă*) и прошёл следующие этапы трансформации: *валĕ* > *валлем* > *валем* > *Валем / Валĕм хуçа*.

4. Образ Балыма, взятый из религиозной литературы, а также легенды об этом святом исцелителе в Волжской Булгарии сложились не позднее середины XII в. Мусульманский прорицатель и предсказатель со временем превратился в главного святого и исцелителя булгар и их потомков.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат,1928–1950. Вып. I–XVII.

2. *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.

3. *Гарипова Ф.* Топонимические названия Среднего Поволжья, восходящие к булгарскому периоду (I) // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 68–78.

4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

5. *Золотницкий Н.И.* Избранные труды / сост., примеч., послесл. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 526 с.

6. *Иванов К.В.* Собрание сочинений. Çырнисен пуххи. Иккĕмĕш, хушса тӳрлетнĕ кăларăм. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 1990. 447 с.

7. История татар с древнейших времён: в 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. 959 с.

8. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 242 с.

9. *Масленицкий Т.Г.* Топографическое описание Симбирского наместничества. URL: http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf (дата обращения: 23. 08. 2017 г.).

10. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. 424 с.

11. Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.

12. *Н Б.* Пригород Билярск // Казанские губернские ведомости. 1861. № 43.

13. *Родионов В.Г.* Чувашский этнос. Исследования по этнологии и мифопоэтике / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.

14. *Родионов В.Г.* Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238–244.

15. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. Т. 1. 239 с.

16. *Таһирҗанов Габдрахман.* Тарихтан – әдәбиятка. Казан: Татарстан китап нәш-ты, 1979. 167 б.

17. *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура / ЧГИГН. Чебоксары, 2009. 256 с.

18. *Фахрутдинов Р.* Мелодия камней. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 224 с.

19. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I. 470 с.; Т. II. 509 с. .

20. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1877. 585 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF ANCESTORS' AND SAINTS' SPIRITS NAMES IN THE CHUVASH FOLK RELIGION

***Key words**: historical stratification, Chuvash Neopaganism, sacral places, Muslim Saints, hierarchy of spirits, mythological characters, Balym's image.*

Phonetic and semantic historical analysis of ancestors' and saints' spirits names in Chuvash folk religion allows to reconstruct their hierarchy and chronological sequence. The most important and senior spirit of the Chuvash ancestors was Vyla. Balym's image taken from religious literature as well as legends about this Saint healer in the Volga Bulgaria formed no later than in the middle of the 12th century. The Muslim diviner and prophet eventually turned into the chief saint and healer of the Bulgars and their descendants. The original Bulgarian version of the name of the Saint (Palem / Palam Khusa) after destruction of Chuvash religious system as a result of mass Christianization lost the original meaning of the first word, merged with another mythological character (Val, Val tura) and passed the following stages of transformation: vale > vallem > Valem / Valem khusa.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chavash samakhesen keneki* [Chuvash language dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, iss. I – XVII.

2. Ashmarin N.I. *Chuvashskaya narodnaya slovesnost': Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma* [Chuvash folk literature: Studies. Autobiography, memories. Letters]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2003, 430 p.

3. Garipova F. *Toponimicheskie nazvaniya Srednego Povolzh'ya, voskhodyashchie k bulgarskomu periodu* (I) [Middle Volga region toponymic names dating back to the Bulgarian period (I)]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 1989, no. 3, pp. 68–78.

4. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p.

5. Zolotnitskii N.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2007, 526 p.

6. Ivanov K.V. *Sobranie sochinenii. Syrnisen pukhkhi. Ikkemesh, khushsa tyrletne kalaram* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, 447 p.

7. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t.* [History of the Tatars from Ancient Times: in seven volumes]. Vol. II. *Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'* [Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, RukhIL Publ., 2006, 959 p.

8. Magnitskii V.K. *Materialy k obyasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials to explain the old Chuvash faith]. Kazan, 1881, 242 p.

9. Maslenitskii T.G. *Topograficheskoe opisanie Simbirskogo namestnichestva* [Topographical description of the Simbirsk governorship]. Available at: http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf.

10. Mikhailov S.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariiskogo narodov* [Works on ethnography and history of Russian, Chuvash and Mari peoples]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 1972, 424 p.

11. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. 736 p.

12. N.B. *Prigorod Bilyarsk* [Suburb Bilyarsk]. *Kazanskie gubernskie vedomosti* [Kazan Province Gazette], 1861, no. 43.

13. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos. Issledovaniya po etnologii i mifopoetike* [The Chuvash ethnos. Studies in ethnology and mythology]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 2017, 324 p.

14. Rodionov V.G. *Etimologiya i transformatsiya semantiki nazvaniya obraza zmeya-pokrovitelya v chuvashskoi mifologii* [Etymology and semantic transformation of the name of the serpent-patron's image in the chuvash mythology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], 2016, no. 4, pp. 238–244.

15. *Sovremennyi chuvashskii literaturnyi yazyk* [Modern Chuvash literary language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, vol. 1, 239 p.

16. Tahirzhanov Gabdrakhman. *Tarikhtan – edebiyatka* [From the History to the Literature]. Kazan, Tatar Publishing House, 1979, 167 p.

17. Trofimov A.A. *Zoroastrizm: suvaro-bolgarskaya i chuvashskaya narodnaya kul'tura* [Zoroastrianism: Suvar-Bulgarian and Chuvash folk culture]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 2009, 256 p.

18. Fakhrutdinov R. *Melodiya kamnei* [A melody of stones]. Kazan, Tatar Publishing House, 1986, 224 p.

19. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 1996, vol. I, 470 p.; vol. II, 509 p.

20. Shpilevskii S.M. *Drevnie goroda i drugie bulgarsko-tatarskie pamyatniki v Kazanskoi gubernii* [Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province]. Kazan, Kazan University Publ., 1877, 585 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Родионов В.Г.* Хронологическая стратификация названий духов предков и святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 311–321.

УДК 811.512.111’373
ББК Ш12=635.1*52Хузангай

И.В. СОФРОНОВА

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ «БАСМАЧ» П. ХУЗАНГАЯ

***Ключевые слова**: поэма, термины, лексика, топонимы, названия одежды, мусульманство, диалектизмы, неологизмы, П. Хузангай, восточный мир.*

Основной целью статьи является исследование языковых средств, используемых поэтом для воплощения художественного замысла произведения. В поэме «Басмач» через историю о трагической любви описываются исторические события 1917 г., происходившие в Средней Азии. Она была написана под впечатлением от путешествия по восточным странам. Для описания героев поэт использует узбекские слова: религиозные и военные термины, названия растений, животных, блюд, социальных слоев, хозяйственных построек, топонимы, этнонимы, собственные имена и т.д.; для изображения жизни Ивана Байкала – слова, связанные с Сибирью, Российским государством. Картина восточного мира создается при помощи конкретных топонимов (Байкал, Хорезм, Порт Артур и др.), обобщающих названий (Тӗрӗк тӗнчи – Тюркский мир, Сенкер Алтай – Голубой Алтай и др.) и терминов, характерных для данной местности (аул, гора, равнина). Поэт заменяет восточные понятия чувашскими словами-соответствиями (çăтмах, шерпет) или же создает парные слова, состоящие из двух основ: чувашского и узбекского слов (çăкăр-нан, чалма-калпак). Использованные в поэме чувашские диалектизмы мы разделили на фонетические, лексические и грамматические. Они также способствуют передаче своеобразия жизни и быта восточного мира. Исследование лексических особенностей текста поэмы демонстрирует значимость лексического материала при воплощении художественного замысла произведения.

Поэма «Басмач» была написана П. Хузангаем в 1928–1934 гг. На ее создание повлияло путешествие поэта по Средней Азии (1927–1928 гг.). В ней отразились впечатления от услышанных преданий и легенд, увиденных природных ландшафтов, знакомства с восточной литературной классикой. Тема произведения – изменения, происходящие в среднеазиатском обществе под влиянием революции 1917 г. Поэт через историю о трагической любви молодых людей изображает исторические события начала XX в.

Обращение к данной исторической теме было характерно для многих авторов этого периода. Писатели и поэты в основном показывали преобразование общественной жизни, борьбу, происходившие на их малой родине. Изображение же изменений в соседних краях придает произведению выразительность, затрагивает внутренний мир читателя, вдохновляет его на решительные поступки. Отображение изменений среднеазиатского мира под влиянием революции характерно и для марийской литературы данного периода. «О. Ипай в стихотворении "Восточные мотивы", Ф. Маслова в стихотворении "Монголка" создают образ раскрепощенной восточной женщины, преобразованного восточного мира» [3. С. 269]. В понимании многих народов Средняя Азия – это страна с твердыми устоями, здесь – суровые религиозные обряды, бесправное положение женщин. Читатель радуется преобразованию в среднеазиатском мире, преодолению устарелых традиций. Переживая за судьбу героев, он готов изменить и свой мир.

Поэма «Басмач» в творчестве П. Хузангая имеет немаловажное значение. Первоначально она была опубликована в 1934 г. в журнале «Сунтал». Поэтические особенности произведения исследуются в трудах В.Г. Родионова [4], В.А. Абрамова [1], О.Г. Владимировой [2], И.В. Софроновой [5]. Они отмечают, что П. Хузангай изображает историческое событие через семейную, любовную трагедию, затрагивает проблемы социального неравенства,

использует традиции восточной классики. Для обострения социальных проблем поэт поднимает вопросы религии.

Как известно, в художественном произведении форма и содержание взаимосвязаны. На наш взгляд, это единство должно проявляться и на лексическом уровне. Если в произведении описываются события, происходящие в Средней Азии, то его содержание должно передаваться с привлечением соответствующей лексики и терминологии.

В поэме П. Хузангай затрагивает проблемы религии, несчастной любви, взаимоотношения в семье. Для их описания используется соответствующая лексика. Восточный колорит произведению придают названия восточных растений, одежды, блюд, личные имена и топонимы. Поэт привлекает узбекские слова, диалектизмы и историзмы чувашского языка, создает новые слова. Данные лексические особенности более характерны для частей поэмы, в которых речь идет об узбекских персонажах. В частях поэмы, где повествуется о жизни и действиях русского партизана Ивана Байкала, использованы слова и выражения, связанные с российским миром, природой Сибири, все это подчеркивает роль и значение лексических средств, используемых поэтом в реализации художественного замысла.

Лексические особенности поэмы «Басмач» в зависимости от тематики, можно разделить на следующие группы:

Религиозная терминология. Восклицания *Ух, алла! Ах, алла! Маш аллах!* использованы в значении «О, Боже!» Есть термины: *Мекка, ислам, Коран*. Некоторые понятия автор переводит на чувашский язык: *мусульманлăх* – мусульманство, мусульманский мир. Узбеки являются приверженцами мусульманской религии, в связи с этим в произведении приводятся слова, связанные с данной религией. В то же время упоминается имя бога *Худай*, который почитался народом в домусульманский период (здесь и далее подстрочный перевод наш. – *И.С.*):

Çырни пек туйăнчĕ… Анчах Казалась, суждено… Однако
Çырман пулса иккен Худайĕ Худайем не было предопределено.
[6. С. 142].

Поэт передает понятия мусульманства через чувашские слова: *çăтмах* – рай, аль-фирдаус, дар. Частое использование иноязычного слова может затруднить понимание смысла произведения. Замена мусульманского понятия словом *çăтмах* в данном случае является достойной и уместной.

В поэме есть упоминания о мусульманских обычаях, верованиях, традициях. Джигитам, примкнувшим к группе басмачей, обещают рай на том свете за смерть ради правой веры. По их представлениям, в раю непременно должно быть много прекрасных девушек. Не случайно гарем эмира в поэме сравнивается с раем. Для мусульман священным местом является Мекка. Рахманкул в своей песне глаза Айнисы сравнивает со звездами над Меккой.

Аннӳ сана куçран пăхсан Когда мать глянула тебе в глаза
Мекке енне ик çăлтăр тухнă, Взошли над Меккой две звезды.
Вĕсем – сан икĕ куçунтан – Они зажглись от глаз твоих
Çулта аташнисемшĕн çутнă Для заблудших в дороге.
[6. С. 144].

Узбеки при благословлении используют Коран.

Терминология, связанная с культурой, обычаями: *Дутар* – струнный музыкальный инструмент, (*Юрла, чĕрем, хӳхле, дутарăм*… / пой, мое сердце, плач, мой дутар…[6. С. 144]); *чĕлтĕрме* – авторский неологизм, использован в значении «бубен».

Из праздников, отмечаемых в течение года, упоминается *Рамазан*. В поэме нет его полного описания, передается отношение народа к нему. *Рахманкул*, родившийся в этот праздник, считает, что он обязательно будет счастливым. Из праздников жизненного цикла упомянуто сватовство невесты. Оно заключается в визите свата в дом невесты, он договаривается с отцом девушки о размерах калыма. *Хасанбек* получает за *Айнису* большой выкуп. *Рахманкул* на калым собирал бы деньги в течение всей своей жизни. Но поняв, что его возлюбленную могут сосватать раньше, чем он соберет нужную сумму, он становится басмачом. Этот статус позволяет ему собрать деньги в короткий срок. В поэме понятие *выкуп* передает словосочетание *хулăм укçи,* которое является общетюркским.

В поэме есть **описание жилища, хозяйственных построек узбекского народа.** Узбеки живут в шатрах – *чатăр.* Комнаты разделяют занавеси – *чаршав*. Жилище разделено на женскую и мужскую части. Помещение, где располагаются женщины, называется *ичкири*. Полы устланы мягкими *паласами*.

Жители Средней Азии время коротают за чаем. П. Хузангай чайную называет на восточный манер *чейхана* или *чейре*.

Средствами передвижения служат *караван* (караван), *утсем* (кони), *тĕвесем* (верблюды).

Упомянуты **имена диких животных и птиц:** *баргузин*, *шакал, тыркас* (суслик), *çара çерçи* (воробей); **домашних животных**: *сурăх* (овца), *ашак* (ишак), *урхамах* (конь, скакун), *тĕве* (верблюд). Они используются для описания природы востока, демонстрации материального благополучия беков. Лошади используются как средство передвижения, поэтому чаще встречается вариант *урхамах*. Он, как и хозяин, быстр, чуток, не знает усталости.

В поэме использованы названия **узбекской национальной одежды:** *чалма* – головной убор; *чачван, паранджа* – женская одежда. Мужчины носят *халат*. Он бывает обычным, повседневным и праздничным, который надевают при посещении уважаемых людей. На свате, пришедшем к *Хасану*, халат в темно-синюю полоску (*йăр-йар кăвак-хура халат)* [5. С. 161]. Нередко поэт узбекское и чувашское слова ставит рядом, образует парное слово: *чалма-калпак.* Оба слова обозначают головной убор.

Следующая тематическая группа **– названия национальных блюд:** *пăлав* (плов), *шашлык, чабап, çӳхе лаваш* (тонкий лаваш), *пылпа пĕçернĕ шептала* (шептала, приготовленная на меду), *халва*. Из муки печется *нан*. Для приготовления пищи используется масло из *курдюка* овцы. Чтобы избежать затруднения в понимании смысла, автор приводит парное слово *çăкăр-нан*, состоящее из узбекского и чувашского слов. Оба слова обозначают *хлеб*, но, разумеется, разной выпечки и вкуса.

Нумайăш ыйтрĕç çăкăр-нан,	Многие попросили хлеба-нан,
Пире вĕри пăлав çитерчĕç,	Нас накормили пловом,
Шерпет ĕçтерчĕçĕ унтан:	Напоили шерепетем, потом
«Тата мĕскер ыйтатăр?» – терĕç	«Еще что желаете?», – спросили.

[6. С. 174].

Национальные напитки: *шерпет* – райский напиток. По поверьям, простой человек может его попробовать только попав в рай; *кӳк чей* (зеленый чай), *пăрайнă виноград сĕткенĕ* (выжатый виноградный сок).

Средняя Азия богата **бахчевыми культурами:** *виноград* (несмотря на то, что в чувашском языке есть слово *иçĕм çырли*, автор использует его русский вариант), *кавăн* (тыква), *арпус* (арбуз), *улма* (яблоко), *айва, кукурус*. В некоторых случаях они заменены общим названием *улма-çырла тавраш*ĕ

(ягоды и фрукты). Автор в основном описывает богатый стол *Хасанбека*. На нем есть все перечисленные блюда, фрукты. В то же время пища и еда бедных крестьян не упоминаются.

Восточный колорит произведению придает и упоминание **названий растений, деревьев:** *пахта* – хлопок, *чинар, саул, тар, каракаç (карагаз)* – деревья.

Названия географических объектов. Приведенные в произведении названия географических объектов связаны со среднеазиатским миром и историческими событиями: *Бухара, Ташкент, Самарканд, Фархан, Алай сăрчĕ* (Алайские горы), *Афганистан, Çерашван юханшывĕ* (река Зеравшан). Топонимика, связанная с Россией: *Байкал, Порт-Артур*. Обобщающие названия: *Сенкер Алтай* (Голубой Алтай), *Туран тĕнчи* (Тюркский мир), *Ази, Туркистан*. Названия географических объектов, характерных для Средней Азии: *аул* (деревня), *сăрт-ту* (горы, пригорки), *тӳрем* (равнина).

Конкретные названия местностей присутствуют в повествовании рассказчика при описании действий, а также в речи героев. В разговорах партизана *Ивана Байкала* отражаются слова, связанные с *Сибирью*, ее историей, ландшафтом. Для лексики *Курбана* характерны слова, связанные со среднеазиатским миром. Он с теплотой говорит о *Москве*, как о месте, которое дало ему свободу. *Курбан* вспоминает свои несчастья (заточение в *зиндане* эмира), вызванные социальным неравенством. Хочет посетить город мечты. Судьба *Рахманкула* также связана с миром Средней Азии, жизнь его протекала в пределах *аула*, стоянок басмачей в горах, совершения набегов на мирных жителей.

В поэме встречается упоминание **названий социальных слоев узбекского общества**. Богатых называют *беками*. Повествование в основном развертывается вокруг образа Хасанбека. Есть описание его одежды, хозяйства, стола. Повествователь рассказывает о том, как быстро разбогател Хасанбек, о его отношении к жителям аула. Крестьяне представлены в образах Рахманкула и Курбана. Из имущества у Рахманкула есть верный конь, да две сильные руки. Все дни напролет он трудился, выращивал рис, джугару, хлопок. Его жизнь посвящена собиранию денег для выкупа невесты. Крестьянин на узбекском языке – *дехкан. Эмир* (царь) пользуется трудами своих подчиненных. Религиозные обряды проводит *хазрет*. Служба в мечети не мешает ему жить с несколькими женами, угнетать бедных крестьян. *Мулла* – служитель мечети.

В произведении описывается жизнь грабителей, которых называют *басмач*, их предводителя – *курбаши*. Он собрал вокруг себя самых преданных и верных юношей. Прикрываясь религиозными лозунгами, они грабят народ. В узбекском обществе также есть *дервиш, халапçă* (сказитель), *çӳревçĕ* (путешественник, ходок)*, мыскараçă* (шут). В примечании слово *дервиш* трактуется как странник, учитель. В повествовании несколько раз встречается понятие *наложница*. В зависимости от контекста автор для его обозначения использует слова *хĕр-чура* (девушка-рабыня), *еркĕн* (любовница). При выражении жалости, сострадания вариант – *хĕр-чура*, слово *еркĕн* уместно при критике и осуждении поведения эмира.

В поэме есть **слова-обращения**, используемые узбеками в общении для выражения уважения: Хасан-*бек* **–** богатый Хасан, Ишан-*хазрет* – господин. Название сословия, чина используется вместе с именем. Возлюбленную обозначает слово *яр*. *Айниса* называет свою подругу *тантăш-джан* – близкая душе подруга. Парное слово выражает дружеское отношение между девушками, также родство их душ. *Курбаши* обращается к своим подчиненным со словами *маттурсем* (молодцы)*, йĕкĕтсем* (юноши), *джигитсем* (джигиты).

Герои поэмы наделены **узбекскими именами**: *Рахманкул* – главный герой, *Айниса* – его возлюбленная, ее имя образовано от слова *уйăх* – луна, *Ирзамар* – предводитель басмачей, *Хассан* – отец Айнисы, *Зина-Зейнаб* – мать Айнисы.

Происходящие в стране события затрагивают судьбу не только отдельных людей, но и народов. В исторические события оказываются вовлеченными **народы, проживающие в Средней Азии:** *узбексем* (узбеки), *курдсем* (курды), *туркменсем* (туркмены), *казахсем* (казахи), *тĕрĕксем* (тюрки). Перечисление этнонимов придает повествованию масштабность. Волна революции, солдаты с красной звездой меняют не только жизнь *Рахманкула*, но и народов Средней Азии. В воспоминаниях *Ивана Байкала* встречаются этнонимы *вырăссем* (русские), *яппунсем* (японцы).

Основное место в поэме занимает описание жизни басмачей. **Слова и термины, связанные с военной тематикой,** можно рассмотреть в отдельной группе. Происходящие в стране военные действия басмачи трактуют как *таса вăрçă* (праведная война). Они почитают своего предводителя как *ислам ялавĕ* (флаг ислама). У басмачей за поясом есть *кинжал*. В битве кинжалом пользуются люди востока. Сибирские партизаны в основном применяют *ухă* (лук), орудие лесных охотников. При описании военных действий повествователь вспоминает имена известных героев, чьи подвиги связаны с данной местностью. Это придает значимость описываемым событиям:

*Е **Тамерланăн** пĕр тарçи,*	Или слуга Тамерлана,
*Е **Чингисханăн** хыпарçи* [6. С. 148].	Или вестник Чингисхана.

Для объяснения причины происходящих действий автор приводит **описание характера восточного человека, его внешности:**

– *Юнĕ шухă, чунĕ каскăн* [6. С. 143];	Кровь горяча, душа резва;
– *Вĕри чĕреллĕ мăсăльман* [6. С. 151];	Мусульманин с горячим сердцем;

Описание внешности свата:

– *Сап-сар чĕрнеллĕ аллипе*	Рукою с желтыми ногтями
Питне çу сĕрнĕн шăлса илчĕ [6. С. 161];	Потер лицо, словно помазал его маслом;
– *Персла хĕретнĕ сухалне* [6. С. 180].	С бородой, окрашенной по-персидски.

Изображение особенностей внешности героя способствует раскрытию его характера.

Поэма изобилует **диалектными словами чувашского языка.** Встречаются лексические, фонетические и грамматические диалектизмы, а также русские заимствования, которые звучат на чувашский манер.

Лексические диалектизмы: *сăхлан* – желать, вожделеть, *хунькасси* – отец невесты, *шурă пÿс* – материал, миткаль; *чалтун* – название коренных жителей Сибири; *пуçхĕрлĕ* – наоборот, верх ногами; *Ун пичĕ çывăрмасăр **туснă*** – Лицо от недосыпания стало **серым** [6. С. 162]; *Кĕрсе-ши çын кĕмен **çама**?* – Вошел ли в **дыры**, куда никто не заходил? [6. С. 164]; *Çĕпре пек **ушахра** тăрса.* – Стояли **в грязи**, словно в дрожжах [6. С. 165]; *Çулу тумхахлă **çав хатер.*** – **До того** дорога в кочках [6. С. 172]; *Çиллессĕн **çунăхрĕ** ÿттирĕм.* – От злости все тело **горело**… [6. С. 176].

Грамматические диалектизмы: *пăхăсăн* – при каждом **просмотре**; *Басмач **пулу** та саншăн эп.* – **Стал** басмачом из-за тебя [6. С. 158]; *Хире тухса **хăвма** хушать.* – Велит **догнать**, отправясь в степь [6. С. 162].

Фонетические диалектизмы: *кӳрнеклӗ пике* – стройная девушка, *питрех юратнӑ* – любил больше всего; ***Шет*** *çын шӑмми çине-çине.* – **Всюду** кость на кости человека [6. С. 165]; ***Тепле*** *тӳсет-ши çурт çакна.* – **Как** только терпит дом все это [6. С. 174]; ***Путех*** *вӑл ишӗлетчӗ ахӑр.* – **Еще сильнее** обрушился бы он [6. С. 174].

Использование русских слов:

Нивушлӗ *ман чӗре*… [6. С. 164]	**Неужели** мое сердце…
Ӗç ***латлӑ*** *мар* [6. С. 166]	**Дела неладны.**

Авторские неологизмы: *çӳревçӗ* – путешественник, ходок; *чейре* – в чейхане; *хыпарçӑ* – вестник, глашатай; *саламатларӗ* лашине – ударил лошадь кнутом; *мусульманлӑх* – мусульманский мир; *сӑвӑлашать* отряд – отряд поет, восклицает стихи; *пӗт-пӗтӗм* – только и всего; *киленкӗç* юрӑ – красивая, душевная песня; *йӑткӑç* – носилки.

– *Мӗн мыскара, мӗн* ***курнӑç*** *Туман-тӑр эпӗ хампала.* [6. С. 159];	Какие представления и **образы (проказы)** Только не делал я с собой.
– ***Асаплама*** *черет çитри*? [6. С. 159];	**Мучить ли** настала пора?
– ***Кинжаллӑр*** *та – йӑванса юлтӑр* [6. С. 167]	**Ударьте кинжалом** – пусть свалится.

П. Хузангай создает неологизмы согласно законам чувашского языка. Они вполне благозвучны, но их использование осталось в пределах данного произведения.

Таким образом, анализ показал, что использование узбекских слов (топонимов, социальных терминов, названий предметов материальной и духовной культуры, личных имен) способствует созданию картины восточного мира. П. Хузангай заменяет восточные понятия и термины чувашскими словами-соответствиями, подбирает диалектизмы, придумывает новые слова и словесные обороты. Использование соответствующей лексики способствует созданию ощущения восточного мира, обрисовке характера героев, передаче динамики происходящих событий в жизни страны и героев. Исследование лексических особенностей художественного текста демонстрирует значимость всех деталей произведения для претворения художественного замысла автора.

Литература

1. *Абрамов В.А*. Жизненная философия Петра Хузангая: восточный ракурс // Сӑмах. Слово: 2009: материалы конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2010. С. 89–92.

2. *Владимирова О.Г.* Становление и развитие чувашского силлабо-тонического стиха. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. 157 с.

3. История марийской литературы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 432 с.

4. История чувашской литературы XX века. (1900–1955 годы): в 2 ч. / В.Г. Родионов и др.; редкол. В.Г. Родионов (отв. ред.); ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. Ч. 1. 431 с.

5. *Софронова И.В.* Мотивы и жанровые традиции восточной классики в литературе народов Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. 250 с.

6. *Хузангай П.П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Поэмы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 542 с.

СОФРОНОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muxtar2@yandex.ru).

I. SOFRONOVA

LEXICAL FEATURES OF THE POEM «BASMACH» BY P. HUZANGAY

Key words*: poem, terms, vocabulary, toponyms, names of clothing, Islam, dialectisms, neologisms, P. Huzangay, Eastern world.*

The main purpose of the given article is to study linguistic means used by the poet for externalizationof his poem's artistic vision. In the poem «Basmachi» historical events of 1917 that took place in Central Asia are described through the story of tragic love. It was written under impression of a trip to the Eastern countries. We identified that for description of the Oriental heroes, the poet uses Uzbek words: religious and military terms, names of plants, animals, foods, social groups, outbuildings, toponyms, ethnonyms, proper names, etc. To describe the life of Ivan Baikal he uses words associated with Siberia, the Russian state. The image of the Oriental world is created by specific toponyms (lake Baikal, Khorezm, Port Arthur, etc.), generalizing names (Terek tenchi – Turkic world, Senker Altai – Altai Blue, etc.) and terms typical for the given area (village, mountain, plain). The poet replaces Eastern concepts by Chuvash words-correspondences (shchatmakh, sherpet), as well as creates paired words consisting of two bases: a Chuvash and an Uzbek word (shchakar- Nan, chalma-Kalpak). We divided Chuvash dialectisms used in the poem into phonetic, lexical and grammatical. They also facilitate communication of the Eastern world image. The use of lexical peculiarities of the poem's text shows the significance of lexical material in communicating artistic intent of the work.

References

1. Abramov V.A. *Zhiznennaya filosofiya Petra Khuzangaya: vostochnyi rakurs* [Philosophy of Peter Huzingay: Eastern view]. *Samakh. Slovo: 2009: materialy konf.* [Proc. of Conf. «Samakh. Word: 2009»]. Cheboksary, 2010, pp. 89–92.

2. Vladimirova O.G. *Stanovlenie i razvitie chuvashskogo sillabo-tonicheskogo stikha* [Formation and development of the Chuvash accentual-syllabic verse]. Cheboksary, Chuvash University publ., 2008, 157 p.

3. *Istoriya mariiskoi literatury* [History of Mari literature]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1989, 432 p.

4. Rodionov V.G., ed. *Istoriya chuvashskoi literatury XX veka. (1900–1955 gody): v 2 ch.* [The history of the Chuvash literature of the twentieth century. 2 parts]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2015, part 1, 431 p.

5. Sofronova I.V. *Motivy i zhanrovye traditsii vostochnoi klassiki v literature narodov Povolzh'ya* [Motifs and genre traditions of Eastern classics in the literature of peoples of the Volga region]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2014, 250 p.

6. Khuzangai P.P. *Sobranie sochinenii*: *v 6 t. T. 3. Poemy* [Works. 6 vols. Vol. 3: Poems]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2002, 542 p.

SOFRONOVA IRINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (muxtar2@yandex.ru).

Ссылка на статью: *Софронова И.В.* Лексические особенности поэмы «Басмач» П. Хузангая // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 322–328.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

1) заявление автора на имя главного редактора;
2) анкета авторов;
3) две внешние рецензии;
4) ходатайство научного руководителя;
5) экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

1) классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);
2) инициалы и фамилия авторов;
3) название статьи;
4) ключевые слова;
5) аннотация статьи;
6) название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;
7) ключевые слова на английском языке;
8) аннотация на английском языке;
9) текст статьи;
10) пристатейный библиографический список;
11) транслитерированный библиографический список References;
11) сведения об авторе.

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт ***на русском и английском языках в именительном падеже*** по следующей форме*: Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017 **№ 4**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Автушенко М.Н.
К вопросу локализации и греческом топониме Усть-Бельбекского городища 5

Андреев О.В.
Изучение Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и увековечение памяти о ней на историко-географическом факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова..... 23

Бойко С.И., Соколова В.И.
Противостояние политической полиции Казанской губернии идеям панисламизма и пантюркизма в 1908–1914 годах 33

Василенко О.В., Иванов Д.С., Карпова О.В., Харитонов М.Ю.
Патриотизм в структуре исторического сознания современной российской молодежи (по материалам опроса студентов Чувашского государственного университета) 38

Васильев В.А.
Ассамблея народов Чувашии как механизм гармонизации межэтнических отношений..... 48

Вторушин М.И.
К вопросу о политическом кризисе восточной контрреволюции в 1918 году 54

Выйкин Н.А.
Исторический опыт регулирования Советским государством развития системы начального профессионального образования в 1940–1990-х годах 62

Данилова О.А., Агаева Е.В.
Досуг как время творчества художественной интеллигенции Чувашии (20–30-е годы XX века) 72

Демидова И.И., Ласточкин В.Б., Юстус Т.В.
Политехническое обучение в школах Чувашии в 1958–1964 годах 78

Егорова О.В., Дмитриева И.В., Игауэ Нахо
Развитие скотоводства и институт пастушества чувашей в XIX – начале XXI века 85

Егорова О.В., Петров Н.А., Дмитриева И.В.
Чувашская женщина в современном городе: этнокультурный аспект 93

Ермолаев А.Х., Пьянзина Н.Н., Петрова Т.Н., Шиленко О.В.
История развития баскетбола в Чувашской Республике с дореволюционного периода по настоящее время 104

Зыкина А.П.
Управление полиэтническим регионом Российской империи в конце XIX века (на материалах Чувашского края) 111

Козлов А.А.
Научно-технические связи промышленных предприятий и научно-исследовательских организаций Чувашской АССР и социалистических стран в период кризиса СЭВ (1985–1991 гг.) 118

Маньков А.В.
Революционный терроризм эсеров: виды террористической деятельности партии в начале XX века (концептуальный аспект)..... 125

Маньков А.В.
Террористическая практика средневолжских эсеров в 1906 году 134
Михайлова С.Ю., Музякова А.Л.
Современный этап эволюции университетского компонента
индустриального развития Чувашии (2000–2010-е годы) 147
Орлов В.В.
Аграрные и демографические процессы в поволжской деревне 164
Павлова А.А.
К вопросу о национальном составе руководящих кадров органов городского
самоуправления (на примере г. Чебоксары) 172
Петров И.Г.
Чувашская свадьба в этнографических исследованиях:
историографический обзор литературы XIX века 180
Потапов П.Ф.
Историко-культурная тема в региональной прессе 193
Пьянзина Н.Н., Матвеева Н.А., Ермолаев А.Х., Васильева Н.В.
История становление женского образования
в Чувашии в дореволюционный период 204
Салмин А.К.
Угорские племена в истории чувашей 209
Соколова В.И.
Реализация молодежной политики в Советском государстве
в контексте межэтнического взаимодействия в 1950–1960-е годы 221
Соловьев О.В.
Тенденции развития системы высшего образования Чувашии в 1990-е годы 228
Толстова Н.Ю.
Размещение и жизнь эвакуированных граждан в Чувашии
в годы Великой Отечественной войны:
современная историография и перспективы исследований 234
Унжаков А.В.
Участвовали ли дорийцы в Троянской войне? 243
Филонов А.А.
Лесохозяйственные работы в Царевококшайском уезде Казанской губернии
во второй половине XIX – начале XX века 250
Чэнь Пэйцзюнь
Отец Иакинф (Бичурин) в современном Китае 256

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бахтина С.И., Павлова Т.Н.
Межъязыковая дифференциация:
экспликация как способ введения иноязычной лексики
в систему русского языка 264
Губанов А.Р., Исаев Ю.Н., Свеклова О.В., Губанова Г.Ф.
Обусловленность как лингвистическая онтология верхнего уровня 271
Корнилов Г.Е.
Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия,
Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLI: А-Анлаутные географические названия 279
Леонтьева Л.Е., Яковлева О.В., Абрамова А.Г.
Вокатив как один из способов регулирования межличностных отношений 286
Никитина И.Г., Трофимова И.Г.
Синонимия глаголов пешего перемещения
в современном чувашском языке 294

Николаева Н.В., Сергеев В.И.
Понятия *слово→предложение→текст*.
Метафорические перевоплощения русских и чувашских анимализмов.....302
Петрова О.А., Никитина А.Ю.
О некоторых особенностях региональной лексики в условиях двуязычия.....307
Родионов В.Г.
Хронологическая стратификация названий духов предков и святых
в чувашской народной религии.....311
Софронова И.В.
Лексические особенности поэмы «Басмач» П. Хузангая 322

Правила для авторов 329

VESTNIK CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

HUMANITIES

2017 **№ 4**

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Avtushenko M.
THE QUESTION OF LOCALIZATION AND GREEK TOPONYM OF UST-BELBECK HILLFORT .5
Andreev O.
THE STUDY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 AND IMMORTALIZATION OF ITS MEMORY AT THE HISTORICAL-GEOGRAPHIC FACULTY OF I.N. ULIANOV CHUVASH STATE UNIVERSITY.....23
Boyko S., Sokolova V.
CONFRONTATION OF THE KAZAN PROVINCE POLITICAL POLICE TO THE IDEAS OF PAN-ISLAMISM AND PAN-TURKISM IN 1908–1914.....33
Vasilenko O., Ivanov D., Karpova O., Kharitonov M.
PATRIOTISM IN THE STRUCTURE OF THE MODERN RUSSIAN YOUTH HISTORICAL CONSCIOUSNESS (ON MATERIALS OF THE CHUVASH STATE UNIVERSITY STUDENT SURVEY) 38
Vasilyev V.
ASSEMBLY OF CHUVASHIA PEOPLES AS MECHANISM OF INTER-ETHNIC RELATIONS HARMONIZATION.....48
Vtorushin M.
ON THE QUESTION OF POLITICAL CRISIS OF THE EASTERN COUNTER-REVOLUTION IN 1918.....54
Vyykin N.
HISTORICAL EXPERIENCE OF REGULATING THE SYSTEM OF INITIAL VOCATIONAL EDUCATION BY THE SOVIET STATE IN 1940–1990 62
Danilova O., Agaeva E.
LEISURE AS THE TIME FOR CREATIVITY AMONG ARTISTIC INTELLIGENCE IN THE CHUVASH REPUBLIC (20–30s OF THE XX CENTURY).....72
Demidova I., Lastochkin V., Iustus T.
POLYTECHNIC TRAINING IN CHUVASHIA SCHOOLS IN 1958–1964.....78
Egorova O., Dmitrieva I., Igaue Naho
DEVELOPMENT OF CATTLE BREEDING AND THE INSTITUTE OF SHEPHERDING AMONG THE CHUVASHS IN XIX – EARLY XXI CENTURIES 85
Egorova O., Petrov N., Dmitrieva I.
A CHUVASH WOMAN IN A MODERN CITY: ETHNO-CULTURAL ASPECT 93
Ermolaev A., Pyanzina N., Petrova T., Shilenko O.
HISTORY OF BASKETBALL DEVELOPMENT IN THE CHUVASH REPUBLIC SINCE THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD TO THE PRESENT TIME.....104
Zykina A.
MANAGING A POLIETNIC REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XIX CENTURY (ON THE MATERIALS OF THE CHUVASH TERRITORY).....111
Kozlov A.
SCIENTIFIC AND TECHNICAL TIES OF INDUSTRIAL ENTERPTISES AND SCIENTIFIC RESEARCH ORGANIZATIONS OF THE CHUVASH AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC AND SOCIALIST COUNTRIES IN THE PERIOD OF THE CMEA CRISIS (1985–1991) 118

Mankov A.
REVOLUTIONARY TERRORISM OF SOCIALIST REVOLUTIONARIES:
KINDS OF PARTY'S TERRORIST ACTIVITY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(CONCEPTUAL ASPECT) 125

Mankov A.
TERRORIST PRACTICE OF THE MIDDLE VOLGA SOCIALIST REVOLUTIONARIES
IN 1906 134

Mikhailova S., Muzyakova A.
PRESENT STAGE OF UNIVERSITY COMPONENT EVOLUTION
IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF CHUVASHIA (2000–2010s) 147

Orlov V.
AGRARIAN AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE VOLGA REGION 164

Pavlova A.
ON THE QUESTION OF ETHNIC COMPOSITION OF THE STAFF MANAGERS
IN MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT
(ON THE EXAMPLE OF THE TOWN OF CHEBOKSARY) 172

Petrov I.
CHUVASH WEDDING IN ETHNOGRAPHIC RESEARCH: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW
OF LITERATURE OF THE XIX CENTURY 180

Potapov P.
HISTORICAL AND CULTURAL TOPIC IN THE REGIONAL PRESS 193

Pyanzina N., Matveeva N., Ermolaev A., Vasilyeva N.
THE HISTORY OF FEMALE EDUCATION FORMATION IN CHUVASHIA
IN PRE-REVOLUTIONARY PERIOD 204

Salmin A.
UGRIC TRIBES IN THE CHUVASH HISTORY 209

Sokolova V.
YOUTH POLICY IMPLEMENTATION IN THE SOVIET STATE
IN THE CONTEXT OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE 1950–1960 221

Solovyev O.
DEVELOPMENTAL TRENDS OF HIGHER EDUCATION IN CHUVASHIA IN THE 1990s 228

Tolstova N.
ACCOMMODATION AND THE LIVES OF THE EVACUEES IN CHUVASHIA DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR: MODERN HISTORIOGRAPHY
AND RESEARCH PROSPECTS 234

Unzhakov A.
DID THE DORIANS TAKE PART IN THE TROJAN WAR? 243

Filonov A.
FORESTRY ACTIVITIES IN TSAREVOKOKSHAYSK COUNTY OF THE KAZAN PROVINCE
IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES 250

Chen Peijun
PRIEST IAKINF (BICHURIN) IN MODERN CHINA 256

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

Bakhtina S., Pavlova T.
INTERLANGUAGE DIFFERENTIATION: EXPLICATION AS A METHOD OF FOREIGN
VOCABULARY INTRODUCTION INTO THE SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE 264

Gubanov A., Isaev Yu., Sveklova O., Gubanova G.
CONDITIONALITY AS A LINGUISTIC ONTOLOGY OF THE UPPER LEVEL 271

Kornilov G.
ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA,
TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XLI: A-NAMES OF PLACES 279

Leontyeva L., Yakovleva O., Abramova A.
VOCATIVE AS A WAY OF REGULATING INTERPERSONAL RELATIONS.....286
Nikitina I., Trofimova I.
SYNONYMY OF VERBS OF PEDESTRIAN MOTION IN MODERN CHUVASH LANGUAGE...294
Nikolaeva N., Sergeev V.
CONCEPTS *WORD → SENTENCE → TEXT*. METAPHORICAL REVERSIONS
OF RUSSIAN AND CHUVASH ANIMALISMS.....302
Petrova O., Nikitina A.
ON SOME PECULIARITIES OF THE REGIONAL LEXICON IN CONDITIONS
OF BILINGUALISM 307
Rodionov V.
CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF ANCESTORS' AND SAINTS' SPIRITS NAMES
IN THE CHUVASH FOLK RELIGION 311
Sofronova I.
LEXICAL FEATURES OF THE POEM «BASMACH» BY P. HUZANGAY.....322

RULES FOR THE AUTHORS 331

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Гуманитарные науки

№ 4 2017

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Корректор ***Г.Ф. Губанова***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 09.10.2017. Подписано в печать 20.12.2017. Выход в свет 27.12.2017.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,1. Уч.-изд. л. 30,6.
Тираж 200 экз. Заказ № 1478. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15